

ВЧЕНІ ЗАПИСКИ

**Харківського гуманітарного університету
«Народна українська академія»**

Том XX

Харків
Видавництво НУА
2014

УДК 08
ББК 95.4(4УКР-4ХАР)3
В90

Збірник наукових праць засновано 1995 р.

Свідоцтво про державну реєстрацію КВ № 7367 від 03.06.2003 р.

*Видання є фаховим з економічних, соціологічних, філософських
та філологічних наук*

Постанови президії ВАК України
від 22.12.2010 р. № 1-05/8, від 26.01.2011 р. № 1-05/01, від 30.03.2011 р. № 1-05/3

*Друкується за рішенням Ученої ради Харківського гуманітарного
університету «Народна українська академія».
Протокол № 7 від 24.02.2014*

Редакційна колегія

*Астахова В. І., д-р іст. наук (голов. редактор); Астахова К. В., д-р іст. наук;
Безхутрий Ю. М., д-р філол. наук; Бесов Л. М., д-р іст. наук; Бистрянцев С. Б.,
д-р соціол. наук; Воробйов С. М., д-р екон. наук; Герасіна Л. М., д-р соціол.
наук; Глуценко В. В., д-р екон. наук; Городяненко В. Г., д-р іст. наук; Горошко О. І.,
д-р філол. наук; Довгаль О. А., д-р екон. наук; Карабан В. І., д-р філол. наук;
Кім М. М., д-р екон. наук; Корабльова Н. С., д-р філос. наук; Кравченко В. В.,
д-р іст. наук; Култаєва М. Д., д-р філос. наук; Лозовой В. О., д-р філос. наук;
Мамалуй О. О., д-р філос. наук; Михайльова К. Г., д-р соціол. наук; Мінкін Л. М.,
д-р філол. наук; Нагорний Б. Г., д-р соціол. наук; Осіпова Н. П., д-р філос. наук;
Петровський В. В., д-р іст. наук; Подольська Є. А., д-р соціол. наук;
Посохов С. І., д-р іст. наук; С.-О. Коллін, проф.; Сілласте Г. Г., д-р філос. наук;
Соболев В. М., д-р екон. наук; Сокурянська Л. Г., д-р соціол. наук;
Степанченко І. І., д-р філол. наук; Сухіна В. Ф., д-р філос. наук; Шевченко І. С.,
д-р філол. наук; Яременко О. Л., д-р екон. наук.*

Україна, 61000, Харків, МСП, вул. Лермонтовська, 27.
Харківський гуманітарний університет «Народна українська академія»
Тел. 714-92-62; 714-20-07

ISSN 1993-5560

© Народна українська академія, 2014

ПРЕДИСЛОВИЕ

Дорогие читатели! У Вас в руках юбилейный XX том ежегодника «Ученые записки Харьковского гуманитарного университета «Народная украинская академия». Для нас это очень значимое событие, которое свидетельствует о том, что уже через два года после создания нашего необычного учебного заведения мы сочли возможным заявить о своей научной работе, о результатах своих научных поисков в специальном научном издании, выход которого впоследствии не прерывался ни на один год.

С первого же тома наши «Ученые записки» включали в себя три самостоятельных раздела, отражающих научные интересы преподавателей НУА. Это были, в первую очередь, проблемы развития современного образования, а также общегуманитарные, социальные и экономико-правовые проблемы развития украинского социума. Именно эти направления стали базовыми в дальнейшем процессе становления и развития академических научных школ.

Со временем в ежегоднике появились новые рубрики, отражающие наиболее значимые события в научной жизни коллектива. Стала традиционной презентация новых научных изданий в специальном разделе «Наука в НУА». Лучшие студенческие работы публикуются под рубрикой «Студенческая трибуна». Получили свою рубрику и выпускники академии. Дочерними изданиями ежегодника стали сборники молодых ученых НУА и тематические научные сборники учителей специализированной экономико-правовой школы академии.

В числе первых в Украине наш ежегодник получил статус «ваковского» издания. У нас стали публиковаться ученые не только НУА, но и многих других вузовских центров Украины, ближнего и дальнего зарубежья, постоянно растет число ссылок на работы, публикуемые в наших «Ученых записках».

Первый раздел нынешнего юбилейного издания носит традиционное название «Актуальные проблемы развития образования: исторические, философские, экономические, правовые и социальные аспекты». Здесь размещены статьи, отражающие результаты исследования нескольких академических научных школ – «Формирование интеллектуального потенциала общества в условиях современных социальных трансформаций» (науч. рук. проф. Астахова В. И.), «История развития высшего образования в Украине» (науч. рук. проф. Астахова Е. В.), «Экономические проблемы современного образования» (науч. рук. проф. Тимошенко И. В.) и др.

Интерес представляет возможность компаративного анализа материалов, присланных в этот том исследователями проблем образования из разных харьковских вузов, из других вузовских центров Украины и других стран мира (Киев, Харьков, Днепропетровск, Россия, Беларусь, Казахстан, Швеция). Как следует из публикаций, главные проблемы образования, которые волнуют сегодня ученых разных стран, касаются, в первую очередь, изменения места и роли науки в процессе обучения; соотношения традиций и инноваций в ходе модернизации образования; коммерциализации образования и возможностей сохранения конкурентоспособности учебных заведений в условиях ужесточения рыночных отношений.

Особый интерес для читателя представляют публикации по проблемам непрерывного образования, поскольку в значительной части они основаны на конкретном опыте ХГУ «НУА», где в настоящее время, в соответствии с приказом МОН Украины

№ 884 от 02.08.2012, завершается очередной этап многолетнего социального эксперимента по отработке авторской модели учебно-научного комплекса непрерывного образования.

Во втором разделе сборника «Экономические и правовые проблемы развития украинского социума» большинство статей представлены преподавателями, работающими в рамках научной школы «Предприятие как субъект инновационного развития экономики» (науч. рук. проф. Яременко О. Л. и доц. Строкович А. В.). Здесь исследуются остроактуальные проблемы развития украинского социума и, прежде всего, проблемы управления предприятиями, ресурсами, затратами, человеческим капиталом. В целом ряде статей традиционно развиваются идеи институциональных подходов к национальной экономике Украины.

Третий раздел посвящен проблемам современного гуманитарного знания в области философии, социологии, истории, филологии. Здесь внимание авторов традиционно сосредоточено на проблемах организационной культуры и организационного поведения, информационной культуры и переводческой деятельности. Очень важно, на наш взгляд, что наряду с маститыми авторами, представляющими на страницах сборника результаты своих исследований по темам докторских научных изысканий, размещены труды начинающих свою научную карьеру аспирантов, магистров и даже лучших студентов академии, работы которых представлены в традиционной рубрике «Студенческая трибуна».

Специальные разделы информируют читателя о научных конференциях и семинарах, о монографических изданиях, вышедших в 2013 году, о защитах кандидатских и докторских диссертаций. В данном юбилейном ежегоднике в традиционной рубрике выпускников мы предоставляем слово выпускникам для оценки деятельности НУА и, в частности, наших «Ученых

записок». Давая высокую оценку качеству подготовки специалистов в академии, эти авторы формулируют и ряд конкретных предложений по повышению эффективности и значимости научных исследований, особенно по усилению мотивированности студентов на участие в научной работе.

В целом мы рассматриваем данное юбилейное издание как еще один важный шаг на пути развития наших научных школ и утверждения приоритетов дальнейших научных исследований. И потому мы не теряем надежды, что интерес к сборнику будет возрастать и у авторов и, конечно, у читателей.

Редакционная коллегия

**Актуальні проблеми
розвитку освіти:
історичні, філософські,
економічні, правові
й соціальні аспекти**

УДК 378.4(477.54):005.332.4

Е. В. Астахова

О СОХРАНЕНИИ КОНКУРЕНТНЫХ ПРЕИМУЩЕСТВ ВУЗА В УСЛОВИЯХ УГЛУБЛЯЮЩЕГОСЯ КРИЗИСА ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

ABOUT THE PRESERVATION OF A HIGHER EDUCATION ESTABLISHMENT COMPETITIVE ADVANTAGES UNDER THE CONDITION OF ITS CURRENT CRISIS

Аннотация

Статья посвящена проблеме формирования и развития конкурентных преимуществ высшего учебного заведения в условиях системного кризиса и резко обострившейся конкурентной борьбы на образовательном поле.

Делается вывод о том, что в быстро меняющихся условиях политического и социально-экономического характера конкурентные аргументы университета не могут быть статичны. Базовые традиционные преимущества должны дополняться новыми, современными, компенсирующими вызовы, с которыми сталкивается высшая школа.

Обращается внимание на принципиально иные подходы к построению конкурентных преимуществ: отказ от оценки вуза на основе его ресурсных возможностей и переход к оценке результата деятельности, готовности к постоянным переменам и умению сочетать традиции и инновации.

На примере ХГУ «НУА» показаны возможности относительно небольших по численности обучающихся и ресурсам вузов к развитию и устойчивому существованию в условиях жесткой конкуренции.

Ключевые слова: конкурентные преимущества, массовизация образования, культура диалога, индивидуальная образовательная траектория, индивидуализация обучения, среда для саморазвития.

Анотація

Стаття присвячена проблемі формування й розвитку конкурентних переваг вищого навчального закладу в умовах системної кризи й конкурентної боротьби, що різко загострилася в освітньому просторі.

Зроблено висновок про те, що в мінливих умовах політичного й соціально-економічного характеру конкурентні аргументи університету не можуть бути статичними. Базові традиційні переваги повинні доповнюватися новими, сучасними, що компенсують виклики, із якими стикається вища школа.

Увагу звернено на принципово інші підходи до побудови конкурентних переваг: відмова від оцінки ВНЗ, що базується на ресурсних можливостях, і перехід до оцінки результатів діяльності, готовності до постійних змін і вміння поєднувати традиції та інновації.

На прикладі ХГУ «НУА» показані можливості для розвитку й стабільного функціонування в умовах жорсткої конкуренції тих вишів, що є порівняно невеликими (за кількістю осіб, які здобувають освіту, і за ресурсами).

Ключові слова: конкурентні переваги, масовізація освіти, культура діалогу, індивідуальна освітня траєкторія, індивідуалізація навчання, середовище для самоосвіти.

Annotation

The article deals with the problem of gaining and developing competitive advantages of a higher school under the conditions of a systemic crisis and a sharp aggravation of competition in the education services area.

The author arrives at the conclusion that under rapidly changing political and socio-economic conditions a university competition strategy cannot be static. Fundamental traditional advantages ought to be supplemented with the new, modern advantages able to meet challenges the higher school faces.

Attention is drawn to conceptually new approaches to gaining competitive advantages: replacing a resource based by a result-based evaluation of a higher school, with regard to its readiness for continuous changes and ability to combine traditions and innovations.

KUH «PUA» exemplifies the abilities of a relatively small (as to its resources and number of students) higher school of development and stable functioning under the conditions of stiff competition.

Key words: competitive advantages, massification of education, dialogue culture, individual learning pattern, individualization of education, personal development milieu.

Динамика изменений сегодня в высшем образовании столь высока, что она воспринимается уже как норма. Институт высшего образования в короткие сроки вынужден был принять правила игры, в которых перманентные изменения стали основой развития. Украинская же высшая школа испытывает своеобразное «двойное давление» перемен. С одной стороны, Украина чем дальше, тем больше вписывается в мировое образовательное пространство и испытывает на себе в той или иной степени все коллизии начала XXI века. С другой стороны,

на систему высшего образования сильнейшее влияние оказывают процессы, развивающиеся внутри государства. В итоге первые два десятилетия нового века принесли отечественной высшей школе столько перемен и вызовов, что она, представляется, на определенном этапе просто растерялась. Американская составляющая в ее развитии сменилась европейской, а содержательные трансформации накрепко «прикипели» к внутривнутриполитической жизни и, как результат, внятная стратегия государства в отношении высшего образования явно запоздала.

В сложившихся условиях высшие учебные заведения вынуждены были сами встраиваться в новые условия и разрабатывать стратегии, позволяющие им уже не только выживать (этот этап, в основном, завершился в 90-е годы XX в.), но и динамично развиваться.

Серьезных аналитических работ, посвященных развитию отечественной высшей школы в условиях переплетения политического, социально-экономического и демографического кризисов, не так уж и много. Как, впрочем, и публикаций, посвященных опыту успешного функционирования отдельных университетов в новой ситуации.

Среди тех монографий и статей, которые все же появились, особый интерес представляет фундаментальное исследование В. П. Андрущенко «Світанок Європи» [1]. Пожалуй, для получения целостного представления о современном состоянии образования в Украине лучшее издание найти сложно.

К числу фундаментальных относится и трехтомник под редакцией В. М. Гейца, В. П. Семиноженко и Б. Е. Квасюка «Стратегічні виклики XXI століття суспільству та економіці України» [2], где в первом томе – «Економіка знань – модернізаційний проект України» – проанализировано состояние научного и образовательного потенциала Украины.

Можно назвать публикации других авторов – Л. Дарийчука [3], О. Жилинской [4], С. Кульчицкого [5], М. Полякова и В. Савчука [6], которые в совокупности в той или иной степени позволяют получить представление о состоянии различных аспектов системы высшего образования. Хотя, справедливости ради, необходимо заметить, что в подавляющем большинстве статьи носят констатационный

характер. Прогностики практически нет или ее аргументация крайне уязвима.

Если говорить о состоянии разработанности проблемы трансформации высшего образования в российской, белорусской, казахской литературе, то нельзя обойти вниманием своеобразных «классиков темы» Л. Любимова, Я. Кузьминова, Л. Гребнева, В. Байденко и Н. Селезневу, И. Зимнюю и др., работы которых составляют серьезный фундамент для понимания сути образовательных процессов, протекающих на постсоветском пространстве.

Справедливости ради необходимо отметить, что в общую историографическую копилку разработки проблемы внесли и вносят свой вклад ученые Харьковского гуманитарного университета «Народная украинская академия», которые в рамках комплексной научной темы, связанной с развитием интеллектуального потенциала Украины на рубеже XX–XXI вв. (руководитель профессор В. И. Астахова) плодотворно работают над исследованием социологических, философских, экономических и других аспектов развития современного образования [7].

Даже первое приближение к анализу проблемы конкурентоспособности высшей школы показывает, что зона конкуренции охватывает сегодня не только образовательные системы в целом, но и конкретные вузы, вынужденные отрабатывать и совершенствовать собственные конкурентные преимущества, реализация которых позволяет им находить адекватные ответы на вызовы времени.

К числу учебных заведений, активно ищущих пути выхода из сложного системного кризиса, негативно влияющего на высшую школу, относится и Харьковский гуманитарный университет «Народная украинская академия». Основанный в 1991 году, он пережил как минимум три своеобразных этапа в развитии системы высшего образования Украины, которые самым непосредственным образом воздействовали на университетский сектор. На первом этапе в 90-е годы, когда шло формирование частного образования и госсектор переживал не лучшие времена, динамика развития ХГУ «НУА» была достаточно высокой, так как шел «набор высоты» от нуля и при этом конкуренция практически не ощущалась, ибо численность выпуск-

ников средних школ создавала стабильную конкурсную ситуацию в вузах. Второй период – ориентировочно первое десятилетие XXI века – госсектор ощутимо выровнялся, появились контрактные формы набора и конкуренция между бюджетными и внебюджетными высшими учебными заведениями перешла в иную плоскость. Стабилизация бюджетного финансирования плюс средства, поступающие от контрактников, сделали госвузы более стабильными и привлекательными. Конкуренция переместилась в плоскость качества.

Кризисный удар 2008 года и последовавшие за ним системные изменения стали водоразделом между вторым и третьим периодами развития частного образования, в том числе и ХГУ «НУА». Конкуренция резко обострилась и диверсифицировалась, ибо демографический кризис заставил даже самые известные и авторитетные вузы бороться за абитуриента. В этих условиях те конкурентные преимущества, которые, что называется, срабатывали ранее, перестали быть трудновоспроизводимыми для конкурентов. Пришло время поиска более глубоких конкурентных аргументов, которые наряду с традиционными позволяли бы вузу сохранять свою привлекательность для абитуриентов, число которых в Украине сократилось практически вдвое.

Для определения и развития конкурентных преимуществ, отвечающих современным вызовам, необходимо не только выделить, но и, возможности, знать явления и факторы, являющиеся негативными или потенциально угрожающими и, соответственно, строить такое видение будущего, в котором обеспечена ликвидация или ограничение влияния этих факторов. Вызовы существуют типичные: общеобразовательная школа ощутимо отстает от требований времени; в стране крайне слабая подготовка квалифицированных исполнителей (техникумы и ПТУ в своей массе не дают современных квалификаций), и др. И системные: ресурсы, выделяемые на образование, не соответствуют масштабам задач; снижение качества образования приобрело системный характер; цикл негативного воспроизводства преподавательского корпуса не завершился; украинское образование продолжает утрачивать свою конкурентоспособность на глобальном рынке; структура образования не соответствует потребностям эконо-

мики; образование уже не срабатывает как механизм социального перемещения и т. д. [8, с. 37–38].

Что в этих условиях может противопоставить одно конкретное учебное заведение, в частности – Харьковский гуманитарный университет «Народная украинская академия»? Что есть для уверенности и стабильного поступательного развития?

Во-первых, необходимо выделить те позитивные наработки, которые могут являться реальными «точками роста» и в опоре на которые можно развивать и наращивать эффективное функционирование. Ориентир на позитив, на успешные практики представляется более конструктивным в современных условиях подходом, нежели концентрация сил и средств на «подтягивании хвостов» и «латании дыр». Такой подход ни в коей мере не предполагает игнорирование слабых звеньев и отказ от их превращения в сильные. Однако опорой, представляется, должны стать именно «точки роста».

Один из ключевых конкурентных аргументов НУА – ориентация на индивидуальную образовательную траекторию, обеспечиваемую обучающемуся.

Специалисты отмечают, что образование в новой экономике составляет ядро карьеры в течение всей жизни, в то время как еще совсем недавно карьера основывалась на накоплении авторитета и жизненного опыта в рамках регулярной деятельности. В результате происходит индивидуализация образовательной траектории: большую часть образовательных компонентов формирует уже не педагог / государство, а человек сам для себя [9, с. 61]. С этими изменениями связан целый ряд серьезных фундаментальных последствий. И одно из ключевых – необходимо подготовить человека к восприятию такой задачи, научить его не только брать на себя ответственность за выстраивание такой образовательной траектории, но и сформировать навыки ее конструирования и корректировки.

Современное украинское высшее образование только подходит к принятию таких позиций, в то время как в ХГУ «НУА» система выстраивания индивидуальной образовательной траектории уже активно реализуется (в тех рамках, которые допускает отечественная система образования). Во всяком случае, формирование

мотивации и понимания необходимости обучения на протяжении всей жизни – сильный конкурентный козырь НУА.

Из этого же ряда и следующая конкурентная позиция, связанная с тем, что из-за перехода на массовое высшее образование в университетах Украины идет повсеместная специализация на работе с большой аудиторией. Эффективным для университета становится преподаватель с минимумом обратной связи. Как результат – большинство студентов оказываются выключенными из процесса получения новых знаний или «ноу-хау». Из них не могут готовить инноваторов, так необходимых сегодня.

Иными словами, чем производство масштабнее, тем оно выгоднее. Но в массовом университете отношения администрация – преподаватель и преподаватель – студент неизбежно формализуются, теряют крайне значимый сегодня персонифицированный характер. А ведь университетская культура (как и культура образования вообще) построена на постоянном диалоге. Насколько он обеспечен, настолько система улавливает идеи и способности каждого. В этом – залог эффективности образовательной системы.

ХГУ «НУА» и здесь пока удается идти против течения. Если по Украине средний коэффициент соотношения численности преподавателей и студентов составляет примерно 1:13, то в НУА он по стационару 1:8. Такой коэффициент ресурсозатратен, но он явно выигрышен с точки зрения эффективности и качества образовательного процесса. Тем более если учесть, насколько разноразрядный абитуриент приходит сегодня в вузовскую аудиторию.

Индивидуальная работа – не на уровне деклараций, а на уровне отработанных методик – это еще одна сильная конкурентная позиция Харьковского гуманитарного университета «Народная украинская академия».

Уже констатировалось: высшее образование стало массовым, а в ряде развитых стран оно постепенно превращается во всеобщее. Одно из последствий такого превращения – резкий рост дисперсии качества студентов, входящих в университетские аудитории. Дифференциация студенческого контингента – это не просто сложная задача, требующая принципиально иной методологии организации

образовательного процесса. Но и причина роста издержек системы. Расходятся не только значительные дополнительные средства. Выравнивание чаще всего происходит за счет снижения темпов интеллектуального роста наиболее подготовленных первокурсников. Кажущийся очевидным выход – индивидуализация обучения – нелегко реализуемая задача в условиях массового образования.

Нельзя пока однозначно утверждать, что в ХГУ «НУА» проблема индивидуализации обучения решена в полном объеме. Но университет ощутимо ближе к решению, нежели система образования в целом, т. к. в течение более чем двадцатилетнего периода отрабатывались методики, накоплен опыт и есть положительные результаты. К числу форм, широко применяемых для индивидуализации процесса обучения, можно отнести: организацию различных видов дополнительных занятий, использование видео и дистанционных курсов, постоянное обновление учебно-методических комплексов дисциплин, институт тьюторства, проведение дополнительных сессий, широкое использование индивидуальных планов, работа с отличниками и неуспевающими студентами по отдельным алгоритмам и методикам, обеспечение контактов с родителями первокурсников и многое другое.

При этом особое внимание в организации учебного процесса обращается на самостоятельную работу студентов. Очевидно, что в системе непрерывного образования именно она является ключевым фактором результативности. Если говорить об организации самостоятельной работы как о конкурентном преимуществе учебного заведения, то стоит подчеркнуть принципиальную основу этого преимущества – обеспечение самостоятельного доступа студентов к учебным ресурсам и технологиям образования. Обеспечение всех учебных аудиторий доступом к Интернет-ресурсам, wi-fi зоны, размещение учебных ресурсов в локальной сети, современная автоматизированная библиотека с большим количеством электронных учебников и пособий, доступ к полнотекстовым версиям и многое другое создает основу для открытого свободного доступа к учебным ресурсам.

Можно назвать и другие ключевые конкурентные преимущества ХГУ «НУА», среди которых: реальное содействие в трудоустройстве и политика сопровождения выпускников на начальных этапах

професійної кар'єри; якісний мовний та комп'ютерний підготовка; реально діюча система позааудиторної роботи, стажування, практики та все те, що дозволяє студентам формувати реальний соціальний капітал. Але головне – це перетворення університету в ресурс для саморозвитку студента в сфері знання світу, професійного зростання та громадянського самосвідомості. Швидше за все, саме створення навчального закладу, забезпечуючого умови для постійного саморозвитку, є одним з ключових конкурентних переваг ХГУ «НУА» в умовах системної кризи.

Список літератури

1. Андрущенко В. П. Світанок Європи : пробл. формування нового вчителя для об'єднаної Європи ХХІ ст. : [монографія] / Віктор Андрущенко. – К. : Знання України, 2012. – 1099 с.
2. Стратегічні виклики ХХІ століття суспільству та економіці України : в 3 т. / за ред. акад. НАН України В. М. Гейця, акад. НАН України В. П. Семиноженка, чл.-кор. НАН України Б. Є. Кваснюка. – К. : Фенікс, 2007. – Т. 1. Економіка знань – модернізаційний проект України. – 544 с.
3. Дарійчук Л. Система освіти в Україні: реформування чи оновлення? / Леся Дарійчук // Вища шк. – 2004. – № 1. – С. 29–40.
4. Жилинська О. Університет: генеза ідей та трансформація діяльності від класичної до інноваційної моделі / О. Жилинська // Вища шк. – 2011. – № 10. – С. 82–95.
5. Кульчицький С. Університетська освіта і наука в Україні / С. Кульчицький // Покликання університету : [зб. наук. пр. / прогр. акад. обмінів ім. Фулбрайта; відп. ред. О. Гомілко]. – К., 2005. – С. 246–249.
6. Поляков М. Трансформація університету в Україні за часів її незалежності / М. Поляков, В. Савчук // Вища шк. – 2011. – № 10. – С. 62–70.
7. Цифровий архів (репозиторій) ХГУ «НУА» [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://dspace.nua.kharkov.ua:8080/jspui/>
8. Російське освітнє-2020 : модель освіти для інноваційної економіки / А. Е. Волков, Я. І. Кузьминов, І. М. Реморенко [и др.] // Вопр. освіти. – 2008. – № 1. – С. 32–64.
9. Філонович С. Р. Life-long learning : наслідки для вищої школи / С. Р. Філонович // Вопр. освіти. – 2009. – № 4. – С. 55–66.

УДК 316.74:378.063:331.53

Е. А. Подольская

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ: СМЫСЛ И ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ

EDUCATIONAL TECHNOLOGIES: ESSENCE AND MAIN PRINCIPLES

Аннотация

Выявлен смысл и основные принципы, предмет и центральная проблема образовательных технологий. Определённость целей позволяет перейти к строгой технологии учебно-воспитательного процесса. Обосновано, что способ постановки целей, который предлагает образовательная технология, отличается повышенной инструментальностью, поскольку цели обучения формулируются через его результаты, выраженные в действиях учащихся. Обосновано, что парадигмальное изменение целей образования определяет новое понимание роли преподавателя, его функций, способностей и целей, которые предусматривают компетентность и мастерство, то есть личностно-профессиональные качества. Подчеркнуто, что продуктивность образовательного процесса становится средством, основанием и результатом межсубъектного взаимодействия.

Ключевые слова: диагностичное целеобразование, дистанционное образование, инструментальность, информационно-коммуникативные технологии, корректируемость, личностно-ориентированная технология, образовательная технология, парадигма.

Анотація

Виявлено сенс і основні принципи, предмет і центральну проблему освітніх технологій. Визначеність цілей дозволяє перейти до чіткої технології навчально-виховного процесу. Обґрунтовано, що спосіб постановки цілей, який передбачає освітня технологія, відрізняється підвищеною інструментальністю, оскільки цілі навчання формулюються через його результати, що проявляються у діях осіб, які навчаються. Обґрунтовано, що парадигмальна зміна цілей освіти визначає нове розуміння ролі викладача, його функцій, здібностей і цілей, які передбачають компетентність і майстерність, тобто особистісно-професійні якості. Підкреслено, що продуктивність освітнього процесу стає засобом, основою і результатом міжсуб'єктної взаємодії.

Ключові слова: діагностичне цілеутворення, дистанційна освіта,

інструментальність, інформаційно-комунікативні технології, коректувальність, особистісно-орієнтована технологія, освітня технологія, парадигма.

Annotation

The essence, main principles and the central of problem of educational technologies are explicated. Defining goals leads to the introduction of a strict educational technology. It has been proved that the goal-setting technology is characterized by a higher instrumental capacity, as educational aims are formulated through its results manifested in learners' activities. It is shown that the change of paradigm with reference to the aims of education brings about a new understanding of the teacher's role, functions, abilities and aims, which now presuppose competence and mastery, i.e. personality traits and professional characteristics. It is emphasized that the effectiveness of the teaching process is becoming the means, the result, and the basis of interpersonal interaction.

Key words: diagnostic goal formation, distance learning, instrumentality, informational-communicative technologies, possibility of correction, personality-oriented technology, educational technology, paradigm.

Постановка научной проблемы. В любой человеческой деятельности условно можно выделить два уровня: 1) технологический («как это делается?») и 2) трудовой («как я это буду делать?»). Особенно четко это проявляется в образовательном процессе, что актуализирует проблему его технологизации, выступающей в качестве основной тенденции его развития, направленной на повышение эффективности процесса обучения, гарантирование достижения учащимися запланированных результатов обучения. Технология обучения является как бы связующим звеном между теорией обучения и ее практической реализацией. Для того, чтобы использовать теорию в учебном процессе, научные знания необходимо технологизировать, превратить в инструмент решения педагогических задач. В последние годы проблемы технологизации образовательного процесса активно разрабатывают В. И. Астахова, С. Г. Каменская, И. С. Нечитайло, В. А. Стародубцев, В. И. Подшивалкина, В. В. Чепак и др., однако требуется выделение основных признаков образовательных технологий и разработка основных принципов и правил их внедрения.

Целью статьи является выявление глубинного смысла и основных принципов образовательных технологий.

С помощью технологии интеллектуальная информация переводится на язык практических решений. Технология – это и способы деятельности, и то, как личность участвует в деятельности. Любая же деятельность может быть либо технологией, либо искусством. Если искусство основано на интуиции, то технология – на науке. Технология не существует в образовательном процессе в отрыве от его общей методологии, целей и содержания. Мы понимаем под образовательной технологией совокупность психолого-педагогических установок, определяющих выбор форм, методов, способов, приёмов, воспитательных средств. С помощью таких технологий достигается эффективный результат в развитии личностных свойств в процессе усвоения знаний, умений, навыков. Предметом образовательной технологии выступают особенности взаимодействия учителей и учащихся в различных видах деятельности, организованные на основе чёткого структурирования, систематизации, программирования, алгоритмизации, стандартизации способов и приёмов обучения или воспитания, с использованием компьютеризации и технических средств. Центральная проблема образовательной технологии – процесс целеобразования. Определённость целей позволяет перейти к строгой технологии учебно-воспитательного процесса, что (существенно) связано с повышением качества процессов обучения и воспитания. При этом следует учитывать, что способ постановки целей, который предлагает образовательная технология, отличается повышенной инструментальностью. Он состоит в том, что цели обучения формулируются через результаты обучения, выраженные в действиях учащихся, причём таких, которые учитель или какой-либо другой эксперт могут надёжно опознать.

Современные технологии в образовании рассматриваются как средство, с помощью которого может быть реализована новая образовательная парадигма. В педагогической практике последних лет наиболее распространены следующие *парадигмы*: 1) парадигма «знания, умения, навыки», при которой ключевыми характеристиками преподавателя являются: знания предмета, методики преподавания, умения передавать практические навыки и объективно оценивать обучающихся; 2) когнитивная парадигма развивающего обучения, при

которой главной целью образования выступает развитие научно-теоретического (абстрактно-логического) мышления в ходе обучения на высоком уровне сложности задач; 3) гуманистическая парадигма, согласно которой целью педагога является не формирование, а поддержка, не развитие, а содействие; успешное обучение базируется на внутренней мотивации студента, а не на принуждении; 4) прагматическая парадигма, в соответствии с которой продуктивным является только то обучение и воспитание, которое предоставляет возможности получить материальную или социально-статусную пользу в будущей жизни; собственно, познавательные, эстетические и другие высшие потребности в стереотипах общественного сознания воспринимаются как непрестижные; 5) парадигма объективного смысла содержит в своей основе непредубежденный взгляд на вещи и мудрейшие традиции «народной педагогики»; ведущим в педагогическом процессе является воспитание, а обучение и развитие считаются только его составляющими [2, с. 44–45].

Парадигмальное изменение целей образования определяет новое понимание роли преподавателя, его функций, способностей и целей, которые предусматривают компетентность и мастерство, то есть личностно-профессиональные качества, продуктивность образовательного процесса, становится средством, основанием и результатом межсубъектного взаимодействия. Пока технология не создана, господствует индивидуальное мастерство. По мере совершенствования индивидуального мастерства растёт, развивается «коллективное творчество», «коллективное мастерство», концентрированным выражением которого и является технология.

Следует учитывать, что деятельность, основанная на индивидуальном мастерстве, существенным образом отличается от деятельности, основанной на технологии: во-первых, для мастерства обязательным является выполнение работником процесса от начала и до конца, а в ходе технологической деятельности процесс расчленяется на части и каждый работник выполняет свою часть работы; во-вторых, для обеспечения мастерства необходимо знание всей системы, всех тонкостей процесса, а в ходе выстраивания технологий необходимо знание той части процесса, которую выполняет работник;

в-третьих, человеку, стремящемуся добиться мастерства, необходимо все делать самому, а при технологическом подходе внедряются «готовые» разработки, освобождающие от необходимости всё делать самому; в-четвертых, процесс совершенствования мастерства довольно длительный, а в технологической деятельности он намного ускорен; в-пятых, если в основе мастерства лежит интуиция, чувство, опыт, то технологии выстраиваются на знаниях и научном расчёте; в-шестых, в случае деятельности, основанной на мастерстве, продукция лимитируется возможностями производителя, а в технологической деятельности продукция не лимитируется возможностями отдельных производителей, в силу чего возможно массовое производство.

В чём же состоит глубинный смысл образовательной технологии? Во-первых, образовательная технология сводит на нет педагогический экспромт в практической деятельности и переводит её на путь предварительного проектирования учебно-воспитательного процесса с последующей реализацией проекта в классе. Во-вторых, в отличие от поурочных разработок, предназначенных для учителя, она предлагает проект учебно-воспитательного процесса, определяющий структуру и содержание деятельности самого учащегося, то есть проектирование учебно-познавательной деятельности ведёт к высокой стабильности успехов практически любого числа учащихся. В-третьих, существенная черта образовательной технологии – процесс целеобразования, который рассматривается в двух аспектах: 1) диагностика целеобразования и объективный контроль качества усвоения учащимися учебного материала; 2) развитие личности в целом. В-четвёртых, благодаря представлению о предмете образовательной технологии как проекте определённой педагогической системы можно сформулировать важный принцип разработки образовательной технологии и её реализации на практике – принцип целостности (как структурной, так и содержательной) всего учебно-воспитательного процесса.

Таким образом, образовательная технология выступает, с одной стороны, как планирование обучения на основе точного определения желаемого эталона в виде набора наблюдаемых действий ученика;

а с другой – как «программирование» всего процесса обучения в виде строгой последовательности действий учителя и подбора формирующих воздействий (поощрений и наказаний), обуславливающих требуемое поведенческое научение. Третьим важным аспектом понимания термина «образовательная технология» выступает сопоставление результатов обучения с первоначально намеченным эталоном, фактически поэтапное тестирование для выявления познавательного прогресса, понимаемого как постепенное усложнение поведенческого репертуара учащихся.

На основе изучения литературы по образовательным технологиям мы выделили их основные *признаки*, что позволило раскрыть глубинную суть образовательных технологий: во-первых, это диагностичное целеобразование и результативность, предполагающие гарантированное достижение целей и эффективность процесса обучения; во-вторых, это экономичность, которая позволяет обеспечивать резерв учебного времени, оптимизацию труда преподавателя и достижение запланированных результатов в сжатые промежутки времени; в-третьих, это корректируемость, то есть возможность оперативной обратной связи, последовательно ориентированной на чётко определённые цели [1; 2; 3]. Именно благодаря этим признакам технология воспринимается и как совокупность способов деятельности, и как механизм включения личности в деятельность.

В целом, современный подход к преподаванию заключается в построении его на технологической основе. При этом общие *принципы и правила* технологии преподавания, по нашему мнению, заключаются: во-первых, в стремлении к достижению целей и конкретизации учебно-воспитательных и развивающих целей, а также в использовании продуктивных методов; во-вторых, в тематическом планировании, включающем краткую характеристику конечных результатов и построение всей цепочки отдельных занятий, связанных одной логикой; в-третьих, в контроле на каждом этапе учебно-познавательной деятельности учащихся; в-четвертых, в превращении деятельности ученика в его самостоятельность и в стимулировании творческой деятельности учащихся и ориентации на ученика не только

знающего, но и умеющего; в-пятых, в использовании разнообразных форм и методов обучения, а также в недопущении универсализации отдельного средства или формы.

Выбор технологии обучения зависит от планируемого направления развития образования. Например, личностно-ориентированные технологии в качестве планируемых результатов предполагают не столько строго фиксированные знания и специальные умения по конкретной учебной дисциплине, сколько индивидуальные особенности субъекта познания и предметной деятельности. Основным принцип технологии коллективного обучения заключается в том, что в ученическом коллективе все учат каждого и каждый учит всех. Технология дистанционного образования предоставляет возможность исключить или значительно ограничить непосредственный личный контакт преподавателя с учащимися. В качестве образовательных технологий активно используются также: 1) разноуровневое обучение, дающее учителю возможность помогать слабому, уделять больше внимания сильному ученику, повысить уровень мотивации к учению; 2) исследовательское обучение, дающее возможность учащимся глубоко вникать в изучаемую проблему и находить пути ее решения; 3) здоровьесберегающие технологии, позволяющие равномерно во время урока распределять различные виды заданий, определять время подачи сложного учебного материала, чередовать мыслительную деятельность с физическими упражнениями; 4) информационно-коммуникативные технологии, гибко реагирующие на изменение и неограниченное обогащение содержания образования, использование интегративных курсов, доступ к Интернет и т. п.; 5) система инновационной оценки «портфолио», обеспечивающая формирование персонифицированного учета достижений учащегося как инструмента педагогической поддержки социального самоопределения, определения траектории индивидуального развития личности, и многие другие технологии.

Нам представляется, что разработка современных технологий в образовании должна вестись в соответствии со следующими *принципами*: принцип целостности технологии, представляющей дидактическую систему; принцип воспроизводимости технологии

в конкретной педагогической среде для достижения поставленных целей; принцип нелинейности педагогических структур и приоритетности факторов, влияющих на механизмы самореализации соответствующих педагогических систем; принцип адаптации процесса обучения к личности учащегося и его познавательным способностям; принцип потенциальной избыточности учебной информации, создающий оптимальные условия для формирования обобщённых знаний.

В целом, современные образовательные технологии ориентированы на индивидуализацию, дистанционность и вариативность образовательного процесса, академическую мобильность обучаемых, независимо от возраста и уровня образования. При этом технологическая цепочка педагогических действий, операций, коммуникаций выстраивается строго в соответствии с целевыми установками, имеющими форму конкретного ожидаемого результата. Однако любые образовательные технологии – еще не гарантия успеха. Главным является органическое соединение эффективных образовательных технологий и личности педагога. И все же именно с помощью технологий обеспечивается возможность достижения эффективного результата (цели) в развитии личностных свойств в процессе усвоения знаний, умений, навыков.

Список литературы

1. Непрерывное образование как принцип функционирования современных образовательных систем (первый опыт становления и развития в Украине) : монография / Нар. укр. акад. ; под общ. ред. В. И. Астаховой. – Х. : Изд-во НУА, 2011.
2. Подольская Е. А. Психология и педагогика высшей школы : учеб. пособие / Е. А. Подольская ; Нар. укр. акад. – Х. : Изд-во НУА, 2011. – 316 с.
3. Стародубцев В. А. Особенности современного образовательного процесса / В. А. Стародубцев, О. М. Шепель, А. А. Киселева // Высш. образов. в России. – 2011. – № 8–9. – С. 67–73.

УДК 37.063(477.54)

В. И. Астахова

**УСПЕШНОСТЬ ВЫПУСКНИКОВ КАК ГЛАВНЫЙ
КРИТЕРИЙ КАЧЕСТВА РАБОТЫ УЧЕБНОГО
ЗАВЕДЕНИЯ**

**GRADUATES SUCCESS AS THE MAIN CRITERION
OF AN EDUCATIONAL ESTABLISHMENT
FUNCTIONING QUALITY**

Аннотация

В статье раскрывается современная трактовка категории «успешность», характеризуются основные виды успешности и показатели, при помощи которых оценивается объективная (универсальная) и субъективная успешность личности; характеризуется структура внутренних и внешних критериев успешности и предлагается интегральный индекс, определяемый группой индикаторов, на основании которых оценивается уровень успешности каждого учащегося.

Цель данной статьи – на основании предложенных критериев успешности выпускников обосновать вывод о том, что основным показателем качества работы учебного заведения является именно этот интегрированный показатель успешности каждого, поскольку качества личности, определяющие ее жизненную перспективу, формируются прежде всего на школьной и студенческой скамье, в той культурно-образовательной среде, которую способно сформировать и постоянно совершенствовать данное учебное заведение.

Ключевые слова: успешность, объективная и субъективная успешность, целеустремленность, организованность, компетентность, конструктивное оптимистическое отношение к жизни, самостоятельность, самоорганизация, культурно-образовательная среда.

Анотація

У статті розкрито сучасне визначення категорії «успішність», охарактеризовано основні види успішності й показники, за допомогою яких оцінюється об'єктивна (універсальна) і суб'єктивна успішність особистості; охарактеризовано структуру внутрішніх та зовнішніх критеріїв успішності й запропоновано інтегральний індекс, що визначається групою індикаторів, на підставі яких оцінюється рівень успішності кожного студента.

Мета цієї статті – на підставі запропонованих критеріїв успішності випускників обґрунтувати висновки про те, що основним показником якості роботи навчального закладу є саме цей інтегрований показник успішності кожного, оскільки риси особистості, що визначають її життєві перспективи, формуються перш за все на шкільній та студентській лаві, у тому культурно-освітньому середовищі, яке здатне сформувати й постійно вдосконалювати цей навчальний заклад.

Ключові слова: успішність, об'єктивна й суб'єктивна успішність, цілеспрямованість, організованість, компетентність, конструктивне оптимістичне ставлення до життя, самостійність, самоорганізація, культурно-освітнє середовище.

Annotation

The article discusses modern interpretation of the term «success», characterizes the main types of success and indicators of evaluating the objective (universal) and subjective success of a personality, analyses the structure of internal and external criteria of success and suggests an integral index, determined by a group of indicators on whose basis the level of each learner's success is evaluated.

The objective of the article is, proceeding from the criteria suggested, to substantiate the conclusion that it is this integrated index of each learner success that is the determining factor of evaluating the functioning quality of an educational institution.

It is the quality of the cultural and educational set which the institution is capable of creating and perpetually improving that shapes the personalities of learners, determining their life perspective.

Key words: success, objective and subjective success, purposefulness, orderliness, competence, active optimistic life position, independence, self-organization, cultural and educational set.

Разработка методологии и методики исследования проблем успешности учащейся молодежи и студенчества в отечественной научной литературе началась относительно недавно. Первые публикации, посвященные непосредственно этой проблеме, появились лишь в начале прошлого десятилетия [1]. Однако четких формулировок, определений и критериев мы не имеем и до настоящего времени.

В то же время потребность в детальном анализе условий подготовки молодежи к оптимистичному восприятию действительности,

к обеспечению собственной успешности и в учебе, и в быту, и в профессиональном продвижении ощущается все более остро. И ученые, и практики – педагоги, психологи, юристы пытаются найти оптимальные подходы к определению сущности и критериев успешности, путей формирования успешной личности.

В Народной украинской академии в 2010–2013 годах силами Лаборатории проблем высшей школы был проведен ряд специальных исследований среди школьников, студентов и преподавателей города Харькова с целью выявления уровня понимания ими данной категории и возможностей ее использования для выстраивания траектории личностного развития обучающихся [2].

Анализ полученных результатов показал, что значительная часть не только учащейся молодежи, но и преподавателей отождествляет понятия «успешность» и «успеваемость», сводя значение термина «успешность» только к вопросам обучения и оценивания знаний. В последние годы нам удалось несколько продвинуться в понимании сущности проблемы за счет проведения ряда семинаров и «круглых столов», а также ее изучения в диссертационном исследовании О. И. Назарко по теме «Качество общего среднего образования в современной Украине: социологический анализ» [3].

В итоге мы пришли к всесторонне аргументированному выводу о том, что категорию «успешность» следует рассматривать как готовность и умение человека четко ставить собственные цели и задачи, определять возможности и оптимальные пути их максимальной реализации. Человек, добивающийся своих целей, испытывает удовлетворенность собой и своей деятельностью, чувствует себя по большому счету счастливым, и это придает ему уверенности в себе, служит как бы фундаментом для дальнейших успехов, для самореализации.

Иными словами, категорию успешности мы, вслед за многими известными исследователями, рассматриваем как процесс личностного развития с выделением промежуточных социально обозначенных и одобряемых обществом этапов [см. напр., 4]. К ним можно отнести внешне проявляющиеся этапы: выбор жизненного пути, получение образования и профессии, продвижение по служебной лестнице,

наличие конкретных результатов деятельности, удовлетворяющих социальную жизнь. Внутренние ощущения и состояния: удовлетворение от деятельности и общения, соответствие гендерных и социальных установок личности, состояние физического и душевного комфорта, адекватное состояние психического здоровья, аутентичность, зрелость и отсутствие невротического отношения к деньгам.

В научной литературе выделяются понятия «объективная» и «субъективная успешность» [5].

С точки зрения объективной успешности, успешен тот, кто достигает того, чего он хочет. При этом в любой культуре есть представление об объективной успешности человека, которая оценивается по совокупности достижений в направлениях, представляющих ценность для общества. Например, социальную успешность сегодня обычно оценивают по следующим критериям:

- уважаемый человек – тот, кого с удовольствием возьмут на работу, и кто имеет возможность делать собственный выбор для приложения своего труда;
- обеспеченность собственным жильем (престижный район, достаточная жилая площадь);
- среднемесячный доход среднего класса либо выше (соответственно и выше социальная успешность);
- публичное признание (как отражение мнения о себе в обществе);
- самореализация в тех или иных форматах;
- заинтересованность противоположного пола;
- личная харизма, уверенность в себе и в правильности своих действий;
- физическая ухоженность.

Иногда добавляют надежность всего этого, особенно – способность человека получить это снова, если вдруг в силу тех или иных случайных обстоятельств это будет потеряно.

Основные виды субъективной успешности соответствуют основной направленности личности. Человек, направленный на себя, ищет успешности в получении личного материального вознаграждения и в личной карьере, в укреплении своего здоровья, в обретении личного счастья, в личном росте и развитии. Человек, направленный

на общение, ищет успешность в общении и межличностных отношениях, в друзьях, семье и детях. Человек, направленный на результаты своего труда, ценит успешность в делах, в работе, в общественном признании.

Как показало исследование «Студент XXI века», проведенное Лабораторией проблем высшей школы ХГУ «НУА» среди старшеклассников и студентов в 2009/10 учебном году, в лидирующую группу инструментов, обеспечивающих достижение успеха, молодые люди включают:

- трудолюбие – 50,3% ответивших респондентов;
- умение достигать поставленной цели – 44,8%;
- профессионализм, мастерство – 44,1%;
- полезные связи, протекция – 31,7%.

Среднюю группу факторов успеха составляют:

- образованность – 25,6%;
- самоусовершенствование, саморазвитие – 20,3%.

Наименее значимую группу, по мнению опрошенных, представляют:

- общая культура и коммуникабельность – 17,3%;
- семейная поддержка – 14,4%;
- честность и принципиальность – 9,8%.

Очевидно, что во всех группах, выделенных нами по степени значимости, объединены и традиционные «позитивные» инструменты, и современные, инновационные. Осознание их является важным для понимания механизмов влияния на учащихся со стороны современных педагогов и их практик достижения успеха.

Любая успешность специализирована. Успешность в установлении межличностной гармонии достигается одним профилем (одними чертами) личности, деловая успешность – другим. Есть при этом и универсальная успешность – успешность, помогающая при движении в любом направлении. Универсальная успешность обеспечивается следующими умениями и характеристиками личности:

- позитивное восприятие окружающего мира;
- конструктивный подход к любым проблемам и задачам;
- ответственность за принимаемые решения;
- умение и привычка ставить цели и нацеленность на результат;

- здоровье и энергетика;
- проактивность;
- воля (душевная сила);
- развитое мышление, умение предвидеть конечный результат.

При этом основными критериями субъективной успешности, по нашему мнению, являются следующие.

Первый критерий – это целеустремленность, т. е. четкое уяснение своих ближайших и отдаленных целей, видение реальных путей к их достижению и умение соразмерять желания и собственные возможности.

Второй критерий личной успешности – это организованность, планомерное, последовательное стремление к цели и самоконтроль, умение подчинить все свои интересы движению к главному.

Третий критерий – это конструктивное отношение к жизни, «создание» положительного настроения даже в критических ситуациях; превращение проблем в задачи и получение удовольствия от их решения.

Четвертый критерий – это компетентность, т. е. способность применять совокупность определенных знаний для достижения цели. В иерархии компетентностей выделяют надпредметные, общепредметные и специальнопредметные.

Формирование успешности и студентов, и школьников осуществляется через реализацию, в первую очередь, семи надпредметных компетентностей:

- умение учиться;
- готовность постоянно повышать свой общекультурный уровень;
- наличие общественно значимых знаний;
- предпринимательская;
- социальная;
- здоровьесформирующая;
- компетентность в применении ИКТ.

Пятый критерий – это результативность, т. е. способность выдавать какое-то количество промежуточных результатов на единицу времени для достижения основной цели. Если человек в конечном итоге достигает того, чего он хочет, он – успешен, как бы много трудностей и поражений ни было на его пути.

В данном случае особую значимость мы придаем критериям объективной и субъективной успешности выпускников общеобразовательных школ, выработке конкретных рекомендаций по их формированию еще на школьной скамье.

По мнению Т. Ю. Кураповой, критерии эти можно разделить на педагогические и психологические [6, с. 106–109]. К педагогическим критериям обычно относятся следующие: 1) заинтересованность ученика в усвоении образовательных программ, предлагаемых школой; 2) готовность продемонстрировать свои знания, умения и навыки.

Разделяя точку зрения многих авторов, мы считаем, что в настоящее время школьная отметка оценивает только качество усвоенных знаний и умений, но не нравственные достоинства личности и цену того успеха, с помощью которого этот успех был достигнут. Поэтому так важно оценивать успешность обучения с точки зрения психологических критериев, к которым мы относим:

- положительную динамику развития учащегося;
- положительную мотивацию к обучению, положительное отношение к школе и к учителям, сохранение познавательного интереса (ученика, который не любит школу и не хочет учиться, нельзя назвать успешным);
- социальную адаптированность: ученику хорошо в школе, среди сверстников и учителей;
- позитивные отношения между учеником и учителем: ни о какой успешности не может быть и речи, если учитель не понимает и не принимает ученика, а ученик не любит и боится своего учителя;
- позитивные отношения с одноклассниками;
- хорошее физическое и психическое здоровье;
- адекватно-позитивная самооценка, ведь ребенок сам должен чувствовать себя успешным;
- чувство благополучия в семье: тревожный, задерганный отличник не может быть отнесен к числу успешных учеников.

В этом плане представляет интерес антропоцентрическая философия Д. Б. Эльконина и В. В. Давыдова, которая в основу обучения ставит человеческие отношения, субъектные позиции: взрослый–

ребенок, ребенок–ребенок, активно-деятельностный способ обучения. При этом основными критериями успешности обучения ребенка являются психологический комфорт, санитарно-гигиенический и эмоциональный эффект, двигательная активность. Именно на такой основе строится процесс обучения в ХГУ «НУА» на всех его ступенях.

Анализ различных подходов к проблеме оценки учебных достижений учащихся (А. Анастаси, М. Н. Скаткин, М. А. Чошанцев, Г. Харман, В. А. Якунин и др.) позволил выделить такие качественные показатели успешности, как познавательная активность, самостоятельность и креативность. Большинство авторов отмечает, что креативность в процессе учебной деятельности находит свое выражение в обостренном восприятии личностью учащегося недостатков, пробелов в знаниях, недостающих элементов, дисгармонии и т. д. [2; 4; 5].

По степени включенности творческих элементов в различные виды самостоятельной работы можно выделить несколько типов проявления умственной самостоятельности: воспроизводящая (по образцу), реконструктивная, эвристическая и исследовательская.

Умственная творческая самостоятельность – это лишь одно из конкретных проявлений самостоятельности как свойства личности и субъекта деятельности. Самостоятельность проявляется и в других сторонах учебной деятельности, в частности в ее организации, а точнее, в самоорганизации. Под самоорганизацией понимается способ организации самим учащимся собственной познавательной деятельности.

Самостоятельность является наиболее существенным признаком человека и как личности, и как субъекта деятельности. Человек как личность, подчеркивает Т. Ю. Курапова, всегда сам самостоятельно прокладывает свой уникальный индивидуальный путь [6].

Познавательная активность рассматривается как поведенческая форма выражения мотивации, внешняя процессуальная сторона которой находит свое выражение в характеристиках совершаемой деятельности. Познавательная самостоятельность необходима для принятия автономных решений в процессе преодоления учебных

трудностей. Она проявляется в стремлении и умении самостоятельно мыслить, находить свой подход к решению поставленной задачи, в независимости от собственных суждений, в желании понять учебную информацию и изучить способы ее добывания.

Профессиональная направленность, учебная активность, умственная самостоятельность, академическая успеваемость и учебная успешность – все эти разнообразные по форме критерии можно отнести к внутренним критериям в той или иной педагогической системе. Все педагогические системы между собой связаны, и поэтому качество и результаты работы одних учебных заведений отражаются на положении дел в других, особенно тогда, когда эти учебные заведения находятся в преемственных отношениях, как это имеет место в учебно-научном комплексе ХГУ «НУА». Очевидно, что некачественная работа общеобразовательной школы неизбежно вызывает множество проблем в системе университетской подготовки, а плохая работа вуза, выпускающего слабых специалистов, незамедлительно отражается в снижении уровня и эффективности производства, а отсюда – нежелание работодателей брать на работу выпускников данного вуза. Поэтому внутренние критерии оценки эффективности работы различных учебных заведений должны дополняться, как утверждают Н. В. Кузьмина, В. А. Якунин, Т. Ю. Курапова и др., внешними [1; 6]. Внешними критериями считаются управление учебной деятельностью и организация процесса обучения, самостоятельная работа учащихся, адаптация выпускника на производстве, его профессиональная устойчивость, темпы роста профессионального мастерства и связанное с ним должностное продвижение, темпы роста процесса самообразования, уровень образованности и общей культуры, готовность повышать свое образование, оценки, даваемые другими людьми.

Согласно нашей методике, деятельность учебного заведения по формированию успешности своих будущих выпускников предлагается оценивать с помощью общего индекса рейтинговой оценки I_0 . Этот индекс является интегральным и определяется тремя комплексными индексами: $I_0 = I_p + I_{об} + I_{оп}$, где I_p – индекс качества педагогического потенциала, значение которого изменяется в диапазоне (0–50%); $I_{об}$ –

индекс качества обучения, диапазон которого (0–30%); $I_{оп}$ – индекс общественного признания, значение которого изменяется от 0 до 20%.

Каждый индекс определяется группой индикаторов, перечень которых с соответствующими весовыми показателями сводят в таблицу. Весовые коэффициенты определяют методом экспертной интегральной оценки на основе использования методик прямых измерений, нормированного соотношения количественных и качественных показателей расчетов по общей формуле:

$$I = \frac{2k_1 + 5k_2 + 8k_3 + 11k_4}{\sum k},$$

где I – индекс (это численное выражение индикатора);

k_1, k_2, k_3, k_4 – количество показателей по возрастанию характеристик;

$\sum k$ – общее количество участников учебного процесса (учителей или учеников) [3, с. 11].

Соответствующая научная организация мониторинга качества образования – как общего среднего, так и высшего – позволяет принимать необходимые управленческие решения и прогнозировать учебно-воспитательные ситуации; оперативно корректировать учебный процесс; конкретно планировать работу по определенной проблеме; создавать условия для сравнения собственной оценки деятельности с независимой оценкой, а также разрабатывать конкретные рекомендации и прогнозы в целом относительно дальнейшего развития образовательной сферы.

Таким образом, успешность учащегося – это не только объективный показатель высоких результатов познавательной деятельности, не только положительная оценка преподавателя за уровень изучения предмета, но и позитивная самооценка и самоощущение самого субъекта обучения. Исходя из этого, основным критерием успешности обучения, по нашему мнению, будет являться готовность учащегося с наименьшими интеллектуальными и физическими затратами сил достигать наибольших результатов. Это

связано с проявлением многих способностей, например, таких как: все делать вовремя, чувствовать ситуацию, применять рациональные средства для достижения поставленной цели, притягивать к себе людей и продуктивно контактировать с ними в обоюдных интересах, испытывать чувство радости, удовлетворения, уверенности в собственных силах, не унывать, не пасовать перед трудностями, бережно относиться к своему здоровью и т. д.

Отсюда и круг задач, которые предстоит решать сегодня на всех этапах обучения, задач, явно не вписывающихся в общеизвестные рамки ЗУН (знания, умения, навыки), что требует от любого учебного заведения новых подходов к учебно-воспитательной деятельности, принципиально новых оценок результатов своего труда. Очень важно, чтобы каждый школьный учитель и вузовский педагог отчетливо осознавал – главным показателем качества их работы, как и работы учебного заведения в целом, является именно комплексный интегральный показатель успешности каждого обучаемого, поскольку качества личности, определяющие ее жизненную перспективу, формируются, при всем огромном многообразии воздействующих факторов, все-таки в первую очередь на школьной и студенческой скамье, в той культурно-образовательной среде, которую способно сформировать и постоянно совершенствовать данное учебное заведение.

Список литературы

1. Степанов Е. Н. Критерии, показатели и методики исследования эффективности образовательной системы / Е. Н. Степанов, В. А. Яковлева // Классный руководитель. – 2001. – № 5. – С. 36–38; Сыроватко Е. Н. Психолого-педагогические критерии диагностики уровней учебных достижений школьников: методматериалы / Е. Н. Сыроватко; Запорож. обл. ин-т последиплом. пед. образования [и др.]. – Запорожье : Премьер, 2001. – 58 с.
2. Студент XXI века: социальный портрет на фоне общественных трансформаций : кол. моногр. / под общей ред. В. И. Астаховой. – Харьков : Изд-во НУА, 2010. – С. 193–245.
3. Назарко О. І. Якість загальної середньої освіти в сучасній Україні: соціологічний аналіз : автореф. дис. ... канд. соціол. наук. / О. І. Назарко. – Х.,

2012. – 20 с.; Формирование и организация работы актива студенческих академических групп : семинар студенч. лидеров вузов III и IV уровней аккред. Аннотир. прогр. – Харьков, 27 марта 2013 г.

4. Андреева Г. М. Социальная психология / Г. М. Андреева. – М. : Аспект Пресс, 2005. – 309 с.

5. Малыгина Л. Ф. Исследование категории успешности / Л. Ф. Малыгина // Материалы II Всерос. науч.-практ. конф. «Интегративный подход к психологии человека и социальному взаимодействию людей». – М., 2012. – С. 80–88.

6. Курапова Т. Ю. Критерии успешности обучения учащихся общеобразовательных школ [Электронный ресурс] / Т. Ю. Курапова // Психология России и за рубежом : материалы междунар. заоч. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, октябрь 2011 г.). – СПб., 2011. – С. 106–109. – Режим доступа: <http://www.moluch.ru/conf/psy/archive/32/1092/>

УДК 378.015

*Е. В. Астахова (мл.)***КОНКУРЕНТНЫЕ ПОЗИЦИИ ВУЗОВ:
АНАЛИЗ ВОЗМОЖНОСТЕЙ****COMPETITIVE POSITION OF UNIVERSITIES:
ANALYSIS, PROSPECTS, OPPORTUNITIES****Аннотация**

В статье представлен анализ рынка образовательных услуг Украины с точки зрения конкурентной среды. Обозначены правовые условия функционирования государственных и частных учебных заведений. Проведен анализ предложения образовательного продукта на рынке Украины. Рассмотрены ценовые и неценовые факторы спроса и предложения, эластичность спроса по цене на образовательные услуги. Рассмотрено позиционирование предпринимательского университета как субъекта предпринимательской деятельности. Изучены источники дополнительного финансирования вузов с целью расширения их экономических возможностей.

Ключевые слова: учебный рынок, образовательные услуги, спрос и предложение на учебном рынке, соревнование университетов.

Анотація

У статті представлений аналіз ринку освітніх послуг України з точки зору конкурентного середовища. Позначені правові умови функціонування державних і приватних навчальних закладів. Проведено аналіз пропозиції освітнього продукту на ринку України. Розглянуто цінові та нецінові фактори попиту та пропозиції, еластичність попиту за ціною на освітні послуги. Розглянуто позиціонування підприємницького університету як суб'єкта підприємницької діяльності. Вивчено джерела додаткового фінансування ВНЗ з метою розширення їх економічних можливостей.

Ключові слова: навчальний ринок, освітні послуги, попит і пропозиція на навчальному ринку, змагання університетів.

Annotation

The article presents an analysis of the education market in Ukraine in terms of competitive environment. The legal conditions of the existence of public and private educational institutions have been identified. The supply of educational product in the market of Ukraine has been analyzed. The price and non-price

factors of supply and demand, the price elasticity of demand for educational services have been observed.

We consider the positioning of a business university as the subject of business activity. The sources of additional funding of universities aimed at the extension of their economic opportunities have been studied.

Key words: education market, educational services, supply and demand in the education market, competition of universities.

Интеграция образовательного пространства в рыночное хозяйство является необходимой в период поиска новых возможностей экономического роста государства, роста благосостояния нации. Экономика знаний как вид экономической деятельности и сфера хозяйствования образовательных учреждений приобретает все большую актуальность сегодня, обращая вузы в процесс конкурентных отношений, поиска новых, независимых источников финансирования.

Данные вопросы нашли отражение в научно-исследовательских работах отечественных авторов: Артемчук Г. И., Гневашева В. А., Грищенко И. М., Кремень В. Г., Каверина Э. Ю., Каленюк И. С., Карчагин Ю. А., Панкрухина А. П., а также зарубежных: Ф. Альбах, Л. Армстронг, З. Бауман, И. Бекк, Р. Вегелерс, Б. Кларк, С. Маргинсон.

Цель данной статьи – проанализировать рынок образовательных услуг с точки зрения формирования конкурентной среды, анализа конкурентных позиций вузов, поиска альтернативных источников финансирования.

В рамках рынка образовательных услуг функционируют как государственные, так и частные учебные заведения, которые, к сожалению, работают в различных правовых условиях. Это касается вопросов собственности и аренды площадей, налогообложения прибыли, государственного финансирования, что вносит дисбаланс в добросовестную конкурентную среду между государственными и частными вузами, а также негативным образом сказывается на уровне качества предоставляемых образовательных услуг.

С точки зрения рыночной структуры рынок образовательных услуг является рынком монополистической конкуренции. На это указывает дифференцированность образовательного продукта как по потреби-

тельским характеристикам, так и по уровню качества. Речь идет об образовании по различным специальностям, на различных факультетах, в разных вузах, об уровне преподавания. Во-вторых, высокая чувствительность к экономической конъюнктуре, существенность фактора сезонности, значительное влияние рекламы, моды, информированности, зависимость института образования от политических и экономических институтов. В-третьих, рынок образовательных услуг отличается выраженной сегментированностью спроса на услуги в зависимости от доходов, цен, субъективной оценки потребителем способностей производителя предоставить ту или иную услугу, значимости услуги, стиля жизни. В-четвертых, данный рынок характеризуется широкой емкостью и абсолютными преимуществами уже действующих в отрасли предприятий относительно расходов по предоставлению услуг и преимуществ обслуживания со стороны потребителей, позитивным эффектом от масштаба.

Одним из приоритетных факторов, определяющих границы рынка, является ценовой фактор. Спрос на продукцию фирм, действующих в условиях монополистической конкуренции, не является абсолютно эластичным, однако его эластичность высока. Это ставит под угрозу потери потребителя в результате незначительных изменений цены образовательного продукта. Однако сегодня все большее значение в конкурентных отношениях на рынке образовательных услуг приобретают неценовые факторы, делая упор на спектр дополнительных сопутствующих услуг, так называемых услуг-компонентов, а именно: организации внеучебной деятельности; расширения ассортимента образовательных услуг за счет предоставления занятий по дополнительным специальностям, факультативам; организации научной деятельности студентов; проведения научных конференций, семинаров. Одним из самых весомых факторов неценовой конкуренции между университетами является профессорско-преподавательский состав, его качественные характеристики. Существенную роль среди неценовых факторов играет возможность обеспечения последующего трудоустройства студентов, что открывает студентам путь к сокращению будущих транзакционных издержек по поиску работы с необходимым уровнем оплаты, престижности.

С одной стороны, конкурентный университет представляет собой вуз, способный занимать и удерживать устойчивые позиции на определенных сегментах рынка образовательных продуктов и услуг благодаря эффективной деятельности научно-педагогического состава, внедрению инновационных образовательных продуктов на рынке труда, расширению источников финансирования. Ценность университетов нового типа (предпринимательских) сегодня состоит в квалификационной подготовке предпринимателей – новаторов бизнес-идей и исследователей [1, с. 85].

Такое позиционирование открывает новые конкурентные позиции для вузов, расширяя их экономические возможности. Среди них: гранты на исследовательские проекты; продажа образовательных продуктов и услуг (продажа печатных изданий, символики вуза, предоставление консультаций, экспертных оценок); осуществление исследовательской деятельности по заказу представителей бизнеса; создание банка студенческих бизнес-идей и реализация с участием инвестиционных фондов, кредитных учреждений; продажа прав интеллектуальной собственности [1, с. 85].

С другой стороны, предпринимательский университет не является коммерческой организацией, торгующей образовательными услугами и продуктами, а представляет собой основного поставщика квалифицированного человеческого капитала в экономику для новых технологических, инновационных экономических решений.

Поэтому актуальна целевая государственная поддержка развития университетов, независимо от форм собственности, в целях потенциального развития экономики, формирования инновационного общества в ближайшем будущем, стимулирования темпов экономического развития государства.

В Законе Украины «Об образовании» доля государственного финансирования должна составлять 10% ВВП. Фактические государственные расходы составляют 2–3% ВВП, что значительно выше, чем в странах Западной Европы, в процентном соотношении, но меньше в абсолютных стоимостных показателях затраты на подготовку одного студента. В целом эти показатели значительно предопределяют возможности развития образовательного рынка, так

как установлена положительная корреляционная связь нелинейного типа между уровнем государственного финансирования образования и темпами роста ВВП [7, с. 80].

Таким образом, анализ рынка образовательных услуг Украины свидетельствует о жесткой, не всегда добросовестной конкуренции с элементами государственного лоббирования и поддержки отдельных образовательных учреждений, особенно в условиях демографического кризиса. В процессе жесткой конкуренции, с которой были вынуждены столкнуться вузы в рамках рыночного пространства, происходит отбор образовательных учреждений. Кроме конкуренции, на преодоление которой вузам приходится тратить часть своего потенциала, вузам – как государственным, так и частным – необходимо искать и оптимизировать источники самофинансирования. Выживают те, кто отвечает потребностям рынка сегодня, стремится к минимизации издержек, а также те, кто может прогнозировать изменяющиеся тенденции спроса на образовательные услуги. Они вынуждены в условиях жесткой конкуренции своевременно адаптировать ассортимент образовательных продуктов, используя новые методы, формы и программы обучения, предоставляя на рынок современные научно-технические достижения при высоком материально-техническом обеспечении образовательного процесса.

Список литературы

1. Боголіб Т. М. Процеси капіталізації розвитку вищої освіти та університетської науки / Т. М. Боголіб // Фінанси України. – 2012. – № 11. – С. 84–91.
2. Витренко Ю. М. Освітня діяльність у системі макроекономічних показників / Ю. М. Витренко // Економіка управління. – 2012. – № 1. – С. 35–38.
3. Вищі навчальні заклади [Електронний ресурс] // Державний комітет статистики України : статист. інформація. – Режим доступу: http://www.ukrstat.gov.ua/operativ/operativ2005/ni/ind_rik/ind_u/2002.htm
4. Образовательное безумство: за 17 лет в Украине создали 322 частных вуза [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://news.finance.ua/ru/1/0/all/2013/07/18/305703>
5. Основні показники діяльності вищих навчальних закладів Харківської області [Електронний ресурс] // Головне управління статистики у Харківській

області. – Х., 2011. – Режим доступу: <http://www.city.kharkov.ua/ru/document/osnovni-pokazniki-ekonomichnogo-i-sotsialnogo-rozvitku-m-harkova-za-i-pivrichchya-43885.html>; Количество вузов в Украине сократилось [Электронный ресурс] // Радио-Ера : ТОВ ТРК. – 2011. – 4 февр. – Режим доступа: <http://ru.radioera.com.ua/eranews/?idArticle=28526>.

6. Панкрухина А. П. Маркетинг образовательных услуг : учеб. пособие [Электронный ресурс] / А. П. Панкрухина. – М., 1995. – Режим доступа: <http://mou.marketologi.ru>.

7. Сацик В. И. Ключевые факторы становления конкурентоспособных университетов / В. И. Сацик // Экономика Украины. – 2013. – № 5. – С. 78–85.

УДК 37.058(477)

Б. І. Холод, А. О. Задоя

КОНЦЕПТУАЛЬНІ ОСНОВИ РОЗВИТКУ ПРИВАТНОЇ ОСВІТИ В УКРАЇНІ

CONCEPTUAL BASES OF THE PRIVATE EDUCATION DEVELOPMENT IN UKRAINE

Аннотация

В статье исследуются изменения концептуальных основ развития частного образования в Украине за последние 20 лет. Выделены этапы развития частного образования (этап становления, этап экстенсивного развития и этап интенсивного развития). Обоснованы основные принципы построения современной стратегии частного учебного заведения. Сегодня большие шансы на успех имеют те университеты, которые не ввязываются в конкурентную борьбу на рынке уже существующих образовательных продуктов, а предлагают новые инновационные услуги. Весьма перспективным является предложение таких образовательных продуктов, которые могут заинтересовать иностранных студентов. Поэтому необходимо создавать англоязычные программы, валидированные европейскими университетами и дающими право на получение двойных дипломов. Повышению качества образования в Украине способствовал бы и переход к использованию образовательных сертификатов.

Ключевые слова: частная высшая школа, стратегии, инновации, маркетинговые принципы управления высшим учебным заведением.

Анотація

У статті досліджуються зміни концептуальних засад розвитку приватної освіти в Україні за останні 20 років. Виділені етапи розвитку приватної освіти (етап становлення, етап екстенсивного розвитку та етап інтенсивного розвитку). Обґрунтовані основні принципи побудови сучасної стратегії приватного навчального закладу. Сьогодні більше шансів на успіх мають ті університети, які не грузнуть у конкурентній боротьбі на ринку вже існуючих освітніх продуктів, а пропонують нові інноваційні послуги. Досить перспективною є пропозиція таких освітніх послуг, що можуть зацікавити іноземних студентів. Тому необхідно створювати англомовні програми, що валидовані європейськими університетами та надають право на отримання подвійних дипломів. Підвищенню якості освіти в Україні сприяв би й перехід до використання освітніх сертифікатів.

Ключові слова: приватна вища освіта, стратегія, інновації, маркетингові принципи управління вищим навчальним закладом.

Annotation

In the article a change of the conceptual foundations of private education development in Ukraine in the last 20 years are studied. The stages of the private education development (the stage of formation, the stage of extensive development and the stage of intensive development) are singled out. The cardinal principles of designing a modern strategy for the private educational institution are outlined. Today universities, which do not participate in the competitive battle on the market of the already existing educational products, but offer new innovative services, have greater chances of success. Offering educational products, which can attract foreign students, has more potential. It is necessary to create English programs, which have been validated by European universities, making it possible to obtain «twin» (those certified by two countries) diplomas. Transition to issuing educational certificates might also promote raising quality of education in Ukraine.

Key words: private higher education, strategy, innovation, marketing principles of higher education institution management.

Сучасну сферу освіти в Україні важко уявити без приватних навчальних закладів. Вони пропонують повний комплекс освітніх послуг, який охоплює всі етапи життя людини: ранній розвиток дитини в дитячому садку, отримання середньої освіти, навчання для отримання ступеня бакалавра чи магістра, навчання в аспірантурі чи докторантурі та захист відповідної дисертації, післядипломне навчання, підвищення кваліфікації у школах бізнесу і навіть університети третього віку, де навчаються громадяни, які вже закінчили свою активну трудову діяльність, але не втратили жадоби до знань. Їх діяльність є реальним втіленням принципу «Освіта для життя, освіта протягом життя», який став девізом деяких провідних навчальних закладів України, зокрема Дніпропетровського університету імені Альфреда Нобеля.

Успіх будь-якої справи у вирішальній мірі залежить від того, наскільки головний задум (його прийнято називати концепцією), покладений у її основу, відповідає вимогам часу, створює конкурентні переваги та формує підвалини для тривалого динамічного розвитку.

За 20 років існування приватної освіти в Україні її установи пережили кілька етапів свого розвитку, на кожному з яких дещо коригувалися концептуальні основи. І хоча всі вони завжди констатували одні й ті ж цінності (якість освіти, націленість на потреби споживача, врахування реальних потреб народного господарства тощо), на практиці деякі з них фактично керувалися дещо іншим, висуваючи на перший план саме той аспект, який був актуальним для даного моменту. На жаль, багато хто так і не зміг своєчасно врахувати нові реалії, а тому змушений був піти зі сфери освітньої діяльності.

У сучасній науковій літературі питанням становлення приватної освіти в 90-х роках ХХ століття присвячено немало фундаментальних досліджень [1–3]. З'явилися дослідження й окремих сторін діяльності приватних ВНЗ [4]. Разом з тим, накопичений досвід діяльності приватних вищих навчальних закладів дає достатньо історичного матеріалу для певних узагальнень і обґрунтування напрямків подальшої діяльності.

Метою цього дослідження є аналіз змін основних концептуальних засад розвитку приватної освіти в Україні за останні 20 років і визначення тих із них, які можуть дозволити приватним вищим навчальним закладам сьогодні знайти свою нішу на ринку освітніх послуг.

На нашу думку, в розвитку приватної вищої освіти в Україні можна виділити наступні етапи:

I. Етап становлення (1991–1997 рр.).

Становлення ринку освітянських послуг в Україні припадає на початок 90-х років минулого століття. З одного боку, це було пов'язане з появою попиту на освітянські послуги. Проникнення ринкових відносин у всі сфери суспільного життя привело до усвідомлення готовності певної частини населення сплачувати кошти за отримання освіти. Оскільки ж державна освіта знаходилася у стані глибокої кризи і не могла задовольнити цей новий вид потреб (крім того, досить часто чинна нормативна база не дозволяла це зробити), виникла потреба в особливих суб'єктах ринку, які надавали б відповідні освітянські послуги на платній основі. Це й призвело до появи недержавних навчальних закладів.

У 90-ті роки вони досить успішно конкурували з державними закладами освіти. Основні конкурентні переваги недержавної освіти базувалися на наступному:

1. **Здатність до оперативної реакції на потреби ринку.** Це, зокрема, знайшло свій прояв у наборі спеціальностей, за якими велась підготовка: економіка, право, лінгвістика та інші пов'язані з ними спеціальності. Оскільки єдине джерело доходів цих закладів – продаж послуг, то пропонувалися саме ті послуги, які користувалися попитом.

2. **Відсутність «багаторічного досвіду освітянської роботи».** Це якраз той випадок, коли досвід роботи у старих умовах заважав частині державних закладів швидко адаптуватися до нової ситуації. Недержавні ж навчальні заклади, не маючи такого досвіду, були налаштовані на пошук нових, оригінальних форм і методів навчання, організації навчального процесу, тощо.

3. **Більш чітка організація фінансової роботи,** відсутність матеріально-технічної бази, перевантаженої застарілим обладнанням, яке потребувало значних витрат на його підтримку (як це було в державних навчальних закладах), більша фінансова свобода дозволяли недержавним навчальним закладам стабільно виплачувати заробітну плату (дещо вищу, ніж у державних навчальних закладах) і на цій основі залучати кращі викладацькі кадри.

4. Окремі навчальні заклади досягли конкурентних переваг за рахунок **значних інвестицій у створення сучасної матеріально технічної бази,** що достойно було оцінено споживачами.

5. Недержавні навчальні заклади, як представники бізнесу у сфері освіти, мали **тісніші зв'язки з покупцями на ринку праці,** що дозволяло їм краще враховувати потреби споживачів і дещо спрощувало вирішення проблеми працевлаштування для випускників.

Результатом першого етапу стало визнання суспільством права на існування приватної освіти. І хоча питома вага студентів приватних навчальних закладів не перевищувала 5–7%, як суспільне явище цей вид освіти відбувся. Значна кількість недержавних навчальних закладів пройшла перевірку на відповідність державним вимогам, отримала державні ліцензії та пройшла акредитацію, що дало змогу видавати державні дипломи про освіту, які ні чим не відрізняються

від тих, які отримували випускники державних університетів зі 100-річною історією.

II. Етап екстенсивного розвитку (1998–2005 рр.). На цьому етапі на перший план виходить інше концептуальне положення – зробити вищу освіту доступною для молоді.

За цих умов необхідно було переосмислити ситуацію та спробувати знайти нішу на ринку освітянських умов, яку могли б зайняти недержавні вищі навчальні заклади. Виникло питання, які форми та методи конкурентної боротьби слід застосовувати, щоб можна було розраховувати на успіх? Для відповіді на це запитання необхідно було, що найменше, спробувати класифікувати сучасний ринок освітянських послуг з точки зору характеру конкурентної боротьби на ньому.

Ринок освітянських послуг, перш за все, слід поділити на загальнонаціональний, міжрегіональний і місцевий сегменти. Загальнонаціональний сегмент ринку представлений тими споживачами, які обирають певний навчальний заклад, не залежно від місця свого постійного проживання. Ємність цього сегменту була досить обмеженою. За нашими оцінками, він навіть зараз складає не більше 10% від загального обсягу ринку.

Міжрегіональний сегмент відрізняється певною територіальною орієнтацією споживачів. При виборі навчального закладу вони готові переїхати до іншого міста, але дуже вагомим фактором вибору є віддаленість місця навчання від місця проживання. З такими настановами на ринок виходять близько 30–40% потенційних споживачів освітянських послуг.

Найбільш вагомим є місцевий сегмент ринку. На ньому діють ті споживачі, які роблять свій вибір, орієнтуючись на можливості, надані місцевими навчальними закладами.

Абсолютна більшість приватних навчальних закладів орієнтована на місцеві ринки. Вихід на міжрегіональний, а тим більше загальнонаціональний ринки, ускладнюється відсутністю відповідної інфраструктури (зокрема гуртожитків), авторитету торгової марки, а головне – слабкою диференціацією освітянського продукту, запропонованого до продажу. Лише окремі провідні приватні навчальні заклади досягли

міжрегіонального сегменту, а на загальнонаціональному рівні не працює жодний недержавний навчальний заклад (заради справедливості слід зазначити, що на цей сегмент у цілому вийшли не більше 15–20 державних навчальних закладів).

Специфічним прийомом конкурентної боротьби за споживачів місцевого сегменту ринку на другому етапі розвитку приватної освіти стало наближення місця надання освітянських послуг до місця проживання студентів шляхом створення численних філій, опорно-консультативних пунктів, тощо. Філії приватних начальних закладів з'явилися практично у всіх містах і містечках, навіть там, де ніколи не було не те що вищого навчального закладу, а навіть професійно-технічного училища.

Реалізація цього концептуального положення розвитку приватної освіти відіграла на той час надзвичайно важливу соціальну роль. По-перше, в умовах надзвичайно низького рівня життя населення молоді люди з периферії змогли долучитися до вищої освіти можливо не завжди вищого гатунку, але такої, що давала певні знання та спрощувала майбутнє працевлаштування. По-друге, приватні навчальні заклади змогли відволікти на себе значну частину молоді, яка за умов глибокої економічної кризи кінця 90-х років ХХ століття просто поповнила б армію безробітних. По-третє, в багатьох периферійних населених пунктах такі філії стали осередком освіти та науки, навколо яких об'єднувалася місцева інтелігенція.

На певний час це могло дати приватним вишам деякі конкурентні переваги. Але, на наш погляд, розглядати цей напрямок як стратегічний шлях розвитку приватної освіти було б помилковим. **По-перше**, реально відсутня можливість забезпечити достатньо високий рівень підготовки фахівців у цих численних філіях без кадрів, матеріально-технічної бази, методичного забезпечення. Це дискредитує не тільки конкретний навчальний заклад, але й приватну освіту в цілому. **По-друге**, поступове удосконалення нормативної бази, спрямоване на підвищення вимог до відокремлених структурних підрозділів вищих навчальних закладів, уже зараз призводить до ліквідації значної кількості філій та унеможлиблює процес створення нових.

III. Етап інтенсивного розвитку на підставі стратегічного планування (2006 р. – теперішній час).

Нинішня ситуація пов'язана, перш за все, з тим, що вища школа в цілому вийшла з кризи. Більш-менш стабілізувалося державне фінансування освіти. До керівництва державними навчальними закладами прийшли люди, які почали мислити ринковими категоріями і на цих засадах будують систему управління. Успішне лобіювання інтересів дозволило створити нормативно-правову базу, яка забезпечує певні стартові переваги державних навчальних закладів у їх конкуренції з приватними. Мова йде про систему оподаткування, пенсійного та соціального забезпечення, тощо. І на зміну ситуації найближчим часом у напрямку вирівнювання умов розраховувати дуже важко.

Тому, опрацьовуючи концептуальні засади розвитку навчального закладу, слід шукати такі напрямки діяльності, які б забезпечили перспективні конкурентні переваги. При цьому, на нашу думку, необхідно враховувати наступне:

1. Жодна стратегія не зможе забезпечити конкурентних переваг на більш-менш довгий період без постійного аналізу ринкової ситуації та відповідного корегування дій. Розробка стратегії – це не одноразовий акт, а постійна копійка робота з її удосконалення та реалізації.

2. Демографічна ситуація в Україні складається таким чином, що вже сьогодні кількість бюджетних місць у державних навчальних закладах зрівняються з кількістю бажаючих отримати вищу освіту. Немає підстав вважати, що Україна найближчим часом перейде до ваучерної системи фінансування витрат на освіту. Тому приватним навчальним закладам необхідно готуватися до роботи в такій ситуації, коли вони повинні будуть продавати той вид послуг, який безкоштовно доступний для кожного споживача в державних навчальних закладах.

3. Вступ України до європейського освітянського простору значно збільшує вимоги до кадрового, методичного, матеріально-технічного забезпечення вищих навчальних закладів. Той, хто не створить за цей час відповідних умов, буде змушений піти з ринку. Концепція розвитку приватного навчального закладу повинна бути зорієнтована на капіталізацію доходів, а не на їх розподіл серед власників.

4. Більшість місцевих сегментів ринку освітянських послуг

характеризуються монополістичною конкуренцією, яка наближається до олігополії. Так, наприклад, у Дніпропетровську, платні освітянські послуги з економічної освіти надають 9 вищих навчальних закладів III–IV рівня акредитації, не враховуючи численних філій навчальних закладів інших регіонів. Тому в основному конкуренція ведеться шляхом диференціації продукту. Разом з тим, більше половини ринку припадає на 3 навчальних заклади. Це вносить елемент олігополії у ринкові відносини, що позначається на відносній узгодженості цінової політики конкурентів: співвідношення цін лідерів ринку зберігається вже протягом кількох років. Разом з тим, досить поширеною на ринку є демпінгова поведінка деяких навчальних закладів. Вона проявляється, перш за все, у встановленні плати за навчання на досить низькому рівні, який ні за яких умов не може компенсувати витрати на саму якісну підготовку фахівців. Фактом такого демпінгу може бути ситуація, коли в державному навчальному закладі плата за навчання на контрактній основі встановлюється нижче, ніж державне фінансування в розрахунку на одного студента. На жаль, в Україні це явище є більше масовим, ніж поодиноким. До речі, з 2012 р. у Росії діє законодавча норма, за якою плата за контрактне навчання не може бути нижчою за бюджетне фінансування навчання одного студента. Напевне прийшов час ввести відповідну норму і до українського законодавства про освіту.

За цих умов стратегія приватного навчального закладу не може будуватися на ціновій конкуренції: залучення студентів шляхом продажу дешевого освітнього продукту. Низькі доходи не дозволять ВНЗ забезпечити належну якість освітньої послуги. Чутливість же споживача саме до якості буде зростати.

5. Основний акцент у стратегії розвитку навчального закладу слід зробити на забезпечення високої якості навчання, яка б спрощувала вирішення проблеми наступного працевлаштування випускників.

Сьогодні потрібне міжнародне підтвердження якості освітніх послуг, які надаються приватними навчальними закладами. Зокрема таким підтвердженням є європейська сертифікація систем управління якістю на їх відповідність стандартам ISO 9001–2008. У 2011 р. Дніпропетровський університет імені Альфреда Нобеля пройшов відповідну

сертифікацію системи управління якістю надання освітніх послуг та наукових досліджень і отримав відповідні документи від українських, німецьких, швейцарських і китайських сертифікаційних організацій.

6. Перспективним напрямком розвитку недержавної освіти повинен стати вихід на ті сегменти ринку, де жоден учасник не має апіорних ринкових переваг. Мова може йти про такі освітянські послуги, потреба в яких реально існує, але державне фінансування яких навряд чи з'явиться. Це стосується, зокрема, бізнес-освіти та післядипломної освіти взагалі. Сьогодні цей ринок в Україні ще не досить розвинений. Однак досвід розвинених країн свідчить про його значну потенційну емність.

Отримати конкурентні переваги в цьому сегменті можна, пройшовши не тільки національну акредитацію, але й міжнародну. Так, Дніпропетровський університет імені Альфреда Нобеля у 2013 р. завершив процедуру акредитації програми підготовки магістрів з бізнес-адміністрування в Європейській раді з бізнес-освіти (Швейцарія).

7. Приватний навчальний заклад, який орієнтований лише на місцевий або навіть міжрегіональний ринок, не має серйозних перспектив. Глобалізація освітнього простору вимагає орієнтації на міжнародний статус. Тому однією з концептуальних засад розвитку приватної освіти повинна стати готовність надання таких освітніх продуктів, які можуть викликали зацікавленість студентів із-за кордону. Важливою конкурентною перевагою українських навчальних закладів взагалі (а не тільки приватних) може стати надання освітніх послуг англійською мовою. Сьогодні англійські програми можна знайти практично в кожному європейському університеті. Для України ж це досить екзотичний продукт.

З 2010 р. Дніпропетровський університет імені Альфреда Нобеля започаткував англійську програму підготовки бакалаврів з міжнародної економіки. Це значно підвищило його привабливість не тільки для українських студентів, які хотіли б отримати європейську освіту на теренах України, але й для іноземних студентів, які тепер не втрачають рік для навчання на підготовчому відділенні, а зразу розпочинають з навчання за професійною підготовкою. Як наслідок,

сьогодні в університеті навчаються студенти з 22 країн світу, і географія постійно розширюється.

8. Загально визнано, що освіта є однією з найбільш консервативних сфер людської діяльності. Мабуть у жодній сфері виробничі технології не живуть так довго, як у сфері освіти. Якщо продуктивність праці робітника на виробництві за останні сто років зросла у десятки разів, то продуктивність праці професора майже залишилася незмінною. З одного боку, такий консерватизм робить освіту менш вразливою до різноманітних потрясінь. Саме завдяки консерватизму вона пережила і перебудову 80-х років, і буремні 90-ті роки, і виживає в умовах сучасної глибокої фінансово-економічної кризи. І це добре. Але з іншого боку, сьогодні досить гостро відчувається суперечність між змістом навчання, його організацією, критеріями оцінки якості, фінансуванням і вимогами сучасного інформаційного суспільства.

Звичайно, мало хто буде заперечувати високу ефективність індивідуалізації навчального процесу в поєднанні з роботою в малих групах. У якості відомого історичного прикладу можна назвати школу Сократа. Але такі технології спрямовані на, говорячи виробничою мовою, одиничне або малосерійне виробництво. Воно, скажімо, й досі використовується при підготовці артистів чи художників. Результат – це особистість, чіткий зв'язок «учитель – учень».

Однак основна частина освітніх процесів набула рис масового виробництва. А тому повинна дотримуватися його законів.

Сучасне масове виробництво ґрунтується на законах і принципах маркетингу. Тому доцільно говорити сьогодні про використання маркетингових принципів і в реорганізації освіти як однієї з концептуальних засад її розвитку.

9. Важливим концептуальним положенням стратегії приватних навчальних закладів повинен бути вплив на формування суспільної думки щодо рівноправності навчальних закладів різних за формою власності. Таке переконання потрібне як для пересічних громадян, так і для політиків.

Ми поділяємо точку зору, що сьогодні вищі навчальні заклади потрібно ділити не на державні та приватні, а на такі, що відповідають сучасним вимогам, та не відповідають їм. Слід відмовитися від

стереотипу, що державні – це добре, а приватні – погано. Помилковим є й зворотне тлумачення, яке дуже властиве для деяких керівників приватних навчальних закладів. Давайте переходити до європейських підходів: відповідає світовим стандартам – добре, не відповідає – погано. Між іншим, абітурієнти демонструють саме такий підхід, коли обирають навчальний заклад для навчання.

Як наслідок, слід визнати рівність перед законом навчальних закладів усіх форм власності, а особливо працівників цих закладів. Чим відрізняється робота професора у приватному навчальному закладі від його роботи в державному університеті? Нічим. Чому ж тоді існує дискримінація його в питаннях пенсійного забезпечення. Якщо з певною мірою умовності ще можна погодитися з різним механізмом оподаткування самих навчальних закладів, то з дискримінацією викладачів погодитися ніяк не можна.

Наступним кроком повинен стати перехід до освітніх сертифікатів, які отримують випускники шкіл. Всякий випускник школи, який пройшов незалежне тестування і набрав необхідну кількість балів, має право на вищу освіту. Було б соціально справедливим, щоб кожний з них отримав відповідний сертифікат, яким він міг би розраховатися за надання йому освітніх послуг у тому чи іншому навчальному закладі, який має державну акредитацію, не залежно від форми власності. Можна вартість цих сертифікатів диференціювати в залежності від кількості набраних балів. Звичайно, вартість навчання у престижних навчальних закладах може бути більшою, ніж вартість сертифікату. Тоді студент здійснює доплату з власних коштів. Скористатися сертифікатом можна лише один раз. Відраховані студенти можуть продовжити навчання лише за власні кошти. Такий підхід є більш справедливим соціально та формуватиме умови для поліпшення успішності в навчальному закладі.

Таким чином, вища приватна освіта в Україні має хороші перспективи розвитку за умови орієнтації навчальних закладів у своїй діяльності на постійні інновації, які б забезпечували їм лідерський статус.

Список літератури

1. Огаренко В. М. Недержавна вища освіта в Україні: перше десятиліття: історичний нарис / В. М. Огаренко. – Запоріжжя : РПВ «Видавець», 2000. – 164 с.
2. Приватная высшая школа в объективе времени: украинский вариант : монография / М-во образования Украины ; ХГИ «НУА» ; под общ. ред. В. И. Астаховой. – Х., 2000. – 464 с.
3. Сидоренко О. Л. Приватна вища освіта: шляхи України у світовому вимірі / О. Л. Сидоренко. – Х. : Основа, 2000. – 256 с.
4. Астахов В. В. Частное образование в Украине: Проблемы и перспективы / В. В. Астахов // Право и образование. – 2005. – № 6. – С. 68–78.

УДК 378:930(477)

*Д. В. Подлесный***ПРИВАТНОЕ ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В УКРАИНЕ:
ТРАНСФОРМАЦИИ ПЕРИОДА РЕВОЛЮЦИИ
И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ****Аннотация**

Статья посвящена изучению трансформаций частной высшей школы Украины в период Революции и Гражданской войны. Реализация задач исследования позволила внести значительные уточнения в картину становления системы частных высших учебных заведений Украины и сделать ряд важных выводов. Было установлено, что на протяжении вышеназванного периода трансформации носили перманентный характер, а их направленность определяли, прежде всего, политико-идеологические факторы. По итогам исследования автор приходит к выводу, что частная высшая школа имеет высокий потенциал в контексте модернизации образовательных систем.

Ключевые слова: высшее образование, частные вузы, Революция, Гражданская война.

Анотація

Стаття присвячена висвітленню трансформацій приватної вищої школи України в період Революції та Громадянської війни. Реалізація завдань дослідження дозволила внести значні уточнення в картину становлення системи приватних вищих навчальних закладів України та зробити низку важливих висновків. Було встановлено, що протягом вищеназваного періоду трансформації приватної вищої освіти мали перманентний характер, а їх спрямованість визначали, насамперед, політико-ідеологічні чинники. За підсумками дослідження автор доходить висновку, що приватна вища школа має високий потенціал у контексті модернізації освітніх систем.

Ключові слова: вища освіта, приватні виші, Революція, Громадянська війна.

Annotation

The Article is dedicated to study of the transformation of the private higher

school in Ukraine in the period of Revolution and Civil War. Realization of the tasks of the research allowed make more precise the picture of development of the system of the private higher schools and come to some important conclusions. The conclusion has been made that during the period of Revolution and Civil War transformations of the private higher education had permanent character and direction of this transformations was defined by the political-ideological factors. The author comes to the conclusion that private higher school has high potential in context of the modernization of the educational systems.

Key words: higher education, private higher schools, Revolution, Civil War.

Актуальность проблемы, рассмотрению которой посвящена статья, обуславливается как потребностью в комплексной реконструкции исторического прошлого, так и необходимостью использования предыдущего опыта в условиях сложных и противоречивых трансформаций образовательной системы современной Украины. Начавшийся в 2010 г. процесс разработки и обсуждения проекта закона «О высшем образовании» еще раз обнажил проблему уязвимости статуса частных вузов в национальной образовательной системе [1]. Представляется, что, приравнивая частные высшие школы к обычным коммерческим организациям, законодатель не берет во внимание факт, что институт негосударственного образования выполняет важнейшие социальные функции и является полноценным субъектом формирования интеллектуального потенциала общества. Последнее подтверждается не только зарубежным, но и отечественным опытом, приобретенным в период конца XIX – начала XX в.

Дополнительной актуальности проблеме функционирования системы негосударственных вузов в период Революции и Гражданской войны придает тот факт, что она до сих пор не была предметом специального исследования в отечественной и зарубежной историографии. Если процесс становления негосударственной высшей школы на рубеже XIX – XX ст. достаточно подробно освещен в работах А. Е. Иванова, Т. А. Удовицкой и некоторых других авторов [2; 3], то изучение проблемы трансформаций частного образования в 1917–1921 гг. нашло отражение лишь в подготовке нескольких разрозненных публикаций, посвященных истории отдельных вузов [4; 5; 6]. Таким образом, цель данной статьи состоит в том, чтобы проанализировать

основные тенденции трансформаций негосударственного сектора отечественной высшей школы в период Революции и Гражданской войны.

В начале XX в. на территории украинских губерний, входивших в состав Российской империи, сложилась достаточно разветвленная система негосударственных вузов, которую представляли частные и общественные (созданные общественными организациями и органами местного самоуправления) высшие школы. По состоянию на февраль 1917 г. здесь функционировали 15 негосударственных вузов различных типов, в которых обучались более 18 тыс. студентов (государственный сектор представляли 9 вузов со студенческим контингентом около 14 тыс. человек) [2, с. 22–158; 3]. При этом негосударственный сектор высшей школы не только доминировал количественно, но и приобрел статус главного носителя образовательных инноваций. Как отмечают исследователи, по состоянию на начало XX ст. негосударственные вузы играли ведущую роль во внедрении новых специальностей и ликвидации культурно-образовательных архаизмов, прежде всего, гендерного и национально-религиозного неравенства в праве на получение высшего образования [2, с. 157; 3]. Февральская революция 1917 г. создала благоприятные общественно-политические условия для дальнейшего расширения системы негосударственного высшего образования. Ведущие посты в Министерстве народного просвещения Временного правительства и созданной в марте 1917 г. комиссии по реформе высшей школы заняли представители либеральной профессуры – А. А. Мануйлов, С. Ф. Ольденбург, В. И. Вернадский и др. – которые выступали за максимальное расширение автономии высшей школы и активно сотрудничали с общественными и частными вузами. Одновременно с либерализацией государственной политики революционные изменения обусловили рост активности педагогического сообщества и культурно-просветительских организаций, которые были главными инициаторами создания негосударственных учебных заведений в дореволюционный период. С учетом вышесказанного вполне закономерно, что, несмотря на эскалацию политического противостояния и непростую экономическую ситуацию, в период весны – осени 1917 г.

на территории современной Украины были основаны сразу 9 негосударственных вузов различного профиля.

Уже в апреле 1917 г. группа профессоров Киевского университета во главе с П. А. Тутковским и В. К. Совинским обратилась в Министерство народного просвещения с проектом устава Киевского географического института, целью которого была подготовка педагогических и научно-исследовательских кадров в сфере географических наук [7]. Данный институт стал первым вузом географического профиля на территории бывшей Российской империи. По инициативе профессорско-преподавательской общественности университета св. Владимира также были основаны Киевский юридический (фундаторы – В. И. Синайский и М. И. Митилюк) и Киевский археологический (основатели – М. В. Довнар-Запольский, В. З. Завитневич и др.) институты [6; 8].

Летом 1917 г. два новых вуза частной формы собственности было создано в Харькове. На базе местного музыкального училища Русским музыкальным обществом была открыта консерватория, рассчитанная на 300 студентов. Об актуальности создания данного учебного заведения свидетельствует факт, что вступительный конкурс составил более 1,5 человек на место [9]. 5 сентября произошло торжественное открытие Высших женских курсов сельского хозяйства и лесоводства, основанных преподавателями Ново-Александровского сельскохозяйственного института (на курсы было зачислено 257 слушательниц) [5, с. 41–42]. Тенденция расширения сети женских вузов нашла продолжение в утверждении Временным правительством устава Екатеринославских частных высших женских курсов, которые стали первым заведением университетского типа в Екатеринославе [2, с. 111].

На подъеме украинского национального движения, который привел к созданию Центральной Рады и последующему провозглашению автономии Украины, национальным крылом интеллигенции был поднят вопрос о создании первой высшей школы с национально-ориентированным учебным процессом – Украинского народного университета в Киеве. Данный вуз, ведущую роль в основании которого сыграли национальные общественные организации – Украинское научное

товарищество, «Просвита», «Праця» – был открыт 5 октября 1917 г. (в университет было зачислено немногим менее 1400 слушателей) [10, с. 115; 11, с. 90]. Уже после падения Временного правительства и провозглашения УНР в Киеве были открыты еще две «украинские» высшие школы – Украинская научно-педагогическая академия и Украинская академия искусств (последняя вскоре получила статус государственного вуза) [11, с. 90–91].

Революционные события 1917 г. оказали существенное влияние и на работу уже существующих общественных и частных высших школ. В данном контексте необходимо, прежде всего, отметить позитивные сдвиги, которые произошли в сфере взаимоотношений частных вузов с государством. В июле 1917 г. Временным правительством была расширена автономия государственных и частных высших школ, которые были выведены из-под контроля попечителей учебных округов и подчинены непосредственно Министру народного просвещения [12]. Также Министерство народного просвещения задекларировало намерение дотировать частные вузы, не преследующие коммерческих целей (прежде всего, женские курсы) из государственного бюджета, с целью чего в конце июня обратилось в Министерство финансов с ходатайством о выдаче кредита размером в 0,5 млн рублей [13]. В течение лета – осени 1917 г. некоторые негосударственные вузы также прилагали усилия по расширению учебно-методической и материально-технической базы. Так, во Фребелевском женском педагогическом институте (г. Киев) открыли украинское отделение, призванное готовить воспитателей дошкольных заведений, а в Екатеринославском частном политехническом институте было сформировано несколько гуманитарных кафедр [11, с. 90; 14]. В свою очередь, при Киевских женских курсах были открыты два общежития и студенческая столовая, что было особенно актуально в условиях многократного роста цен на продукты и жилье (при этом наиболее бедные курсистки освобождались от оплаты за проживание и питание) [4, с. 56].

Свержение Временного правительства и провозглашение Украинской Народной Республики обусловили существенное изменение государственной политики по отношению к частным вузам. С одной стороны, правительственные структуры Центральной Рады приветст-

вовали деятельность национальных общественных организаций по созданию «украинских» высших школ. Так, при содействии Генерального секретариата (с 1918 г. – министерства) образования осенью 1917 г. были открыты три высшие школы с национально-ориентированным учебно-воспитательным процессом, речь о которых шла выше. В свою очередь, в марте 1918 г. Министерством народного образования УНР был разработан план создания системы украинских университетов, согласно которому предполагалось открыть не только три государственных, но и восемь народных университетов в Харькове, Сумах, Кременчуге, Черкассах, Житомире, Виннице, Чернигове и Полтаве [10, с. 116]. В то же время, в период УНР просматривалась тенденция негативного отношения к частному образованию. Наиболее ярко она проявилась в апреле 1918 г., когда Министерство образования заявило о намерении ликвидировать частную собственность на учебные заведения путем передачи соответствующих вузов и школ в управление преподавателей и родителей или общественных организаций [15]. Последнее объясняется политико-идеологическими причинами, ведь костяк Центральной Рады составили украинские революционные партии, которые выступали за ограничение частной собственности на стратегические объекты народного хозяйства.

Новый этап активных трансформаций приватной высшей школы пришелся на период Украинской Державы П. Скоропадского. Как и годом ранее, летом – осенью 1918 г. на территории Украины активизировался процесс создания новых частных и общественных вузов. Особое значение в данном контексте имело открытие классического университета в Екатеринославе, вопрос о создании которого был поднят еще в конце XVIII в. [16]. Состоявшееся осенью 1918 г. открытие Екатеринославского частного университета, на первый курс которого были зачислены 2750 человек, стало одним из самых масштабных негосударственных образовательных проектов на территории всей бывшей Российской империи. В рамках приватной школы в августе 1918 г. был открыт первый вуз технического профиля в Одессе – Одесский политехнический институт [17]. Важную роль в деле расширения сети приватных вузов также сыграло открытие историко-филологического и юридического факультетов в Полтаве,

которые были созданы по инициативе органов местного самоуправления и имели права государственного университета [18, с. 107]. Главным изменением в системе женских вузов стала произошедшая летом 1918 г. реорганизация Харьковских высших женских курсов в женский университет. При этом в Харьковском женском университете могли обучаться и мужчины, которых зачисляли на свободные вакансии [19].

Летом 1918 г. на утверждение в Министерство народного просвещения подавали уставы и другие негосударственные вузы, в частности Киевский польский университет и Одесский муниципальный институт [20, с. 93–94]. Согласно подсчетам М. Г. Кукурудзяка и М. М. Собчинской по состоянию на 1 января 1919 г. на территории Украины функционировали уже 38 общественных и частных вузов, то есть почти в 3 раза больше, чем в начале 1917 г. [11, с. 96]. Справедливости ради стоит отметить, что равные права с государственными вузами имели лишь 20 из них. При этом вполне естественно, что с точки зрения организации учебного процесса, материально-технической базы и кадрового потенциала некоторые новооткрытые институты можно было лишь условно причислить к высшим школам (по этой причине Министерство образования Гетманата отказалось утверждать уставы некоторых вузов, в частности, вышеупомянутого Одесского муниципального института) [20, с. 93].

На наш взгляд, произошедшее в 1918 г. расширение системы частных вузов стало возможным, прежде всего, по двум причинам. Первая из них состоит в том, что правительство Гетманата проводило достаточно демократичную культурно-образовательную политику, основные направления которой, как и в период Временного правительства, определяли представители либеральной профессуры (Н. П. Василенко, В. И. Вернадский и др.). Поэтому неудивительно, что гетманское Министерство народного просвещения относилось к частным высшим школам как к полноправным субъектам научно-образовательной деятельности. Так, осенью 1918 г. Киевский коммерческий и медицинский институты, наряду с государственными вузами, получили право создавать структурные подразделения для подготовки научных кадров и присуждать ученые степени. Также заслуживает внимания факт, что правительство П. Скоропадского

оказало материальную поддержку четырем частным женским вузам Киева и Харькова [18, с. 108].

Не менее важную роль в развитии частного сектора высшей школы сыграла и общая ситуация в стране. Как отмечает большинство исследователей, период Гетманата охарактеризовался установлением относительной стабильности в политической и социально-экономической сфере, в условиях которой вузы и профессорско-преподавательский корпус получили возможность сосредоточиться на выполнении своих непосредственных функций [21; 22]. Так, профессор Г. И. Игреньев, который осенью 1918 г. преподавал в Екатеринославском университете, вспоминал: «Моего преподавательского оклада в университете с излишком хватало на жизнь. Первые два с половиной месяца жили совершенно спокойно. Занятия во вновь открытом университете наладились и шли с большим успехом» [23, с. 187]. При этом относительное благополучие, установившееся в украинских губерниях, составляло резкий контраст с ситуацией в России, где полным ходом шла гражданская война со всеми сопутствующими явлениями, включая террор и продовольственный кризис. Последнее обусловило массовую российско-украинскую миграцию, в которую были вовлечены и представители вузовской общественности. При этом бывшие студенты закрывшихся коммерческих институтов и женских курсов Москвы и Петрограда, естественно, пытались продолжить образование в соответствующих учебных заведениях Киева, Харькова, Одессы и Екатеринослава, что объясняет значительный рост студенческого контингента частных вузов Украины, который наблюдался в 1918 г. Так, Харьковский коммерческий институт в сентябре 1918 г. был вынужден отсрочить прием студентов вследствие огромного наплыва слушателей, переводящихся из Московского коммерческого института [24]. Почти в два раза, по сравнению с дореволюционным периодом, увеличился студенческий контингент Киевских женских курсов, которые приняли слушательниц аналогичных вузов Москвы и Петрограда [4, с. 56]. В свою очередь, число заявок на поступление в Харьковский женский мединститут в два раза превысило число свободных вакансий [25, с. 145]. За счет мигрантов из России некоторые негосударственные вузы, функционировавшие в украинских губерниях, также смогли

значительно укрепить свой кадровый потенциал. Прежде всего, это касается Екатеринославского университета, которому удалось привлечь группу преподавателей Московского университета во главе с бывшим ректором этого вуза, известным ученым-историком М. К. Любавским [16].

Таким образом, в 1918 г. отечественная система частных вузов не только продолжала функционировать, но и активно развивалась. Однако уже в 1919 г. в Украине началась ликвидация негосударственного сектора высшей школы, которая была связана с установлением советской власти. 26 января Временным рабоче-крестьянским правительством Украины был принят Декрет о национализации учебных заведений, в свою очередь, с марта 1919 г. решающие полномочия в управлении вузами передавались назначаемым в административном порядке комиссарам [5, с. 42]. В первой половине 1919 г. советскими органами были также приняты постановления об объединении ряда частных и общественных вузов с государственными высшими школами [4, с. 57; 25, с. 145]. Естественно, обусловленный, прежде всего, политико-идеологическими причинами, факт ликвидации негосударственного сектора высшей школы, который с начала XX в. играл значительную (если не ведущую) роль в подготовке специалистов и имел богатые научно-педагогические традиции, априори не мог позитивно сказаться на интеллектуальном потенциале отечественного социума. В то же время, национализация системы высших учебных заведений была вызвана не только сменой государственной идеологии, но и объективной необходимостью сохранения их образовательного потенциала в тяжелейших социально-экономических реалиях последних двух лет гражданской войны. Уже в 1917–1918 гг. многие частные вузы столкнулись с острыми финансовыми проблемами, вследствие чего были вынуждены повышать стоимость обучения и обращаться с ходатайствами о государственном субсидировании. В свою очередь, в 1919 г. связанный с постоянной сменой власти и ведением военных действий экономический коллапс вкупе с внедрявшейся советским правительством экономической моделью военного коммунизма фактически лишил частные высшие школы источников финансирования [4, с. 56; 25, с. 145].

Летом 1919 г. процесс ликвидации негосударственного сектора высшей школы был приостановлен в связи с переходом большей части территории Украины под контроль Добровольческой армии, командование которой отменило все нормативные акты, изданные советской властью. Однако после третьего установления советской власти в УССР началась масштабная реформа высшей школы, вследствие реализации которой на протяжении 1920 – 1921 гг. основные формы частных высших школ (частные университеты, женские высшие курсы и мединституты, коммерческие институты) были ликвидированы, а их структурные подразделения вошли в состав новых профильных вузов – институтов народного образования, народного хозяйства и мединституты.

Вышесказанное позволяет сделать вывод, что в период Революции и Гражданской войны частная высшая школа Украины подверглась активным и, в то же время, противоречивым трансформациям. Направленные на либерализацию всех сфер общественной жизни, революционные изменения 1917 г. создали благоприятные предпосылки для количественного и качественного роста негосударственного сектора высшей школы. На протяжении 1917 – 1918 гг. на территории современной Украины наблюдалось беспрецедентное расширение сети частных вузов, число которых возросло более чем в два раза. При этом частная и общественная высшая школа продолжала играть значительную роль в процессах оптимизации и модернизации системы высшего образования. Именно в рамках негосударственного сектора произошло открытие первых заведений университетского типа в Екатеринославе и Полтаве, вузов юридического, историко-археологического и географического профилей, а также высших школ, призванных удовлетворить национально-культурные потребности украинского народа. Некоторые позитивные сдвиги произошли и в деятельности дореволюционных частных вузов, которые, несмотря на неизбежные в условиях гражданской войны экономические проблемы, смогли увеличить студенческий контингент, укрепить кадровый потенциал и расширить учебно-научную базу. В то же время, уже в 1919–1920 гг. негосударственный сектор отечественной высшей школы прекратил свое существование. Главную роль в ликвидации

приватних вузів сыграла не их недееспособность или «ненужность», а политико-идеологические причины, которые заключались в несовместимости сохранения негосударственной собственности на учебные заведения с идеологической доктриной партии большевиков. Таким образом, опыт периода Революции и Гражданской войны позволяет еще раз говорить о высоком потенциале негосударственного сектора высшей школы в контексте модернизации национальной образовательной системы и обеспечения всеобщего права на образование.

Проблемы трансформаций приватной высшей школы в период 1917–1921 гг. имеют широкие перспективы дальнейшей научной разработки, которые могут состоять в более детальном освещении проблем функционирования негосударственного высшего образования на различных этапах Революции и Гражданской войны и исследовании истории отдельных общественных и частных высших школ, основанных в данный период.

Список литературы

1. Добко Т. Недержавний університет в Україні: п'яте колесо до воза? / Тарас Добко // Зеркало недели. – 2012. – № 1.
2. Иванов А. Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX века / А. Е. Иванов. – М. : АН СССР, 1991. – 392 с.
3. Удовицька Т. А. Громадські і приватні вищі навчальні заклади в Україні (наприкінці XIX – на початку XX ст.) : автореф. дис. ... канд. іст. наук: 07.00.01 / Удовицька Тетяна Анатоліївна – Х., 2002. – 18 с.
4. Кобченко К. А. Вищі жіночі курси в Києві в 1917–1920 роках / К. А. Кобченко // Етнічна історія народів Європи / КНУ імені Тараса Шевченка. – 2002. – Вип. 13. – С. 55–58.
5. Павлова Т. Г. Вищі жіночі курси сільського господарства та лісівництва в Харкові (1917–1919 рр.) / Т. Г. Павлова // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. Серія: Історія України. – 2008. – Вип. 11. – С. 39–43.
6. Ставицька А. В. Становлення і розвиток Київського археологічного інституту (1917–1924 рр.) / А. В. Ставицька // Наукові записки з української історії : зб. наук. ст. – Вип. 28. – Переяслав-Хмельницький, 2012. – С. 93–98.
7. Географический институт // Новое время. – Петроград, 1917. – 2 мая.

8. Усенко І. Б. Київський юридичний інститут / І. Б. Усенко, Т. І. Бондарук / Юридична енциклопедія : у 6 т. / редкол.: Ю. С. Шемшученко (голова редкол.) та ін. – К. : Укр. енцикл., 1998. – Т. 3. – С. 251.

9. Харьковская консерватория Русского музыкального общества // Южный край. – X., 1918. – 12 июля.

10. Завальнюк О. М. Українське наукове товариство і творення національної університетської освіти / О. М. Завальнюк // Укр. істор. журн. – 2008. – № 5. – С. 112–121.

11. Кукурудзьяк М. Г. З історії національної школи і педагогічної думки в УНР / М. Г. Кукурудзьяк, М. М. Собчинська. – Кам'янець-Подільський : Абетка, 1997. – 175 с.

12. В учебных заведениях // Новое время. – 1917. – 23 июля.

13. Учебные дела // Там же. – 27 июня.

14. Учебные дела // Речь. – Петроград, 1917. – 14 мая.

15. Частные учебные заведения // Южный край. – X., 1918. – 24 апреля.

16. Пахоменков Ю. Возникновение университета в Екатеринославе [Электронный ресурс] / Ю. Пахоменков. – Режим доступа: http://gorod.dp.ua/history/article_ru.php?article=18.

17. Народження університету [Електронний ресурс] / Одеський національний політехнічний університет. – Режим доступу: <http://opu.ua/about/history/birth>.

18. Розовик Д. Ф. Культурне будівництво в Україні у 1917–1920 рр. / Д. Ф. Розовик. – К. : Аквілон-Плюс, 2011. – 543 с.

19. В женском университете // Южный край. – 1918. – 12 октября.

20. Майборода С. В. Державне управління вищою освітою в Україні: структура, функції, тенденції розвитку (1917–1959 рр.) / С. В. Майборода – К. : Генеза, 2000 – 457 с.

21. Реєнт О. П. Павло Скоропадський / О. П. Реєнт. – К. : Альтернативи, 2003. – 303 с.

22. Верстюк В. Ф. Українська революція / В. Ф. Верстюк // Історія України / під ред. В. А. Смолія. – К. : Альтернативи, 1997. – С. 184–243.

23. Игреньев Г. Екатеринославские воспоминания / Г. Игреньев // Революция на Украине по мемуарам белых. – М.–Л. : Госиздат, 1930. – С. 186–195.

24. В коммерческом институте // Южный край. – 1918. – 3 сентября.

25. Петрова З. П. Женский медицинский институт Харьковского медицинского общества (1910–1920 гг.) / З. П. Петрова // Международный медицинский журнал. – 2006. – № 4. – С. 139–146.

УДК 316.723-057.875

*Н. Г. Чибисова***О МОЛОДЕЖНОЙ СУБКУЛЬТУРЕ
В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ****ON A YOUTH SUBCULTURE IN THE STUDENTS
ENVIRONMENT****Аннотация**

Статья поднимает проблемы формирования молодежных форм субкультуры в современной студенческой среде.

В формирующемся информационном обществе в рамках молодежной культуры складываются формы культуры, появление которых обусловлено самим фактом существования в обществе многообразных социальных отношений и структур. Порой данные формы культуры становятся альтернативными тем, что существуют в обществе. Попытки запретить, уничтожить молодежные формы субкультуры порождают появление еще более уродливых ее форм.

На возникновение и становление молодежной субкультуры можно оказывать влияние. И действенная роль в этом процессе принадлежит культурно-образовательной среде вуза.

Ключевые слова: молодежь, студенчество, культура, субкультура, молодежная субкультура, контркультура, молодежная контркультура, формы субкультуры, культурно-образовательная среда.

Анотація

Стаття підіймає проблеми формування молодіжних форм субкультури в сучасному студентському середовищі.

У формуючому інформаційному суспільстві в межах молодіжної культури складаються різноманітні форми культури, поява яких обумовлена самим фактом існування в суспільстві різноманітних соціальних відносин і структур. Деколи дані форми культури стають альтернативними тим, що існують у суспільстві. Спроби заборонити, знищити молодіжні форми субкультури породжують появу ще потворніших її форм.

На виникнення молодіжної субкультури можна чинити вплив. І дієва роль у цьому процесі належить культурно-освітньому середовищу ВНЗ.

Ключові слова: молодь, студентство, культура, субкультура, молодіжна субкультура, контркультура, молодіжна контркультура, форми субкультури, культурно-освітнє середовище.

Annotation

In the modern information society a number of diverse youth subcultures are being formed; their emergence results from the very fact of the existence of various social relations and structures in the society. Sometimes these new forms of culture present alternatives to those already existing in the society. Any attempts to prohibit or destroy the young people's subcultures lead to the emergence of even more ugly forms.

The purpose of the article is to consider a students' culture and suggest possible ways of its formation.

A great role in this process belongs to the cultural and educational environment of a higher educational establishment. However, we shouldn't forget about the part played by the state, public organizations, families in this process and about the young people's ambitions and their desire to understand the surrounding world and adjust to it.

Key words: youth, studentship, culture, subculture, youth subculture, counterculture, youth counterculture, forms of subculture, cultural and educational environment.

Культура современного общества – динамичная, неоднородная, многослойная. Она во многом зависит от процессов, связанных с формированием «техногенной цивилизации».

Исследователи культуры все чаще выделяют различные ее уровни, формы, виды. Это связано с тем, что культура стала подвижной, постоянно возникают инновации, меняются традиции прошлого, складываются новые ценностные ориентации и установки. Изменения в обществе и культуре затрудняют процессы социализации индивидов, их адаптацию к современным условиям бытия. Поиски себя, своей индивидуальности становятся более сложными, противоречивыми, с частой сменой жизненных приоритетов и идеалов.

В современном обществе возрастные границы социальной активности сдвинулись в сторону омоложения, о чем свидетельствует увеличение на постсоветском пространстве количества молодых людей, выполняющих роли удачливых менеджеров, руководителей финансовых и промышленных предприятий, ведущих политиков, представителей верхних эшелонов законодательной и исполнительной власти.

В условиях информационного общества молодые люди поставлены перед необходимостью раннего выбора ценностных приоритетов, жизненного пути. Молодежь уже со студенческой скамьи, стремится освоить опыт, перенять традиции старшего поколения, начать трудовую карьеру, чтобы по окончании учебного заведения гарантировать себе интересную и перспективную работу. В то же время, молодые люди сталкиваются с невостребованностью опыта старшего поколения, которое жило и трудилось в другой эпохе, в иной социально-экономической системе, с другими ценностями и идеалами. Формируя сегодня свой собственный жизненный путь, молодежь уже на этапе первичной социализации начинает подвергать критике опыт старших поколений и предлагать новые формы жизнедеятельности и культуры.

Цель данной статьи рассмотреть, складывающиеся на современном этапе, формы молодежной студенческой культуры и наметить пути ее формирования.

Проблемы становления молодежной культуры являются актуальными и жизненно важными, так как будущее нового общества зависит от ценностных ориентаций, жизненных стратегий, форм культуры современных молодых людей.

Изучением вопросов формирования культуры молодежи в советский период занимались философы, социологи, психологи, педагоги, культурологи: И. В. Бестужев-Лада, П. С. Гуревич, С. Н. Иконников, Л. Г. Ионин, И. С. Кон, Н. Б. Крылова, Ю. А. Левада, А. В. Лисовский, Л. Я. Рубина, М. Н. Руткевич, З. В. Сикевич, М. Титма, Ф. Р. Филиппов, Ф. Э. Шерега, В. Н. Шубкин, В. А. Ядов, Е. А. Якуба.

И сегодня на постсоветском пространстве исследователи уделяют значительное внимание вопросам молодежной культуры, отдельные аспекты которой изучают: В. И. Астахова, Е. В. Астахова, О. Г. Заярная, Д. В. Карабаш, А. Л. Корженко, С. И. Левикова, В. Т. Лисовский, Л. В. Мосиенко, А. В. Мудрик, А. И. Мазурова, Е. В. Малахова, Е. Л. Омельченко, П. В. Разин, В. К. Сергеев, Л. Г. Сокурянская и др. Однако формы молодежной субкультуры продолжают оставаться слабо изученными, хотя их значение в жизни общества огромно и они требуют глубокого анализа и исследования.

Термин «молодежь» характеризует сегодня социальную группу

в возрасте от 15 до 30 лет, в период гражданского и профессионального ее становления.

Формирование и развитие молодежной культуры невозможно рассматривать в отрыве от общественных процессов, протекающих в государстве, в мировом сообществе, поскольку молодежь является частью общества и включена в многообразные общественные структуры, отношения.

Молодежная культура – это часть культуры общества, которая представляет самостоятельную систему; это определенный этап в развитии культуры индивида. Для молодежной культуры характерен постоянный поиск, стремление к новому, изменение приоритетов и ценностных ориентаций. Площадкой для ее проявления чаще всего выступает сфера досуга, позволяющая молодым людям активно проявлять самостоятельность, инициативу, организаторские и творческие способности [1].

В рамках молодежной культуры складываются различные образования, представляющие собой альтернативные или варианты формы общественных или культурных процессов. Поэтому наряду с термином «молодежная культура» в литературе часто соседствует термин «молодежная субкультура». Данный термин характеризует культуру конкретной молодежной общности, пространственно и социально в большей или меньшей степени обособленной; он акцентирует внимание на ее сущностных основах, таких, как система ценностей и ценностных установок, способы поведения и жизненные стили общения. Элементы молодежной субкультуры: ритуалы, нормы, ценности, как правило, отличаются от господствующих в обществе, хотя с ними они непосредственно связаны [2, с. 325]. М. Брейк отмечал, что субкультуры как «системы значений, способов выражения или жизненных стилей» развивались социальными группами, находившимися в подчиненном положении, и отражали попытки таких групп решить структурные противоречия, возникающие в более широком социальном контексте» [3].

Иногда молодежные формы культуры представляют собой своеобразный вызов обществу или являются стихийным протестом против конкретных общественных явлений. Они отрицают

существующие в обществе традиционные ценности и нормы, предлагая новые нормы поведения, основанные на свободе самовыражения, фантазии, открытом проявлении чувств, невербальном способе общения. Такие формы молодежной культуры стали обозначать в литературе термином «молодежная контркультура». Сутью «молодежной контркультуры» становится свобода от внешних условностей, нравственных запретов, моральных авторитетов. Зачастую проявления форм контркультуры у молодых людей свидетельствует о том, что у них еще окончательно не сложилась ценностная система, а их жизненные установки находятся только на стадии формирования.

В развитом демократическом обществе возникновение и существование альтернативных форм культуры неизбежно, это детерминруется самим фактом наличия многообразных социальных отношений. Культура современного общества – многообразна и многослойна, и представляет собой смешанный тип культуры. Попытки запретить, уничтожить те или иные формы культуры порождают наиболее уродливые ее формы, такие, как протестные, агрессивные.

Поскольку культура представляет собой саморазвивающуюся систему, она выталкивает из себя, оставляет в прошлом все отжившее, сдерживающее ее развитие и одновременно вбирает, осваивает новые прогрессивные, перспективные формы и явления. В целом же альтернативные формы культуры способствуют обогащению и омоложению культуры общества [4].

Молодежь, как наиболее чуткая и восприимчивая общность первой воспринимает новые формы культуры со всеми позитивными и негативными ее особенностями.

Таким образом, с одной стороны, формы молодежной субкультуры можно трактовать как протестные, которые содержат неприятие культуры взрослых, их ценностей, идеалов, а с другой – данные формы культуры можно рассматривать как возможные формы адаптации, приобщения к обществу и культуре взрослых. Государство, общественные организации, институт образования и семьи способны оказать молодым людям помощь в их социализации, в гражданском и профессиональном становлении, в формировании культуры.

Ведущей группой молодежи в современном обществе является студенчество, которому присуще выполнение наиболее потенциально важных для общества функций, главной среди которых выступает – образовательная.

В период студенчества наблюдается наивысшая активность оперативной памяти, быстрота переключения внимания с одного явления на другое, разрешение вербально-логических задач, наибольшая пластичность в формировании сложных психомоторных и других умений; проявляются оптимальные результаты чувственного восприятия внешнего мира, то есть в этот период возрастает уровень мыслительных возможностей человека, осуществляется становление целостности интеллекта и его структуры [5, с. 225], складываются формы культуры.

Студенчеству как социальной группе молодежи присущи такие же социально-психологические черты, как и общности в целом, это повышенная реакция на конкретные жизненные ситуации, жажда открытий, романтизм, стремление к идеальным переживаниям, гармонии и совершенству действительности, осуществлению коммуникативной деятельности на основе духовной общности, развитых форм товарищества, характерна мобильность жизненных установок, обостренный интерес к внутреннему миру человека. В то же время, студенчеству не достает жизненного опыта, нравственной зрелости, достаточно развитой политической и правовой культуры, самоорганизации, рационального распределения и использования рабочего и свободного времени [5, с. 226].

В современном обществе студенчество является неоднородной социальной общностью, которая различается по возрастным (сегодня можно стать студентом и в 17, и в 50 лет), материальным (имущественным), культурным параметрам. Студенты выступают носителями разных ценностных систем и установок.

На современном этапе в среде украинского студенчества существуют различные виды молодежной субкультуры: «мажоры» – материально обеспеченные молодые люди, выходцы из богатых семей, они ориентированы на «легкое» добывание денег и «красивую» жизнь, им присущ нравственный релятивизм, чувство корпоратив-

ности; «яппи» и «неяппи» – это выходцы из средне- и малообеспеченных семей, они отличаются целеустремленностью, прагматизмом, самостоятельностью суждений. Они ориентированы на обеспечение материального достатка и продвижения по карьерной лестнице. Они рассматривают обучение в вузе как трамплин для успешного продвижения в жизни. Их отличает в одежде деловой стиль и опрятность. «Яппи», как правило, не имеют вредных привычек, заботятся о своем здоровье, занимаются спортом, посещают учреждения культуры.

В формирующемся информационном обществе в студенческой среде стали складываться новые формы культуры, связанные с Интернет-технологиями, и прежде всего с посещением web-сайтов: «Вконтакте», «Facebook», «Мой мир»; форумов, чатов, а также с участием в сетевых онлайн-играх, прослушивание музыки, просмотр фильмов, клипов и др.

Интернет заполнил свободное время молодых людей и тем самым начал оказывать активное влияние на формирование интеллекта, культуры. Поэтому в современных условиях важно, чтобы Интернет позитивно влиял на формирование личности молодого человека, не разрушал ее, а помогал конструировать, выстраивать. Интернет не должен заменять живое общение, встречу с книгой, музеем, театром. Но, к сожалению, сегодня наблюдается и чрезмерное увлечение Интернет-технологиями, которые порой заполняют досуг студенческой молодежи. Так, возникла новая форма молодежной субкультуры – субкультура «геймеров», которая породила свою систему ценностей. Данная форма культуры способствует изоляции молодого человека от общества, окружающей действительности, что, в свою очередь, может привести к противоречиям, конфликтам, возникающим между индивидом и обществом.

Почему же возникают в среде студенчества многообразные формы субкультур? Это связано с различными факторами: молодые люди порой не могут самореализоваться.

Основными социальными факторами, способствующими возникновению неформальных молодежных групп, являются: невозможность самореализации в кругу семьи, в школе, вузе; отсутствие общественных молодежных организаций (ранее в процессе социализации

участвовал комсомол); разногласия и расхождения во взглядах с родителями и преподавателями. В таких ситуациях молодые люди стремятся уйти от одиночества, ищут единомышленников и уходят в неформальные объединения.

Молодежная субкультура не является константой. Ее проявления зачастую носят временный характер и связаны с возрастными особенностями. Эти проявления могут носить как негативный, антиобщественный, так и позитивный характер: содействовать социализации молодых людей путем решения проблем, порождаемых противоречиями социально-экономической структуры; проблем конфликта поколений; путем создания таких элементов культуры (эстетический стиль, стиль жизни, жизненные ценности), которые участвуют в создании идентичности, отличной от той, которая предписывается семьей, школой, профессиональным сообществом; путем влияния на моду или создания стилей, новых направлений в моде. Некоторые формы молодежной субкультуры постепенно вырастают в культуру общества и становятся общепринятыми (раскованность, экологизм, отказ от этноцентризма, культурный релятивизм) [6].

В современном обществе значительная роль в становлении личности студента принадлежит вузовской культурно-образовательной среде. Именно она способна помочь молодому человеку стать целостной личностью, так как в определенной субкультурной среде определяются ценностные предпочтения, обретаются нравственные смыслы. Культурно-образовательная среда – это прежде всего условия, в которых комфортно, на современном уровне протекает образовательная деятельность студентов. Кроме того, культурно-образовательная среда вуза – это условия для всестороннего развития их личности, формирования их нравственных, физических, художественно-эстетических способностей. Современная культурно-образовательная среда вуза предполагает высокопрофессиональную, инновационную деятельность педагогов, как в ходе учебного процесса, так и во вне аудиторное время [7].

Роль культурно-образовательной среды вуза в формировании и функционировании молодежной субкультуры в среде студентов

может стать значимой и действенной. Но не стоит забывать и о роли государства, общественных организаций, семьи в данном процессе, а также о стремлениях, желаниях самих молодых людей понять и признать мир, существующий вокруг них.

Список литературы

1. Культурология : учеб. для студ. техн. вузов / колл. авт.; под ред. Н. Г. Багдасарян. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Высш. шк., 2001. – 511 с.
2. Аберкромби Н. Социологический словарь / Н. Аберкромби, С. Хилл, Б. С. Тернер ; пер. с англ. под ред. С. А. Ерофеева. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1997. – 420 с.
3. Brake M. The Sociology of Youth Cultures and Youth Subcultures in America, Britain and Canada / M. Brake. – London, 1995. – P. 8.
4. Сергеев В. К. Молодежные субкультуры в республике / В. К. Сергеев // Социол. исслед. – 1998. – № 11. – С. 95–102.
5. Приватная высшая школа в объективе времени: украинский вариант : монография / М-во образования Украины, ХГИ «НУА» ; под общ. ред. В. И. Астаховой. – Х., 2000. – 462 с.
6. Мосиенко Л. В. Молодежная субкультура в образовательном пространстве вуза / Л. В. Мосиенко // Социол. науки. – 2010. – № 9. – С. 124–127.
7. Чибисова Н. Г. Социокультурная среда вуза – фундамент накопления студентами культурного капитала / Н. Г. Чибисова // Alma mater (Вест. высш. шк.). – 2010. – № 8 (сентябрь). – С. 18–26.

УДК 316.74:37

*С. А. Щудло***РИЗИКИ МОЛОДІ У СИСТЕМІ ВИЩОЇ ОСВІТИ
RISKS OF YOUNG PEOPLE IN SYSTEM OF HIGHER
EDUCATION****Аннотация**

Автор анализирует риски, с которыми сталкивается молодежь в системе высшего образования. Особое внимание сосредотачивает на внутренних конфликтах института высшего образования. Общественная нестабильность, перманентные реформы системы высшего образования наполняют образовательное пространство большим количеством противоречий. Из широкого спектра рисков молодежи в сфере высшего образования обращено внимание на риски, связанные с вступлением в вуз, получением качественного образования, завершением обучения и выходом на рынок труда. Выявлено, что конфликт молодежи с институтом высшего образования начинается на этапе включения молодежи в систему высшего образования и развивается на всех последующих стадиях профессиональной подготовки, достигая своего апогея на этапе выхода на рынок труда.

Ключевые слова: молодежь, образование, высшее образование, риск, общество риска.

Анотація

Автор аналізує ризики, з якими стикається молодь у системі вищої освіти. Особливу увагу зосереджує на внутрішніх конфліктах інституту вищої освіти. Суспільна нестабільність, перманентні реформи системи вищої освіти наповнюють освітній простір великою кількістю суперечностей. З широкого спектру ризиків молоді у сфері вищої освіти звернено увагу на ризики, пов'язані зі вступом до вищого навчального закладу, отриманням якісної освіти, завершенням навчання і виходом на ринок праці. Виявлено, що конфлікт молоді з інститутом вищої освіти розпочинається на початкових етапах включення молоді до системи вищої освіти і продовжує розгортатися й на наступних стадіях професійної підготовки, досягаючи свого апогею на етапі виходу на ринок праці.

Ключові слова: молодь, освіта, вища освіта, ризик, суспільство ризику.

Annotation

The author analyses the risks faced by young people in the system of higher

education. Special attention is focused on the internal conflicts of institute of higher education. Social instability, permanent reforms of the system of higher education fill educational space with plenty of contradictions. From a wide spectrum of risks of young people in the field of higher education much attention is paid to the risks related to the entry to university, the receipt of quality education and graduation and entering the labour market. It is deduced that the conflict of young people with the institute of higher education begins on the initial stages of including youth to the system of higher education. It continues to be opened out on the next stages of professional preparation arriving at the apogee on the stage of going into the market of labour.

Key words: youth, education, higher education, risk, risk society.

Зростання обсягу знань та інформації, збільшення та диференціація форм загальної та професійної підготовки, розбалансованість інституту ринку праці та ринку освітніх послуг тісно пов'язані зі збільшенням ризикових ситуацій. Внутрішньоінституційні проблеми вищої освіти, які все яскравіше проявляються в даний час, зумовлюють дисбаланс її взаємодії з суспільством та постають чинником ескалації ризиків у молодіжному середовищі. В означеній ситуації зростає необхідність передбачення та виявлення можливих ризиків, їх наукового осмислення, а також вчасних дій, спрямованих на їх усунення або мінімізацію негативних наслідків.

Проблема ризику не є новою у плані наукових досліджень. Наукові пошуки у сфері ризикології концентруються навколо різних типів ризику: інформаційного, технологічного, економічного, соціокультурного та ін. Дослідження ризику в усіх сферах людської життєдіяльності набуло у наш час особливої наукової та соціально-практичної ваги. Динамічний і багатоваріантний соціум, в який постійно «занурена» сучасна людина, неминуче породжує ризики. Особливу увагу привертають ризики у сфері освіти. Концептуальні засади дослідження суспільства ризику, на які ми будемо спиратися у нашому аналізі сфери освіти, закладені у теоріях У. Бека та Е. Гідденса. Спеціальні дослідження становища молоді в умовах суспільства ризику проведені Ю. Зубок, В. Чупровим, К. Уільямсом та ін. Освітні ризики стали предметом наукової уваги П. Щеглова та Н. Нікітіної, С. Садрицької та ін.

У нашому аналізі проблеми ми виходимо з того, що в сучасному

суспільстві – на етапі другої модернізації – ризик розглядається як невід’ємний атрибут існування будь-якої соціальної системи. Соціум стає все більш динамічним, варіативним, а отже, складно прогнозованим. У такому середовищі індивід постає перед проблемою вибору у багатоманітті альтернатив, потрапляє у ситуації невизначеності, а звідси – й ризику. Водночас, на думку дослідників проблеми ризику, «невизначеність соціальної реальності характеризує як об’єктивну дійсність, так і відображення її у формах діяльності суб’єкта і рефлексію самої діяльності» [1, с. 10].

Метою нашого дослідження є аналіз основних ризиків, які постають перед молоддю у системі вищої освіти. Ми сконцентруємо увагу на чинниках ризикогенності освітнього середовища, з одного боку, та ризиках молоді, пов’язаних з включенням до системи вищої освіти, отриманням якісної освіти, а також на етапі завершення навчання та виходу на ринок праці, з іншого. У такому контексті ми ризик будемо розглядати як протиріччя між об’єктивною та суб’єктивною його формами, тобто між ризиками, що продукуються середовищем, та діяльними, які безпосередньо залежать від молоді.

Предметом нашого аналізу є освітнє середовище, яке внаслідок своєї нестабільності відчутно продукує соціальні ризики. Протягом останніх двох десятиліть вітчизняна система освіти відчуває на собі перманентні реформи, зорієнтовані на пошук та впровадження оптимальної освітньої моделі. Україна як одна з держав пострадянського простору успадкувала систему освіти з ієрархічними централізованими структурами управління, системою навчання, зорієнтованою на відтворення суми знань, «залишковим принципом» фінансування та декларативністю соціальної рівності у доступі до освіти. Сформована в іншому соціальному середовищі освітня система працювала достатньо ефективно для свого часу, забезпечуючи відтворення індивідів, які безпроблемно адаптувалися до централізованої планової економіки, відносної соціальної рівності та пануючої у суспільстві ідеології. Для сучасного етапу суспільного розвитку існуюча система освіти виявилася неадекватною. Інакше соціальне середовище поставило до освіти інакші соціальні вимоги. Неспроможність сучасної освіти відповідати означеним суспільним викликам зумовлює

перманентні трансформації інституту освіти, а це, в свою чергу, ускладнює включення молоді у сферу освіти, збільшує кількість ризиків.

Чимало соціальних загострень викликало розширення доступу до вищої освіти. По-перше, постало питання: «Чи може бути масова освіта якісною?» Відповідь не є однозначною. За умов збільшення попиту на освітні послуги навчальні заклади поступово перетворюються на «провайдерів» навчальних послуг. Небезпека, на нашу думку, полягає в тому, що «занижуються вимоги до якості освіти як агентами «постачальниками» освітніх послуг, так і їх споживачами» [2, с. 140]. Зростання кількості навчальних закладів і боротьба за студента мала б, у кінцевому рахунку, вести до підвищення якості освітніх послуг, які надають навчальні заклади. Однак реальна практика вкотре доводить, що соціальні процеси не є лінійно залежними. «Посилення конкуренції на ринку освітніх послуг призвело до зниження якості освіти в результаті відсутності контролю та зниження внутрішніх академічних стандартів. Студенти прагнуть отримати дипломи ціною мінімальних затрат часу та сил за умови внесення плати за навчання, що призвело до значної девальвації диплому» [3, с. 10]. Дослідниця Н. Веретенникова обґрунтовує, що екстенсивне зростання сектору вищої освіти буде продовжуватися до тих пір, поки готовність заплатити за диплом, який обезцінюється, покриватиме низькі «транзакційні втрати» вищих навчальних закладів. Адже поки діє принцип «більше студентів – більше грошей», – страждає якість освіти. В умовах зниження інвестицій з боку держави в освіту навчальні заклади вибирають стратегію збереження та примноження кількості студентів, насамперед платної форми навчання, тобто рухаються у напрямку комерціалізації діяльності.

Треба наголосити, що зростання попиту на вищу освіту не означає виключного зростання попиту на отримання знань та навичок. Зростає частка студентів, які вступають до вищого навчального закладу заради формального результату – отримання диплому. Як наголошує В. Ядов, «конкуренція на ринку праці різко підвищила цінність сертифікату про освіту, і молодь швидко засвоїла, що диплом – важливе поповнення особистісного капіталу. Вчаться не стільки заради засвоєння знань, скільки заради посвідчення про професіоналізм» [4,

с. 5]. Треба молоді зрозуміти, що диплом про вищу освіту є лише передумовою кар'єрного зростання та матеріального благополуччя, дає лише право на участь у конкурсі на ринку праці. В останнє десятиліття він стає необхідною, однак недостатньою умовою для здійснення успішної соціальної та професійної діяльності. Формальний результат освіти (диплом) повинен бути наповнений і підтверджений реальним результатом, тобто високим рівнем якісних знань, умінь, навичок, розвитку особистості.

Розглянемо ще один з суттєвих ризиків, що постає перед молоддю у вищій освіті: чи може вища освіта, яка переповнена внутрішніми протиріччями, гарантувати студентіві якісну освіту. Іншими словами, чи може студент, прийшовши у вищу школу, мати гарантії, що отримає якісну освіту, яка дасть йому змогу отримати бажаний соціальний, професійний, економічний статус у суспільстві. Адже саме на це, як засвідчують результати численних опитувань, розраховує студент.

Об'єктивної інформації про якість отримуваної освіти студент не має, як і не має реальних важелів впливу на якість освіти та контролю за нею. Дослідник Р. Шматков [5, с. 59–60] виділяє такі ролі, які відіграє студент у системі якості навчального закладу:

- студент – основний внутрішній споживач освітніх, виховних, інформаційних послуг, які надаються навчальним закладом;
- студент – співучасник основних та допоміжних функціональних процесів вищого навчального закладу, тому має право на контроль та вплив на процеси та життєдіяльність навчального закладу;
- студент – основне джерело фінансування навчального закладу (для недержавних освітніх установ);
- студент – індикатор та аудитор якості функціональних процесів.

Зважаючи на багатоманітність функцій студента як суб'єкта освітнього процесу, парадокс полягає в тому, що саме цей центральний суб'єкт, порівняно з іншими соціальними акторами у сфері освіти, є найбільш незахищеним, малоінформованим щодо параметрів якості освіти. Проведення опитувань серед студентів про якість отримуваної ними освіти не є поширеною практикою у просторі вітчизняної вищої освіти, хоча даний інструментарій у багатьох країнах є обов'язковим для застосування у вищій школі і враховується при проходженні

навчальними закладами акредитаційних процедур [6, с. 67]. Найкращим критерієм якості отримуваної освіти можна було б вважати працевлаштування випускника та його кар'єру. Насправді, це єдиний об'єктивний критерій ефективності освіти та її якості. Однак відповідь на це запитання можуть дати лише особи, які завершили навчання. Студент, навчаючись, має досить поверхнєве уявлення про те, чим йому у професійному плані доведеться займатися, які професійні завдання він буде вирішувати. Більшість студентів під час навчання не знають, де в майбутньому працевлаштуються і які знання та вміння їм практично знадобляться. Ускладнює ситуацію ще й той факт, що значна частина випускників вищих навчальних закладів працевлаштовується не за отримуваним фахом.

Серед ключових проблем вищої освіти, що збільшує її ризикованість, є розбалансування з ринком праці. Ця проблема почала осмислюватись науковцями ще з кінця 1970-х років. Одним з перших до неї звернувся німецький соціолог Ульріх Бек, запропонувавши метафору «примарного вокзалу» [7]. Саме такого, на його погляд, вигляду набув інститут освіти. З одного боку, свій кар'єрний шлях молода людина може розпочати лише з цього вокзалу. Але, з іншого боку, потяги тут давно перестали відправлятися за розкладом. Можна усе життя прочекати свого потягу, але так і не вирушити в дорогу.

Образ «примарного вокзалу» надзвичайно дисонує з ідеєю суспільства знань. Однак Елвін Тоффлер у своїх останніх працях доводить, що неузгодженість розвитку інститутів у сучасному суспільстві набуває просто катастрофічних масштабів. Причиною цієї неузгодженості є різна швидкість та різні вектори зміни соціальних інститутів [8]. Насправді, особливо актуальною в умовах ринкової економіки при відсутності системи державного розподілу випускників стала проблема невідповідності знань, умінь і навичок випускників вищих навчальних закладів запитам ринку праці. Важливим чинником, який перешкоджає узгодженню вимог ринку праці з пропозицією фахівців, є недосконалість системи підготовки кадрів, що є яскравим індикатором якості вищої освіти. Безліч випускників престижних, популярних спеціальностей неспроможні забезпечити себе роботою через те, що ринок поступово насичується ними, а пропозиція робочої сили,

відповідно, починає перевищувати попит. Необхідно відзначити, що при такій ситуації збільшення масштабів надходження молоді на ринок праці без включення додаткових регуляторів цього процесу може призвести до ще більшого загострення проблеми молодіжної зайнятості.

У зв'язку зі швидкими структурними змінами, що відбуваються в Україні та світі, виникає нове уявлення про професійну освіту, яке формує як спеціальні знання, так і універсальні здібності, такі як гнучкість, адаптивність, висока здатність до навчання, готовність до безперервної освіти і т. ін. На нашу думку, не варто занадто вдаватися до вузької професіоналізації у підготовці молоді. У ринковій економіці випускникові системи професійної освіти, який вільний у пошуку роботи, бажано мати якомога ширший діапазон можливостей. Чим ширшою та більш універсальною є його підготовка, тим більшими шансами працевлаштування він буде володіти. Роботодавцям сьогодні потрібні не просто вузькоспеціалізовані працівники, які володіють певним набором знань і навичок, а фахівці, які володіють певними особистісними якостями і проявляють ефективну поведінку у процесі вирішення проблем професійної діяльності. Таким чином, мета освітніх програм – навчити не лише пороговим знанням, але і високоефективній поведінці. Такий підхід зможе дещо знизити ризики молоді при виході на ринок праці.

Отже, можна зробити висновок, що у сучасному суспільстві ризики постають як соціально обумовлені. Вони виникають у зв'язку зі специфікою молоді як соціально-демографічної групи, яка знаходиться на етапі входження у доросле життя, самовизначення у різних сферах життєдіяльності, а також зумовлені новим етапом соціокультурної еволюції, змінами в процесі передачі соціального досвіду між поколіннями, цивілізаційними зрушеннями. У суспільстві ризику соціалізація молоді характеризується потребою поетапного долання низки ризиків, які накладаються один на одного, набувають конвергентного характеру. Особливої гостроти набуває взаємодія молоді з інститутом освіти. Конфлікт з інститутом вищої освіти розпочинається від початкових етапів включення молоді до системи освіти і продовжує розгортатися й на наступних стадіях професійної підготовки, досягаючи свого апогею на етапі виходу на ринок праці. Професійна

соціалізація молоді в системі вищої освіти є однією з найбільш ризикогенних, порівняно з іншими її видами. Випускники вищих навчальних закладів виявляються неконкурентоспроможними на ринку праці. Разом з тим, яскравою тенденцією стало перевиробництво фахівців «модних професій». Неузгодженість дій таких двох інститутів соціалізації, як освіта і зайнятість, обумовлює непередбачуваність транзиції молоді та загострює ризики. Вивчення проблеми інтеграції молоді в сучасне суспільство вимагає врахування того, що ризики молоді носять як груповий, так і індивідуалізований характер, зміщуючись у бік останніх. Попередження та зниження ризиків молоді постає необхідною умовою її інтеграції в суспільство та збереження суспільства як цілісності.

Список літератури

1. Чупров В. И. Молодежь в обществе риска / Чупров В. И., Зубок Ю. А., Уильямс К. – 2-е изд. – М. : Наука, 2003. – 230 с.
2. Щудло С. А. Вища освіта у пошуку якості: Quo Vadis : монографія / Світлана Щудло. – Х. – Дрогобич : Коло, 2012. – 340 с.
3. Веретенникова Н. В. Институциональные ловушки российской системы высшего образования / Н. В. Веретенникова // Вестн. Томского гос. ун-та. Серия «Экономика». – 2009. – № 1 (5). – С. 5–12.
4. Методологические проблемы современной социологии образования : материалы круглого стола [Всерос. конф. «Образование и общество»; Академия труда и социальных отношений, 20–22 окт. 2009 г.] // Высш. образование в России. – 2010. – № 3. – С. 4–21.
5. Шматков Р. Н. Качество высшего профессионального образования: социально-философский анализ : монография / Р. Н. Шматков. – Новосибирск : Изд. НГПУ, 2009. – 319 с.
6. Lewandowski J. Wewnetrzna ocena jakości kształcenia w Akademii Rolniczej im. A. Cieszkowskiego w Poznaniu / J. Lewandowski / Jakość kształcenia w szkole wyższej: moda czy konieczność? / Pod red. B. Sitarskiej. – Siedlce : W-wo Akademii Podlaskiej, 2000. – S. 67–80.
7. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / Ульрих Бек ; [пер. с нем. В. Седельника и Н. Федоровой]. – М. : Прогресс – Традиция, 2000. – 384 с.
8. Тоффлер Э. Шок будущего [Текст] / Э. Тоффлер ; пер. с англ. – М. : ООО «Изд-во АСТ», 2002. – 557 с.

УДК 378.147.016:811.134.2

Е. М. Яриз

**РОЛЬ МОТИВАЦИОННОЙ СРЕДЫ В РЕШЕНИИ
ПРОБЛЕМЫ ОПТИМИЗАЦИИ УЧЕБНО-
ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ**

**THE ROLE OF MOTIVATIONAL ENVIRONMENT
IN THE SOLUTION OF THE PROBLEM OF STUDENTS
EDUCATIONAL AND INFORMATIVE ACTIVITY
OPTIMIZATION**

Аннотация

Цель статьи – рассмотреть роль мотивации в изучении иностранного языка. В связи с этим в статье рассматриваются составные мотивации и ее влияние на учебный процесс. Управление мотивацией в изучении иностранного языка является одной из центральных проблем методики преподавания.

Сегодня изучение иностранного языка является актуальным в связи с интеграцией Украины в Европейский Союз. Это требует пересмотреть подход к овладению иностранным языком, который должен обеспечить успешную интеграцию в языковую среду страны, язык которой изучается за ее границами. В процессе изучения языка перед преподавателем стоит задание создания обстановки иноязычного общения, максимально приближенного к естественным условиям. Мотивация выступает важнейшим фактором усвоения иностранного языка, стимулирующим процесс иноязычного общения.

Ключевые слова: мотивация, мотивационная среда, лингводидактика, образовательный потенциал, фоновые знания, мотивационный компонент.

Анотація

Стаття має за мету розглянути роль мотивації у вивченні іноземної мови. У зв'язку з цим у статті розглядаються складові мотивації і її вплив на навчальний процес. Управління мотивацією у вивченні іноземної мови є однією з центральних проблем методики викладання.

На сьогодні вивчення іноземної мови є актуальним у зв'язку з інтеграцією України в Європейський Союз. Це вимагає переглянути підхід до оволодіння іноземною мовою, який повинний забезпечити успішну інтеграцію в мовне середовище країни, мова якої вивчається за її межами. Перед викладачем постає завдання створення обстановки іншомовного спілкування в процесі

навчання мови, максимально наближеної до природних умов. Мотивація виступає найважливішим чинником засвоєння іноземної мови, стимулюючим процес іншомовного спілкування.

Ключові слова: мотивація, мотиваційне середовище, лінгводидактика, освітній потенціал, фонові знання, мотиваційний компонент.

Annotation

The article sets out to consider the role of motivation in learning a foreign language. The article considers motivation components and their impact on the educational process. Encouraging motivation is one of the key problems of teaching methodology. Today learning a foreign language is essential in connection with the integration of Ukraine with The European Union. This brings about the necessity of revising our approach to mastering a foreign language environment of the country whose language is learnt beyond its borders. The teacher face the problem of modeling situations closest to natural communication in the foreign language. And motivation is of paramount importance as the strongest stimulus of the foreign language learning and usage. Motivation is the most important factor in learning a foreign language, stimulating the process of foreign language communication.

Key words: motivation, motivational environment, linguo-didactics, educational potential, background knowledge, motivational component.

Объектом исследования является мотивация, как определяющий фактор успешного решения проблемы оптимизации учебно-познавательной деятельности студента.

Целью исследования является изучение роли мотивационной среды как положительного фактора, влияющего на результаты учебного процесса.

Изучение иностранного языка невозможно без высокой степени мотивации студентов, их готовности к длительной, напряженной и творческой работе, нацеленной на достижение учебных целей, предусмотренных программой языковой подготовки.

В последнее время существенно повысился интерес к мотивационному аспекту изучения иностранного языка. Мотивация является объектом исследования не только психологии и педагогики, но и лингводидактики и методики обучения иностранным языкам. Изучением этого феномена занимались Асеев В. Г., Божович Л. И.,

Вилюнас В. К., Дробышева И. В., Рождественская Е. А. и др. Безусловно, повышенный интерес к поиску новых методов мотивации студентов связан с интеграционными процессами, проходящими в мире, в частности в Европе, пространство которой становится единым многонациональным, мультикультурным и многоязычным. Это, в свою очередь, требует пересмотра отношения к изучению иностранного языка – способа воспитания толерантности, способности к сотрудничеству, достижения взаимопонимания между народами, уважения к личности независимо от её расовой, национальной, религиозной, политической принадлежности [2].

Будущие специалисты должны активно изучать иностранные языки, так как процесс овладения языком способствует развитию и саморазвитию личности, поддерживает самооценку личности на высоком уровне, помогает разнообразить досуг, повышает шансы молодых специалистов на рынке труда.

Качество выполнения учебной деятельности и её результативность зависят, прежде всего, от побуждений и потребностей индивида, его мотивации. Именно мотивация вызывает целенаправленную активность, которая, в свою очередь, определяет выбор средств и приёмов для достижения целей, т. е. мотивация определяет систему факторов, влияющих на поведение человека.

Мотив выступает в сознании человека как объект или цель, на которую, в конечном счете, направлено поведение. Мотив всегда связан с процессами познания: восприятием, мышлением, памятью, речью. Он побуждает человека к деятельности: будь то труд, общение или познание. Мотивация напрямую связана с успехом; если он отсутствует, то мотивация угасает, и это отрицательно сказывается на выполнении деятельности [4].

Расценивая мотивацию как важнейшую пружину процесса овладения иностранным языком, обеспечивающую высокую результативность, нужно иметь в виду следующее: мотивация определяется собственными побуждениями и пристрастиями студента, осознаваемыми им потребностями субъективного мира.

Проблема развития и поддержания мотивации к изучению иностранного языка остаётся достаточно острой.

Не все мотивы имеют одинаковое влияние на учебную деятельность. Одни из них – ведущие, другие – второстепенные. С другой стороны, все мотивы могут быть разделены на две большие группы. Первая группа непосредственно связана с содержанием и процессом обучения, способами усвоения знаний. Ко второстепенной группе мотивов относятся те, которые связаны лишь с результатами обучения. Такие мотивы могут быть социальными – стремление хорошо окончить школу, поступить в вуз, получить достойную работу в будущем и т. д. Также они могут быть узколичными, делящимися на мотивы благополучия (получить хорошую отметку любой ценой, заслужить похвалу родителей, избежать неприятностей) и престижные мотивы (выделиться среди товарищей, занять определенную позицию в рейтинге группы).

В современном учебном процессе отсутствует специальный механизм оценки степени мотивированности учащихся, хотя, конечно, преподаватель все же оценивает эту сторону деятельности своих студентов. Справедливыми считаются оценки, включающие результаты и усилия, вложенные в выполнение работы. Большинство исследований доказывают, что мотивация достижений успеха – это социальный, то есть приобретенный, мотив. На его формирование влияет множество внешних факторов. Их совокупность называют мотивационной средой [7].

Мотивационная среда способствует реализации *воспитательного* элемента, который предусматривает дальнейшее развитие личности студента, воспитание у него высоких духовных и морально-нравственных качеств. Главным с практической точки зрения здесь является вопрос о том, что составляет основную цель воспитательного процесса: общее формирование личности студента безотносительно к тому, чем он будет заниматься после окончания вуза, или его воспитание с учетом требований будущей профессиональной деятельности.

Личностно-побудительный элемент мотивационной среды включает в себя все многообразие личных учебных побудителей: потребности, интересы, цели, стимулы, мотивы, установки. Учебная деятельность студента мотивируется, прежде всего, внутренними мотивами самоутверждения, престижности, долга, необходимости и т. д. [9].

Наличие личностно-профессионального элемента связано с тем, что мотив получения профессии, обладающей привлекательным карьерным, творческим и развивающим потенциалом, играет для студента ведущую роль по сравнению с такими мотивами учебной деятельности, как получение знаний и получение диплома. Осознание студентом того, что обучение в вузе вооружит его профессиональными компетенциями, которые в будущем будут определять успешность его работы, составляет смыслообразующий мотив его учебной деятельности и в решающей степени определяет уровень его учебно-когнитивной продуктивности и активности в течение всего периода обучения в вузе.

Сильное влияние на мотивацию оказывает степень трудности учебной задачи. Если мы хотим сформировать у студентов мотивацию к учению, то необходимо соблюдать следующие правила:

- задачи должны быть посильными и не требовать приложения сверхусилий;
- деятельность должна предоставлять возможность для выбора;
- должны присутствовать задачи разной степени сложности.

И, наконец, следует определить место рейтинговой системы оценивания персональных достижений студента в учебной деятельности в поддержании высокой мотивации. Мотивационный компонент данной системы заключается в предоставлении студентам различных поощрений материального и морального характера по результатам такой оценки. Самыми популярными, и, следовательно, эффективными являются: предоставление преимущественного права при поступлении в магистратуру и аспирантуру, присуждение грантов для обучения или стажировок в зарубежных вузах, назначение повышенных стипендий для студентов бюджетных вузов, выдвижение на именную стипендию, рекомендации при устройстве на работу в престижных компаниях и т. д.

Все вышесказанное позволяет сделать следующие выводы:

- а) формирование мотивационной среды вуза – это непрерывный процесс, в ходе которого вуз должен находить ответы на все вызовы динамичного и постоянно развивающегося глобального образовательного пространства;

б) мотивационная среда вуза – это результат целенаправленной, длительной и напряженной работы всего профессорско-преподавательского состава вуза.

Перспективы дальнейшего исследования могут найти свое развитие в изучении влияния иноязычной среды на формирование личности студента с учетом требований будущей профессиональной деятельности.

Список литературы

1. Асеев В. Г. Мотивация поведения и формирование личности / В. Г. Асеев. – М. : Триада, 2002. – 200 с.
2. Божович Л. И. Изучение мотивации поведения детей и подростков / Л. И. Божович. – М. : Просвещение, 2001. – 212 с.
3. Верещагин Е. М. Язык и культура : лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного : методическое руководство / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Рус. яз., 1983. – 188 с.
4. Вилюнас В. К. Психологические механизмы мотивации человека / В. К. Вилюнас. – М. : Академия, 2002. – 123 с.
5. Гладков Г. И. Компетентностный подход к преподаванию иностранных языков / Г. И. Гладков // Филологические науки в МГИМО : сб. науч. тр. – М., 2008. – № 31. – С. 6–8.
6. Гордеева Т. Е. Психологическая мотивация достижения / Т. Е. Гордеева. – М. : Академия, 2000. – 156 с.
7. Дробышева И. В. Мотивация: дифференцированный подход / И. В. Дробышева. – М. : Просвещение, 2001. – 160 с.
8. Зимняя И. А. Психология обучения неродному языку / И. А. Зимняя. – М. : Рус. яз., 1989. – 230 с.
9. Журавлева Д. И. Мотивация и проблемы в обучении / Д. И. Журавлева. – М. : Просвещение, 2003. – 219 с.
10. Смирнов С. Д. Психологические факторы успешной учебы студентов вуза [Электронный ресурс] / С. Д. Смирнов // Вестн. Моск. гос. ун-та им. М. В. Ломоносова. Сер. 20, Педагогическое образование. – М., 2004. – № 1. – Режим доступа: <http://www.psy.msu.ru/science/public/smirnov/students.html>.
11. Рождественская Е. А. Особенности мотивации обучения в вузе [Электронный ресурс] / Е. А. Рождественская, Н. А. Рощина, Е. И. Кубарев // Вестн. Томск. гос. пед. ун-та. Сер. Психология. – Томск, 2005. – Вып. 1. – Режим доступа: http://vestnik.tspu.ru/?option=com_coment&task=view&id=289&Itemid=276.

УДК 373.1.02

*А. А. Булатбаева, П. Ш. Маханова***ОБОБЩЕНИЕ ОПЫТА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
ЭЛЕМЕНТОВ МОДЕЛИРОВАНИЯ И СХЕМАТИЗАЦИИ
ДЛЯ ЭФФЕКТИВНОГО ОБУЧЕНИЯ И РАЗВИТИЯ
ШКОЛЬНИКОВ****SUMMARIZING THE EXPERIENCE OF USING
ELEMENTS OF MODELING AND SCHEMATIZATION
FOR EFFECTIVE TRAINING AND DEVELOPMENT
OF SCHOOLCHILDREN****Аннотация**

Цель статьи – изучение и систематизация имеющегося опыта казахстанских исследователей и учителей по применению элементов моделирования и схематизации для развития школьников. В качестве методов авторы использовали анализ, сравнение, моделирование.

В ходе исследования авторами проанализированы основные труды казахстанских ученых по применению моделирования и схематизации в учебном процессе средней школы. Представлены преимущества использования моделирования и схематизации для развития интеллектуальных способностей обучаемых. Моделирование рассмотрено как средство и метод обучения, а также как элемент активизации интеллектуально-познавательной деятельности. Авторами предложена схема изучения предмета «История».

В целом результаты имеют большую значимость в рамках перехода казахстанских школ на 12-летнее обучение и в контексте развития функциональной грамотности учащихся.

Ключевые слова: наглядность, опорные схемы, модели, предметный и логико-методологический уровень схематизации, рефлексивно-методологический и семиотико-методологический уровни схематизации.

Анотація

Мета статті – вивчення і систематизація наявного досвіду казахстанських дослідників і вчителів щодо застосування елементів моделювання та схематизації для розвитку школярів. У якості методів автори використовували аналіз, порівняння, моделювання.

У ході дослідження авторами проаналізовано основні труднощі казахстанських учених щодо застосування моделювання та схематизації в навчальному

процесі середньої школи. Представлені переваги використання моделювання та схематизації для розвитку інтелектуальних здібностей учнів. Моделювання розглянуто як засіб і метод навчання, а також як елемент активізації інтелектуально-пізнавальної діяльності. Авторами запропоновано схему вивчення предмету «Історія».

У цілому результати мають велику значимість у рамках переходу казахстанських шкіл на 12-річне навчання і в контексті розвитку функціональної грамотності учнів.

Ключові слова: наочність, опорні схеми, моделі, наочний і логіко-методологічний рівень схематизації, рефлексивно-методологічний і семіотико-методологічний рівні схематизації.

Annotation

The purpose of the article is to study and systematize the experience of Kazakh researchers and teachers in the use of modeling and schematization elements for the students' development. The methods used include analysis, comparison, modeling.

The authors analyse the main findings of Kazakhstan scientists in the application of modeling and schematization in the secondary school educational process. Advantages of using modeling and schematization in order to develop trainees' mental abilities are presented. Modeling is considered as both a means and a method of training, as well as an element of intellectual and cognitive activities. The authors offer a scheme of studying of the subject «History».

In general, the results obtained are of great importance for the transition of Kazakh schools to a 12-year course of studies in the context of student's functional literacy development.

Key words: visualizing, core schemes, models, subject and logico-methodological level of schematization, reflexive-methodological and semiotics-methodological levels of a schematization.

Каждый учитель стремится провести урок как можно лучше и эффективнее. Для этого ему необходимо выявить резервы по реализации инновационных педагогических задач. Среди этих резервов может быть внедрение новых методов и приемов обучения, а именно использование элементов моделирования и схематизации в учебном процессе.

Теоретический анализ, позволил выделить основные направления использования моделирования в учебном процессе:

- моделирование как метод теоретического познания;

- моделирование как средство организации учебной деятельности учащихся;
- моделирование как средство реализации межпредметных связей в условиях преемственности в обучении;
- использование компьютерных моделей и компьютерного моделирования в обучении.
- моделирование как способ реализации метапредметного подхода в образовании.

Как известно, метапредметы («Знание», «Знак», «Проблема», «Задача») соединяют в себе идею предметности и одновременно надпредметности, идею *рефлексивности* по отношению к предметности [1]. Обычно учащийся, работая с материалом физики, химии, биологии, истории и т. д., запоминает важнейшие определения понятий [2; 3].

В целом, сформировать у учащегося умение осуществлять моделирование возможно, если: при обучении конкретным предметам использовать систему учебных задач, в которых моделирование используется как составная часть и одно из учебных средств; обучение в средней школе осуществлять через знакомство с моделированием как методом теоретического познания, в том числе с использованием компьютерных моделей и компьютерного моделирования.

Теоретический анализ казахстанских исследователей позволил обобщить опыт использования моделирования и схематизации в учебном процессе на следующие группы: 1) использование метода моделирования как метода обучения; 2) моделирование и схематизация как средство обучения; 3) в контексте формирования познавательной активности учащихся.

К первой группе относятся исследования: Л. А. Смагуловой – обучение компьютерному моделированию, А. С. Кадыровой – о математическом моделировании при изучении уравнений и неравенств в основной школе; Н. Н. Оспановой – обучение имитационному моделированию; А. С. Досмурзаевой – обучение казахскому языку на основе опорных схем.

Во второй группе исследовательские работы следующих ученых: А. С. Мухтарова – изучение фонетики казахского языка на основе

графической наглядности; Бражникова Е. Д. – методика использования динамической наглядности на уроках русского языка в начальной школе (на примере изучения глаголов); Жумагулова К. А. – повышение качества знаний учащихся средствами знаково-символьной наглядности в учебном процессе основной ступени школы; Кадирбеков И. – отбор наглядных пособий по истории Казахской ССР и система их использования в процессе преподавания; Алмаханова Х. – использование зрительной наглядности в формировании музыкального воспитания школьников (на материалах 4–5 классов казахских школ); Коркина В. А. – система средств наглядности в профессиональной подготовке будущего учителя.

Третья группа представлена большим массивом исследовательских работ, среди которых можно назвать работы: Г. Е. Алимухамбетовой (научные основы формирования готовности школьников к познавательной деятельности (теоретико-методологический аспект), Ж. А. Караева (активизация познавательной деятельности учащихся в условиях применения компьютерной технологии обучения), Б. Д. Дыбыспаева (методические основы стимулирования познавательной деятельности учащихся в процессе обучения геометрии в 7–9 классах средней школы), А. С. Акрамовой (система дифференцированных домашних заданий по математике как средство активизации познавательной деятельности младших школьников), З. А. Куттыкужановой (использование педагогической технологии по системному подходу в управлении познавательной самостоятельностью учащихся), Г. Б. Мадиевой (обучение русскому языку путем активизации познавательной деятельности учащихся-казахов (на основе методического наследия Р. Б. Нуртазиной), Г. Г. Филимоновой (методика формирования познавательной самостоятельности школьников средством игрового обучения (на материалах школьных курсов химии и биологии) и др.

Отдельного внимания заслуживает использование элементов схематизации при изучении исторических предметов. С помощью символов исторических событий и явлений можно фиксировать определенные мысленные образы, сконцентрировать внимание

учеников на существо проблемы, помочь охватить все выделенные моменты в целостности [4; 5].

В нашем представлении предметный уровень схематизации подразумевает выделение основной структуры усваиваемого понятия, точнее – его исходное отношение в общей системе понятий. Логико-предметный анализ объекта подлежащего усвоению, позволяет выделить эти структурные элементы и определить тот обобщенный

Таблица 1

**Схема изучения предмета история
(предметный и логико-методологический уровень)**

Содержательная система			
Основные понятия	Время	Пространство	Движение
факт	Уникальный факт	Факты-свидетельства, факты-интерпретации	Факты первого порядка – крупные (ВОВ), второго – мельче, третьего – еще мельче (операция тайфун)
явление	исторические связи, привычные явления	закономерности развития исторического явления	эволюция человеческого труда, процесс развития и формирование государств
процесс	эпоха, период, год	периодизация (первобытнообщинный строй, древний мир, средний век, новое время, современность)	исторический цикл, синхронность и асинхронность исторического движения, причины и следствия
тенденции	события особенные и случайные, общие и индивидуальные, субъективные и объективные	внутренние, внешние, региональные исторические события	прогноз, источники, предпосылки, статистика, номология

способ, которым решается весь класс данных задач. Затем необходимо выявить и спроектировать те формы организации выделенных деятельностных структур, которые адекватны содержательно-обобщенному способу.

Принцип предметности обуславливает необходимость наличия в учебном предмете системы категорий и базовых понятий предметной области, выделение существенных, системообразующих связей и отношений предметной области. Она позволяет выстраивать траекторию познавательного движения по предмету. В этой связи нами были выделены следующие **парные категории исторической науки, определяющие траекторию изучения исторических дисциплин:**

- субъект – объект;
- форма – материал;
- пространство – время;
- сущность – явление;
- количество – качество;
- класс – сословие;
- материальное – духовное;
- будущее – прошлое;
- индивидуальное – социальное;
- расцвет – гибель;
- прогресс – регресс;
- причина – следствие;
- случай – факт.

Семиотический и рефлексивный уровни схематизации мы рассматриваем как средства, обеспечивающие осуществление совместной деятельности. При этом семиотика обеспечивает планирование адекватных учебной задаче условий протекания деятельности и выбор соответствующих способов действия. Рефлексия позволяет участнику отнестись к собственному действию и преобразовать это действие в соответствии с содержанием и формой совместной деятельности.

Изученный опыт использования элементов моделирования и схематизации показывает, что представление информации

Таблиця 2

**Схема изучения предмета история
(рефлексивно-методологический и семиотико-методологический уровни)**

	Исторические представления	Исторические понятия	Организация деятельности
1	2	3	4
Деятельность обучаемого Мотивация к познавательной деятельности	Описание Общеучебная	Объяснение Общеучебная и личностная	Понимание, оценка Личностная
Познавательное задание Функция	Образное задание Образовательная	Логическое задание Прогнозирующая, прикладная (техническая, практическая)	Оценочное задание Суд над историей, творчество социально-этических норм и идеалов
Работа с источниками	Письменные источники в пределах учебника и учебно-методического комплекта. Дополнительные материалы (дневники, фото, кино, аудио источники)	Письменные источники. Вещественные источники (места исторических событий, достопримечательности, музейные экспонаты и др.). Нормативно-правовые документы, акты. Изобразительные, фонические источники	Письменные источники. Вещественные источники, в том числе первоисточники (семейные реликвии, домашние архивы и т. п.). Нумизматические материалы, археологические раскопки. Устные источники, собранные и обработанные самими учащимися
Метод	Синтез, истолкование, генерализация	Анализ, классификация, статистика, номология, абстракция, изоляция, генерализации	Диалектика

Продолжение табл. 2

1	2	3	4
Язык	Факт, формула	Общее понятие	Идея
Преобладающие приемы учебной деятельности	Воссоздание исторических образов. Хронологические. Осмысление теоретического материала	Анализ источников. Логические операции. Картографические	Анализ исторический явлений. Оценка исторических явлений

в схематичной, структурно-логической форме имеет ряд преимуществ по сравнению с линейно-текстовым изложением учебного материала. Среди таких преимуществ можно выделить следующие. Во-первых, при схематичном построении текстовой информации легче определить структуру изучаемого явления, выделить существенные связи между его компонентами и представляет собой в высшей степени эффективный прием, активизирующий мышление учащегося. Во-вторых, рядом исследователей было установлено, что ведущее звено мыслительной деятельности составляет особая форма анализа – анализ через синтез. Эта операция составляет основу более глубокого усвоения и понимания учебного материала путем его знакового моделирования. В-третьих, в ряде психологических исследований выявлено, что структурирование (под структурированием понимается установление взаимного расположения частей, составляющих целое) и схематизация (под схематизацией понимается как изображение или описание чего-либо в основных чертах) текстовой информации являются важнейшими компонентами мнемического действия, составляющего основу процесса запоминания.

Обзор научно-теоретической литературы показывает, что в учебной познавательной деятельности чаще всего используются схемы, которые способствуют: во-первых, организации понимания научных знаний, во-вторых, организации процессов эффективной коммуникации, в-третьих, целенаправленной деятельности [6; 7].

Данные схемы являются средством формирования универсальных учебных действий различной направленности.

Использование приема моделирования способствует изучению темы более быстрыми темпами. Дидактическая ценность моделирования заключается в моторности восприятий, в творческой самостоятельности учащихся при изготовлении моделей. Модель обеспечивает динамичность подачи информации, что позволяет снимать перегрузку учащихся. *Например*, в школе учащиеся знакомятся с информационной моделью кровообращения. Предлагаемой в учебнике анатомии информации достаточно для школьника, но мало для тех, кто проводит операции на сосудах в больницах. Информационные модели играют очень важную роль в жизни человека. Знания, получаемые вами в школе, имеют вид информационной модели, цель которой – изучение предметов и явлений. Информационная модель никогда не характеризует объект полностью. Для одного и того же объекта можно построить различные информационные модели. Уроки истории дают возможность построить модель развития общества, а знание этой модели позволяет строить собственную жизнь, либо повторяя ошибки предков, либо учитывая их. На уроках географии вам сообщают информацию о географических объектах: горах, реках, странах и др. Это тоже информационные модели. Многое, о чем рассказывается на занятиях по географии, вы никогда не увидите в реальности. На уроках химии информация о свойствах разных веществ и законах их взаимодействия подкрепляется опытами, которые есть не что иное, как реальные модели химических процессов.

В целом, моделирование и схематизация формируют у учащихся более высокий теоретический уровень мышления, обеспечивают качественный анализ учебного материала, осознанный поиск решения учебных проблем.

Список литературы

1. Громыко Ю. В. Метапредмет «Проблема»: учеб. пособие для учащихся старших классов. – М., 1998; Громыко Ю. В. Метапредмет «Знак». Схематизация и построение знаков. Понимание символов: учеб. пособие для учащихся старших классов. – М.: Пушкинский институт, 2001;

Громько Н. В. Метапредмет «Знание»: учеб. пособие для учащихся старших классов. – М., 2001.

2. Из опыта освоения мыследеятельностной педагогики (Опыт освоения мыследеятельностного подхода в практике педагогической работы) / под ред. Алексеевой Л. Н., Устиловской А. А. – М., 2007.

3. Громько Н. В. Обучение схематизации: Сборник сценариев для проведения уроков и тренингов : учеб.-метод. пособие для учащихся 10–11 классов. – М., 2005.

4. Степанищев А. Т. Методический справочник учителя истории / А. Т. Степанищев. – М. : ВЛАДОС, 2000. – 320 с.

5. Короткова М. В. Методика обучения истории в схемах, таблицах, описаниях : практ. пособие для учителей / М. В. Короткова, М. Т. Студеникин. – М. : ВЛАДОС, 1999. – 192 с.

6. Чаусов И. С. Обучение моделированию как технология вывода школьников на передние рубежи естественных наук / И. С. Чаусов // Новые педагогические технологии. – М. : Центр «Школьная книга», 2008. – С. 173–194.

7. Шлыкова С. А. Диагностика способности моделирования / С. А. Шлыкова // Диагностика образовательной успешности / Пушкинский ин-т, НИИ Инновационных стратегий развития общего образования. – М., 2007. – С. 50–52.

УДК 14+37.1

*М. И. Вишневский***СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ
ФИЛОСОФСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ****THE SOCIO-CULTURAL SIGNIFICANCE OF
PHILOSOPHICAL EDUCATION****Аннотация**

В статье обосновывается вывод о том, что, несмотря на значительные изменения в глобальной социокультурной ситуации, философская образованность способна сохранить конструктивное значение в жизни личности и общества. Цель статьи – выяснить основные условия выполнения философским образованием своей мировоззренческой функции в современных условиях. Условия эти характеризуются растущим недоверием к притязаниям на всеохватность системам воззрений и идей, неприятием массовой аудиторией усложненного языка специальных текстов. Обсуждаются способы преодоления барьеров, возникающих у учащейся молодежи на пути освоения материалов философии. Излагаемые выводы направлены на совершенствование философско-мировоззренческого образования будущих специалистов.

Ключевые слова: мировоззрение, философское образование, культура, современность, психологические типы, адаптация.

Анотація

У статті обґрунтовується висновок про те, що, попри суттєві зміни в глобальній соціокультурній ситуації, філософська освіченість здатна зберегти конструктивне значення в житті особистості й суспільства. Мета статті – з'ясувати основні умови виконання філософською освітою своєї світоглядної функції в сучасних умовах. Ці умови характеризуються дедалі більшою недовірою до систем ідей і поглядів, які претендують на всеохопність, неприйняттю масовою аудиторією складної мови спеціальних текстів. Обговорюються способи подолати бар'єри, які виникають у шкільній молоді на шляху освоєння матеріалів філософії. Сформульовані висновки спрямовані на вдосконалення філософсько-світоглядної освіти майбутніх фахівців.

Ключові слова: світогляд, філософська освіта, культура, сучасність, психологічні типи, адаптація.

Annotation

The article substantiates the idea that, despite the significant changes in the global socio-cultural situation, philosophical education can retain its constructive role in the life of the individual and society. The purpose of the article is to clarify the basic conditions for the fulfillment by philosophical education of its ideological function in the modern world. These conditions are characterized by a growing distrust for some systems of beliefs and ideas claiming to be all-embracing, rejection by the mass audience of the overelaborate language of special texts. Ways to overcoming the barriers encountered by students in studying philosophy materials are discussed. The findings are aimed at improving philosophical and ideological education of future professionals.

Key words: world outlook, philosophic education, culture, modernity, psychological types, adaptation.

Философское образование, понимаемое широко и не сводимое к подготовке соответствующих специалистов, правомерно считают непосредственно связанным с формированием мировоззрения получающей его личности. Когда мы говорим о философском образовании в таком широком его значении, речь идет об освоении одной из общеобразовательных дисциплин, которая вобрала в себя достижения многовековых исследований, относящихся к теоретической, понятийно-логической форме мировоззрения. Мировоззрение мы будем понимать как совокупность основополагающих убеждений относительно окружающей действительности и места человека в ней, направляющих наши мысли и действия. Наличие у человека таких убеждений и их практическая действенность свидетельствуют о том, что его бытие является осмысленным, имеющим достаточно отчетливые ориентиры.

Ближайшим образом философское образование выступает как приобщение к теоретико-мировоззренческим учениям и идеям, составляющим в совокупности то, что принято называть философскими знаниями. Каждое философское учение выражает в теоретической форме особенности мировоззренческой позиции его создателя. С какой степенью полноты и адекватности оно его выражает – это отдельный вопрос, и его мы здесь в основном не будем обсуждать. Отметим лишь, что, будучи сформулированным и зафиксированным

в культуре, философское учение непосредственно предназначено для изучения, усвоения кем-либо. Предполагается, что новое учение создается для того, чтобы прояснить некие мировоззренческие сущности, на которые прежде не обращали должного внимания или даже допускали их превратное толкование.

Каждый читатель философских произведений может на свой лад истолковать суждения, предложенные ему для ознакомления и вынесенные, так сказать, на его суд. Выводы, которые он извлекает из этих произведений, вытекают во многом из особенностей его жизненной позиции, собственного опыта и, вместе с тем, дают новое освещение и развитие его ценностной ориентации. Философское образование личности в идеале непосредственно направлено на более отчетливое, продуманное и глубокое ее мировоззренческое самоопределение, на уяснение ею собственных бытийных смыслов и базовых жизненных ценностей.

Реальность же такова, что в современной социально-культурной среде классическая философия с ее строгими универсалистскими концептуальными построениями, внешне весьма далекими от повседневного жизненного опыта и круга житейских забот подавляющего большинства людей, представляется этим людям чем-то очень странным, неинтересным и даже архаичным. Все мы учились в школе, многие из нас получили специальное образование, в том числе и высшее, поэтому определенное, пусть даже весьма беглое, знакомство с философией у нас обычно есть. К сожалению, данное знакомство не вызвало у многих из тех, кто изучал философию, глубокого, искреннего интереса к ней, а также убеждения в ее жизненной значимости и стремления продолжить философское образование.

Было время, когда лекции, а также книги Канта или Гегеля, при всей их изощренной сложности, становились весьма важными событиями в культурной жизни не только соответствующего университетского города, но и всей Германии, даже всей Европы. Сегодня такое трудно себе представить. Дело даже не в том, что за последние столетия чрезвычайно вырос общественный фонд самой разнообразной информации, доступной широкому кругу потребителей, и в нем имеется немало различных по степени сложности философских

понятийно-логических конструкций. Проблема состоит в том, что именно сложность и абстрактность таких конструкций, непривычность их понятийного аппарата и общего хода мыслей профессиональных философов разочаровывает и отпугивает подавляющее большинство современных читателей.

Эти читатели привыкли к тому, что в интернете имеется вся необходимая для самых разных случаев жизни информация, притом компактная, удобная для использования и не требующая особых интеллектуальных усилий для ее освоения. Мысли и образы расфасованы на мелкие порции, наподобие жареных орешков. Длинные рассуждения кажутся в данных условиях неуместными, утомительными и даже в чем-то подозрительными. В памятном всем нам прошлом пространные наукообразные рассуждения об основах бытия человека и общества, претендовавшие на неоспоримую истинность, нередко вели к далеко не безобидным практическим выводам и последствиям. Кредит доверия к великим философским учениям и идеологическим системам прошлого во многом утрачен. Предельно широко и шокирующе резко об этом заявлено в «Поздних мыслях» Карла Густава Юнга: «Всякая форма хронического отравления есть зло – безразлично, идет ли речь об алкоголе, морфии или идеале» [4, с. 273].

Современное информационное пространство наполнено стремительно сменяющимися друг друга сенсациями, оформленными в виде клипов. Нынешний потребитель информации готов допустить, что коротенькие мысли и быстро сменяющиеся друг друга яркие картинки содержат немало лжи, но он знает также, что одна такая мелкая ложь вскоре перечеркивается другой. В общем их потоке, где все мелькает, как в калейдоскопе, этот потребитель ищет скорее оригинальность и занятность, нежели глубину и правдивость. Подобная информационная вермишель или, может быть, «лапша на уши», вне всяких сомнений, имеет значительное влияние на мировоззрение людей, которое во многом само становится клиповым и перегруженным штампами. Но наш разговор – о философии, ее месте в жизни современников и в культуре в целом.

Культуротворческая миссия философии во многом связана с тем,

что, переводя в отчетливые мысли свое понимание окружающего мира, а также своеобразия и места человека в мире, философ оформляет в понятиях и делает ясно выраженным смысложизненное содержание, которое отчасти уже носилось в воздухе, заботило и тревожило многих людей. Знакомясь с его концептуальными построениями, люди могут по-новому взглянуть на окружающий мир и самих себя, лучше понять свою жизнь, ее проблемы. При этом люди неодинаковы и по социокультурной принадлежности, и по психологическим типам, что сказывается на их мировосприятии и миропонимании. Философские учения тоже весьма несходны по основополагающим посылкам, общей направленности, составу разрабатываемых проблем. Иными словами, в философии тоже можно усмотреть своего рода калейдоскопичность или, точнее, мозаичность, вызванную тем, что единого обязательного для всех философского мировоззрения нет и, судя по всему, не может быть.

Но было бы совершенно ошибочным ставить элементы этой мозаики в один ряд с теми клипами и клише, которыми переполнены современные средства массовой информации. За внешней несовместимостью разнообразных философских позиций опытный взгляд специалиста без труда устанавливает их глубинную общность, состоящую в том, что они как бы дополняют друг друга до искомой, хотя и трудно осуществимой целостности. обстоятельное изучение философии как определенного единства в многообразии способно расширить наш кругозор, помочь нам более эффективно осваиваться в меняющихся жизненных обстоятельствах, осмысливать пути дальнейшего развития.

Все эти глубинные бытийные смыслы надо еще суметь разглядеть, постичь в весьма непростых для понимания философских текстах, написанных, как правило, сложным языком и зачастую весьма абстрактных, как бы далеких от повседневных жизненных забот. Это и побуждает некоторых людей утверждать, что философия элитарна, то есть предназначена для избранных и не должна быть обязательным учебным предметом. Тем самым предполагается, что для большинства людей философия просто не нужна или бесполезна; своими делами эти люди могут успешно заниматься и без нее.

Нужно, однако, уточнить, о какой пользе идет речь. Осваивать и, соответственно, знать что-либо можно как «для дела», так и «для души». Разница между тем и другим вполне понятна для взрослого человека, который не отождествляет себя со всяким делом, которым ему приходится заниматься. Некоторые дела могут быть близкими нам по духу, выражающими нашу собственную сущность; другие, наоборот, безразличны или даже чужды и неприятны нам, но мы все же вынуждены по той или иной причине их делать, а для этого приходится приобретать определенные знания и умения. Может быть, здесь имеет место не одно лишь внешнее принуждение, а и собственное заключение о полезности, но только такой, которая не входит в наше «Я».

Заниматься чем-либо «для души» означает действовать бескорыстно в смысле внешней полезности или выгоды; занятие здесь важно или интересно само по себе. При этом оказывается, что самоценность занятия побуждает нас стремиться к достижению возможно большей полноты и совершенства знания и соответствующего умения (хотя бы просто потому, что нам это интересно), тогда как внешняя полезность может и не требовать подобной обстоятельности и серьезности. Нужное для дела можно узнать из справочников, и его часто не обязательно запоминать, если источники информации доступны и удобны в употреблении. Нужное «для души» запоминается и припоминается с удовольствием. Виктор Франкл отмечал в связи с этим, что потребность толкает нас, вынуждает к определенным действиям, тогда как ценности, высшие смыслы, наоборот, притягивают, влекут к себе без всякого принуждения [2, с. 63, 82].

Если речь идет об изучении философии, то доминирование в его обосновании соображений внешней полезности действительно делает надобность философских знаний для широкого круга людей во многом проблематичной. Но если удастся достичь принятия человеком философии как своего личного дела, понимания ее незаменимости с точки зрения саморазвития, тогда отношение к ней радикально преобразуется, и она становится нужной и интересной, как нужны стихи человеку, любящему поэзию, или как запоминается и легко вспоминается понравившаяся нам мелодия. Может быть, в отношении

философии ключевыми являются не одни лишь эстетические мотивы, а скорее ощущения интеллектуальной силы и потенциальной плодотворности. В любом случае здесь можно говорить о признании ее самоценной и в этом смысле допускающей также и разнообразную полезность, которую, однако, трудно наперед рассчитать и скалькулировать.

Бертран Рассел отмечал, что философия, как он ее понимает, является чем-то промежуточным между теологией и наукой. Подобно теологии, она состоит в рассуждениях по поводу предметов, относительно которых у нас нет точного знания, но, подобно науке, она вызывает к разуму, а не авторитету и вере [1, с. 19–21]. Между точно установленными фактами и догматической верой располагается та область, в которой осуществляется философский поиск истины бытия. Философия способна идти впереди науки, как бы освещая ей путь. Есть немало примеров того, как гениальные прозрения философов по существу направляли развитие научного исследования. Но дело не только в полезности философии для науки. Задачи философии более широки. Они связаны также и с тем, что философия, будучи понятийно-логической формой мировоззрения, помогает устанавливать тесные связи между всеми областями культуры. Широта и разноплановость философских понятий позволяет использовать их и в научном исследовании, и в осмыслении религиозного опыта, и в постижении таинственной силы искусства, и в разработке программ экономических и социально-политических преобразований.

Многоликость философии и удивительный демократизм ее внутренней жизни, позволяющий мирно уживаться старому и новому, беречь традиции и одновременно стремиться к их преобразованиям, может служить примером того, как на деле соединять информационный хаос и порядок в мыслях. В бурных потоках разнообразной информации наши мысли часто дробятся и мельчают, становятся коротенькими и бессвязными. Приобщение к философии помогает приобрести опыт конструктивного соединения противоположностей, выстраивания из разнообразных фрагментов приемлемого для практики образа развивающейся мировой целостности, в которой мы, люди, являемся соучастниками творческого процесса.

Философию, как и некоторые другие явления духовной жизни общества, отличает далеко простирающийся консерватизм. Мы ведь не сводим, например, художественную литературу только к совокупности произведений, созданных в последние годы или даже десятилетия; счет в ней идет на века и тысячелетия. То же самое и в философии, в которой преходящая интеллектуальная мода или своеобразные творческие паузы вовсе не ставят под сомнение авторитет философской классики. Новое в философии оказывается, как правило, современным переосмыслением давно уже существовавших или разрабатывавшихся воззрений, относящихся к фундаментальным и поистине вечным мировоззренческим проблемам.

Здесь вновь уместно констатировать ключевое значение заинтересованности, увлеченности человека предлагаемыми ему для изучения материалами, в данном случае материалами, входящими в общий фонд философских знаний, признанных в их культурной значимости. Думается, нет ничего предосудительного в отнесении институционализированной образовательной деятельности к сфере услуг. И если получение общего философского образования тоже является предоставлением специфической услуги, то ее получатель, бесспорно, имеет право решающего голоса при оценке качества данной услуги и вообще при определении ее значимых параметров, характеристик.

Очевидно, что мировоззренческие вопросы возникают перед отдельным человеком, группой людей или обществом в целом в процессе их реальной жизни, и квалифицированное и ответственное их обсуждение имеет весьма важное значение с точки зрения плодотворной бытийной ориентации. Такие вопросы не нужно искусственно провозглашать или «заострять»; носители мировоззрения сами способны прийти к ним или признать их значимость. Данные вопросы имеют непосредственное отношение к тому, как люди определяют глубинные смыслы своего бытия и как они ранжируют эти смыслы. Совокупность всех таких жизненных смыслов, которыми руководствуется человек, составляет сущность его личности, его действительное мировоззрение. Весьма показателен тот факт, что маленькие дети практически сразу, как только они начинают уверенно говорить и рассуждать, незамедлительно приступают к постановке серьезней-

ших мировоззренческих вопросов. Оно и понятно: их жизненный опыт пока еще невелик, и пополнение его необходимо совмещать с его постоянным упорядочением. Постигая мир, ребенок стремится выстроить доступную его пониманию общую картину этого мира и вписать самого себя в данную картину.

Все последующие этапы развития человека как личности включают соответствующие мировоззренческие размышления. Нет надобности доказывать, насколько подобные темы важны для учащейся молодежи. А если это действительно так, то и освоение философских знаний необходимо осуществлять в неразрывном единстве с естественным для нее мировоззренческим вопрошанием, осуществляемым в том числе (и прежде всего) на языке повседневности. Но как же тогда быть с великими философскими учениями, со сложным категориальным аппаратом философии? Как сделать их интересными для современного студента или даже школьника? От чего здесь нужно отталкиваться и на что опираться? Простые и однозначные ответы на подобные вопросы, имеющие отнюдь не только методический характер, едва ли окажутся плодотворными.

Прежде всего необходимо учесть, что на школьников и студентов тоже распространяется известная классификация психологических типов, разработанная Юнгом. Она вовсе не сводится к различению экстравертов и интровертов, а учитывает также наличие в человеческой психике целого ряда основных функций, среди которых Юнг особо выделяет мышление, чувство, ощущение и интуицию [3, с. 33]. Преобладание одной из этих функций дает разные результаты для экстравертов и интровертов, существенно сказываясь на познавательных и иных интересах личности. Одни люди тяготеют к общим идеям, стремятся найти формулировки универсальных законов, подчиняющих себе множество частных; другие, наоборот, увлечены конкретными свойствами вещей и не доверяют поспешным обобщениям и абстрактным рассуждениям. Мыслительный тип личности противоположен чувственно-эмоциональному, ощущающий – интуитивному. Наше время как бы навязывает преимущественный интерес ко внешним, вещественным, материальным сторонам бытия, но это давление по-разному сказывается на людях в зависимости от

их основных психологических характеристик. В каждом школьном классе, в каждой студенческой группе мы встречаемся с представителями разных психологических типов. Интересное для одних будет неинтересным, непривлекательным или неубедительным для других.

Вместе с тем молодежь как социальный слой имеет и некоторые общие проблемы, для обсуждения которых в данной среде вырабатываются соответствующие языковые средства. Барьеры на пути освоения материалов философии связаны у молодых людей отчасти именно с разрывом между языком их общения и мировосприятия, с одной стороны, и языком философских текстов – с другой. Способы преодоления или хотя бы ослабления данных барьеров могут быть разными. Во-первых, можно опереться на то, что уже в какой-то степени усвоено учащимися, понято ими. Прежде всего, это материалы всеобщей истории, включающей и историю культуры. Скажем, школьники изучали историю Древней Греции и в основном уяснили те ее духовные достижения, которые оказали самое большое влияние на последующее развитие культуры человечества и наиболее значимы для современности. Соответственно этому, при построении курса философии можно особо выделить именно те учения древнегреческих философов, которые подкрепляются в данном отношении межпредметными связями.

Во-вторых, очень важно избежать обезличенности философских концепций и идей. Она возникает как в результате ошарашивания учащихся целыми списками незнакомых им имен мыслителей, о творчестве которых в силу нехватки времени не сообщается ничего вразумительного, так и вследствие выдергивания из работ этих мыслителей отдельных положений и цитат, и жонглирования ими вне связи с целостным замыслом их учений. Как бы мало времени ни отводилось на изучение курса философии, содержание его необходимо все же представить именно в виде последовательности учений, а не как набор случайных фрагментов. Если убрать из учебного курса философии рассуждения и обоснования выводов, имеющих мировоззренческий характер, то мы получим нечто среднее между цитатником и сборником анекдотов, а это уже не философия.

В-третьих, основное содержание философских учений, отобранных

для рассмотрения, нужно излагать в форме, максимально доступной современной учащейся молодежи. Понятийный аппарат, оформляющий эти учения, тоже нужно адаптировать к современным социокультурным обстоятельствам. Если этого не удастся достичь, значит, изучение соответствующих вопросов лучше отложить до лучших времен, когда будут найдены адекватные способы изложения. Цена ошибки здесь – это отторжение учащихся и либо бесполезная трата времени, либо результат, противоположный добрым намерениям неумелых преподавателей, а речь ведь идет о мировоззренческом развитии молодого поколения, которому принадлежит будущее.

Могут возразить, что предлагаемая здесь адаптация философских текстов чревата искажением замысла их авторов и является профанацией. Такая опасность действительно существует. Вместе с тем определенная трансформация памятников мировоззренческой мысли путем переистолковывания и включения в новые процессы духовной жизни является необходимым герменевтическим аспектом существования и развития культуры.

Список литературы

1. Рассел Б. История западной философии и ее связь с политическими и социальными условиями от античности до наших дней / Б. Рассел. – Новосибирск : Сиб. унив. изд-во; Изд-во Новосиб. ун-та, 2001. – 992 с.
2. Франкл В. Человек в поисках смысла / В. Франкл. – М. : Прогресс, 1990. – 368 с.
3. Юнг К. Г. Психологические типы / К. Г. Юнг. – М. : Университетская книга, АСТ, 1996. – 716 с.
4. Юнг К. Г. Феномен духа в искусстве и науке / К. Г. Юнг. – М. : Ренессанс, 1992. – 320 с.

УДК: 316.74:37(470+571)

В. А. Иванова, Н. А. Матвеева, А. М. Осипов, П. И. Рысакова

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ SOCIOLOGY OF EDUCATION IN RUSSIA

Аннотация

В работе определяются основные направления и этапы развития социологии образования как самостоятельной отрасли социологической науки, дается авторская характеристика особенностей процесса становления социологии образования России; раскрываются причины парадигмального кризиса этой отрасли знания и предлагаются оптимальные пути его преодоления. Достаточно подробно в статье анализируется и систематизируется деятельность исследовательских центров, занимающихся социально-системным изучением образования.

Ключевые слова: образование, социология образования, образовательная политика государства, социально-системное изучение образования, реформа системы образования в России.

Анотація

У роботі визначаються основні напрями та етапи розвитку соціології освіти як самостійної галузі соціологічної науки, подається авторська характеристика особливостей процесу становлення соціології освіти Росії; розкриваються причини парадигмальної кризи цієї галузі знання й пропонуються оптимальні шляхи її подолання. Досить детально в статті аналізується й систематизується діяльність дослідницьких центрів, що займаються соціально-системним вивченням освіти.

Ключові слова: освіта, соціологія освіти, освітня політика держави, соціально-системне вивчення освіти, реформа системи освіти в Росії.

Annotation

The work distinguishes main directions and development stages of sociology of education as an independent branch of sociology. The author sums up characteristic features of the process of sociology of education establishment in Russia. The article gives the reason for a paradigm crisis of this branch of knowledge and suggests optimal ways to overcome it. The article also analyzes and systematizes the activities of research centres studying education in the social and systematic way.

Key words: education, sociology of education, State education policy, social and systematic study of education, reform of education system in Russia.

К началу XXI века в российской социологии образования усилилось «структурное» противоречие. С одной стороны, быстрыми темпами формировались отдельные направления этой отрасли социологии. С другой стороны, накапливались внутренние проблемы, связанные с необходимостью углубления и интеграции теоретических разработок, совмещения их с эмпирическими исследованиями, обновления тематики и обозначения межотраслевых границ и проблемных полей. Для разрешения обозначенного противоречия требуется научная рефлексия истории отрасли, уточнение проблем и перспектив ее дальнейшего развития в России.

История: быстрый старт и парадигмальный кризис

Интерес к социальным вопросам образования в России обнаружился уже в XIX веке в работах революционных демократов, разночинцев, земских статистиков. Известна серия критических статей В. И. Ленина по вопросам образовательной политики в царской России. В годы становления СССР этот интерес стал устойчивым (Астафьев, Шубкин, 1998). Образование в социалистическом обществе считалось одним из ключевых направлений социальной политики государства, важнейшим средством регулирования экономической, политической и культурной жизни общества, механизмом преодоления социального неравенства.

Социологические сюжеты в 1920–1930-е годы были, как правило, лишь редкими методическими вкраплениями в исследованиях образования и экспериментах, проводимых в контексте социальной педагогики и педагогической психологии. Примерами служат работы С. Шацкого об организации городских молодежных клубов. Министр культуры А. Луначарский считал необходимым соединение усилий педагогики и социологии в разработке эффективных образовательных программ.

С возрождением социологии в 1960-е годы начались эмпирические исследования, однако они чаще сосредоточивались на отдельных

факторах или аспектах получения образования. Социология образования еще не вычленилась из ряда смежных отраслей – молодежи, семьи, трудового коллектива, социальной психологии. Региональными исследованиями образования руководили Н. Аитов, В. Артемов, Н. Бузукова, В. Калмык, Н. Москаленко, В. Оссовский, В. Паниотто, Э. Саар, А. Терентьев, М. Титма, В. Туранский, Ф. Файзуллин, В. Черноволенко, В. Шубкин и др.

Исследования охватывали проблемы профориентации, трудоустройства, жизненных планов и путей разных групп молодежи, престижа различных видов труда, мобильности, эффективности производственного обучения (Аганбегян, Шубкин, 1964; Шубкин, 1970; Титма, 1973, 1975; Константиновский, Шубкин, 1977).

Ряд работ в 1970–1990-х годов был посвящен общим теоретическим проблемам – теории социологии образования (Филиппов, 1980), общественным потребностям в образовании (Руткевич, Рубина, 1988), социологии личности (Кон, 1967), социологии студенчества (Лисовский, Дмитриев, 1974; Иконникова, 1974), социальным проблемам учительства (Зиятдинова, 1992; Тумалев, 1995), социологии школы (Собкин, 1993, 1994). Они помогли социологам лучше понять роль образования в социальном воспроизводстве в обществе. Были и попытки обобщенного изложения теоретических вопросов социологии образования (Турченко, 1973; Филиппов, 1980, 1985, 1990, 1994; Нечаев, 1992; Зборовский, 1993).

Социология образования в России взяла «быстрый старт», но в нем проявились те же элементы кризиса отрасли, что и за рубежом в первой половине XX века из-за недостаточного внимания к предмету и понятийному аппарату, теории, стержневым проблемам и ее интеграции. В российской социологии образования отмечались схожие проблемы:

- дефицит научной рефлексии в отношении развития отрасли;
- отсутствие определенности в вопросах предмета отрасли и приоритетов проблематики, категориальном аппарате;
- перевес периферийных тем над центральными, образующими теоретическую архитектуру отрасли;
- малочисленность теоретических и прикладных исследований проблем образования в связи с кризисом «переходного этапа» в стране;

- недостаточная теоретическая интеграция отрасли, на фоне которой активно выделялись внутриотраслевые направления.

В качестве нерешенной до последнего времени «статусной» проблемы отрасли видится тот факт, что социология образования в известном смысле отторгается из программ высшего педагогического образования во многих вузах страны. Будущие учителя и менеджеры образования не получают необходимых для их профессиональной компетенции твердых знаний о функциях, социальной структуре и социальных отношениях в системе образования, и данный пробел сохраняется в рамках новых Федеральных государственных образовательных стандартов. Это очевидно противоречит целям формирования более зрелого, в социально-научном плане, профессионального сообщества педагогов и тому обстоятельству, что появились добротные учебные пособия по социологии образования.

Особенно чувствительный для развития отрасли пробел относится к социологическим исследованиям образовательной политики советского государства и других субъектов. Именно область образовательной политики должна стать, казалось бы, сферой наибольшей концентрации эмпирических и теоретических исследований, но такого не происходило – эта проблематика долго оставалась предметом академической педагогики, идеологически контролируемой высшими органами правящей партии и государства. Сама категория «образовательная политика» и ее разноплановые проблемы долгое время не становились предметом специальных социологических исследований.

Возвращение к анализу проблем образовательной политики постепенно началось с регионального уровня лишь в 1990-х годах. Социология образования запоздало и явно не полно, выборочно реагирует на образовательную политику, отставая от темпа реальных социальных изменений, носящих порой турбулентный и разрушительный характер. Точно так же социологические исследования не успевают, к сожалению, своевременно раскрывать и позитивный опыт региональной политики в сфере образования. Взаимодействие социологических служб и центров (например, в Институте социологии РАН, Центре социологии образования РАО, Министерстве образования и науки РФ) с субъектами образовательной политики только

начинает выходить из режима «самозаказа». Позитивным примером в этом отношении служат работы Д. Константиновского, обнаруживающие масштабное усиление социального неравенства в российском образовании (Константиновский, 2008), и серия межрегиональных мониторинговых исследований качества школьного образования. Сегодня исследователи и аналитики разных флангов признают, что модернизация образования, оторванная от научного анализа и интересов общества, не достигает провозглашенных на самом высоком уровне целей (Матвеева, 2004, Зборовский, 2011; Смолин, 2010).

В социологии образования с 1960-х годов выполнен большой объем эмпирических исследований, но их чертами остаются тематическая фрагментарность, слабая сопоставимость и не в полной мере определенная теоретическая и практическая результативность. Сложившаяся ситуация вызвана несколькими причинами.

Первая причина состоит в остаточной зависимости социологических исследований от педагогики, ее категориального аппарата и интересов. Деление *образования* на *обучение* и *воспитание*, несостоятельность которого уже доказана в философии и социологии (Кусжанова, 1993; Осипов, 1998), все еще бытует в работах социологов и особенно часто – в документах о развитии образования. Многозначность терминов «образование» и «воспитание», укоренившаяся в педагогике (Коршунова, 1992), транслировалась в социологические контексты, где образование рассматривалось лишь как *процесс* и *результат* (РСЭ, 1998: 73) [1]. На этой традиции был основан обширный поток исследований, посвященных проблеме ценностных ориентаций «воспитуемых». Но замыкание в этой проблеме означало бы разрыв с деятельностным подходом к формированию личности, системным и институциональным подходами к развитию образования. В отечественной социологии этого удалось избежать, когда спектр функций системы образования стал рассматриваться гораздо шире, чем социализация личности, и охватил своим воздействием все сферы общества.

Вторая причина кризиса связана с приоритетной ориентацией исследователей на взаимосвязь образования и социальной структуры общества (социально-классовой и социально-профессиональной).

Такая ориентация утвердилась в период возрождения социологии в СССР и получила название «экстраспективной» (Филиппов, 1994), породив новый крупный поток эмпирических исследований [2]. Но в десятках работ 1960–1990-х годов по-прежнему доминировали интересы педагогики, анализ ограничивался проблемами образования детей и молодежи в государственных учреждениях образования. Следует заметить, что отчасти это было социально оправданно, но недостаточно для раскрытия системообразующего характера образования, структурно-функционального строения этого социального института. Тем не менее, в самой социологии образования проблема системности образования уже была намечена (Филиппов, 1980) [3]. А во второй половине 1980-х годов социально-системный характер образования был еще более определенно обозначен социологами (Руткевич, Рубина, 1988) [4].

В рамках «экстраспективного» направления наметился интерес социологов к новой тематике: проблематике учительства, школьного образования и его субъектов (Ф. Зиятдинова, В. Тумалев, Е. Смирнова, В. Курлов), образу жизни учащихся (В. Лисовский), общественному мнению (Ф. Шереги, А. Овсянников), самообразованию (Е. Шуклина) и др. И все же спектр развиваемых направлений был ограничен. Вопросы истории и методологии отрасли, стратификация знания, институциональные взаимосвязи образования (с семьей, церковью, властью, бизнесом), этнокультурные, поселенческие, гендерные аспекты образования, социально-ролевые модели образовательной деятельности и многое другое в эмпирических исследованиях практически не были представлены.

Продуктивным в этом отношении оказался наметившийся в отрасли социокоммуникативный подход (Нечаев, 1992) [5]. В противовес «экстраспективному» подходу внимание В. Я. Нечаева было сосредоточено на процессе учения, непосредственном взаимодействии учителя и ученика. Это в дальнейшем позволило исследователям более предметно рассуждать о субъектности в сфере образования (Григорьев, Матвеева, 2000) и социальных компетенциях субъектов образования (Прямикова, 2011).

Третья причина кризиса состояла в недостаточной определенности

предмета социологии образования, проявляющейся в основной массе отраслевых публикаций. Замыслы многих исследований были далеки от стержневых целей отрасли – построения социологической теории образования и обеспечения ее корреляции с общей социологической теорией. И далеки настолько, что есть основания говорить о парадигмальном кризисе отрасли. На это не единожды указывали С. Григорьев, Н. Матвеева, А. Осипов, В. Тумалев, В. Турченко.

Сегодня можно утверждать, что решение проблемы предмета отрасли состоит в интеграции двух главных социологических аспектов образования – анализа образования как социального института и как специфической социальной системы.

Большинство социологов рассматривают образование в качестве социального института с рядом специфических функций и многоуровневой социальной организацией (Филиппов, 1980; Зборовский, Шуклина, 2005). Институциональный анализ образования отмечен вниманием к многообразию и преемственности его ступеней (Гаврилюк, 2003; Нечаев, Добренков, 2003). А. Осипов, ссылаясь на то, что в действительности система образования не ограничивается ее учрежденческой вертикалью, предложил концепцию структуры, в которой попытался охватить все социальные элементы образовательной сферы (Осипов, 2006) [7]. Этот исследователь предложил и более развернутую картину функций, задач, социальных ожиданий и заказов в сфере образования.

Благодаря работам начала нового века можно считать в целом решенным вопрос определения понятия «функция образования». Функции выражают социально-исторические универсалии института образования и объективно детерминируют его структуру. Они не сводятся к конкретным задачам и социальным заказам. Заказы выдвигают образовательные общности и накладывают отпечаток на организационную структуру, содержание и технологию образования в той мере, в какой они фиксируют, «улавливают» социальную роль образования и связывают ее с интересами соответствующих социальных групп и организаций. Доказано, что актуальность проблемы функций образования даже усиливается в контексте потребностей социального управления (Иванова, 2011) [6]. Соподчинение функций,

задач и социального заказа на образование позволяет перевести целеполагание в системе образования из области спонтанных социальных взаимодействий и ведомственных споров в плоскость научного анализа.

Для реализации теоретического и практического потенциала отрасли требует решения вопрос о миссии, роли, значении образования в развитии общества, для чего институционального подхода оказалось не достаточно. Современные исследователи образование видят как относительно самостоятельную социальную систему со сложной внутренней структурой отношений социальных субъектов, социальных связей и процессов (Григорьев, Матвеева, 2000, 2002, 2004). Примечательно, что гуманистическая и системообразующая роль образования, значимость этой социальной системы для устойчивого развития всего общества и для воспроизводства всех сфер общественной жизни в одно время стали подчеркивать исследователи с разными мировоззренческими, идеологическими позициями, научными интересами и жизненным опытом. На универсальность, наличие констант в воспроизводстве образования указывает С. Шаронова (Шаронова, 2004) [8]. Фундаментальное значение образования для прогресса общества отстаивает В. Турченко (Турченко, 2004). А. Субетто видит в образовании важнейший источник и элемент управляемой социоприродной эволюции (Субетто, 2008).

Необходимость осмысления нарастающих инновационных социальных процессов, сохранения основ существования цивилизации и жизнедеятельности человека привела к разработке системно-субъектного подхода, в рамках которого образование рассматривается как открытая инерционная социальная система, сущностью которой является взаимодействие социальных субъектов (личности, социальных общностей, общества в целом) с целью развития и реализации социальных качеств человека (Григорьев, Матвеева, 2000, 2002, 2004).

Таким образом, в первом десятилетии XXI века в предметном поле отечественной социологии образования «круг замкнулся». Понятия «воспроизводство социальной системы образования», «устойчивое функционирование и развитие социального института

образования», «социальный субъект образования» образуют интегративную основу теоретической социологии образования, отвечающую вызовам современности. Не имеет смысла утверждать, что какой-либо из выше означенных подходов к предметному полю социологии образования лучше. Структурно-функциональный и системно-субъектный подходы не противоречат друг другу в главном – рассмотрении образования с позиции культуроцентричности и антропоцентричности системы, что не исключает возможность рационального познания и общественного воздействия на социальную организацию и содержание образования.

В такое интегративное представление о предмете отрасли вписываются исследования любых социальных проблем образования. Оно позволяет определить место конкретной проблемы в едином предметном поле и ответить на вопрос, относится ли она к стержневой, периферийной области или лежит в междисциплинарной зоне.

Непротиворечивое понимание предмета социологии образования обеспечивает ее преемственность и органичное развитие в составе социологической науки, более четкие связи со смежными отраслями и другими социальными науками. «Дело за малым» – трансляцией предмета социологии образования в программы прикладных исследований, и в этом плане интеграция теоретической и прикладной социологии образования в России остается актуальной задачей развития отрасли.

Современные исследовательские центры

Развитие социологии образования как отраслевой науки обусловлено существенным для России обстоятельством. При колоссальных географических масштабах страны за десятилетия развития высшей школы и академической науки возник и распространился неизбежный процесс регионализации исследований, усилившийся в 1990-е годы. Полный обзор научных центров, вносящих вклад в развитие социологии образования, в рамках данной работы вряд ли возможен. Тем не менее, расставить определенные региональные вехи следует. Предваряя анализ, стоит подчеркнуть, что региональная социология образования в России не дифференцируется по линии «центр –

периферия». Каждая из научных школ, независимо от территориальной удаленности от столицы, имеет специфику предметного поля, методологии и методики исследований, внося свой вклад в российскую социологию образования.

Наиболее показательными для развития отрасли в конце XX – начале XXI в. являются, на наш взгляд, научные сообщества в городах Великий Новгород, Москва, Екатеринбург, Тюмень, Новосибирск и Барнаул. Ими, конечно, не ограничивается география социологии образования в современной России.

С 1990-х годов в Великом Новгороде развиваются работы в рамках социально-системного изучения образования. В них первоначально делался акцент на социальном и профессиональном самочувствии основных групп – участников образовательной сферы – старшеклассников, учителей, родителей учащихся и директоров школ (Осипов, 1991). Позже исследования расширились, и репрезентативным изучением была охвачена молодежь региона, велся сравнительный анализ разных групп учащихся – школьников, учащихся в начальном и среднем профессиональном образовании, студентов вузов – по основным социальным параметрам в сферах здоровья и демографического поведения, образования и занятости, досуга, права. В работе приняли участие видные специалисты Ю. Зубок, В. Чупров, В. Лисовский (Осипов, Матвеев, 2001).

Теоретические вопросы оказались в центре внимания в связи с выходом отраслевого курса лекций (Осипов, 1998). Анализируя историю развития отрасли, А. Осипов обосновал подход к определению предмета социологии образования, ее понятийного аппарата, структуры системы образования. Существовавшие в СССР и сохраняющиеся в современной России перекосы в развитии этой системы исследователь связывает с незнанием и игнорированием институциональных функций образования, вопреки которым субъекты управления сосредоточиваются лишь на формальных и внешних сторонах образовательного процесса, вследствие чего возникают дисфункции и кризисные явления в системе образования.

Новгородские социологи исследовали взаимосвязи образования и социального неравенства, ими раскрыты вопросы социального

расслоения в образовании (В. Матвеев), поведения университета как корпорации (С. Иванов), социального развития студенчества (С. Флюгов), социального партнерства в образовании (Осипов, Карстанье, 2008) и др. Одна из работ переведена и выпущена ЮНЕСКО (Medik, Osipov, 2005).

В первом десятилетии XXI века отечественная социология образования существенно продвинулась в направлении социологических мониторинговых исследований образования в масштабах страны. Научно-организационным центром такого рода исследований закономерно стали исследовательские коллективы Москвы.

В 2006 году по заказу Национального фонда подготовки кадров по линии Проекта «Реформа системы образования» (ПРСО) был осуществлен всероссийский научный проект «Проведение мониторингового исследования по оценке доступности качественного общего полного среднего образования в рамках учреждений общего и начального профессионального образования» (Константиновский и др, 2006). Методология и методика исследования позволяют оценить качество обучения по показателям «входа», «процесса» и «результата», а методика кластеризации – типологизировать учебные заведения по этим качествам, выявлять барьеры доступности качественного среднего образования для учащихся разных учебных заведений, определять по кластерам профиль доступности качественного среднего образования в регионе. Исследование проводилось в 7 регионах страны, респондентами выступили учащиеся, их родители, преподаватели, администраторы учебных заведений, специалисты органов управления образованием, СМИ, общественные организации, работодатели. Комплекс количественных и качественных методов позволил впервые получить достоверную информацию о проблеме доступности качественного среднего образования в регионах России, выработать рекомендации по снижению барьеров доступности. Проект отражен в комплексе региональных публикаций (см. работы Н. Зотовой, Н. Матвеевой, В. Солдатова, Н. Посталюк и др.).

Одним из направлений реализации ПРСО стал проект «Мониторинговые исследования по оценке реальных и потенциальных последствий образовательных реформ для учителей», проведенный

в 31 регионе страны (Гаспарисвили и др., 2006). Его предметом послужили – социально-демографические и профессиональные характеристики учителей и директоров школ, социально-экономический статус, социальное самочувствие педагогов, бюджеты времени, профессиональная мотивация и отношение к реформе образования, а результат – возможность прогноза участия педагогов в инновациях и планировании инноваций с учетом мнения профессионального сообщества (Растова и др., 2006).

Обострение проблем социализации и глубокое социально-экономическое расслоение населения, негативные последствия реформирования образования вызвали внимание к его ранним ступеням. В 2007 году по заказу Рособрнадзора по репрезентативной выборке в 14 регионах страны было проведено исследование «Мониторинг состояния и развития системы образования детей старшего дошкольного возраста». Сбор данных велся в каждом регионе в 3 типах поселений (административный центр региона, малый город и село) и охватил родителей, воспитателей и заведующих дошкольными образовательными учреждениями, учителей и специалистов дополнительного образования. Во внимание принималась дифференциация типов этих учреждений и начальной школы. Была впервые описана структура дошкольных учреждений, их социальные условия и ресурсное обеспечение, удовлетворенность родителей и адаптация детей в начальной школе. В результате были предложены адекватные модели учреждений и намечены стратегические направления развития дошкольного и начального образования.

Поворот социологии образования к подготовке управленческих решений в сфере образования был подкреплен публикацией ряда работ, посвященных индикаторам и показателям функционирования системы, совершенствованию социальной информации и статистики в образовании, мониторингу его качества на региональном, муниципальном и локальном уровнях (Агранович и др., 2008; Вальдман, 2006; Константиновский и др., 2006; Посталюк, 2006; Иванов, 2004 и др.).

Особую активность в интеграции социологии с практикой управления проявила Межрегиональная ассоциация мониторинга и статистики образования. Она в 2008 году выполнила проект, результатом

которого стали апробированная система показателей и индикаторов управления качеством образования (Агранович и др., 2008), а также методика оценки социализации и толерантности учащихся. Они позволяют оценивать управление качеством образования, не ограничиваясь статистическими показателями. Опыт мониторинговых исследований в начале XXI века позволил отечественной социологии образования выйти на уровень реализации практических функций науки. Сформировались теоретико-методологическая и эмпирическая базы для перехода от «ситуативной» к «стратегической» социальной технологии управления образованием.

Реально этот переход невозможно осуществить без систематического накопления первичной социальной информации о процессах, происходящих в сфере образования, потребностях и интересах молодежи как основного субъекта образовательной деятельности. Неразрывная взаимосвязь предметного пространства социологии образования и социологии молодежи, пожалуй, является отличительной чертой Уральской социологической школы с центром в Екатеринбурге.

Внимание уральских социологов уже несколько десятилетий обращено к образу и качеству жизни студенчества (Рубина, 1981; Вишневецкий, Шапко, 1995, 2006; Игошев, Петрова, Рубина, 2006, и др.). Систематические панельные исследования социального качества будущих специалистов разных профилей позволяют отследить функционирование системы высшего образования в плане воспроизводства социальной структуры общества, реализации потребностей экономической сферы.

Вехой в развитии эмпирической социологии образования в регионе явилось участие уральских социологов во Всесоюзном (всероссийском) сравнительном социологическом исследовании «Пути поколения» (1983–1996 годы). Научный коллектив под руководством Л. Рубиной выполнил лонгитюдную стратегию исследования жизненного пути выпускников разных типов средних учебных заведений до достижения ими 30-летнего возраста. Образование в данной работе рассматривалось как важнейший процесс и результат жизненного самоопределения молодежи.

Тот факт, что потребность в образовании и возможность ее реали-

зовать носит характер определяющего фактора развития как личности, так и общества в целом, был проанализирован уральскими социологами и на теоретическом уровне (Руткевич, Рубина, 1988; Зборовский, 2000; Зборовский, Шуклина, 2005, Вишнеvский, 2009).

Рассмотрение социальных проблем образования в уральской социологической школе непротиворечиво осуществляется в рамках двух подходов: системного и институционального. С одной стороны, образование рассматривается как относительно самостоятельная социальная подсистема общества, в которой проявляется специфика образования как ценности и как социальной деятельности (Руткевич, Рубина, 1988; Константиновский, Веревкин, 2003; Рубина, Прямикова, Лобова, 2008). С другой стороны, образование анализируется как социальный институт с точки зрения его структурно-функционального наполнения и динамики развития (Зборовский, 2000; Зборовский, Шуклина, 2005; Вишнеvский, 2009; Засыпкин, Зборовский, Шуклина, 2011). В ряде работ сочетается строгий анализ социально-статистических данных с научной принципиальностью в оценке тех бюрократических стратегий развития образования, в которых сама бюрократия провозглашает очередные достижения вопреки голосу большинства авторитетных ученых (Зборовский, 2011).

Развитие названных подходов позволяет социологам продуцировать новые методологические конструкции. В этом отношении интересны работы Е. Прямиковой, выстраивающей компетентностный подход, в котором образование рассматривается как пространство коммуникации субъектов, ориентированных на развитие и реализацию определенных компетенций, социальных, прежде всего (Прямикова, 2011).

Другим регионом со «своим лицом» в отечественной социологии образования является Тюмень. Отличительной особенностью проблематики, которую разрабатывают тюменские социологи, является, пожалуй, соотношение глобального, национально-государственного и регионального в образовании. Проблемы и перспективы модернизации российского образования рассматриваются исследователями как с позиции тенденций глобализации, становления информационного общества, так и с точки зрения развития региональной системы

образования (Шафранов-Куцев, 1997, 2001; Гаврилюк, 2003; Куцев, 2011).

Социологи традиционно уделяют внимание объективным факторам развития социального института образования, трансформации его многоступенчатой структуры, динамике функционирования. Причем, зачастую объектом исследования становится образовательное учреждение (детский сад, школа, вуз), в деятельности которого отражены все современные тенденции развития общего и профессионального образования.

По нашим оценкам, Тюмень может претендовать на статус не только интеллектуального, но и организационного центра социологии образования. Здесь регулярно проходят крупные научно-практические конференции, социологические школы для молодых ученых и специалистов. Этому способствует удобное географическое положение, равноудаленное от запада и востока страны, и тесная связь научного сообщества с органами государственной власти, управления образованием.

Социология образования в Новосибирске имеет давние традиции. Систематические исследования образования стали проводиться научными коллективами академгородка с 1960–1970-х годов (Т. Заславская, Д. Константиновский, В. Шубкин, Л. Борисова, В. Турченко и др.). Можно выделить два взаимосвязанных направления новосибирской школы социологии образования.

Первое направление – фундаментальная социология. Еще в начале 1970-х годов В. Н. Турченко публикует книгу «Научно-техническая революция и революция в образовании», раскрывая закономерности кризисного развития образования, детерминанты и сущность образовательных революций, перспективы развития системы (Турченко, 1973). Позже эти идеи нашли свое развитие в работах автора, где образование рассматривается как системообразующий фактор личностного и общественного развития (Турченко, 2004).

В немалой степени решению фундаментальных вопросов образования способствовали междисциплинарные связи социологии и философии. Труды новосибирской школы философии образования, лидером которой является Н. В. Наливайко, имеют особое методоло-

гическое значение для понимания устойчивого развития образования, направлений и последствий модернизации системы (Наливайко, 2005).

За новосибирскими исследователями сохраняется приоритет в социальном измерении эффективности образования. В 1991 году вышла монография «Эффективность образования», в которой удалось преодолеть экономический, «затратный» подход к оценке эффективности функционирования социального института и сосредоточить внимание ученых и специалистов-практиков на социальных эффектах образования (Колесников, Турченко, Борисова, 1991).

Второе направление – эмпирическая социология образования – в Новосибирске не менее развито. Исследователи рассматривают проблемы образования в контексте социализации молодежи в современных социально-экономических условиях. Образовательные планы молодого поколения, представления о ценности образования исследуются в связи с ориентацией в сфере труда, занятости, профессионального выбора. В этом отношении показательным примером является панельное межрегиональное социологическое исследование «Учащаяся молодежь в экономическом пространстве: установки, поведение, отношение к богатству», начатое в 1999 году под руководством Л. Борисовой (Борисова, Солодова, Харченко, 1999; Радова, 2006; Харченко, 2008).

В этом проекте интересы новосибирской и барнаульской школы социологии образования совпали. На Алтае под руководством Л. Радовой проведены три этапа обследования выпускников школ в 1999, 2005 и 2010 годах (Радова, 2006). Теоретические разработки алтайских социологов образования позволили углубить проблематику исследования, получившего название «Социальное качество российской молодежи в начале XXI века». Алтайские исследователи анализируют образование как важнейшую составляющую социальной культуры личности.

Эта традиция сохраняется и в реализации ряда всероссийских и региональных мониторинговых исследований образования, в которых приняли участие алтайские социологи (Матвеева, Юртаев, 2006; Радова, Матвеева, Тумбаева, Кондакова, 2006; Матвеева, 2009; Матвеева, 2011). Проблемы доступности качественного дошкольного

и школьного образования, государственно-общественного управления школой, социально-психологического самочувствия учителей, подготовки педагогических кадров всякий раз анализируются сквозь призму социального качества субъектов образования. Этот подход к анализу эмпирических данных имеет под собой серьезную методологическую основу.

Чертой алтайской социологической школы является изложение социологии образования как теории среднего ранга неклассической социологии, отрасль социологического витализма (Григорьев, Матвеева, 2000; 2002; Матвеева, 2004; Matveeva, Grigoriev, 2007). Эти положения вошли в учебники и тезаурус социологии (Осипов, Тумалев, 2005; Тощенко, 2009; Воронцов, 2011). В контексте виталистской социологии образование рассматривается как открытая социальная система, содержанием которой являются отношения владения, пользования, распоряжения, а также присвоения, потребления и распределения, возникающие между социальными субъектами в процессе передачи устойчивых форм социального опыта и формирования умений личности создавать новый социальный опыт с целью развития и реализации своих жизненных сил. Под жизненными силами понимается совокупность физических, психических, духовных и социальных детерминант, обеспечивающих способность человека к жизнедеятельности, к воспроизводству своей жизни.

Концепция жизненных сил человека и общества не противоречит традиционному институциональному анализу образования. Но если институциональный анализ главное внимание уделяет структуре и функциям образования и тому, как они обуславливают образовательные потребности и поведение, то системно-субъектный подход акцентирует внимание на значимости обратной связи – активности социального субъекта в использовании возможностей социального института образования для преобразования себя и общества.

Методологические принципы виталистской социологии образования позволили продвинуться в поиске социальных механизмов устойчивого развития системы образования. Это в начале XXI века оформилось в теорию социальной инерции образования, акцентирующей внимание на позитивных функциях инерционных процессов

(Матвеева, 2004). Ее автор Н. Матвеева анализирует инерцию как закономерное свойство социальной системы устойчиво функционировать и поступательно развиваться, благодаря которому упорядочиваются прямые воздействия внешней среды и сохраняется целостность системы за счет воспроизводства функций, структуры, потенциала и форм взаимодействия социальных субъектов как элементов данной системы.

Рост значимости образования как неотъемлемого элемента духовной жизни и необходимость замедленного темпа его развития описывают практически в тех же терминах и представители институционального подхода: «В отличие от ускоряющейся и нестабильной повседневности духовная жизнь выступает как пространство большей стабильности, ... как способ достижения относительной независимости субъектов социальной жизни от суетности жизни» (Тощенко, 2009: 357) [9].

Деятельность проанализированных региональных научных центров показывает, что в России социология образования развивается как полипарадигмальная, практико-ориентированная отрасль социальной науки. Накопленный опыт масштабных лонгитюдных, панельных и мониторинговых эмпирических исследований субъектов образования и теоретических разработок в области устойчивого функционирования и развития системы позволяет решать задачи социального прогнозирования образования в динамично меняющемся обществе.

Несомненно и то, что сообщество исследователей в социологии образования становится более массовым. На прошедших в последнем десятилетии Всероссийских социологических конгрессах секция «Социология образования» оказалась самой большой по числу участников. Состоялись две крупные Всероссийские социологические конференции: в 2009 году «Общество и образование» (организаторы – Институт социологии РАН и Российское общество социологов), в 2011 году – Третьи Санкт-Петербургские социологические чтения «Социальная стратегия российской системы образования» (организатор – Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена).

Существенный вклад в развитие отрасли вносят журнал РАН

«Социологические исследования» и издаваемый в г. Орел журнал «Образование и общество», в которых поддерживаются рубрики по социологии образования, а также единственный в своем роде журнал «Социология образования» (гл. редактор чл.-кор. РАН А.В. Дмитриев), издаваемый Современной гуманитарной академией.

Список литературы

1. Российская социологическая энциклопедия. – М., 1998.
2. Филиппов Ф. Р. Социология образования / Ф. Р. Филиппов // Социол. исслед. – 1994. – № 8–9.
3. Филиппов Ф. Р. Социология образования / Ф. Р. Филиппов. – М., 1980.
4. Руткевич М. Н. Общественные потребности, система образования, молодежь / М. Н. Руткевич, Л. Я. Рубина. – М., 1988.
5. Нечаев В. Я. Социология образования : учеб. пособие / В. Я. Нечаев. – М., 1992.
6. Иванова В. А. Институциональные функции образования: устаревшая или перспективная проблема? / В. А. Иванова // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2011. – № 3.
7. Осипов А. М. Социология образования: Очерки теории / А. М. Осипов. – Ростов н/Д., 2006.
8. Шаронова С. А. Универсальные константы института образования – механизм воспроизводства общества / С. А. Шаронова. – М., 2004.
9. Тощенко Ж. Т. (ред.) Тезаурус социологии / Ж. Т. Тощенко. – М., 2009.

УДК 316.74.378.063

*Н. В. Шевченко***ПАРТНЕРСЬКІ ВІДНОСИНИ В ОСВІТНЬОМУ
ПРОЦЕСІ****PARTNERSHIP IN AN EDUCATIONAL PROCESS****Аннотация**

В статье определено содержание категории «социальное партнерство», уточнена цель и задачи субъектов образовательного процесса. Рассмотрен механизм реализации форм партнерства высших учебных заведений и работодателей. Социальное партнерство в образовательной сфере охарактеризовано как совокупность взаимодействий учебных заведений, объединений работодателей, профсоюзов и властных структур на основе договоров, контрактов с целью дальнейшего развития системы образования, повышения кадрового потенциала страны, формирования образованной и социально активной личности, экономического и духовного прогресса общества.

В статье проанализированы факторы, которые лежат в основе несбалансированности спроса и предложения молодых управленческих кадров на рынке труда. Выявлены эффективные механизмы взаимодействия между учебными заведениями и предприятиями-работодателями. Обоснована необходимость разработки и внедрения принципиально новой системы взаимодействия системы профессионального образования и бизнес-сообщества на основе современных подходов к организации партнерских отношений. Поставлены задачи социального партнерства в сфере образования и описаны барьеры на пути их реализации: недостаточность совместных обсуждений перспектив партнерства ученых и предприятий в образовательном процессе; формальность в работе попечительских советов, а также низкая активность самих высших учебных заведений по привлечению бизнес-структур к разработке и реализации образовательных программ, к работе в вузах преподавателей-практиков.

Обосновано, что социальное партнерство системы образования и сферы труда характеризуется разнообразием субъектов и институтов партнерских отношений, разнообразием форм и соглашений, неупорядоченностью организационных структур и механизмов регулирования социального диалога. В основе реализации системы социального партнерства в образовательном пространстве лежит принцип причастности, т. е. условием

объединения всех партнеров выступает единство интересов участников и равнозначное участие в работе системы.

Ключевые слова: конкурентоспособность выпускников, рынок труда, работодатели, социальное партнерство.

Анотація

У статті визначено зміст категорії «соціальне партнерство», уточнено мету і завдання суб'єктів освітнього процесу. Розглянуто механізм реалізації форм партнерства вищих навчальних закладів і роботодавців. Соціальне партнерство в освітній сфері охарактеризовано як сукупність взаємин навчальних закладів, об'єднань роботодавців, профспілок і владних структур на основі договорів, угод, контрактів з метою подальшого розвитку системи освіти, підвищення кадрового потенціалу країни, формування освіченої та соціально активної особистості, економічного і духовного прогресу суспільства.

Сформульовані теоретичні основи заходів, спрямованих на підвищення якості освіти на основі розвитку гармонійних взаємовідносин соціальних партнерів в освітній сфері. Запропоновані механізми функціонування системи соціального партнерства в освітньому просторі: адаптація вузівської програми навчання до потреб виробництва і суспільства, розвиток молодіжного підприємництва в рамках вищого навчального закладу, розвиток системи сприяння практичній підготовці студентів у рамках підприємства і формування на підприємстві резерву молодих управлінських кадрів та ін.

Обґрунтовано, що соціальне партнерство системи освіти і сфери праці характеризується різноманіттям суб'єктів та інститутів партнерських відносин, різноманіттям форм і угод, невпорядкованістю організаційних структур і механізмів регулювання соціального діалогу. В основі реалізації системи соціального партнерства в освітньому просторі лежить принцип причетності, тобто умовою об'єднання всіх партнерів є спільність інтересів кожного з учасників і рівна участь у роботі системи.

Ключові слова: конкурентоспроможність випускників, ринок праці, роботодавці, соціальне партнерство.

Annotation

In the article titled the content of the «social partnership» category is explicated, the purpose and objectives of an educational process are specified. A mechanism of realization of higher educational institutions and employers partnership patterns is discussed. Social partnership in education is described as a set of relationships of educational institutions, employers associations, trade unions and state administration bodies acting on contracts and agreements with an aim to further

develop, the country's system at education its human potential, and to form an educated and socially active personality, for the sake of economic and spiritual progress of the society.

Theoretical found aliens of the measures aimed at raising the quality standards of education by developing harmonious relations between social partners is formulated. Mechanisms of social partnership functioning in the educational sphere are proposed among them: universities' training programs adaptation to the needs of society and production, promotion of youth entrepreneurship development in higher educational establishments, promoting students' practical training in companies to form young managerial personnel reserves etc.

Social partnership within the system of education and labour is characterized by a variety of subjects and institutions partnership patterns, a variety of agreements, irregularity of organizational structures and social dialogue regulation mechanisms. The basis for the social partnership system realization in the educational sphere is the principle of involvement; i. e. the condition for the partners to share each other's interests and ensure their equal participation in the system.

Key words: graduates' competitiveness, board of trustees, labour market, social partnership.

Економічні зміни, що відбулися у нашій країні за останні десятиліття, значною мірою змінили стратегію і напрям розвитку професійної освіти. Як зазначено у Національній стратегії розвитку освіти в Україні до 2021 року, «розбудова національної системи освіти в сучасних умовах з урахуванням кардинальних змін у всіх сферах суспільного життя, історичних викликів ХХІ століття вимагає критичного осмислення досягнутого і зосередження зусиль та ресурсів на розв'язанні найбільш гострих проблем, які стримують розвиток, не дають можливості забезпечити нову якість освіти, адекватну нинішній історичній епосі» [10, с. 2].

Для розуміння сутності та функціонального призначення соціальної підсистеми освіти велике методологічне значення мають структурний функціоналізм, конфліктний підхід, символічний інтеракціонізм та інші методологічні орієнтації. Такі автори як У. Бек, П. Друкер, М. Кастельс, К. Манхейм та інші у своїх працях приділили значну увагу саме співробітництву з соціальними партнерами в області

підготовки затребуваного ринком праці фахівця, а також професійній підготовці висококваліфікованих фахівців [1; 4–6]. Проте актуальність дослідження підсилюється на сьогодні корінними змінами змісту діяльності у сфері освіти під впливом глобалізації та постмодернізації. Саме соціальне партнерство як нова парадигма відкритого суспільства стає реальністю у сфері освіти. Позиціонування освіти як системи освітніх послуг актуалізує механізм її організації в рамках соціального партнерства.

Аналіз літератури за даними проблемами дозволив зробити висновок, що метою соціального партнерства є формування міжсуб'єктної взаємодії, що приводить до позитивних і очікуваних усіма суб'єктами змін. Взаємодія є однією з базових філософських, онтологічних категорій. Це феномен зв'язку, впливу, переходу, розвитку різних об'єктів під впливом взаємної дії один на одного, на інші об'єкти. У взаємодії людей завжди є активність обох сторін, хоча міра її прояву різна.

Основою соціального партнерства в освітній сфері можна вважати ідеї й теоретичні положення філософії та політики сучасної освіти (В. П. Андрющенко, В. І. Астахова, В. Г. Кремінь, В. О. Огнев'юк, Є. А. Подольська, С. А. Щудло та ін.), засновані на концепціях управління макроосвітніми процесами (Г. А. Бордовський, В. В. Чепак, С. О. Шаронова та ін.), теорії самоорганізації систем і міжінституціональної взаємодії в освіті (С. Ю. Алашеев, М. Б. Гузаїров, М. П. Смирнов, М. Є. Фомін та ін.), концепції інтеграції освіти, науки і виробництва (А. Є. Леванова, М. В. Нікітін, Г. В. Мухаметзянова, А. Т. Рязанцева, О. О. Судленков та ін.).

Поняттєво-термінологічний аспект проблеми соціального партнерства в системі освіти дається в працях О. Л. Богачової, Т. М. Глушанок, В. І. Мітрохіна [2; 3; 7], де соціальне партнерство розуміється як система довірливих відносин освітніх установ з роботодавцями, службами зайнятості, профспілками, є потужним засобом підвищення ефективності професійної освіти і навчання, що забезпечують зв'язок освітніх послуг з економічним життям і сферою праці й необхідний баланс попиту та пропозиції кваліфікацій, умінь і компетенцій на ринку праці. В. О. Міхеев характеризує соціальне партнерство в освітній сфері як «сукупність взаємин навчальних закладів, об'єднань

роботодавців, профспілок і владних структур на основі договорів, угод, контрактів з метою подальшого розвитку системи освіти, підвищення кадрового потенціалу країни, формування соціально активної освіченої особистості, економічного і духовного прогресу суспільства» [8, с. 129–130].

У сучасній освітній сфері *соціальне партнерство* розглядається як механізм взаємодії освітньої установи і соціуму; як діючий інструмент залучення до обговорення і розв'язання проблем розвитку освіти широкого кола зацікавлених суб'єктів. Теоретичною основою такого сприйняття соціального партнерства можна вважати педагогіку впливів навчального середовища першої третини ХХ століття.

Соціальне партнерство сприяє самоактуалізації суб'єктів, що беруть участь у процесах взаємодії та домагаються позитивних змін в освітній сфері. У той же час соціальне партнерство в освіті, на думку ряду дослідників, набуває нових характеристик, що відбивають сучасні соціально-економічні і політичні особливості. Так, на думку І. М. Реморенка, соціальне партнерство ініціює активність професійно-педагогічних об'єднань, сприяє відкритості й раціональності фінансових потоків в освіті [9].

Соціальне партнерство – це засіб, спрямований на трансляцію громадськості позитивних, конструктивних і перспективних уявлень про освіту. Загальна мета діяльності не тільки не обмежує індивідуальних потреб її учасників, а навпаки, повно відбиває їх. Суб'єктові-ініціатору партнерських відносин необхідно переконати іншого в тому, що передбачувана взаємодія дозволить розв'язати його проблеми й, більше того, без такої взаємодії вони не можуть бути вирішені. А це значить, такий тип взаємодії є взаємовигідним. Взагалі ж, на думку всіх дослідників, соціальне партнерство є міжгруповою взаємодією з реалізації спільно вироблених цілей, що поєднують на новому якісному рівні цілі груп-учасників взаємодії.

Соціальне партнерство у найширшому розумінні ми сприймаємо як таку спільну колективно розподілену діяльність різних соціальних груп, що приводить до позитивних ефектів, які поділяються усіма учасниками даної діяльності. Така діяльність може здійснюватися і перманентно, і в рамках спеціально запланованих акцій.

Стосовно освіти соціальне партнерство, на нашу думку, можна класифікувати: по-перше, як партнерство усередині системи освіти між соціальними групами даної професійної спільності; по-друге, як партнерство, у яке вступають працівники системи освіти, контактуючи із представниками різних сфер суспільного розвитку; по-третє, як партнерство, яке ініціює система освіти як особлива сфера соціального життя, що робить внесок у становлення громадянського суспільства.

Останнє розуміння партнерства у плані нашого розгляду виявляється найбільш значущим, оскільки дозволяє змінювати, проектувати, апробувати і встановлювати нові суспільно значимі функції системи освіти. При цьому в кожній ситуації соціальної взаємодії різні варіанти розуміння соціального партнерства можуть бути представлені одночасно.

Слід звернути увагу на те, що у будь-якому сенсі, за будь-яких варіантів застосування терміну «соціальне партнерство», при його вживанні обов'язково ставиться акцент на якості підготовки сучасного фахівця, на зміцненні практичної спрямованості його фаховості. При цьому під управлінням якістю підготовки випускника вчені, як правило, розуміють постійний, планомірний, цілеспрямований процес впливу на всіх рівнях на фактори й умови, що забезпечують формування майбутнього фахівця оптимальної якості й повноцінне використання його знань, умінь і навичок.

На нашу думку, у дослідженнях, присвячених реалізації соціального партнерства у професійній освіті, можна виділити такі напрямки:

1) реалізація соціального партнерства через здійснення інноваційних підходів формування системи якості освітнього процесу в освітніх установах;

2) формування соціального партнерства на основі використання інноваційних технологій у сфері управління сучасною освітньою установою;

3) забезпечення соціального партнерства через вивчення процесів появи, прийняття і реалізації освітніх та інших соціальних ініціатив;

4) становлення системи соціального партнерства на базі формування ринкових відносин у професійній освіті;

5) досвід розвитку соціального партнерства в професійній освіті, а також між родиною, освітньою установою і співтовариством.

Що стосується феномену соціального партнерства у більш конкретній професійній освіті, то він характеризується наступними ознаками:

1) це особливий тип взаємодії освітніх установ із суб'єктами й інститутами ринку праці, державними і місцевими органами влади, громадськими організаціями;

2) воно націлене на максимальне узгодження і реалізацію інтересів усіх прямих і непрямих учасників освітнього процесу.

Головною метою соціального партнерства у сфері професійної освіти і навчання є забезпечення високої якості й ефективності підготовки і перепідготовки кадрів. Якість і ефективність професійної освіти та навчання – найважливіші аспекти модернізації економіки в цілому і системи освіти зокрема, головні критерії та індикатори результативності навчального процесу.

Головним предметом соціального партнерства всіх рівнів є якість життя людини (в освіті – це якість освіти), цивілізованість суспільства. Тому головним критерієм соціального партнерства у сфері професійної освіти можна вважати реалізацію основного завдання освітньої установи – затребуваність випускників на ринку праці. Одним із провідних напрямків соціального партнерства у сфері професійної освіти є прогнозування потреб ринку праці й формування попиту в абітурієнтів на запропоновані навчальним закладом спеціальності.

Основним способом вибудовування партнерських відносин в освіті є соціальний діалог, у який вступають сторони, з метою досягнення угоди на договірній основі з питань, що представляють взаємний інтерес. Про партнерство ми говоримо у тому випадку, якщо встановлюються відносини взаємовигідного співробітництва, соціального діалогу. За таких умов вища школа в цілому і вищий навчальний заклад зокрема займає позицію не «вдячного отримувача» допомоги і матеріальної підтримки, а рівноправного партнера, що володіє ресурсами, корисними для інших учасників взаємодії. При цьому таке взаємовигідне співробітництво повинне сприяти підвищенню конкурентоспроможності вищого навчального закладу на ринку освітніх послуг регіону.

Соціальне партнерство в освіті слід розуміти як спільну участь різних сторін у виробленні й реалізації програм, інтелектуальних продуктів для навчання і виховання майбутніх конкурентоспроможних фахівців. Саме соціальне партнерство, побудоване на принципах взаємної зацікавленості сторін і добровільності прийняття ними зобов'язань, відповідальності за результат діяльності, стає економічно значущою сферою освіти. І хоча соціальне партнерство в освіті ще мало освоєне, все ж різні його види були в соціальній практиці завжди.

У сучасних умовах в освіті реалізуються всі види соціальної взаємодії, але очевидно, що саме партнерство дає найбільший ефект, тому що передбачає більш повне, зацікавлене і довгострокове включення у вирішення соціально-освітніх проблем. Партнерство, яке ініціює система освіти як особлива сфера соціального життя, дозволяє багато що змінювати, проектувати, установлювати нові суспільно значимі функції вищої школи. Інші види роботи із соціумом також досить корисні в конкретній ситуації, але більш локально. Тому соціальне партнерство в освіті цілком справедливо можна оцінювати як шлях її демократизації й відновлення.

Спільна робота соціальних партнерів забезпечує найбільш повний захист соціальних прав студентів і швидку адаптацію випускників до нових соціально-економічних умов життя, сприяє розширенню освітнього простору навчального закладу, вирішує питання кадрового забезпечення підприємства або установи.

Найважливішим напрямком модернізації освіти в Україні є подолання цехової замкнутості галузі освіти, перетворення освітніх інститутів різного масштабу у відкриті соціально-освітні системи, діяльність яких спрямована на розв'язування актуальних економічних, соціальних, культурних проблем муніципалітету, регіону, України в цілому. Відкритість освітньої установи якраз і проявляється у побудові системи соціального партнерства, кооперативних зв'язків з іншими сферами суспільства: органами влади, бізнесом, установами освіти, культури і науки, спрямованої на взаємовигідне співробітництво в тактичному і стратегічному плані, спільну діяльність освітньої установи і соціальних партнерів.

Розвиток суспільства на основі нових знань базується на єдності

освіти і науки, яка є основою розвитку системи освіти, основним фактором побудови суспільства на основі нових знань. Основними засобами вирішення проблем у цій сфері є: по-перше, істотне збільшення фінансування наукових досліджень у вищих навчальних закладах і підтримка вітчизняних наукових видань; по-друге, створення вітчизняної освітньо-наукової інфраструктури, інтенсифікація фундаментальних і прикладних наукових досліджень у вищих навчальних закладах і наукових установах, впровадження наукових результатів у навчальний процес, формування змісту освіти на основі новітніх наукових і технологічних досягнень; по-третє, інноваційна освітня діяльність навчальних закладів усіх типів, рівнів акредитації, форм власності, а також правовий захист освітніх інновацій і результатів як інтелектуальної власності; по-четверте, підвищення рівня наукової й науково-технічної експертизи, впровадження її при підготовці державних стандартів, підручників, інноваційних систем навчання і виховання; по-п'яте, впровадження цільових програм, що сприяють інтеграції освіти і науки; поглиблення співробітництва і кооперації навчальних закладів і наукових установ, широке залучення до навчально-виховного процесу і дослідницької роботи в навчальних закладах учених НАН України, АПН та інших галузевих академій; залучення до наукової діяльності учнівської й студентської обдарованої молоді, педагогічних і науково-педагогічних працівників; по-шосте, створення науково-інформаційного простору для дітей, молоді й усього активного населення, використання для цього можливостей нових комунікаційно-інформаційних засобів.

Якість освіти все частіше визначається відповідністю потребам ринку праці, конкретним запитам роботодавців. Разом з тим більш вимогливими стають і самі споживачі освітніх послуг, студенти та їх батьки. У таких умовах усе більшої актуальності набуває соціальне партнерство, яке впливає на освітнє середовище навчального закладу, динамічно розширюючи його у напрямку від мікросередовища (внутрішнього середовища) до макросередовища (зовнішнього середовища).

Система соціального партнерства забезпечує як поступальний розвиток самої освітньої установи, так і якісне поліпшення ситуації його кооперантів. Соціальне партнерство освітньої установи якісно

відрізняється від інших форм взаємодії: шефства, спонсорства, піклування. Його основна ідея – взаємовигідна кооперація, у якій освітня установа виступає не в ролі прохача, а є повноправним партнером. Це означає безпосередній і прямий обмін ресурсами, привабливими від соціальних партнерів, на конкретні результати діяльності освітньої установи.

Застосування в навчанні студентів технологій, орієнтованих на практику, дозволяє здійснювати підготовку висококваліфікованих фахівців, конкурентоспроможних і мобільних на ринку праці. Необхідною і обов'язковою умовою підвищення якості практичного навчання студентів є соціальне партнерство між навчальним закладом і підприємством або установою. Така взаємодія у сфері освіти передбачає підвищення рівня загальної й професійної культури фахівця, виховання професійно й особистісно значущих якостей, посилення творчих засад у професійному навчанні.

Сьогодні як ніколи гостро постає ще одна проблема – удосконалення змісту професійної підготовки. Для її розв'язання необхідно об'єднати зусилля освітніх установ та роботодавців і спільно розробити професійні освітні стандарти, навчальні плани та програми, що базуються на принципово іншій методологічній основі, а також системи і методики незалежної оцінки якості підготовки молодих фахівців. Серед технологій соціального партнерства необхідно виділити технологію практико-орієнтованого навчання, головна мета якого – формування у майбутнього фахівця повної готовності до професійної діяльності.

Враховуючи всі ці аспекти соціального партнерства, ми особливо підкреслюємо, що це такі відносини суб'єктів освітньої діяльності, які дозволяють динамічно розбудовувати співробітництво вищої школи, органів управління освітою (загальнодержавний, регіональний і місцевий рівні), замовників і роботодавців (галузеві міністерства, служби зайнятості, підприємства, організації і т. ін.), профспілок та інших громадських організацій.

Оцінюючи роль соціального партнерства у підвищенні якості освіти, ми особливо наполягаємо на тому, що сучасний університет повинен розвиватися шляхом створення університету інноваційного типу. Ми погоджуємося з тими авторами, які виділяють основні напрямки

модернізації вищої школи, що дозволять домогтися ефективного соціального діалогу щодо вирішення завдань підготовки фахівця, який відповідає сучасним вимогам роботодавців:

- адміністративно-структурна, нормативно-правова, науково-методична, фінансово-економічна і матеріально-технічна єдність наукової й освітньої діяльності на основі інноваційних принципів організації та управління;

- адекватний зовнішнім умовам розвиток структури й інфраструктури інноваційної діяльності у сфері науки і освіти;

- виконання фундаментальних і прикладних досліджень і дослідно-конструкторських розробок за пріоритетними напрямками науки і техніки, а також критичними технологіями загальнодержавного рівня;

- збалансованість і взаємозв'язок етапів фундаментальних і пошукових досліджень, прикладних розробок, затребуваність наукових результатів та їх впровадження у виробництво, кадрове забезпечення, маркетинговий і технічний супровід просування кінцевої продукції на ринок;

- прогнозування і активне формування у регіоні або в галузі ринків праці, освітніх послуг і наукомістких технологій з метою випереджального кадрового і науково-технічного забезпечення національної економіки і пріоритетних галузей промисловості;

- надання широкого спектру варіативних освітніх програм і послуг різних рівнів, форм і змісту, включаючи навчання через участь студентів у дослідженнях і розробках;

- кооперація і реалізація наскрізних освітніх програм із профільними установами освіти різних рівнів (ВНЗ, коледжі, центри довузівської підготовки, гімназії і т. ін.);

- глибока інтеграція науково-технічної, навчальної та інноваційної діяльності з профільними підприємствами промисловості та науковими організаціями;

- участь представників профільної промисловості, галузевої й академічної науки в колегіальних і експертно-аналітичних органах управління вищим навчальним закладом;

- наявність довгострокових договірних відносин зі стратегічними партнерами ВНЗ за основними науково-освітніми напрямками

діяльності (цільова підготовка фахівців і кадрів вищої кваліфікації, виконання наукових проектів і подальший їхній супровід на підприємстві, включаючи випереджальну підготовку кадрів для освоєння нових зразків виробів або нових технологій, створення спільних структур науково-освітнього або інноваційного профілю, матеріально-технічна підтримка наукового і навчального процесів);

– захист прав на об'єкти інтелектуальної власності у сфері науки і освіти, їх комерційно-вигідне використання для всіх учасників наукової, освітньої й інноваційної діяльності.

Саме об'єднання наукової, освітньої та інноваційної діяльності в єдине ціле і створення умов для всебічного розвитку цих компонентів дозволяє вирішувати завдання створення і ефективного розвитку навчально-науково-інноваційного комплексу вищого навчального закладу.

Важливе методологічне значення має визначення ролі соціального партнерства у реалізації концепції безперервної освіти. Загально-визнано, що освіта протягом життя повинна бути доступною для всіх. Це вимагає змін у підходах до реформування системи освіти на наступні роки, зростання ролі мотивації до постійного підвищення рівня освіти і кваліфікації, створення дієвих інститутів освіти для дорослих для забезпечення потреб ринку праці. Реалізація концепції безперервної освіти передбачає відсутність будь-яких обмежень для навчання протягом усього життя.

В Україні безперервна освіта реалізується через координацію освітньої діяльності на різних рівнях і підготовку до можливого переходу до вищих освітніх щаблів, формування потреби і здатності до самоосвіти, оптимізацію системи перепідготовки кадрів, створення інтегрованих навчальних планів і програм, зв'язок між навчальними закладами середньої, професійно-технічної, вищої та післядипломної освіти.

У результаті впровадження принципів безперервної освіти повинна відбутися індивідуалізація освітніх траєкторій: більше половини з набору освітніх послуг людина буде відбирати для себе самостійно. Звідси впливає цілий ряд фундаментальних наслідків: формування відкритого ринку освітніх програм і модулів замість заздалегідь устанавленого стандарту; використання прозорої й зрозумілої для всіх

системи визнання результатів освіти у кожному модулі; неприйнятність винятково державного контролю якості освітніх програм.

Таким чином, соціальне партнерство є потужним засобом підвищення ефективності професійної освіти та її розвитку. Саме роботодавці є сьогодні основними замовниками необхідних їм робочих кадрів і основними експертами підготовлених кадрів. Соціальне партнерство в системі професійної освіти дозволяє закласти основи інноваційного освітнього середовища.

Список літератури

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек ; пер. с нем. В. Сидельника и Н. Федоровой ; послесловие А. Филиппова. – М. : Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.
2. Богачева О. В. Социальное партнерство как одна из форм взаимодействия бизнеса и учреждений высшего профессионального образования / О. В. Богачева // Российское предпринимательство. – 2011. – № 6. – Вып. 2. (186). – С. 52–57.
3. Глушанок Т. М. Социальное партнерство как средство повышения качества профессионального образования / Т. М. Глушанок // Современные проблемы науки и образования. – 2008. – № 6. – С. 80–83.
4. Друкер П. Эпоха разрыва: Ориентиры для нашего меняющегося общества / П. Друкер ; пер. с англ. ; под ред. Б. Л. Глушака. – М. : Вильямс, 2007. – 336 с.
5. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. – М. : ГУ-ВШЭ, 2000.
6. Манхейм К. Избранное: Диапазон нашего времени / К. Манхейм ; пер. с нем. и англ. – М. : Говорящая книга, 2010. – 744 с.
7. Митрохин В. И. Социальное партнерство: теоретико-методологические основы / В. И. Митрохин. – М., 1999. – 182 с.
8. Михеев В. А. Основы социального партнерства: теория и политика : учебник для вузов / В. А. Михеев. – М. : Экзамен, 2001. – 448 с.
9. Реморенко И. М. «Социальное партнерство» в образовании: понятие и деятельность / И. М. Реморенко // Новый город: образование для изменения качества жизни. – М.; СПб. : Югорск, 2003.
10. Національна стратегія розвитку освіти в Україні на період до 2021 року : Указ Президента України від 25.06.2013 р. № 344/2013 [Електронний ресурс] // Сайт Адміністрації Президента України. – Режим доступу: <http://www.president.gov.ua/documents/15828.html>

УДК 378.147:811.111

А. А. Хильковская

УЧЕБНАЯ АВТОНОМИЯ И СТРАТЕГИИ ОБУЧЕНИЯ STUDENT AUTONOMY AND LEARNING STRATEGIES

Аннотация

Статья посвящена общим принципам и конкретным методикам организации учебного процесса при обучении иностранному языку как второму языку общения, которые способствуют формированию автономии студента и поощряют его движение в направлении обретения учебной автономии.

Актуальность рассматриваемой темы заключается в том, что учебная автономия рассматривается как необходимое условие формирования профессиональных компетенций выпускника, что является основной целью и учебного заведения, и сознательного студента.

Объектом рассмотрения в данной статье является понятие учебной автономии и составляющие ее компоненты.

Предмет исследования – способы организации, учебно-методическое обеспечение и стратегии обучения иностранному языку как второму языку общения, которые способствуют формированию автономии студента в этом процессе.

Организация учебного процесса сама по себе может либо способствовать, либо препятствовать формированию автономного студента. Статья отвечает на важнейший для педагога вопрос: что конкретно он должен сделать на каждом занятии, чтобы на протяжении всего курса постепенно, но последовательно стимулировать, формировать и поощрять автономию студента.

Ключевые слова: учебная автономия, компетенции, организация учебного процесса, стратегии обучения.

Анотація

У статті розглядаються загальні принципи та конкретні методики організації навчального процесу при вивченні другої мови спілкування, що сприяють формуванню автономії студента та заохочують його бути автономним у цьому процесі.

Актуальність цієї теми полягає в тому, що навчальна автономія розглядається як необхідна умова набуття студентом професійних компетенцій, у цьому полягає основна мета і навчального закладу, і свідомого студента.

Об'єктом розгляду у статті є поняття навчальної автономії та компоненти, з яких вона складається.

Предметом дослідження є способи організації, навчально-методичне забезпечення та стратегії навчання іноземній мові як другій мові спілкування, що сприяють формуванню автономії студента у цьому процесі.

Організація навчання сама по собі може сприяти або заважати формуванню автономного студента. Стаття відповідає на найважливіше для педагога запитання: що конкретно він може зробити кожного дня, аби протягом усього курсу, поступово, але послідовно стимулювати, формувати та заохочувати автономію студента.

Ключові слова: навчальна автономія, компетенції, організація навчального процесу, стратегії навчання.

Annotation

The article deals with the main principles of course design and practical approaches to second language teaching/learning that stimulate and encourage independent learning.

Actual value of the topic lies in the fact that independent learning is considered as a necessary condition of obtaining professional competences by students, which is the main objective of an educational institution and a conscientious student.

The object of the article is the concept of learner autonomy and independent learning; the constituent components of the learner autonomy are reviewed.

The subject of the paper is the analysis of how course design, course management principles, teaching materials and learning strategies can lead students to assuming responsibility for their own learning, build up their learner autonomy.

The article shows that language course design in itself can either limit or encourage independent learning.

The author tries to outline some practical methods, teaching techniques and learning strategies which, if applied consistently in a language classroom, can go a long way towards learner autonomy.

Key words: independent learning, learner autonomy, competence, course design, learning strategies.

Автономия студента – популярный термин в современной педагогической и методической литературе. Специалисты видят в учебной автономии необходимое условие для обретения обучающимся профессиональных компетенций, а не просто знаний, умений и навыков, что

отвечает требованиям рынка труда, который хочет получить готового специалиста и зачастую не дает выпускнику времени для формирования необходимых компетенций на его первом рабочем месте. Поэтому обеспечение автономии студента в учебном процессе является одной из самых актуальных задач образования на сегодняшний день.

Предметом данной статьи является понятие учебной автономии.

Объектом рассмотрения являются способы организации, учебно-методическое обеспечение и стратегии обучения иностранному языку как второму языку общения, способствующие смещению ответственности за организацию учебного процесса и его результаты с преподавателя на студента, другими словами, обеспечивающие автономию студента в этом процессе.

Автономия студента определяется как способность самостоятельно выстраивать учебную деятельность, осознанно управлять ею, выбирать и применять различные стратегии, критически осмысливать и корректировать их, нести ответственность за реализацию принятых решений, касающихся собственной учебной деятельности [3].

Специалисты выделяют компоненты автономии, наличие которых характеризует степень автономии студента в учебном процессе:

- психологические (мотивация, рефлексия, самоконтроль, самоанализ);
- методологические (владение способами и приемами самостоятельной деятельности, самоуправление учебной деятельностью, умение определять для себя учебные цели и двигаться к их достижению);
- коммуникативные (способность формулировать проблему, обсуждать вопросы, возникающие в ходе учебного процесса, с преподавателями и сокурсниками [3]).

Обеспечивает ли наличие перечисленных выше характеристик и умений успех личности в профессиональной сфере? Безусловно. Очевидно, что специалист мотивированный, способный к самоанализу и самоконтролю, умеющий самостоятельно определить зоны недостаточной компетенции и самообучающийся, скорее всего, будет успешным в своей профессиональной деятельности. Коммуникативные компетенции, умение обсуждать проблемы, возникающие в процессе совместной деятельности, также являются ключевыми для успешной

личности. А теперь обратимся к процессу обучения. Всегда ли характеристики автономного студента поощряются и высоко ценятся в учебной аудитории и гарантируют успешную сдачу экзаменов? Всегда ли преподаватель позитивно оценивает самостоятельность студента, идущего к цели своим индивидуальным путем? Всегда ли тот, кто стремится обсудить возникающие проблемы с преподавателем, получает поддержку и более высокие результаты, чем тот, кто, не задумываясь, зазубривает чужие тексты. Далеко не всегда [2].

Организация учебного процесса, сама по себе, либо поощряет учебную автономию, либо препятствует формированию автономного студента. И самый главный вопрос для педагога, как выстроить учебную деятельность в студенческой аудитории и вне ее на протяжении всего курса, чтобы постепенно, но неуклонно стимулировать, формировать и поощрять автономию студента.

Общие подходы достаточно подробно описаны в методической литературе. Это формирование метакогнитивных стратегий – действий, позволяющих обучающимся контролировать собственные познавательные процессы и координировать процесс обучения; систематическая работа с Европейским Языковым Портфелем, в частности, с файлом «Рефлексия», формирующая навык рефлексии относительно собственной учебной деятельности; прозрачная система оценивания учебных достижений студента и возможности для самооценки и самоконтроля.

Но мало говорится о конкретных педагогических техниках и приемах, о том, что конкретно педагог может и должен делать ежедневно в классе, где изучается второй язык, чтобы его студенты становились сначала частично, а затем все более и более автономными.

Цель данной статьи – сформулировать несколько таких приемов и обосновать эффективность их применения.

Самоанализ. При выполнении того или иного учебного задания студент сталкивается с определенными трудностями. Если он начинает самостоятельно определять, в чем его трудности, он на пути к автономии. Подтолкнуть к самоанализу студента, не склонного задумываться, в чем причина его неуспеха, преподаватель может с помощью специально составленной анкеты, а вот показать такому

студенту, что самоанализ продуктивен, можно, тут же находя путь решения каждой выявленной проблемы. Вы не поняли преподавателя потому, что он говорил слишком быстро? – Нужно попросить его повторить сказанное. Давайте сразу же выучим несколько фраз, которые помогут это сделать. Почему не удалась презентация? – Нужно было привлечь внимание к слайдам, появляющимся на экране. Эту проблему можно решить немедленно, выучив несколько способов того, как это можно сделать. Решение других проблем может потребовать более длительного времени. Студенту трудно принимать участие в диалоге потому, что он слишком долго формулирует свою мысль? – Не беда! Выучим фразы, позволяющие выиграть время, а быстроту реакции будем тренировать систематически в течение нескольких занятий [5].

Планирование. Преподаватель, имеющий утвержденную рабочую программу, чаще всего не видит возможности и необходимости привлекать студентов к планированию учебной деятельности, а входя в студенческую аудиторию тут же приступает к реализации запланированного. На самом деле, даже в рамках жесткой учебной программы есть возможность привлекать студентов к планированию в рамках каждого модуля, к определению приоритетных видов деятельности, для того чтобы все, что делается в аудитории, отвечало самым актуальным потребностям обучающихся [4].

Самооценивание. Естественно, находясь в аудитории, студент ждет оценки от преподавателя, но преподавателя не будет рядом вне класса, когда студент должен будет пользоваться языком в самых разных жизненных ситуациях, включая профессиональные. Только тогда, когда студент научится самостоятельно отслеживать свою собственную устную и письменную речь, он сможет реально оценить свои умения и определить те навыки, которые нуждаются в дальнейшем формировании. Научиться этому нужно, безусловно, в студенческой аудитории, и есть способы, которые помогают это сделать.

Предложите студентам список реальных ситуаций общения и предложите им оценить то, насколько хорошо, по их мнению, они могут справиться с той или иной коммуникативной задачей. Можно предложить студентам самим составить список тех задач, которые

они хотели бы научиться решать до конца определенного периода, и в течение всего обозначенного периода самым вычеркивать из списка то, чему они уже научились.

Давайте студентам возможность самим анализировать свои письменные работы: привычка редактировать свою работу – одна из самых полезных привычек, которые можно приобрести в период обучения. Поощряя студенческую группу сохранять самые интересные письменные работы, издавать антологию своих историй, обмениваться письмами с другими студенческими группами, собирать из своих статей стенную газету и вывешивать ее для всеобщего прочтения, вы создаете ситуацию, в которой саморедактирование делается не для преподавателя и не для получения хорошей оценки, а для эффективной коммуникации, как это происходит в ситуациях реального пользования языком [5].

Навык саморедактирования можно развивать, предлагая студентам по окончании выполнения задания самим сверить его с ключами и оценить, насколько успешно оно выполнено, принимая на проверку письменные работы только после того, как они отредактированы и оценены в соответствии с данными критериями самим студентом.

Ощущение прогресса. Ощущение прогресса, понимание того, что в результате приложенных усилий ваше умение пользоваться вторым языком общения в различных ситуациях становится все лучше, является сильнейшим мотивирующим фактором. Ни отличные оценки, ни количество пройденных страниц учебника не дают такого ощущения. Чувство движения вперед естественно возникает, если студент успешно движется от простых заданий к более сложным, от восприятия речи преподавателя к разноголосью аудиозаписей, от аудиофайлов учебного курса к аутентичному языку из разных источников: радиопередачи, интервью, выпуски новостей, лекции и дискуссии. Преподаватель должен подбирать такой уровень сложности материалов, приносимых им в студенческую аудиторию, чтобы студенты приобретали уверенность в том, что за пределами класса они могут решать самые разные коммуникативные задачи.

Этой же цели служит портфолио письменных работ, аудиозапись презентации, сделанной какое-то время назад, все, что дает воз-

возможность сравнения своего уровня владения языком в начале курса и в той точке пути, где вы сейчас находитесь.

Роль преподавателя. Каждому преподавателю известно, что происходит, когда студент начинает использовать язык творчески. Изученные им нормы грамматики зачастую оказываются забыты, и если оценивать лишь грамотность речи, более высокими будут показатели у того, кто высказывается осторожно, держась в рамках хорошо известных ему конструкций. И работа над правильностью речи, и работа над ее беглостью одинаково важны, на каждом этапе изучения языка студент должен иметь возможность совершенствоваться в обоих направлениях. Поддерживать баланс между заданиями, направленными на правильность использования языка, и заданиями, нацеленными на успешную коммуникацию, на решение какой-либо практической задачи – одна из главных забот преподавателя. Оба эти показателя должны регулярно оцениваться с помощью разных методов тестирования, и студент должен всегда знать, что является основным критерием при оценке его работы. Завершающей точкой каждого этапа обучения может быть финальная презентация, интервью, Case study, и в ряду критериев оценивания этой работы можно использовать не только успешное решение коммуникативной задачи, но и знание культурных норм, использование жестикюляции и визуальных средств, а также богатство словаря и грамматическую правильность речи. Важно, чтобы студенты знали об этих критериях заранее и понимали, что от корректной грамматики и спеллинга, в очень значительной степени, зависит ясность их речи для слушателей и собеседников. С другой стороны, важно показать обучающимся, что успешная презентация возможна на любом уровне владения языком, преодолевать ограниченность языка помогают слайды, жесты, демонстрация и, самое главное, стремление к общению.

Еще одна задача педагога – научить студентов справляться с ситуациями недопонимания, с трудностями коммуникации, которые неизбежны в общении при любом уровне владения языком. Студенты успешно общаются, если в беседе могут выиграть время на размышление (As I was saying...), использовать подчеркнуто вежливые конструкции (Do you think you could...?), выразить сомнение или

несогласие (I'm not sure about that), обратиться к собеседнику за разъяснением (When you said that..., did you mean...?). И зрительный контакт с партнером по диалогу, и объяснение забытого слова другими словами говорит о росте коммуникативной компетенции и должно быть оценено преподавателем по достоинству [5].

Из оценок и комментариев педагога на протяжении всего курса студент должен сформировать четкое понимание того, что регулярно отслеживается его прогресс в следующих областях: грамотность и беглость речи, социокультурные нормы, связанные с использованием языка, разнообразие средств языка на разные случаи и умение справляться с трудностями коммуникации.

Учебные стратегии. Мониторинг как учебная стратегия способствует формированию автономного студента. Изучающий второй язык прочно становится на путь автономии, когда начинает обращать пристальное внимание на то, как другие используют язык. Преподаватель может практиковать в классе специальные учебные упражнения, чтобы практиковать мониторинг как учебную стратегию, а также использовать 'echo' – такой способ исправления ошибки, когда внимание не концентрируется на допущенной ошибке или неудачной формулировке, а собеседник, как бы проверяя, насколько верно он понял говорящего, произносит правильный или более удачный вариант сказанного. Так происходит в ситуации реального общения, когда нам не удается точно выразить свою мысль и на помощь приходит собеседник. Если студент не будет обращать внимания на эту информацию, он упустит возможность учиться в реальном общении, поэтому так важно овладеть этим навыком еще в студенческой аудитории.

Еще одна учебная стратегия – развитие языковой догадки. Важно внушить студентам, что это приемлемая и необходимая учебная стратегия, а не стратегия неудачника, и практиковать ее в классе, при каждой возможности, прежде чем заглянуть в словарь в поисках неизвестного слова.

Изучение второго языка может помочь студентам научиться анализировать свои учебные предпочтения, понять, как лучше всего учатся они сами и выработать удобную для себя, индивидуальную учебную стратегию для того, чтобы эффективно работать самостоя-

тельно. Целесообразно уделить время на занятия обсуждению этих стратегий, оценить эффективность каждого подхода, объяснить студентам, что всегда есть больше, чем один способ решить любую задачу, а каждый человек имеет индивидуальный учебный стиль, эффективный именно для него. Одни склонны в познании двигаться от общего к частному, для другого предпочтительней путь от части к целому. Как определить ваши предпочтения? Вспомните, как вы учились работать на компьютере, прочли ли вы сначала инструкцию для общего представления или начали с овладения несколькими базовыми навыками. Только познавая и применяя свою индивидуальную стратегию, студент становится автономным.

Обсуждение индивидуальных учебных стратегий, анализ и оценка их эффективности, совместное со студентами планирование, определение целей и приоритетов, передача функций по составлению тестов и заданий друг для друга самим студентам, безусловно, займет часть времени, и объем изученного материала окажется меньше, но то, что студент приобретает в результате этой работы, может оказаться важнее: это умение учиться самостоятельно, другими словами, учебная автономия.

Список литературы

1. Глоссарий современного образования / Нар. укр. акад. – Х. : Изд-во НУА, 2007. – 523 с.
2. Зимняя А. Н. Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования [Электронный ресурс] / А. Н. Зимняя // Интернет-журнал «Эйдос». – Режим доступа: <http://www.eidos.ru/journal/2006/0505.htm>. – Загл. с экрана.
3. Полина В. С. От самостоятельности к автономному обучению иностранному языку / Харківський торговельно-економічний інститут КНТЕУ. – РВВ ХТЕІ КНТЕУ, 2012. – 208 с.
4. Edge Julian. Essentials of English Language Teaching / Julian Edge. – London : Longman, 1993. – 123 p.
5. Marilyn Lewis. Using Student-Centered Methods with Teacher-Centered ESL Students / Lewis Marilyn. – Toronto : Pippin Publishing, 1996. – 103 p.

УДК: 316.74:378.014.12

И. С. Нечитайло, О. Н. Григорец, Е. Н. Табурова

**ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КОГНИТИВНОГО
ПОДХОДА К АНАЛИЗУ ВЗАИМОСВЯЗИ
ОБРАЗОВАНИЯ С ПРОЦЕССАМИ ВОСПРОИЗВОДСТВА
СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА**

**A HEURISTIC POTENTIAL OF A COGNITIVES
APPROACH TO AN ANALYSIS OF INTERRELAIIOUS
BETWEEN EDUCATION AND THE PROCESSES OF
SOCIAL INEQUALITY REPRODUCTION**

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению таких функций образования как воспроизводство культуры и социальной структуры. Поддерживая представителей современной западной социологической мысли, автор считает, что классическое отделение этих функций друг от друга не позволяет увидеть всей полноты тех социальных связей, которые приводят к социальному расслоению. Без внимания остаются истинно значимые связи – влияние символических отношений на воспроизводство силовых отношений, что приводит к необходимости поиска подходов, раскрывающих специфику этих связей. В качестве одного из таких подходов предлагается рассматривать когнитивный подход. Ссылаясь на работы Б. Бернштейна, автор статьи приходит к выводу о том, что эвристическим потенциалом обладает понятие «код» (языковой, когнитивный). Исследование таких «кодов неравенства» в образовании может вывести на конкретные рекомендации относительно того, что и как именно нужно менять в образовании для того, чтобы оно служило социальным «лифтом», а не возводило социальные барьеры.

Ключевые слова: воспроизводство (культуры, структуры), код (когнитивный, языковой), когнитивный подход, неравенство, образование.

Анотація

Статтю присвячено розгляду таких функцій освіти як відтворення культури та соціальної структури. Услід за представниками сучасної західної соціологічної думки, автор вважає, що класичне роз'єднання цих функцій не дозволяє побачити всієї повноти тих соціальних зв'язків, які призводять до соціального розшарування. Без уваги залишаються істинно значимі зв'язки, а саме, вплив символічних стосунків на відтворення силових стосунків, що

приводить до необхідності пошуку підходів, які максимально розкривають специфіку цих зв'язків. У якості одного з таких підходів пропонується розглядати когнітивний підхід. Посилаючись на роботи Б. Бернштейна, автор приходить до висновку про те, що евристичний потенціал має поняття «код» (мовний, когнітивний). Дослідження таких «кодів нерівності» в освіті може вивести на конкретні рекомендації відносно того, що саме і як саме треба змінювати в освіті для того, щоб вона служила «соціальним ліфтом», а не створювала соціальні бар'єри.

Ключові слова: відтворення (культури, структури), код (когнітивний, мовний), когнітивний підхід, нерівність, освіта.

Annotation

The article considers such functions of education as the reproduction of culture and social structure. Like many modern western social thinkers, the author considers that the classical separation of the two functions does not enable one to see the whole scope of social connections that actually result in social stratification. The truly meaningful connections are being ignored, such as the influence of symbolic relations on the reproduction of power relations, which results in the necessity of searching for approaches allowing to reveal the specifics of those connections. One of such approaches is the cognitive approach. Referring to Bernstein's works, the author comes to the conclusion that the concept «code» (cognitive, linguistic) has a high heuristic potential. Research into such «codes of inequality» in education can lead to concrete recommendations in relation to what and how exactly needs to be changed in education in order to serve as a social «elevator», but not erect social barriers.

Key words: reproduction (of culture and structure), code (cognitive, linguistic), cognitives approach, inequality, education.

Тема социального неравенства – одна из ключевых тем социологии, которая никогда не потеряет своей актуальности. Однако проблема не в том, что неравенство существует (это вполне естественно), а в том, что оно может нарушать общественный баланс, воспринимаемый массовым сознанием как «социальная справедливость» [1, с. 22]. Такая проблема актуальна для современного украинского общества, и, на наш взгляд, она является следствием рассогласованности привычных связей между статусными характеристиками (в частности, связанными с уровнем образования) и характеристиками материального положения (связанными с уровнем дохода).

С социологической точки зрения образование всегда считалось тем социальным институтом, который помимо функции трансляции культуры выполняет еще одну «жизненно важную» для общества функцию – (вос)производства социальной структуры. При этом социальный порядок тем справедливее, чем в меньшей степени зависят образовательные достижения индивидов от их социального происхождения. То есть в идеале именно благодаря институту образования должно происходить выравнивание шансов выходцев из разных слоев общества на достижение тех или иных позиций в социальном пространстве. По тому, в какой мере образование справляется с задачей выравнивания этих шансов, можно судить о справедливости/несправедливости социального порядка.

Взаимосвязь образования и неравенства всегда интересовала социологов – как классиков, так и современников социологической мысли. Глубокий анализ системы связей на уровне «структура – образование – личность» осуществляется в работах российских ученых В. Добренькова, В. Нечаева, М. Руткевича и др. Такие исследователи как Л. Абалтусова, Х. Доманский, Д. Константиновский, Ф. Шереги рассматривают проблемы социальной селекции в системе образования, возможности трансмиссии высокого статуса, воспроизводства и преодоления социального неравенства посредством института образования. Взаимосвязь образования с процессами социально-классовой дифференциации и неравенства изучается украинскими социологами С. Бродской, С. Макеевым, С. Оксамитной, И. Прибытковой, Е. Симончук и др.

Однако отметим, что современные ученые, живущие и работающие на территории постсоветских стран, поднимая вопросы взаимосвязи образования и неравенства в современном обществе, как правило, следуют классической социологической традиции и полностью переключаются на тему (вос)производства социальной (социально-классовой) структуры через образование. В то время как социальные ученые – представители дальнего зарубежья (П. Бурдьё и Ж.-К. Пассрон, Б. Бернстайн, М. Янг и др.) убеждены, что классическое отделение таких функций образования, как (вос)производство социальной структуры и культурное (вос)производство, не позволяет

увидеть и раскрыть всю полноту тех социальных связей, которые приводят к неравенству и социальному расслоению. Без внимания остаются истинно значимые связи – влияние символических отношений на воспроизводство силовых отношений. Возможно, именно недостаток внимания к этим связям и является причиной того, что все еще остается неразрешенным самое главное противоречие, приводящее к кризису образования, заключающееся в несоответствии результатов образования ожиданиям индивида и общества. Разрешение данного противоречия требует поиска новых подходов к изучению взаимосвязи образования и неравенства, адекватных современным социальным реалиям.

На этих страницах мы постараемся раскрыть основные положения и эвристические преимущества одного из таких подходов – когнитивного, что и является целью нашей статьи.

Общий взгляд на эволюцию всего социологического знания позволяет сделать вывод о том, что любая социологическая концепция, каждая социологическая теория, так или иначе, пытается сопоставить «социальное» и «индивидуальное», противопоставляя, синтезируя либо разделяя эти понятия. И все же среди современных подходов к изучению социальных явлений и процессов господствуют идеи диалектической взаимосвязи человека и общества. На первый план выходят проблемы организации этой взаимосвязи таким образом, чтобы индивидуальные и общественные потребности удовлетворялись в одинаковой степени и в максимально полном объеме. Исследовательское пространство современной социологии полипарадигмально, комплементарно и междисциплинарно. Вместо поляризации субъективистского и объективистского подходов ученые все чаще прибегают к тем или иным вариациям научного синтеза. Предметом социологических исследований все чаще становится восприятие человеком его собственной жизни, при этом роль социальных институтов как первоначальных субъектов и агентов социализации отнюдь не игнорируется [2].

Описывая процессы социальной дифференциации и воспроизводства неравенства, ученые также не ограничиваются лишь объективным «рисунком» распределения капиталов. Здесь не менее важную роль

играет субъективный фактор: социальный генезис и реализация категории мысли и действия, с помощью которых участники разных социальных слоев воспринимают и актуализируют свои потенциалы. Индивидуальные и групповые социальные практики во многом зависят от восприятия самими индивидами собственной социальной позиции [3]. А это значит, что раскрытие всей полноты тех взаимосвязей, которые лежат в основе механизма (вос)производства культуры и социальной структуры через образование, представляется невозможным без обращения к изучению процессов, происходящих на уровне ментальных структур. В то время как социальные структуры на сегодняшний день изучены социологами достаточно глубоко, ментальные остаются без внимания. На наш взгляд, когнитивный подход обладает тем эвристическим потенциалом, который необходим для изучения последних. Он нацелен на описание и объяснение того, как с помощью различных когнитивных средств и процессов происходит конструирование индивидом (и для индивида) социальной реальности. Основные положения этого подхода в социологии описывают социальную реальность в целом и всякие ее проявления как некую интерпретацию (конструкцию), «реальность-для-субъекта», которая определяет его поведение. Социальная реальность, в которой взаимодействуют индивиды, может быть представлена не только (и не столько) как объективный «мир», каким его видит некий «абстрактный» наблюдатель, но и как результат познавательных процессов, то есть как «мир», который сами индивиды обнаруживают с помощью своих когнитивных средств [4]. Когнитивный процесс – способ, посредством которого индивиды приобретают, трансформируют и хранят информацию из окружения, что дает возможность узнавать и объяснять все, что их окружает и с ними происходит. Ученые, работающие в рамках когнитивистского направления научной мысли, стремятся понять и объяснить, каким образом человек расшифровывает информацию о действительности и организует ее, чтобы разрешать насущные задачи (конструктивистская программа К. Кнорр-Цетины, релятивистская программа У. Коллинса, этнометодологические исследования Г. Гарфинкеля, С. Уолгара, А. Огурцова, дискурс-анализ М. Малкея и Дж. Гилберта и др.) [5].

В данной работе мы предлагаем обратиться к теоретическому

наследию еще одного ученого, который выдвигает ряд тезисов, раскрывающих в полной мере возможности когнитивного подхода в изучении взаимосвязи образования с процессами (вос)производства культуры, социальной структуры и неравенства. Речь идет об английском социологе Б. Бернстайне, чьи работы на сегодняшний день очень популярны в современной западной социологии.

Вообще, Б. Бернстайн никогда не причислял себя к приверженцам тех или иных подходов и парадигм. В своих рассуждениях ученый постоянно балансирует на грани социолингвистики, педагогики, социальной психологии и социологии, однако, как он сам считает, его труды имеют самое непосредственное отношение именно к социологии образования. Будучи активным сторонником методологического эклектизма, Б. Бернстайн активно использует идеи разных социальных ученых, таких как Э. Дюркгейм, К. Маркс, П. Бурдьё и др., пытается объединить их в целостную концептуальную модель. Такая модель, по мнению Б. Бернстайна, важна, прежде всего, как «рабочий инструмент», позволяющий успешно решать социальные проблемы на практическом уровне [6, с. 3–8]. Главную задачу социологии Б. Бернстайн видит в изучении тех процессов (механизмов, средств и т. п.), посредством которых принципы устройства общества становятся принципами структурирования сознания индивидов (и наоборот), то есть, с помощью которых «внешнее» становится «внутренним», а «внутреннее» затем находит проявление в социальных практиках, изменяя социальную реальность.

Площадь теоретического знания в социологии образования ученый пытается расширить путем заимствования понятий из других дисциплин, наполняя их качественно иным, собственно социологическим смыслом. К примеру, сложность механизма социального воспроизводства, связанную с двуединством процессов (вос)производства культуры и социальной структуры через образование, он описывает с помощью таких нетипичных для социологии понятий, как «код» (когнитивный, языковой) и «дискурс» (педагогический).

Б. Бернстайн делает акцент на том, что знания об окружающем мире неотделимы от языка, на котором они формулируются. Каждый язык корнями уходит в особые условия жизни той социальной группы,

которая на нем общается. При таком подходе важно не столько содержание знаний, сколько их принадлежность к конкретному познающему субъекту. Язык представителей разных социальных групп обладает специфическими (для каждой конкретной группы) критериями оценки порождаемых текстов, их убедительности, новизны и актуальности. Следовательно, человек, разговаривающий на этом языке, «бессознательно применяет эти критерии, отвергая все, что им не соответствует» [6, с. 14].

В своих трудах Б. Бернштейн пишет о существовании специфических для различных социальных групп (прежде всего, классовых) языковых и когнитивных кодов, которые передаются и приобретаются в процессе первичной социализации (в семье). Вообще, о коде упоминается в теории коммуникации, где он определяется как язык или его вариант (диалект, сленг, стиль), который используют участники коммуникативного акта. Ученый придает данному понятию иной, собственно социологический смысл, усиливая его когнитивную составляющую. Он говорит, что языковой код – это не диалект и не языковая компетенция. Посредством языковых кодов (кодов эмиссии), то есть кодов, посылаемых «отправителем» сообщения (эмитентом – агентом социализации), передаются фиксированные в социальном опыте (как индивидуальном, так и групповом) предрасположенности к восприятию и оцениванию социально значимых объектов, а также готовность к определенным действиям, ориентированным на эти объекты. В результате чего у «получателя» сообщения (реципиента) формируются соответствующие когнитивные коды (рецепции) как установки на понимание социальной реальности, с помощью которых осуществляется репрезентация этой реальности в сознании индивидов, что затем находит выражение в их деятельности [6, с. 40–41]. Когнитивные коды можно определить как логические диспозиции, предрасположенности к определенным логическим умозаключениям, связанные с повседневным поведением, усвоенные в практическом опыте, в том числе и через овладение родным языком. В разных социальных группах эти диспозиции могут отличаться, а именно – быть более или менее сложными и, соответственно, более или менее символически проработанными. Более сложную, более символически проработанную логическую

диспозицію можна умовно позначити як *расширенный (сложный) код*. Менее сложная, менее символически проработанная диспозиция – это *ограниченный (простой) код*.

В подтверждение сказанного Б. Бернштейн приводит результаты исследования, которые свидетельствуют о существовании простых (ограниченных) и сложных (расширенных) кодовых установок, соответствующих разным социальным «классам»: низшему (рабочему) и среднему [6, с. 42–47]. При этом специфика кода (как языкового, так и когнитивного) зависит от социального происхождения индивида. Реальная проблема, препятствующая выравниванию социальных шансов с помощью образования, заключается в том, что образование оперирует преимущественно сложными кодами. Школьный и, в особенности, университетский язык (никогда не являясь ни для кого «родным» языком) в разной степени удален от языка, на котором говорят представители разных социальных групп. Степень удаленности прямо пропорциональна объему «рентабельного» в учебном плане языкового капитала. Именно неравное распределение такого капитала между разными социальными группами (классами и др.), составляет один из наиболее скрытых медиаторов, посредством которых устанавливается отношение между социальным происхождением и успеваемостью [6; 7]. Через совокупность навыков, связанных с повседневным поведением и, в частности, через овладение родным языком, «манипуляцию» терминами, используемыми в семье агентами первичной социализации (родителями и др.), происходит практическое усвоение логических диспозиций (когнитивных кодов). Эти диспозиции в разных социальных группах более или менее сложны, более или менее символически проработаны. Соответственно, они в разной степени предрасполагают к символическому овладению операциями, такими, как, например, математическое доказательство или разбор произведений искусства. С учетом этих обстоятельств становится очевидным, что разные типы биографии обеспечивают неравные шансы успеха в образовании. Все дело в том, что агенты первичного педагогического труда (родители и значимые другие из круга семьи) и сами очень неодинаково подготовлены вторичным педагогическим трудом (собственным образовательным опытом) к овладению языком, вследствие

чего они в разной степени способны передавать своим детям опыт вербализации, экспликации и концептуализации, которых требует институт образования. Именно поэтому дети – выходцы из семей «интеллигенции», работников умственного труда, чувствуют себя в академической среде образования как «рыба в воде», делая успехи в учебе. В то время как для выходцев из семей простых рабочих эта среда является чуждой, а иногда даже враждебной. Как следствие, учеба им дается намного тяжелее.

Ограниченный код детей «рабочего класса» ограничивает также и их образовательные способности, т. к. в образовании транслируются сложные коды. Это закладывает основания социальной дифференциации и воспроизводства социального неравенства. Именно так, по мнению Б. Бернштейна, происходит воспроизводство существующего в обществе неравенства посредством системы среднего и высшего образования [6, с. 39].

Исходя из теории Б. Бернштейна, образовательная дисциплина – это дискурс. Все дисциплины-дискурсы классифицированы. Каждая из них имеет свой «голос» (историю, особый понятийный аппарат и т. п.). Этим «голосом» обучающий вещает сообщение к обучающимся [6, с. 46–50]. Сам процесс вещания является коммуникацией, где отправитель сообщения – преподаватель (учитель), а получатель – студент (ученик). Данный процесс обязательно предполагает кодирование информации отправителем и ее декодирование получателем. А успешность данного процесса зависит от того, носителем какого кода (ограниченного либо расширенного) является индивид. Коммуникация будет затруднена, если «отправитель» и «получатель» являются носителями разных кодов.

Теория Б. Бернштейна имеет как сторонников, так и противников. В частности, она активно критикуется А. Швейцером в отношении двух следующих моментов. Во-первых, Швейцеру видится крайне упрощенным деление на ограниченный и развитый коды [8, с. 40]. Не будем оспаривать данную точку зрения, возможно, для филолога это деление действительно представляется слишком упрощенным, однако для социолога этого достаточно в качестве основания для изучения роли языка и дискурса в формировании схем восприятия, мышления

и действия. Во-вторых, с точки зрения А. Швейцера Б. Бернштейн упускает из виду тот важный факт, что смена ролей участников коммуникативного акта, определяемых социальной ситуацией, существенно меняет и саму ситуацию, влияет на выбор участниками языковых средств. Однако с нашей точки зрения, ограниченный код предполагает и ограниченность этих средств. Имеет место ситуация «переключения». Например, если взрослый человек, с развитым кодом, хочет что-то объяснить ребенку, у которого код ограничен, он с легкостью может «переключиться» и осуществить разъяснение, используя лексические формы, понятные ребенку. Если же представить обратную ситуацию, то подобное «переключение» вряд ли будет возможным. Такое явление «переключения» мы нередко наблюдаем в образовательной коммуникации. Учитель (преподаватель), как носитель расширенного кода, нередко прибегает к объяснению материала дисциплины на языке, понятном ученикам (студентам), чей код может быть ограничен. Чтобы коммуникация состоялась, обладателю развитого кода необходимо его редуцировать до уровня ограниченного кода. Посредством такой редукции, таких переключений и разъяснений, становится возможным расширение и развитие ограниченного кода, что выравнивает шансы обучающихся (выходцев из разных социальных групп) на достижение успеха в образовании. И если когнитивные коды формируются в процессе первичной социализации (в семье), не исключено, что они могут трансформироваться в процессе вторичной социализации (в учебных заведениях). Процесс трансформации кодов происходит в результате педагогического воздействия агентов вторичной социализации (учителей, преподавателей). Одной из форм реализации педагогического воздействия является педагогический дискурс. Педагогический дискурс выступает в качестве важнейшей опосредующей структуры преобразования «внешнего» во «внутреннее» и наоборот. С помощью понятия педагогического дискурса раскрываются возможности такого воздействия на индивида в системе образования, в результате которого может произойти изменение когнитивных кодов (как установок на понимание социальной реальности), что не может не повлечь трансформацию практик взаимодействия, определяющих позицию в социальном пространстве и социальной структуре.

Б. Бернстайн убежден, что именно педагогическая коммуникация, приобретающая форму педагогического дискурса, «является тем невидимым объектом изучения, который должен стать центральным для всей социологии образования» [6, с. 11]. Именно педагогическая коммуникация располагает теми уникальными средствами, с помощью которых становится возможным ограничение/расширение шансов на социальную мобильность представителей разных социальных групп, «пришедших» в образование. Проще говоря, нужны педагоги и учебные программы, способные на всех уровнях процесса образования проводить педагогику культурно-языково-когнитивного подтягивания детей, чей социальный опыт привел к тому, что они в этом нуждаются. Однако это утверждение, безусловно, требует проверки на надежность путем проведения специального эмпирического исследования так называемых «кодов неравенства» в образовании, что и определяет ближайшую перспективу нашей дальнейшей научной деятельности.

Список литературы

1. Шереги Ф. Э. Дисфункциональность высшего профессионального образования / Ф. Э. Шереги // *Alma Mater*. – 2010. – № 1. – С. 21–28.
2. Ядов В. А. Возможности совмещения теоретических парадигм в социологии [Электронный ресурс] / В. А. Ядов // *Социол. журнал*. – 2003. – № 3. – Режим доступа: <http://bibliofond.ru/view.aspx?id=115129>.
3. Вакан Л. Социология образования Пьера Бурдьё [Электронный ресурс] / Л. Вакан. – Режим доступа: <http://www.gumer.info/bibliotek>
4. Филатов В. П. Роль когнитивизма в методологии социальных наук [Электронный ресурс] / В. Филатов // *Гуманитарные чтения РГГУ* – 2008. – Режим доступа: <http://www.gumchtenia.rggu.ru/article.html?id=66208>
5. Протопопова И. Когнитивные исследования: концепция образовательной программы [Электронный ресурс] / И. Протопопова. – Режим доступа: <http://kogni.narod.ru/concept.htm#g>
6. Бернстайн Б. Класс, коды и контроль: структура педагогического дискурса / Б. Бернстайн. – М. : Просвещение, 2008. – 272 с.
7. Бурдьё П. Воспроизводство: элементы теории системы образования / П. Бурдьё, Ж.-К. Пассрон ; [пер. с фр., предисл. Н. А. Шматко]. – М. : Просвещение, 2007. – 267 с.
8. Швейцер А. Д. К проблеме социальной дифференциации языка / А. Д. Швейцер // *Вопросы языкознания*. – 1982. – № 5. – С. 39–48.

УДК 316.3

*Ю. Ю. Шкарина, А. А. Попов***РОЛЬ ОБРАЗОВАНИЯ В РЕАЛИЗАЦИИ ДУХОВНОГО
ПОТЕНЦИАЛА ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ****THE ROLE OF EDUCATION IN THE REALIZATION
OF THE SPIRITUAL POTENTIAL OF THE ELDERLY****Аннотация**

В статье рассматривается образование как один из механизмов социальной интеграции людей пожилого возраста в современное общество и его информационно-образовательное пространство. Анализируется роль образования в реализации духовных потребностей людей пожилого возраста.

Образование в пожилом возрасте рассматривается в качестве механизма для сохранения способности к социальной адаптации и интеграции через получение на системной основе сведений об изменяющемся мире. Право на образование – одно из основных прав человека – не может быть ограничено по признаку возраста, что подразумевает его непрерывность и возможность продолжения в пожилом возрасте.

Авторами подчёркивается актуальность и важность позитивного отношения к людям старшего поколения в нашей стране, в ходе которого реализуется их духовный потенциал, что является одним из условий успешной адаптации данной возрастной категории в современном российском обществе.

Ключевые слова: пожилые люди, старость, образование, общество.

Анотація

У статті розглядається освіта як один із механізмів соціальної інтеграції людей похилого віку в сучасне суспільство та його інформаційно-освітній простір. Аналізується роль освіти в реалізації духовних потреб людей похилого віку.

Освіта в літньому віці розглядається як механізм для збереження здатності до соціальної адаптації та інтеграції через отримання на системній основі відомостей про світ, що змінюється. Право на освіту – одне з основних прав людини – не може бути обмеженим за ознакою віку, що передбачає його безперервність і можливість продовження в літньому віці.

Авторами підкреслюється актуальність і важливість позитивного ставлення до людей старшого покоління в нашій країні, в ході якого реалізується

їх духовний потенціал, що є однією з умов успішної адаптації даної вікової категорії в сучасному російському суспільстві.

Ключові слова: літні люди, старість, освіта, суспільство.

Annotation

The article considers education as one of the mechanisms of social integration of elderly people into modern society and its information-educational space. The role of education in the realization of the spiritual needs of the elderly is analyzed.

Education of the elderly is viewed as a mechanism for maintaining their ability of social adaptation and integration through obtaining systematic information about the changing world. The right to education is one of fundamental human rights and can not be restricted on the grounds of age, which implies continuing education into old age.

The authors emphasize the value and importance of a positive attitude towards older people in our country, which enhances the spiritual potential of old people as one of the conditions for their successful adaptation to the Russian society of today.

Key words: the elderly, old age, education, society.

Проблема старости всегда была одной из центральных в мировоззрении людей разных эпох и народов. В обществе к старым людям относятся двояко: негативно и позитивно. Первое имеет место при сравнении старости с «живой могилой» (Мартин Лютер), второе – при оценке старости как периода мудрости и опыта. Современный мир не способствует социальной интеграции пожилых людей. Не развиты механизмы, которые позволяли бы стимулировать социально содержательную деятельность лиц пожилого возраста и тем самым задержать процесс разрушения личности.

Современное российское общество по возрастному составу является обществом пожилых и старых людей. По данным Госкомстата РФ, численность населения старше трудоспособного возраста за 1949–2010 гг. выросла более чем в 3 раза. Доля пожилых людей сегодня составляет более 20% от общей численности населения. По прогнозам аналитиков, процесс старения населения России будет продолжаться и к 2015 году численность людей пенсионного возраста может составить 34,5% от численности российского электората, а трудоспособное население уменьшится до 64,5%, что приведёт

к увеличению демографической нагрузки на работающее население и дальнейшему старению общества [1]. Проблема старения населения имеет не только социальный характер, но и экономический, так как возрастает показатель экономической нагрузки на работающее население, которое обеспечивает финансирование не только безработных, но и людей пенсионного возраста, что, в свою очередь, обостряет социальные противоречия и неравенство.

В то же время пожилые люди, как крупная социальная общность, являются важнейшим элементом социальной структуры российского общества. Их поведение и социальные установки, обусловленные новым экономическим положением, оказывают влияние на социальные, экономические и политические процессы в обществе, его социальные институты.

Проводимая в настоящее время пенсионная реформа в РФ ставит перед собой задачу повысить уровень жизни пожилого населения, но не за счет увеличения их социальной активности, программ поддержания их работоспособности и создания специальных рабочих мест для них, а за счет нерационального перераспределения накопленного ими денежного капитала, который они получают в виде повышенных пенсий или дополнительных социальных благ. Эта практика удовлетворяет интересы государства, но совсем не учитывает потребности пожилого населения страны. То есть государство выбирает опять экстенсивный путь развития, который приводит к истощению ресурсов и неминуемому кризису системы.

В нашей стране проживает более 40 миллионов пожилых людей – людей с богатым жизненным и духовным опытом, глубокими знаниями и потенциалом. Однако до настоящего времени сохраняется представление о пожилых как уязвимых в отношении инноваций, усвоения новой информации, готовности к обучению. Современная информационно-образовательная среда остается закрытой для большинства пенсионеров, а общество либо негативно настроено в отношении их особых образовательных потребностей, либо индифферентно [2].

Информационная среда для пожилого человека является проблемной ситуацией, и пожилой человек зачастую избегает столкновения

с ней, что не решает проблему, а только откладывает ее решение на неопределенный срок. Избегая знакомства с различными формами проявления информационной среды, пожилой человек лишается современных и удобных способов коммуникации с обществом, что, безусловно, отрицательно влияет на его жизнь и перспективы развития социума.

Тем не менее, образовательный потенциал и потребности пожилых людей в обучении, переобучении и освоении новых информационных технологий остаются невостребованными. Неприятие и непонимание инноваций и изменений, информационный вакуум, трудности в реализации интеллектуальных и культурных потребностей способствуют ухудшению социального самочувствия пожилых россиян, их дезадаптации.

По результатам опросов, значительная часть пенсионеров переживает сильнейший стресс из-за осознания собственной ненужности, из-за неумения легко адаптироваться к общественным изменениям. Психологический кризис усиливается тяжелым материальным положением. Альтернативы постепенному угасанию наедине со своими мыслями у наших стариков практически нет. У человека, пребывающего вне общественно-культурной жизни, распадается мотивационная сфера. Один из самых печальных признаков старости – в том, что человеку ничего не нужно. Старые цели – стремление заработать денег, сделать карьеру, устроить семью – уже не актуальны, и человек перестает вообще чего-либо желать. Как только угасает мотивационная сфера, тут же, откликаясь на это, наступает упадок эмоциональный, а затем распад интеллектуальной сферы. Когда же человек живет интеллектуально активной жизнью, то часть характерных проблем старости перестают существовать [3].

Одним из механизмов социальной интеграции людей пожилого возраста в общество выступает образование и адаптация к информационно-образовательному пространству.

Образование в пожилом возрасте – механизм для сохранения способности к социальной адаптации и интеграции через получение на системной основе сведений об изменяющемся мире. Право на образование – одно из основных прав человека – не может быть

ограничено по признаку возраста, что подразумевает его непрерывность и возможность продолжения в пожилом возрасте. Образование взрослых в пенсионном возрасте не преследует цели получения профессии (такая практика существует в Америке и многих европейских странах), оно относится к неформальному образованию, имеющему цель персонального развития, социальной адаптации и общения людей, сохранения их активной жизненной позиции. Цели геронтообразования – партиципация (участие, включение), социализация, интеграция, независимость и самостоятельность [3].

Начало теоретического осмысления сущности и роли обучения пожилых людей было положено в середине 70-х годов XX века. Первый университет для пожилых был основан в 1973 г. в Тулузе профессором Пьером Велла. В России традиции неформального образования развиваются в контексте благотворительности с середины XIX века. В 1855 г. известный врач и педагог Н. И. Пирогов открыл первую бесплатную школу для взрослых. В настоящее время образовательные программы для пожилых людей получили широкое распространение во всем мире.

В современной России система образования пожилых людей не является достаточно развитой, несмотря на рост понимания специфики роли пожилых людей в обществе. Курская область стала новатором в создании и развитии в Российской Федерации сети университетов пожилого человека, дающих возможность реализовать информационно-образовательные потребности пожилых людей. В настоящее время в Курской области (во всех районах и крупных населенных пунктах, а также в домах-интернатах для престарелых одиноких граждан) действует 51 университет пожилого человека, в которых обучается свыше 5 тысяч человек [4].

Свои услуги университетам для пожилых предложили все вузы региона, техникумы, колледжи и библиотеки. В университетах функционируют по 6–10 факультетов. На выбор пенсионерам предлагают пройти обучение компьютерной грамотности, садоводству и огородничеству, духовному возрождению, лечебной гимнастике и другим дисциплинам. На занятиях слушатели встречаются с руко-

водством муниципальных образований, предприятий ЖКХ, правоохранительных органов.

Обучение проводится на бесплатной основе. Большинство пожилых студентов хотят пройти обучение на факультете информатики. Образование в этом аспекте поможет пожилым людям работать с современными техническими средствами, которые могут обеспечить постоянный социальный контакт с родными, друзьями, центрами социальной помощи и т. д. А также обеспечить их удаленной работой или занятостью в сфере консалтинга, что позволит им продолжить осуществлять трудовую деятельность и снизить показатель нагрузки на работающее население. А в условиях построения информационного общества это является условием выживания всей общественной системы.

В г. Железногорске Курской области в прошлом году был создан самый большой компьютерный класс среди всех университетов пожилого человека, в котором одновременно могли обучаться 120 человек. Сейчас подобный класс создают и в Щиграх. Помимо компьютерных курсов, второй по популярности – факультет духовного возрождения, а непосредственно в Курске – факультет садоводства.

Университету пожилого человека нет аналогов в России, но он быстро приобрел известность. Теперь о подобных университетах задумались и другие регионы, которые обращаются за помощью к курянам. Как правило, занятия начинаются с 1 ноября, а в конце апреля проходят выпускные вечера с концертами и вручением дипломов. Работают выставки, на которых представлены труды студентов, выступают выпускники факультета культуры и искусства.

Университеты пожилого человека дают пенсионерам прекрасную возможность повысить общеобразовательный уровень, помогают выйти из социальной изоляции. По мнению самих пожилых слушателей университетов, новое время и появляющиеся социальные и технические инновации (интернет, сотовые телефоны, электронные терминалы и другие) обязывают развиваться и самого человека. Перемены нужны в любом возрасте, особенно представителям старшего поколения, являющимся примером для своих внуков и правнуков.

Университет пожилого человека может стать одной из эффективных форм интеграции людей пожилого возраста в информационно-образовательное пространство современного российского общества, способствуя их успешной адаптации.

Геронтообразование, в целом, может являться институтом формирования гражданских качеств и геронтокультуры на основе новых знаний с использованием прошлого опыта, мудрости, современных информационно-технических средств. Оно должно сформировать новый облик старости – продуктивной, компетентной, деятельной, наполненной жизненной энергией и смыслом жизни. Геронтокультура – не только свод правил, жизненных принципов, позиций, отношений к пожилым людям, старости. Это философия жизни и старения, которая помогает человеку сохранить определенный жизненный тонус и оптимизм, уверенность в разумности, личной и общественной полезности своих действий. Поэтому основным вопросом геронтософии должен стать вопрос о том, как прожить свою жизнь в старости достойно.

Список литературы

1. Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены [Текст]. – М. : Интерцентр. ВЦИОМ, 2011. – № 1.
2. Елютина М. Э. Пожилой человек в образовательном пространстве современного общества [Текст] / М. Э. Елютина, Э. Е. Чеканова // Социол. исслед. – 2003. – № 7. – С. 43–49.
3. Лазуткина Е. Социальная интеграция пожилых [Электронный ресурс] / Е. Лазуткина. – Режим доступа: <http://www.sf.fondedin.ru/>
4. Москалёва А. День пожилого человека в Курске: когда старость в радость [Электронный ресурс] / А. Москалёва. – Режим доступа: <http://www.kurskcity.ru>

УДК 378(091)''10/16"

*В. Н. Корниенко***ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ПЕРВЫХ ЕВРОПЕЙСКИХ
УНИВЕРСИТЕТОВ (XI–XVII вв.)****THE HISTORY OF THE FORMATION OF THE FIRST
EUROPEAN UNIVERSITIES (XI–XVII centuries)****Аннотация**

В статье исследуется вопрос становления университетского образования в Европе, которое начинает свою историю с XI ст., выделившись из среды средневековых школ. Становление первых университетов было связано с решением двойной задачи. Во-первых, с необходимостью обеспечить относительную независимость сферы образования от церкви; во-вторых, гарантировать достаточно высокий уровень преподавания. В момент возникновения университета приобретение ученого звания стало определенной процедурой, которую университет объявил своей монополией. Средневековая Европа породила такой феномен, как университеты, которые на протяжении столетий не знали сословных различий, в них царил дух свободного братства и большая степень автономности. Идет процесс формирования университетской культуры, основанной на внутрикорпоративном контроле.

Университеты были активными участниками исторических событий и началом формирования научного мировоззрения. В европейских университетах были разработаны и стали применяться основные формы обучения, научные принципы которые стали характерны и для современного образования.

Ключевые слова: университетское общество, университетское образование, средневековый университет, преподаватель, студент, факультеты, профессор.

Анотація

У статті досліджується питання становлення університетської освіти в Європі, що починає свою історію з XI ст., виокремившись із середовища середньовічних шкіл. Становлення перших університетів було пов'язане з вирішенням подвійного завдання. По-перше, з необхідністю забезпечити відносну незалежність сфери освіти від церкви; по-друге, мало гарантувати досить високий рівень викладання. На момент виникнення університету

здобуття вченого звання стало певною процедурою, яку університет оголосив своєю монополією. Середньовічна Європа породила такий феномен, як університети, які протягом століть не знали станових відмінностей, у них панував дух вільного братства й великий ступінь автономності. Триває процес формування університетської культури, заснованої на внутрішньому корпоративному контролі.

Університети були активними учасниками історичних подій і початком формування наукового світогляду. В європейських університетах були розроблені й почали застосовуватися основні форми навчання, наукові принципи, що стали характерними й для сучасної освіти.

Ключові слова: університетське суспільство, університетська освіта, середньовічний університет, викладач, студент, факультети, професор.

Annotation

The article deals with the formation of the first Universities in Europe that started in the XI cen. which evolved from mediaeval schools. The formation of Universities was connected with solving the two main tasks. First of all, it was necessary to provide relative independence of education from the Church, secondly, it was necessary to guarantee a high enough level of education. From the very beginning the acquisition of an academic title became a special procedure on which the University claimed its monopoly. The Mediaeval Europe gave birth to a unique phenomenon, namely, Universities without any importance of the birth status. Universities were famous for their spirit of brotherhood and large autonomy. The University culture started appearing on the basis of internal control.

Universities were active participants of historic events and due to them the scientific view of the world appeared. European Universities developed and started using the main teaching methods, scientific principles that are typical for modern education as well.

Key words: academic society, university education, mediaeval University, teacher, student, faculties, professor.

Университеты, как мировые образовательно-воспитательные системы, прошли многовековую путь исторического развития. Они оказывали и оказывают значительное влияние на накопление и сохранение знаний, процесс общества, его экономическое, политическое и культурное развитие.

История университетского образования в Европе уходит в глубокое прошлое. Изучая средневековую культуру, многие исследователи

пришли к выводу, что античная система «семи свободных искусств» не только во многом уцелела в условиях варварского мира, но и была серьезно усовершенствована, породив своеобразную систему университетского образования. Выделившись из среды средневековых школ, университеты сыграли огромную роль в формировании средневекового общества и его социального, культурного, политического и экономического развития.

Историография исследуемой проблемы отличается незначительным числом исследований. Особую ценность имеет коллективная монография под редакцией Т. А. Молоковой «Очерки истории университетского образования» и исследования А. Алексюса, Ю. Задорожного, М. Древаль и др. На основе работ зарубежных и отечественных историков, посвященных данной проблеме, формируется картина университетского уклада жизни, организационная структура высших школ средневековья, роль и место в западноевропейском обществе человека.

В XI–XII вв. в Европе появляются крупные города. Их расцвет связан с развитием торговли, ремесел, строительства, повышением спроса на грамотных, профессионально подготовленных людей. Именно в это время и появляются первые университеты.

Термин «universitas» (совокупность) в средние века употребляется для обозначения любого объединения людей, связанных общими интересами и имеющих особый правовой статус – корпорации. Академическая корпорация студентов и преподавателей – «университет» будет применяться только с конца XIV в. В средневековых городах большое значение стали иметь специальные знания, связанные с практическими потребностями жизни. В разных городах появляются юридические, богословские, медицинские школы, в которые приезжали учиться ученики из разных регионов Европы. Именно на их основе постепенно образуются университеты.

В XI в. при Папе Римском Григории VII изменяется позиция и роль церкви, по-новому рассматривается миссия духовенства в обществе. Церковь активно поддерживает школы, ориентированные на подготовку кадров для своего аппарата. Одна из частных школ Болоньи полулегендарного магистра Пепои его преемника Ирнерия (Гварнери)

получила в подарок от марк-графини Матильды Тосканской старую рукопись «Дигест» Юстиниана. Согласование между собой разных частей этого римского правового источника, а главное – их комментирование (составление глосс), разрешение внутренних противоречий при помощи формальной логики Аристотеля и стало главным предметом деятельности болонских юристов – преподавателей права и советников правителей. Ученики Ирнерия завершили создание системы преподавания права к середине XII в., а первым европейским университетом принято считать Болонский, основанный в 1088 г. Еще одним обстоятельством, послужившим появлению новых университетов, стала заинтересованность в них королей и церкви. Воспитанные на римском праве юристы становились деятельными помощниками монархов в их борьбе с феодалами; опираясь на римское право, упорно проводили мысль, что единственным источником правосудия может быть только король.

Скопление в Болонье множества учеников из разных стран, увеличение числа преподавателей способствовало объединению в нации (или землячества, их было два – родившихся в Италии и тех, кто прибыл из-за Альп), привело к необходимости изменений в организации самого «universitas», близких к современному понятию «юридического лица». Школяры (Scholarii, позже студенты) были преимущественно иногородними и не имели в Болонье гражданских прав. В результате в каждой нации сложилась своя система управления (земляки приносили друг другу взаимную клятву верности) во главе с выборным ректором. На своих собраниях нации стали сами принимать статуты (уставы) университета, избирать весь персонал, а также учителей – магистров, докторов, создавших свое сообщество профессоров. Обучение было платным, а цену за занятия назначали преподаватели. Власти увидели большую пользу от университета и стали закладывать известные суммы в бюджет. Профессора с середины XIII в. приносили присягу городской коммуне, получали от нее основное жалование и считались муниципальными служащими. Им будет принадлежать решающая роль в учебном процессе [2, с. 84].

Первоначально в Болонье преподавали только право, но в XIII в. здесь появляются медики и «артисты», и только в 1360 г. открывается

факультет богословия. Такой тип организации университетов с определяющей ролью студентов будет характерен в средние века, в основном, для Италии. Широкая известность и преимущество болонских профессоров над другими учеными городами объясняется прежде всего методом преподавания и покровительством германского императора Фридриха I, который был тогда королем Ломбардии. Популярность болонского университета объяснялась также и тем, что сюда допускались женщины, и не только в качестве слушательниц лекций, но и в качестве преподавателей – лектрисс, одна из которых стала доктором права.

Наметилась основная черта, отличающая всю средневековую университетскую историю: корпоративное начало было, где университет, в сущности, являлся двумя объединенными цехами – «учащихся» и «учащих». В Болонье были студенты четырех наций: кампанская, тосканская, ломбардская и римская. Собрание всех студенческих корпораций под общим статусом и составило университет в Болонье.

За время своего существования Болонский университет оказывал огромное влияние не только на Италию, но и на Западную Европу в целом. Благодаря своим методам и научным доктринам он в значительной степени развил науку права и оказал влияние на законодательство, учреждения и на сами идеи европейского общества. Этот первый европейский университет стал прообразом многих других учебных заведений Европы. Профессора и студенты Болоньи рассеивались по Европе, распространяя знания, которые они получили в университете. По свидетельствам современников, к началу XIII в. в Болонье обучались до 10 тысяч человек со всей Европы. «У знаменитого профессора Ацо собралось так много слушателей, что он стал читать лекции на городской площади, куда стекались представители почти всех европейских языков, не случайно именно в Болонье появились так называемые землячества» [7, с. 41].

Несколько другим путем шло формирование и организация другого древнейшего университета – парижского, который в большей мере станет образцом для других. Университет возник в 1160 г. на базе двух знаменитых конкурирующих кафедральных школ – при соборе

Нотр-Дам и при монастыре св. Женеьевы. Многие молодые люди считали важным и выгодным избрать путь служения Богу через духовный сан, добиться которого можно было через образование. В Париже, чтобы открыть свою школу, надо было получить разрешение («лицензию») от местной церковной власти, в данном случае – от епископа, точнее, от его должностного лица – канцлера. Основой образования университетов в XII в. были преподаватели при кафедральных школах, которые набирали себе слушателей, получая с них плату и снимая в аренду помещения для чтения лекций, проводили свои занятия. Они были склонны жить на деньги, которые платили им ученики, т. к. были свободны от местных властей и церкви [3, с. 22].

Школы в Париже практически становятся «градообразующим» элементом, т. к. многие парижане живут за счет обслуживания этой категории потребителей, которые нуждаются в жилье и школьных помещениях, в еде и вине, в пергаменте, книгах, одежде, свечах и лампадном масле и т. д.

Постепенно численность преподавателей и студентов стала создавать большие проблемы в городе. *Scholarii* стали и здесь объединяться в нации (их возникло 4 – французская, английская, пикардийская и норманская) для решения своих бытовых проблем, получая от города особые права и привилегии. Возглавлял нации выборный ректор. По статуту 1215 г. каждый профессор имел право суда над своим студентом, а по статуту 1275 г. такое право предоставлялось только ректору [6, с. 47–48].

Студенты сами снимали себе жилье, а для поддержки бедных студентов основывались коллегии (общежития), предлагавшие им скромное питание и жилье для проживания. Наибольшую славу приобрела коллегия парижского каноника Роберта де Сорбонн, целью которого было теологическое (богословское) образование. В ее помещениях были большие залы, которые использовались для занятий, со временем Сорбонной стали называть весь Парижский университет.

Для решения же научных и образовательных целей в Париже были образованы факультеты («*facultas*» – способный), которые первоначально объединяли только магистров, а студенты лишь причислялись

к ним. Постепенно сложилась система из 4-х факультетов, которая и будет повсеместно распространяться в средневековой Европе: низший – факультет искусств, который являлся подготовительным и был обязательным для перехода на три высших: богословия, права и медицины. Однако в дальнейшем в большинстве университетов факультеты богословия и медицины либо влачили жалкое существование, даже иногда отсутствовали, а факультет права был везде, так как юридическое образование всегда было очень привлекательным [9, с. 34].

Факультеты имели свои уставы и самоуправление. При них образовывались библиотеки, скриптории. Во главе факультетов стояли выборные деканы.

Важной особенностью процесса формирования университетских организаций стало их противоборство с городскими властями и лавирование в отношениях с королями и папами. Свои корпоративные права приходилось отстаивать разными путями.

В 1167 г. в Англии образовался Оксфордский университет. Когда в 1209 г. произошел конфликт с городскими властями, около 300 студентов и преподавателей ушли и основали университет в Кембридже [8, с. 432].

Университетские статуты регулировали организацию учебного процесса. Они определяли его минимальную длительность, программу курса, условия проведения экзаменов и присвоения степеней, права членов «universitas».

Исследователи отмечают, что университетское образование начинали получать в возрасте 14–20 лет, после получения начального образования в обычных школах или в школах при университетах, в которых занятия велись на латинском языке. Его знание было обязательным для дальнейшего образования [5, с. 48–54].

Первый этап обучения в университете проходил на факультете искусств (артистическом) и включал в себя последовательное повторение семи античных искусств, разделенных на тривиум (грамматику, риторику, диалектику (логику) и квадривиум (арифметику, геометрию, музыку и астрономию).

В целом же учебный процесс в университетах был более или менее

однотипен. Так же, как и в Болонье, в Париже, Оксфорде, Кембридже складывается основной метод познания и преподавания – схоластика, основанная на применении аристотелевской логики к любому рассматриваемому предмету.

Полное, систематическое изложение учебного предмета, по программе, изложенной в статутах, в определенные часы называлось «lectio». Лекции были ординарными (обязательными) и неординарными (дополнительными). Первые читались в утренние часы, вторые – в послеобеденное время. Для того, чтобы быть примерным студентом, надо было посещать все лекции, а значит, быть в университете с рассвета и до 9 часов утра (время обязательных лекций), а потом снова приходиться с 6 до 10 часов вечера (дополнительные лекции) [2, с. 108].

Все занятия в Парижском университете, как и в других средневековых европейских, велись на латинском языке, поэтому немцы, чехи, французы, испанцы могли слушать итальянского профессора, понимая суть изложенного. На латыни студенты общались и между собой. В долгой борьбе с городскими властями Парижский университет добился самоуправления и имел выборных руководителей и собственный суд. Полную независимость от светских властей получил в 1200 г. грамотой короля Филиппа II Августа [7, с. 46–47].

В XIII веке в науке зарождается интерес к опытному знанию, начинают переводиться и комментироваться естественнонаучные трактаты античных авторов и арабских ученых. Оксфордский профессор Роджер Бэкон (1214–1292) ввел в сферу науки эксперимент как новый метод исследования природы. Ученый плодотворно работал в области физики, химии, оптики, пытаясь понять природу света и цвета. Рационализм и экспериментальный подход сочетались с христианским видением мира, самозарождение интереса к опытному знанию подрывало традиционные устои средневекового мирозерцания, ставя эксперимент на место авторитета. Однако в средние века его метод не мог быть ведущим.

Важнейшим правом университетов было право присвоения степеней. У каждого университета имелись свои обычаи, которые изменялись со временем. В Болонье, например, после окончания

тривиума студент должен был выдержать экзамен, доказать, что читал рекомендованные книги и участвовал в положенном количестве диспутов (шесть – у своего магистра и три общеуниверситетских). Далее он должен был выступить на диспуте в присутствии профессоров и студентов, показывая свое красноречие и умение грамотно спорить. Если испытание было пройдено успешно, он становился бакалавром (с XVI в. это станет степенью). Степень, присужденная университетом, должна была признаваться во всем христианском мире. Гарантом этого выступала власть, выдавшая хартию университету, и непризнание полноценности степени означало бросить вызов этой власти. Такой властью было, прежде всего, папство. Привилегии могли выдавать, как уже отмечалось, и императоры, и короли (в особенности те из них, кто считал себя «императором в своем королевстве»), но такие университеты также становились полноправными «*Studium generale*» лишь после обретения ими папской хартии. Надо отметить, что большинство студентов на этом завершали свое обучение в университетах, а полученная степень давала им большие возможности для карьеры [3, с. 23].

Более высокую степень магистра могли получить бакалавры по окончании артистического факультета, но не ранее 21 года. Магистр искусств мог преподавать и одновременно быть студентом факультета права, медицины или богословия. Магистр, получивший кафедру, становился полным профессором (*magister regens*). После завершения обучения на одном из высших факультетов вновь защищалась степень магистра высшего факультета, которая была престижнее, а достигнув 25-летнего возраста, можно было претендовать на степень доктора права или медицины, и с 35-летнего возраста – на степень доктора богословия [5, с. 68].

Обязательными элементами защиты степеней были экзамен на знание предмета и публичный диспут. Кандидат в доктора, выйдя из диспута победителем по регламенту, прописанному в уставе, получал знаки докторского достоинства. Ему открывались широкие возможности получения городских и церковных должностей.

Университетская жизнь постепенно наполнялась ритуалами, характерными для каждой корпорации средневековья. Ритуал

определял самую сущность акта, который символизировал возведение члена корпорации в новое качество, независимо от наличия документа.

В XIII в. возникают следующие известные университеты: в Кембридже (1209), Монпелье (1220), в Падуе (1222), в Неаполе (1224) и др.

На протяжении XIV–XV вв. средневековые университеты утрачивают свой международный характер, значение наций резко падает. Главной причиной становится основание многочисленных новых университетов, имеющих национальное назначение. Например, в Праге, где университет был основан в 1348 г., между двумя нациями – немецкой и чешской – в результате деятельности Яна Гуса в 1409 г. происходит конфликт, исходом которого стал отъезд всех немецких магистров и докторов в Лейпциг, и основание там своего университета [8, с. 450].

Ранние университеты и их уставы становятся образцом для новых, с завоеванными в течение предыдущих столетий привилегиями. Не случайно понятие *Alma Mater* (нежная мать) с XIV в. распространяется через их выпускников на всем пространстве Западной, Центральной и Восточной Европы. В XIII в. появились Соломанский университет в Испании, Неополитанский – в Италии; в XIV в. основаны Краковский, Гейдельбергский, Кельнский, Эрфуртский и другие университеты. К 1500 г. в Европе было уже около 80 университетов. Новые университеты чаще всего создаются на средства и по инициативе королей и пап, зачастую для борьбы с ересями. В результате чего с XV в. права некоторых университетов начинают урезаться, так в 1499 г. парижский университет утратил право на забастовку и стал зависим от короля [4, с. 158].

Сокращается приток бедных студентов из-за недостатка средств. К началу XVI ст. в английских университетах лишь пятая часть студентов получали пансион бесплатно, в испанских – менее трех процентов, остальные содержали себя на собственные средства. Учеба в университете все больше становится престижным занятием для людей с достатком или происхождением. Все чаще благоприятные условия в коллегиях создаются для тех, кто имел большие шансы получить должности в городском или церковном аппарате, кто мог войти в состав правящей верхушки городов.

В эпоху Возрождения в университетах Италии, а потом и везде объектом толкования все чаще становятся античные авторы, и средневековая схоластика уступает дорогу гуманистическим идеям, национальным языкам.

Сами университеты в это время становятся собственниками земель и зданий, ведут активную экономическую деятельность. Это создавало возможности для организации бурной внутрикорпоративной жизни. Кроме того, изменяется положение магистров и докторов, они все больше стремятся к должностям и доходам. В позднем средневековье начинается постепенный отход студенческой массы от управления университетами, что позволяет говорить о своеобразном кризисе в образовании.

Много университетов появилось в XIV–XV вв.: в Праге (1347), Кракове (1364), Вене (1365), Лейпциге (1409) и др. В 70-е годы XVI в. появилась высшая школа в Остроге, которая вошла в историю как Острожская академия, основанная по инициативе князя К. Острожского. Именно с этого времени и начинается история развития высшей школы в Украине. Академия готовила не только ученых богословия, но и богословов православной веры, т. к. Острог был видным религиозным центром [1, с. 54].

Острожская академия давала своим ученикам фундаментальную языковую подготовку. В ней изучали греческий, славянский и латинский языки, готовили бакалавров греческого языка. В академии работали талантливые, всесторонне образованные ученые. Захар Копистенский так охарактеризовал круг острожских деятелей: «Згромалилися тут ритори, рівні Демосфену, та інші різні філософи; знайшлися й знамениті математики та астрологи. Церква та двір князя були повні православних учителів, євангельських і апостольських, ... які знають богословіє й праву віру від богословів Дионісія, Афанасія та інших багатьох і від соборів та патріархів східних» [1, с. 56].

Преподавание в ней осуществлялось в современном для того времени стиле «семи свободных искусств»: тривиум и квантиум – грамматика, риторика, диалектика, арифметика, логика, музыка, астрономия, также велась большая научно-исследовательская работа. С самого начала своей деятельности академия быстро росла

и набирала силы благодаря прекрасной организации учебного процесса и тесной связи с культурными и образовательными центрами Западной Европы и Ближнего Востока, хорошей материальной поддержке князя К. Острожского. Блестящая плеяда высокообразованных людей работала в ней. Среди них: Г. Смотрицкий, Д. Наливайко, К. Лукарис, В. Сурайский, Н. Парсосес и др.

Острожская академия объединила выдающиеся научные силы, благодаря которым смогла дать образование значительному большинству молодежи и подготовить довольно большое количество выдающихся деятелей.

Средневековая Европа породила такой феномен, как университеты, которых не было ни в античности, ни на Востоке. Созданные как корпорация студентов и магистров, университеты на протяжении столетий не знали сословных различий, в них царил дух свободного братства и большая степень автономности. Гораздо позже именно выпускники университетов стали называться интеллигенцией. Университеты оказали огромное влияние на развитие европейской культуры, способствовали развитию образованности, сформировали особый тип интеллектуала, занятого умственным трудом.

Университеты были активными участниками исторических событий, связанных с Реформацией и началом формирования научного мировоззрения, несмотря на кризисные явления позднего средневековья. Университет как институт научного познания и образования – выдающееся достижение средневековой культуры. В европейских университетах были разработаны и стали применяться основные формы обучения, научные принципы, которые характерны и для современного образования и науки, такие как лекция, семинар, научный диспут, экзамен, сессия, публичная защита диссертации и др.

Список литературы

1. Алексюк А. Українська вища школа XVI–XVII століть. Острозька академія / А. Алексюк // Вища освіта України. – 2001. – № 1. – С. 54–58.
2. Гофф Ле Ж. Интеллектуалы в средние века / Гофф Ле Ж. – Долгопрудный : Аллегро-Пресс, 1997. – 290 с.

3. Дравель М. Е. Ученые звания в Парижском университете (XII–XIII вв.) / М. Е. Дравель // Актуальні проблеми вітчизняної історії : зб. наук. праць. – Х. : НМЦ «АД». – 2006. – Вип. 6. – С. 21–26.

4. Задорожний Ю. Роль римського права у процесі становлення та розвитку університетів у країнах Західної Європи / Ю. Задорожний // Право України. – 2009. – № 3. – С. 153–160.

5. Из истории университетов XIII–XV веков : меж. вуз. сб. науч. тр. – Воронеж : ВГПИ, 1984. – 96 с.

6. Из статутів Парижского Университета // Alma mater. – 1998. – № 9. – С. 47–48.

7. Очерки истории университетского образования : монография / Т. А. Молокова [и др] ; под ред. Т. А. Молоковой ; М-во образования и науки Рос. Федерации, ФГБОУ ВПО «Моск. гос. строит. ун-т.». – 2-е изд., испр. и доп. – М. : МГСУ, 2011. – 175 с.

8. Платонова Н. Из истории средневековых университетов / Н. Платонова // Журнал Министерства Народного Просвещения. – 1899. – № 4. – С. 430–456.

9. Суворов Н. Средневековые университеты / Н. Суворов. – М. : Типогр. Товарищества И. Н. Кушнеров, 1898. – 245 с.

УДК 30(091):378.4:61(477.54)ХНМУ

Л. И. Глебова, И. Ю. Робак

**75 ЛЕТ УПОРНОГО ТРУДА
(К ЮБИЛЕЮ КАФЕДРЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК
ХАРЬКОВСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО
МЕДИЦИНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА)**

**75 YEARS OF HARD WORK (THE 75th ANNIVERSARY
OF THE SOCIAL SCIENCES DEPARTMENT AT KHARKIV
NATIONAL MEDICAL UNIVERSITY)**

Аннотация

Статья является коротким очерком истории становления и развития кафедры общественных наук Харьковского национального медицинского университета. В ней сквозь призму истории страны рассматривается история коллектива и его отдельных представителей. Обобщается позитивный опыт достижений кафедры за 75 лет существования. Дана периодизация ее истории. Показано, как происходила разработка принципов и методов преподавания гуманитарных наук, формировались традиции в работе кафедры. Раскрыты основные направления учебно-методической, научно-исследовательской и воспитательной работы. Названы основные достижения всех ее руководителей. Сделан вывод о том, что сегодня кафедра общественных наук ХНМУ – это высокопрофессиональный и стабильный коллектив, готовый справиться с поставленными перед ним заданиями.

Ключевые слова: Харьковский национальный медицинский университет, кафедра общественных наук, кафедры марксизма-ленинизма, история КПСС, история Украины, политэкономия, экономическая теория, политология, культурология.

Анотація

Стаття є коротким нарисом історії становлення й розвитку кафедри суспільних наук Харківського національного медичного університету. У ній крізь призму історії країни розглядається історія колективу і його окремих представників. Узагальнено позитивний досвід досягнень кафедри за 75 років існування. Наведено періодизацію її історії. Показано, як відбувалася розробка принципів і методів викладання гуманітарних наук, формувалися традиції в роботі кафедри. Розкрито основні напрями навчально-методичної, науково-дослідної і виховної роботи. Названо основні здобутки всіх її керівників.

Зроблено висновок про те, що сьогодні кафедра суспільних наук ХНМУ – це високопрофесійний і стабільний колектив, готовий упоратися з поставленими перед ним завданнями.

Ключові слова: Харківський національний медичний університет, кафедра суспільних наук, кафедри марксизму-ленінізму, історія КППС, історія України, політекономія, економічна теорія, політологія, культурологія.

Annotation

The article presents a brief outline of the history and development of the Social Sciences Department at Kharkiv National Medical University. Through the prism of the country's history the history of the Faculty and its individual representatives is considered. The positive experience of the Department and its achievements for the 75 years of its existence is summarized. The periods of its history are identified.

The development of the principles and methods of teaching the humanities and formation of the Department's traditions are shown. The main directions of educational, methodological, scientific research and mentoring work are explicated. The heads of the Department's main achievements are stated.

The conclusion about a high level of professionalism and stability of the KhNMU Social Sciences Department team is made. The professors of the Social Sciences Department are prepared to solve all the tasks, facing them.

Key words: Kharkiv National Medical University, Department of Social Sciences, Department of Marxism-Leninism, history of the CPSU, Ukrainian history, political economy, economics, political science, cultural studies.

Выпуск высокопрофессиональных специалистов-медиков невозможен без их целенаправленной гуманитарной подготовки, обеспечивающей гуманизацию медицинского образования. Одним из составляющих компонентов формирования молодого специалиста является изучение социальных дисциплин.

Исследование истории кафедры общественных наук представляет несомненный научный интерес с точки зрения рассмотрения истории отдельных людей и коллективов через призму истории страны. В их судьбе, как в зеркале, запечатлелось непростое и противоречивое прошлое, вобравшее в себя успехи и достижения, идеологическое противостояние, потери и горькие разочарования не одного поколения представителей интеллигенции нашей страны.

Актуальность и значимость темы обусловлены рядом факторов. Прежде всего следует отметить, что в 2013 году кафедра отметила 75-летие своего основания. Также необходимо подчеркнуть, что в украинской исторической науке в последнее время наметилась позитивная тенденция в изучении советского прошлого. Она предполагает объективный с позиций историзма детальный анализ не только негативных явлений в советской истории, но и выявление положительного опыта, достижений того периода. К тому же поставленная проблема недостаточно изучена в литературе. До сих пор не создано истории кафедры, которая была бы подкреплена соответствующей источниковой базой и прежде всего – архивными материалами.

Среди работ по данной теме следует выделить статью, посвященную истории кафедры марксизма-ленинизма, которая была опубликована в 1969 году в «Очерках истории Харьковского медицинского института». Она явилась первой попыткой систематического изложения истории кафедры с момента основания [1, с. 71–74]. В 2005 году в связи с 200-летним юбилеем вуза увидела свет «История Харьковского государственного медицинского университета. 200 лет», в которой присутствует статья об истории кафедры [2, с. 187–191]. Также отдельные аспекты рассматриваемой проблемы получили свое отражение в статьях, посвященных преподавателям, работавшим на кафедре в разные периоды ее существования [3, с. 206–207; 4, с. 254–255; 5, с. 349–350]. Несмотря на то, что в этом издании рассмотрена деятельность не всех заведующих кафедрой, материалы внесли весомый вклад в исследование данной проблемы. Однако выше-названные работы не подкреплены соответствующей источниковой базой, и прежде всего архивными материалами.

Поэтому целью данной статьи является создание краткого очерка истории кафедры общественных наук ХНМУ с опорой на архивные источники.

История кафедры отражает и во многом разделяет сложную и противоречивую судьбу страны XX века. Она теснейшим образом связана с теми политическими и социально-экономическими преобразованиями, которые тогда происходили. На протяжении существования кафедры можно выделить два качественно отличающихся

этапа: советский (с 1938 по 1991 г.) и постсоветский (после 24 августа 1991 года до настоящего времени). Свои истоки кафедра берет в 1938 году. До 1938 года в I-ом Харьковском медицинском институте (так назывался Харьковский медуниверситет до декабря 1943 года) курсы социально-гуманитарных дисциплин изучались не систематически [6, л. 31]. 14 ноября 1938 года ЦК ВКП(б) принял постановление «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП (б)». В соответствии с ним преподавание общественных наук в вузах было реорганизовано: вводился курс «Основы марксизма-ленинизма» и создавались кафедры марксизма-ленинизма [7]. В ХМИ кафедра была создана в конце 1938 года. В опубликованных материалах дата возникновения кафедры варьируется между 1938 и 1939 годом [1, с. 71; 2, с. 188; 3, с. 206]. Анализ имеющихся в Государственном архиве Харьковской области протоколов Ученых Советов медицинского института позволил уточнить дату основания кафедры. Так, на заседании Ученого Совета, которое состоялось 14 января 1939 года, директор института А. М. Гаспарян, подводя итоги осеннего семестра 1938/39 учебного года, обратил внимание на трудности в организации учебного процесса в первой половине учебного года, то есть речь идет о периоде с 1 сентября по декабрь 1938 года. Директор института отметил, что «одна из них состояла в неукomплектованности штатов по некоторым кафедрам, в частности по кафедре марксизма-ленинизма. Причиной этого явилась ... невозможность найти в начале учебного года достаточное количество лиц, вполне подготовленных...» [6, л. 20]. Исходя из этого выступления А. М. Гаспаряна, можно утверждать, что кафедра марксизма-ленинизма была создана в первом семестре 1938/39 учебного года, но, естественно, после постановления ЦК, а значит, в конце 1938 года. К сожалению, не удалось пока обнаружить архивные документы, которые бы не косвенно, а непосредственно подтверждали этот факт. Во многих изданиях, посвященных истории кафедры, указывалось, что «организатором и первым заведующим кафедрой» был Иван Денисович Попов [1, с. 74; 2, с. 188; 3, с. 206]. Однако при изучении личного дела Попова И. Д., хранящегося в архиве ХНМУ, была обнаружена выписка из приказа по I-му Харьковскому

медицинському інституту от 9 сентября 1939 год. В соответствии с этим приказом, И. Д. Попов был утвержден заведующим кафедрой марксизма-ленинизма с 1 сентября 1939 года. Он сменил на этой должности исполняющего обязанности заведующего кафедрой М. И. Золотаревского [8, л. 20]. Документ дает основание утверждать, что И. Д. Попов не являлся «организатором и первым заведующим» кафедрой марксизма-ленинизма I-го Харьковского медицинского института.

Выступая на одном из заседаний Ученого Совета института, его директор А. М. Гаспарян остановился на задачах, стоящих перед коллективом института во втором семестре 1938/39 учебного года. Он обратил внимание на то, что «марксо-ленинские» (такой термин используется в тексте выступления) дисциплины со второго семестра 1938/39 учебного года вводятся в подготовку студентов. При этом он говорил о проблемах, которые встали перед кафедрой и учебной частью в плане перестройки учебного процесса [6, л. 88]. В январе 1939 года был создан учебно-методический кабинет кафедры.

Первые годы существования кафедры были нелегкими. Не хватало высококвалифицированных специалистов, учебников, методических пособий, нередко они переписывались от руки. В тот период коллектив кафедры занимался не только преподаванием, но и решал задачи по воспитанию студенчества на революционных, боевых и трудовых традициях народа, а также вел активную общественную работу, руководя системой партийного просвещения, помогая в организации политического просвещения кафедрам медицинского профиля [9, л. 2–4]. Следует заметить, что на протяжении довольно длительного времени кафедра марксизма-ленинизма работала в условиях отсутствия типовых программ курса [там же, л. 36, 37]. Несмотря на сложности периода становления, сотрудники кафедры смогли обеспечить необходимый уровень преподавания социальных дисциплин.

Начавшаяся Великая Отечественная война внесла свои коррективы в работу института и кафедры. Большая часть преподавателей и студентов вуза ушли на фронт, некоторые эвакуировались с институтом в город Чкалов. Были составлены новые учебные планы

с учетом сокращения сроков обучения. Срок обучения предусматривалось сократить за счет увеличения рабочей нагрузки студентов [10, л. 169].

В годы эвакуации деятельность кафедры не прекращалась. Но ее состав значительно сократился и включал в себя только троих преподавателей и одного старшего лаборанта [11, л. 222]. Внося свой вклад в дело Победы, преподаватели работали с удвоенной учебной нагрузкой [8, л. 16]. Они также вели патриотическую [12, л. 220] и другую воспитательную работу [11, л. 8]. Лекции и семинарские занятия по общественным наукам выступали мощным стимулом мобилизации сил преподавателей и студенческой молодежи на добросовестную учебу и самоотверженный труд. С 1942/43 учебного года всем студентам института дополнительно читался курс по истории Великой Отечественной войны с приемом зачетов [11, л. 33–35; 12, л. 21]. Помощь фронту осуществлялась и регулярным сбором средств – теплых вещей, продуктов, денег, а также проводились подписки на военные займы.

Несмотря на сложные условия труда и быта, увеличение педагогической нагрузки, научно-исследовательская работа не останавливалась. Сотрудники кафедры готовили научные доклады, активно занимались выполнением диссертационных работ, тематика которых была скорректирована с учетом текущего момента [13, л. 80].

Возвращение в Харьков началось после освобождения города от немецких оккупантов. Весной 1944 г. из Чкалова в Харьков было направлено с кафедры два человека: Д. Ф. Острянин и лаборант Ясногорская [14, л. 16, 17]. Остальная часть научно-педагогических работников вернулась летом того же года.

После возвращения из эвакуации сотрудники кафедры работали в полуразрушенных помещениях, в условиях отсутствия учебной базы и острой нехватки квалифицированных кадров. Так, в 1944/45 учебном году на кафедре академическая нагрузка предусматривала семь штатных единиц, а работало только два штатных сотрудника: заведующий кафедрой доцент И. Д. Попов и старший преподаватель В. И. Носик, остальные – работали по совместительству [12, л. 185–195].

В 1942/43 учебном году вводится преподавание политической экономии, а в 1952 году из состава кафедры марксизма-ленинизма была выделена кафедра политической экономии. Возглавил новую кафедру доцент И. Д. Попов, а на руководство кафедрой марксизма-ленинизма приглашается кандидат исторических наук С. В. Босый [15, л. 1–25].

История высшего образования второй половины 50-х годов прошлого века проходила под влиянием демократизации общества, связанной с ликвидацией культа личности И. В. Сталина. Начались изменения и в преподавании общественных наук.

В 1956 году кафедра политической экономии была слита с кафедрой марксизма-ленинизма. Заведующим кафедрой был вновь утвержден И. Д. Попов [8, л. 42–43]. Постепенно менялось и содержание преподаваемых предметов. С 1957/58 учебного года начинается преподавание материализма и политической экономии. В 1959 году из состава кафедры выделяется кафедра философии.

Перестройка преподавания общественных наук продолжилась в связи с введением в 1964 году курса научного коммунизма. На кафедре марксизма-ленинизма создается секция по этой дисциплине. Ею руководил доцент А. С. Цариценко [16, л. 42–43; 17, л. 5]. Также были организованы секции истории КПСС и политической экономии. Это отражало развивавшуюся специализацию социально-гуманитарных дисциплин.

В 50–60 гг. на кафедре работали 13 штатных преподавателей, 5 из них имели ученые степени кандидатов наук и звания доцентов: И. Д. Попов, А. П. Власов, А. С. Цариценко, М. П. Фомичева, Н. Г. Паламарчук. Сотрудники кафедры активно занимались научной работой. Заметной страницей в истории кафедры стало участие в написании многотомной истории городов и сел УССР, которая вышла в свет в издательстве АН УССР в 1967 году. М. П. Фомичева написала очерк истории районного центра Сахновщина [18], старший преподаватель Н. И. Луценко – Большой Чернещины [19], Н. Г. Паламарчук – села Огиевка [20], доцент А. П. Власов – поселка городского типа Кегичевка [21]. Также был подготовлен ряд монографий, брошюр, статей [16, л. 9–10, 42–43; 17, л. 5].

В 1961 году заведующим кафедрой был избран кандидат исторических наук доцент А. П. Власов [22, л. 1–33].

Для обсуждения актуальных проблем организации учебной работы начинает практиковаться приглашение студентов на заседания кафедры. Главное внимание в самостоятельной работе студентов уделялось умению правильно конспектировать первоисточники. Учебно-методический кабинет устраивал выставки лучших студенческих конспектов [17, л. 41–46].

Непродолжительное время в 1968–1969 гг. заведующим кафедрой был кандидат экономических наук доцент А. С. Цариценко [17, л. 41–46; 23, л. 1–50].

В конце 1970 года кафедру переименовали в кафедру истории КПСС, политэкономии и научного коммунизма, а с 1974 года – в кафедру истории КПСС и политэкономии, поскольку преподавание научного коммунизма перевели на кафедру философии, куда направили и некоторых сотрудников [24, л. 405].

Заведующей кафедрой в 1970–1981 гг. работала кандидат исторических наук доцент М. П. Фомичева [25, л. 117, 133, 382]. Под ее руководством секция преподавателей по курсу истории партии активно разрабатывала тему «Борьба коммунистической партии Украины за осуществление ленинских идей в области здравоохранения».

В 1981–1984 гг. кафедрой заведовал кандидат исторических наук доцент Р. Г. Руденко [26, л. 1–25].

В 1980–1986 гг. преподаватели секции политической экономии под руководством доцента В. И. Кравченко провели ряд научно-исследовательских работ. Прежде всего следует выделить тему, которую разрабатывали по заказу Госкомтруда и Совета по развитию производительных сил УССР «Исследование условий труда и их влияние на эффективность промышленного производства на предприятиях Харькова». На хоздоговорных основах были выполнены научные работы по заказу промышленного объединения «Точприбор» (г. Харьков). Проведенные исследования получили высокую оценку, имели практическое значение и были рекомендованы для внедрения в производство.

В 1984 году заведующим кафедрой был избран кандидат экономических наук доцент В. И. Кравченко [5, с. 349].

Подводя итоги первого этапа развития кафедры, необходимо отметить, что он проходил в условиях партийного контроля и строгой регламентации ее деятельности. Поэтому творческий потенциал преподавателей не мог быть реализован в полной мере. Однако на его протяжении происходила выработка принципов и методов преподавания гуманитарных наук, формировались традиции в работе кафедры. Так, в ходе семинарских занятий заслушивали рефераты и доклады студентов, учитывая профиль вуза. Проводили студенческие научные конференции, приуроченные к знаменательным историческим датам. Огромное внимание придавали организации самостоятельной работы студентов, обучению ее навыкам, контролю со стороны преподавателей. Важными приемами повышения квалификации преподавателей являлись широко практикуемые взаимопосещения занятий с последующим их обсуждением на заседании кафедры. Было принято решение предварительно рассматривать тематику лекций и семинарских занятий, экзаменационные вопросы, обсуждать проводимые открытые лекции и семинарские занятия. Заслуживает внимания постоянно проводимое преподавателями аннотирование статей научных журналов, широкое обсуждение актуальных проблем выполняемых диссертационных работ, их связь с профилем вуза. Некоторые виды работы: стенографирование лекций, строгое следование определенным постулатам ушли в прошлое и не отвечают современным требованиям. Многие приемы методики и повышения квалификации продолжают использоваться. Часть традиций незаслуженно забыта. Например, представляется актуальным и востребованным такой метод работы, как приглашение студентов, студенческого актива на заседания кафедры, что, несомненно, способствует развитию молодежного самоуправления и позволяет более глубоко понять запросы и интересы будущих молодых специалистов.

В конце 80-х гг. начинается перестройка работы кафедры. В 1989 году на смену курсу истории партии приходит новая учебная дисциплина – «Политическая история XX века». Изменилось и название – кафедра стала называться кафедрой политической истории и политической экономики.

События 24 августа 1991 года ознаменовали новый этап в истории

кафедры. Можно без преувеличения сказать, что уже в конце 80-х – начале 90-х начинается создание новой кафедры. Меняется не только название кафедры. Кардинальные перемены происходили в содержании преподавания. Преподавателям необходимо было перестроить и собственную работу, и самих себя, поскольку поставленные задачи требовали решительно отказаться от установленных догм и стереотипов существовавшей ранее заидеологизированной науки, научиться освещать различные точки зрения по тому или иному вопросу, не отступая при этом от объективности и исторической правды. Самой важной и сложной проблемой, стоящей в этот переломный период, было самостоятельное овладение принципиально новыми курсами, которые даже не изучались гуманитариями в советских университетах. Судьба кафедры и ее сотрудников зависела от того, смогут ли они освоить и поднять на должный уровень преподавание новых дисциплин, избавиться от влияния прошлого, влиться в сложный процесс обновления.

В 1991/92 учебном году курс «Политическая история XX века» уступил место «Истории Украины», а вместо «Политической экономики» были введены «Экономическая теория» и «Экономика здравоохранения». В 1994/95 учебном году было введено два новых курса: «Политология» и «Теория и история украинской и мировой культуры». В следующем учебном году студентам было предложено несколько новых элективных курсов. 1996/97 учебный год принес появление иностранных студентов, у которых преподавание стало осуществляться на английском языке.

Параллельно шел процесс увеличения педагогической нагрузки. В этих сложных и противоречивых условиях «выживания» ряд сотрудников кафедры вынуждены были уйти и количество сотрудников кафедры сократилось вдвое.

Предпринятые коллективом кафедры усилия позволили обеспечить необходимый уровень преподавания новых дисциплин, постепенно создать их методическое обеспечение. Начался процесс издания новых учебных пособий.

В 2002/09 гг. работу кафедры возглавляла кандидат (с 2006 г. доктор) экономических наук доцент, а затем профессор Т. М. Каминская [2, с. 191].

Под руководством Т. М. Каминской осуществлялся сложный процесс перехода преподавания на Болонскую систему. Кафедра обеспечивала преподавание четырех нормативных курсов (история Украины, культурология (история украинской и зарубежной культуры, история украинской культуры), экономическая теория, политология) и целого ряда элективных курсов. За короткий период сотрудники кафедры создали методическое обеспечение курсов с учетом новых требований. Характерной особенностью деятельности кафедры в этот период являлось постоянное расширение контингента иностранных студентов с английским языком обучения, что привело к приходу новых сотрудников, владеющих им.

В 2006 году впервые в истории кафедры Т. М. Каминская защитила диссертацию на соискание ученой степени доктора экономических наук, а в 2009 году И. Ю. Робак стал доктором исторических наук.

В 2011 году профессор И. Ю. Робак был избран на заведование кафедрой. Кафедра стала называться кафедрой общественных наук (приказ по ХНМУ № 393 от 24.10. 2011 г.).

Сегодня преподаватели кафедры ведут пять нормативных курсов для подготовки специалистов и бакалавров: «Историю Украины», «Историю украинской культуры», «Политологию», «Основы экономической теории» и «Культурологию». Эти дисциплины читаются на украинском, русском и английском языках. Учебный план включает также элективные курсы: «Медицина и художественная культура», «Менеджмент и маркетинг в здравоохранении» и «Менеджмент и лидерство в медсестринстве».

Таким образом, в настоящее время кафедра общественных наук ХНМУ – это высокопрофессиональный и стабильный коллектив, который ведет интенсивную учебно-методическую, научно-исследовательскую и воспитательную работу.

Список литературы

1. Кафедра марксизма-ленинизма / Очерки истории Харьковского медицинского института. – Харьков : ХМИ, 1969. – С. 71–74.
2. Камінська Т. М. Кафедра історії України, української та зарубіжної культури, політології та економіки / Т. М. Камінська, Л. І. Глебова // Історія

Харківського державного медичного університету. 200 років. – Х. : ВПЦ «Контраст», 2005. – С. 187–191.

3. Кравченко В. І. Попов Іван Денисович (1906–1968) / В. І. Кравченко // Вчені Харківського державного медичного університету / за ред. академіка А. Я. Циганенка. – Х. : ВАТ «Вид-во «Харків», 2002. – С. 206–207.

4. Кравченко В. І. Фомічева Маргарита Петрівна / В. І. Кравченко // Вчені Харківського державного медичного університету / за ред. академіка А. Я. Циганенка. – Х. : ВАТ «Вид-во «Харків», 2002. – С. 254–255.

5. Кравченко Валерій Іванович // Вчені Харківського державного медичного університету / за ред. академіка А. Я. Циганенка. – Х. : ВАТ «Вид-во «Харків», 2002. – С. 349–350.

6. Державний архів Харківської області (далі – ДАХО). – Ф. Р-1584. – Оп. 21. – Спр. 2.

7. Постановление ЦК – 1938 [Электронный ресурс] // История России. 1917–1940. Хрестоматия / сост. В. А. Мазур и др. ; под ред. М. Е. Главацкого. – Екатеринбург, 1993. – Режим доступа: <http://his95.narod.ru/doc22/37.htm>.

8. Архів Харківського національного медичного університету. «1-й Харьковский Медицинский Институт Министерства Здравоохранения УССР (1-й ХМИ). Г. Харьков. Отдел кадров. Дело № 23. Попов Иван Денисович. Заведующий кафедрой марксизма-ленинизма. Начато 1938 г. Окончено 18 декабря 1967 г. На 89 листах».

9. Державний архів Харківської області (ДАХО). – Ф. Р-1584. – Оп. 21. – Спр. 3.

10. ДАХО. – Ф. Р-1584. – Оп. 21. – Спр. 4.

11. ДАХО. – Ф. Р-1584. – Оп. 21. – Спр. 20.

12. ДАХО. – Ф. Р-1584. – Оп. 21. – Спр. 35.

13. ДАХО. – Ф. Р-1584. – Оп. 21. – Спр. 11.

14. Архів Харківського національного медичного університету. «1-й Харьковский Медицинский Институт Министерства Здравоохранения УССР (1-й ХМИ). Г. Харьков. Отдел кадров. Острянин Даниил Фомич. Преподаватель кафедры марксизма-ленинизма. Начато 7 апреля 1944 г. Окончено 27 сентября 1944 г. На 21 листе».

15. Архів Харківського національного медичного університету. «1-й Харьковский Медицинский Институт Министерства Здравоохранения УССР (1-й ХМИ). Г. Харьков. Отдел кадров. Дело № 7. Босый Степан Владимирович. Заведующий кафедрой марксизма-ленинизма. Начато 25 февраля 1952 г. Окончено 27 августа 1956 г. На 25 листах.»

16. ДАХО. – Ф. Р-1584. – Оп. 22. – Спр. 180.

17. ДАХО. – Ф. Р-1584. – Оп. 22. – Спр. 233.
18. Фомічева М. П. Сахновщина / М. П. Фомічева, В. Ф. Свідченко // Історія міст і сіл Української РСР в двадцяти шести томах. Харківська область. – К. : Головна редакція радянської енциклопедії АН УРСР. – С. 807–818.
19. Луценко М. І. Багата Чернещина / М. І. Луценко, В. С. Сидоренко // Історія міст і сіл Української РСР в двадцяти шести томах. Харківська область. – К. : Головна редакція радянської енциклопедії АН УРСР. – С. 820–828.
20. Паламарчук М. Г. Огіївка / М. Г. Паламарчук, В. Д. Жовтий. – Історія міст і сіл Української РСР в двадцяти шести томах. Харківська область. – К. : Головна редакція радянської енциклопедії АН УРСР. – С. 829–837.
21. Власов О. П. Кегичівка / О. П. Власов, П. Т. Омельченко // Історія міст і сіл Української РСР в двадцяти шести томах. Харківська область. – К. : Головна редакція радянської енциклопедії АН УРСР. – С. 577–586.
22. Архів Харківського національного медичного університету. «Харьковский Медицинский Институт Министерства Здравоохранения УССР (ХМИ). Г. Харьков. Отдел кадров. Дело № 7. Власов Алексей Павлович. Заведующий кафедрой марксизма-ленинизма. Начато 5 октября 1961 г. Окончено 20 сентября 1968 г. На 33 листах».
23. Архів Харківського національного медичного університету. «Харьковский Медицинский Институт Министерства Здравоохранения УССР (ХМИ). Г. Харьков. Отдел кадров. Дело № 38. Цариценко Александр Самойлович. Заведующий кафедрой марксизма-ленинизма. Начато 28 августа 1964 г. Окончено 30 августа 1971 г. На 50 листах».
24. Архів Харківського національного медичного університету. «Харьковский Медицинский Институт Министерства Здравоохранения СССР (ХМИ). Г. Харьков. Отдел кадров. Приказы по отделу кадров ХМИ за 1974 г. 1/к – 120/к. На 421 листе».
25. Архів Харківського національного медичного університету. «Харьковский Медицинский Институт Министерства Здравоохранения УССР (ХМИ). Г. Харьков. Отдел кадров. Личное дело. Фомичева Маргарита Петровна. Начато 20 августа 1956 г. Окончено 30 июня 1989 г. На 94 листах».
26. Архів Харківського національного медичного університету. «Харьковский Медицинский Институт Министерства Здравоохранения УССР (ХМИ). Г. Харьков. Отдел кадров. Личное дело. Руденко Ростислав Гаврилович. Заведующий кафедрой истории КПСС и политэкономии. Начато 1981 г. Окончено 27 августа 1984 г. На 28 листах».

УДК 378.014.242.011.32-055.2(477+485)

S.-O. Collin, Ia. Gupalova

**FEMALE DRAIN: A COMPARATIVE STUDY
OF UKRAINIAN AND SWEDISH STUDENTS'
PREFERENCES FOR MOBILITY¹**

**«УТЕЧКА» ЖЕНЩИН: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
МОБИЛЬНЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ УКРАИНСКИХ
И ШВЕДСКИХ СТУДЕНТОК**

Аннотация

Любая страна хотела бы сохранить граждан с высоким уровнем активности и образования. В Украине существует модель мобильности, которую можно назвать «утечка» женщин. На примере студенток из Швеции и Украины мы обнаружили, что у женщин личные предпочтения в отношении мобильности выше, чем у мужчин. Наши результаты показывают, однако, что у шведских женщин отсутствуют предпочтения в области эмиграции, в то время как украинские женщины обладают высокой степенью таких предпочтений. Мы уверены, что «утечка» женщин вызвана не только возможностью повысить личное благосостояние, а потребностями, которые может удовлетворить система социальной защиты, направленная на заботу о детях и на возможность трудоустройства женщин.

Ключевые слова: эмиграция, «утечка» женщин, миграция, мобильность, Швеция, Украина.

Анотація

Будь-яка країна хотіла б зберегти громадян з високим рівнем активності й освіти. В Україні існує модель мобільності, яку можна назвати «відплив» жінок. На прикладі студенток із Швеції та України ми виявили, що у жінок особисті переваги відносно мобільності вище, ніж у чоловіків. Наші результати показують, проте, що у шведських жінок відсутні переваги у області еміграції, тоді як українські жінки володіють високим ступенем таких переваг. Ми впевнені, що «відплив» жінок викликаний не тільки можливістю підвищити особистий добробут, а потребами, які може задовольнити система соціального захисту, направлена на турботу про дітей і на можливість працевлаштування жінок.

¹ The paper has benefited from comments by Yuliya Ponomareva.

Ключові слова: еміграція, «відплив» жінок, міграція, мобільність, Швеція, Україна.

Annotation

Every country would like to retain citizens with high action capacity and education. Ukraine is experiencing a mobility pattern that can be termed a Female drain. Through a sample of students from Sweden and Ukraine, we find that females have higher mobility preferences than males. Our results shows, however, that Swedish females lack an emigration preference, while Ukrainian females have a very high preference for emigration. We believe that Female drain is not solely induced by opportunities of individual wealth, but is driven by needs that can be satisfied by a welfare state directed towards childcare and

Key words: Emigration, Female drain, Migration, Mobility, Sweden, Ukraine.

Introduction

Since the beginning of the 90's Ukraine has been a migrating society ('*zarobitchany*'). It has been found that the majority of migrants are women. For example, in Italy the year 2006 the Ukrainian migrants were the fourth largest immigrant society in Italy, and consisted of 84,6% women, and through a survey 2003 it appears to be dominated by highly educated, married women working in mainly domestic and care industry (Montefusco, 2008).

There are indications that the flow of migrants are changing and more young women are leaving Ukraine. The mobility of older, married women can be regarded in one sense to have a negative impact since it creates broken families, where the husband and children are left in Ukraine, separated from the woman. On the other hand the migrated women support their families financially through sending money back to Ukraine. With an outflow of younger women, Ukraine runs the risk of losing these women, i.e., their mobility turns from migration to emigration. This constitutes a Female drain, with long term consequences.

Studies (e.g. Górný & Kepnińska, 2004) have found that women have a higher mobility propensity than men. It can be explained by factors such as men being situated in closer networks which restrict their mobility propensity, while women have both work and marriage opportunities through mobility.

We present a survey of Ukrainian and Swedish students and their preferences for mobility. In this survey we distinguish two forms of mobility, *migration*, which is to leave the country with the intention of coming back, and *emigration*, which is to leave the country for a long-term settlement abroad. Our findings support earlier findings, that females have higher mobility preferences. We find, however, that females differ in emigration preferences. While Swedish women do not have an emigration preference, Ukrainian women have a very high preference for emigration. Since the survey is made on a very small sample, the conclusions cannot be generalised. We believe, however, that it can indicate political actions possible in order to reduce the Female drain.

Hypothesis about gender difference in preference for mobility

Human behaviour varies due to rational choice, as developed in economics (Becker, 1973), social expectations, as developed in sociology (Eagly & Wood, 1999) and genetic predispositions, as developed in evolutionary psychology, originally based on biology (Hamilton, 1964).

Males have a lower mobility tendency due to their dense networks, which give them an identity, but tie them to the locality of the network. Females have less dense networks, which makes them less locally tied. These tendencies can be explained by using the evolutionary psychology image of human development, where human behavioural dispositions were created in a hunter-gather society where males had to interact in tight hunting groups, and females gathered food and took care of children (Nicholson & White, 2006).

In patriarchal societies, the tradition is that males are the nucleus of the family, while females move between families, most visibly expressed by heritage customs where men but not women can assume heritage. Additionally, it is also a custom to let the man move in order to find support for the family. In situations where males can find support for their family, they have low tendency to be mobile.

Females can have a higher preference for mobility than men when experiencing harder resource situations. This can be explained by the fact that females have, in patriarchal societies with tendencies of equality, opportunities to find work or to get married, where the female do not have a

a strong pressure to support the family. Thus, the female can invest in education and move when she is young, in order to make use of her market skills in a wealthier environment. Her education can be a competitive advantage on the labour market, and both education and youth can become competitive assets in the marriage market. The opportunity for men is more restricted due to the presence of a strong tradition of men supporting the family.

Thus, we believe that females have higher propensity to move, and that it is most pronounced by young females, especially those experiencing restrained resource conditions.

H1. Females have higher preferences for mobility than males

Other factors influencing preferences for mobility

In order to be able to identify gender influence, we need to control for other factors that can influence mobility preferences. We consider four control hypotheses: Age, national economic conditions, self-esteem and patriotism.

Age would influence the preference for mobility in the sense that with increasing age, the individual have invested more in the local area, have more relationships with persons living in the area, and made material investments such as houses or apartments. The individual could also have started a family which makes the individual tied to the area, with only exception of a depressed resource situation. Overall, we expect increasing age to decrease propensity to be mobile.

Control 1. Age is negatively correlated with preferences for mobility

National economic situation induce mobility in the sense that more prosperous opportunities induce mobility. Since our data sample includes Swedish and Ukrainian individuals, the overall economic situation can be assumed to be more preferable for Swedish individuals than for Ukrainian individuals in Ukraine. The Swedish gross domestic product per capita is about four times higher than the Ukrainian. Thus, we believe that, due to constrained resource situation, Ukrainians will have a higher propensity to be mobile.

Control 2. Ukrainians have higher preferences for mobility than Swedes

Mobility could be an outcome of self-esteem, where an individual assumes higher risk than a rational evaluation of both capacity and opportunity would suggest. It has been found that entrepreneurs have a tendency to overstate their capacity and opportunity (Bernardo & Welch, 2001). Thus, not only the most entrepreneurial individual could assume the risk inherited in a move, but also individuals that overstate their opportunities. We therefore believe that individuals with high self-esteem have a higher propensity to be mobile.

Control 3. Self-esteem is positively correlated with preferences for mobility

Patriotism could be defined as a propensity to disregard one's own utility and promote an assumed interest of the region or the country (cf. Kuzio, 2002). While it could imply that an individual leaves the country in order to gain more resources, such as education, network or material resources, patriotism could imply a tendency to return to the country in order to promote the development of the country. Thus, patriotism will be expected to reduce the propensity of mobility, especially mobility implying leaving the country without intention to come back.

Control 4. Patriotism is negatively correlated with preferences for mobility

Method

A survey instrument was developed and distributed to a set of students in Sweden and Ukraine. We first present the operationalization of the variables and then present the sample.

Preference for mobility is our dependent variable. It was observed through asking the question: What are your preferences for the next a few years? The response alternatives were A.) Permanent accommodation and job in your home country, B.) Permanent accommodation in your home country with an ability of a contract employment abroad, C.) Permanent accommodation abroad with an ability of a contract employment in your home country, D.) Permanent accommodation and job abroad, E.) Difficult to answer. Two variables were created:

Mobility: The alternatives were given value 0 for A (no migration), 2 for B (migration), 3 for C, (emigration with occasional return), and 4 for

D (definitive emigration).

Emigration: Response C. and D. were given 1, as indicating preferences for leaving the country, and 0 for alternative A. and B., indicating preference to stay in the country.

The independent variables are:

Gender: Females were given the value of 1 and male 0.

Age: An ordinal scale where 1= 19 years or less, 2=20-24 years and 3= more than 24 years.

Nationality: Ukrainian origin=1 and Swedish origin=0.

Grade: Self-esteem was observed through a proxy, using the question: Do you get high grades, medium grades or low grades in average? High grade=3, medium=2 and low grade=1. This variable could be an indication of self-esteem, but also a measure of actual capacity. In both cases a positive correlation could be expected with mobility and emigration.

Patriotism: This was observed through the question: Do you consider yourself as a patriot of your country? Response Yes=1 and No=0.

The sample consists of students from two universities. The Ukrainian students were students of The Kharkiv University of Humanities «People's Ukrainian Academy», situated in Kharkiv and focused on humanity subjects. The Swedish students were students of Kristianstad University College, located in the south of Sweden, with a focus on business education. Responses that could be used in all analyses were 58 responses from Ukrainian students and 25 from Swedish students, thus 83 responses.

Most of the Ukrainian students are from Kharkiv situated in the northern part of Ukraine, where a more positive attitude towards Russia has been a tradition, compared to west Ukraine, with a more Western Europe positive attitude, and even with an independent attitude towards Eastern Ukraine, *Galician nationalism* (Shulman, 2006). It is, however, unlikely that this cultural heritage would influence some of our variables. It could maybe influence **Patriotism**. Ukraine is a recent emerging independent country, in a process of creating a national identity that separates it from the old power of Russia, which can be observed in such processes as self-identification of ethnicity (Stebelsky, 2009). This self-identification could increase patriotism. But patriotism could be lower in east Ukraine than west, due to tradition to emphasise the cultural relationship with Russia. On the other hand, the Kharkiv

region, where the samples of Ukrainian students are situated, has also had strong independence movements, which could promote patriotism. Studies have also found Ukrainians in general to have a balanced view, with no emphasis on strong extreme attitudes towards submission or aggressive independence from Russia (Wilson, 2002). Patriotism could, however, be expected to be more emphasised by Ukrainian students than Swedish students since the nationality of Swedes have never been put in question, but Ukrainian identity has for long been an issue.

The Ukrainian university is a private university, presumably attracting students from middle class families. The Swedish university is a university with low prestige, located on the country side, presumably attracting students from lower classes. Since we can expect higher mobility with higher class affiliation, the variable of *Nationality* could be expected to show a higher preference for mobility.

Finally, the knowledge of foreign language, especially English, could be assumed to increase the preference for mobility. Since all students in the sample are assumed to be rather fluent in English, this will not influence the preferences in our sample.

Analysis

The low number of observations put a strain on the possibilities to make

Table 1

Descriptive statistics

Variables	Mean	Std.D.	2	3	4	5	6	7
1. <i>Mobility</i>	0,96	1,11	90 ^b	29 ^b	-22 ^c	17	5	-8
2. <i>Emigration</i>	0,25		X	24 ^c	-21	20	13	0
3. <i>Gender</i>	0,46			X	-16	18	9	-12
4. <i>Age</i>	1,78	0,72			X	-53 ^b	-15	-7
5. <i>Nationality</i>	0,70					X	16	6
6. <i>Grade</i>	2,28	0,67					X	15
7. <i>Patriotism</i>	0,24							X

n=83, ^ap < 0.001, ^bp < 0.01, ^cp < 0.05, ^dp < 0.1; correlation coefficients are multiplied with 100

robust analyses. Below is the descriptive statistics.

Descriptive statistics shows that the *Mobility* index, that can vary between 0 to 3 have an average of 0,96, implying that overall the sample does not have high preferences for mobility. *Emigration*, those willing to leave the country is, on the other hand 25%. The *Gender* variable indicates a balanced sample, where 46% are females. As mentioned above, the sample is not well balanced when it concerns *Nationality* since 70% of the respondents are Ukrainians. The *Grade*, our indicator of self-esteem, being 2,28 on a 1-3 scale, indicates that they consider themselves to be slightly over average performers. *Patriots* are 24% of the sample.

Inspecting the correlations, *Mobility* is significantly correlated with *Gender*, in the predicted direction, where females appear to score higher on *Mobility* and *Emigration*. *Age* in negatively correlated, also according to expectations. The significant correlation between *Nationality* and *Age* indicates that Ukrainian students are younger than the Swedish students, which is a consequence of the different educational systems, where Ukrainian students enter younger into university education. It could be noted that the signs of our control variables are in accordance to our expectations.

We start by presenting one model where OLS is used in order to find correlation between the dependent variable *Mobility*, and the explanatory variable, *Gender*, and the four control variables, *Age*, *Nationality*, *Grade* and *Patriotism*. This model is applied on the Total sample, and then on the two nationalities, the Ukrainian sample and the Swedish sample. By this model, we test our hypotheses.

Inspecting the model of *Mobility* it can be found that the regression model on the full sample is significant on a low level, but that *Gender* is significantly positive, i.e., females have a higher preference for mobility than males. The other variables are not significant, but with expected signs. When separated into the two national samples, *Gender* is distinctively significant in the Ukrainian sample, but not in the Swedish sample. Overall, the Swedish sample model is not significant. Thus, the control variables appear to be with proper sign but not significant. The hypothesis of *Gender* cannot be falsified, but it appears that it can only be accepted for the Ukrainian sample and have to be rejected for the Swedish sample.

Table 2

Models of Mobility and Emigration

MODEL	MOBILITY						EMIGRATION			
	FULL SAMPLE		UKRAINIAN		SWEDES		FULL SAMPLE	UKRAINIAN	SWEDES	
VARIABLES	St B.	VIF	St B.	VIF	St B.	VIF	B.	St B.	St B.	
Constant	St E.		St E.		St E.		St E.	St E.	St E.	
	0,25 ^c	1,07	0,34 ^b	1,03	-0,58	1,04	1,00 ^d	1,58 ^e	-19,44	
<i>Gender</i>	(0,67)		(0,3)		(0,41)		(0,56)	(0,66)	(13452,9)	
	-0,17	1,41	-0,12	1,01	-0,24	1,06	-0,47	-0,27	-0,68	
<i>Age</i>	(0,2)		(0,24)		(0,35)		(0,46)	(0,51)	(1,25)	
	0,04	1,42	X	X	X	X	0,59	X	X	
<i>Nationality</i>	(0,31)		X	X	X	X	(0,79)	X	X	
	0,002	1,06	-0,02	1,02	0,01	1,07	0,34	0,36	0,71	
<i>Grade</i>	(0,18)		(0,22)		(0,33)		(0,43)	(0,50)	(1,47)	
	-0,07	1,05	-0,13	1,03	0,14	1,10	0,01	-0,67	2,16	
<i>Patriotism</i>	(0,28)		(0,34)		(0,49)		(0,64)	(0,79)	(1,56)	
n	83		58		25		n	83	58	25
adj R2	0,067		10,3		-0,09		χ^2	9,29 ^d	8,92 ^d	6,40
F-stat	2,17 ^a		2,63 ^c		0,49		Predicted	72,3%	70,7%	96,0%

^ap < 0.001, ^bp < 0.01, ^cp < 0.05, ^dp < 0.1

The next set of models in table 2 is a more restricted analysis, correlating *Emigration* with the independent variables, trying to single out factors that predict those with strong mobility preferences. This is a logistic regression technique where the dependent variable is a dummy variable. Here it can be found that the best model is the model with the restricted sample of only Ukrainians. The Swedish sample model is not significant and has absurd values on the *Gender* variable. The conclusion from these analyses is that the control variables do not control satisfactory, and that in this data sample, we have only indications that *Gender*, especially in the Ukrainian sample, is correlated with *Emigration*.

Our analyses indicate that the strongest variable influencing *Mobility*, and especially *Emigration* is *Gender*. Thus, we disregard the other variables and focus on nationality and gender. We now show in table 3 the distribution of individuals separated by *Nationality*, *Gender* and *Emigration*.

Table 3 shows the share of males and females that have a preference to emigrate from their country. The full sample hides the fact that the

Table 3

Distribution of Nationality and Gender on Emigration

	Emigration		
	Full Sample	Ukrainian	Swedes
Female	36,8%	46,7%	0%
Male	15,6%	14,3%	17,6%
χ^2	4,94 ^c	7,1 ^b	1,6
Sign.	0,026	0,008	0,205

^ap < 0.001, ^bp < 0.01, ^cp < 0.05, ^dp < 0.1

distribution is due to Ukrainian females. The distribution of males is about the same in both countries. The difference is emphasised, however, in females, where almost each second female in Ukraine have emigration preferences, but no Swedish female consider emigration.

It should be noted that males do not differ between the countries, which indicates that our initial assumption of class influencing the responses was not found.

In the survey, more questions were asked. If we select all females and inspect, irrespective of their actual preferences for mobility, how they responded on the question: «If you consider going abroad, please mark the reasons for going there». Of the alternatives where there were no significant difference where 'to get an experience', 'to get education', 'to experience a different culture', 'to have some fun', 'to establish network', 'high social security' and 'higher salary'. Significant differences were found on 'to live in a better society' and 'better future for my kids'. Interesting to note is that no Swedish female ticked the box for 'better future for my kids'.

Conclusions

In the beginning of the 90's it was claimed that the «...apocalyptic predictions forecasting mass emigration appear un-warranted» (Shamshur, 1992:258), and the author did not even mention the risk of a Female drain. Through other studies (Górny & Kępińska, 2004; Kröhnert & Vollmer, 2012;

Montefusco, 2008) we have indicated that there is an emigration wave. And others have found what we have found here, that females have a high preference for mobility and even for emigration. What we can show here is that the pattern of mobility is gendered, but only for Ukrainian females. Our results can be summarised in the sentence that while Ukrainian females could emigrate, partly for the reason of establishing security for their kids, Swedish females do not consider emigration. One reason to our findings could be that emigration does not make Swedish females better off, and especially not for their potential kids. Ukrainian females could imagine that both they and their potential kids would gain by emigration. One reason for this could be the welfare state of Sweden, where females can work and earn their independence, while their kids are looked after and educated in rather well functioning kindergartens and schools. Hospitals are available at low costs and females, as well as males, have long maternity leave. Thus, family life with working parents can be accomplished in Sweden. To this add the high standard of living, as well as a comparative high standard of life.

The major limitation of this study is that it does not consider more factors of mobility, and that it contains a very limited and biased sample. It cannot create general conclusions. On the other hand, it has to be stressed that it contains potential migrants from two countries. By this, we avoid the tendency to only focus on migrants (White, 2010) from one country. We can therefore compare two categories, and in this case, we found a very strong difference that we think can indicate an explanation of mobility pattern.

The conclusion appears to be rather pessimistic for Ukraine. Ukraine loses important individuals, highly educated, action oriented females who could have been of great use in and for Ukraine. It is, however, not as depressing as it appears. It has been found that interests in mobility and emigration induce individuals to more education, in order to increase the market value. But all of them will not leave, thus the effect is an increase in education level (Krühnert & Vollmer, 2012).

On the other hand, the same authors also show the dark side of female emigration from eastern Germany to western Germany. It will reduce the reproductive rate in eastern Germany and it will leave the region with young abandoned men that will turn to extreme right wing parties (Krühnert

& Vollmer, 2012).

The policy implications are easy to write but hard to implement. Sweden could consider stimulating individuals, especially females, to increase their preferences for mobility. It will increase their labour value, and since they will return for establishing a family, this value will be used in Sweden. Ukraine has to establish a society where females feel secure and especially where they find a place for their kids. Hospitals, kindergartens, maternity leave and good schools are presumably what will reduce the Female drain.

References

1. Becker, G.S. (1973) A theory of marriage: part I, *Journal of Political Economy*, 81: 813–846.
2. Bernardo, A. E. & Welch, I. (2001) On the evolution of overconfidence and entrepreneurs, *Journal of Economics & Management Strategy*, 10(3):301–330.
3. Górný, A. & Kepnińska, E. (2004) Mixed marriages in migration from the Ukraine to Poland, *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 30(2):353–372.
4. Hamilton, W. D. (1964) The genetic evolution of social behaviour. I, *Journal of Theoretical Biology*, 7:1–16
5. Kröhnert, S. & Vollmer, S. (2012) Gender-specific migration from eastern to western Germany: Where have all the young women gone? *International migration*, 50(5):95–112.
6. Kuzio, T. (2002) Nationalism in Ukraine: Towards a new theoretical and comparative framework, *Journal of Political Ideologies*, 7(2):133–161.
7. Montefusco, C. (2008) Ukrainian migration to Italy, *Journal of Immigrant & Refugee Studies*, 6(3): 344–355.
8. Nicholson, N., & White, R. (2006). Darwinism – A new paradigm for organizational behavior? *Journal of Organizational Behavior*, 27, 111–119
9. Shamshur, O. V. (1992) Ukraine in the Context of New Europe, *International Migration Review*, 26(2): 258–268.
10. Shulman, S. (2006) Cultural comparisons and their consequences for nationhood in Ukraine, *Communist and Post-Communist Studies*, 39:247–263.
11. Stebelsky, I (2009) Ethnic Self-Identification in Ukraine, 1989-2001: Why More Ukrainians and Fewer Russians? *Canadian Slavonic Papers / Revue Canadienne des Slavistes*, 51(1):77–100.
12. White, A. (2010) Young people and migration from contemporary Poland, *Journal of Youth Studies*, 13(5):565–580.
13. Wilson, A. (2002) Elements of a theory of Ukrainian ethno-national identities,

Nations and Nationalism, 8(1):31–54.

УДК 378.147.016:821.133.1

*И. Л. Ануфриева***ВЛИЯНИЕ КУРСА «ЛИТЕРАТУРА ФРАНЦИИ»
НА ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ
СОСТАВЛЯЮЩЕЙ СТУДЕНТА-ФИЛОЛОГА****THE INFLUENCE OF THE FRENCH LITERATURE
COURSE ON THE FORMATION OF THE EDUCATIONAL
COMPONENT OF THE HUMANITARIANS****Аннотация**

Статья посвящена переосмыслению роли французской литературы в современном обществе, в том числе, в сфере образования. Описаны характерные особенности одной из самых старых литератур в Европе. Отражены не только теоретические, но и практические аспекты относительно преподавания курса «Литература Франции». Автор уделяет значительное внимание ориентированности методов преподавания вышеупомянутого лекционного курса с учетом целевой аудитории. Потому в статье отмечается, что на протяжении теоретического курса следует предоставлять студентам возможность прослушивать музыкальные произведения, а именно: оперы, рок-оперы и мюзиклы. Кроме того, автор рекомендует просмотр художественных фильмов, сценарии которых базируются на произведениях современных писателей (Ф. Бекбедер, А. Гавальда, М. Леви и Б. Вербер) на языке оригинала.

Выводы и доработки поданной статьи можно рекомендовать для преподавания других курсов, а именно: «Страноведение», «Художественный перевод», «Практический курс французского языка».

Ключевые слова: ценностный ориентир, художественная ценность, сфера человеческих знаний.

Анотація

Стаття присвячена переосмисленню ролі французької літератури в сучасному суспільстві, в тому числі, у сфері освіти. Описано характерні особливості однієї з найстаріших літератур у Європі. Висвітлено не лише теоретичні, але й практичні аспекти щодо викладання курсу «Література Франції». Автор приділяє значну увагу зорієнтованості методів викладання вищезазначеного лекційного курсу з урахуванням цільової аудиторії. Тому у статті наголошується, що протягом теоретичного курсу слід надавати

студентам можливість прослуховувати музичні твори, а саме: опери, рок-опери та мюзикли. Крім того, автор рекомендує перегляд художніх фільмів, сценарії яких базуються на творах сучасних письменників (Ф. Бекбедер, А. Гавальда, М. Леві та Б. Вербер), мовою оригіналу.

Висновки та доробки поданої статті можна рекомендувати для викладання інших курсів, а саме: «Країнознавство», «Художній переклад», «Практичний курс французької мови».

Ключові слова: ціннісний орієнтир, художня цінність, сфера людських знань.

Annotation

The main role of the French Literature in the modern society as well as in the sphere of education have been reconsidered in this article. Peculiarities of one of the most brilliant European literatures have been determined. The theoretical alongside with practical aspects of the French Literature Course teaching have been taken into consideration. The author pays significant attention as to directing the teaching methods of this particular course towards the audience.

That is why in the article is claimed that during the theoretical course there is a necessity to provide students with the musical works such as operas, rock-operas and musicals. Besides that the author recommends to watch the features films in original version, based on the modern writers books (F. Beigbeder, A. Gavalda, M. Levy and B. Werber).

The conclusions could be recommended while teaching other special courses as Country Studies, Practical French and Translation.

Key words: value, artistic value, the sphere of human knowledge.

Литература – родная сестра Искусства, от живописи и музыки ее отличает то, что она говорит языком человеческой речи, ее произведения сотканы из слов. Литература способна очень серьезно влиять на своего читателя. Специалистами уже научно доказано, что художественная литература способна существенно влиять на массовое сознание, создавать ориентиры для развития людей. И если литература действительно учит прекрасному, учит распознавать добро и зло, представляя собой квинтэссенцию мыслей и размышлений лучших умов человечества, то сегодня она представляется одним из наиболее эффективных средств, которые могут сделать этот мир лучше, добрее. Ещё М. Горький писал: «Цель литературы – помогать

человеку понимать самого себя, поднять его веру в себя и развить в нем стремление к истине, бороться с пошлостью в людях, уметь найти хорошее в них, возбуждать в их душах стыд, гнев, мужество, делать все для того, чтоб люди стали благородно сильными и могли одухотворить свою жизнь святым духом красоты» [2].

Французская литература – одна из величайших литератур мира. Приняв эстафету от античной литературы, она начала самостоятельное существование в средние века и продолжает сохранять свое высокое предназначение спустя столетия в совершенно изменившейся обстановке наших дней. Для русских читателей – это одна из наиболее освоенных литератур. Достаточно прочные русско-французские литературные связи установились еще в XVIII веке, а с XIX века они стали неотъемлемой частью культур двух стран, взаимнообогащающихся в этом взаимодействии и взаимоотражении эстетически и духовно.

Французская литература, одна из старейших в Европе, всегда претендовала на престижное звание – законодательницы литературной моды. Российские читатели в разные времена зачитывались книгами А. Дюма и П. Мериме, О. де Бальзака и Э. Золя, А. де Сент-Экзюпери и Э. Базена, М. Дрюона и Ф. Саган.

Своеобразие современной французской литературы заключается в богатейшем наследии и традиционной приверженности гуманистическим идеалам. Это позволяет ей и сегодня занимать одно из ведущих мест на мировой литературной арене.

Французские авторы совершенно не похожи друг на друга. Темы, которые каждый из них поднимает в своем творчестве, – неординарны, актуальны и рассмотрены с необычной точки зрения. Среди них есть писатели уже причисленные к классикам – или «почти классики»: Ромен Гари, Патрик Модiano, Мишель Уэльбек, Жан-Филипп Туссен.

На литературном небосклоне современной Франции сияют такие звезды, как Амели Натомб, «способная превратить легкий занимательный рассказ в маленький философский трактат» [3], Анна Гавальда, иронические, изящные и жестокие зарисовки которой – десерт для литературных гурманов, приготовленный с истинно

французским шармом. Мистические романы Барнара Вербера – смесь приключенческого романа и философского эссе. О романах китайки Шань Са, живущей уже более семи лет во Франции, говорят, что в них китайская сдержанность сочетается с французской игривостью. А корни прозы Марка Леви литературные критики ищут во французском экзистенциализме, т. е. в «философии существования».

Цель курса «Литература Франции» предполагает расширение знаний студентов в области эстетики и культуры страны, обогащение словарного запаса студентов терминологией из сферы человеческих знаний, необходимой для свободного живого общения (в связи с этим курс читается на французском языке), развитие умений читать и анализировать литературные тексты и способствует расширению обществоведческих знаний об историко-культурологическом развитии Франции. Курс строится на базе знаний студентов, полученных в ходе изучения дисциплин общественного цикла в средней школе и, прежде всего, всеобщей истории и географии. Обширность программного материала, разнообразие тематики позволяют осуществить тесные связи между данным курсом и практическим изучением языка.

Современная французская литература очень популярна среди российских читателей. Ведь им не только любопытно, чем дышат современники, что они едят, как развлекаются, но и какими проблемами мучаются, что думают о жизни и смерти. И главное, как выражают свое отношение к окружающему.

Современная литература – явление чрезвычайно неоднозначное. С одной стороны, литература и авторы стали более раскрепощенными, больше не ограничены ни цензурой, ни какими-либо рамками или канонами, как это было на протяжении многих веков в предыдущие годы. С другой же стороны, именно в связи с тем, что литература ничем и никем не ограничена, сегодня на рынке можно увидеть сотни наименований произведений, которые не только не имеют никакой художественной ценности, но и негативно влияют на современных читателей, формирование их художественного вкуса и на весь литературный процесс в целом.

Изменился и современный читатель. Несмотря на то, что новый век информационных технологий дал людям безграничный доступ

к лучшим библиотекам мира, возможность читать электронные книги и быть в курсе всего, чем живет современный литературный процесс, молодые люди практически перестали читать книги.

Современные студенты в большинстве своем не читают вообще, умудряясь удачно и без ущерба успеваемости пропускать даже издания, ознакомление с которыми предполагает учебный курс. И это сказывается не только на общей грамотности современных молодых людей, но и на их мировоззрении, ценностных ориентирах, морали.

Учитывая, что нашим студентам, в большинстве случаев, приходится учить иностранный язык в искусственных условиях, то при изучении курса литературы изучаемого языка желательно использовать музыкальные произведения, концерты, мюзиклы, оперы, рок-оперы: «Roméo et Juliette», «Notre-Dame de Paris», «Petit Prince», «Cléopâtre, la dernière reine de l'Égypte»; просмотры художественных фильмов с оригинальной версией современных французских писателей, например, «Ensemble, c'est tout», «Je l'aimais», «99 francs», «L'amour dure 3 ans».

Литература вносит свою лепту в воспитание и развитие новых поколений, помогает открыть новые горизонты совершенствования человека, оставляя и свой заметный след для будущих поколений. От современной литературы требуется новый взгляд на обыденные вещи. Как бы ни менялся человек, и как бы ни смотрело на жизнь время, вечные ценности остаются неизменными. Он живет, наслаждается жизнью до тех пор, пока чувствует под ногами твердую почву. Но стоит этой почве пошатнуться, как человек открывает страницы откровения. И, конечно же, лучшим путеводителем в поисках истины всегда был и остается огромный пласт культурного наследия, несущий в себе опыт многих поколений.

В литературном произведении могут быть поставлены проблемы, которые жизнью еще не ставятся или являются «открытыми», неразрешимыми на данном этапе, но приобретающие тем самым еще более тревожащее, животрепещущее, притягательное значение некой тайны. Необходимо, чтобы в книге одна дверь оставалась открытой и люди могли из нее выйти и отправиться на свои счеты с жизнью. «Литература в отличие от логики никому не предлагает готовых решений. Мы не можем подарить людям прекрасное утро, но мы можем поднять их пораньше. Пробудить людей и проблемы» [4].

Список литературы

**Економічні та правові
проблеми розвитку
українського соціуму**

Г. В. Строкович

**УПРАВЛІННЯ ЗНАННЯМИ ЯК ОСНОВА
ПІДВИЩЕННЯ ЯКОСТІ ФУНКЦІОНУВАННЯ
ПІДПРИЄМСТВА**

**KNOWLEDGE MANAGEMENT AS A FOUNDATION
FOR THE QUALITY OF ENTERPRISE FUNCTIONING
IMPROVEMENT**

Аннотация

Цель написания данной статьи – уточнение категории «управление знаниями», определение общих черт концепций управления качеством и управления знаниями, формирование знаниеориентированной модели стратегического управления качеством функционирования предприятия. Метод: анализ, обобщение, сравнение.

Управление знаниями – это осознанная целенаправленная деятельность на постоянной основе в отношении поиска, создания, сохранения, распределения и использования данных и информации с учетом компетенции персонала, который способствует повышению качества функционирования предприятия.

В статье сформирована знаниеориентированная модель стратегического управления качеством функционирования предприятия, которая является основой оптимизации информационного обеспечения, разработки адекватной системы мотивации, нацеленной на приобретение навыков работы в команде и постоянное совершенствование компетенций.

Важнейшим условием повышения качества функционирования предприятия является осуществление непрерывного процесса улучшений, который основан на создании, привлечении, распространении и использовании новых знаний.

Ключевые слова: функционирование, предприятие, качество, управление, знание.

Анотація

Мета написання даної статті полягає в уточненні категорії «управління знаннями», визначенні спільних рис концепцій управління якістю та управління знаннями, формуванні знанієорієнтованої моделі стратегічного управління якістю функціонування підприємства. Метод: аналіз, узагальнення, порівняння.

Управління знаннями – це усвідомлена цілеспрямована діяльність на постійній основі щодо пошуку, створення, збереження, розподілу та використання даних та інформації з урахуванням компетенції персоналу, яка сприяє підвищенню якості функціонування підприємства.

У статті сформовано знанієорієнтовану модель стратегічного управління якістю функціонування підприємства, яка є підґрунтям оптимізації інформаційного забезпечення, розробки адекватної системи мотивації, націлена на придбання навичок роботи у команді та постійне вдосконалення компетенцій.

Найважливішою умовою підвищення якості функціонування підприємства є здійснення безперервного процесу поліпшення, який засновано на створенні, залученні, розповсюдженні та використанні нових знань.

Ключові слова: функціонування, підприємство, якість, управління, знання.

Annotation

The purpose of this article is to specify the category ‘knowledge management’, to determine common features that the concepts of qualitative management and knowledge management have, to form a knowledge-focused model of strategic management of the enterprise functioning quality. The methods used are those of analysis, generalization and comparison.

Knowledge management is a conscious-aimed activity on a permanent basis regarding search, creation, preservation, distribution and usage of data and information together with the competence of personnel, which contributes to the enterprise functioning quality.

A knowledge-focused model of the enterprise strategic quality management has been formed in this paper. It is the basis for informational support optimization and the development of an adequate motivation system aimed at the acquisition of skills in teamwork and continuous improvement of competences.

The most important condition for improvement of the enterprise functioning quality is a continuous process of improvement based on creation, attraction, distribution and usage of new knowledge.

Key words: development, enterprise, quality, management, knowledge.

Суттєві зміни в організації функціонування підприємств відбулися з початку ХХ ст. В умовах стрімкого розповсюдження інформаційних технологій трансформувалися не лише способи та форми функціонування підприємств, особливо змінилися уявлення, що стосуються подальшого розвитку персоналу, який вимушений постійно вдоско-

налювати рівень компетенції. На зміну існуючому стереотипу, коли навчання здійснювалося за відпрацьованою схемою, поступово усвідомлюється відповідальність за підвищення компетенції безпосередньо кожним працівником. В умовах, коли знання стають найбільш цінним активом будь-якого підприємства, зростає необхідність планування удосконалення вмій і навичок персоналу, які сприяють підвищенню якості функціонування підприємства. Тому доцільним представляється врахування концепції управління знаннями в процесі стратегічного управління якістю функціонування підприємства.

Проблему вдосконалення управління знаннями досліджували як закордонні, так і вітчизняні вчені. Такі як Ю. П. Адлер, У. Букович, В. М. Геєць, К. Джанетто, Деніел Е. О'Лірі, Б. З. Мільнер, Н. Ікуджиро, М. К. Румізен, Ч. Севедж, В. П. Семиноженко, Т. Стюарт, Т. Хіротака, Р. Уільямс, Е. Уілер, Є. О. Черних та ін. Поряд з тим, вказана проблема є досить новою та недостатньо дослідженою, особливо вітчизняними вченими.

Мета написання даної статті полягає в уточненні категорії «управління знаннями», визначенні спільних рис концепцій управління якістю та управління знаннями, формуванні знанієорієнтованої моделі стратегічного управління якістю функціонування підприємства.

Аналіз наукових робіт дозволяє зробити висновок, що одним з найбільш сутєвих джерел підвищення якості функціонування підприємств є актуальні знання персоналу як відносно безпосередньо особливостей функціонування підприємства, так і відносно оточуючого середовища.

Ще зовсім нещодавно навіть незначне підвищення якості продукції за рахунок скорочення браку дозволяло підприємствам отримувати певні переваги над конкурентами [2]. Одним із пріоритетних факторів забезпечення високої якості була відсутність дефектів продукції. У наш час в умовах висококонкурентного середовища виробництво продукції з нульовою дефектністю є обов'язковою умовою для численних підприємств і вже не розглядається як його конкурентна перевага. Тому виникає питання пошуку нових підходів у забезпеченні якості функціонування підприємств, які були б основою створення актуальних конкурентних переваг.

Одним з підходів, який активно вдосконалювався наприкінці ХХ століття, став ресурсний підхід. Згідно з цим підходом ключовим чинником, який визначає якість функціонування підприємства, є наявність у нього унікальних ресурсів, використовуючи які, можна отримати певні переваги над конкурентами. Найбільш важливим ресурсом є знання, якими володіє персонал підприємства в значущих для нього областях [1]. При цьому слід зауважити, що важливим є не само по собі знання, а можливість його своєчасного використання тоді, коли воно потрібне для зростання якості функціонування підприємства.

Як зазначає В. В. Єфімов, у 90-ті роки ХХ століття в теорії і практиці менеджменту відбулося зміщення акцентів: якщо в попередні роки створення знання було прерогативою спеціальних наукових підрозділів, в основному галузевих, то протягом останнього періоду увага дослідників зосередилася на тому, як знання створюється, використовується і відтворюється всередині самих підприємств [2]. Якщо безпосередньо підприємство генерує нові ідеї, що приводять до зростання якості функціонування підприємства, то здатність пізнавати швидше за конкурентів є найбільш значущою конкурентною перевагою. Раніше знання розглядалися як деякий запас даних, інформації, які зосереджувалися у базах даних, а потім базах знань. У теперішній час змінюється погляд на знання, як на певний потік, під яким розуміється життя, або процес існування, самих знань [2]. При цьому спостерігається дуальність знання: з одного боку, це певний запас знань, а з іншого – це потік знань.

У зв'язку з наявністю явних і прихованих видів знань учені визначають чотири пізнавальних процеси, що протікають на підприємстві: соціалізація (процес передачі прихованого знання від одного індивідуума до іншого), екстерналізація (процес перетворення прихованого знання в явне), комбінування (спосіб передачі явного знання від одного індивідуума до іншого), інтерналізація (процес перетворення явного знання в приховану форму, наприклад, за допомогою навчання) [3].

Послідовне чергування цих чотирьох процесів створює спіраль знань. Знання створюються тільки індивідуумами. Роль підприємства

полягає у формуванні умов для створення знань, підтримці та заохоченні пізнавальних процесів, щоб створити умови для трансформації неявних знань у явні.

Більшість західних підприємств під поняттям «управління знаннями» розуміють цілий ряд системних процесів, таких як: створення нових знань, забезпечення доступу до цінних знань, що знаходяться за межами організації, використання наявних знань при прийнятті рішень, втілення знань у процесах, продуктах і послугах, подання знань у документах, базах даних, програмному забезпеченні і т. ін., стимулювання зростання знань за допомогою вдосконалення організаційної культури підприємства та системи заохочень, передача існуючих знань з однієї частини підприємства в іншу, вимірювання цінності інтелектуальних активів і впливу управління знаннями на результати функціонування [2].

На нашу думку, управління знаннями – це усвідомлена цілеспрямована діяльність на постійній основі щодо пошуку, створення, збереження, розподілу й використання даних та інформації з урахуванням компетенції персоналу, яка сприяє підвищенню якості функціонування підприємства.

Слід погодитися з думкою В. В. Єфімова, що значна кількість процесів перебувала в центрі уваги управлінської теорії та практики і в попередні роки [2]. Але акцент ставили насамперед на активізацію пізнавальної діяльності на підприємстві, а не на формування запасів знань. Поряд із тим слід указати, що ситуація, яка склалася в радянські часи наприкінці 80-х рр., характеризується суттєвим відставанням більшості вітчизняних підприємств від світового рівня виробництва, за винятком підприємств, що належали до ВПК, а в умовах функціонування ринкової економіки підприємства залишилися наодинці з ринком, без належного захисту держави від активного зростання імпорту товарів і суттєвих наукових розробок, що і вплинуло на якість їх функціонування. Все це свідчить про необхідність створення умов зростання якості на підприємстві, при цьому акцент треба ставити на високому рівні мотивації персоналу щодо придбання та розповсюдження актуальних знань.

Існує певна наступність у процесі розповсюдження знань на якість

функціонування підприємства. Загальним в управлінні якістю та управлінні знаннями є: орієнтація на споживача, активне залучення до діяльності керівників, підвищення значущості залучення співробітників, аналіз даних та інформації для прийняття правильних рішень, цілеспрямована комунікація для формування довіри, розповсюдження знань, досвіду, результатів діяльності та перспективних напрямків виконання робіт, прийняття помилок у якості основи для навчання, самооцінка як механізм управління постійним поліпшенням [2].

Рівень взаємозв'язку якості функціонування підприємства і знань, носіями яких є персонал, переважно залежить від керівництва підприємства та діючої корпоративної культури. Тому доцільним представляється формування знанієорієнтованої моделі стратегічного управління якістю функціонування підприємства, яка є підґрунтям оптимізації інформаційного забезпечення, розробки адекватної системи мотивації, націлена на придбання навичок роботи в команді та постійне вдосконалення компетенцій (рис. 1).

Отже, найважливішою умовою підвищення якості функціонування підприємства є здійснення безперервного процесу поліпшень, який засновано на створенні, залученні, розповсюдженні та використанні нових знань.

Список літератури

1. Адлер Ю. П. Управление знаниями: новые акценты поиска источников конкурентных преимуществ / Ю. П. Адлер, Е. А. Черных // Стандарты и качество. – 2002. – № 5. – С. 48–55.
2. Ефимов В. В. Улучшение качества проектов и процессов : учеб. пособие / В. В. Ефимов. – Ульяновск : УлГТУ, 2004. – 185 с.
3. Уорнер М. Виртуальные организации. Новые формы ведения бизнеса в XXI веке / М. Уорнер, М. Витцель. – М. : Добрая книга, 2005. – 296 с.

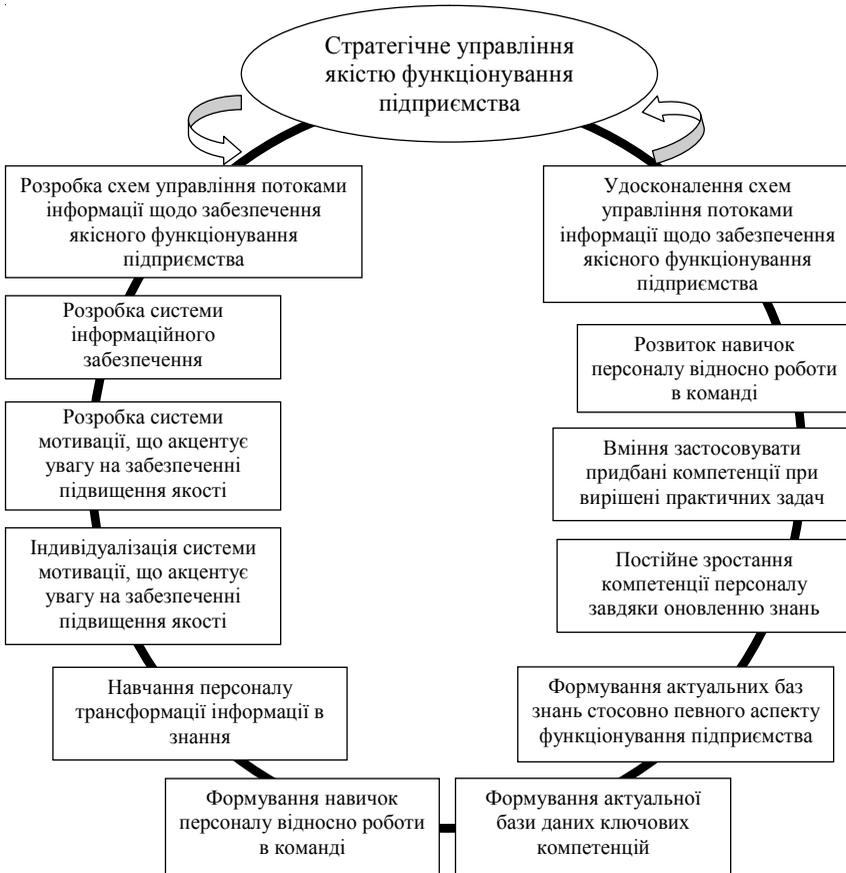

Рис. 1. Знанієорієнтована модель стратегічного управління якістю функціонування підприємства

УДК 174.4

*И. В. Тимошенко, О. Н. Нащекина***ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ
ИССЛЕДОВАНИЯ ЭТИКИ БИЗНЕСА****THE INSTITUTIONAL ASPECTS OF BUSINESS ETHICS
STUDIES****Аннотация**

Отношение к этическим проблемам ведения бизнеса определяется спецификой существующих в обществе экономических институтов. В свою очередь, господствующие в обществе модели поведения людей оказывают обратное воздействие на состояние всей системы институтов. Настроенность акторов следовать требованиям институтов, игнорировать эти требования или саботировать их обуславливает разные этические модели поведения акторов. Низкая эффективность действующих в обществе институтов обуславливает высокую степень избирательности акторов в отношении к обязательности соблюдения требований институтов и создает объективную основу укорененности телеологического подхода акторов к оценке институциональных ограничений в ситуациях морального выбора – допустимость или неприемлемость выбора конкретных средств для решения проблем определяется не оценкой самих этих средств (с точки зрения их легитимности или этичности использования), а оценкой того, насколько желательными или приемлемыми будут последствия применения этих средств.

Ключевые слова: деонтологический подход, институциональный анализ, качество институтов, телеологический подход, этика ведения бизнеса, этические модели поведения.

Анотація

Ставлення до етичних проблем ведення бізнесу визначається специфікою існуючих у суспільстві економічних інститутів. У свою чергу, панівні в суспільстві моделі поведінки людей надають зворотний вплив на стан усієї системи інститутів. Налаштованість акторів слідувати вимогам інститутів, ігнорувати ці вимоги або саботувати їх обумовлює різні етичні моделі поведінки акторів. Низька ефективність діючих у суспільстві інститутів зумовлює високий ступінь вибірковості акторів у ставленні до обов'язковості дотримання вимог інститутів і створює об'єктивну основу вкоріненості

телеологічного підходу акторів до оцінки інституційних обмежень у ситуаціях морального вибору – допустимість або неприйнятність вибору конкретних засобів для вирішення проблем визначається не оцінкою самих цих засобів (з точки зору їх легітимності або етичності використання), а оцінкою того, наскільки бажаними чи прийнятними будуть наслідки застосування цих засобів.

Ключові слова: деонтологічний підхід, інституційний аналіз, якість інститутів, телеологічний підхід, етика ведення бізнесу, етичні моделі поведінки.

Annotation

The attitude to ethical problems in business is determined by the specificity of the economic institutions existing in a society. In their turn, the models of people's behavior prevailing in a society make a reciprocal effect on the state of the entire system of institutions. The inclination of actors to abide by the requirements set by institutions, to ignore or sabotage them results in different ethical models of actors' behavior. A low effectiveness of institutions existing in a society determines the actors' selective compliance with the requirements of the institutions and creates objective grounds for the prevalent use of the teleological approach by actors facing a moral choice for the evaluation of institutional constraints – the acceptability or unacceptability of using certain means of solving a problem is not determined by the evaluation of the means itself (from the point of view of its legitimacy or ethicality) but rather by the assessment of the desirability and acceptability of consequences resulting from employing the means.

Key words: business ethics, deontological approach, institutional analysis, models of ethical behavior, quality of institutions, teleological approach.

Проблемы этики ведения бизнеса представляют значительный исследовательский интерес с точки зрения новой институциональной экономики – НИЭ, так как любая этическая проблема может быть представлена как следствие или результат состояния институтов, сочетания, взаимодействия или конфликта между их формальными и неформальными составляющими. Вместе с тем, возможность институционального анализа этики ведения бизнеса пока что не в полной мере реализована отечественными и зарубежными исследователями. Это обусловило выбор проблематики настоящей публикации, определило ее логику и структуру. Вначале будут определены

наиболее важные с точки зрения НИЭ аспекты этических проблем ведения бизнеса, затем представлены результаты эмпирического исследования отношения к этике бизнеса в условиях Украины и дана их интерпретация с позиций НИЭ.

При рассмотрении проблем этики ведения бизнеса в современных теориях управления все модели поведения людей в ситуации морального выбора принято сводить к двум основным подходам – телеологическому и деонтологическому. *Деонтологический – универсальный подход* (гр. деонтос – долг, должное) предполагает, что оценка этичности поведения всегда основывается на универсальных правилах, которые и определяют его смысл. Это означает, что, какими бы благими ни были цели, для их достижения ни при каких обстоятельствах не могут быть использованы неэтичные средства. Его своеобразной альтернативой выступает *телеологический – утилитарный подход* (телеология, гр. телос – цель, причина), при котором определение этичности поведения всегда носит ситуационный характер – основывается на оценке последствий того или иного конкретного поведения в конкретной ситуации, и, если поведение приносит пользу тем, кого оно затрагивает, то оно может рассматриваться как этическое, несмотря на сомнительность выбранных средств. Именно этот подход является наиболее типичным для экономических акторов в условиях Украины и составляет одну из фундаментальных основ воспроизводства того состояния, в котором пребывает вся система институтов общества. Это означает, что, с одной стороны, селективный характер действия институтов (избирательность правоприменительной практики, отказ от традиций и др.) является следствием низкого качества и слабой действенности всей системы институтов общества. С другой стороны, само качество и действенность институтов являются не только причиной, но и следствием, результатом хозяйственного поведения членов общества, так как вряд ли можно рассчитывать на действенность законодательства, если в оценке необходимости соблюдения требований того или иного закона члены общества исходят из того, насколько этот закон для них «хорош или плох», «выгоден или невыгоден».

В сентябре 2012 г. нами было проведено обследование харьковских

студентов «Отношение студентов к этическим проблемам ведения бизнеса в Украине», главной целью которого было выяснение особенностей отношения студенческой аудитории к формальным и неформальным институтам украинского общества. Методология исследования прошла предварительную апробацию в ходе ранее выполненных нами исследований, результаты которых были представлены научной общественности на международных конференциях и опубликованы в открытой печати [1; 2, с. 385–397; 3]. Инструментарий опроса был апробирован в ходе пилотного исследования, проведенного нами в 2002 г. [3]. В анкету был включен «паспорт» (пол, возраст, вуз, специальность, курс, совмещение учебы с работой) и 16 закрытых вопросов, имплицитно формулирующих одну и ту же общую проблему (допустимо ли нарушать требования формальных и неформальных институтов) применительно к разным ситуациям (в чьих интересах они будут нарушены и в каких целях). В ходе обследования было опрошено 446 студентов 17 ведущих вузов г. Харькова (примерно 0,2% всех харьковских студентов или около 0,02% студентов Украины). Анализ существования зависимости между характеристиками респондентов (пол, возраст, вуз и др.) и их мнением позволил установить единственную статистически значимую зависимость (при уровне значимости 1%): не только в среднем по всей анкете, но и по каждому из ее вопросов в отдельности оценки женской части аудитории существенно отличались от ответов мужчин – женщины оказались более нетерпимыми, чем мужчины, к возможностям нарушения требований институтов. В целом, полученные значения оценок допустимости нарушения требований институтов стали свидетельством того, что, с точки зрения респондентов, *вероятно, имело бы смысл следовать установленным правилам, а не нарушать их, хотя, конечно, особой уверенности в этом и нет*, а примерно в 40% ситуаций, предполагающих необходимость выбора – следовать требованиям институтов или же нарушить их, преследуя те или иные цели, – респонденты более или менее уверенно подтвердили свою готовность пойти на нарушения.

С точки зрения НИЭ, эти результаты могут быть интерпретированы следующим образом. В условиях крайне низкой зрелости

институциональной среды (произвол чиновников, тотальная коррупция, повсеместное нарушение требований законодательства, включая Конституцию и т. п.) в обществе со всей объективностью воспроизводятся условия для дальнейшего усиления нигилизма, подрывающего основы действенности институтов как фактора и условия позитивного развития экономики и общества в целом. Полученные результаты свидетельствуют также о явной недооценке значимости в ходе образовательной подготовки украинских студентов таких аспектов образования, как воспитание и просвещение. Это же служит основанием и для весьма пессимистических прогнозов на перспективу: усиление в студенческой среде нигилизма в отношении системы институтов общества, а также закрепление маргинальных и асоциальных ценностей, норм и стереотипов, касающихся их будущей профессиональной деятельности.

Список литературы

1. Тимошенко И. В. Стратегии поведения студентов на рынке образовательных услуг как проблема экономики образования / И. В. Тимошенко, О. Н. Нащекіна // Вісн. НТУ «ХПІ». – Х., 2010. – № 51: Технічний прогрес і ефективність виробництва. – С. 118–123.
2. Тимошенко И. В. Человек, институты и рынки в системе образования : монография / И. В. Тимошенко. – Харьков : Изд-во НУА, 2010. – 468 с.
3. Тимошенко И. В. Этика бизнеса глазами будущих менеджеров: результаты опроса украинских студентов / И. В. Тимошенко, О. Н. Нащекіна // Вісн. Дон. ун-ту. Серія В. Економіка і право. – Донецьк, 2002. – № 2-2/2002. – С. 281–285.

В. В. Астахов, В. Ю. Бабанина

ПОБЕДИМ ЛИ ПРАВОВОЙ НИГИЛИЗМ В ПОСТСОВЕТСКОЙ УКРАИНЕ?

CAN WE OVERCOME LAW NIHILISM IN POST-SOVIET UKRAINE?

Аннотация

Строительство правового социального украинского государства сталкивается с серьезными препятствиями, одним из которых выступает снижение уровня правовой культуры общества, напрямую связанное с ростом правового нигилизма. Весомый вклад в решение указанной проблематики вносит современная теория права, достаточно глубоко исследовавшая указанные проблемы в постсоветских государствах, в том числе в Украине. Однако непрекращающееся политическое противостояние в украинском обществе по вопросам языка, истории, вектора развития страны в совокупности с социальным расслоением, вызванным существенным снижением качества жизни, усилившемся в период экономического кризиса, обострили в нем указанные негативные тенденции. Этим обусловлена цель настоящего исследования – поиск новых путей преодоления правового нигилизма, особенно в молодежной среде.

В статье, которая является логическим продолжением исследования, начатого в 2011 году, рассматривается сущность правового нигилизма как отрицательного общественного явления, а также, наряду с анализом причин его роста, сделан акцент на возможных путях преодоления указанного негативного явления.

Ключевые слова: правовая культура общества, правовой нигилизм.

Анотація

Будівництво правової соціальної української держави стикається з серйозними перешкодами, однією з яких є зниження рівня правової культури суспільства, безпосередньо пов'язане зі зростанням правового нігілізму. Вагомий внесок у вирішення зазначеної проблематики вносить сучасна теорія права, яка досить глибоко дослідила зазначені проблеми в пострадянських державах, у тому числі в Україні. Однак безперервне політичне протистояння в українському суспільстві з питань мови, історії, вектора розвитку країни в сукупності з соціальним розшаруванням, викликаним істотним зниженням

якості життя, що посилилося в період економічної кризи, загострили в ньому зазначені негативні тенденції. Цим обумовлена мета цього дослідження – пошук нових шляхів подолання правового нігілізму, особливо в молодіжному середовищі.

У статті, яка є логічним продовженням дослідження, розпочатого в 2011 році, розглядається сутність правового нігілізму як негативного суспільного явища, а також, поряд з аналізом причин його зростання, зроблено акцент на можливих шляхах подолання зазначеного негативного явища.

Ключові слова: правова культура суспільства, правовий нігілізм.

Annotation

The building of a law-governed social state in Ukraine has faced serious obstacles, one of which is the decreasing rate of law culture in the society, which is directly related to the law nihilism growth. The present-day legal theory, which has studied the matters in question quite profoundly in post-Soviet states and in Ukraine in particular, has been contributing significantly to solving the problem mentioned. However, the perpetual political confrontation in the Ukrainian society on such issues as language, history, country development vector together with social stratification caused by a considerable fall of living standards, which has become more dramatic during the world economic crisis, has intensified the negative tendencies mentioned above. This has determined the aim of the present research, namely, to search for new ways of overcoming law nihilism, especially among the young.

In this article, which is an elaboration of the research started in 2011, the nature of law nihilism as a negative social phenomenon is studied. The causes of its expansion are analyzed and the possible ways of overcoming the negative phenomenon in question are emphasized.

Key words: society law culture, law nihilism.

Известный русский религиозный философ и публицист Василий Розанов в своей последней книге начала XX века «Апокалипсис нашего времени» определил опасный диагноз: «Россия погибает от нигилизма, то есть от неуважения к себе» [1]. А в конце того же века, в 1993 году, неутешительные выводы приводит профессор В. А. Туманов: «Не проходит и дня, чтобы средства массовой информации не сетовали на правовой нигилизм, юридический беспредел, правовое бескультурье, процветающие в обществе. Правовой нигилизм действительно принял широкомасштабные размеры:

от сферы повседневных отношений людей до деятельности высших законодательных органов, от центрального управленческого аппарата до самостоятельности местных властей» [2]. И хотя это было сказано 20 лет назад в отношении России, эти слова как никогда актуальны для сегодняшней Украины, поскольку правовая культура украинского общества не претерпела в период независимости существенных положительных изменений. В этих условиях особенно актуальным становится исследование причин, мешающих нормальному ходу правовых процессов в стране, установлению принципа верховенства права, и их скорейшее устранение.

Как известно, согласно Конституции Украина является суверенным, независимым, демократическим, социальным и правовым государством. В свою очередь, правовое государство – это государство, в котором организация и деятельность государственной власти в ее взаимоотношениях с индивидами и их объединениями основана на праве и соответствует ему. Идея правового государства направлена на ограничение власти (силы) государства правом; на установление правления законов, а не людей; на обеспечение безопасности человека в его взаимодействиях с государством. К признакам правового государства, наряду с такими, как связанность законом в равной мере как органов и должностных лиц государства, так и граждан; взаимная ответственность государства и личности, относится также правовая культура граждан, т. е. знание ими своих прав и обязанностей, уважительное отношение к праву, противостоящее «правовому нигилизму». В свою очередь, сущность правового нигилизма, по мнению профессора Н. И. Матузова, заключается в общем негативно-отрицательном, неуважительном, пренебрежительном отношении к праву, законам, нормативному порядку, а с точки зрения корней, причин – в юридическом невежестве, косности, отсталости, правовой невоспитанности основной массы населения [3, с. 269]. Проявления правового нигилизма носят антиобщественный характер, попирают права сограждан, посягают на устои и порядок, препятствуют экономическому, культурному, правовому, политическому развитию общества.

Однако в основе правового государства лежит развитое

гражданское общество, где действует принцип свободы экономической деятельности, основанной на верховенстве правовых законов. Гражданское общество и государство – не равнозначные понятия. Кроме этого, с гражданским обществом нельзя смешивать политическую систему, ибо основной фигурой и содержанием гражданского общества являются человек как личность и его частные интересы и потребности, свободная реализация которых возможна лишь вне политического контроля. Государство – лишь форма гражданского общества, которая предполагает наличие многочисленных независимых институтов и организаций, действующих в рамках права и которые служат барьером для монополизации государственной власти. С другой стороны, основным препятствием к развитию гражданского общества является доминирование государства над обществом, верховенство государства по отношению к личности.

К сожалению, Украина за 22 года своей независимости так и не смогла в полной мере приблизиться к идеалам правового государства. И это касается практически всех сторон жизни общества. Так, например, по данным переписи населения 1979 года в Украинской ССР проживали 49,755 млн чел., в 1989 году – уже 51,707 млн. Численность населения Украины по уточненным данным всеукраинской переписи, которая проводилась 5–14 декабря 2001 года, составляла 48,457 млн чел. То есть по сравнению с 1989 годом, убыль населения составила 3,25 млн чел. или примерно по 300 тыс. чел. ежегодно. Как видно из приведенных данных, население Украины уменьшилось не только по сравнению с последней всесоюзной переписью, а и относительно 1979 года. С 2001 по 2012 год ситуация продолжала ухудшаться. Согласно данным Госстата, численность населения Украины на 1 июня 2012 года составила 45 млн 565 тыс. 909 человек. То есть с момента последней переписи убыль населения – 2,89 млн [4].

А о какой свободе предпринимательства может идти речь, если по подсчётам Всемирного банка украинский бизнес в той или иной форме выплачивает 135 различных налогов, благодаря чему в 2011 году Украина заняла первое место в мире по количеству уплачиваемых налогов. При этом по объёму ВВП Украина примерно

на одну треть отстает от 1990 года. А структура производства претерпела такие изменения, что наша страна из высокоразвитой промышленной державы, выпускавшей станки, новейшие виды вооружений и военной техники, строившей самолеты и авианосцы, стала сырьевым придатком западных стран. Нынешняя структура украинского производства сравнима с третьей четвертью XIX века: зерно, масличные, уголь, металлическая руда и продукты металлургии низкой степени переработки – окатыши, чушки и т. д. Мировой финансовый кризис только усилил указанные тенденции, обострив общественные противоречия.

В подобных условиях, как отмечал русский философ Астафьев, наступает одно из самых печальных и тяжелых состояний нации, когда она, не имея идеалов и положительных целей, не может четко сформулировать, чего она хочет, но точно знает, чего больше не хочет, в чем разочарована. И это состояние массового агрессивного пессимизма и социальной апатии очень опасно, им могут воспользоваться самые разные недоброжелатели. Поэтому следует согласиться с Н. А. Нарочницкой, которая утверждает, что главная причина массового нигилизма – итог сугубо рационалистической концепции развития общества, которое духовно и нравственно оскудело до опасного предела. Это, в свою очередь, ведёт к огрубению нации – процессу, который размывает основополагающие моральные, этические, нравственные нормы, составляющие основу социальной ткани, в которой личность осознает себя как часть поступательного движения своего Отечества [5].

Однако вопросы морали в капиталистическом обществе зачастую задвигаются даже дальше, чем на второй план. Причина проста и очевидна: мораль и нравственность плохо продаются и еще хуже покупаются, а значит, по всем законам рынка, они должны уступить место алчности, жестокости и порочности, которые успешно произрастают в любых условиях [6]. Поэтому для построения истинно правового государства необходимо активизировать работу всех социальных регуляторов – права, морали, религии, этикета и т. д., составляющих соционормативную культуру общества. При этом право как способ социальной регуляции должно выступать в качестве

системы норм и принципов, установленных или признанных государством в качестве меры свободы, равенства и справедливости в соответствии с общественными, групповыми и индивидуальными интересами (волей) населения страны и обеспечиваться всеми мерами легального государственного воздействия вплоть до принуждения.

Утверждая указанные выше принципы и идеалы, право приобретает глубокий личностный смысл, становится ценностью для индивида (мораль), конкретной группы и общества в целом (нравственность), открывает личности доступ к благам и выступает действенным способом ее социальной защищенности. Поэтому обеспечить социально адекватное, законопослушное поведение личности в условиях демократического государства возможно лишь через нравственное и правовое воздействие одновременно [7]. Отсюда проблема отношения к праву как одному из важнейших социальных феноменов является в современном украинском обществе одной из наиболее актуальных.

Что касается государства, то в простом, почти бытовом понимании – это определенная деперсонифицированная репрессивная машина, которая осуществляет власть, т. е. устанавливает правила поведения для всех членов общества и следит за их неукоснительным соблюдением, а при наличии отклонений от установленных правил – наказывает виновных. При этом власть осуществляется во имя высших (сакральных) ценностей, а каждый чиновник должен выполнять свои обязанности как служение народу и государству, как высокую миссию, а не потому, что он имеет личные мотивы совершать те или иные действия от имени государства. Поэтому государство возникает в виде скоординированного (социального) совокупного поведения людей. Но так же и исчезает – когда поведение людей становится асоциальным. Ведь если исходить из теории, следовательно не имеет ни малейшей заинтересованности (кроме благодарности по службе) в том, чтобы раскрывать преступления и ловить воров. А судья принимает решения не потому, что он лично знаком с истцом, а потому, что это его судейский долг.

Следовательно, государство возникает и существует ровно

столько, сколько обычный человек знает, что конкретные персонифицированные носители власти (от участкового милиционера до Президента) действуют деперсонифицированно, без всякого личного мотива, ради этих высших государственных целей и интересов общества [8]. А принимая экономические решения, руководствуются не только выгодой, но и честностью, благородством, праведностью. Ведь государство не бизнес-проект, в котором всё, что нерентабельно, должно отсекается. Жить правильно и праведно вообще нерентабельно. Но только это и удерживало всегда человека и общество от оскотинивания, рождало великие государства и побуждало к готовности отдать жизнь за Отечество, за веру, за любовь, «за други своя». Только благодаря этим высшим побуждениям человек без когтей и клыков встал над природой [9].

Поэтому, если организовать общественную жизнь по таким правилам, если должным образом организовать деятельность власти, распределив ее в соответствии со специализацией на исполнительную, судебную, представительскую, установить справедливые законы, то возникшее состояние государства сможет перейти в новое качество – правовое государство.

Естественно, немаловажную роль в его формировании играет правовая культура и активное правомерное поведение, для формирования которых необходимо правовое воспитание. Основная цель правового воспитания – дать человеку необходимые в жизни юридические знания, научить его уважать и соблюдать законы, другие нормативно-правовые акты, то есть сформировать достаточно высокий уровень правовой культуры, способный значительно уменьшить число правонарушений.

В то же время реформирование отечественного законодательства в соответствии с требованиями, обусловленными движением Украины в сторону сближения с ЕС и, в целом, приобретение таких европейских ценностей, как демократия, права человека и верховенство права, вовсе не означают, что они автоматически приведут к улучшению состояния законности и правопорядка, повышению уровня правовой культуры общества. Сегодня Совет Европы заявляет о росте нетерпимости, враждебности, дискриминации различных групп, меньшинств

и других явлениях, нарушающих Устав Совета Европы, Европейскую конвенцию о защите прав человека и представляющих реальную угрозу европейским ценностям. Если эти ценности не соблюдаются в самой Европе, то нет гарантии, что они будут соблюдаться и в Украине. И вообще, принесут ли эти ценности пользу нашей стране и нашему народу, не потеряем ли мы вследствие этого свою национальную идентичность, уникальный колорит – вопросы дискуссионные.

В этом контексте мы разделяем точку зрения В. Мунтияна, который высказывает озабоченность тем, что верховенству права в Европе отдается предпочтение перед всеми другими правами и свободами личности. На практике это еще не означает безусловного обеспечения справедливости, поскольку право не может быть выше морали, совести и нравственности. Причем сами европейцы, особенно немцы, жалуются на то, что законотворчество у них стало индустрией, приобрело громадные масштабы и глубоко внедрилось в личную жизнь гражданина. Существует столько различных норм, что простому человеку в них просто не разобраться, и уже непонятно, кто кому служит и кто кого эксплуатирует: человек право или право – человека? На этом миллионе законов паразитирует бюрократический аппарат, громадное число юристов, адвокатов, прокуроров, судей. Эта проблема намеренно скрывается, на деле же личность превращается в раба, из творческого человека делается робот, и закончиться это может катастрофой [10].

Исходя из вышеизложенного нам представляется, что перспектива преодоления правового нигилизма находится в зависимости от социально-экономических, государственно-правовых условий жизни современного украинского общества. Утверждение законности, формирование правового государства, разрешение насущных социально-экономических проблем – вот далеко не полный перечень условий, призванных способствовать изжитию правового нигилизма.

При этом следует учесть, что правовой нигилизм невозможно ликвидировать мгновенно. Это трудный и длительный процесс, положительный результат которого во многом зависит от деятельности государства и его органов. В конечном же счете, все формы

и средства борьбы с нигилизмом связаны с выходом общества из глубокого системного кризиса: социального, экономического, политического, духовного, нравственного. Хотя, естественно, многое зависит как от правильного выбора вектора будущей интеграции страны, так и от активной позиции самой личности.

Список литературы

1. Розанов В. Апокалипсис нашего времени [Электронный ресурс] / Василий Розанов. – Режим доступа: http://bookz.ru/book.php?id=111309&n=3&p_count=9&g=proza&f=apokalip_048&b_name=%C0%EF%EE%EA%E0%EB%E8%EF%F1%E8%F1%20%ED%E0%F8%E5%E3%EE%20%E2%F0%E5%EC%E5%ED%E8&a_name=%C2%E0%F1%E8%EB%E8%E9%20%D0%EE%E7%E0%ED%EE%E2&a_id=vasilii-rozanov.
2. Туманов В. А. Правовой нигилизм в историко-идеологическом ракурсе [Электронный ресурс] / В. А. Туманов. – Режим доступа: <http://faclaw.narod.ru/tgp/tgp14.htm>.
3. Матузов Н. И. Теория государства и права / Н. И. Матузов, А. В. Малько. – М. : Юристь, 2004. – 512 с.
4. Гаврилечко Ю. Украина: краткие итоги двух десятиков лет «Независимости» [Электронный ресурс] / Ю. Гаврилечко. – Режим доступа: <http://zats.livejournal.com/56570.html#cutid1>.
5. Историческая стратегия и «болотные огоньки». Беседа с руководителем Фонда исторической перспективы, доктором исторических наук Н. А. Нарочницкой, 01.02.12. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.stoletie.ru/rossiya_i_mir/istoricheskaja_strategija_i_bolotnyje_ogonki_2012-02-01.htm.
6. Матяш Е. Бизнес и Конфуций [Электронный ресурс] / Евгений Матяш. – Режим доступа: http://www.stoletie.ru/zarubejje/biznes_i_konfucij_603.htm.
7. Лазарев В. В. Общая теория права и государства : учебник / В. В. Лазарев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юристь, 1996. – 472 с.
8. Украина умерла... Больше не звоните и не просите [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.from-ua.com/politics/a8a52d749fa82.html>.
9. Мунтиян В. Интеграция и безопасность Украины [Электронный ресурс] / В. Мунтиян // 2000. – № 4 (639). – 25–31 января 2013. – Режим доступа: <http://2000.net.ua/2000/forum/sosedi/87361>.

УДК 65.012.1

*О. І. Решетняк***АНАЛІЗ КОНЦЕПЦІЙ УПРАВЛІННЯ ВИТРАТАМИ
THE ANALYSIS OF COST MANAGEMENT CONCEPT****Аннотація**

В статті доведено неможливість автоматичного переносу західного досвіду щодо управління витратами на українські підприємства, тому що розрив у розвитку ринкових інститутів досить великий. Також проаналізовано основні концепції управління витратами, а саме: витратоутворюючих факторів, доданої вартості, ланцюжка цінностей, альтернативності витрат, транзакційних витрат, облік і аналіз витрат за видами діяльності (ABC), стратегічного позиціонування, концепція Balanced Scorecard, економічної доданої вартості (EVA). Визначено особливості різних підходів закордонних дослідників до проблеми управління витратами, переваги та недоліки, сфери застосування. Проведено зіставлення методів управління витратами. Запропоновано з метою підвищення ефективності управління витратами на підприємстві поєднання декількох методів, наприклад, наведено основні переваги інтеграції методів альтернативних витрат і BSC з методами витратоутворюючих факторів, EVA і ABC.

Ключевые слова: управление расходами, концепции управления расходами, концепция Balanced Scorecard, цепочка ценностей, учет и анализ расходов по видам деятельности.

Анотація

У статті доведено неможливість автоматичного переносу західного досвіду щодо управління витратами на українські підприємства, тому що розрив у розвитку ринкових інститутів досить великий. Також проаналізовано основні концепції управління витратами, а саме: витратоутворюючих факторів, доданої вартості, ланцюжка цінностей, альтернативності витрат, транзакційних витрат, облік і аналіз витрат за видами діяльності (ABC), стратегічного позиціонування, концепція Balanced Scorecard, економічної доданої вартості (EVA). Визначено особливості різних підходів закордонних дослідників до проблеми управління витратами, переваги та недоліки, сфери застосування. Проведено зіставлення методів управління витратами. Запропоновано з метою підвищення

ефективності управління витратами на вітчизняних підприємствах поєднання декількох методів, наприклад, наведено основні переваги інтеграції методів альтернативних витрат та BSC з методами витратоутворюючих факторів, EVA й ABC.

Ключові слова: управління витратами, концепції управління витратами, концепція Balanced Scorecard, ланцюжок цінностей, облік і аналіз витрат за видами діяльності.

Annotation

The article proves the impossibility of mechanical transfer of the western experience regarding the management of the cost to Ukrainian enterprises, because the gap in the development of market institutions is quite large. Also, the article presents the results of the analysis of main cost management concepts: cost driver, value added, chain of values, opportunity costs, transaction costs, accounting and cost analysis on activities (ABC), strategic positioning, the concept of Balanced Scorecard, Economic Value Added (EVA). The features of the different approaches to the problem of foreign researchers manage costs, advantages and disadvantages, spheres of application have been analysed on the comparison cost management methods carried out. In order to raise the effectiveness of cost management at domestic enterprises it is proposed to combine several methods such as integrating methods of alternative costs and of BSC with methods of cost driver, EVA and ABC.

Key words: management costs, expenses control concept, balanced scorecard concept, values chain, auditing and analysis expenditure per activities.

Ефективність роботи підприємства багато в чому залежить від інформації про формування собівартості: витрати на виробництво продукції є базою для встановлення продажної ціни; інформація про собівартість лежить в основі прогнозування й управління виробництвом.

Досвід закордонних підприємств свідчить про те, що практика господарювання будується на повсякденній роботі з витратами, спрямованій на їх зниження, що забезпечує стабільність позицій на ринку. Особливість підходу закордонних дослідників до проблеми управління витратами полягає в розгляді її в рамках стійко функціонуючої економіки з ринковими інститутами, але це не дає можливості автоматичного переносу західного досвіду на українські підприємства, тому що розрив у розвитку ринкових інститутів досить великий.

Таким чином, виникає необхідність адаптації закордонного досвіду управління витратами для сучасного стану економіки України й з урахуванням специфіки конкретних підприємств. Необхідність теоретичного й практичного пророблення питань адаптації закордонних концепцій управління витратами на підприємстві обумовила актуальність теми дослідження.

У країнах з розвинутою ринковою економікою існує кілька шкіл зі своїми підходами до системи управління витратами. Найбільш відомими є праці П. Дойля, Ф. Котлера, А. Дейлі, Б. Штагмайера, Є. Майєра, Р. Вандера, Ч. Т. Хонгрена, Дж. Форстера, К. Друрі, Дж. Шанка, В. Говіндараджана, Р. Купера, Р. Каплана та ін.

Мета статті – проаналізувати існуючі основні концепції управління витратами, визначити їх недоліки, переваги, сфери застосування та розглянути можливість їх застосування для умов вітчизняної економіки.

Сучасні концепції управління витратами є діючими інструментами в їхньому дослідженні. Базові концепції в теоретичній і практичній сфері управління витратами наведено в табл. 1.

Розглянемо сутність кожної з концепцій для їх зіставлення.

Концепція витратоутворюючих факторів є традиційною для більшості видів підприємницької діяльності. Ця концепція була сформульована у 80-х роках ХХ сторіччя в роботах Шерера, Остера, Каплана, Дікіна й Махера, Портера, Купера й ін [1].

Розуміння поведінки витрат означає розуміння складної взаємодії набору витратоутворюючих факторів у реальній ситуації. Витратоутворюючі фактори можна розбити на дві групи: структурні фактори (пов'язані зі структурою й технологією виробництва); функціональні (операційні) фактори (пов'язані зі здатністю підприємства успішно функціонувати).

Ключові фактори зміни витрат не можна однозначно виділити, але згідно з концепцією витратоутворюючих факторів визначено наступні їх характеристики: при стратегічному аналізі зв'язок з обсягом не є найбільш істотним фактором для пояснення динаміки витрат; більш корисно в стратегічному змісті пояснювати позицію по витратах мовою структурних альтернатив і виняткових навичок, які формують

Таблиця 1

Базові концепції управління витратами [1–3]

Найменування концепції	Сформульована у XX сторіччі, роки	Основоположники
1. Витратоутворюючих факторів	80-ті роки	Шерер, Остер та ін.
2. Доданої вартості	80-ті роки	Дж. Шанк і В. Говіндараджан
3. Ланцюжка цінностей	1985 рік	М. Портер
4. Альтернативності витрат	80-ті роки	В. Ковальов
5. Трансакційних витрат	70-ті роки	Р. Коуз і О. Уільямсон
6. Облік і аналіз витрат за видами діяльності (ABC)	друга половина 80-х років	Р. Купер і Р. Каплан
7. Стратегічного позиціонування	90-ті роки	Дж. Шанк і В. Говіндараджан
8. Концепція Balanced Scorecard (BSC)	90-ті роки	Р. Каплан та Д. Нортан
9. Економічної доданої вартості (EVA)	на початку 1990-х років	Компанія Stern Stewart & Co

конкурентну позицію промислового підприємства; не всі стратегічно визначальні фактори однаково важливі в будь-який час, але деякі з них є найбільш важливими в кожному конкретному випадку; для кожного фактора витрат існує конкретна система аналізу, яка необхідна для розуміння позиції підприємства; структурні і функціональні фактори впливають на собівартість продукції.

Концепція доданої вартості широко поширена в західній теорії й практиці. Вона являє собою сучасну традиційну парадигму управління витратами. У рамках зазначеної концепції складові витрат розглядаються на всіх стадіях додавання вартості, починаючи із закупівель сировини й матеріалів і закінчуючи реалізацією продукції (робіт і послуг). Ключовим моментом у концепції доданої вартості є максимізація різниці (доданої вартості) між закупівлями й реалізацією. Але зі сфери уваги аналітиків випадає більша частина матеріальних витрат, що є важливим для матеріалоемних галузей

промисловості. Однак для нематеріалоемних робіт і послуг такий підхід до аналізу поведінки витрат може бути цілком виправданим.

На думку Дж. Шанка й В. Говіндараджана, управління витратами на основах доданої вартості, з одного боку, починається занадто пізно й не дозволяє використовувати у своїх інтересах зв'язку з поставальниками; з другого боку, закінчується занадто рано й опускає всі можливості використання зв'язків із клієнтами.

Концепція ланцюжка цінностей була сформульована Портером. Концепція виходить із необхідності виходу за межі фірми для ефективного управління витратами й переносить акцент в аналізі витрат на процеси, що відбуваються за межами фірми.

Концепція ланцюжка цінностей ґрунтується на розширювальному підході до формування й управління витратами й пропонує враховувати витратоутворюючий механізм на всьому ланцюжкові цінностей у рамках погодженого набору видів діяльності, починаючи від вихідних джерел сировини й закінчуючи готовою продукцією.

Пропонований у цій концепції підхід до управління витратами є труднореалізуємим у вітчизняній діловій практиці з ряду причин (через нестабільність економічної ситуації, відсутність необхідної інформації, витрати на одержання інформації та ін.).

Концепція альтернативності витрат, або витрат упущених можливостей, ґрунтується на тому, що будь-яке фінансове рішення ухвалюється в результаті порівняння альтернативних витрат, і практична реалізація кожного управлінського рішення в цьому випадку пов'язана з відмовою від якогось альтернативного варіанта. Наприклад, здійснення доставки МТЦ власним транспортом або силами спеціалізованих структур.

Слід зазначити, що у фінансовому обліку ці витрати не враховуються, але в стратегічному управлінні альтернативні варіанти бажано брати до уваги.

Концепція трансакційних витрат. Проблематика трансакційних витрат заявила про себе в 70-х роках у США й Західній Європі й пов'язана з іменами двох економістів – Р. Коуза й О. Уільямсона. О. Уільямсон вважає трансакцію базовою одиницею аналізу. На його думку, будь-яку проблему, яку прямо або побічно можна розуміти як контрактну,

корисно вивчати з погляду мінімізації трансакційних витрат. При цьому всі трансакційні витрати необхідно розділяти на *ex ante* (містять у собі витрати на складання проекту контракту, проведення переговорів і забезпечення гарантій реалізації угоди) та *ex post*, які містять у собі: витрати, пов'язані з поганою адаптацією до непередбачених подій, що мають місце при порушенні відповідності механізму угод обставинам їх реалізації; витрати на позови, що супроводжують двосторонні зусилля з усунення збоїв *ex post* у контрактних відносинах; організаційні й експлуатаційні витрати, пов'язані з використанням структур управління, куди сторони звертаються для улагодження конфліктів; витрати, пов'язані з точним виконанням контрактних зобов'язань.

Концепція функціонального обліку витрат (ABC – Activity-Based Costing) формалізує облік і аналіз витрат за видами діяльності в частині розподілу накладних витрат на продукцію. Системи ABC можуть використовуватися для калькуляції виробничих витрат, аналізу прибутковості, для управління й контролю витрат.

Щодо стратегічного управлінського обліку для розподілу виробничих накладних витрат, необхідно розглядати показники в залежності від обсягу виробництва. ABC-підхід визначає види діяльності, що приводять до виникнення витрат, і досліджує основні носії витрат для цих видів діяльності. Це забезпечує більш глибоке розуміння витрат у довгостроковому періоді.

Дії, вироблені на цих етапах, у контексті методу ABC називаються функціями (activities). В основі управління, заснованого на функціях, лежить кілька аналітичних методів, що використовують ABC-інформацію.

Концепція ABC визнає, що в довгостроковому плані більшість виробничих витрат є постійними, і дозволяє зрозуміти причини, що викликають зміну накладних витрат із часом. Теорія ABC припускає, що при розрахунках вартості продукції повинні враховуватися всі функції, що забезпечують бізнес-процеси.

Концепція ABC заслуговує на увагу, тому що є основою для інших методів управління підприємством, а саме: ABM (Activity Based Management) – управління, засноване на діях (функціях, операціях); ABB (Activity Based Budgeting) – бюджетування на основі виконуваних

дій (функцій, операцій); ARP (Activity Resource Planning) – функціональне планування ресурсів.

Концепція стратегічного позиціонування заявлена в 90-х роках відомими в США експертами зі стратегічного використання інформації про витрати – Дж. Шанком і В. Говіндараджаном. Стратегічне позиціонування являє собою здійснення відмінних від конкурентів видів діяльності або виконання схожої діяльності, але іншими способами.

Ключовою ідеєю концепції є включення у сферу управлінського обліку й аналізу витрат докладної інформації про стратегічний розвиток підприємства, галузі й економіки в цілому. Підкреслена увага до стратегічного позиціонування – один із ключів до стратегічного управління витратами.

За Портером, підприємство може витримувати конкуренцію: підтримуючи низькі витрати (лідерство на основі витрат); пропонуючи продукцію кращу, ніж у конкурентів (диференціація продукції й фокусування).

Очевидна виправданість такого підходу до управління витратами, однак його практична реалізація у вітчизняній сфері послуг вимагає високого рівня внутрішньофірмового фінансового менеджменту.

Концепція Balanced Scorecard (BSC). Наприкінці 80-х років ХХ століття активізувалися пошуки нових оціночних індикаторів бізнесу. Серед систем вимірювання, що були розроблені, найбільш відомими є такі: Performance Measurement (вимірювання досягнень), Tableau de Bord («Бортове табло»), Performance Measurement Model (модель виміру досягнень), Performance Pyramid (піраміда досягнень), Quantum Performance Measurement (квантовий вимір досягнень) та ін. (табл. 2).

Однією з найбільш поширених систем оцінки, вибору та реалізації стратегії розвитку компанії є концепція Balanced Scorecard (BSC), яку в 90-х роках ХХ століття запропонували науковці Р. Каплан та Д. Нортан. ЗСП може досить ефективно використовуватися як на рівні стратегічних бізнес-одиниць, так і для поліпшення діяльності структурних підрозділів підприємства. Вона забезпечує новий підхід до стратегічного управління витратами корпорації будь-якої складності, що оперують у різних галузях діяльності. ЗСП здійснює

Порівняльний аналіз існуючих методик ЗСП

Назва методики	Показники										Зацікавлені сторони бізнесу	
	Структурні підрозділи	Напрямки діяльності	Клієнти	Фінанси	Персонал	Бізнес-процеси	Виробництво	Ринок				
«Боргове табло»	+											
Система поліпшення і виміру продуктивності	+											
Модель виміру досягнень		+										
«Піраміда ефективності»			+	+							+	
Квантовий вимір досягнень												
Модель Дюпон (Dupont Model)											+	+
Вимір досягнень компанії «Ернет & Янг»	+										+	
«Ділове вікно управління»				+								
«ДжАйКейс»											+	
«Картецілар»				+							+	
«Концепція внутрішнього ринку Хьюлетт-Паккард»			+	+							+	
BSC-модель Нортона-Каплан			+	+							+	
BSC-модель Мейсела			+	+							+	
Призма ефективності			+	+							+	+
Разом	3	1	5	7	4	9	1	1	1	1		

формування цільових орієнтирів стратегічного розвитку, трансформацію стратегічних цілей у показники оперативного управління, моніторинг руху компанії на шляху до стратегічних цілей.

Отже, система збалансованих показників ґрунтується на сукупності ключових показників ефективності компанії. Загальновідомо, що прогресивність технології й налагодженість бізнес-процесів, висококваліфікований кадровий склад, лояльність клієнтів, здатність підприємства забезпечити їх дотримання – фактори, що мають величезне значення й впливають на вартість корпорації в майбутньому.

Концепція економічної доданої вартості (EVA – economic value added) була розроблена фахівцями консалтингової компанії Stern Stewart & Co на базі теоретичних розробок Ф. Модельяні й М. Міллера й знайшла широке застосування в середині 1990-х років. Дослідження, проведені в 90-х роках, свідчать про те, що EVA забезпечує одержання більш корисної інформації в порівнянні з обліковими концепціями, такими як бухгалтерський прибуток, рентабельність капіталу або темпи зростання прибутку з розрахунку на одну акцію.

EVA є єдиним показником для оцінки вартості бізнесу з моменту створення. У стратегічному управлінні критерій EVA використовується в комбінації з такими розповсюдженими інструментами стратегічного аналізу, як матриця Бостонської консалтингової групи, матриця ринкової привабливості й конкурентних позицій (матриця GE/Mckinsey) та ін.

Автор концепції EVA Стюарт Штерн також розробив концепцію «Система управління на основі показника EVA» (EVA-based management). Ця система фінансового управління задає єдину основу для прийняття рішень основним і допоміжним персоналом та дозволяє моделювати, відслідковувати, проводити й оцінювати прийняття рішень в єдиному ключі: додавання вартості до інвестицій акціонерів.

Можна визначити недоліки концепції EVA: система показників складається тільки з фінансових показників, що призводить до недооцінки таких факторів довгострокового успіху, як знання персоналу, інформаційні технології, корпоративна культура; система досить складна для розрахунків; більш орієнтована на короткострокову перспективу, ніж на довгострокову.

Зазначені недоліки не знижують цінності EVA, тому що цей показник дозволяє сконцентрувати увагу на пріоритетних напрямках стратегічного управління, дозволяє чітко сформулювати стратегічні цілі в рамках фінансового аспекту.

На підставі вищевикладеного можна зробити висновок, що проаналізовані концепції дослідження витрат неоднорідні. Одні концепції (функціональні витратоутворюючі фактори, додана вартість) ґрунтуються на облікових характеристиках витрат і пов'язані з бухгалтерським обліком. Інші концепції (структурні витратоутворюючі фактори, ланцюжок цінностей, ABC, стратегічне позиціонування) розглядають витрати як об'єкт управління не стільки в обліковому, скільки в економічному плані. Окремі концепції (транзакційні витрати) поєднують обліковий і економічний аспекти. Сукупність концепцій управління витратами та пов'язані з ними аспекти внутрішньофірмового менеджменту узагальнені в табл. 3.

Названі концепції управління витратами є діючими інструментами в дослідженні витрат. Однак вони не дають можливості вирішити усі

Таблиця 3

Аспекти розгляду витрат у базових концепціях управління витратами [1; 2]

Концепції управління витратами	Обліковий аспект	Економічний аспект
Концепція витратоутворюючих факторів: – функціональні фактори; – структурні фактори	+ –	– +
Концепція доданої вартості	+	–
Концепція ланцюжка цінностей	–	+
Концепція альтернативних витрат	–	+
Концепція транзакційних витрат	+	+
Концепція ABC	–	+
Концепція стратегічного позиціонування	–	+
Концепція BSC	+	+
Концепція EVA	–	+

проблеми, з якими стикаються вітчизняні підприємства. Більш ефективним є поєднання декількох методів управління витратами. Наприклад, наведемо основні переваги інтеграції методів альтернативних витрат та BSC з методами витратоутворюючих факторів, EVA й ABC.

Таким чином, інтеграція розглянутих інструментів приведе до синергійного ефекту. Поєднуючи позитивні сторони розглянутих раніше

Таблиця 4

Переваги інтеграції методів альтернативних витрат та BSC з методами витратоутворюючих факторів, EVA й ABC

Інструменти, що інтегруються	Метод витратоутворюючих факторів	EVA	ABC
BSC	Дають можливість визначити витрати, які впливають на результати діяльності підприємства	Дають можливість сформулювати цілі оптимізації витрат	Дають можливість управляти витратами
Метод альтернативних витрат	Дають можливість визначити витрати з метою зіставлення альтернативних проектів	Дають можливість сформулювати цілі оптимізації витрат для альтернативних проектів	Дають можливість управляти витратами для альтернативних проектів

концепцій, можна одержати більш ефективну структуру управління витратами з посиленими прогностичними можливостями. Аналогічно, можливе поєднання інших технологій.

Список літератури

1. Катькало В. А. Эволюция теорий стратегического управления / В. А. Катькало. – СПб. : Изд-во «Высшая школа менеджмента», 2008. – 548 с.
2. Минцберг Г. Школы стратегий / Г. Минцберг, Б. Альстрэнд, Дж. Лэмпел ; пер. с англ. под ред. Ю. Н. Каптуревского. – СПб. : Питер, 2000. – 336 с.
3. Эффективность стратегического управления / под ред. Ю. Н. Лапыгина. – Владимир : ВГПУ, ВлГУ, ВИБ, 2004. – 220 с.

УДК 338.23:338.436.

Н. П. Дуброва, О. П. Павленко

**ПРОБЛЕМИ І ПЕРСПЕКТИВИ РОЗВИТКУ
МІЖНАРОДНОЇ ФІНАНСОВОЇ ПОЛІТИКИ ТА ЇЇ
РЕАЛІЗАЦІЯ В УМОВАХ ГЛОБАЛІЗАЦІЇ**

**PROBLEMS AND PROSPECTS OF INTERNATIONAL
FINANCIAL POLICY DEVELOPMENT AND ITS
IMPLEMENTATION IN A GLOBALIZING WORLD**

Аннотация

В статье рассмотрены основные направления осуществления международной финансовой политики. Целью данной статьи является определение проблем и перспектив развития международной финансовой политики, которая является наиболее полной мобилизацией финансовых ресурсов, необходимых для удовлетворения насущных потребностей развития общества. Разработанное и успешное проведение финансовой политики возможно только при наличии у правительства программы общественного развития с выделением интересов всего общества и отдельных его групп, характеристик текущих и перспективных задач, определением сроков и методов их решения. Результативность финансовой политики тем выше, чем полнее она учитывает потребности общественного развития, интересы всех слоев общества, конкретные исторические, этические и социальные условия. Для реализации финансовой политики нужен соответствующий финансовый механизм как совокупность способов, форм и методов организации финансовых отношений.

Ключевые слова: финансовая политика, финансовый механизм, инвестиционная политика, капитальные инвестиции.

Анотація

У статті розглянуто основні напрями здійснення міжнародної фінансової політики. Метою даної статті є визначення проблем та перспектив розвитку міжнародної фінансової політики, яка є найбільш повною мобілізацією фінансових ресурсів, необхідних для задоволення нагальних потреб розвитку суспільства. Розроблене та успішне проведення фінансової політики можливе тільки за умов наявності в уряді програми суспільного розвитку з виділенням інтересів усього суспільства та окремих його груп, характеристикою поточних та перспективних завдань, визначенням термінів та методів їх вирішення.

Результативність фінансової політики тим вища, чим повніше вона враховує потреби суспільного розвитку, інтереси усіх верств суспільства, конкретні історичні, етичні та соціальні умови. Для реалізації фінансової політики потрібен відповідний фінансовий механізм як сукупність способів, форм і методів організації фінансових відносин.

Ключові слова: фінансова політика, фінансовий механізм, інвестиційна політика, капітальні інвестиції.

Annotation

The paper considers the main directions for international financial policy. The purpose of this paper is to identify the problems and prospects of international financial policy, which is the fullest mobilization of financial resources required to satisfy the daily wants of a society. Designed and successful implementation of financial policy is only possible if the government is provided with programs of social development which take into account the interests of society as a whole and its individual groups, suggest characteristics of current and future tasks, define the terms and methods of their performance. The efficiency of financial policy is the higher, the more completely it takes into account the needs of social development, the interests of all the sectors of society, its specific historical, ethical and social conditions. The implementation of financial policy requires an appropriate financial mechanism as an aggregate of methods, forms and methods of financial relations.

Key words: financial policies, financial mechanism, investment policy, capital investment.

Головним завданням цієї статті є визначення проблем та перспектив розвитку міжнародної фінансової політики, яка забезпечує відповідними фінансовими ресурсами та реалізує міждержавні програми економічного та соціального розвитку.

Проблемі фінансової політики та фінансового забезпечення приділяли увагу багато вчених, серед яких Бідник Н. Б., Савченко К. В., Стецюк П. А., але ці питання недостатньо вивчені на міжнародному рівні, особливо в глобалізаційних умовах [1; 4; 5]. Фінансові аспекти забезпечення підприємств досліджували такі вчені, як М. Дем'яненко, С. Дем'яненко, М. Малік, П. Лайко, П. Саблук, А. Чупіс та ін. [2; 3; 6]. Звичайно, динамічний розвиток фінансової сфери простежується в глобальному просторі, що потребує подальшого дослідження в цьому напрямку.

Метою статті є визначення проблем та перспектив розвитку міжнародної фінансової політики, яка є найбільш повною мобілізацією фінансових ресурсів, необхідних для задоволення нагальних потреб розвитку суспільства.

Міжнародна фінансова політика – це сукупність заходів, спрямованих на мобілізацію фінансових ресурсів, розподіл та використання яких застосовують учасники міжнародних фінансових відносин для виконання своїх функцій. Фінансова політика держави – це самостійна сфера діяльності її уряду у сфері фінансових відносин. Фінансова політика складається з таких найважливіших напрямів: бюджетна політика; податкова політика; інвестиційна політика; грошово-кредитна політика; цінова політика; соціальна політика; митна політика; політика у сфері міжнародних фінансів.

Система соціально-економічних пріоритетів, на яких ґрунтується фінансова політика (наприклад, фінансова політика України в даний час), охоплює: систему державних фінансів; збалансованість натурально-речовинних і грошових потоків; відновлення нормального функціонування кредитної системи; досягнення фінансово-економічної самостійності і посилення відповідальності суб'єктів господарської діяльності в межах єдиної держави; створення рівних умов у бюджетно-податковій сфері для суб'єктів господарської діяльності; досягнення соціальної стабільності в суспільстві; створення умов для припинення фінансових зловживань, корупції та організованої злочинності чи запобігання їм.

У складних умовах проведення в країні економічних реформ до першорядних завдань бюджетної політики відносять: забезпечення таких принципів бюджетної системи, як цільове витрачання бюджетних коштів, справедливість та ефективність їх використання; реструктуризація державного боргу; інвентаризація зовнішніх і внутрішніх запозичень і результатів їх використання; перехід до централізованої системи здійснення всіх операцій з доходів і витрат державного бюджету. Водночас держава повинна запобігати можливим негативним наслідкам, якщо введення певних податків і їхні розміри можуть негативно вплинути на мотивацію до відкритої та ефективної діяльності підприємств сфери матеріального виробництва.

Інвестиційну політику також слід розглядати як один із найважливіших компонентів фінансової політики держави. Вона спрямована на створення умов для залучення вітчизняних і закордонних інвестицій, перерозподілу у реальний сектор економіки. Інвестиційна політика здійснюється з тією метою, щоб інвесторам було вигідно вкладати кошти в економіку країни. Щоб створювалися умови для організованого нагромадження та інвестування заощаджень населення, розвитку іпотечного кредитування. Щоб величезні вітчизняні капітали не вивозилися за кордон, а навпаки, залучалися до країни прямі іноземні інвестиції.

Під інвестиційною політикою держави розуміється комплекс цілеспрямованих заходів щодо створення сприятливих умов для всіх суб'єктів господарювання з метою поживлення інвестиційної діяльності, піднесення економіки, підвищення ефективності виробництва, а також вирішення соціальних проблем.

Основною метою інвестиційної політики є створення оптимальних умов для активізації інвестиційного потенціалу. Основними напрямками інвестиційної політики є організація сприятливого режиму для діяльності вітчизняних та іноземних інвесторів, збільшення прибутковості і мінімізації ризиків в інтересах стабільного економічного і соціального розвитку, підвищення життєвого рівня населення. Результат здійснення інвестиційної політики оцінюється залежно від обсягу залучених до розвитку економіки інвестиційних ресурсів.

Держава може впливати на інвестиційну активність за допомогою амортизаційної політики, науково-технічної політики, політики щодо іноземних інвестицій та ін. Амортизаційна політика держави встановлює порядок нарахування і використання амортизаційних відрахувань.

Здійснюючи відповідну амортизаційну політику, держава регулює темпи і характер відтворення, і насамперед швидкість відновлення основних фондів. Правильна амортизаційна політика держави дозволяє підприємствам мати достатні інвестиційні засоби для простого і певною мірою розширеного відтворення основних фондів.

Під науково-технічною політикою держави розуміється система цілеспрямованих заходів, що забезпечують комплексний розвиток

науки і техніки, упровадження їх результатів в економіку країни. Науково-технічна політика є складовою інноваційної політики і припускає вибір пріоритетних напрямів у розвитку науки та техніки і всіляку підтримку держави для їхнього розвитку.

У даний час українська економіка потребує припливу іноземних інвестицій. Це викликано практично повною відсутністю фінансування з коштів державного бюджету, відсутністю достатніх засобів у підприємств, розвитком загальної економічної кризи і спадом виробництва, великим зносом установленого на підприємствах устаткування та іншими причинами.

Справді, іноземний капітал, залучений у національну економіку і використаний ефективно, з одного боку, зумовлює економічне зростання, допомагає інтегруватися у світову економіку. Але, з другого боку, залучення іноземних інвестицій передбачає певні зобов'язання, створює різні форми залежності країни, викликає різке зростання зовнішнього боргу та ін.

Таблиця 1

Науково-технічна діяльність України*

	2010 рік	2011 рік	2012 рік
Витрати на виконання наукових та науково-технічних робіт, млн грн	8995,9	9591,3	10558,5
з них:			
за рахунок держбюджету	3704,3	3859,7	4709,1
Чисельність працівників наукових організацій, осіб	141086	134741	129945
з них:			
дослідників	73413	70378	68599
техніків	16151	14591	13433
допоміжного персоналу	26032	24779	23866
докторів наук	4481	4417	4489
кандидатів наук	17009	16203	15963

* За даними Держкомстату України

Отже, іноземні інвестиції можуть мати неоднозначні наслідки для національної економіки. У зв'язку з цим, природно, виникає питання про розширення технічної допомоги, спрямованої на поглиблення використання власних ресурсів, підвищення кваліфікації національних кадрів, а вже потім про залучення інвестицій у вигляді кредитів. Ідеться про те, що спочатку необхідно навчитися ефективно використовувати свої фінанси, а потім залучати іноземний капітал у свою економіку.

За наведеними нижче даними можна простежити динаміку прямого іноземного інвестування нашої держави [7]. Тим самим є можливість проаналізувати напрями руху інвестиційних потоків. Перелік країн визначено виходячи з найбільших обсягів інвестицій в економіку України та в економіку інших країн світу.

У 2012 році в економіку України іноземні інвестори вклали 6,013 млрд дол. США прямих інвестицій, що на 7,2% менше від показника за 2011 рік (6,480 млрд дол.), йдеться в повідомленні Державної служби статистики України. Згідно з повідомленням, загальний обсяг внесених з моменту інвестування в економіку України прямих іноземних інвестицій (акціонерного капіталу) на 1 січня 2013 року становив 54,462 млрд дол., що на 8,2% більше порівняно з обсягами інвестицій на початок 2012 року, і з розрахунку на одного українця становить 1 199 дол.

Інвестиції надходили зі 130 країн світу. Основними країнами-інвесторами України залишаються Кіпр – 17,275 млрд дол., Німеччина – 6,317 млрд дол., Нідерланди – 5,169 млрд дол. і Російська Федерація – 3,786 млрд дол. За даними Держстату, загальний обсяг прямих іноземних інвестицій, спрямованих в українську промисловість, становить 17,167 млрд дол. (31,5% загального обсягу), у фінансовий сектор – 16,106 млрд дол. (29,6%) [8].

Заборгованість українських підприємств за кредитами і позиками, торговими кредитами та іншими зобов'язаннями (боргові інструменти) перед прямими іноземними інвесторами на 1 січня 2013 р. становила 9,582 млрд дол. Загальний обсяг прямих іноземних інвестицій (акціонерний капітал і боргові інструменти) на 1 січня 2013 р. становив 64,044 млрд дол.

Обсяг прямих інвестицій (акціонерний капітал) з України в еко-

номіку країн світу на 1 січня 2013 р. становив 6,482 млрд дол., в т. ч. в країні ЄС – 6,046 млрд дол. (93,3% загального обсягу), в країні СНД – 340,6 млн дол. (5,2%), в інші країни світу – 95,3 млн дол. (1,5%).

Прямі інвестиції з України надходили до 49 країн світу, основний обсяг спрямований на Кіпр (89,6%). Загальний обсяг прямих інвестицій (акціонерного капіталу і боргових інструментів) з України в економіку країн світу становив 6,713 млрд дол. У 2011 році в економіку України іноземні інвестори вклали 6,48 млрд дол. прямих інвестицій, що на 8% більше від показника 2010 року [7; 8].

Загальний обсяг прямих іноземних інвестицій (акціонерний капітал), спрямованих до України, на 31 грудня 2011 року становив 49,362 млрд дол., що на 10,2% більше порівняно з обсягами інвестицій на початок 2011 року.

Таким чином, державні заходи щодо залучення іноземних інвестицій можна розділити на дві групи. До першої відносять дії, спрямовані на зниження темпів інфляції, ризиків для іноземних інвесторів у країні, а також гарантовані виплати за зовнішніми боргами. До другої – заходи уряду, що знижують податки для іноземних інвесторів і полегшують митні умови.

Продуктивна інвестиційна політика держави тісно пов'язана з амортизаційною та науково-технічною політикою, політикою стосовно іноземних інвестицій тощо. Усі вони є складовими економічної і соціальної політики держави, повинні впливати з неї і сприяти її реалізації. Інвестиційна політика не може здійснюватися без механізму її реалізації.

Такий механізм передбачає: вибір джерел і методів фінансування інвестицій; визначення термінів реалізації; вибір органів, відповідальних за реалізацію інвестиційної політики; створення необхідної нормативно-правової бази функціонування ринку інвестицій; створення сприятливих умов для залучення інвестицій. Окрім державної інвестиційної політики розрізняють галузеву, регіональну інвестиційну політику та інвестиційну політику підприємства, які перебувають у тісному взаємозв'язку, але визначальною і первинною є державна інвестиційна політика, тому що вона створює умови, а також сприяє активізації інвестиційної діяльності на всіх рівнях господарювання.

Таблиця 2

Капітальні інвестиції за джерелами фінансування, млн грн*

Показник	2010	2011	2012
Усього	189060,6	259932,3	293691,9
в т. ч. за рахунок:			
коштів державного бюджету	10952,2	18394,6	17141,2
коштів місцевих бюджетів	6367,7	8801,3	9149,2
власних коштів підприємств та організацій	114963,6	152279,1	175423,9
кредитів банків та інших позик	23336,2	42324,4	50104,9
коштів іноземних інвесторів	4067,7	7196,1	5040,6
коштів населення на будівництво власних квартир	4654,2	4470,0	3651,0
коштів населення на індивідуальне житлове будівництво	16176,0	15102,9	21975,1
інших джерел фінансування	8543,0	11363,9	11206,0

* За даними Держкомстату України

Існує загальноприйнята точка зору, що під галузевою інвестиційною політикою розуміється інвестиційна підтримка пріоритетних галузей господарства (що наведено в табл. 3, 4), розвиток яких забезпечує економічну безпеку країни, експорт промислової продукції, прискорення науково-технічного прогресу і встановлення оптимальних щодо сьогоднішніх потреб господарських пропорцій на ближчу і далеку перспективу.

Як визначається в економічній літературі, під регіональною інвестиційною політикою розуміють систему заходів, проведених на рівні регіону і сприятливих щодо мобілізації інвестиційних ресурсів і визначення напрямів їх найбільш ефективного і раціонального використання в інтересах населення регіону, а також окремих інвесторів [1].

Інвестиційна політика в кожному регіоні має свої особливості, що можуть бути обумовлені такими факторами: економічною та соціальною політикою, яка проводиться в регіоні; величиною наявного виробничого потенціалу; природними та кліматичними умовами;

Таблиця 3

Капітальні інвестиції за видами активів, млн грн

Показники	2010		2011		2012	
Усього	189060,6	100,0	259932,3	100,0	293691,9	100,0
<i>Інвестиції у матеріальні активи, в т. ч.:</i>	182075,8	96,3	250501,6	96,4	285146,3	97,1
житлові будівлі	28735,9	15,2	29557,5	11,4	38549,0	13,1
нежитлові будівлі	38912,3	20,6	51324,7	19,7	56811,3	19,3
інженерні споруди	40756,7	21,5	67692,5	26,0	64848,9	22,1
машини, обладнання та інвентар	55182,6	29,2	73167,0	28,2	85938,0	29,3
транспортні засоби	11398,7	6,0	18924,9	7,3	28195,5	9,6
земля	1291,9	0,7	2311,0	0,9	1803,6	0,6
довгострокові біологічні активи рослинництва та тваринництва	2011,3	1,1	3070,4	1,2	1942,9	0,7
інші матеріальні активи	3786,4	2,0	4453,6	1,7	7057,1	2,4
<i>Інвестиції у нематеріальні активи</i>	6984,8	3,7	9430,7	3,6	8545,6	2,9

оснащеністю енергетичною сировиною; географічним місцезнаходженням і геополітичним становищем; станом навколишнього середовища; демографічною ситуацією; привабливістю регіону для іноземних інвестицій та ін.

Дедалі більшу роль в інвестиційній діяльності останнім часом відіграють окремі (не завжди малі) підприємства й організації. Виходячи з цього, істотно підвищується роль інвестиційної політики кожного підприємства, яке претендує на власне місце у зовнішньоекономічній діяльності держави.

Багато проблем формування інвестиційного процесу в умовах сучасної України обумовлені відсутністю чітко розробленої стратегії

інвестиційної політики. Стратегія інвестиційної політики є стрижнем розвитку економіки, який забезпечує ефективну взаємодію всіх рівнів, починаючи від підприємств і охоплюючи всі види економічної діяльності України (табл. 4).

Таблиця 4

**Капітальні інвестиції за видами економічної діяльності,
млн грн**

	2010	2011	2012
Усього	189060,6	259932,3	293691,9
Сільське господарство, мисливство, лісове господарство	12061,6	17005,4	19362,9
сільське господарство, мисливство та пов'язані з ними послуги	11880,9	16703,6	19089,7
Рибальство, рибництво	74,0	49,5	43,0
Промисловість	55661,0	89033,3	103172,8
Добувна промисловість	15685,0	24287,6	31554,5
Переробна промисловість	30078,8	43084,6	43358,8
Виробництво та розподілення електроенергії, газу та води	9897,2	21661,1	28259,5
Будівництво	27942,5	29122,3	37313,0
Торгівля; ремонт автомобілів, побутових виробів та предметів особистого вжитку	19626,4	24357,8	24858,4
Діяльність готелів та ресторанів	1522,6	2225,3	2856,3
Діяльність транспорту і зв'язку	26387,1	32516,1	39635,4
Фінансова діяльність	5297,3	5711,9	7148,6
Операції з нерухомим майном, оренда, інжиніринг та надання послуг підприємцям	23085,7	37413,6	36069,3
Державне управління	8597,9	12507,6	12702,6
Освіта	1920,0	2185,5	1492,4
Охорона здоров'я та надання соціальної допомоги	2477,9	2491,0	3134,6
Надання комунальних та індивідуальних послуг; діяльність у сфері культури та спорту	4406,6	5313,0	5902,6

* За даними Держкомстату України

Грошово-кредитна політика широко використовується державою в процесі державного регулювання економіки. Грошово-кредитна політика націлена на: забезпечення стійкості грошового обігу; оптимізацію обсягу і структури грошової маси; керування емісією (випуском) грошей; формування та ефективне використання кредитних ресурсів; регулювання інфляції; досягнення стабільного обмінного курсу національної грошової одиниці (гривні); забезпечення своєчасності і безперебійності розрахунково-платіжних операцій у галузях економіки; регулювання банківської системи (комерційних і державних банків); управління діяльністю фінансового ринку; регламентацію емісії і розміщення державних і корпоративних цінних паперів та їх обігу (курсу купівлі і продажів).

Останнім часом дедалі більшого значення в країнах світу набуває політика у сфері міжнародних фінансів, особливо в глобалізованих умовах світової економіки. В її основі лежить управління валютно-фінансовими і кредитними відносинами. Вона пов'язана з міжнародним поділом праці, формуванням і погашенням державного зовнішнього боргу, з участю нашої країни в діяльності міжнародних організацій, у тому числі міжнародних фінансових організацій. Міжнародна фінансова політика країн спрямована на розвиток продуктивних сил країни і на те, щоб зайняти вагоме місце на міжнародних ринках сировини, товарів, робочої сили і капіталів.

При проведенні політики в глобалізаційних умовах у сфері міжнародних фінансів наша держава спрямовує свої зусилля, зокрема на: інтеграцію у світову фінансову систему; визнання України країною з ринковою економікою; повномасштабну участь України в групі промислово розвинених країн світу; вступ у міжнародні організації, у тому числі й до Світової організації торгівлі (СОТ); зміцнення позицій в Міжнародному Валютному Фонді і Світовому Банку реконструкції і розвитку; урегулювання зовнішньої заборгованості; підвищення стійкості курсу гривні відносно іноземних валют.

Отже, можемо зробити висновок, що для реалізації фінансової політики, успішного її проведення в глобалізаційних умовах потрібен відповідний фінансовий механізм, що являє собою сукупність способів організації фінансових відносин, застосовуваних суспільством з метою

забезпечення сприятливих умов для економічного і соціального розвитку. Цей фінансовий механізм має включати всі види, форми і методи організації фінансових відносин. Сполучення цих елементів утворить конструкцію фінансового механізму, що приводиться до руху шляхом установаження кількісних параметрів кожного елемента, тобто певних ставок і норм вилучення, обсягу фондів, рівня витрат та ін.

Список літератури

1. Бідник Н. Б. Співпраця України з міжнародними фінансовими організаціями як чинник економічного розвитку держави / Н. Б. Бідник // *Наук. вісн. НЛТУ України*. – 2009. – Вип. 19.3. – С. 153–157.

2. Дем'яненко С. Агрохолдинги в Україні: процес становлення та розвитку / С. Дем'яненко // *Економіка України*. – 2009. – № 11.

3. Малік М. Й. Актуальні питання диверсифікації виробництва в аграрній сфері / М. Й. Малік // *Ефективна економіка (Електронний журнал)*. – 2012. – № 12. – С. 260. – Режим доступу: <http://www.economy.nayka.com.ua/?op=1&z=1689>

4. Савченко К. В. Вплив міжнародних фінансових організацій на реалізацію стабілізаційної політики в Україні / К. В. Савченко // *Вісн. Донецького нац. ун-ту економіки і торгівлі ім. М. Туган-Барановського*. – 2012. – № 3 (55). – С. 34–38.

5. Стецюк П. А. Проблеми фінансового забезпечення сільськогосподарських підприємств / П. А. Стецюк // *Облік і фінанси*. – 2011. – № 4.

6. Чупіс А. Фінансова безпека сільськогосподарських підприємств / А. Чупіс // *Вісн. Сумського нац. аграрного ун-ту*. – Серія «Фінанси і кредит». – 2009. – № 2.

7. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://economics.unian.net>

8. Статистичні дані Держкомстату України за 2012 рік [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.ukrstat.gov.ua>

Е. В. Жуковская

СТРУКТУРА И ДИНАМИКА ЭКОНОМИЧЕСКОГО ДОВЕРИЯ

STRUCTURE AND DYNAMICS OF ECONOMIC TRUST

Аннотация

Целью данной статьи является выявление структуры экономического доверия, отображающей закономерность взаимосвязи динамики уровня доверия и экономических показателей. Применяя институциональную и сетевую методологию исследования, можно доказать, что зависимость между косвенными индикаторами экономического доверия и уровнем непосредственно измеряемого доверия носит корреляционный характер. Эмпирически существование корреляционной зависимости подтверждается при анализе статистических данных относительно динамики уровня доверия к Национальному банку Украины и динамики соотношения вкладов в национальной и иностранной валюте. Ключевыми проблемами перспективных исследований в данной сфере являются выявление наиболее адекватных индикаторов для оценки частных видов экономического доверия и устранение существующего недостатка официальных статистических данных относительно динамики частных видов доверия для выявления и подтверждения корреляционных связей с внешними индикаторами.

Ключевые слова: доверие, структура доверия, динамика доверия, индикаторы доверия, экономическое доверие, экономический рост, институт доверия, сетевые взаимодействия.

Анотація

Метою цієї статті є виявлення структури економічної довіри, що відображає закономірність взаємозв'язку динаміки рівня довіри і економічних показників. Застосовуючи інституціональну і мережеву методологію дослідження, можна довести, що залежність між непрямими індикаторами економічної довіри і рівнем безпосередньо вимірюваної довіри носить кореляційний характер. Емпірично існування кореляційної залежності підтверджується при аналізі статистичних даних відносно динаміки рівня довіри до Національного банку України і динаміки співвідношення вкладів у національній і іноземній валюті. Ключовими проблемами перспективних досліджень у цій сфері є виявлення найбільш адекватних індикаторів для оцінки окремих видів економічної довіри

й усунення існуючого недоліку офіційних статистичних даних відносно динаміки окремих видів довіри для виявлення і підтвердження кореляційних зв'язків із зовнішніми індикаторами.

Ключові слова: довіра, структура довіри, динаміка довіри, індикатори довіри, економічна довіра, економічне зростання, інститут довіри, мережеві взаємодії.

Annotation

The article aims at the exposure of structure of economic trust, representing adequacy mutual link of trust level dynamics and economic indicators. With the application of institutional and network research methodology, cross-correlation character of dependence between the indirect indicators of economic trust and level of directly measureable trust has been proved. The empiric analysis of statistical data in relation to the dynamics of level of trust to the National bank of Ukraine and dynamics of correlation of national and foreign currency bank holding has confirmed the existence of their cross-correlation dependence. The key problems of further researches in this sphere are an exposure of the most adequate indicators for the estimation of special types of economic trust and elimination of existent lack of official statistical figures in relation to the dynamics of special types of trust to distinguish and confirm cross-correlation with external indicators.

Key words: trust, structure of trust, dynamics of trust, indicators of trust, economic trust, economy growing, institute of trust, network co-operations.

Норма доверия испытывает на себе влияние сложившейся в обществе структуры формальных и неформальных институтов, но, в то же время, сама является частью институциональной матрицы и частично предопределяет доминирование одних институтов над другими. Институционализация нормы доверия в деловых отношениях служит основанием для распространения практики неполных контрактов, способствует возникновению новых организационных форм и является необходимым условием для заключения контрактов, предполагающих долгосрочные инвестиции в специфические активы. Значительное влияние уровня доверия на социальные, производственные, финансовые отношения делает доверие одним из важнейших параметров развития экономики.

Истоки исследований роли доверия в экономической системе можно найти в работах классиков экономической теории: А. Смита,

Дж. Кейнса, Дж. Акерлофа и Р. Шиллера. Различные аспекты проявления доверия в экономической системе, хозяйственной деятельности и финансовых отношениях раскрыты в трудах отечественных ученых: В. Гейца, А. Гриценко, В. Лагутина, И. Малого, В. Яременко, О. Яременко, Т. Кричевской, В. Куриляк и др. Однако, с нашей точки зрения, недостаточно изученными остаются вопросы определения характера взаимосвязи между динамикой доверия и различными показателями экономической реальности.

Целью данной статьи является выявление структуры экономического доверия, отображающей закономерность взаимосвязи динамики уровня доверия и экономических показателей.

Многие ученые (Н. Луманн, Р. Путнам, К. Эрроу, С. Кнак, Ф. Фукуяма и др.) рассматривают уровень социального доверия как одну из основных детерминант экономического роста. Ученые утверждают, что высокий уровень доверия в экономике стимулирует деловую активность и способствует экономическому росту. Доверие включается в структуру финансовых мультипликаторов. Реализуясь посредством сетевых взаимодействий, доверие подвержено сетевым эффектам.

Как отмечают Дж. Акерлоф и Р. Шиллер, изменения в доверии приведут на следующем круге к изменению как доходов, так и дальнейшего доверия, а каждое из этих изменений будет, в свою очередь, влиять и на доход, и на доверие на всех последующих кругах [2, с. 39]. Мультипликативный эффект проявляется как при росте, так и при снижении доверия. Недавний финансовый кризис наглядно показал скорость протекания цепной реакции снижения доверия.

Недостаток доверия привел к замораживанию рынков кредитования. Кредитные организации не верят, что получают свои деньги назад. В этих обстоятельствах те, кто хотел бы тратить, не в состоянии получить кредит, а товаропроизводители не могут получить необходимый оборотный капитал. В итоге обычные финансово-бюджетные мультипликаторы, связанные, например, с повышением государственных расходов или уменьшением налогов, сокращаются [2, с. 40].

Прямую взаимосвязь уровня экономического доверия и инвестиционной деятельности отмечал еще Дж. Кейнс: «Не существует

двух отдельных факторов, воздействующих на размер инвестиций, а именно: графика предельной эффективности капитала и состояния уверенности. Последнее имеет значение в силу того, что оно является одним из главных факторов, определяющих график предельной эффективности капитала, или, что то же самое, график инвестиционного спроса» [3].

Полагаем, что уровень доверия обуславливает как инвестиционный спрос, так и инвестиционное предложение, так как необходимо иметь определенный уровень уверенности в объекте инвестирования, чтобы принять риски, связанные с процессом инвестирования. Таким образом, направление инвестиций показывает вектор доверия.

Наряду с исследованием влияния уровня и специфики доверия на развитие социальных и экономических институтов прослеживается и обратный процесс. В частности, исследуется наличие положительного влияния экономической свободы и демократических институтов на особенное (*particularized trust*) и обобщенное доверие (*generalized trust*) [1]. Анализ проводится в разрезе следующих институтов: размер правительства (степень влияния государства на свободу транзакций и выбор), правовая структура и защищенность прав собственности, финансовая (денежная) стабильность и предсказуемость, свобода сделок с иностранцами, регулирование кредита, труда и бизнеса. Посредством анализа эмпирических данных выявлено, что наибольшее влияние на развитие доверия оказывает правовая структура и защищенность прав собственности. Положительный эффект достигается посредством стремления экономических агентов снизить транзакционные издержки и повышения институционализации рыночной среды.

Центр «Социальный мониторинг» совместно с Украинским институтом стратегических исследований имени А. Яременко проводит мониторинг общественного мнения по измерению уровня доверия по отношению к основным социальным и политическим институтам страны (табл. 1). Негативные ожидания сказываются на оценках всех политических институтов. Негативно оценивается работа Верховной Рады Украины (78%), Кабинета Министров (негативно оценили его деятельность в целом 73%) и т. д. Отрицательные показатели доверия

Таблиця 1

Динамика уровня доверия, %

Институт	2005/03	2006/01	2006/12	2007/06	2008/12	2009/12	2010/12	2012/03
Верховная Рада	10,7	-39,3	-44,4	-44,7	-81,2	-71,9	-45,5	-62,3
Правительство	22,6	-27,6	-29,8	-28,9	-62,9	-61,5	-31,8	-51,8
Национальный банк	15,3	-3,5	-22,3	-19,1	-75,5	-66	-42,8	-47,6
Милиция	-10,2	-20	-34,2	-39,1	-50,6	-43,5	-45,3	-48,6
Вооруженные Силы Украины	40	30,4	10,2	12,4	-0,3	6,3	10,7	9,9
Правоохранительные органы	5,3	-9	-23,9	-23,9	-37	-30,1	-35,5	-39,7
СБУ	16,2	2,6	-10,1	-7,9	-26,8	-18,1	19,3	-20,4
Прокуратура	-7,5	-22	-29,7	-29,2	-44,8	-39,5	-45,3	-44,4
Церковь	23	6,5	-1	-8,2	-6,8	-7,4	5,6	6,9
Политические партии	-24,8	-44,1	-51,1	-48,5	-70,3	-57,7	-41,6	-54,9
Газеты	24,6	19,1	17,2	-1,1	13,1	4,4	13,7	16,3
Радиовещание	27,6	28,6	22,9	7,2	17,8	8,7	18,9	17,2
Телевидение	35,8	42,8	34,3	20,3	27	15,8	24,2	28
Профсоюзы	-19,5	-19,7	-17,1	-22	-23,5	-26,5	-23,5	-21,3

зафиксированы также по отношению к НБУ, правоохранительным органам (милиции, СБУ, прокуратуре). Положительный баланс доверия традиционно сохраняется к церкви (конфессии, к которой принадлежит респондент) и средствам массовой информации [5].

Максимально уровень институционального доверия понизился в 2008 году, то есть сразу с началом кризиса. В условиях полного недоверия по отношению к НБУ (отрицательный показатель с 2006 года) становится довольно проблематичным проведение им стабилизационной политики.

На практике проблематично определить причинно-следственные связи между уровнем доверия и качеством работы социально-экономических институтов. Наблюдаются как прямые, так и обратные зависимости. Разрешить эту дилемму помогает институциональный подход к природе доверия.

Институт доверия, как неотъемлемая часть институциональной системы общества, вовлечен в широкий круг сетевых взаимосвязей. Сетевые связи имеют двухсторонний характер, следовательно, изменение, происходящее в одном звене системы, передается во все смежные звенья. Множественность существенных факторов, направленность и интенсивность их взаимного влияния отражается в корреляционной зависимости. Таким образом, все изменения являются взаимообусловленными, и, измеряя внешние параметры системы, можно судить о состоянии внутренних, латентных, связанных с ними процессов.

Если рассматривать структуру экономического доверия, то, с нашей точки зрения, целесообразно выделить показатели доверия, непосредственно измеряемые в социологических опросах, и внешние индикаторы уровня доверия в экономике. Доверие как норма поведения подразумевает наличие активного компонента. Его можно условно подразделить на две составляющие: аналитическую и действительную. Соответственно, и измерение доверия может быть направлено на обе составляющие.

На стадии принятия решения индивид анализирует надежность конкретного объекта доверия. Именно это осознанное субъективное доверие отображается в опросах общественного мнения. Субъективные оценки рыночных агентов по отношению к какому-либо институту не всегда совпадают с их фактическими действиями. Чтобы норма доверия реализовалась, она должна проявиться в процессе реального взаимодействия через соответствующее данной норме поведение. Следовательно, очень важным становится оценка динамики доверия по результатам его проявления (например, в случае институционального доверия – голосование, срок депозитных вкладов физических лиц и т. п., в случае персонифицированного доверия – заключение сделки).

Особое место занимают индикаторы доверия к институтам и органам государственной власти. Они косвенно отражают эффективность их функционирования и сказываются на развитии экономики в целом. К таким индикаторам можно отнести следующие:

- уровень инфляционных ожиданий;

- доля вкладов в национальной валюте;
- вложения в государственные ценные бумаги;
- объем налоговых поступлений;
- объем инвестиций в основной капитал;
- объем прямых иностранных инвестиций;
- вывоз капитала за границу и т. д.

Некоторые из данных показателей имеют прямое экономическое значение, некоторые являются следствием и индикатором общих социально-экономических ожиданий (позитивных или негативных прогнозов).

Зависимость экономических показателей от их ожидаемой величины была отмечена еще Дж. Кейнсом: «Видимо, точнее было бы сказать не то, что норма процента есть в значительной степени психологический феномен, а что она есть в значительной степени конвенциальный феномен. Ведь ее фактическая величина в большой мере определяется преобладающим взглядом на ее ожидаемую в будущем величину. Любой уровень процента действительно будет прочным, если он с достаточной убежденностью принимается за таковой, притом, разумеется, что в изменяющейся общественной ситуации происходят колебания в силу всякого рода причин вокруг ожидаемого нормального уровня» [3].

Особенно остро динамика доверия видна в период экономического кризиса, так как доверие резко лишается оснований. При этом степень и динамика доверия соотносятся с динамикой общей рыночной конъюнктуры.

Как показывают данные, скорости восстановления доверия наиболее соответствует динамика показателя объема инвестиций в основной капитал (табл. 2) [4]. Его резкое снижение обусловлено сокращением свободных денежных средств и негативными экономическими ожиданиями экономических субъектов, что делает инвестирование в специфические активы нецелесообразным. Как видим, докризисный уровень инвестиций в основной капитал был восстановлен только в 2011 году.

Слабые национальные институциональные традиции порождают рост доверия к иностранным институтам, в частности, к иностранной

валюте. Индикаторами этого могут быть валютный курс и объем депозитных вкладов в иностранной валюте (табл. 3) [4].

Таблица 2

Динамика розничного товарооборота, реализации промышленной продукции и объема инвестиций в основной капитал в Украине

Период	Розничный товарооборот, млн грн	Реализация промышленной продукции, млн грн	Объем инвестиций в основной капитал, млн грн
2007	129952	600054,0	188486,1
2008	178233	779126,8	233081,0
2009	246903	668956,0	151776,8
2010	230955	891169,5	171091,9
2011	280890	1120325,4	238174,6

Таблица 3

Официальный курс гривны к иностранным валютам, установленный Национальным банком Украины, средний за период

Валюта	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	9 мес. 2012 года
100 дол. США	512	505	505	526	779	793	796	799
10 руб.	1,81	1,86	1,98	2,11	2,47	2,61	2,72	2,58
100 евро	639	634	692	771	1087	1053	1109	1024

Как видим, на протяжении 2008–2009 годов происходило увеличение доли депозитов в иностранной валюте, и в 2009 году она превысила 48% от общей массы депозитов (рис. 1) [3].

Можно проследить корреляционную зависимость между уровнем доверия по отношению к Национальному банку Украины и долей вкладов в национальной валюте (рис. 2). При этом коэффициент корреляции составляет 0,82, то есть имеется достаточно сильная положительная корреляционная зависимость – стремление сберегать

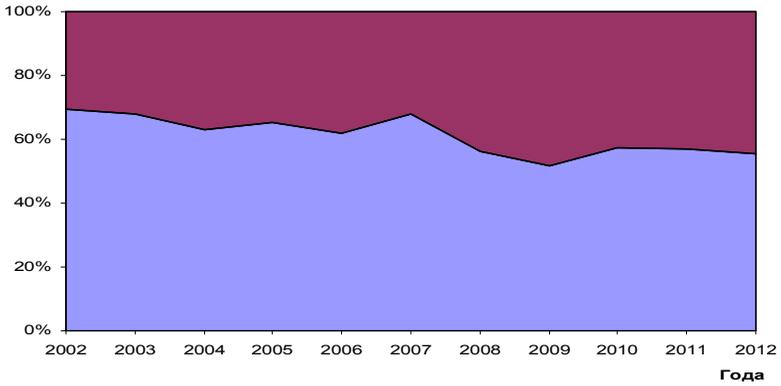

Рис. 1. Соотношение депозитов, положенных в национальной (внизу) и иностранной (вверху) валюте, %

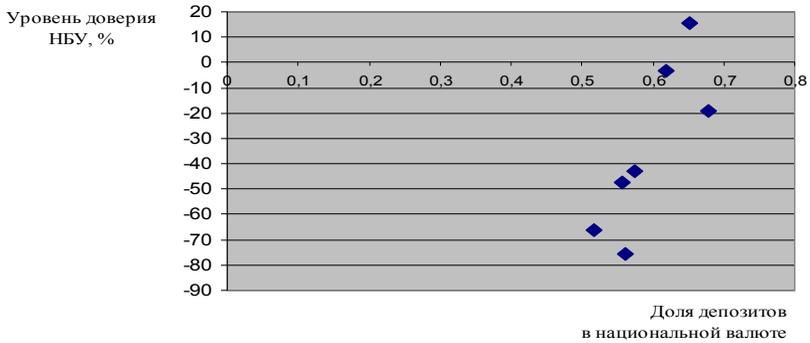

Рис. 2. Зависимость между уровнем доверия к НБУ и долей депозитов в национальной валюте

средства в национальной валюте на 82% объясняется степенью доверия Национальному банку (оставшиеся 18% характеризуют влияние других существенных факторов).

Несмотря на схожую динамику прироста наличной иностранной валюты вне банков [4] и потери доверия к Национальному банку, наблюдается слабая отрицательная корреляция этих показателей (коэффициент корреляции составляет $-0,34$). Прирост иностранной валюты в большей степени обусловлен другими факторами и только на треть предопределен уровнем доверия к НБУ.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что подтверждается гипотеза о правомерности оценки уровня экономического доверия по

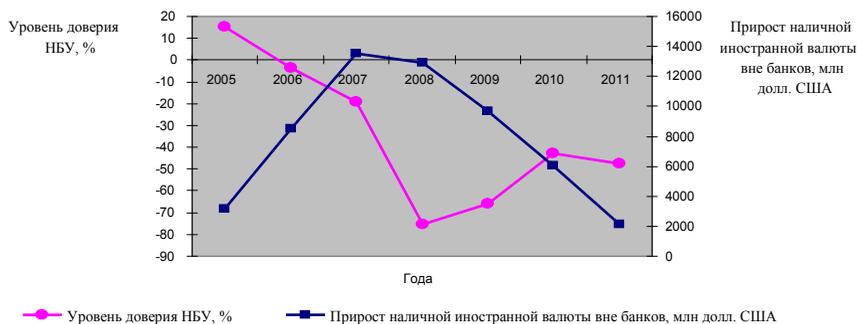

Рис. 3. Динамика уровня доверия НБУ и прироста наличной иностранной валюты вне банков

внешним индикаторам его проявления. Критическим моментом является выявление наиболее адекватных индикаторов для оценки частных видов экономического доверия (доверие банкам, доверие страховым компаниям, доверие экономическим реформам, доверие институтам рынка и т. д.). На данный момент существует недостаток официальных статистических данных относительно динамики частных видов доверия для выявления и подтверждения корреляционных связей с внешними индикаторами. По нашему мнению, данные «пробелы» методологии оценки структуры и динамики экономического

доверия должны быть включены в круг проблем перспективных исследований.

Список литературы

1. Berggren N. Trust and Growth: A Shaky Relationship [Electronic resource] / N. Berggren // IFN Working Paper. – 2007. – №. 705. – Mode of access: <http://www.ifn.se/Wfiles/wp/wp705.pdf>
2. Акерлоф Дж. Spiritus Animalis, или Как человеческая психология управляет экономикой и почему это важно для мирового капитализма / Дж. Акерлоф, Р. Шиллер ; пер. с англ. Д. Прияткина ; под науч. ред. А. Суворова ; вступ. ст. С. Гуриева. – М. : ООО «Юнайтед Пресс», 2010. – 273 с.
3. Кейнс Д. М. Общая теория занятости, процента и денег [Электронный ресурс] / Д. М. Кейнс. – Режим доступа: <http://books.efaculty.kiev.ua/isekvc/9/>
4. Официальный сайт Национального банка Украины [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bank.gov.ua>.
5. Українське суспільство 1992–2012. Стан та динаміка змін. Соціологічний моніторинг [Текст] / за ред. д-ра екон. наук М. Шульги. – К. : Ін-т соціології НАН України, 2012. – 606 с.

УДК 658.012.34

О. А. Иванова

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ЧАСТНЫХ ЛОГИСТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

ECONOMIC EXPLANATION OF PARTICULAR LOGISTICS DECISIONS

Аннотация

Выполнен анализ подходов к оценке эффективности частных логистических решений. Обобщены известные методические подходы к экономическому обоснованию организационно-технических решений в системе логистики, раскрыто экономическое содержание имеющих определенную специфику логистических решений.

Доказана необходимость совершенствования методов оценки эффективности частных логистических решений, целесообразность обоснования организационно-технических решений и на этой основе проведение комплексной оценки эффективности принятия управленческих решений в системе логистики. Выявлена связь между методикой оценки эффективности инновационно-инвестиционной деятельности и обоснованием целесообразности принятия логистических решений. Охарактеризованы показатели эффективности логистической системы и границы их применения при оценке эффективности частных логистических решений. Указана необходимость учета фактора времени в расчетах эффективности частных логистических решений.

Представлена взаимосвязь обоснованной политики в логистических системах и конкурентоспособности предприятия в целом.

Ключевые слова: логистика, эффективность, логистические системы, оценка, логистические решения, показатели, методы.

Анотація

Виконаний аналіз підходів до оцінки ефективності приватних логістичних рішень. Узагальнені відомі методичні підходи до економічного обґрунтування організаційно-технічних рішень у системі логістики, розкритий економічний зміст тих логістичних рішень, що мають певну специфіку.

Доведена необхідність удосконалення методів оцінки ефективності приватних логістичних рішень доцільність обґрунтування організаційно-технічних рішень і проведення на цій основі комплексної оцінки ефективності ухвалення управлінських рішень у системі логістики. Виявлений зв'язок між

методикою оцінки ефективності інноваційно-інвестиційної діяльності та обґрунтуванням доцільності ухвалення логістичних рішень. Охарактеризовані показники ефективності логістичної системи та межі їх застосування при оцінці ефективності приватних логістичних рішень. Вказана необхідність урахування чинника часу в розрахунках ефективності приватних логістичних рішень.

Представлений взаємозв'язок обґрунтованої політики в логістичних системах і конкурентоспроможності підприємства в цілому.

Ключові слова: логістика, ефективність, логістичні системи, оцінка, логістичні рішення, показники, методи.

Annotation

The analysis of approaches to evaluate particular logistics decisions has been carried out. The known methodical approaches to the economic justification of administrative and technical decisions in logistics system have been generalized; the economic content of logistics decisions with certain peculiarities has been discovered.

The necessity of improving the methods of evaluating the efficiency of particular logistics decisions, the reasonability of explaining administrative and technical decisions and carrying out complex evaluation of efficiency of taking managerial decisions in the logistics system thereupon have been proved. The connection between the methods of evaluating the efficiency of innovation and investment activities and the explanation of the reasonability of taking logistics decisions has been determined. The efficiency indices of logistics system and the limits of their application when evaluating the efficiency of particular logistics decisions have been characterized. The necessity to take the time factor into account while calculating the efficiency of particular logistics decisions has been pointed out.

The interconnection of a reasonable policy in logistics systems and the competitive ability of an enterprise as a whole has been shown.

Key words: logistics, efficiency, logistics systems, evaluation, particular logistics decisions, indices, methods.

Логистика подразумевает сложный, но вместе с тем важный и в большинстве случаев совершенно необходимый процесс. Закупочная, производственная, распределительная, транспортная, информационная логистика – это виды логистики, по каждому из которых освещено значительное число тем. Каждый из видов логистики имеет собственные цели, задачи и методы реализации. В то же время все они ориентированы на повышение эффективности работы хозяйст-

венной системы в целом, в том числе на рост эффективности функционирования логистической системы как ее составляющей.

В настоящее время привычным стало использование логистической терминологии в снабжении, на производстве, при складировании, распределении, в запасах, на транспорте. Появились и относительно новые отраслевые направления логистики – торговая, промышленная, банковская, строительная, таможенная, налоговая, международная, логистика города [1].

Несмотря на растущий интерес к логистике и на большое количество изложенных отечественными и зарубежными авторами методик по этому новому научно-практическому направлению, ряд вопросов, особенно касающихся методов экономической оценки эффективности принимаемых логистических решений, недостаточно разработаны и освещены. В связи с этим актуально изучение методики и практики расчетов экономической эффективности логистических мероприятий, внедряемых на предприятиях различных отраслей промышленности и сфер бизнеса как частные логистические решения.

Экономическая эффективность (обоснование) логистических решений не является нормативной, а дополняет отдельные методики и методы по логистике и ориентирована на методическое обеспечение принимаемых решений такого рода [2]. В настоящее время все более актуальной является необходимость обобщить известные методические подходы к экономическому обоснованию организационно-технических решений, раскрыть экономическое содержание имеющих определенную специфику логистических решений, предложить современные усовершенствованные методы их экономического обоснования.

При этом необходимо уделять внимание таким вопросам:

- эффективность функционирования логистических систем и логистические затраты;
- оценка экономической эффективности инвестиций и логистических решений;
- оценивание выгодности создания производственных и коммерческих запасов;
- выбор и обоснование методов определения сравнительной экономической эффективности и выбор новой техники;

- экономическое обоснование выбора источников финансирования приобретения новой техники; материальное стимулирование улучшения использования оборотных средств предприятия;
- обоснование коммерческих скидок с цен в сбытовой логистике; разработка бюджетных моделей реализованных проектов.

Несмотря на кажущуюся разобщенность этих направлений, можно отметить, что все они проявляются в ходе реализации частных логистических решений. Таким образом, при обосновании целесообразности тех либо иных логистических решений необходима комплексная оценка их эффективности на основании современной и достоверной методики.

Совершенствование инфраструктуры логистических систем может быть связано с различными по технической, организационной и экономической направленности решениями. При этом различного рода улучшения предопределяют изменение капитальных и текущих затрат и направлены на получение определенных экономических выгод.

Отдельные организационно-технические решения в системе логистики, направленные на улучшение определенных сторон деятельности предприятия, называемые также частными, могут влиять на изменение лишь некоторых статей расходов предприятия. При этом методы расчета такого влияния на изменение себестоимости и чистой прибыли предприятия отличаются, что вызвано спецификой организационно-технических мероприятий и источниками экономического эффекта. Например, принятие логистических решений в вопросах управления запасами (снижение норм расхода материалов, изменение параметров поставок, формирование различного рода запасов) может привести к экономии на материальных затратах, а следовательно, к снижению себестоимости, соответственно росту массы прибыли, увеличению денежных потоков предприятия.

Не все логистические решения обязательно должны сопровождаться экономией одного или нескольких видов ресурсов. Возможно противоположное явление: для внедрения мероприятия необходимы как дополнительные капиталовложения, так и дополнительные текущие затраты. Это, в конечном итоге, приводит к росту себестоимости

изделия, снижению прибыли и т. д. К таким организационно-техническим мероприятиям, как правило, относятся новшества, направленные на повышение качества продукции. При этом единственными причинами, экономически оправдывающими дополнительные капитальные и текущие затраты, являются рост качества продукции с возможным последующим ростом ее цены и (или) рост объема продаж изделий. Предприятие должно учитывать этот факт, оценивать возможные потери и сопоставлять с будущими выгодами в перспективе.

Анализируя существующие подходы к проблеме оценки эффективности организационно-технических и, в частности, логистических решений, можно отметить, что ограничиваться выявлением экономии (прироста) затрат и повышения прибыли будет неверным. Поскольку все принимаемые решения, как правило, не являются фрагментарными, а ориентированы на перспективу, то оценка будущих расходов и доходов с учетом фактора времени будет в данном случае весьма обоснованной. Следовательно, использование при оценке эффективности частных логистических решений показателей эффективности инвестиционного проекта с учетом фактора времени является целесообразным и необходимым [4; 5].

Также необходим учет абсолютной и сравнительной эффективности. Так, для оценки уровня абсолютной эффективности следует использовать показатель чистого денежного потока (ЧДП), а для оценки сравнительной эффективности капиталовложений применять показатель прироста ЧДП по сравниваемым вариантам альтернативных логистических решений (Δ ЧДП) [3].

Польза оценки Δ ЧДП по сравниваемым вариантам несомненна, особенно в том случае, если сравниваются организационно-технические решения, приводящие не к общесистемным, а к частичным улучшениям показателей логистической системы, а также производственного процесса, показателей деятельности и т. п. К таким можно отнести выбор оборудования при покупке, обоснование целесообразности создания запасов материальных и топливно-энергетических ресурсов, применение прогрессивных методов транспортировки и складирования грузов и т. п. [4].

В этих случаях изменяются только некоторые слагаемые затрат

и результатов и для вывода об эффективности внедряемых организационно-технических мероприятий достаточно ограниченной информации. То есть, если речь идет об отдельных улучшениях действующего производства либо элементов логистических процессов, то показатели сравнительной эффективности можно определить, соизмеряя дополнительные капиталовложения и экономию эксплуатационных издержек или уменьшение себестоимости, прирост прибыли по отдельным, изменяющимся факторам.

Обобщая все вышесказанное, можно сделать вывод о необходимости совершенствования методов оценки эффективности частных логистических решений, целесообразности обоснования организационно-технических решений и на этой основе – проведения комплексной оценки эффективности принятия управленческих решений в системе логистики с использованием современных методов оценки экономической эффективности инновационно-инвестиционной деятельности предприятия. Обоснованная политика принятия решения в системе логистических процессов сможет не только существенно оптимизировать затраты предприятия, но и повысить конечные финансовые показатели, его инвестиционную привлекательность и конкурентоспособность в целом.

Список литературы

1. Василик О. Д. Державні фінанси України : підручник для студ. екон. спец. ВНЗ / О. Д. Василик, К. В. Павлюк ; Київ. нац. ун-т ім. Тараса Шевченка. – Вид. 2-ге, перероб. та доп. – К. : Центр навч. л-ри, 2004. – 606 с.
2. Моисеева Н. К. Экономические основы логистики : учебник / Н. К. Моисеева. – М. : ИНФРА-М, 2008. – 528 с.
3. Пелихов Е. Ф. Экономическая эффективность инноваций : монография / Е. Ф. Пелихов ; Нар. укр. акад. – Харьков : Изд-во НУА, 2004. – 162 с.
4. Пелихов Е. Ф. Экономическая эффективность логистических решений : конспект лекций для студентов, обучающихся по специальности 7.050107 – Экономика предприятия / Е. Ф. Пелихов, О. А. Иванова ; Нар. укр. акад. – Харьков : Изд-во НУА, 2008. – 92 с.
5. Хлынин Э. В. Современные подходы к оценке эффективности инвестиционных вложений в основной капитал / Э. В. Хлынин, Е. И. Хорошилова // *Фундаментальные исследования*. – 2011. – № 8. – С. 239–243.

УДК 331.103.15:311

Л. І. Комір

**ПРОБЛЕМИ СТАТИСТИЧНОГО ОЦІНЮВАННЯ
ЛЮДСЬКОГО КАПІТАЛУ
PROBLEMS OF HUMAN CAPITAL STATISTICAL
ESTIMATION**

Аннотация

В статье рассмотрены теоретические основы изучения человеческого капитала; проанализированы различные подходы к оценке человеческого капитала как составного элемента интеллектуального капитала (в частности, затратный и рентный). Целью статьи является выявление проблем при формировании информационной базы расчета статистических показателей, характеризующих количественные и качественные аспекты человеческого капитала. Проанализировано современное состояние образовательной деятельности в Украине как одного из основных источников формирования человеческого капитала. На примере статистических показателей образовательной деятельности доказана необходимость расширения программ государственного статистического наблюдения программами выборочных исследований. Предложено распространить выборочные исследования на различные виды неформального образования. Сделан вывод о необходимости проведения выборочных исследований для уточнения данных текущей статистической отчетности на микро- и макроуровне.

Ключевые слова: человеческий капитал, методология изучения интеллектуального капитала, статистическая оценка, источник информации, экономический рост.

Анотація

У статті розглянуто теоретичні основи вивчення людського капіталу; проаналізовано різні підходи до оцінки людського капіталу як складового елементу інтелектуального капіталу (зокрема, витратний та рентний). Метою статті є виявлення проблем при формуванні інформаційної бази розрахунку статистичних показників, що характеризують кількісні та якісні аспекти людського капіталу. Проаналізовано сучасний стан освітньої діяльності в Україні як одного з основних джерел формування людського капіталу. На прикладі статистичних показників освітньої діяльності доведено необхідність розширення програм державного статистичного спостереження

програмами вибіркового дослідження. Запропоновано поширення вибіркового дослідження на різноманітні види неформальної освіти. Зроблено висновок про необхідність проведення вибіркового дослідження для уточнення даних поточної статистичної звітності на мікро- і макрорівні.

Ключові слова: людський капітал, методологія вивчення інтелектуального капіталу, статистична оцінка, джерело інформації, економічне зростання.

Annotation

Theoretical bases for the study of the human capital has been considered in the article and different approaches to estimation of the human capital as the component element of intellectual capital (in particular, expense and rent) have been analysed. The purpose of the article is to elicit the problems while forming the informative basis for the calculation of statistical indexes characterizing the quantitative and qualitative aspects of human capital. The modern state of educational activity has been analysed in Ukraine as one of the basic sources of forming the human capital. Statistical indicators of educational activity were taken as the example to show the necessity of expansion of the programs of state statistical supervision at the expense of the programs of selective researches. The paper suggests spreading selective researches on the different types of informal education. The conclusion states the necessity of selective study to specify current statistical data at micro- and macro levels.

Key words: human capital, methodology of estimation of intellectual capital, statistical estimation, information generator, economy growing.

Інтелектуальний капітал є одним з напрямів у вивченні потенційних чинників розвитку, які на макрорівні розглядаються в тісному зв'язку з концепціями національних багатств і економічного зростання окремих країн. На мікрорівні – інтелектуальний капітал є чинником існування і розвитку суб'єкта господарської діяльності. Оцінка інтелектуального капіталу представляє інтерес для закордонних і вітчизняних фахівців, серед яких слід назвати Бонфура А., Дятлова С. А. [2], Клімова З. М., Косьміна А. Д., Супрун В. А., Кадомцеву В. А. та ін.

Людський капітал, знаходячись в основі інтелектуального капіталу, є складним об'єктом для вивчення, оцінки й управління на різних рівнях. Людський капітал – це здібності, відображені в освіті, досвіді, знанні. Людський капітал утілює ключові чинники успіху, які забезпечують конкурентну перевагу в сьогоденні й майбутньому. Правильна оцінка

людського капіталу дає об'єктивну оцінку всього капіталу компанії, а також добробуту всього суспільства в цілому. Проте через невідчутну природу цього ресурсу часто важко винайти для нього спосіб вимірювання.

Метою статті є виявлення проблем при формуванні інформаційної бази розрахунку статистичних показників, що характеризують кількісні й якісні аспекти людського капіталу.

Поява теорії людського капіталу пов'язана з науковими роботами класиків Вільяма Петті, Адама Сміта, Альфреда Маршалла. Теоретичні основи були сформульовані американським економістом Теодором Шульцем, а базова теоретична модель була розроблена Гері Беккером [1]. Г. Беккер першим здійснив статистично об'єктивний підрахунок економічної ефективності процесу освіти, визначивши віддачу від вкладень у навчання як співвідношення доходів до витрат.

У даний час єдиної методики оцінки людського капіталу не існує. Слід зазначити, що при оцінці людського капіталу виникає проблема вимірювання його вартості у зв'язку з безліччю не кількісних характеристик (наприклад, рівень освіти). Проте необхідно визнати, що існують об'єктивні причини необхідності формалізації людського капіталу, його вимірювання для подальшого ефективного управління. Наявні методи вимірювання людського капіталу мають ряд недоліків.

Найбільш визнаними є два основних підходи до оцінки людського капіталу: витратний і прибутковий (рентний). Витратний підхід засновано на підсумовуванні сукупних витрат на освіту, професійну підготовку фахівців і інші витрати суспільства, які відносять звичайно до інвестицій у людський капітал (підтримка здоров'я, пошук роботи й відповідної інформації про заробітки, міграцію). Вартість людського капіталу визначається результатом накопичень чистих інвестицій у розвиток людини як майбутнього працівника на всіх стадіях його життєвого циклу.

Рентний підхід припускає оцінку одержуваних працівниками доходів, які відображають віддачу засобів, вкладених у відповідний освітній і кваліфікаційний рівень. Застосування рентного підходу до оцінки людського капіталу припускає, перш за все, використання капіталізації доходу, що одержується від використання даного виду капіталу. Саме

в цьому випадку відображається накопичення людського капіталу нинішнім поколінням і потенціал його використання в перспективі.

Вартісне вимірювання людського капіталу за допомогою двох вищеписаних методів базується на системі ринкових цін і оплати праці, яка дозволяє відтворювати все людство. Дана інформація, з позиції статистики, достатньо об'єктивна і відображає тенденції на регіональних і світових ринках праці, але вона все ж таки не може повною мірою виявляти якісні особливості людського капіталу.

Крім того, обидва методи є некоректними, оскільки зовсім не враховують якість людського капіталу, а зводяться лише до того, який дохід працівник приносить компанії або скільки компанія витрачає на нього. Цей недолік частково усуває експертний метод, який полягає в тому, що оцінці піддаються якісні показники, характеризуючі як індивідуальні особливості конкретного працівника, так і властивості працівників підприємства в сукупності. Експертний метод (метод якісної оцінки) є важливою ланкою в системі методів оцінки людини, оскільки з усіх існуючих моделей найоб'єктивніше оцінює якісні складові людського капіталу. Проте обмеження тільки даним методом не дозволяє одержати вартісне вимірювання людського капіталу. Це, очевидно, пов'язано з неможливістю адекватного переходу від якісних показників до кількісних.

У сучасній статистиці поки не створено систему показників, яка могла б оцінити якість людського капіталу, тому пріоритетним завданням є розробка агрегатного показника людського капіталу. Це передбачає не тільки формування системи показників, що характеризують створення цієї форми капіталу, але й перегляд діючих концепцій обліку комплексу основних проблем статистичної оцінки людського капіталу.

В Україні вивчення людського капіталу є необхідним, але, на жаль, на даному етапі воно є слабким, оскільки не має достатньо розвинутої науково-технічної і інформаційної бази.

Проте в статистичній практиці оцінка людського капіталу здійснюється за допомогою наступних показників:

- рівень грамотності;
- кількість вищих навчальних закладів на душу населення;

- кількість викладачів на душу населення;
- кількість студентів вищих навчальних закладів чоловічої і жіночої статі на душу населення;
- кількість дипломованих фахівців на душу населення;
- частка випускників ВНЗ у загальній кількості тих, хто поступив, серед чоловіків і жінок та ін.

Ці показники мають специфічну методику розрахунку й різний рівень адекватності реальному стану людського капіталу. Проте більшості з приведених характеристик властиві проблеми якості інформаційної бази розрахунку.

Зокрема, слід зазначити особливості розрахунку показників статистики освіти як головного суб'єкта відтворення людського капіталу. Головним джерелом інформації про державні установи освіти залишається державна статистична звітність, що надається раз на рік. Програма звітності містить: відомості про чисельність, склад і рух тих, хто навчається, професійну підготовку педагогів і тривалість педагогічної роботи; дані про матеріальну забезпеченість і фінансові показники діяльності навчальних закладів. Результатом такого державного статистичного спостереження є, зокрема, наступні статистичні показники.

У 2012 р. в Україні здійснювали освітню діяльність 846 вищих навчальних закладів I–IV рівнів акредитації, зокрема 440 державних, 221 – комунальної форми власності і 185 – приватних. Серед них 501 навчальний заклад мають I–II рівні акредитації (122 училища, 120 технікумів, 238 коледжів) і 345 – III–IV рівні акредитації (197 університетів, 66 академій, 102 інститути і 1 консерваторія). Навчаються у ВНЗ I–IV рівнів акредитації більше 2 300 000 студентів (зокрема більше 50 000 іноземців), а навчають їх близько 200 000 педагогів (зокрема майже 70 000 кандидатів наук і більше 13 000 докторів наук) [3]. Очевидно, що всі вказані характеристики за своєю природою є кількісними і лише частково можуть характеризувати якість людського капіталу.

Інформаційний масив даних, що уточнюють показники державної статистичної звітності, формується в результаті вибіркового обстеження тих, хто навчається. Вони проводяться не тільки статистичними

службами, але й педагогами, соціологами та іншими фахівцями. Менш поширені дослідження, присвячені вивченню рівня життя вчителів шкіл і викладачів вищих навчальних закладів.

З переходом до ринку платних послуг, зокрема в галузі освіти, функціонують приватні навчальні заклади, розвивається навчання за програмами закордонних університетів, створюється система дистанційного навчання і т. ін. Збір даних про такі форми розвитку людського капіталу ускладнений у зв'язку з відсутністю регулярної статистичної звітності. Для вивчення ринку освітніх послуг доцільне проведення вибіркового обстеження.

Таким чином, проблема статистичного оцінювання людського капіталу полягає у створенні якісної інформаційної бази. Її формування можливе на основі поєднання програм державного статистичного спостереження і проведення вибіркового дослідження, що будуть доповнювати дані поточного статистичного спостереження інформацією, яка деталізує не кількісні характеристики людського капіталу. Створення системи статистичних показників, що адекватно оцінює кількісні та якісні особливості розвитку людського капіталу, надасть можливість більш глибокого його вивчення та ефективного управління.

Список літератури

1. Беккер Г. Человеческий капитал (главы из книги) / Г. Беккер // США: экономика, политика, идеология. – 1993. – № 11. – С. 109–119; № 12. – С. 86–104.
2. Дятлов С. А. Основы теории человеческого капитала / С. А. Дятлов. – СПб. : Изд-во СПбУЭФ, 1994. – С. 17.
3. Климко С. Г. Активізація науково-технічного й інноваційного розвитку економіки як основа механізму зростання ефективності використання людського капіталу України / С. Г. Климко // Економіка і управління. – 2012. – № 1. – С. 13–19.
4. Корчагин Ю. А. Взаимосвязь информации и человеческого капитала [Электронный ресурс] / Ю. А. Корчагин. – Режим доступа: <http://lerc.012345.ru/informatics/0001/0006/>.

УДК 339.9: 330.341

Б. М. Андрушків, І. І. Стойко, Л. М. Мельник
**ШЛЯХИ ДОСЯГНЕННЯ ІННОВАЦІЙНОЇ
КОНКУРЕНТОСПРОМОЖНОСТІ УКРАЇНИ
У КОНТЕКСТІ СТРАТЕГІЇ «ЄВРОПА 2020»**

**INNOVATIVE WAYS OF ACHIEVING THE
COMPETITIVENESS OF UKRAINE IN CONTEXTS OF
THE «EUROPE 2020» STRATEGY**

Аннотация

С целью выявления перспектив повышения конкурентоспособности Украины в контексте реализации стратегии «Европа 2020» проанализированы и обоснованы особенности и проблемы формирования рынка инноваций Украины, который имеет несколько застойный характер и требует резкого толчка в своем развитии. Освещено состояние государственной поддержки науки. Предложены направления достижения инновационной конкурентоспособности Украины и обоснована необходимость рационального использования научно-технического и образовательного потенциала с целью интеграции в европейское сотрудничество. Исследованы перспективы Украины в развитии национального рынка инновационных продуктов в контексте реализации стратегии социально-экономического развития Евросоюза. Перспектива развития Украины – это создание основательного фундамента системных инновационных преобразований на основе обновленной стратегии инновационного конкурентоспособного развития Украины с возможностью в будущем стать участником новой программы «Горизонт 2020».

Ключевые слова: рынок, инновации, развитие, стратегия, исследования и разработки, сотрудничество, перспективы.

Анотація

З метою виявлення перспектив підвищення конкурентоспроможності України у контексті реалізації стратегії «Європа 2020» проаналізовано та обґрунтовано особливості та проблеми формування ринку інновацій України, який має дещо застійний характер і потребує різкого поштовху у своєму розвитку. Висвітлено стан державної підтримки науки. Запропоновано напрямки досягнення інноваційної конкурентоспроможності України й обґрунтовано необхідність раціонального використання науково-технічного та освітнього потенціалу з метою інтегрування до європейського співро-

бітництва. Досліджено перспективи України в розвитку національного ринку інноваційних продуктів у контексті реалізації стратегії соціально-економічного розвитку Євросоюзу. Перспектива розвитку України – це створення ґрунтового фундаменту системних інноваційних перетворень на основі оновленої стратегії інноваційного конкурентоспроможного розвитку України з можливістю у майбутньому стати учасником нової програми «Горизонт 2020».

Ключові слова: ринок, інновації, розвиток, стратегія, дослідження й розробки, співробітництво, перспективи.

Annotation

In order to identify prospects for increasing Ukraine competitiveness in the context of the «Europe 2020» strategy the article analyzes and justifies characteristics and problems of formation of market innovation Ukraine, which has a some stagnation and would need a sharp jolt in its development. The condition of state support for science has been described. An innovative competitiveness ways Ukraine and the necessity of management of scientific, technical and educational capacity to integrate into European cooperation have been offered. Prospects of Ukraine development in the national market of innovative products in the context of the implementation of socio-economic development of the EU have been investigated. The prospect of Ukraine is to create a sound foundation of innovative transformation system based on an updated strategy for competitive innovation development of Ukraine in the future with the ability to join a new program «Horizon 2020».

Key words: market, innovation, development, strategy, research and development, cooperation prospects.

Сучасна динамічно мінлива світова економіка потерпає від негативних наслідків глобальної фінансово-економічної кризи. Відтак першочерговим завданням для її стабілізації є адаптація до нових реалій сьогодення. Власне, така ситуація забезпечує формування передумов для інтелектуального та інноваційного оновлення економіки й суспільства [5]. Очевидно, що для забезпечення ефективного функціонування у ринковій економіці постає проблема формування механізму управління інноваційним розвитком і підвищення інноваційної активності підприємств. Тут доречним буде вивчення досвіду зарубіжних країн.

Проблемні питання у сфері інноватики та формування інноваційної політики як на макро-, так і на мікрорівнях розглядаються зарубіжними і вітчизняними науковцями, зокрема такими, як: А. І. Амоша,

Б. М. Андрушків, В. М. Геєць, Н. В. Красноутська, Г. Румпф, В. І. Тараненко, Л. І. Федулова, Н. І. Чухрай, О. М. Ястремська та ін.

Разом із тим, низка питань, пов'язаних із проблемами й особливостями розвитку вітчизняного ринку інновацій не вичерпані; залишаються недостатньо дослідженими питання взаємозв'язку та перспектив України у стратегічному інноваційному розвитку Європейського Союзу.

Метою статті є дослідження стану вітчизняного ринку інновацій та виявлення перспектив підвищення конкурентоспроможності України у контексті реалізації стратегії «Європа 2020».

На нинішньому етапі розвитку в Україні сформовані ринковою економікою принципи господарювання ще не набрали сили. Проте все ж таки відмічається певне зародження ринку інновацій. Так, з кожним роком зростає число підприємств, що пропонують інноваційні послуги у сфері енергозбереження, енергоефективності й екології. З 1998 р. їх кількість збільшилася на порядок – від кількох десятків до кількох сотень. З'являються також підприємства, які націлені на ринок інновацій. Ця група на ринку поки що не дуже численна. Її представляють в основному технопарки при вищих навчальних закладах [6].

Щоправда, рівень державної підтримки науки в Україні є доволі низьким. Упродовж років незалежності України статистичні дані щодо фінансування інноваційної та дослідницької діяльності змінювалися кілька разів, і саме тому найбільш прийнятними для структурних і кількісних порівнянь є показники, що збирали починаючи з 1995 р.

Упродовж 1991–2009 рр. номінальні показники витрат на ДР виросли у 101 970 разів у поточних цінах, але після вилучення чинника інфляції витрати на ДР надзвичайно знизилися – у 4,48 рази впродовж 1991–1996 років, а пізніше, з 1997 по 2004 рр., вони збільшилися у 1,51 разів, і впродовж п'яти останніх років знову знизилися у 1,40 разів відносно рівня 2004 р. Історичний максимум витрат на ДР у перерахунку на міжнародний долар у паритеті купівельної спроможності (ПКС) національної валюти був встановлений у 2004 р. (3085,44 млн доларів), а мінімум (1744,16 млн доларів) – у 1999 р.

Починаючи з 2005 р. рівень державної підтримки науки в Україні різко знизився (до 0,37%), що відобразилося у зниженні частки загального фінансування наукової галузі у ВВП, яка у 2008 р. впала

до 0,85%, і це найгірший показник для України впродовж останніх 50 років. Для порівняння зазначимо, що в Радянській Україні цей показник перевищував 3% у 1990 р. і саме такий результат є програмною метою для країн ЄС, яку необхідно було досягти у 2010 р.

Якщо б гіпотетично наукова інтенсивність ВВП підтримувалася на рівні 2004 р., обсяг витрат на науку у 2007 р. (із запровадженням відповідного рівня контролю за інфляцією) міг досягти рівня 1992 р., а до 2015 р. він міг досягти рівня 1991 р. На жаль, зараз можна зробити висновок, що формально Україна суттєво відхилилася від траєкторії 2003–2007 рр. Таким чином, чіткий зв'язок між рівнями підтримки науково-технічної галузі та особливостями макроекономічних тенденцій спостерігається, і його можна сприймати переважно у негативному аспекті [2, с. 314–318].

На даний час на промисловому ринку України вимальовується явна перевага пропозицій від розробників приладів, технологій, установок тощо над можливостями ринку вкласти в їхні нововведення кошти з метою втілення ідей у товар.

У зв'язку зі слабкістю економіки кошти на інновації підприємства не є значними і частіше за все нововведення на ринку є продуктом героїчних зусиль групи ентузіастів. Щоправда, такий підхід рідко перетворює їхні нововведення у масштабний вихід на товарний ринок, затребуваний попитом.

Ринок енергозберігаючого устаткування і технологій у нашій країні більше схожий на «дикий ринок», де чесна конкуренція замінена явним лобіюванням інтересів окремих фірм, навіть при проведенні тендерних торгів [6].

В основному промислові підприємства вкладають свої кошти в ремонт значно зношених основних засобів виробництва. Для прикладу, знос виробничих фондів в електроенергетиці становить більше 42%, а у паливній промисловості – більше 43%. Рівень упровадження інновацій та освоєння інноваційних продуктів на промислових підприємствах України відображено на рис. 1. Варто підкреслити, що підприємства спрямовують кошти переважно на освоєння виробництва нових видів продукції, а впровадження нових технологій не характеризується високим попитом, особливо в останні роки.

Рис. 1. Упровадження та освоєння інновацій на промислових підприємствах України (узагальнено на основі статистичних даних)

Отже, протягом 2000–2009 рр. упровадження нових технологічних процесів на промислових підприємствах України є доволі сталим, незважаючи на те, що даний показник у декілька разів менше порівняно з аналогічними іноземними підприємствами. Окрім цього, можна відмітити, що стрибкоподібним було освоєння виробництва нових видів продукції. Це пояснюється, перш за все, кризовим середовищем підприємництва.

Зауважимо, що навіть незначні результати здійснення інноваційної діяльності, безперечно, відображаються у зміцненні ринкових позицій та конкурентоспроможності підприємства. Так, результати експериментальних розрахунків рівня науково-технічного розвитку свідчать про те, що Україна зберігає сильні позиції за рівнем освіченості населення та витратами на інформаційно-комунікаційні технології у ВВП. Дуже слабкими залишаються позиції країни щодо патентування за процедурами, встановленими у ЄС, у використанні венчурного капіталу, а також інноваційної активності у підприємницькому секторі (рис. 2).

Незважаючи на значне відставання України у багатьох сферах від провідних країн Європи, слабку підтримку науки й освіти з боку

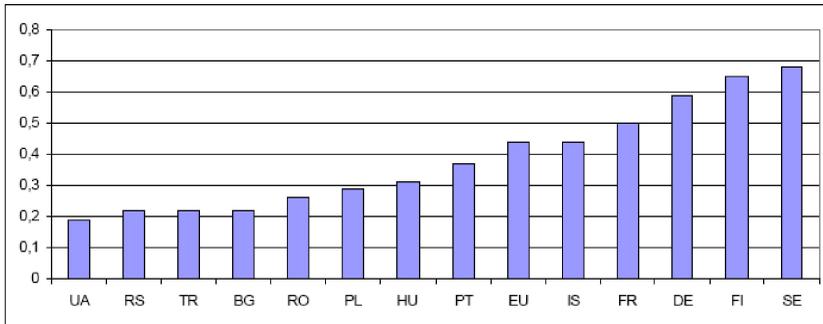

Рис. 2. Європейська система оцінки інновацій (European innovation scoreboard), дані для України за 2009 рік (у % до середніх даних по ЄС)

Примітка: UA – Україна, RS – Росія, TR – Туреччина, BG – Болгарія, RO – Румунія, PL – Польща, HU – Угорщина, PT – Португалія, EU – середні значення для ЄС-27, IS – Іспанія, FR – Франція, DE – Німеччина, FI – Фінляндія, SE – Швеція; джерело: [1, с. 198–200]

держави в останні 10 років і значний відтік перспективних фахівців за кордон, Україна ще матиме досить потужний інтелектуальний потенціал приблизно до 2015 року [6]. Саме це і є чи не єдиною надією для будівництва нової економіки – економіки, заснованої на знаннях. Усвідомлення цієї істини відкриє для України можливості й перспективи, зокрема участь у новій програмі соціально-економічного розвитку Європи.

У березні 2010 року Європейською Радою було затверджено стратегію соціально-економічного розвитку Євросоюзу на період до 2020 року «Європа 2020: Стратегія інтелектуального, стійкого і всеосяжного зростання» («Europe 2020: A strategy for smart, sustainable and inclusive growth»), у якій викладено уявлення про соціальну ринкову економіку Європи в XXI столітті, скориговану з урахуванням уроків кризи. «Лісабонську стратегію» 2000-го року має замінити нова програма розвитку «Європа 2020», що забезпечить високий рівень зростання та зайнятості в ЄС.

У стратегії «Європа 2020» на перший план висуваються три взаємодоповнюючих пріоритети:

1) *інтелектуальне зростання*: розвиток економіки, що спирається на знання та інновації;

2) *стабільне зростання*: сприяння ефективнішому використанню ресурсів, створенню більш екологічної і, найважливіше, більш конкурентоспроможної економіки;

3) *загальне зростання*: створення економіки з високим рівнем зайнятості працездатного населення, що забезпечує згладжування соціальних і територіальних відмінностей.

Для реалізації Стратегії передбачається інвестування 3% ВВП ЄС у дослідження та розроблення.

Європейська Комісія запропонувала «сім флагманських ініціатив» для стимулювання прогресу за кожним із пріоритетних напрямів:

1. «Інноваційний Союз» (Innovation Union), із завданням покращити загальні умови для досліджень та інновацій і полегшити їм доступ до фінансування, з тим, щоб новаторські ідеї перетворювалися на товари та послуги, що забезпечують економічне зростання і створюють робочі місця.

2. «Молодіжний рух» (Youth on the move). Мета цієї ініціативи – підвищення ефективності освітніх систем і допомога молодим людям вийти на ринок праці.

3. «Європейська програма дій в галузі цифрових технологій» (A digital agenda for Europe) із завданням прискорення впровадження високошвидкісного Інтернету і використання переваг єдиного ринку електронних послуг для населення та комерційних компаній.

4. «Ресурсно-ефективна Європа» (Resource-efficient Europe). Мета – впровадження нових ресурсно-ефективних та екологічно чистих технологій.

5. «Промислова політика, адаптована до умов глобалізації» (An industrial policy for the globalization era) повинна поліпшити умови ведення ділової діяльності, особливо для малих і середніх підприємств, а також сприяти створенню сильної і стійкої промислової бази, конкурентоспроможної у глобальному масштабі.

6. «План з розвитку нових професійних здібностей і робочих

місць» (An agenda for new skills and jobs) ставить за мету модернізувати ринки праці і відкрити для людей нові можливості за рахунок розвитку їх навичок протягом усього їхнього життя, з тим, щоб підвищити рівень зайнятості працездатного населення і забезпечити кращий баланс попиту і пропозиції на ринку праці, в тому числі за рахунок мобільності робочої сили.

7. «Європейська програма по боротьбі з бідністю» (European platform against poverty) повинна забезпечити згладжування соціальних і територіальних відмінностей, з тим, щоб плоди, отримані від економічного зростання, і робочі місця ділилися широко, і щоб люди, які живуть в умовах убогості і соціальної ізоляції, отримали можливість жити в гідних умовах і брати активну участь у житті суспільства.

Стратегічні завдання на період до 2020 року, визначені у Стратегії, такі [5]:

- зайнятість осіб у віці 20–64 роки на рівні 75%;
- обсяг інвестицій у дослідження і розроблення 3% ВВП ЄС;
- скорочення викидів парникових газів на 20% порівняно з 1990 роком, збільшення частки поновлюваних джерел енергії до 20%, енергоефективності на 20%;
- скорочення частки достроково відрахованих учнів середніх шкіл – нижче 10% та підвищення частки осіб з вищою освітою у віці 30–34 роки до 40%;
- скорочення чисельності осіб, які знаходяться під загрозою опинитися за межею бідності – до 20 млн.

Стратегічними інструментами семи флагманських ініціатив є такі [5]:

1. Європейський дослідницький простір: Бачення – 2020.
2. Європейське Інноваційне партнерство між ЄС та національними державами. Пілотне Європейське Інноваційне партнерство з забезпечення активного та здорового життя для людей похилого віку.
3. Єдиний цифровий ринок, заснований на надшвидкісному Інтернеті.
4. Табло Інноваційного Союзу.
5. Молодіжна рамкова програма працевлаштування.

Реалізація запропонованих ініціатив дасть можливість досягнення інноваційної конкурентоспроможності України на основі:

- вибору стратегічних пріоритетів з урахуванням інтересів зацікавлених сторін;

- транскордонного поєднання зусиль науковців для здійснення досліджень та розробок;
- сприяння регіоналізації інноваційної політики, що, у свою чергу, сприятиме трансферу технологій та інноваційних продуктів, формуванню регіональних інноваційних стратегій, створенню технопарків, бізнес-інкубаторів, а також інноваційних структур іншого типу;
- створення умов для формування науково-промислових кластерів;
- подолання фрагментації і дублювання досліджень та розробок;
- ефективної взаємодії науки та бізнесових структур у рамках програм державно-приватного партнерства в науково-дослідній та інноваційній сферах;
- сприяння поетапному створенню національної мережі комерціалізації інноваційних продуктів та трансферу технологій. Мережа має охоплювати спочатку 2–3, а пізніше 5–7 регіональних Центрів комерціалізації та трансферу технологій та інноваційних продуктів у Києві, Донецьку, Харкові, Дніпропетровську, Львові, Одесі, Сімферополі. Створюючи українську мережу, необхідно якнайширше використовувати закордонний досвід;
- організації виявлення і добору найактуальніших винаходів українських авторів для їх подальшої комерціалізації і введення у господарський обіг. Створення з цією метою постійно поновлюваної бази даних;
- сприяння розвитку інституту посередництва та підготовки технологічних менеджерів для наукомісткого сектора економіки. Фірми-посередники, технологічні брокери повинні надавати консалтингові послуги, у тому числі патентно-ліцензійні, й відповідати за кінцевий результат комерціалізації технологій та інноваційних продуктів;
- моніторингу результатів інноваційного розвитку з можливістю подальшого корегування стратегічних напрямів розвитку залежно від змін внутрішнього і зовнішнього середовища.

Нещодавно служба дослідження громадської думки Європейської комісії «Єврбарометр» опублікувала результати опитування, проведеного в 27 країнах – членах Європейського Союзу, спрямованого на з'ясування ставлення громадян до науки і технологій. Ці дані становлять особливий інтерес у зв'язку з підтримуваною Європейським

Союзом інтеграцією України в європейський дослідницький простір.

Результати дослідження громадської думки свідчать про те, що 79% європейців цікавляться науковими відкриттями і новими технологічними розробками. Таких європейців більше, ніж громадян, які слідкують за новинами спорту (65%), культури і мистецтва (69%), а також політики (68%). Показово, що проблемами навколишнього середовища та медичних відкриттів, які напряму пов'язані з наукою і технологіями, цікавляться відповідно 88 і 82% європейців.

Тільки 11% жителів країн Європи вважають себе дуже добре поінформованими щодо наукових відкриттів і нових технологічних досягнень, а 50% мають достатню інформацію у цих галузях. Одночасно кількість європейців, які дуже добре поінформовані про спортивні події, досягає 30%.

Звертає на себе увагу також думка європейців про роль самих учених в інформуванні широкої громадськості про наукові відкриття та нові технологічні розробки. Більшість із них (57%) вважають, що вчені докладають замало зусиль для популяризації серед громадян результатів своєї наукової роботи.

Абсолютна більшість європейців (75%) вважають: завдяки розвитку науки і технологій майбутнє покоління отримають більше можливостей. Більше того, 61% європейських громадян вважають, що результати наукових досліджень і нові технології зроблять роботу набагато цікавішою.

Ставлення європейців до рівня фінансування наукових досліджень у Європейському Союзі розподілилося таким чином: 31% вважають його недостатнім, 32% – адекватним і лише 7% – надто високим. Примітно, що 17 червня 2010 року Європейська рада затвердила нову європейську стратегію розвитку «Європа 2020», що включає п'ять пріоритетів, з яких другим є поліпшення умов для наукового і технологічного розвитку, зокрема збільшення до 3% ВВП сукупного рівня державного та приватного інвестування в ці галузі.

Аналізуючи аналогічні опитування в масштабах України, можна стверджувати, що для українців ці відсотки будуть наполовину меншими, що вказує на набагато нижчий рівень життя українців і – у зв'язку з цим – на зміну життєвих пріоритетів.

Більшість європейців (64%) вважають, що Європейський Союз має розвивати співробітництво з ученими третіх країн. На цей час програма наукових досліджень і технологічного розвитку Європейського Союзу повністю відкрита для участі українських учених у спільних проєктах та одержання фінансової підтримки. Українські наукові організації навіть можуть виступати координаторами таких проєктів. В Україні працює Офіс спільної підтримки інтеграції України в європейський дослідницький простір, який фінансується Європейським Союзом згідно з політикою європейського сусідства і партнерства. Тому лише вміле господарське використання науково-технічного та освітнього потенціалу є безальтернативним реальним шляхом інтегрування до європейського співтовариства, забезпечення суспільного добробуту європейського рівня. З цією метою держава повинна використати такий дієвий механізм впливу на забезпечення інноваційної перебудови структури економіки, як законодавче стимулювання інноваційної діяльності на всіх її етапах та створення такого нормативно-правового середовища, яке б найбільше сприяло розвитку високотехнічних галузей виробництва, стабілізації діяльності окремих підприємств [2, с. 21].

Отже, вивчення та узагальнення досвіду Європейського Союзу щодо запровадження стратегічних ініціатив, заснованих на широкій взаємодії науково-дослідницьких установ та бізнесових структур, повинні створити ґрунтовний фундамент системних інноваційних перетворень на основі оновленої стратегії інноваційного конкурентоспроможного розвитку України з можливістю у майбутньому стати учасником нової програми «Горизонт 2020», яка поєднає програми 7РІП, СІР (Competitiveness and Innovation Framework Programme) та ЕІТ (European Institute of Innovation & Technology). Законодавчий пакет цієї рамкової програми ЄС прийнятий Колегією Європейської Комісії 30 листопада 2011 року.

Ціль програми – максимальне використання результатів наукових досліджень, що фінансуються Євросоюзом, для стійкого розвитку Європи, вирішення проблем, що постали перед нею – зміна клімату, енергетична і продовольча безпека, здоров'я і старіння населення.

Пріоритетами даної програми є:

- підвищення якості науково-дослідної бази;
- лідерство в промислових та високоефективних технологіях;
- розв'язання важливих соціальних питань.

«Горизонт 2020» – наступна рамкова програма, направлена на дослідження та інновації (2014–2020), нова інтеграційна система фінансування з попереднім бюджетом 80 мільярдів євро, яка включає фінансування досліджень та інновацій. Цілком очевидно, що для України на даний момент реалізація останніх етапів 7РП – це міст до проєкту «Horizon 2020».

Список літератури

1. Інноваційна політика: Європейський досвід та рекомендації для України. – Т. 1: Ключові особливості інноваційної політики в якості основи для розробки заходів сприяння інноваціям, що спрямовують Україну до заснованої на знаннях конкурентоспроможної економіки – порівняння ситуації в ЄС і Україні – Проєкт ЄС «Вдосконалення стратегій, політики та регулювання інновацій в Україні». – К. : Фенікс, 2011. – 214 с.
2. Інноваційна політика : навч. посібник / за заг. ред. Б. М. Андрушківа. – Тернопіль : ТзОВ «Терно-Граф», 2012. – 484 с.
3. Рижкова Ю. О. Відповідність пріоритетних напрямів інноваційної політики в окремих країнах ЄС новій інноваційній стратегії / Ю. О. Рижкова / Матеріали Міжнар. симпозіуму «Інноваційна політика та законодавство в Європейському Союзі та Україні: формування, досвід, напрямки наближення», м. Київ, 2–3 червня 2011 р. – С. 81–83.
4. Стойко І. Аналіз досвіду здійснення інноваційної політики зарубіжними країнами [Електронний ресурс] / І. Стойко, Ю. Вовк, О. Юрчак // Соціально-економічні проблеми і держава. – 2011. – Вип. 2 (5). – Режим доступу: <http://sepd.tntu.edu.ua/images/stories/pdf/2011/11siipzk.pdf>.
5. Тараненко І. В. Стратегічні ініціативи ЄС [Електронний ресурс] / В. І. Тараненко. – Режим доступу: http://www.nbu.gov.ua/portal/Soc_Gum/Траєив/2011_1/13.pdf.
6. Томашевський Д. М. Український ринок інновацій вже існує [Електронний ресурс] / Д. М. Томашевський. – Режим доступу: <http://tndi.kiev.ua/st3-ua.htm>.

УДК 336.771

*Н. И. Демчук***ХОЛИСТИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА
СИСТЕМНОГО РИСКА****HOLISTIC PARADIGM OF SYSTEMIC RISK****Аннотация**

Целью работы является исследование сущности системного риска, разработка методов его оценки и управления экономическими системами.

Теоретической и методологической основой статьи стали фундаментальные положения зарубежной и отечественной теории функционирования и развития банковской системы, теории системного анализа, экономико-математического моделирования. В процессе исследования использованы научные труды ведущих экономистов, отчеты и аналитические материалы Национального банка Украины, Ассоциации украинских банков, материалы наблюдений автора в банках. Предложенные модели, методы и рекомендации могут быть использованы банками Украины при создании систем риск-менеджмента, что позволит повысить надежность и устойчивость их функционирования.

Ключевые слова: системный риск, эмерджентность системы, когерентный потенциал совокупности элементов системы.

Анотація

Метою роботи є дослідження сутності системного ризику, розробка методів його оцінки та управління економічними системами. Теоретичною та методологічною основою статті стали фундаментальні положення зарубіжної та вітчизняної теорії функціонування та розвитку банківської системи, теорії системного аналізу, економіко-математичного моделювання. У процесі дослідження використано наукові праці провідних економістів, звіти та аналітичні матеріали Національного банку України, Асоціації українських банків, матеріали спостережень автора в банках. Запропоновані моделі, методи і рекомендації можуть бути використані банками України при створенні систем ризик-менеджменту, що дозволить підвищити надійність і стійкість їх функціонування.

Ключові слова: системний ризик, емерджентність системи, когерентний потенціал сукупності елементів системи.

Annotation

The aim of the study is to investigate the nature of systemic risk, the development of methods of assessment and management of economic systems. The fundamental theses of the foreign and domestic theory of the functioning and development of the banking system, the theory of systems analysis, economic and mathematical modeling make up the theoretical and methodological basis of the article. The author used research papers by leading economists, reports and analyzes of the National Bank of Ukraine, the Association of Ukrainian Banks, materials of the author's observations in the banks. The proposed models, methods and recommendations can be used by Ukrainian banks to create risk management systems that will improve the reliability and stability of their operation.

Key words: systemic risk, the emergence of a system, the coherent potential combination of the elements of a system.

Общесистемная философская категория «системный риск» содержит в себе мощный содержательный потенциал, способный помочь пролить свет на фундаментальные проблемы накопления рисков, представляющих угрозу для жизнеспособности и разрушения целостности систем различной природы. Наибольшее использование эта категория получила в науках о глобальных экологических и климатических изменениях, в биологии, в медицине и, в определенной степени, в экономике. Проблема изучения системных кризисов встала наиболее остро в последние 10 лет. Именно в этот период мировая экономика испытала на себе разрушительное воздействие финансовых кризисов, затронувших ряд стран, как промышленно развитых, так и развивающихся.

Общим проблемам накопления системных рисков посвящены труды многих отечественных и зарубежных авторов, в частности В. Гейца, М. Алексеенко, П. Аллена, О. Васюренко, О. Вовчак, И. Дьяконова, И. Ивасива, Л. Киндрацкого, А. Костюка, В. Кротюка, В. Мищенко, А. Мещерякова, И. Парасий-Вергуненко, Л. Примостка, П. Роуза, В. Сусиденко, А. Хабьюк, А. Чуба, Н. Шульги.

Исследованию сущности системного риска, разработке методов его оценки и управления экономическими системами в условиях риска

уделено должное внимание в публикациях В. Витлинского, И. Волошина, В. Гранатунова, А. Каминского, А. Пернаривского, А. Сигала, Е. Соложенцева, О. Ястремского и др. Не умаляя важности научных достижений по оценке и управлению рисками в деятельности финансовых учреждений, следует все же констатировать, что остаются недостаточно изученными вопросы создания механизма управления системными рисками, который бы обеспечил надежность функционирования банка. Нерешенными также остаются проблемы адаптации организационной структуры коммерческого банка с учетом требований системности и гармоничности.

В условиях обострения проблем функционирования банковской системы, которое происходит в стране в результате финансового кризиса, данные вопросы требуют глубокой разработки как в теоретическом, так и в методически-практическом аспектах.

Процессы глобализации мирового экономического пространства активно способствуют не только развитию экономических связей, но и распространению кризисов в глобальных масштабах. Как известно, впервые в экономических исследованиях эта категория встречается в аналитических обзорах Мирового Банка в 1964 году [3]. В экономической науке феномен риска неотъемлемо связан со всеми видами экономической деятельности и воспринимается как побочный эффект любого процесса, исход которого не определен для всех его участников. Существует множество методик, позволяющих определить степень риска, его стоимость. Рынок любого продукта может быть охарактеризован как полный или неполный, в зависимости от наличия сопутствующего рынка страховых инструментов. Снижение уровня риска или его оптимизация в соответствии с ожидаемой прибылью составляет основу большинства экономических процессов. Понятие «системный риск» интуитивно использовалось экономистами-практиками для обозначения риска того, что некие негативные явления, изначально возникшие в какой-то локальной части экономической системы, могут достаточно быстро распространиться по системе в целом и привести к глобальному коллапсу. Поскольку такие каскадные процессы периодически наблюдались и представляли серьезную угрозу для экономики, понятие «системный риск» стало достаточно

распространенным и широко используемым в экономической литературе.

При этом природа этого риска до сих пор остается до конца неясной. В условиях глобализации, когда системные риски в экономике стали одной из главных практических проблем, отсутствие основательной методологической проработки этой категории и понимания ее глубинной сущности становится теоретическим барьером, задерживающим качественно эволюцию финансового регулирования.

Для того чтобы достичь определенной глубины понимания системного риска, необходимо рассмотреть его в качестве философской категории, отражающей сущностные свойства системы как некоторой целостности. Это позволит выявить ту фундаментальную общность, которая лежит в основе различных частных ситуаций, в которых проявляются системные риски. Существующий сегодня подход в финансовом регулировании, по своей методологической сути, базируется на философии редукционизма, который сводит понимание законов развития системы к пониманию свойств ее элементов. Так, стандарты банковского надзора и регулирования основаны на принципах контроля рисков отдельных финансовых институтов, а не прогнозирования и предотвращения системных рисков.

Редукционизм упускает из виду сложные системные макроскопические эффекты, эффекты эмерджентности, которые возникают вследствие целостности системы и не могут быть сведены к сумме свойств ее частей. Именно это методологическое ограничение определяет неспособность редукционизма объяснить и выработать принципы управления сложным феноменом системного риска. На наш взгляд, преодоление этих ограничений финансового регулирования возможно на основе системной методологии холизма (греч. *holos* – весь, целый) – философии целостности, подчеркивающей первичность целого по отношению к части и несводимость целого к его составным частям. Философская идея холизма восходит еще к Аристотелю, однако термин «холизм» введен в 1926 году Я. Смэтсом в работе «Холизм и эволюция». Холистическая позиция заключается в приоритетном рассмотрении целого с точки зрения возникающих в системе новых качеств и целостных свойств, отсутствующих у составляющих систему

элементов [2]. Рассмотрение таких свойств позволяет классифицировать системы по характеру взаимодействия их элементов на аддитивные и эмерджентные (или целостные). В аддитивных системах целое равно сумме своих частей – это разного рода совокупности, механические смеси и прочие. Эмерджентные или целостные системы – это системы, обладающие особыми качествами по сравнению со своими подсистемами, как например, биологические организмы, психологические системы, социальные, экономические и т. п. Редукционизм и холизм, как анализ и синтез, должны быть рассмотрены как два комплементарных познавательных подхода, эффективных при решении соответствующих проблем. С одной стороны, редукционизм позволяет решать структурные задачи и находить связи высших уровней с низшими. С другой, – при воссоздании целостной картины процесса или явления и исследовании его функций необходим холистический подход. При этом целостность должна рассматриваться как в качественном, так и в количественном аспектах. Биология была, вероятно, первой из естественных наук, которая стала широко использовать понятия системного мышления и холизма в своей практике. Биологи первыми обнаружили все недостатки редукционизма в понимании сути функционирования живого организма. Организм поддерживает себя в стабильном состоянии, постоянно обмениваясь информацией с окружающей средой, а также путем внутренних изменений с целью лучшего приспособления к требованиям среды. Части организма в своем взаимодействии рожают эмерджентные качества, которые не могут существовать отдельно от системы. Сущность этих качеств нельзя познать, опираясь только на характеристики тех частей, которые эти качества создают. Концепция холизма оказалась плодотворной не только в биологии, она имела также заметное влияние на становление и развитие модели «творческой эволюции» Бергсона, «философии процесса» Уайтхеда, феноменологию, гештальтпсихологию, философию науки. На базе системного мышления и холизма появились такие науки как квантовая физика, теория диссипативных структур. Квантовая теория ввела новое понимание независимости и структуры причинно-следственных связей, теория диссипативных структур пролила свет на принципы самоорганизации систем.

В настоящее время, в условиях роста глобализации экономики и повышения масштабов разрушительных системных эффектов, проблемы финансового регулирования достигли достаточного уровня зрелости для осознания необходимости использования холистической методологии и осмысления философии целостности в финансовом контексте. Особенно остро эта задача стоит в сфере управления системными рисками.

В качестве общего определения системного риска примем следующее: *системный риск – это риск того, что под влиянием некоторых факторов система не будет способна выполнять свои базовые фундаментальные функции, утратит свою жизнеспособность и целостность.* Это определение рассматривает системный риск в контексте системы любой природы и необходимо нам как стартовая позиция для дальнейшего углубления понимания его сущности. Как бы ни было велико значение функционального подхода в исследовании сложных систем, мы не сможем добиться достаточной глубины понимания, если не будем дополнять его методами структурного анализа. Как известно, функции, какова бы ни была их природа, можно реализовать лишь в структуре; функция реализуется структурой и объясняется с помощью структуры. Вследствие этого для понимания внутренней природы системного риска целесообразно использовать и функциональный, и структурный подход. При этом существует определенная общность с макро- и микроподходами. Макроподход можно рассматривать как первый этап исследований, когда в силу сложности и неопределенности системы приходится абстрагироваться от ее внутреннего содержания. Предметом наблюдения является поведение системы и изучение реакций системы на внешние шоки. На втором этапе реализуется микроподход, который начинается с выделения составляющих систему элементов и выявления связей между ними. На этом этапе решается задача понимания внутреннего устройства системы, а также того, каким образом взаимодействие между элементами порождает наблюдаемые функции и поведение системы. Заметим, что при изучении взаимосвязей между элементами мы вновь применяем макроподход, поскольку рассматриваем их лишь в аспекте

их функциональных свойств, абстрагируясь от внутреннего содержания этих элементов. Взаимозависимость и взаимопроникновение макро- и микроподходов обусловлены единством функциональных и структурных свойств реальных систем. Применяя функциональный подход к исследованию какой-либо системы, мы одновременно проводим структурный анализ некоторой другой системы, включающей исходную в качестве своего элемента. И наоборот, осуществляя структурный анализ какой-либо системы, мы одновременно реализуем функциональный подход по отношению к системам, которые входят в исходную в качестве ее элементов или подсистем. В этом состоит единство функции и структуры, имеющее фундаментальное методологическое значение при исследовании сложных систем и управлении ими.

Теоретическим основанием для понимания сущности системного риска является категория «система». В соответствии с общепризнанным определением, «система – это совокупность элементов, взаимосвязанных между собой и рассматриваемых как единое целое» [1]. Для целей исследования сущности системного риска это определение требует большего углубления и детализации. Необходимо более глубоко вникнуть в содержательный смысл категорий «взаимосвязанность» и «целостность». Это даст ключ к пониманию внутренней структуры системного риска и возможных мер по его минимизации.

Каковы принципиальные отличия системы от простой совокупности взаимосвязанных элементов? Очевидно, что совокупность биологических органов – это еще не биологический организм, случайный набор банков и их некоторых взаимосвязей – это еще не банковская система. Система должна обладать неким новым качеством, которым не обладают ни ее части, ни их механическая сумма. Система представляет собой нечто большее, чем совокупность ее элементов и связей между ними. В этом состоит свойство *эмерджентности*, которое можно описать математически следующим образом.

Пусть $u_1(t), u_2(t), \dots, u_N(t)$ – элементы системы S , а множество $\{f_{ij}(t) = f(u_i(t), u_j(t))\}, i = 1, \bar{N}, j = 1, \bar{N}$ – множество всех взаимосвязей между ними.

С нашей точки зрения, свойство эмерджентности системы можно эксплицитно ввести в определение системы с помощью концепции **когерентного потенциала совокупности ее элементов**, описываемого функцией $\Psi(t)$:

$$\Psi(t) = \Psi(\{u_i\}, i = 1, \bar{N}; \{f_{ij}(t)\}, i = 1, \bar{N}, j = 1, \bar{N}). \quad (1)$$

Под когерентным потенциалом совокупности элементов будем понимать способность или потенциал этих элементов согласованно действовать, то есть реализовывать когерентное поведение, которое и обеспечивает свойство эмерджентности системы. Свойство эмерджентности лежит в основе существования системы как целостности и ее способности выполнять свои базовые функции: в случае биологического организма – это жизнь, в случае социального коллектива – это способность к достижению сложных целей, в случае финансовой системы – это способность оптимальным образом перераспределять финансовые ресурсы в экономике. Кроме того, эмерджентность может проявляться и в деструктивном контексте – как стремление системы к саморазрушению, лавинообразное разрастание внутрисистемных кризисных процессов и другие.

Примерами когерентного поведения в экономике являются, в частности, массовая реализация банками залоговых активов (fair sales – «пожарные продажи») и сжатие кредита, снятие депозитов вкладчиками банков (банковская паника), массовая продажа валюты (валютная паника), массовый рост финансового левереджа в балансах банков и другие подобные ситуации. При этом под когерентным поведением понимается обобщенное свойство согласованного, однонаправленного изменения параметров системы, а не только поведенческие характеристики субъектов экономики. Когерентный потенциал совокупности элементов системы, то есть их способность к согласованному, когерентному поведению, может реализовываться различным образом с точки зрения будущего развития системы. Когда когерентный потенциал может реализоваться негативным образом для развития системы, будем называть его деструктивным когерентным потенциалом. Примерами реализации деструктивных

когерентных потенциалов экономических систем являются: банковская паника и массовое снятие депозитов вкладчиками банковской системы; валютная паника; резкое падение цен на рынке недвижимости вследствие сжатия кредита и «пожарных продаж» (fair sales) залоговой недвижимости банками; кризис ликвидности вследствие попыток массового процесса делевереджа в банковской системе и пр.

Если накопление когерентного потенциала ведет к позитивным макроскопическим эффектам, будем называть его конструктивным когерентным потенциалом. Примерами реализации конструктивных когерентных потенциалов в экономических системах являются: экономический рост, диффузия инноваций, трансформация сбережений в инвестиции, приток международного капитала в национальную экономику и другие.

Когерентный потенциал может накапливаться в системе под влиянием различных факторов: мотивации рыночных субъектов в существующих условиях, структурных особенностей системы в той или иной сфере, действий макрорегуляторов и других. После достижения этим потенциалом своего критического уровня под воздействием даже небольших экзогенных или эндогенных шоков может начаться процесс реализации когерентного потенциала. Образно говоря, потенциальная энергия переходит в кинетическую энергию когерентного поведения. Если накапливался конструктивный когерентный потенциал, то когерентное поведение приводит к позитивным системным эффектам – например, к массовым эффективным инвестициям и экономическому росту, инновационной активности и диффузии инноваций и т. д. Если накапливаемый когерентный потенциал был деструктивным, то индуцированное им когерентное поведение приводит к нарастанию и распространению в системе кризисных процессов.

Таким образом, предложенное нами уточнение определения системы состоит в следующем: система – это совокупность ее элементов, взаимосвязей между ними и их когерентный потенциал, который определяет свойство эмерджентности системы – ее новое качество как целостности.

$\vec{\nabla}u(t)$ – градиент вектора $\vec{u}(t)$; $\left(\frac{df_{ij}(t)}{dt}\right)_{N \times N}$ – матрица, элемен-

тами которой являются производные по времени функций $f_{ij}(t)$.

В терминах введенных понятий, для жизнеспособности системы и ее позитивного развития чрезвычайно важными являются вопросы:

- Какие когерентные потенциалы накапливаются в системе в результате динамического изменения ее элементов и их взаимодействий?

- Каким образом эти когерентные потенциалы могут реализовываться, и к каким макроскопическим эффектам это приведет?

- Каким образом можно количественно оценить накопление деструктивных когерентных потенциалов и их критические уровни, после достижения которых наблюдаются кризисные макроскопические явления и переход системы в качественно новое состояние?

Понимание закономерностей динамики когерентных потенциалов и их реализации позволило бы получить целостную картину внутренних механизмов накопления и динамики системных рисков.

На основании разработанного соотношения (2) становится возможным математически описать концептуальное понимание системного риска в структуре холистической парадигмы. Приведем это описание на примере системного риска для финансовой системы:

$$SR(S_t) = SR \left\langle \left\langle R(\{u_i\}); R(\{f_{ij}(t)\}); R\Psi(\{u_i\}, \{f_{ij}(t)\}) \right\rangle, \left\langle \left\{ \frac{du_i(t)}{dt} \right\}, \left\{ \frac{df_{ij}(t)}{dt} \right\}, i=1, \bar{N}, j=1, \bar{N} \right\rangle \right\rangle$$

или в матрично-векторной форме:

$$SR(S_t) = SR(R(\vec{u}(t)), R(F(t)), R(\Psi(\vec{u}_t, F(t), \vec{\nabla}u(t), (\frac{df_{ij}(t)}{dt})_{i,j=1,\bar{N}})), \quad (5)$$

где $SR(S_i)$ – системный риск для финансовой системы S_i , который является функцией следующих переменных:

$R(\bar{u}(t))$ – рисков индивидуальных финансовых институтов $u_i(t), i = 1, \bar{N}$;

$R(F(t))$ – рисков, обусловленных финансовыми взаимосвязями между отдельными институтами (в частности, рисков финансового инфицирования банков на межбанковском рынке);

$R(\Psi(\bar{u}(t), F(t), \bar{V}u(t), (\frac{df_{ij}(t)}{dt})))$ – рисков, обусловленных накоплением

деструктивных когерентных потенциалов в финансовой системе.

Эта концептуальная структура позволяет увидеть внутреннюю структуру системного риска, целостную картину источников его накопления и разработать единый методологический подход к его оценке, прогнозированию и управлению.

Первая подсистема в структуре системных рисков – это индивидуальные риски финансовых институтов (кредитные, валютные, рыночные, риски ликвидности и другие). Методы оценки и прогнозирования этих рисков достаточно глубоко разработаны, они лежат в основе традиционной хорошо развитой теории оценки и управления рисками и являются методической основой существующей деятельности банковского надзора и финансового регулирования. Несмотря на глубокую разработанность методов оценки этих рисков, они являются всего лишь частью проблемы. Индивидуальные риски одного или нескольких институтов могут *при определенных условиях* стать причиной нарастания системных рисков. Важно понимать, каковы эти условия. Ответ неочевиден. Не всегда эти условия заключаются в том, что рассматриваемые институты должны быть системными. Пример небольшого банка *Northern Rock* в Великобритании, банкротство которого послужило толчком к разрастанию системного кризиса, говорит о важности не столько системности банка в традиционном понимании, сколько специфики его роли в структуре матрицы $F(t)$ и в развитии когерентного потенциала $Y(t)$. Возможно, с этих позиций следовало бы переосмыслить содержательный смысл категории «системный институт».

Таким образом, оценка индивидуальных рисков финансовых институтов является важным, однако далеко не исчерпывающим элементом процесса оценки системных рисков.

Вторая подсистема в концептуальной структуре системных рисков $R(F(t))$ – это риски, обусловленные сетевыми финансовыми взаимосвязями между отдельными финансовыми институтами. С одной стороны, такие взаимосвязи обеспечивают функционирование финансовой системы как целостного организма и за счет этого могут способствовать выполнению ее базовых фундаментальных функций и нейтрализации внешних шоков. С другой стороны, – при наличии в них структурных дисбалансов и неблагоприятном развитии событий, они могут провоцировать быстрое распространение локальных кризисных явлений в целом по системе (то есть способствовать финансовому инфицированию отдельных институтов) и вести к глубокому системному кризису. Методы оценки таких рисков в последнее время начали бурно развиваться на основе сетевого моделирования и моделей финансового инфицирования. Однако в практике финансового регулирования и на международном, и на национальном уровнях эти методы пока не нашли достаточного применения.

Третья подсистема в предложенной концептуальной структуре

системных рисков $R(\Psi(\bar{u}(t), F(t), \bar{\nabla}u(t), (\frac{df_{ij}(t)}{dt})))$ – это риски, связан-

ные с угрозой реализации деструктивных когерентных потенциалов, накопленных в финансовой системе. Для сферы финансового регулирования это новая область, которая находится еще в зачаточном состоянии. Методы оценки динамики накопления когерентных потенциалов в экономических системах еще недостаточно развиты и требуют коллективных усилий академических ученых, финансовых аналитиков и практиков финансового регулирования.

Можно сделать вывод, что представленная холистическая парадигма системного риска создает фундаментальную основу для целостного взгляда на процессы возникновения и накопления системных рисков, позволяет объединить существующие подходы в

единую систему и выработать новые методологические принципы финансового регулирования.

В дальнейшем необходимо рассмотреть применение этого подхода к оценке и управлению системными рисками, связанными с бумом банковского кредитования и ценовыми пузырями на рынках активов, в частности, на рынке недвижимости.

Список литературы

1. Зорин В. Национальная философская энциклопедия [Электронный ресурс] / В.Зорин // Евразийская мудрость от А до Я : толковый словарь. – Алматы : Изд-во «Создик-Словарь», 2002. – Режим доступа: <http://terme.ru/dictionary/470/>
2. Wikipedia. The free encyclopedia [Electronic resource]. – Mode of access: <http://en.wikipedia.org/wiki/Holism>.
3. Философская энциклопедия : в 4 т. – Изд-во «Сов. энцикл.», 1960–1970. – Т. 4.

УДК 339.137.2:65.012.124

О. Е. Басманова

ОЦЕНКА КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ТОВАРОВ (УСЛУГ) С ПРИМЕНЕНИЕМ МЕТОДОВ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

EVALUATION OF PRODUCT / SERVICE COMPETITIVENESS USING THE METHODS OF SOCIOLOGICAL RESEARCH

Аннотация

В работе представлен алгоритм оценки конкурентоспособности товаров (услуг) с применением методов социологических исследований, в частности выборочного исследования. Предложенный алгоритм включает такие этапы: выбор объекта исследования; определение характеристик выборки; выявление факторов качества товаров (услуг) и их значимости для потребителей; оценка качества товаров (услуг) путем опроса потребителей; оценка уровня затрат на товары (услуги) путем опроса потребителей; оценка уровня конкурентоспособности товаров (услуг) с учетом неценовых и ценовых факторов. Этот порядок оценки основывается на существующем опыте оценки конкурентоспособности на основании маркетинговых исследований, а также теоретических основах проведения социологических исследований. Он является более предпочтительным методом оценки по сравнению с опросом экспертов, так как охватывает гораздо большую аудиторию, решает проблемы выбора перечня значимых факторов конкурентоспособности товара (услуги) и определения их весомости.

Ключевые слова: конкурентоспособность, товар, услуга, оценка, алгоритм оценки, выборка, выборочное исследование, опрос потребителей, социологическое исследование.

Анотація

У роботі представлено алгоритм оцінки конкурентоспроможності товарів (послуг) із застосуванням методів соціологічних досліджень, зокрема вибіркового дослідження. Запропонований алгоритм включає такі етапи: вибір об'єкта дослідження; визначення характеристик вибірки; виявлення факторів якості товарів (послуг) та їх значущості для споживачів; оцінка якості товарів (послуг) шляхом опитування споживачів; оцінка рівня витрат на товари (послуги) шляхом опитування споживачів; оцінка рівня конкурентоспроможності товарів (послуг) з урахуванням нецінових і цінових чинників. Цей

порядок оцінки ґрунтується на існуючому досвіді оцінки конкурентоспроможності на підставі маркетингових досліджень, а також теоретичних засадах проведення соціологічних досліджень. Він є більш доцільним методом оцінки в порівнянні з опитуванням експертів, тому що охоплює набагато більшу аудиторію, вирішує проблеми вибору переліку суттєвих чинників конкурентоспроможності товару (послуги) і визначення їх вагомості.

Ключові слова: конкурентоспроможність, товар, послуга, оцінка, алгоритм оцінки, вибірка, вибіркове дослідження, опитування споживачів, соціологічне дослідження.

Annotation

This paper presents an algorithm for estimating the competitiveness of products / services using the methods of sociological research, sampling analysis in particular. The proposed algorithm includes the following steps: a) object of the study selection; b) sample characterization; c) identification of the products/services quality factors and their relevance for consumers; d) evaluation of the products/services quality by means of consumer survey; e) evaluation of the products/services costs by means of consumer survey; f) evaluation of the products/services competitiveness based on price and non-price factors. This evaluation procedure is based both on the existing cases of competitiveness evaluation by means of marketing research and theoretical foundations of sociological research. It is a preferable method of competitiveness evaluation compared to experts' survey, as it covers a much larger audience, solves the problems of choosing relevant factors of products/services competitiveness and determining their validity.

Key words: competitiveness, product, service, evaluation, evaluation algorithm, sampling, sample survey, consumer surveys, sociological research.

Конкурентоспособность товара (услуги) – один из важнейших индикаторов успешности работы предприятия, так как от этой характеристики существенно зависит успешность реализации товаров (услуг) и, соответственно, получение предприятием выручки и прибыли. В связи с этим задача совершенствования методов оценки конкурентоспособности (КС) не теряет своей актуальности, несмотря на значительное количество работ по этой тематике.

Среди большого числа методов, рекомендуемых к использованию при оценке уровня КС товаров (услуг) существенное место занимают методы экспертного оценивания. Однако часто отмечается, что мнение эксперта субъективно, следовательно, результаты такой

оценки не всегда достоверны [3, с. 265–268]. Продолжением и развитием метода экспертных оценок, традиционного для исследования КС, может быть метод выборочного исследования, широко применяемый в социологии и, частично, в маркетинге. Анализ литературы свидетельствует о том, что выборочное исследование (опрос потребителей) может применяться в оценке КС шоколада [2] и пива [1], хлебобулочных [4] и колбасных изделий [6], однако общего алгоритма пока не выработано. Учитывая вышесказанное и обобщая существующий опыт оценки КС на основании маркетинговых исследований [1; 2; 4; 6], а также теоретические основы социологических исследований [7, с. 81–88], предлагаем такой алгоритм оценки КС товаров (услуг).

1. Выбор объекта исследования. В этой статье в качестве примера реализации предлагаемого алгоритма исследования рассмотрим оценку уровня КС услуг операторов мобильной связи с точки зрения студентов г. Харькова.

2. Определение характеристик выборки: минимально необходимого количества респондентов, их половозрастных характеристик и т. п.

Исходя из того, что будет изучаться мнение студентов г. Харькова и генеральная совокупность составит, соответственно, 200766 студентов [5], выборка должна быть не менее 207 человек при доверительной вероятности 85% [7, с. 86]. Согласно того же отчета [5], 47% студентов – мужчины, 53% – женщины, возраст обучающихся в вузе обычно находится в пределах 17–23 лет. Следовательно, при формировании выборки следует придерживаться этой половозрастной структуры.

3. Выявление факторов качества товаров (услуг) и их значимости для потребителей. Важно отметить, что эта часть исследования должна предвдварять основной опрос потребителей, на этом этапе достаточно опросить небольшую группу экспертов – до 10% планируемой выборки.

В рассматриваемом примере респондентам было предложено ответить на открытый вопрос «Для меня как потребителя важны такие неценовые характеристики услуги мобильной связи» с просьбой назвать пять характеристик в порядке убывания значимости. При обобщении результатов фактору, поставленному на первое место,

присваивалось 5 баллов, поставленному на второе – 4 балла, третье – 3 балла, четвертое – 2 балла, пятое – 1 балл. В результате обобщения ответов десяти респондентов были получены такие данные (табл. 1).

Таблица 1

Факторы качества услуг мобильной связи и их значимость

Факторы качества / баллы	Респонденты										Сумма
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	
Покрытие	5	3	5	5	5	5	5	4	5	5	47
Бонусы, акции	4	1	1	3	4	4	3	4			24
Слышимость, бесперебойность связи	5	4	4	4	1	5					23
Популярность, распространенность	3	2	1	2	2	2	2	2			16
Дополнительные услуги	4	2	3	3	3						15
Качество работы с клиентами	2	1	1	2							6
Скорость интернета	1	4									5
Бренд	1	3									4
Скорость MMS	3										3
Удобство пополнения	1	1									2
Скорость соединения	2										2

Данные табл. 1 свидетельствуют о том, что наиболее значимыми факторами качества услуг операторов мобильной связи являются покрытие (фактор назван всеми десятью респондентами, 8 из 10 поставили его на первое место); бонусы и акции; хорошая слышимость и бесперебойность связи; популярность и распространенность оператора; наличие дополнительных услуг. Пропорционально набранным баллам эти пять факторов получили следующие коэффициенты весомости (табл. 2).

4. Оценка качества услуг операторов мобильной связи МТС и Life путем опроса потребителей.

Респондентам было предложено оценить качество услуг мобильной связи МТС и Life по пяти факторам, выявленным на первом этапе исследования. Оценка качества проводилась по пятибалльной шкале, т. е. каждый оператор по каждому фактору должен был получить оценку от 1 до 5, где 5 баллов соответствовало «очень хорошо», 4 –

Таблиця 2

**Наиболее значимые факторы качества услуг
мобильной связи**

Факторы качества	Баллы весомости	Коэффициент весомости
1. Покрытие	47	0,38
2. Бонусы, акции	24	0,19
3. Слышимость, бесперебойность связи	23	0,18
4. Популярность, распространенность	16	0,13
5. Дополнительные услуги	15	0,12
Итого	125	1

«хорошо», 3 – «средне», 2 – «плохо», 1 – «очень плохо». В результате, операторы мобильной связи получили такие оценки – графическое сравнение средних баллов, полученных операторами мобильной связи, представлено на рис. 1.

Если учесть весомость факторов и оценить уровень качества МТС относительно Life, то получим, что в целом уровень качества МТС выше уровня качества Life на 10% (табл. 3).

Показатели коэффициента качества МТС по факторам рассчитывались путем деления средней взвешенной оценки качества МТС на аналогичный показатель Life. Если полученный коэффициент больше 1, то качество МТС выше, если меньше 1 – качество МТС ниже, чем Life. Исходя из полученных коэффициентов качества МТС (табл. 3), можно сделать выводы, что по покрытию МТС на 29% лучше, чем Life, по бонусам и акциям – на 12% хуже, по слышимости и бесперебойности связи – на 24% лучше, по популярности и распространенности – на 14% лучше, по наличию дополнительных услуг – на 20% хуже. Как следствие – средневзвешенная оценка качества услуг МТС оказалась на 10% выше, чем аналогичная оценка Life.

5. Оценка уровня затрат на услуги операторов мобильной связи МТС и Life путем опроса потребителей.

Респондентам было предложено оценить, сколько минут исходящих звонков они делают ежемесячно, и сколько в среднем в месяц они

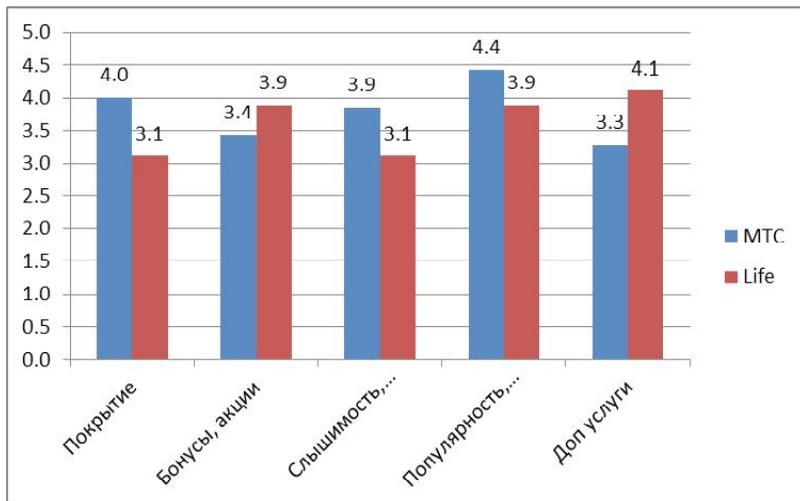

Рис. 1. Оценка качества услуг операторов мобильной связи МТС и Life (средние баллы по пятибалльной шкале)

тратят на мобильную связь. Обобщение ответов респондентов позволило вычислить, что средняя длительность исходящих звонков по оператору МТС составляет 339,6 мин./мес. при средних расходах 50,1 грн/мес., т. е. удельная цена минуты исходящих звонков МТС составляет 0,15 грн/мин. По оператору Life аналогичные показатели составили 1107,1 мин./мес., 42,9 грн/мес., 0,04 грн/мин. Следовательно, по цене МТС менее конкурентоспособно, чем Life, на 74% ($0,04/0,15=0,26$).

6. Оценка уровня КС услуг операторов мобильной связи МТС и Life с учетом неценовых и ценовых факторов.

Учитывая, что для МТС коэффициент КС по качеству равен 1,10, а конкурентоспособности по цене – 0,26, интегральный коэффициент КС этого оператора относительно Life равен произведению названных групповых показателей – 0,29, т. е. уровень КС МТС на 71% ниже, чем этот показатель Life. Графически результаты исследования представлены на рис. 2.

Таблиця 3

Оценка качества услуг оператора мобильной связи МТС по сравнению с Life (с учетом весомости факторов)

Факторы качества	Коэффициент весомости	МТС		Life		Коэффициент качества МТС
		Средняя НЕ взвешенная оценка качества	Средняя взвешенная оценка качества	Средняя НЕ взвешенная оценка качества	Средняя взвешенная оценка качества	
1. Покрытие	0,38	4,00	1,50	3,11	1,17	1,29
2. Бонусы, акции	0,19	3,43	0,66	3,89	0,75	0,88
3. Слышимость, бесперебойность связи	0,18	3,86	0,71	3,11	0,57	1,24
4. Популярность, распространенность	0,13	4,43	0,57	3,89	0,50	1,14
5. Дополнительные услуги	0,12	3,29	0,39	4,11	0,49	0,80
Итого	1,00		3,83		3,48	1,10

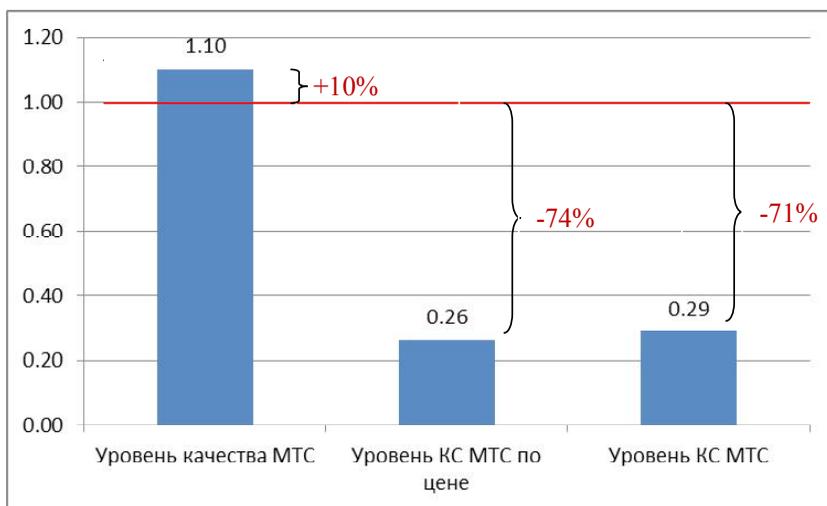

Рис. 2. Оценка уровня КС услуг оператора мобильной связи МТС по сравнению с Life

Представленный в статье алгоритм оценки КС товара (услуги) с использованием выборочного опроса потребителей является более предпочтительным методом оценки по сравнению с опросом экспертов, так как охватывает гораздо большую аудиторию.

Кроме того, опрос потребителей позволяет получить срез актуальной информации от субъектов рынка, которые регулярно выбирают тот или иной товар и дают оценку его КС в виде потребительского выбора. Сильной стороной описанного алгоритма, по сравнению с существующими примерами [1; 2; 4; 6], является формирование перечня значимых факторов и их весомости также с помощью опроса потребителей. Однако отдельные этапы исследования требуют дальнейшей доработки, например – этап оценки КС по цене, которая должна строиться индивидуально в зависимости от особенностей товара (услуги).

Список литературы

1. Каплина О. В. Оценка конкурентоспособности массового товара (на примере пива) / О. В. Каплина // Маркетинг в России и за рубежом. – 2001. – № 4. – С. 33–42.
2. Кунділовська Т. А. Значення сенсорних досліджень у маркетинговій політиці виробників харчових продуктів / Т. А. Кунділовська, Н. Ю. Семенова // Вісн. соц.-екон. досліджень : зб. наук. праць / М-во освіти і науки, молоді та спорту України. – Одеса : ОДЕУ. – Вип. 40. – 2010. – С. 72–79.
3. Лифиц И. М. Конкурентоспособность товаров и услуг / И. М. Лифиц. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2009. – 464 с.
4. Навольська Н. В. Маркетинговий підхід до формування ефективної системи збуту продукції / Н. В. Навольська, С. В. Груб'як // Інноваційна економіка. – 2011. – № 21. – С. 57–63.
5. Основні показники діяльності вищих навчальних закладів України на початок 2012/13 навчального року : стат. бюлетень. – К. : Держ. служба статистики України, 2013. – 188 с.
6. Писаренко В. В. Маркетингові дослідження ринку продуктів переробки м'яса / В. В. Писаренко, Н. Б. Потрапелюк // Наукові праці Полтавської державної аграрної академії. Спецвипуск: Економічні науки. – 2012. – С. 24–29.
7. Тавокин Е. П. Основы методики социологического исследования / Е. П. Тавокин. – М. : Инфра-М, 2009. – 240 с.

УДК 330.556:330.322(477)

О. В. Дурандіна

ВЗАЄМОЗАЛЕЖНІСТЬ ТЕМПІВ ПРИРОСТУ ВВП ТА ІНВЕСТИЦІЙ В УКРАЇНІ

INTERDEPENDENCE OF GROSS DOMESTIC PRODUCT RATE OF INCREASE AND INVESTMENT RATE OF INCREASE IN UKRAINE

Аннотация

Статья посвящена проблемам взаимозависимости темпов прироста ВВП и инвестиций. Чем выше темпы прироста ВВП, тем более значительной является возможность для расширенного воспроизводства инвестиционных ресурсов и формирования на этой основе наиболее рациональной инвестиционной политики.

Автор пытается найти ответ на вопрос, как создать выходной импульс растущей инновационной активности и экономического роста. С этой целью была проанализирована динамика показателей ВВП и инвестиций с 2007 по 2011 год. Результаты представлены в виде темпов прироста показателей и в виде диаграммы. На основе этих данных можно проследить взаимосвязи, образующиеся между динамикой инвестиций и валовым внутренним продуктом.

Выводом данного исследования является следующий тезис: момент достижения наибольшего темпа прироста показателя является исходным импульсом для его увеличения, но через определенный временной лаг. Когда показатель достигает своего максимального значения, темпы прироста уже могут быть меньше предыдущих.

Ключевые слова: инвестиции, ВВП, темп прироста, инвестиционная активность, экономический рост, экономический кризис.

Анотація

Стаття присвячена проблемам взаємозалежності темпів приросту ВВП та інвестицій. Чим вищі темпи приросту ВВП, тим значнішою є можливість для розширеного відтворення інвестиційних ресурсів і формування на цій основі найбільш раціональної інвестиційної політики.

Автор намагається знайти відповідь на питання, як створити вихідний імпульс зростаючої інноваційної активності та економічного зростання. З цією метою було проаналізовано динаміку показників ВВП та інвестицій з

2007 до 2011 року. Результати представлені у вигляді темпів приросту показників та у вигляді діаграми. На основі цих даних можна простежити взаємозв'язки, що утворюються між динамікою інвестицій та валовим внутрішнім продуктом.

Висновком даного дослідження є теза, що момент досягнення найбільшого темпу приросту показника є вихідним імпульсом для його збільшення, але через певний часовий лаг. Коли показник набуває свого максимального значення, темпи приросту вже можуть бути меншими за попередні.

Ключові слова: інвестиції, ВВП, темп приросту, інвестиційна активність, економічне зростання, економічна криза.

Annotation

The article deals with the problems of interdependence of the GDP and investment growth.

The author tries to find out the ways to create output pulse to increase innovation activity and economic growth. With this purpose, the GDP and investment performance dynamics from 2007 to 2011 have been analyzed. The results are presented as the growth rate and a diagram. Due to these data it is possible to trace the relationships formed between the investment dynamics and the gross domestic product.

The conclusion of this study is the following: the time of the greatest criterion growth rate achieved is the initial impetus for its growth, but after a certain time lag. When the criterion reaches its maximum value, the growth rate may become smaller than they use to be.

Key words: investment, GDP growth, investment activity, economic growth, economic crisis.

Провідна роль інвестицій у суспільному виробництві зумовлюється не лише тим, що вони, трансформуючись на елементи реального капіталу, формують матеріальну основу суспільного виробництва і створюють реальні передумови для розширеного відтворення. Модернізація економіки на основі технологічного інноваційного оновлення стимулює інвестиції, викликає необхідний підйом або «хвилю» інвестиційних витрат [2].

Безперечно, зв'язок інвестиційної активності й економічного зростання не є одностороннім. Економічне зростання, що залежить від інвестиційної активності, у свою чергу, зумовлює реальні можливості країни в інвестуванні на кожному етапі розвитку. Інакше, чим вищі темпи приросту ВВП, тим значнішою є можливість для

розширеного відтворення інвестиційних ресурсів і формування на цій основі найбільш раціональної інвестиційної політики.

Взаємозв'язок і взаємозалежність ВВП та інвестицій у своїх роботах досліджували В. Г. Федоренко [3], Т. Г. Затонацька [2], А. Ф. Гойко [4], Н. Бутко [5], В. В. Мортіков [6], А. А. Пересада [7].

В. Г. Федоренко у своїх працях висловлював думку, що поточний стан економіки визначається діяльністю господарюючих суб'єктів, майбутній – обсягами інвестицій у виробництво. Від того, яку частину ВВП країна витрачає на створення матеріально-технічної та фінансової бази нових виробництв товарів та послуг, залежать майбутні обсяги ВВП та відповідно добробут населення [8].

У цілому взаємозумовленість зв'язку узагальнюючих показників економічного розвитку досить очевидна. Складніше знайти відповідь на питання, як створити вихідний імпульс зростаючої інноваційної активності та економічного зростання.

Метою статті є аналіз взаємозалежності темпів приросту ВВП та інвестицій в Україні.

Практика свідчить, що необхідною умовою розвитку економіки є висока інвестиційна активність [4]. Вона досягається за допомогою зростання обсягів інвестицій та найбільш ефективних напрямів їх реалізації у пріоритетних секторах матеріального виробництва і соціальної сфери. Інвестиції формують виробничий потенціал на новій науково-технічній базі і визначають конкурентні позиції країни на світових ринках.

Взаємозв'язок показників ВВП та інвестицій було досліджено [1] за допомогою коефіцієнта кореляції. Результати аналізу (коефіцієнт = 0,823) свідчать про сильний взаємозв'язок і взаємозалежність показників, що аналізуються. Присутня позитивна кореляція, тобто збільшення однієї величини спричинить збільшення іншої.

Стереотип негативного впливу показника інфляції на обсяг інвестицій можна спростувати, адже коефіцієнт кореляції рівний 0,486 [1] свідчить про середню міру взаємозв'язку досліджуваних показників.

Проаналізуємо динаміку показників ВВП та інвестицій за останні п'ять років у табл. 1 [9].

Показники ВВП та інвестицій у грошовому вираженні у 2007 та

Таблиця 1

**Показники розвитку та інвестування економіки України
в 2007–2011 рр.**

Показники	Роки				
	2007	2008	2009	2010	2011
ВВП, млн грн	720731	948056	913345	1082569	1302079
Темпи приросту ВВП до попереднього року, %	32,5	31,5	-3,7	18,5	20,3
Інвестиції в основний капітал, млн грн	188486	233081	151777	171092	238175
Темпи приросту інвестицій до попереднього року, %	50,5	23,7	-34,9	12,7	39,2
Інвестиції, % від ВВП	26,2	24,6	16,6	15,8	18,3

2008 роках поступово збільшували свої значення. У 2009 році ми можемо спостерігати зменшення їх кількісного значення. Це, звичайно, пов'язано з реакцією економіки України на кризу.

Якщо проаналізувати показники темпів приросту ВВП, можна простежити, що хоча спостерігається збільшення показника у грошовому вираженні у 2008 році, його приріст менший на 1% порівняно з попереднім роком. Цей сигнал свідчить про наближення кризових явищ, що ми спостерігали у 2009 році. З 2010 року темп приросту ВВП показує позитивну динаміку.

Аналізуючи темпи приросту інвестицій, добре видно, що цей показник більш чутливий до змін у світовій економіці. Досягнувши свого максимального значення (50,5%) у 2007 році, у 2008 році приріст становить вже вдвічі менше – 23,7%. Маючи більшу чутливість, темп приросту інвестицій реагує на економічну кризу значенням –34,9%, тоді як темп приросту ВВП становить лише –3,7%. Але вже у 2011 році темп приросту інвестицій становить 39,2%.

Вчені зазначають, що економічне зростання країни забезпечується інвестиціями в основний капітал на рівні 20–30% ВВП, що вважається індикатором інвестиційної безпеки [10].

Виходячи з даних табл. 1, частка інвестицій у ВВП у 2007 та 2008 роках коливалася у межах 25%, що говорить про досягнення

економікою України середнього рівня інвестиційної безпеки. Але починаючи з 2009 року Україна втратила свої позиції, коли частка інвестицій у ВВП стала меншою 20%.

Макроекономічний аналіз показує, що істотне значення має функціональна структура ВВП, а в ньому – та його частка, яка використовується для інвестування [3]. На основі цих даних можна простежити взаємозв'язки, що утворюються між динамікою інвестицій та валовим внутрішнім продуктом.

За підрахунками вчених, інвестиції в економіку повинні перевищувати темпи збільшення ВВП, забезпечуючи належний рівень капіталоемності. Для України при стабільному 1,5-відсотковому прирості ВВП необхідно мати 3,5–4% приросту інвестицій [5].

Співвідношення темпів приросту ВВП та інвестицій в Україні краще спостерігати за допомогою діаграми (рис. 1).

Темпи приросту інвестицій нижче, ніж темпи приросту ВВП в Україні з 2008 по 2010 роки. На початку кризи та на момент виходу різниця складала близько 7%. Найбільший розрив можна спостерігати у 2009 році. І тільки у 2011 році показники перевищення темпу приросту інвестицій над темпом приросту ВВП становили докризові 18%.

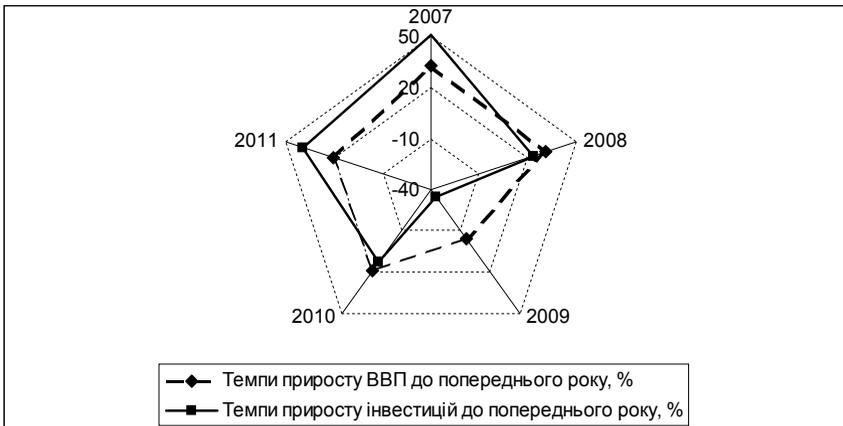

Рис. 1. Темпи приросту ВВП та інвестицій в Україні

Тобто можна зробити висновок, що по 2007 рік Україна знаходилася у фазі стабільного економічного росту. У 2008 році з'явилися перші ознаки спаду набраних обсягів зростання – це зменшення темпу приросту інвестицій по відношенню до попереднього року та його зменшення по відношенню до темпу приросту ВВП, а також зменшення частки інвестицій у ВВП. Та починаючи з 2010 року ситуація економічного зростання стабілізується.

Отже, виявляється цікава тенденція: найбільший темп приросту інвестицій спостерігається у 2007 році, а найбільший показник обсягу інвестицій у грошовому вираженні – у 2008, коли темпи зростання інвестицій починають зменшуватися. Можна зробити висновок, що момент досягнення найбільшого темпу приросту є вихідним імпульсом (поштовхом) для збільшення показника, але через певний часовий лаг (проміжок). Коли показник набуває свого максимального значення, темпи приросту вже можуть бути меншими за попередні.

Інвестиційна активність у країні – важлива передумова розв'язання її соціально-економічних проблем [6]. Саме тому аналіз чинників, що впливають на інвестиційну діяльність, а також її результатів є актуальним завданням економічної науки.

Список літератури

1. Дурандіна О. В. Стратегічні підстави підвищення інвестиційної активності суб'єктів господарювання як чинник економічного зростання держави / О. В. Дурандіна, Т. М. Кірік // Стратегічне управління суб'єктами господарювання: проблеми теорії та практики : монографія / авт. кол. О. Л. Яременко, Г. В. Строкович та ін.; Нар. укр. акад. [каф. економіки підприємства]. – Х. : Вид-во НУА, 2013. – 504 с.
2. Затонацька Т. Г. Стратегія нарощування інвестиційного потенціалу національної економіки / Т. Г. Затонацька, В. Л. Осецький // Фінанси України. – 2006. – № 7. – С. 39.
3. Федоренко В. Инвестиции и экономика Украины / В. Федоренко // Экономика Украины. – 2007. – № 5. – С. 12–16.
4. Гойко А. Ф. Методи оцінки ефективності інвестицій та пріоритетні напрями їх реалізації / А. Ф. Гойко. – К. : ВІРА-Р, 1999. – 320 с.
5. Бутко Н. Инвестиционные аспекты повышения конкурентоспособности экономики / Н. Бутко // Экономика Украины. – 2004. – № 4. – С. 41.

6. Мортіков В. В. Інвестиції і зовнішні ефекти / В. В. Мортіков // Фінанси України. – 2007. – № 2. – С. 120.
7. Пересада А. А. Реалізація інвестиційних проєктів в Україні / А. А. Пересада, В. В. Зубленко // Фінанси України. – 2004. – № 3. – С. 106.
8. Федоренко В. Г. Інвестознавство: підручник / В. Г. Федоренко. – 2-ге вид., переробл. – К. : МАУП, 2002. – 408 с.
9. Державний комітет статистики України [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://ukrstat.gov.ua> (18.01.2011).
10. Сухоруков А. Проблемы повышения инвестиционной активности регионов / А. Сухоруков // Экономика Украины. – 2003. – № 8. – С. 16.

Е. В. Тарасова

**СОВРЕМЕННЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДИСКУРС
В ПОНЯТИЯХ И ТЕРМИНАХ СИНЕРГЕТИКИ
CONTEMPORARY ECONOMIC DISCOURSE
IN CONCEPTS AND TERMS OF SYNERGETICS**

Аннотация

В статье предпринимается попытка интерпретации экономического дискурса (ЭД) как сложной функционально-адаптивной синергетической системы, требующей для своего изучения междисциплинарного подхода, интегрирующего когнитивные, психологические, социальные, культурологические, лингвистические и другие аспекты. Анализируются трактовки понятия «экономический дискурс» в современной философии, экономике и лингвистике.

Выбор ЭД в качестве объекта исследования в свете теории самоорганизации сложных систем мотивируется динамичностью концептуального пространства экономических отношений как наиболее открытой для инноваций формы общественного сознания. ЭД выделяется как особая подсистема дискурса, функционирующая с целью раскрытия сущности различных аспектов экономической деятельности как отдельных индивидов, так и человеческих коллективов, как сверхсложная самоорганизующаяся система, регулируемая синергетическим законом функциональной зависимости элементов.

Ключевые слова: экономический дискурс, синергетическая система, самоорганизация, диссипативность, полидискурсивность.

Анотація

У статті робиться спроба інтерпретації економічного дискурсу (ЕД) як складної функціонально-адаптивної синергетичної системи, що потребує для свого вивчення міждисциплінарного підходу, що інтегрує когнітивні, психологічні, соціальні, культурологічні, лінгвістичні та інші виміри. Аналізуються тлумачення поняття «економічний дискурс» у сучасній філософії, економіці та лінгвістиці.

Вибір ЕД як об'єкта аналізу з точки зору теорії складних систем мотивований динамічністю концептуального простору економічних відношень як найбільш відкритої для інновацій форми суспільної свідомості.

ЕД виокремлюється як особлива підсистема дискурсу, що функціонує з метою розкриття суттєвості різноманітних аспектів економічної діяльності як окремих індивідів, так і соціальних угруповань, як складна система, що самоорганізується і регулюється синергетичним законом функціональної залежності елементів.

Ключові слова: економічний дискурс, синергетична система, самоорганізація, дисипативність, полідискурсивність.

Annotation

An attempt is made to interpret economic discourse (ED) as a complex functional-adaptive system which requires an interdisciplinary approach, integrating cognitive, psychological, cultural, social, linguistic and other dimensions. Different treatments of the term «economic discourse» developed in philosophy, economics, and linguistics are discussed. The choice of ED as an object of analysis from the point of view of the complex self-organizing systems theory is motivated by the dynamic nature of the conceptual space of economic relations which is most open to innovations. ED is identified as a distinct discourse sub-system whose function is to explicate the essence of various aspects of economic activities engaged in by individuals and societies, a super-complex self-organizing system, regulated by the synergetic law of functional dependence of elements.

Key words: economic discourse, synergetic system, self-organization, dissipative system, multi-discourse.

Цель настоящей статьи – выделение особой подсистемы дискурса, а именно, *экономического дискурса* (далее – ЭД) и основных принципов его синергетической интерпретации. Ее концептуально-методологическая *новизна* связана с признанием способности различных подсистем дискурса к саморазвитию как за счет притока информации/энергии извне, так и за счет использования их внутренних ресурсов. Исследование таких подсистем, в частности, системы ЭД, может способствовать более глубокому познанию наиболее важных сторон жизни социума, в том числе экономических отношений.

Как объект исследования ЭД приобретает особую *актуальность* именно сегодня в условиях углубления международного сотрудничества, когда для современного мирового сообщества, «буквально одержимого экономикой и политически, и ментально, экономическая

реальность служит инструментом осмысления специфики новых объективных и субъективных предметностей» [1, с. 146], а экономическая мотивация – главным рычагом прогресса. Вторая причина интереса к данной проблеме – отсутствие определения категориального статуса ЭД и единства в понимании данного феномена представителями различных научных направлений. «Экономический дискурс» – это многозначный термин, используемый целым рядом общественно-политических, экономических и гуманитарных наук, предмет которых прямо или опосредованно предполагает учет особенностей функционирования естественного языка, – информатики, философии, эстетики, лингвистики, литературоведения, семиотики, социологии, психологии, этнологии и антропологии, не говоря уже об экономике.

В философском смысле понятие «экономический дискурс» трактуется достаточно широко, пересекаясь по сути с понятием «менталитет». С философской точки зрения, ЭД представляет собой особую «априорную» форму социальной коммуникации и оказывается функционально связанным с термином «парадигма». Философы убеждены, что «в гуманитарной науке явно недостаточно изучен процесс глубинной экономизации как пространства и времени, так и человеческой субъективности, вовлеченной в производство знаковых различий (основного товара постиндустриальной цивилизации)» [6, с. 5].

Несколько иную интерпретацию получает данное понятие в рамках экономической теории. Экономисты, в частности, утверждают, что в основе всякой экономической системы необходимо лежит «свой» особый дискурс со своей особой «аксиологической переменной», являющейся необходимой гуманитарной составляющей порожденного данной системой типа «экономического человека» [1; 18 и др.].

Что касается лингвистики, то в ней в настоящее время предпринимаются многочисленные попытки выделить составляющие интегрального понятия «дискурс». Выявлены разновидности речевых произведений, характеризующиеся специфическими языковыми чертами, которые мотивированы личностью говорящего, его интенциями, мнениями, социокультурным статусом, сферой деятельности и фактором адресата. Появились работы, посвященные изучению

современного *научного* дискурса [3], *политического* дискурса [4; 13], *эмотивно-оценочного* дискурса [15], дискурса *конкретной языковой личности* [8] и ряда других, однако, несмотря на широкую популярность и энергичное развитие дискурс-анализа, ЭД оказывается парадоксально мало изученным.

Проведенный нами теоретический поиск показывает, что ЭД уже попадал так или иначе в поле зрения лингвистов, однако внимание исследователей [9; 14; 17 и др.] было сосредоточено главным образом на его лексической составляющей. В центре внимания лингвистов оказывались до сих пор особенности и структура лексикона, словообразовательные механизмы, действующие в сфере лексики популярных экономических статей, взаимодействие общеупотребительной, общенаучной и терминологической лексики, когнитивно-прагматическая роль метафоры в лексической составляющей ЭД и ряд других вопросов. Изучение системы лексических способов раскрытия экономических тем как в специальной литературе, так и СМИ – это, безусловно, важное и актуальное направление, способствующее решению многих прикладных задач, в частности, достижению адекватных переводов, однако оно не позволяет получить целостное, холистское (согласно которому целое всегда есть нечто большее, чем простая сумма его частей) представление о таком сложном, многогранном и «всепроникающем» явлении, как ЭД.

Человек, разумеется, живет не только экономикой, тем не менее, большинство культур отводят рынку приоритетную роль в структуре общественного уклада, где экономика пронизывает практически все виды жизнедеятельности, являясь «совокупностью всех учреждений и деятельностей для удовлетворения человеческих потребностей в товарах и услугах» [17, с. 61].

Как известно, синергетика – это междисциплинарное направление современной науки, изучающее общие закономерности явлений и процессов в сложных нелинейных открытых динамических системах – физических, биологических, экологических, социальных и других. Поскольку процессы, протекающие в этих системах безотносительно их природы, управляются одними и теми же принципами самоорганизации, т. е. «упорядочения (пространственного, временного

или пространственно-временного) в открытой системе за счёт согласованного взаимодействия множества элементов её составляющих» [16, с. 208] и интенсивного обмена информацией с окружающей средой, для их описания может быть использован общий методологический аппарат.

Наш выбор ЭД в качестве объекта *синергетического* описания, т. е. с точки зрения теории самоорганизации сложных систем [11; 16; 19 и др.] мотивирован рядом причин.

Во-первых, в любом обществе экономическая система – одна из наиболее динамичных и открытых для инноваций форм общественного сознания. Концептуальное пространство экономической деятельности и экономических отношений подвижно, изменчиво и находится в состоянии постоянного взаимодействия и неустойчивого равновесия с «окружающей средой». Экономическая система чутко реагирует на информацию, поступающую извне по разным каналам, и изменяется в результате усвоения и переработки этой информации человеком.

Во-вторых, экономика – это та область наших знаний о мире, где особенно отчетливо проявляются базовые интересы индивида, социума и этноса, где особенно заметны изменения в общественном сознании, ментальности носителей языка, где имеет место активная языковая динамика. Из всех сфер человеческой деятельности именно экономика подверглась наиболее коренной перестройке в последние десятилетия.

В русле современной антропологической парадигмы, в рамках которой речь рассматривается как целенаправленная деятельность, дискурс выступает главным связующим звеном между человеческой коммуникацией и всей совокупностью так или иначе воздействующих на нее прагматических, социокультурных, психологических, экономических и прочих факторов, а потому именно понятие дискурса наиболее естественным образом отражает синергетические тенденции в науке о языке, ибо реальный прогресс последней связывают сегодня с интеграцией, точнее, синтезом, «собственно» лингвистического, когнитивного, психологического, социального, культурологического и других подходов.

Синтезируя многочисленные определения понятия «дискурс», представленные в трудах наиболее известных языковедов [2; 5; 10; 12; 13 и др.], приходим к пониманию того, что «дискурс – это языковое выражение общественной практики в ее различных коммуникативных сферах; упорядоченное и систематизированное особым образом использование языка, за которым стоит особая – социально, идеологически, культурно и исторически обусловленная реальность» [17, с. 230].

Интерпретация дискурса с точки зрения теории открытых диссипативных самоорганизующихся систем представляется задачей сложной, но весьма перспективной. Вспомним афоризм Н. Д. Арутюновой [2, с. 136–137]: «дискурс – это речь, погруженная в жизнь». Данное определение, по нашему мнению, оптимально отвечает классическому определению «вложенной» синергетической системы (embedded system в терминологии Пригожина [11] и других теоретиков синергетики) – т. е. открытой нелинейной функционально-адаптивной системы, погруженной в свою «экологию». Сказанное свидетельствует о синергетической природе дискурса как такового, который можно представить как сверхсложную «систему систем», т. е. подвижную, самоорганизующуюся макросистему, интегрирующую множество разнородных, но взаимосвязанных и взаимодействующих подсистем.

Соответственно, под ЭД будем понимать особую подсистему дискурса, функционирующую с целью раскрытия сущности различных аспектов экономической реальности и экономической деятельности как отдельных индивидов, так и человеческих коллективов. ЭД есть по сути способ видения мира и упорядочения действительности представителями экономического института как формы общественного устройства.

Система ЭД является открытой динамической системой постольку, поскольку, во-первых, в ней постоянно идет процесс обмена информацией между субъектами экономической деятельности – индивидами и коллективами. Во-вторых, в современном динамическом глобализированном мире постоянно меняются сущность и содержание экономических понятий и отношений. В результате возникает нелинейность как процесса, так и результата. В-третьих, постоянно

увеличивающееся информационно-концептуальное пространство экономики постоянно выводит систему ЭД из устойчивого равновесия.

Наиболее близким к синергетическому является, на наш взгляд, осмысление понятия ЭД, представленное в работах британского лингвиста Н. Фэрклу [21]. Ученый прослеживает прямую связь между «новым всемирным социальным порядком» (the new global social order), который он называет «новым глобальным капитализмом» (the new global capitalism), и «идеологически мотивированным новым дискурсом» (a new discourse which is ideologically motivated). Последний представляет собой уникальный коммуникативный феномен – «сложную и нестабильную область, требующую детального изучения» (a complex and unstable area which needs detailed research). Его важнейшей отличительной характеристикой автор считает «гибкость, проявляемую на различных уровнях» (flexibility at various levels). Именно «гибкий дискурс» (the discourse of 'flexibility'), убежден Фэрклу, соединяет речевую коммуникацию с социокультурной реальностью, именно он «в условиях нарождающейся глобальной экономики становится ареной борьбы старого и нового, выступая самым мощным оружием в этой борьбе» [21, с. 7]. «Гибкий» ЭД в понимании Фэрклу проявляет все признаки диссипативной системы с взаимозависимыми частями, изменения в каждой из которых влекут за собой изменения в других частях и, следовательно, в системе в целом.

Таким образом, с синергетической точки зрения, ЭД рассматривается нами как открытая нелинейная самонастраивающаяся система, которой присущи такие свойства, как уровневая организация, саморегуляция, подвижность и динамичность, функциональная адаптация к условиям «среды обитания» и постоянная перестройка под воздействием этой среды. Система ЭД является неустойчивой и неравновесной, она постоянно эволюционирует, проявляя отчетливые признаки становления «порядка через хаос» [12].

Исходя из этого, критериями выделения ЭД мы считаем следующие:

- тематическая область, которую можно определить как «взаимоотношения человека со сложившейся в обществе системой сложившихся на данный момент и постоянно меняющихся экономических связей и отношений»;

- определенная система признаваемых членами данного социума экономических концептов, также постоянно обновляющаяся за счет появления новых экономических понятий/отношений и других инноваций;
- особые экономически обусловленные целеустановки коммуникантов, предписывающие выбор соответствующих языковых средств и речевых стратегий для оказания воздействия на адресата(ов);
- собственно языковые (структурно-функциональные) признаки и др.

Кроме того, важным отличительным признаком ЭД следует признать *полидискурсность*, возникающую в результате соединения в нем различных стилей, регистров и жанров. Эту полидискурсность с ее «партитурным» строением и постоянными переключениями от одного типа дискурса к другому также можно рассматривать как проявление диссипативности в результате действия синергетического принципа самоорганизации.

Синергетика учит, что чем сложнее система, т. е. чем больше число входящих в нее элементов, тем шире она открыта для взаимодействия, тем шире ее функциональный диапазон, тем легче и оперативнее реагирует она на изменяющиеся условия среды. В этом смысле ЭД – это, безусловно, сверхсложная функционально-адаптивная система, в которой, тем не менее, строго соблюдается основной синергетический закон *функциональной зависимости элементов*, свойственный любому структурно-согласованному образованию и выступающий в роли контролирующего механизма – регулятора поведения системы.

Наши наблюдения приводят к выводу о том, что практически каждый конкретный образец ЭД, продуцированный каждым конкретным субъектом речевой деятельности, оказывается включенным в беспредельно широкий экстралингвистический контекст. Поэтому в отличие от большинства других типов дискурса, например, педагогического, юридического, армейского/военного, делового, медицинского и др., каждый из которых представляет собой «специализированную клишированную разновидность общения, обусловленную социальными функциями партнеров и регламен-

тированную как по содержанию, так и по форме» [7, с. 133], для ЭД отсутствует алгоритм. А это значит, что, отличаясь весьма низкой степенью прогнозируемости и стереотипности, ЭД лишь с большой натяжкой может быть отнесен к специализированным коммуникативным подсистемам. Более того, как система систем он интегрирует целый комплекс специализированных типов дискурса – как институционального, так и неинституционального (примерами последнего могут быть критический, межпоколенческий, гендерный и некоторые другие). Отсюда логически следует, что степень «свободы» ЭД, его способность к функциональной адаптации гораздо выше, чем у других выделяемых сегодня типов дискурса, т. е. его свойства как самоорганизующейся синергетической системы выражены более ярко.

Перечисленные особенности делают понятным, почему ЭД представляет такой интерес как с точки зрения традиционно лингвистических (структурная организация, языковое наполнение т. д.), так и социальных, психологических, когнитивно-прагматических, этнокультурных и других измерений. Конкретный анализ этих измерений – задача дальнейших этапов исследования.

Список литературы

1. Автономов В. С. Модель человека в экономической теории и других социальных науках / В. С. Автономов. – М. : ГУ-ВШЭ, 1999. – 54 с.
2. Арутюнова Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова. – М. : Русские словари, 1990. – 685 с.
3. Ванхала-Аншевски М. Textoобразующий метатекст в русской и финской научной речи / М. Ванхала-Аншевский // Scando-Slavica. – 2001. – Tomus 476 2001. – С. 39–52.
4. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М. : Русские словари, 1996. – 416 с.
5. Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. Ван Дейк. – Б. Изд-во БГК им. И. А. Бодуэна де Куртене, 2000. – 308 с.
6. Кропотов С. Л. Проблема «экономического измерения» субъективности в неклассической философии искусства / Л. С. Кропотов. – Екатеринбург, 2000. – 30 с.
7. Кропотов С. Л. Лингвокультурологические характеристики виртуаль-

ного дискурса / С. Л. Кропотов, О. В. Лутовинова. – Волгоград : Изд-во ВГПУ «Перемена», 2009. – 476 с.

8. Ляпон М. В. Языковая личность: поиск доминанты / М. В. Ляпон // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. К 60-летию чл.-корр. РАН Ю. Н. Караулова. – М., 1995. – С. 260–276.

9. Петушинская Е. Г. Язык популярного экономического дискурса : автореф. канд. дис. / Е. Г. Петушинская. – М., 2008. – 25 с.

10. Почепцов Г. Г. Теория коммуникации / Г. Г. Почепцов. – М. : Рефл-бук, К. : Ваклер, 2001. – 656 с.

11. Пригожин И. Конец определенности / И. Пригожин. – Ижевск : РХД, 2001. – 216 с.

12. Селиванова Е. А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации / Е. А. Селиванова. – К. : Фитосоциоцентр, 2002. – 237 с.

13. Серио П. Квадратура смысла / П. Серио. – М. : Прогресс, 1999. – 416 с.

14. Томашевская Т. В. Лексическая составляющая экономического дискурса современника / Т. В. Томашевская. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та экономики и финансов, 2000. – 153 с.

15. Трипольская Т. А. Эмотивно-оценочная картина мира: признаки, функции, пути исследования / Т. А. Трипольская ; под ред. Т. И. Стексовой ; Новосиб. гос. пед. ун-т // Отражение русской языковой картины мира в лексике и грамматике : межвузовский сб. науч. тр. – Новосибирск : НГПУ, 1999. – С. 5–13.

16. Хакен Г. Синергетика / Г. Хакен. – М. : Мир, 1980. – 404 с.

17. Чернявская В. Е. От анализа текста к анализу дискурса / В. Е. Чернявская // Текст и дискурс: традиционный и коммуникативно-функциональный аспекты исследования. – Рязань, 2002. – С. 230–232.

18. Шевяков М. Ю. Понятие «экономический дискурс» как инструмент анализа социокультурных процессов / М. Ю. Шевяков. – Волгоградский гос. ун-т, 2002. – 312 с.

19. Шереметьева А. А. Основные характеристики экономического дискурса (на материале немецкого языка) / А. А. Шереметьева // Электронный журнал «Вестн. Кузбасской гос. пед. академии». – 2011. – № 7 (13). С. 334. – Режим доступа: <http://vestnik.kuzspa.ru/articles/61/>

20. Щербаков А. С. Самоорганизация материи в неживой природе: Философские аспекты синергетики / А. С. Щербаков. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1990. – 109 с.

21. Fairclough N. Language and power / N. Fairclough. – Longman, 2001. – 226 p.

**Сучасне суспільство
в контексті гуманітарного
знання
(соціологія, філологія,
історія)**

УДК 316.3

*П. Ф. Кравчук***ТВОРЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КАК
ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ ОСНОВА КРЕАТИВНОЙ
ЛИЧНОСТИ****CREATIVE POTENTIAL AS FUNDAMENTAL BASIS OF
THE CREATIVE PERSONALITY****Аннотация**

В статье определяется место и роль творческого потенциала как системообразующего свойства целостной личности, как интегрирующего качества личностного потенциала. На основании авторской концепции обосновывается три уровня развитости творческого потенциала: первый – проявление творческого потенциала в силу необходимости; второй – готовность к реализации в любой ситуации востребованности, т. е. «благодаря обстоятельствам»; третий – отражает стремление личности к творческим преобразованиям и самореализации даже «вопреки обстоятельствам». Все три уровня на практике представляют собой открытые системы и показывают своеобразный «путь» развития личности и направленность возможного изменения общества, обеспечивающего всестороннее развитие человека – действительного творца истории. Раскрывается механизм проявления творческого потенциала как отношения к разрешению противоречия посредством конкретных способностей, в частности, креативности как способности к творчеству. Показана зависимость качественного результата творческого потенциала не только от способностей, но и от ценностно-смысловых свойств личности. Показана взаимосвязь потенциальных возможностей и способностей в развитии творческого потенциала как стержня творчески активной зрелой личности. Определены особенности личности с развитым творческим потенциалом.

Ключевые слова: креативность, креативная способность, творческий потенциал, творческая личность, креативная личность, механизм проявления творческого потенциала.

Анотація

У статті визначається місце й роль творчого потенціалу як системоутворюючої властивості цілісної особистості, як інтегруючої якості особистісного потенціалу. На підставі авторської концепції обґрунтовується три рівня

розвиненості творчого потенціалу: перший – прояв творчого потенціалу в силу необхідності, другий – готовність до реалізації в будь-якій ситуації затребуваності, тобто «завдяки обставинам»; третій – відображає прагнення особистості до творчих перетворень і самореалізації навіть «всупереч обставинам». Усі три рівня на практиці являють собою відкриті системи і показують своєрідний «шлях» розвитку особистості і спрямованість можливої зміни суспільства, що забезпечує всебічний розвиток людини – дійсного творця історії. Розкривається механізм прояву творчого потенціалу як відношення до подолання протиріччя за допомогою конкретних здібностей, зокрема креативності як здатності до творчості. Показано залежність якісного результату творчого потенціалу не тільки від здібностей, а й від ціннісно-сміслових властивостей особистості. Показано взаємозв'язок потенційних можливостей і здібностей у розвитку творчого потенціалу як стрижня творчо активної, зрілої особистості. Визначено особливості особистості з розвиненим творчим потенціалом.

Ключові слова: креативність, креативна здатність, творчий потенціал, творча особистість, креативна особистість, механізм прояву творчого потенціалу.

Annotation

The place and role of creativity as a personality systemic property, as an integrating quality of the personality potential. Based on the author's conception 3 levels of creative potential development are considered: the first is manifestation of creativity, out of necessity, the second – readiness to realize creativity potential in any situation on demand, i.e. «thanks to circumstances», the third – reflects the individual's desire of creative transformation and self-realization, even «in spite of the circumstances.» In practice all the three levels are open systems and reflect a unique «way» of the personality development and a direction of a possible change in society that ensure all-round development of man – the actual maker of history. The mechanism of creativity manifestation in its relation to conflict resolution by means of specific skills, such as an ability to be creative. The dependence of the quality of the creative potential not only on skills, but also on the value and meaning of personality traits is demonstrated. The relationship of an individual's potential and capabilities in the development of creativity as a core creative activity of the mature individual is explicated. The features of a personality with a strong creative potential are defined.

Key words: creativity, creative ability, creativity, creative potential, creative person, the mechanism of manifestation of creativity.

Творческий потенциал задает человеческую активность в направлении саморазвития и самореализации его индивидуальности. Он позволяет не только занять определенное место в социальной структуре, но и перестроить последнюю в своих интересах. Значимость творческого потенциала как интегративного элемента структуры личностного потенциала определяется тем, что он отражает свойство личности «взаимоувязывать», интегрировать ее действия по целенаправленному преодолению конкретного противоречия с целью выхода за пределы обычного, достигнутого. Таким образом, он выполняет функцию системообразующего элемента личностного потенциала и целостной личности.

Исходя из гегелевской идеи всеобщности и универсальности творческой самодеятельности, из наличия у каждого человека определенных предпосылок к преобразовательной деятельности в качестве присвоенной им родовой сущности, можно предположить, что на первом, самом общем уровне творчества, реализация и развитие наличного творческого потенциала выражается, в основном, в созидательно-преобразовательной деятельности по совершенствованию предметов, явлений, методов, чаще в силу внешней необходимости, потребностей, обусловленных характером выполняемого труда, а не как внутренняя устремленность. Творческие действия в большей мере носят спонтанный характер и осуществляются в силу необходимости.

Второй уровень развитости и, соответственно, реализации творческого потенциала проявляется в значительном усилении внутренне обусловленной потребности самовыражения, в творческом отношении не только к конкретной деятельности, но и к окружающей действительности, готовности к реализации при любой ситуации, требующей разрешения возникающих противоречий, к открытиям и изобретениям в рамках существующей культурной парадигмы. Как правило, творческий потенциал проявляется благодаря возникновению обстоятельств, условий, требующих этого проявления.

На третьем уровне развитости творческого потенциала осуществляется выход за пределы действительной парадигмы деятельности, стимулируется становление способности субъекта распредмечивать

меру и сущность каждого предмета безотносительно к его функциональной полезности, без привнесения своей меры, а стремление к саморазвитию и творческое отношение к миру проявляется даже вопреки внешним обстоятельствам [5, с. 169–170], то есть «стремлюсь, а не только могу». Здесь проявляется творческая активность как критерий творческой зрелости личности.

Все три уровня на практике представляют собой открытые системы и показывают своеобразный «путь» развития личности и направленность возможного изменения общества, обеспечивающего всестороннее развитие человека – действительного творца истории. И задача заключается не в том, чтобы каждая личность достигла самоактуализации на третьем уровне, а чтобы она могла полностью осуществить себя в соответствии со своими возможностями, постоянно преодолевая свой достигнутый «предел» и, соответственно, формируя стремление к саморазвитию, направленность к «третьему уровню» по отношению к самому себе.

Творческий потенциал не может проявляться, реализовываться, развиваться вне взаимосвязи с другими свойствами и качествами личности, он есть стержень, основа сущностных сил, возможностей личности. Он не является просто совокупностью всех способностей человека, а взаимосвязан с ними в плане направленности и напряженности. Ресурсные возможности творческого потенциала – природные, генетические и развитые в социуме как раз и реализуются, развиваются благодаря разнонаправленным способностям. Большинство исследователей включают способности в структуру потенциала наряду с ресурсными возможностями, а некоторые творческий потенциал идентифицируют с креативными способностями. Например, в работе авторского коллектива под руководством В. И. Видяпина в структуру личностного потенциала включен «творческий потенциал (креативные способности личности)» [1]. Однако ресурсы и способности не однопорядковые категории.

Понятие «способность» относят, прежде всего, к психологии, однако в научных исследованиях его используют не только психологи, но и философы, социологи, культурологи и другие специалисты. И трактовку этого понятия можно найти во многих словарях и работах

различных авторов. Так, в философском словаре под редакцией И. Т. Фролова способности в широком смысле определяются как «психические свойства индивида, регулирующие его поведение и служащие условием его жизнедеятельности». Под способностями в специальном смысле слова понимается комплекс свойств человека, делающий его пригодным к определенному виду профессиональной деятельности [11]. А в толковых словарях русского языка способности определяются как «природное дарование, склонность к усвоению чего-либо, к занятиям чем-либо; возможность, умение что-либо делать; состояние, качество, свойство, дающее возможность производить те или иные действия, исполнять ту или иную работу» [4]. В словаре Д. Н. Ушакова способности определяются как «природное дарование, склонность к усвоению чего-нибудь, к занятиям чем-нибудь» [10].

Обращение к словарям в данной ситуации уместно, ибо дает возможность обоснованно и разносторонне, не в дискуссионной форме, а в определенной мере в устоявшейся литературе, разобраться с понятием способностей. Сопоставив разные подходы, можно сделать вывод, что способности как состояние, качество, свойство личности обеспечивают проявление ее сущностных сил, регулируют поведение человека, служат способом его жизнедеятельности. Это – склонность к определенному виду деятельности, способствующая реализации внутренних потенций в социуме, в деятельности.

Таким образом, проанализировав место и особенности способностей в жизнедеятельности личности, логично не включать их непосредственно в структуру потенциала, в том числе и творческого, ибо они обеспечивают его реализацию и, соответственно, развитие. Только благодаря определенным склонностям и происходит переход от ресурса к конкретным действиям, то есть способности здесь выступают в качестве механизма превращения потенциальных ресурсов человека в действительные, в нашей концепции они обеспечивают превращение творческого потенциала непосредственно в творчество, творческую деятельность. Особая роль принадлежит здесь креативности как способности к творчеству.

Но для «запуска» этого механизма нужен определенный стимул.

Общим таким стимулом, как известно, являются потребности, интересы и связанные с ними мотивы, а непосредственным элементом, стимулирующим начало действия механизма, представляется мотивированное творческое отношение, отношение к конкретному противоречию, являющемуся источником творчества (как и развития в целом). Противоречие же появляется, как известно, при несоответствии сущего и должного, а «генетическая клеточка» творчества – взаимосвязь субъекта и объекта. Своеобразным «приводным ремнем» к запуску механизма преобразования ресурсных возможностей в действительность и является мотивированное отношение субъекта к объекту, которое, безусловно, связано с интересами, потребностями человека, его ценностными ориентациями, мотивацией поступков. Но основной элемент механизма этого преобразования – способности. Следовательно, превращение потенциала в реальную действительность через деятельность и посредством способностей и есть механизм этого превращения, которое, по сути, также является творчеством и зависит от многих моментов. Особое значение в этом механизме имеют ценностно-смысловые свойства личности.

Отметим, что связь потенциалов и способностей – это взаимовлияние. Как потенциалы проявляются через способности, так и способности влияют на развитие потенциальных возможностей. Становление и развитие творческого потенциала зависит от условий, в которых живет человек: среды (социальной, профессиональной, семейной и т. д.), характера деятельности, востребованности и механизма воплощения сущностных сил непосредственно в творчество. А способности как основа механизма этого воплощения, в свою очередь, формируются и развиваются в процессе усвоения индивидом выработанных человечеством в процессе общественно-исторического развития способов деятельности. Таким образом, способности человека определяются не только деятельностью мозга, наследуемыми анатомо-физиологическими особенностями индивида, задатками, умениями, навыками, но, что очень значимо, степенью достигнутого человечеством исторического развития. В этом смысле способности неразрывно связаны с общественной организацией труда и приспособленной к ней системой образования. «Качественный

уровень развития способностей выражается понятиями талант (совокупность способностей, позволяющая получать оригинальный, совершенный и общественно значимый продукт деятельности) и гениальность (способность осуществлять принципиальные сдвиги в той или иной сфере творчества)» [10].

На основании изложенного можно сделать вывод, что творческий потенциал реализуется и развивается в единстве собственной структуры ресурсов (возможностей) – и способностей, обеспечивающих механизм этой реализации, а результат превращения потенциальных возможностей в творчество зависит, соответственно, от уровней развитости творческого потенциала, которые были раскрыты раньше, и уровня творческих способностей. Но этим данный процесс не ограничивается. Качество творчества, его созидательная или разрушительная сторона зависят от ценностно-смысловых свойств личности, которые и определяют в значительной мере положительный или отрицательный, социально-ценностный результат творческой деятельности.

Для личности с развитым творческим потенциалом (второй и третий уровни его развитости) характерны такие основные особенности:

- 1) творчески-познавательное и практически-преобразующее отношение к реальной действительности (можно видеть мир и «по-иному»);
- 2) постоянная неудовлетворенность достигнутым, поиск более совершенного;
- 3) потребность в постоянном самоосуществлении и самосовершенствовании.

Личность, обладающую этими особенностями, и называют творческой личностью. Нам представляется более адекватно такую личность определять как творчески активную или творчески развитую, творчески зрелую, ибо вообще творческой личностью можно назвать любого человека, так как он обладает определенными потенциями к творчеству как представитель рода человеческого, способностями саморазвития, но готовность к творчеству проявляется при определенных условиях. «Человек есть не то, что он есть, а то, чем он может стать, если окажется в состоянии выйти за

пределы своей социокультурной ситуации, расширяя свой жизненный мир до масштабов Вселенной. Другими словами, человека нельзя понять, исходя только из знания его настоящего. Он познаваем лишь с учетом своего потенциала и перспектив развития» [7, с. 183] и далее... «родовая цель человека – стремление к бесконечному совершенствованию через творчество» [7, с. 184].

Следовательно, каждый человек является творческой личностью в потенции, но не каждый может реализовать свой потенциал в данный момент, в конкретных условиях в одинаковой мере. Постоянно проявляет себя в творчестве творчески активная личность, которую можно соотнести с личностью креативной, что значимо для современной практики трансформации социальных отношений.

В условиях информационного, инновационного развития общества, трансформации общественных отношений, наряду с понятием творческой личности употребляется понятие креативной личности. Научное обоснование, раскрытие этих понятий имеет большое значение для практического использования их в социокультурных практиках. Наша задача – определить особенности каждого типа личности и общее, что их объединяет, для того чтобы выявить роль творческого потенциала в обоих типах личности.

Творческая личность предполагает в большей мере возможности творческой реализации, а креативная личность – уже действует практически, отражая уровень развитости творческого потенциала не ниже второго (т. е. благодаря возникшим потребностям, востребованности, интересу). Так творческий стиль деятельности, как отражение творческого отношения к работе, проявляется в более употребляемом понятии, например, креативный стиль одежды. Креативная прическа отражает реализованные творческие возможности мастера, а должность – креативный директор, креативный менеджер – предполагает умения, способности реализации творческого потенциала, творческих возможностей того, кто исполняет эту должность.

Как правило, в научных статьях, где используются оба понятия, предпринимаются попытки рассмотрения их сущности и содержания, но они не сравниваются, не сопоставляются; не определяется ни

общее, что их объединяет (ведь они взаимосвязаны), ни их отличительные черты (характеристики). Притом, чаще всего изучаются и используются понятия «креативность» и «творчество» как однозначные, что противоречит их функциональному смыслу. Креативность как характеристику (способность) правомерно рассматривать наряду с понятием «творческость», а «творчество» сопоставимо с латинским *creatio*, с английским *creative*, *creativity*, последнее соотносится и с характеристикой уровня творческого потенциала.

Е. Е. Подгузова пишет: «В связи с тем, что в психолого-педагогической литературе встречаются и одновременно используются понятия «креативность» и «творчество», считаем необходимым определить наши подходы в их понимании» [6, с. 3]. Однако, подводя итог анализа различных точек зрения, характеризуя «творческую личность», выделяя ее черты, она употребляет наряду с понятием «творчество», понятия «креативная личность», «креативное целеполагание» и т. д. в одном контексте [6, с. 23].

Определить взаимосвязь и отличия этих двух типов личности можно только исходя из соотношения понятий творчество – креатив и творческость – креативность. Толкований этого соотношения много, но чаще всего оно не разграничивается по смыслу, содержанию, задачам, направлению. В большинстве случаев творчество и креативность рассматриваются как идентичные, притом в одном контексте могут употребляться оба понятия. Так, в статье «От креативности к инновациям» выделяются две составляющих инноваций – это: «креативность – творческая»; «научная и набор знаний», не разделяя понятия креативность и творчество. Вместе с тем, подчеркивая связь инноваций со знаниями, автор использует только понятие «творчество»: «инновация возникает в результате творческого применения знаний. Знание и его функциональность – важный «сырой» материал, но именно творческий акт является основой любой инновации», а говоря о предпосылках возникновения инноваций, использует понятие креативности: «Качество человеческого капитала и его растущая креативность создают предпосылки для инноваций» [12, с. 159–172].

В некоторых исследованиях креативность «наследует» понятие «творчество», а творчество сохраняет (или не сохраняет, изжило себя)

свою значимость наряду с креативностью. Например, в статье А. Высоковского «Креативность как ресурс» понятие креативности связывается с определенным этапом развития общества: «На смену творчеству приходит креативность – способность субъекта создавать не столько новые продукты, сколько новые схемы или алгоритмы для создания этих продуктов». Более основательно особенности этих понятий автор не исследует, а чуть ниже употребляет их как равнозначные: «Повышение креативности, творческого начала направлено не только на самовыражение и создание художественных ценностей, но, прежде всего, на борьбу за достойную жизнь» [3].

Креативность также рассматривается в качестве технологий творчества. «До начала информационной эпохи мало кто знал о креативности и креативных технологиях. Обществу было достаточно понятия творчества. Творчество не потеряло собственной значимости и в XX веке. Многие считают, что «творчество» и «креативность» – синонимы. На наш взгляд, это не совсем так... Творчество не совсем есть креативность. Творчество всегда первично и фундаментально. Однако в креативном продукте оно подчинено прагматической цели. Креативный продукт, к примеру, это картина, которая будет помещена в заранее выбранную раму, с заранее предназначенным местом в заранее выбранном музее, картина, которая будет вызывать восторг у посетителей, выбранных заранее. Важно также осознавать, что креативность вне творчества невозможна. Креативность – это, в основном, технология организации творческого процесса, которая бесплодна сама по себе, какие бы задачи перед ней не ставились» [8, с. 38], что подтверждает мысль о том, что креативность это не столько ресурс, сколько характеристика умения, способности реализовать творческий потенциал, как и другие способности: профессиональные, интеллектуальные, художественные, умение отстаивать свои интересы и т. д.

Творчество выступает «фундаментальным свойством социальной жизни», а «...творческая личность становится креативной, если, сохраняя традиции творчества, переводит собственные замыслы на язык современности, находит в себе мужество сказать всю правду о себе и отстоять самобытность, уникальность в жизненных ситуациях,

несмотря на вызовы времени. Креативная личность является субъектом стратегии развития, сочетая традиционную образованность, нравственную отзывчивость с социальной инициативой, с ответственным индивидуализмом, с умением презентировать себя и отстаивать собственные интересы» [2, с. 31]. Творческая личность может стать креативной, если, избавившись от излишнего, от нагрузки псевдоискательства, перейдет к пониманию суровой правды жизни, говоря словами Р. Гвардини, прибавит к профессионализму, к производству нового знания социальную ответственность, которую не тропятся взять на себя властные элиты [2, с. 14].

Проведенный анализ позволяет сделать выводы, связанные с решением поставленной в работе задачи.

Творческий потенциал является фундаментальным явлением, основой креативности. Личность с развитым творческим потенциалом характеризуется общими фундаментальными свойствами с личностью креативной: творчески-познавательное и практически-преобразующее отношение к реальной действительности (можно видеть мир и «по-иному»), постоянная неудовлетворенность достигнутым, поиск более совершенного, потребность в постоянном самоосуществлении и самосовершенствовании. Для креативной личности характерны черты, конкретизирующие основные особенности творчески развитой личности: способность к творческой деятельности, то есть обеспечение реализации творческого отношения к жизни.

Таким образом, креативность понимается как способность к творческой деятельности, как творческая технология, свойство личности, обеспечивающее активное участие в социальных преобразованиях на пользу общества, умение отстаивать свои взгляды, интересы, связывающее профессионализм с социальной ответственностью.

Отмечая приведенные характеристики, важно подчеркнуть, что функциональной основой личности с данными свойствами, то есть креативной личности является творческий потенциал, а его реализация осуществляется посредством раскрытого выше механизма, в котором главная роль принадлежит способностям и, прежде всего, креативности как способу проявления и развития творческого потенциала.

В целом же креативность личности как способность проявлять свои свойства и качества очень важна в условиях модернизации, трансформации общественных отношений, ибо направлена, нацелена на социально-ценностные преобразования.

Список литературы

1. Бакалавр экономики : хрестоматия в трех томах. Т. 2 / под ред. проф. В. И. Видяпина. – М. : Триада, 1999.
2. Волков Ю. Г. Творческая личность: бытие в российском социокультурном пространстве / Ю. Г. Волков. – Ростов н/Д : Антей, 2011.
3. Высоковский А. Креативность как ресурс [Электронный ресурс] / А. Высоковский. – Режим доступа: www.strana-oz.ru/?numid=25&article=1105
4. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т. Ф. Ефремова. – М. : Русский язык, 2000.
5. Кравчук П. Ф. Творческий потенциал как интегральное свойство личности / П. Ф. Кравчук // Становление человека в творчестве: сб. науч. тр. – М., 1995.
6. Подгузова Е. Е. Креативность личности: возможности развития в условиях вуза : моногр. / Е. Е. Подгузова. – Смоленск : ВА ВПВО ВС РФ, 2011. – 79 с.
7. Резник Ю. М. Творчество как предназначение человека (по мотивам лекций И. Г. Фихте «О назначении ученого» и книги Н. А. Бердяева «Смысл творчества») / Ю. М. Резник // Личность. Культура. Общество. – 2009. – Т. XI. – Вып. 3.
8. Рыбка Д. П. К проблеме соотношения понятий «креативность» и «творчество» в контексте информатизации общества / Д. П. Рыбка // Материалы междунар. науч. конф. «Интеграция науки и образования. Информационная культура и креативный потенциал общества и личности». – Краснодар, 2008.
9. Сергиенко Е. Б. Особенности современного этапа развития высшего образования / Е. Б. Сергиенко // Заочная межрегиональная науч.-практ. конф. «Высшее образование: современное состояние, проблемы и перспективы развития». – М. : Изд-во СГУ, 2011.
10. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка / Д. Н. Ушаков. – М., 2000.
11. Фролов И. Т. Философский словарь / И. Т. Фролов. – Изд. 5-е. – М., 1986.
12. Юсуф Ш. От креативности к инновациям / Ш. Юсуф // Вопросы образования. – 2007. – № 4.

УДК 316.3

*А. В. Куркина***СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ И ОСОБЕННОСТИ
ПОВЕДЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОЙ ЛИЧНОСТИ
В ИННОВАЦИОННО ОРИЕНТИРОВАННОМ
ОБЩЕСТВЕ¹****SOCIAL PROFILE AND BEHAVIOR FEATURES OF
A COMPETITIVE PERSONALITY IN AN INNOVATION
FOCUSED SOCIETY****Аннотация**

В статье раскрывается актуальность исследования конкурентоспособной личности в современных условиях инновационно ориентированного общества. На основе данных, полученных в ходе авторского социологического исследования, выявлены основные характеристики конкурентоспособной личности: профессионализм, личностные качества, творческий потенциал и инновационная активность. Однако происходит недооценивание устоявшейся системы ценностных ориентаций как неотъемлемого элемента структуры конкурентоспособной личности. Выявлено, что, с одной стороны, молодые люди понимают важность развития творческого и инновационного потенциалов, с другой стороны, в современном обществе данные составляющие не востребованы, не созданы условия для их реализации. Установлено, что наиболее значимым показателем будущей работы, характеристикой образа жизни, мотивом инновационной деятельности и ведущей ценностью молодых людей в современных условиях является материальная составляющая.

Ключевые слова: конкурентоспособная личность, структура конкурентоспособной личности, творческая реализация, инновационная деятельность, инновационно ориентированное общество.

¹ Статья основывается на социологическом исследовании, проведенном автором в 2012 г. Генеральную совокупность составило население г. Курска в возрасте 20–26 лет. Объем выборки – 590 человек (285 студентов выпускных курсов, 285 молодых специалистов).

Анотація

У статті розкривається актуальність дослідження конкурентоспроможної особистості в сучасних умовах інноваційно орієнтованого суспільства. На основі даних, отриманих у ході авторського соціологічного дослідження, виявлено основні характеристики конкурентоспроможної особистості: професіоналізм, особистісні якості, творчий потенціал та інноваційна активність. Проте відбувається недооцінювання усталеної системи ціннісних орієнтацій як невід'ємного елемента структури такої особистості. Виявлено, що, з одного боку, молоді люди розуміють важливість розвитку творчого та інноваційного потенціалів, з другого боку, в сучасному суспільстві ці складові не затребувані, не створені умови для їх реалізації. Встановлено, що найбільш значущим показником майбутньої роботи, характеристикою способу життя, мотивом інноваційної діяльності та провідною цінністю молодих людей у сучасних умовах є матеріальна складова.

Ключові слова: конкурентоспроможна особа, структура конкурентоспроможної особи, творча реалізація, інноваційна діяльність, інноваційно орієнтоване суспільство.

Annotation

The article explicates the relevance of research into a competitive personality in the modern conditions of an innovation focused society. On the basis of the data, received in the course of the author's sociological research, the main characteristics of the competitive personality have been described such as: professionalism, personality characteristics, creative potential and innovation activity. However, the established system of values orientations as an integral part of a competitive personality has been underestimated. It has been found that, on the one hand, young people understand the importance of developing their creative and innovation potentials, on the other hand, in today's society the above features are not in demand and conditions for their realization are not created. It is established that the most significant indicator of a future work, a way of life, a motivation for innovation activities and the priority value for young people in today's conditions is the financial component.

Key words: competitive personality, the structure of the competitive person, creative implementation, innovation, innovatively focused society.

Воспроизводство конкурентоспособных человеческих ресурсов начинается с понимания того, что такое современная конкурентоспособная личность. Российская молодежь переживает период затянувшегося общественного перехода к рыночной экономике и новой

социальности, большей свободе самовыражения, конкурентности. Социальные и экономические изменения в обществе привели к тому, что для молодых людей складываются различные стартовые условия, которые определяют жесткость и бескомпромиссность социальной конкуренции. В подобных условиях социальная конкуренция обретает все более значимое положение, становится полноправным, хотя и крайне противоречивым социальным феноменом. Однако, на наш взгляд, это не является общепринятым постулатом, и каждая личность в отдельности также влияет на условия существования, как и они на нее, и от того, каких принципов она придерживается при продвижении к своей цели, зависит, каким будет общество. Это подчеркивает важность процесса формирования конкурентоспособной личности, обладающей профессиональными и личностными компетенциями, выдающей инновационные идеи и ответственной за результат их внедрения. В связи с этим необходимо выяснить, как же молодые люди характеризуют конкурентоспособную личность, какие ее составляющие они считают наиболее важными в современных реалиях инновационно ориентированного общества.

Молодые специалисты и студенты, характеризуя конкурентоспособную личность, отмечают следующие ее качества: необходимые для ведения конкурентной борьбы личностные качества (19,3% и 28,6% соответственно); инновационная активность и творческий потенциал (21,8% и 24,2%); профессиональная компетентность (17,4% и 21,1%). Следовательно, конкурентоспособная личность, по мнению респондентов, характеризуется инновационной активностью и творческим потенциалом, личностными и профессиональными компетенциями, что соответствует составляющим ее структуры, обоснованной и представленной нами в статье «Структура конкурентоспособной личности в современных социокультурных условиях» [1]. Полученные результаты подтверждают тот факт, что личностные качества и творческий потенциал специалиста в современном инновационно ориентированном обществе играют порой более важную роль, чем его профессиональная компетентность.

В то же время студенты не считают важными такие составляющие конкурентоспособной личности, как обладание моральной

ответственностью перед членами общества и устоявшаяся система ценностных ориентаций. Количество специалистов, отмечающих данные характеристики, значительно выше. Молодые специалисты, приобретая опыт производственных отношений между участниками той или иной профессиональной деятельности, большее значение отводят моральной ответственности и обладанию системой ценностных ориентаций, как значимым составляющим конкурентоспособной личности специалиста. Так как своего рода кульминацией утверждения нравственной уверенности во взаимоотношениях между членами коллектива выступает полная нравственная защищенность личного достоинства каждого и ответственности за производимую продукцию (услугу). Нравственное обогащение межличностных отношений, отражение в них нравственной уверенности членов коллектива имеют огромное практическое значение.

Выявлено, что конкурентоспособность имеет не только социальное, но и, наиболее важное для нас, ценностное содержание в глобализирующемся обществе. Заметим, что ценности оказывают решающее воздействие на сознание и поведение индивида и именно они определяют отношение к работе, людям, общественным процессам. Рассматривая нравственную составляющую конкурентоспособной личности, необходимо определить, каковы же ценностные ориентации современной молодежи.

В рамках исследования респондентам предлагалось проранжировать ряд определенных ценностей и присвоить им значения от 1 (наименее важное) до 8 (наиболее важное). Полученные средние значения незначительно варьируются в зависимости от ценности. Специалисты наиболее значимыми для себя выбирают такие ценности как материальное благополучие, профессиональная реализация (карьера), саморазвитие, студенты – материальное благополучие, саморазвитие; моральные принципы. Полученные результаты среди респондентов обеих выборок различаются незначительно. Это связано, прежде всего, с особенностями возраста респондентов и современными социокультурными условиями. В этот период развития (20–26 лет) ценности молодых людей относительно стабильны, несмотря на занимаемое ими социальное положение в обществе.

Также выпускники вузов и молодые специалисты, вступающие в самостоятельную жизнь, нуждаются в обретении материальной независимости в рамках экономически нестабильного общества. Период вхождения в профессиональную сферу деятельности характеризуется, главным образом, реализацией потенциала, способностей, потребностью в самоактуализации, саморазвитии и самосовершенствовании, для того чтобы занять желаемую нишу на рынке труда.

Наименее значимыми ценностями как для специалистов, так и для студентов являются творческая реализация и досуг. Естественно, что в данный период профессионального самоопределения молодежи досуг занимает последнее место, чего нельзя сказать о творческой реализации. Так как в современных условиях развития общества именно реализация себя как творчески активной, инновационной личности занимает одно из ведущих мест. Мы видим, что респонденты отводят ведущее место саморазвитию как ценности и предпоследнее место – творческой реализации, хотя творческий потенциал выступает в качестве предпосылки для саморазвития человека. Он представляет собой наличную совокупность готовности, возможности и способности личности осуществлять деятельность, цель которой заключается в выражении своей Самости. Творчество является таким способом существования, при котором субъект сам выступает инициатором акта взаимодействия с окружающим миром, то есть он начинает приспособлять внешнюю среду к своим внутренним интересам.

При выявлении социального механизма включения молодежи в сферы науки и инновационного предпринимательства важным элементом является система ценностей, которая во взаимодействии с мотивами и имеющимися навыками определяет вектор поведения человека.

Среди мотивов инновационной деятельности и специалистов, и студентов наиболее привлекает материальное стимулирование (39,3% и 38,6% соответственно). Следовательно, рассматривая процесс стимулирования, следует отметить, что наиболее эффективной и распространенной формой остается материальное вознаграждение. Директор научно-внедренческой фирмы «ТИМИС» С. Н. Ткаченко подчеркивает, что вознаграждение молодому человеку должно

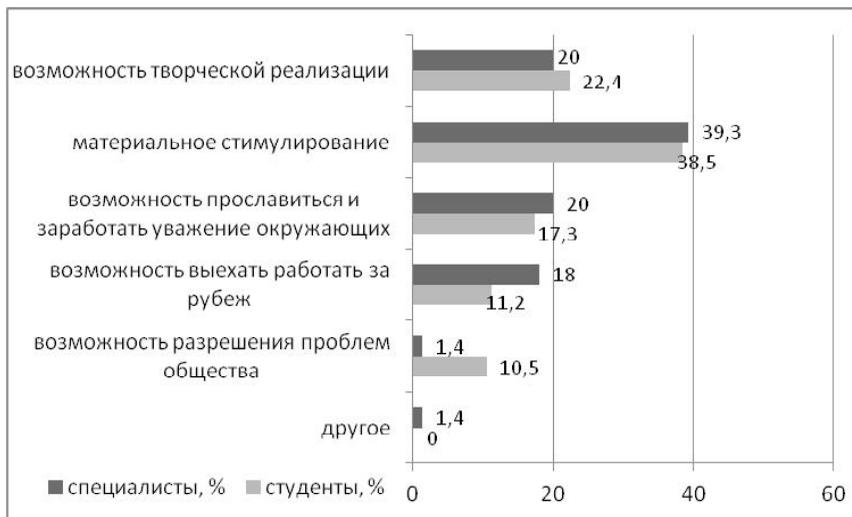

Рис. 1. Мотивы инновационной деятельности

обеспечивать достойный уровень жизни и потребления культурных ценностей: «Должна быть достойная отдача от этой инновационной деятельности в адрес молодёжи, она должна иметь возможность построить своё жилье, иметь возможность создать свою семью на доходы от этой деятельности, иметь возможность завести детей, иметь возможность кроме работы ещё и культурно отдыхать, ходить в театр, кино, ресторан, ездить за границу. Если человек увидит, что всё это можно, тогда он будет заниматься инновационным развитием, а не пойдёт торговать в сырьевую промышленность и продавать чужую продукцию за границей» [2, с. 66]. Это высказывание иллюстрирует то, что важен не только размер материального вознаграждения, но и его ценность, которая может выражаться, в том числе, в потребляемых культурных ценностях. Возможность творческой реализации как один из аспектов инновационной деятельности выбрали 20% специалистов и 22,4% студентов. Значимым мотивом для респондентов является возможность прославиться и заработать уважение окружающих (20% и 17,3% соответственно).

Таким образом, респонденты воспринимают инновационную дея-

тельность как возможность обеспечить себя материально, а также раскрыться, самореализоваться, прославиться и заработать уважение окружающих.

Рассматривая качества, в наибольшей степени присущие конкурентоспособной личности, молодые специалисты и студенты выделили: коммуникабельность (17,1% и 16,1% соответственно) и профессионализм (16,7% и 17,6%). Однако выявляется противоречие между тем, что респонденты охарактеризовали конкурентоспособного специалиста как инновационно и творчески активную личность, а среди черт, присущих ей, творческую активность выбрали только 9,3% специалистов и 8,5% студентов.

Характеризуя себя как (будущих) специалистов, респонденты определили некоторый перечень качеств, присущих им в наибольшей степени. Студенты, прежде всего, умеют определить конкретные задачи в работе (18,8%) и обладают коммуникабельностью (16,9%). Молодые специалисты оценивают себя как коммуникабельных (19%) и творчески активных (14,4%) людей. Профессионализм как неотъемлемое качество конкурентоспособного специалиста присуще только 9,8% специалистов и 14,8% студентов, что вызывает озабоченность, так как молодые специалисты уже имеют небольшой опыт профессиональной деятельности, а студенты нет. На наш взгляд, выпускники в аспекте самооценки своих качеств недостаточно объективно подошли к данному вопросу. В наименьшей степени и специалистам, и студентам присуща верность моральным принципам (7,8% и 6,7% соответственно). Однако данное распределение не говорит о том, что респонденты лишены нравственной составляющей, а лишь подтверждает тот факт, что моральные принципы не оцениваются в качестве значимой характеристики конкурентоспособной личности специалиста (5,5% и 5,0% соответственно).

Следует отметить, что коммуникабельность – это один из наиболее значимых навыков гармоничного и эффективного социального взаимодействия, затрагивающий как профессиональные, так и личные отношения. Такое требование как коммуникабельность сейчас предъявляется буквально всем, кто хочет быть соискателем на руководящую и хорошо оплачиваемую должность. Безусловно, без

способностей к общению нельзя организовать людей и, стало быть, добиться хороших результатов в любом деле. Коммуникабельный человек умеет создавать множество полезных связей, но ему необходимо не только грамотно говорить, а также уметь слушать и слышать собеседника, понимать и воспринимать информацию. Мы определили, что коммуникативные компетенции являются важнейшей составляющей личностных качеств конкурентоспособной личности специалиста, что и подтвердилось полученными данными. Также коммуникабельность выбрана как одна из ведущих черт, присущих респондентам. Соотнеся ответы респондентов по качествам, присущим конкурентоспособному специалисту, и качествам, присущим им как (будущим) специалистам, совпадение прослеживается только по показателю «коммуникабельность».

На вопрос «Считаете ли Вы себя конкурентоспособной личностью?» утвердительный ответ дали более половины специалистов (55,3%) и абсолютное большинство студентов (68,5%). Хотя по данным соотношения качеств, присущих респондентам, в большей степени конкурентоспособными являются именно молодые специалисты, так как они ориентируются на коммуникабельность и творческую активность. 17,3% специалистов не являются конкурентоспособной личностью по собственной оценке; студентов, давших аналогичный ответ, меньше в два раза (8,8%). Это указывает на то, что выпускники вузов более самоуверенны, амбициозны и, возможно, переоценивают свой потенциал, так как их ожидания зачастую не соответствуют тем реалиям, которые предоставляет современный рынок труда, на что и указывают более низкие значения ответов молодых специалистов, уже столкнувшихся с данной проблемой.

Анализируя личностные качества респондентов, можем сказать, что студенты менее самостоятельны (20,3%), чем молодые специалисты (30,2%) в вопросах принятия жизненно важных решений, зато более амбициозны. Следовательно, необходимо формировать самостоятельность и ответственность личности, в первую очередь, в условиях образовательной среды вуза. Так как данное качество играет первостепенную роль в современных условиях потрясений, перманентного выбора, то от скорости и качества принятия решений,

видения перспективы зависит во многом успех тех или иных действий индивида. Самостоятельность, предприимчивость, амбициозность прежде всего связаны с тем образом жизни, который выбирают для себя молодые люди.

В наибольшей степени специалисты и студенты стремятся «много работать и хорошо зарабатывать, пусть даже и без особых гарантий на будущее» (41,4% и 39,0% соответственно). Размеренный образ жизни с уверенностью в завтрашнем дне выбирают 35,6% специалистов и 38,3% студентов.

Результаты исследования показывают, что современная молодежь независимо от ее социального статуса (студент, выпускник) в своих действиях нацеливается на предприимчивость, инициативу, деловую активность, обнаружение и использование наилучших путей осуществления самостоятельных действий ради извлечения выгоды. В ходе исследования выявлено, что каждый третий респондент будет добиваться своего, независимо от обстоятельств и от того, поддержат ли его другие. Отсутствие стабильности в современном государстве подрывает чувство уверенности в завтрашнем дне, поэтому молодые люди и вынуждены ориентироваться на такой образ жизни, основанный на материальном обогащении, риске, достижении цели, несмотря на средства. В то же время воздействие внешней среды на становление конкурентоспособной личности проявляется не только в ее противоречивости, но и в ее прогрессивном характере.

В инновационно ориентированном обществе молодому человеку необходимо не только адаптироваться в профессиональной среде, но и постоянно совершенствоваться. Важно отметить, что конкурентоспособность не является перманентным свойством личности и, чтобы успешно конкурировать на рынке труда, ей необходимо постоянно стремиться управлять собой и своей деятельностью, непрерывно повышать уровень профессиональной и личностной компетентности, заниматься самовоспитанием и самообразованием. Исследование показало, что хотя ценность саморазвития для респондентов занимает одно из ведущих мест, стремлением к самообразованию, самосовершенствованию как значимой характеристике конкурентоспособной личности обладает лишь каждый десятый респондент. Поэтому

молодым людям необходимо уделять больше внимания совершенствованию своих навыков, знаний и умений для того, чтобы оставаться конкурентоспособной личностью долгое время.

Конкурентоспособность личности имеет свои аспекты в условиях глобальных трансформаций общества. Информатизация общества и современного образования настолько тесно связаны с развитием и наполнением сети электронных коммуникаций, что эти слова сегодня практически являются синонимами. В нашем исследовании владение современными технологиями как характеристику конкурентоспособной личности выбрали только 13,5% специалистов и 13,6% студентов. В то же время 16,7% и 19,8% респондентов соответственно на вопрос: «Что Вам необходимо для развития, как конкурентоспособной личности?» ответили: «Умение пользоваться современными технологиями». Молодежь имеет представление о необходимости владения новейшими технологиями, однако эти взгляды недостаточно устойчивы. Современная культура стремительно становится культурой информационных компьютерных коммуникаций. Освоение индивидом информационной культуры является одной из важнейших составляющих наращивания личностью своего потенциала, особенно профессионального, что повышает ее возможности в достижении конкурентных преимуществ. В ходе освоения информационной культуры личность не только овладевает суммой знаний и практик, но и усваивает принятую в обществе систему ценностей, учится применять выработанные культурой критерии и категории для оценки событий и явлений, происходящих в окружающем мире, для прогнозирования результатов своей собственной деятельности.

Иными словами, одна из основных задач в данном случае заключается в согласовании иерархии личных ценностей с иерархией принятых в настоящее время в обществе ценностей. Поэтому вполне естественно, что конкурентоспособность личности, использующей потенциал информационной культуры, коррелирует со стратегией достижения успеха, которая зависит от типа культуры данного общества.

В рамках нашего исследования было выявлено, что молодые люди достаточно грамотно выделяют основные составляющие конкурентоспособной личности: профессионализм, личностные компетенции

(самостоятельность, предприимчивость, ответственность, коммуни-кабельность и т. д.), творческий потенциал и инновационная актив-ность. Однако недооценивается значение такой ее составляющей, как устоявшаяся система ценностных ориентаций (моральная ответственность, высокая нравственность, гуманизм и т. д.), которая очень важна в современном обществе с его противоречивыми социокультурными условиями.

Выявлено, что, с одной стороны, молодые люди понимают важность развития творческого и инновационного потенциалов конку-рентоспособной личности, с другой стороны, в современном обществе данные составляющие не востребованы, не созданы условия для их реализации.

Установлено, что наиболее значимым показателем будущей работы, характеристикой образа жизни, мотивом инновационной деятельности и, наконец, ведущей ценностью молодых людей является материальная составляющая. Данный факт свидетельствует о нестабильном экономическом положении молодежи в современных условиях, затянувшемся кризисе, недостаточной поддержке со стороны государства. Если не принять меры для повышения уровня жизни данной категории населения, то ни о какой творческой реализации, инновационной активности не может идти и речи, тенденция потребительского отношения будет прогрессировать.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №12-33-01417

Список литературы

1. Гвоздева Е. С. Модель мотивации включения молодежи в инновацион-ное развитие России / Е. С. Гвоздева, А. Г. Тыртышный // Регионы России: стратегии и механизмы модернизации, инновационного и технологического развития : труды Седьмой Междунар. науч.-практ. конф. 26–27 мая 2011 г. Ч. 2. – М. : ИНИОН РАН, 2011. – С. 65–73.

2. Куркина А. В. Структура конкурентоспособной личности в современ-ных социокультурных условиях / А. В. Куркина // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2012. – 2012. – № 7 (21). – Ч. 3. – С. 172–175.

УДК 316.752.4

*Л. В. Килимова***ТРАДИЦИОННОСТЬ И ИННОВАЦИОННОСТЬ
В СЕТЕВЫХ ПРАКТИКАХ МОЛОДЕЖИ****TRADITION AND INNOVATION IN THE SOCIAL
NETWORKS OF THE YOUNG****Аннотация**

Информационные технологии порождают развитие новой информационно-коммуникативной среды, основными элементами которой выступают виртуальные сообщества и средства передачи информации. Она характеризуется разнообразными ценностями и предписаниями, с одной стороны, и анонимностью, интерактивностью, асинхронностью и глобальностью, с другой. Молодые интернет-пользователи активно осуществляют разнообразные сетевые практики. Анализируя вовлеченность молодежи в виртуальную среду в современных социокультурных условиях, рассмотрено выделение пяти сегментов молодежной когорты. Каждому сегменту соответствуют определенные виды сетевых практик и соотношение традиционных и инновационных ценностей. На данной основе автор выделяет три основных сегмента молодежи, поведение которой ориентировано на те или иные ценности. В статье рассматривается участие ценностей, интересов и потребностей личности в выборе и направленности ее социокультурных практик и жизненных стратегий.

Ключевые слова: сетевые практики, молодежь, интернет-пользователи, ценности, ценностные ориентации, цели, интересы, сетевая идентичность, виртуальное пространство, традиционные ценности, инновационные ценности.

Анотація

Інформаційні технології породжують розвиток нового інформаційно-комунікативного середовища, основними елементами якого виступають віртуальні співтовариства і засоби передачі інформації. Воно характеризується різноманітними цінностями і розпорядженнями, з одного боку, і анонімністю, інтерактивністю, асинхронністю і глобальністю, з другого. Молоді інтернет-користувачі активно здійснюють різноманітні мережеві практики. Аналізуючи залученість молоді у віртуальне середовище в сучасних соціокультурних умовах, розглянуто виділення п'яти сегментів молодіжної когорти. Кожному

сегменту відповідають певні види мережевих практик і співвідношення традиційних і інноваційних цінностей. На цій основі автор виділяє три основних сегменти молоді, поведінка якої орієнтована на ті або інші цінності. У статті розглядається участь цінностей, інтересів і потреб особи у виборі і спрямованості її соціокультурних практик і життєвих стратегій.

Ключові слова: мережеві практики, молодь, інтернет-користувачі, цінності, ціннісні орієнтації, цілі, інтереси, мережева ідентичність, віртуальний простір, традиційні цінності, інноваційні цінності.

Annotation

Information technologies give rise to the development of a new information and communication environment, whose key elements are virtual communities and means of transmitting information. It is characterized by a variety of values and regulations, on the one hand, and anonymity, interactivity, asynchrony and globality, on the other. Young users are actively pursuing a variety of networking practices. By analyzing the involvement of the young people in a virtual environment in modern socio-cultural conditions, segmentation of youth into five categories is presented. Each segment corresponds to a certain type of network practices and traditional and innovative values. On this basis, the author identifies three main segments of youth whose behavior is oriented at certain types of values. The article discusses the role of values, interests and needs of the personality in the selection and orientation of its socio-cultural practices and life strategies.

Key words: network practices, young people, Internet users, values, value orientations, goals, interests, network identity, virtual space, traditional values, innovative values.

Современные социокультурные условия характеризуются сложными динамическими процессами, связанными с модернизацией общества и интенсивным использованием информационных технологий. В условиях неустойчивости личность, делая выбор, в своей повседневной жизнедеятельности руководствуется ценностями, определяя стратегии собственного поведения и направление развития социокультурной системы. Ее ценностной системе предписывается наличие взвешенного соотношения адекватности реалиям современности и отсутствие противоречий нормам морали и традициям.

В устойчивом состоянии социокультурной системы ценности общества доминируют над ценностями личности, поскольку общест-

венные ценности первыми усваиваются индивидом в процессе социализации. Однако бурное развитие и интенсивное повсеместное внедрение информационных технологий в жизнедеятельность общества нарушает устоявшееся представление о соотношении традиций и новаций в системе ценностей современной личности.

Молодежь интересна как когорта, социализирующаяся, во-первых, на традициях общества, передаваемых из поколения в поколение, а во-вторых, на новых ценностях и нормах, не свойственных старшим поколениям, но наполняющих жизненный смысл молодежной среды. Воспитанная в активной информационно-культурной среде молодежь является носителем ценностных ориентаций, норм, установок, правил поведения и форм восприятия современного окружающего мира, и, как следствие, обитателем сформированной таким образом новой культурной реальности.

Внедрение информационных технологий в жизнедеятельность общества порождает развитие новой информационно-коммуникативной среды, основными элементами которой выступают виртуальные сообщества, состоящие из носителей разнообразных культур и субкультур с присущими им ценностями и установками, и средств передачи информации – технологий, характеризующихся интерактивностью, асинхронностью, анонимностью, мультимедийностью, глобальностью. Формируясь под воздействием точек соприкосновения и общих интересов, виртуальные сообщества социализируют входящих в них личностей, готовых принять новые ценности и установки. Под воздействием культурной среды виртуальных сообществ «утрачивают свое значение многие социальные стереотипы, предрассудки и статусно-ролевые условности, играющие роль коммуникативных преград в реальной жизни, поскольку пользователь Интернета не может видеть собеседника в киберпространстве – знать его пол, возраст, национальное и расовое происхождение, его профессию, внешность, уровень дохода. Автор может придать этим характеристикам публичный характер, если только сам того пожелает» [1, с. 211].

Интернет – это технология, посредством которой сетевые структуры себя «предъявляют». Их основания, по мнению Э. Кастельса, «лежат в трансформации моделей социальности в нашем обществе» [2,

с. 154]. Трансформація заключається в пересмотре поняття «сообщества», в преодолении его пространственного, ценностного и организационного оснований. Сеть через пользователей Интернета способна к направленной самоорганизации и изменению, так как каждый активен в конструировании собственных связей и может найти, во взаимодействии с другими, свое место в сети, а тем самым и в социуме, или просто его создать [2, с. 73].

Сегодняшняя молодежь отличается от других поколений тем, что не только одновременно сосуществует в виртуальном и социальном пространстве, но и готова воспринимать и принимать предписания и шаблоны сетевого пространства. Молодые люди все чаще осуществляют сетевые практики, предпочитая их реальным социальным практикам. Сетевое пространство с каждым днем расширяет виды сетевых практик: от быстрого поиска необходимой информации и ее передачи – до развлечения и набирающего обороты «шопинга». Молодежь стремительно включается в новый вид реальности, порой отдавая предпочтение такому виду практик. Современное поколение, которое проходило стадии социализации параллельно с увеличением динамики деятельности новых медиа, сегодня является наиболее адаптированным к их особенностям. «В последние годы Интернет в России развивается очень быстро, и молодое поколение воспринимает его как основное средство образования и личной коммуникации, инструмент профессиональной деятельности...» [2, с. 6].

В 2010 году для уже более 40 млн человек в России Всемирная паутина стала частью жизни. Особенное место Сеть играет в жизни подрастающих поколений. Сегодня семь из десяти горожан в возрасте 12–26 лет пользуются Интернетом. Это вдвое больше, чем среди горожан от 27 лет и старше [3, с. 19].

Уровень охвата Интернета постоянно растет, и на данный момент к пользователям можно отнести около половины жителей Российской Федерации. Согласно данным фонда «Общественное мнение» на начало 2013 г. в России охват населения старше 18 лет Интернетом составил 55% (или 64,4 млн человек) [4]. За два года поменялся не только объем пользователей (вырос в 1,5 раза), но и качественная составляющая практик аудиторией. Интересы среднестатистического

интернет-пользователя давно уже не ограничиваются почтой и поиском информации, их интересуют, как правило, одна или сразу несколько социальных сетей, ряд новостных сайтов, блоги, интернет-магазины, тематические и справочные проекты.

По данным весеннего исследования ФОМ в 2010 году, по будням большинство россиян тратят время на выход в Интернет. До 1 часа тратят 26–27% опрошенных, от 1 часа до 6 часов – 60% респондентов-интернетчиков. От 65% до 77% пользователей читают новости хотя бы раз в месяц. Поисковыми сервисами ежемесячно пользуются от 50% до 81,4% пользователей сети в РФ. Фото и видео в сети размещают вдвое меньше пользователей, чем скачивают и смотрят, по аудио подобный разброс достигает 7–8 раз. Покупки в сети совершает примерно 20%, пользуются электронными деньгами – от 7% до 15,4% пользователей, финансовые и банковские операции проводят online 5–12,4%. При этом за рубежом пользователи чаще всего пользуются электронной почтой (60%), ищут информацию в сети (49%) и вдвое реже интересуются новостями (39%), чем суточная аудитория Рунета (70%). [3, с. 17–18].

В современных социокультурных условиях молодежная когорта сильно дифференцирована не только на основе уже традиционных видов социального неравенства, но и на основе включения/не включения в сетевые практики. Молодежь, вовлеченная в данные виды практик, также не является монолитной общностью. Она распадается на сегменты, кардинально отличающиеся друг от друга не только по социально-демографическим характеристикам, но по стилю жизни, медийным и потребительским предпочтениям, и конечно же, по специфике использования Интернета.

По данным социологического исследования [3] можно выделить пять сегментов молодых интернет-пользователей.

1. «Умники» – группа, обладающая большим объемом ресурсов, как реальных, так и потенциальных, руководствующихся современными модернистскими ценностями. В нее входит так называемая взрослеющая молодежь. Это наиболее ресурсоемкие акторы, активно осваивающие новые технологии, обильно потребляющие, причем обдуманно и рационально.

2. «Продвинутые» – группа включает в себя более юную молодежь, относящуюся к так называемому цифровому поколению, т. е. «поколению Интернета» и социальных сетей. Пока еще не характеризуется большим объемом ресурсов, однако с течением времени приобретет черты сегмента «продвинутых», привнося новые ценности, предписания. Практики данных личностей отличаются активным культурным потреблением и спонтанными покупками, пока еще контролируруемыми родителями. Суммарная доля вышеперечисленных сегментов составляет чуть больше четверти молодежи (29%), которых можно отнести к самой передовой части.

3. «Реальные пацаны». В данный сегмент попадает примерно один из десяти представителей молодого поколения. В основном это молодые мужчины с явно выраженными традиционными маскулинными ценностями: спорт, машины и т. п. Однако на фоне традиционности в их повсеместных практиках осуществляется диффузия современными трендами и предписаниями, которые детерминируются маскулинными ценностями.

4. «Масса» представляет самый большой сегмент (около 40% молодежи). Он состоит из инертного большинства, характеризующегося отсутствием четких ценностных позиций. Входящие в данный сегмент акторы не имеют устоявшегося мнения, но активно стремятся копировать стиль жизни и практики значимых для них людей. Поведение и практики представителей данного сегмента неустойчивы и в зависимости от обстоятельств могут переходить в другие типы.

5. «Новые бедные» – представители социальных низов. К этому сегменту относится каждый пятый молодой человек. Они ориентированы на традиционные ценности, обладают небольшим объемом ресурсов и социального потенциала. Данный сегмент максимально целостен, гомогенен и не включает в себя интернет-пользователей.

Сегментирование молодежи подтверждает высокий уровень ее вовлеченности в разнообразные сетевые практики, формирующие новую идентичность – сетевую. Сетевая идентичность как результат сложного когнитивно-эмоционального процесса расщепления личности может быть отнесена к культурологическим категориям, определяющим степень отождествления себя с «людьми сети», имеющими

достаточно высокий уровень владения компьютерной техникой и технологиями, стилевыми и языковыми особенностями коммуникации [5, с. 392]. Молодые интернет-пользователи, вовлеченные в социальное и виртуальное пространство, не отказываются полностью от традиционных ценностей, но становятся открытыми для ценностей и предписаний, преобладающих в виртуальном пространстве, тем самым представляя собой «расщепленную» личность.

Проанализировав соотношение традиционных и инновационных ценностей, разделяемых молодыми интернет-пользователями [3], можно отметить наличие сегментации на основе следования традиционным ценностям (социальный конформизм, стремление поддерживать сложившийся статус, в частности статус родителей) и инновационным (большая устремленность к новым веяниям свободного виртуального пространства, отсутствие границ, четких схем и правил практик).

На наш взгляд, полученные данные позволяют выделить три основных сегмента молодежи, поведение которой ориентировано на те или иные ценности:

а) «традиционисты». К ним относятся «новые бедные», разделяющие традиционные ценности в большей степени;

б) «новаторы». Это «умники» и «продвинутые», которые в той или иной степени открыты инновационным для них предписаниям и ценностям, характерным для виртуальных сообществ;

в) «сетевые маргиналы». Остальные слои молодежи – «реальные пацаны» и «масса» – готовые воспринимать ценности и установки виртуального пространства, а главное – принимать их, все чаще включаясь в сетевые практики.

В настоящее время можно с полным основанием говорить о борьбе ценностей как в массовом сознании, так и в сознании отдельной личности. Сетевое пространство устроено таким образом, что каждый пользователь может, сохраняя и разделяя свои нормы и ценности, удовлетворить свои потребности и реализовать способности. В связи с этим очень важное значение в современных социокультурных условиях отводится роли ценностей в выборе стратегий жизнедеятельности личности.

Молодые интернет-пользователи как особая социальная группа больше всего подвержены влиянию различных социальных процессов, оказывающих существенное влияние на формирование их ценностных ориентаций. Деятельность каждого человека мотивируется не любыми возможными мотивами, которых при одной и той же потребности может быть множество, а только теми, которые являются значимыми в общей системе его мотивов, ближе всего связанных с достижениями поставленной цели и уровнем внутренней культуры личности.

Анализируя работы Н. С. Кузнецова, Т. Б. Любимовой, Е. А. Подольской, В. П. Тугаринова, Н. З. Чавчавадзе, отметим, что взаимосвязь потребностей и ценностей личности, задающих направленность практик, служащих интегрирующим моментом для придания смысла деятельности, активизирует личность. Разные типы отношений между потребностями, интересами и ценностями порождают разные стратегии активности индивида. Личность, в мотивации которой доминируют лишь необходимые нужды, действует под контролем внешних обстоятельств. Каждая ее потребность, не превратившаяся в ценностное отношение, порождает лишь новые средства ее зависимости. Потребности, преобразованные в интересы личности, трансформируются в ценности, которые развивают определенную внутреннюю свободу в выборе средств и условий жизнедеятельности личности, вырабатывают нравственную ответственность каждой личности за свой выбор. Потребности, превращаясь в цели, становятся мотивом деятельности личности. Ценности, входящие в ее духовный потенциал, задают характер поведения личности, а потребности в познании, самовыражении, самоидентификации и потребность смысла жизни задают направленность действий.

Предрасположенности к определенному восприятию условий жизнедеятельности, их оценке и поведению находят свое отражение в понятии «ценностные ориентации» личности. В. А. Ядов, характеризуя данное понятие, видит в них установки, сформированные и закрепленные жизненным опытом индивида в ходе процессов социализации и социальной адаптации. Эти установки отграничивают значимое (существенное для данного человека) от незначимого (несущественного) через принятие личностью определенных ценностей

и основополагающих целей ее жизни, а также определяют приемлемые средства их реализации [6].

Ценностные ориентации наиболее рельефно выражаются в ситуациях, требующих ответственных решений, влекущих за собой значимые последствия, предопределяющих последующую жизнедеятельность и развитие личности. Они, обеспечивая целостность и устойчивость личности, определяют программы и направленность ее жизнедеятельности, контролируют и организуют мотивационную сферу, ориентации на конкретные виды практик и информацию как средство достижения целей. Следовательно, ценностные ориентации задают общую направленность интересам и устремлениям личности; иерархию предпочтений и образцов; целевую и мотивационную программы; уровень притязаний и престижных предпочтений; представления о должном; механизмы отбора по критериям значимости и решимость к реализации собственного «проекта» жизнедеятельности.

Включаясь в сетевые практики, молодые интернет-пользователи отдают предпочтение небольшому фрагменту современной специализированной культуры, насыщенной информацией и требующей рациональных действий, но не социализирующей личность в ее реальном социуме.

Интернет невозможно регулировать со стороны внешних источников. Это саморегулирующееся сетевое пространство. Включенность интернет-пользователя в виртуальные сообщества условна и, согласно принципам саморазвития, последние способны подвергаться частому разрушению и образованию под влиянием динамичности сетевого пространства. Поэтому открытость и внешняя простота сетевого пространства обманчивы. В нем постоянно обновляются ценности и предписания. Изучение ценностных ориентаций молодых интернет-пользователей способствует пониманию не только принципов формирования системы ценностных ориентаций современной молодежи при ее включении в информационное пространство в процессе формирования ценностной системы, но направленности их социокультурных практик и жизненных стратегий.

Список литературы

1. Туронок С. Г. Субкультура Интернет-сообществ / С. Г. Туронок // Культура России как ее стратегический ресурс. Тетради Международного университета (в Москве) : сб. науч. тр. – Вып. 2. – М., 2004.
2. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / М. Кастельс. – Екатеринбург : У-Фактория, 2004.
3. Интернет в России: состояние, тенденции и перспективы развития. Отраслевой доклад. – М. : Известия, 2010.
4. Интернет-исследования. Фонд социальных исследований [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.socio-fond.com/marketing_foundations/internet.php
5. Астафьева О. Н. Сетевые сообщества и усложнение идентификационных моделей личности в информационно-коммуникативном пространстве / О. Н. Астафьева // Безопасность Евразии. – 2012. – № 2. – С. 387–404.
6. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности ; под ред. В. А. Ядова. – Л., 1979.

УДК 316.354:355

А. П. Абрамов

**СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ БУДУЩИХ
ОФИЦЕРОВ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ
СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ АРМИИ И ОБЩЕСТВА**

**SOCIOLOGICAL REFLECTION OF PROFESSIONAL
SOCIALIZATION OF FUTURE OFFICERS IN
CONDITIONS OF TRANSFORMATION OF SOCIAL
RELATIONS OF THE ARMY AND SOCIETY**

Аннотация

В статье представлен методологический дизайн исследования профессиональной социализации будущих офицеров, основой которого явились неoinституционализм, неовеберизм, функционализм, атрибутивизм, феноменологический и антропологический подходы. Использование этих подходов позволило определить авторскую интерпретацию уровней профессиональной социализации будущих офицеров в условиях института средних специализированных военно-учебных заведений. Макроуровень характеризуется институционализацией армии и общества, которая выделяет уникальные компетенции военного профессионала с учетом глобальных угроз и роста конфликтов. Государство и мировое сообщество дает армии и, прежде всего, офицерскому корпусу кредит доверия по обеспечению безопасности, что отражается через систему социальных предпочтений в социальной политике, социальном статусе, престиже и элитарности на рынке труда. Мезоуровень обеспечивает трансформацию военной организации, ее автономность, нормативирование, этические коды и воспроизводство социокультурных практик. Микроуровень фиксирует межличностные и межгрупповые взаимодействия, определенный набор личностных характеристик будущего офицера, его модус как ориентир профессиональной социализации.

Ключевые слова: профессия, профессиональная социализация, профессионализация, будущий офицер, концептуальные подходы, уровни профессиональной социализации.

Анотація

У статті наведений методологічний дизайн дослідження професійної

соціалізації майбутніх офіцерів, основою якого стали неоінституціоналізм, неовеберіанство, функціоналізм, атрибутивізм, феноменолістичний та антропологічний підходи. Використання цих підходів дозволило визначити авторську інтерпретацію рівнів професійної соціалізації майбутніх офіцерів в умовах інституту середніх спеціалізованих військово-навчальних закладів. Макрорівень характеризується інституціоналізацією армії і суспільства, яка виділяє унікальні компетенції військового професіонала з урахуванням глобальних погроз і зростання конфліктів. Держава і світова спільнота дає армії і, перш за все, офіцерському корпусу кредит довіри щодо забезпечення безпеки, що відображається через систему соціальних преференцій у соціальній політиці, соціальному статусі, престижі й елітарності на ринку праці. Мезауровень забезпечує трансформацію військової організації, її автономність, нормування, етичні коди і відтворення соціокультурних практик. Мікрорівень фіксує міжособові і міжгрупові взаємодії, певний набір особових характеристик майбутнього офіцера, її модус як орієнтир професійної соціалізації.

Ключові слова: професія, професійна соціалізація, професіоналізація, майбутній офіцер, концептуальні підходи, рівні професійної соціалізації.

Annotation

The article presents a methodological design for research into professional socialization of future officers based on neoinstitutionalism, functionalism, neoveberianstvo, atributivizm, phenomenolistic, and anthropological approaches. The use of the above approaches made it possible to identify the levels of professional socialization of future officers in medium-sized specialized military schools. The macrolevel is characterized by institutionalization of the army and the society, which highlights the unique competences of the military professional in view of the increasing global threats and conflicts. The State and the world community trust the army and, above all, the officers' corps to ensure security, which is reflected in their social preferences in the social policy, social status, prestige and elitism in the labour market. The mezalevel provides transformation of a military organization, its autonomy, normalization, ethic codes and reproduction of the socio-cultural practices. The microlevel records interpersonal and intergroup interactions, a set of personal characteristics of the future officer, its mode, as a guide to his professional socialization.

Key words: profession, professional socialisation, professional socialization, a future officer, conceptual approaches, levels of professional socialization.

В российской интерпретации профессия определяется как «род трудовой деятельности, занятий, определяемый производственно-технологическим разделением труда и его функциональным содержанием» и как «большая группа людей, объединенная общим родом занятий, трудовой деятельности» [14, с. 154]. Поэтому в отечественном контексте профессии изучаются через оптику социологии труда, где предметной областью становятся социальные общности, а методологическим основанием – нормативная модель совместной деятельности.

Т. Александрова, проведя анализ применения термина «профессия» в исследованиях Г. Спенсера, К. Маркса, Э. Дюркгейма, М. Вебера, современных западных и российских социологов, вводит такое определение: «Профессия – это социальный механизм дифференциации и специализации трудовой деятельности на видовом и внутривидовом уровне, функционирующий как средство развития содержания труда» [1, с. 12].

Это определение и принимается в качестве рабочего для последующих исследовательских процедур, которые предполагают рассмотрение подходов, составляющих общий методологический дизайн.

Неоинституциональный подход позволяет рассматривать процесс профессиональной социализации не просто как технологическую процедуру (совокупность критериев и процедур оценки), а как набор институциональных правил, регулирующих взаимодействие организационных субъектов и формирующихся в ходе этого взаимодействия.

Обозначенный подход позволяет анализировать не только то, как правила регулируют поведение людей, но и то, как интересы людей влияют на формальные и неформальные правила.

Обобщенный вариант новой институциональной теории разработан в исследованиях Д. Норта, из которых вырисовывается широкая концепция институтов и институциональной динамики, претендующая на объяснение самых общих закономерностей развития человеческого общества.

В составе институтов Д. Норт выделяет три главных составляющих:

а) неформальные ограничения (традиции, обычаи, социальные условности);

б) формальные правила (конституции, законы, судебные прецеденты, административные акты);

в) механизмы принуждения, обеспечивающие соблюдение правил (суды, полиция и т. д.) [8, с. 76].

По мнению большинства представителей неинституциональной теории, общество нуждается в существовании некоторых нормативных структур, которые бы, с одной стороны, ограничивали поведение людей, а с другой, делали бы это поведение возможным, предоставляя акторам определенный набор альтернатив [11]. В качестве такой нормативной структуры определяется институт военного образования. Институциональные правила, с одной стороны, соотносятся с определенными интересами конкретных групп в учебном заведении, с другой стороны, базируются на представлении о качестве образования, т. е. соотносятся с определенной идеологией.

Подобные идеологии, структурирующие восприятие институционального пространства, у Н. Флигстина называются концепциями контроля. По мнению автора, концепции контроля определяют, какие типы поведения имеют смысл, т. е. являются культурными образцами, а также устанавливают границы возможного [16, с. 287]. Они позволяют одним акторам интерпретировать действия других и выстраивать систему легитимации собственных действий.

Структура неинституционализма, по мнению Р. Капелюшников, разветвляется на нескольких уровнях – институциональном, организационном и индивидуальном. По существу, неинституциональный подход представляет собой попытку ответить на три взаимосвязанных вопроса:

1) о закономерностях развития, отбора и смены различных социальных институтов;

2) о выборе тех или иных организационных форм в зависимости от характера существующей институциональной среды;

3) об особенностях поведения агентов в рамках различных организаций [5].

Эти уровни поддаются социологическому анализу, поэтому данный подход применим при изучении различных профессиональных и образовательных социумов.

Кроме того, неоинституционализм опирается на принцип «методологического индивидуализма», который признает реально действующими участниками социального процесса не группы или организации, а индивидов. Согласно этому принципу, коллективные общности не обладают самостоятельным существованием, отдельным от составляющих их членов, и поэтому должны объясняться с точки зрения целенаправленного поведения индивидов. Благодаря такой установке в центре внимания неоинституционалистов оказываются отношения, складывающиеся внутри организаций. Неслучайно поэтому данный подход стал применяться в социологии профессий и социологии образования [9].

Профессиональная социализация военных через монополию на статус, престиж и ресурсы осуществлялась в рамках неовебериянского подхода, основанного на теоретических разработках М. Вебера о профессиональном призвании и притязаниях на привилегии. Тем самым зародилась парадигма о социальной закрытости профессии военного как статусной, солидарной группы с жестким контролем своих границ.

В рамках неовебериянского подхода традиционные профессии определяются как группы интересов, которым удалось занять монополистическую нишу на рынке труда.

Под профессионализацией социально значимых профессий неовебериянцы понимают развертывание своего рода механизма, который позволил представителям этих профессий в значительной мере отгородиться от влияния развивающегося национального государства, организованного капитала и менеджериального контроля.

В связи с этим, специалист в области социологии профессий М. Ларсон отмечает: «Профессионализация является попыткой перевести редкие ресурсы профессиональных групп одного порядка – специализированное знание и умения – в ресурсы другого порядка – социально-экономического вознаграждения. Сохранение редких ресурсов предполагает стремление к монополии: монополии экспертного знания на рынке труда и монополии статуса в системе стратификации» [17, с. 78].

Неовебериянский анализ выдвигает на первый план задачу

описания мобильности профессиональных групп в терминах концепции социального закрытия, введенной в научный оборот М. Вебером. Данное понятие описывает процесс, при помощи которого социальные группы действуют в собственных интересах, обеспечивая относительно небольшой группе избранных широкие возможности на рынке труда. В соответствии с подходом М. Вебера, в основе определения «профессии» лежит понимание профессиональных групп как статусных, то есть как коллективов, имеющих схожий стиль жизни, общую моральную систему, схожий язык и культуру [3].

С позиций функционалистского подхода западные исследователи вводят разграничение между высокостатусными социально значимыми профессиями, когда термином «профессия» обозначалась престижность работы и её ориентированность на служение обществу [15, с. 40]. К такой профессиональной группе относятся и военные, поскольку их род занятий отличался от других незначительным вмешательством в их самоуправление со стороны государства, а также высоким доходом и престижем. Российская методология также рассматривает профессиональную деятельность в терминах функционального содержания и трудовых навыков [11, с. 245].

Военные, как более престижная по статусу социальная группа, долгое время в западной социологии оказывались в постоянном фокусе внимания.

Э. Дюркгейм, А. Этzioni, Т. Парсонс в функциональной теории социальных изменений анализировали характер разделения труда в обществе, рассматривали вопрос о том, какие социальные потребности удовлетворяются функциями профессий [4; 18; 19]. Профессионализация понималась ими как позитивный и прогрессивный процесс, который обеспечивает «общее здоровье социального организма» [20] и способствует осуществлению социальных преобразований таким образом, чтобы социальный конфликт и дезинтеграция оставались минимальными. Вопросы профессиональной компетентности затрагиваются атрибутивным подходом («теорией черт»), который проводит оценку черт, или характеристик того или иного вида занятий по заранее оговоренной шкале, предлагая определенный набор атрибутов, отвечающих идеальному типу профессионала [6].

В соответствии с этим подходом каждая профессия стремится ясно очертить круг вопросов, относящихся к сфере ее компетентности, ограничивая профессиональный взгляд на мир и монополизировав профессиональное знание как собственность. Профессионализацию в этом случае можно истолковать как процесс создания и контроля рынка определенных услуг, предоставляемых данной профессией, а в конечном итоге – стремление к достижению высокого статуса и восходящей социальной мобильности самих профессионалов [21, с. 18].

Примером определения «идеального типа» профессии в период структурного функционализма можно считать список Дж. Миллерсона [22]. Несмотря на перечень из 23 позиций, автору не удалось разделить профессиональные черты на неотъемлемые, структурные атрибуты статуса и на случайные, присущие отдельным индивидам или объясняющиеся преходящими историческими фактами.

Поиск идеальной модели профессии осуществлялся в контексте парадигмы структурного функционализма.

В рамках этого подхода с конца 50-х гг. XX века традиционные профессии рассматривались как наиболее стабильные, эффективные и, в основном, аполитичные институты современного общества. Т. Парсонс выделил профессиональную группу в качестве основной структурной единицы общества: «Профессиональная группа становится единственным наиболее значимым компонентом в структуре современных обществ. Сначала она вытеснила «государство» в ранее употреблявшемся значении этого термина, а недавно – «капиталистическую» организацию экономики. Именно повсеместное появление профессиональных групп, а не особого статуса ... является значимым структурным развитием общества XX века» [23, с. 538].

На основе анализа работ функционалистов В. Мансуров и О. Юрченко выделяют три основных интегративных характеристики, которые формируют «идеальный тип» профессии:

- профессиональные специальные знания и опыт;
- профессиональная этика;
- профессиональная автономия в принятии решений [6, с. 37].

Наиболее важным элементом на данном этапе становится принятие группы обществом, как достойной высокого статуса.

Феноменологический подход рассматривает профессию как относительно замкнутый и самодостаточный жизненный мир, интерпретируя взгляды профессионалов на их повседневность.

Признание множественности сосуществующих и конкурирующих между собой рациональностей и этических систем позволяет лучше понять мир конкретной профессии изнутри. Поэтому, по мнению П. Романова и Е. Ярской-Смирновой, профессия – это еще и номинация, социальный «ярлык», который возникает в результате усложняющегося разделения труда, становясь элементом идентичности человека и параметром социальной структуры общества [13, с. 28]. По сути, это социальная реальность, которая конструируется в рамках той или иной профессии.

Социальное конструирование реальности, по мнению П. Бергера и Т. Лукмана, представляет собой своеобразное додумывание, придумывание, мысленное переструктурирование окружающего мира. Каждый человек «считает свою “реальность” и свое “знание” само собой разумеющимся» [2, с. 10–11].

Таким образом, социологической рефлексии исследования профессиональной социализации будущих офицеров способствует использование следующих концепций и подходов, уже сложившихся и апробированных в научном знании:

- неовеберовского подхода (В. Мансуров, Л. Пробст, В. Радаев, П. Романов, О. Юрченко, Е. Ярская-Смирнова), фиксирующего механизм монополизации статуса, признания и привилегий той или иной профессиональной группой;
- неоинституционального подхода (Р. Капелюшников, Д. Норт, О. Уильямсон, Н. Флигстин), который позволяет рассматривать процесс профессиональной социализации как набор институциональных правил;
- структурного функционализма и атрибутивизма (Э. Дюркгейм, С. Джонес, Р. Джосс, Дж. Миллерсон, Т. Парсонс, А. Этzioni), определяющих профессиональную группу в качестве основной структурной единицы современного общества, которая формирует «идеальный тип» профессии по заранее оговоренной шкале, набору атрибутов;

- феноменологического подхода (П. Бергер и Т. Лукман), признающего множественность сосуществующих и конкурирующих между собой рациональностей и этических систем, позволяющих понять внутренний мир конкретной профессии;
- антропологического подхода (Л. Голубкова, А. Макеев, М. Овен, В. Розин, Я. Червинка), определяющего специфику профессиональной социализации в практиках повседневности через мир военной культуры и общие культурные смыслы.

Российский социолог Л. Пробст попыталась объединить некоторые из этих концептов, что позволило ей определить три параллельных уровня профессиональной социализации (институциональный, групповой, личностный).

На первом (институциональном) уровне социокультурное становление индивида в системе социальных институтов предполагает постановку и реализацию его долговременных целей, а также ситуативных задач, отвечающих требованиям и условиям развития современного общества. Здесь задается не только общая модель профессии, но и общекультурный тип личности, формируемой в социокультурной профессиональной среде. Тем самым обеспечивается целостный подход к становлению личности профессионала, ее профессиональному воспитанию, к освоению ценностей профессиональной культуры с мировоззренческих позиций, определенных идеологией воспитания.

На втором уровне профессиональная социализация осуществляется с учетом ситуативно-вариативных социокультурных ориентаций в соответствии со спецификой социальных групп, в частности профессиональных. Особенность непосредственного взаимодействия в рамках группы состоит в том, что в ней происходит «встреча» индивидуального, общественного и профессионального сознания, индивидуального «Я» и социальной самости, зарождаются и передаются моральные нормы и общественные традиции профессиональной группы.

Третий уровень связан с профессионально-личностным становлением молодого человека как субъекта профессиональной деятельности, формированием собственного жизненного профессионального опыта индивида и профессиональной культуры.

По мнению Л. Пробст, «профессионально социализировать индивида в обществе – это не вписать его в профессиональное пространство, не уподобить его другим, а придать его жизнедеятельности максимально человеческий, максимально отличающийся от биологического, максимально нагруженный культурой характер» [10, с. 79–81].

Эти положения позволяют определить авторскую интерпретацию уровней профессиональной социализации будущих офицеров в условиях института средних специализированных военно-учебных заведений.

Макроуровень характеризуется институционализацией армии и общества, которая выделяет уникальные компетенции военного профессионала с учетом глобальных угроз и роста конфликтов. Государство и мировое сообщество дает армии и, прежде всего, офицерскому корпусу кредит доверия по обеспечению безопасности, что отражается через систему социальных предпочтений в социальной политике, социальном статусе, престиже и элитарности на рынке труда.

Мезауровень обеспечивает трансформацию военной организации, ее автономность, норматирование, этические коды и воспроизводство социокультурных практик.

Микроуровень фиксирует межличностные и межгрупповые взаимодействия, определенный набор личностных характеристик будущего офицера, его модус как ориентир профессиональной социализации.

Список литературы

1. Александрова Т. Л. Методологические проблемы социологии профессий / Т. Л. Александрова // Социол. исслед. – 2000. – № 8. – С. 10–18.
2. Бергер П. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман ; пер. с англ. – М. : Медиум, 1995. – 323 с.
3. Вебер М. Политика как призвание и профессия / М. Вебер // Избранные произведения ; пер. с нем. – М. : Прогресс, 1990. – С. 707–735.
4. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Э. Дюркгейм. – М. : Наука, 1990. – 575 с.

5. Капелюшников Р. И. Неоинституционализм [Электронный ресурс] / Р. И. Капелюшников. – Режим доступа: <http://libertarium.ru/kapelushnikov>.

6. Мансуров В. А. Перспективы профессионализации российских врачей в реформирующемся обществе / В. А. Мансуров, О. В. Юрченко // Социол. исслед. – 2005. – № 1. – С. 66–77.

7. Мансуров В. А. Социология профессий. История, методология и практика исследований / В. А. Мансуров, О. В. Юрченко // Социол. исслед. – 2009. – № 8. – С. 36–46.

8. Норт Д. Институты, интситуциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт ; пер. с англ. А. Н. Нестеренко ; предисл. и науч. ред. Б. З. Мильнера. – М. : Фонд экон. книги «Начала», 1997. – 180 с.

9. Павленко К. В. Неоинституциональный подход к оценке качества образования в вузе / К. В. Павленко // Журнал социологии и соц. антропологии. – 2010. – Т. 13. – № 1. – С. 90–100.

10. Пробст Л. Э. Профессиональная социализация школьной молодежи в современной России : дис. ... д-ра социол. наук / Л. Э. Пробст. – Екатеринбург, 2005. – 368 с.

11. Социология труда. Теоретико-прикладной словарь / под ред. В. А. Ядова. – СПб. : Наука, 2006. – 426 с.

12. Уильямсон О. И. Поведенческие предпосылки современного экономического анализа / О. И. Уильямсон // THESIS. – 1993. – 11 с.

13. Романов П. В. Мир профессий: пересмотр аналитических перспектив / П. В. Романов, Е. Р. Ярская-Смирнова // Социол. исслед. – 2009. – № 8. – С. 25–35.

14. Российская социологическая энциклопедия / под общ. ред. Г. В. Осипова. – М. : Норма-Инфра-М, 1998. – 672 с.

15. Freidson E. Professionalism: The Third Logic / E. Freidson. – Chicago : University of Chicago Press, 2001. – 250 p.

16. Fligstein N. Bank control, owner control, or organizational dynamics: Who controls the large modern corporation? / N. Fligstein, P. Brantley // The American Journal of Sociology. – 1992. – Vol. 98. – No. 2.

17. Larson M. The Rise of Professionalism: a Sociological Analysis / M. Larson. – Berkeley–London, University of California Press, 1977. – 309 p.

18. Etzioni A. Modern Organizations. Englewood Cliffs / A. Etzioni. – New Jersey : Prentice Hall, 1964. – 344 p.

19. Parsons T. The Social System / T. Parsons. – London : Routledge and Kegan Paul, 1951. – 15 p.

20. Durkheim E. Professional ethics and civic morals / E. Durkheim. – Routledge : London and New York, 1992. – 228 p.

21. Jones S., Joss R. Models of Professionalism // M. Yelloly, M. Henkel (eds) Learning and Teaching in Social Work. – London; Bristol; Pennsylvania : Jessica Kingsley Publishers, 1995. – P. 15–33.

22. Millerson G. The Qualifying Associations / G. Millerson. – L. : Routledge & Kegan Paul, 1964. – 318 p.

23. Parsons T. «Profession», in Shills D. (ed.) International Encyclopaedia of the Social Science. – Vol. 12. – London : Macmillan and Free Press, 1968. – P. 536–547.

УДК 811.111'38

*Т. М. Тимошенкова***КОММУНИКАТИВНО-СТИЛИСТИЧЕСКАЯ
ОРИЕНТИРОВАННОСТЬ ГРАММАТИЧЕСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ ВЫСКАЗЫВАНИЯ
И ВАРЬИРОВАНИЕ ЕГО ФОРМ****COMMUNICATIVE AND STYLISTIC ORIENTATION
OF THE UTTERANCE GRAMMATIC ORGANIZATION
AND VARIATION OF ITS FORMS****Аннотация**

Статья посвящена рассмотрению проблем языковой динамики, полифункциональности разных языковых моделей и их сближению в семантическом и функциональном планах.

Одним из наиболее характерных проявлений диалектики языка как знаковой системы является наличие двух видов означивания – глагольного и именного.

Гибкость семантической структуры существительного, его способность включать значения, характерные для других частей речи, функциональная мобильность обуславливают широкое внедрение существительного в сферу различных частей речи, прежде всего, глагола.

На примере именной модели $N_1 - V_{\text{cop}} - N_v$, базовым значением которой является классификация или тождество, показано участие номинальных средств языкового означивания в формировании ФСП качественной характеристики (где ядром являются адъективные модели), ФСП акциональности, бытийности, статальности, процессуальности, ядерным элементом которых являются глагольные модели.

Именные и глагольные модели как элементы грамматической организации текста соотносятся как варианты с тождеством типового значения, но противопоставляемые по определенным содержательным оттенкам и во многих случаях – по стилистической коннотации.

Выбор одной из моделей, их чередование или одновременное употребление создают возможность передачи широкого регистра семантических значений и стилистико-коннотативных оттенков.

Ключевые слова: языковая номинация, глагольный и именной вид означивания, варьирование способов выражения пропозиции, номинализация как проявление языковой динамики, функционально-семантическое поле.

Анотація

Стаття присвячена розгляду проблем мовної динаміки, поліфункціональності різних мовних моделей та їх зближенню в семантичному та функціональному планах.

Одним з найбільш характерних проявів діалектики мови як знакової системи є наявність двох видів означування – дієслівного та іменного.

Гнучкість семантичної структури іменника, його здатність включати значення, характерні для інших частин мови, функціональна мобільність обумовлюють широке впровадження іменника до сфери різних частин мови, перш за все, дієслова.

На прикладі іменної моделі $N_1 - V_{\text{cop}} - N_v$, базовим значенням якої є класифікація або тотожність, показана участь номінальних засобів мовного означування у формуванні ФСП якісної характеристики (де ядром є ад'єктивні моделі), ФСП акціональності, буттєвості, статальності, процесуальності, в яких ядрним елементом є дієслівні моделі.

Номінальні та дієслівні моделі як елементи граматичної організації тексту співвідносяться як варіанти з тотожністю типового значення, але протиставлені щодо певних змістових відтінків і в багатьох випадках – щодо стилістичної конотації.

Вибір однієї з моделей, їх чергування або одночасний вжиток надають можливість передавання широкого регістру семантичних значень і стилістико-конотативних відтінків.

Ключові слова: мовна номінація, дієслівний та іменний види означування, варіювання засобів вираження пропозиції, номіналізація як проявів мовної динаміки, функціонально-семантичне поле.

Annotation

The article discusses the problems of language dynamics, multifunctionality of different language models and their semantic and functional affinity under certain conditions.

One of the most characteristic phenomena of language dialectics is availability of two types of nomination: verbal and nominal.

Flexibility of the Noun semantic structure, its ability to include meanings, characteristic of other parts of speech, its functional mobility make it possible for the Noun to penetrate into the sphere of other parts of speech, the Verb above all.

The nominal model $N_1 - V_{\text{cop}} - N_v$, whose basic meaning is that of classification or identity, is a vivid example of nominal means actively participating in formation of the functional semantic fields of qualitative characteristic (where the nucleus is

made by adjectival models), as well as of action, being, state and process, where the nuclear components are verbal models.

The nominal and verbal models as elements of a text grammatic organization correlate as variants with identical topical meaning, but opposed as to certain shades of meaning and, in many cases, as to their stylistic connotations.

The choice of one of the models, their alternation or simultaneous usage make it possible to render a wide range of semantic meanings and stylistic and connotational nuances.

Key words: language nomination, verbal and nominal nomination, varying means of proposition expression, nominalization as a phenomenon of language dynamics, functional semantic field.

Одним из наиболее характерных проявлений диалектики языка как знаковой системы является наличие в нем двух видов означивания – глагольного и именного. В системе современного английского языка противопоставленность глагола и имени как отдельных частей речи характеризуется специфическими дифференциальными признаками и предполагает их широкое сближение как в семантическом, так и в функциональном планах.

Гибкость семантической структуры имени существительного, способность включать значения, характерные для других частей речи, а также его функциональная мобильность обуславливают широкое внедрение существительного в сферу различных частей речи, особенно в сферу глагола.

Процессы номинализации – выражения предикации именными средствами – её семантические характеристики, функциональные особенности, прагматический и стилистико-коннотативный потенциал привлекают пристальное внимание лингвистов и являются объектом исследования на материале различных языков: русского (Е. В. Падучева, 1991, 2001, 2004; О. К. Ирисханова, 2004; А. Г. Пазельская, 2006); немецкого и французского (Н. А. Маслова, 1985, 1991); английского (Е. В. Падучева, 2004); коллективная монография «Номинализация в современном английском языке» (1982), выпущенная кафедрой английской филологии Киевского университета им. Т. Г. Шевченко (под общей редакцией проф. Н. Н. Раевской).

Сближение имени и глагола оказывает существенное влияние на

характер формирования высказывания. Оно создает возможность широкого варьирования способов выражения пропозиции, охватывающего все сферы языковой передачи разнообразной деятельности человека – от её конкретных форм до области эмоциональных переживаний и рациональных оценок [8, с. 11].

Функционально-семантическое сближение имени и глагола в синтаксисе современного английского языка со всей очевидностью проявляется в регулярной реализации номинальной модели $N_1 - V_{\text{cop}} - N_v$, которая и является *объектом* анализа в данной статье. В упомянутой модели элементы N_1 и N_v характеризуются семей [+ человек], а N_v представляет собой существительное со значением «имя лица», образованное от глагола путем деривации.

Актуальность исследования определяется широкой смысловой емкостью и специфическими свойствами семантического варьирования модели в соответствии с коммуникативно-стилистическими задачами высказывания.

Целью исследования является выявление закономерностей семантического варьирования модели, представляющее несомненный интерес в плане углубленного изучения семантической корреляции синтаксических структур и установления возможности их соотносительных трансформаций.

В семантическом варьировании исследуемой модели выделяются:

- а) предложения, представляющие знаки прямой номинации;
- б) предложения, представляющие знак косвенной номинации.

К первым относятся предложения со значением:

- профессиональной принадлежности: I don't know what one would call my job: ... money counter? letter sealer? bouncer? (R. Kent);
- общественного (служебного) положения: He's one of the people connected with the City... Stockholder or director, or something (Th. Dreiser);
- качественной характеристики субъекта, не имеющей семы положительной или отрицательной оценки: I'm not a pain seeker or reformer (I. Shaw);
- отнесенности субъекта к определенной категории лиц: They were the newcomers of the night before (A. Christie).

Ко вторым принадлежат:

- акциональные предложения;
- предложения с абстрактно-реляциональным значением;
- предложения со значением процессуальности;
- бытийные предложения;
- статальные предложения.

Отглагольные существительные (N_v) той или иной категориальной отнесенности (определяемой, в первую очередь, семантикой исходного глагола) в функции предикатива, вступая во взаимодействие с тем или иным типом подлежащего (т. к. типологический характер предложения определяется обоими предикативно сопряженными элементами [2; 4]), определяют семантический и структурный характер предложения модели $N_1 - V_{\text{cop}} - N_v$.

Семантическое варьирование модели представляет особый интерес в случаях косвенной номинации. Остановимся на них подробнее.

Акциональные предложения представляют собой двухаргументные номинальные конструкции, субъект которых характеризуется как агенс. Обязательное окружение существительных со значением *nomen agentis* включает указание на объект действия.

Он может быть выражен эксплицитно: I was going to be a baseball player for a while (S. Fitzgerald) или восстанавливаться из окружающего контекста: She pushed the envelope across the table. This is what I've received with the morning mail. Any idea who might be the writer? (H. Aiken).

В случае существительных, образованных от непереходных глаголов, вторым аргументом является временной момент, устанавливающий отношения между действиями лица вне связи с другими объектами [1, с. 85–102]: He was the only speaker at the moment (I. Murdoch).

Существительные со значением *nomen agentis* образуются от глаголов различных семантических типов: физического воздействия (beat, block); созидания или преобразования (create, amend); передвижения в пространстве (come, carry); социальной активности (campaign, organize); эмоционального воздействия или интерперсональных отношений (counsel, assist) и др.

Абстрактно-реляціональні пропозиції. В пропозиціях цього типу характер зв'язей між аргументами стосується сфери ідеального. Модель отримує абстрактний характер. Суб'єкт може бути охарактеризований як деми-агенс [2; 4]. В цій групі можуть бути виділені пропозиції з іменником-продикативом:

- називаючим лицю по знаку [+] «любитель», «поклонник»: «admirer», «lover»; [-] «любитель»: «hater», «scorner»: He is a lover of Renaissance painting (B. Shaw), He's just a women hater (M. Ford);
- називаючим лицю по знаку [+] «приверженець», «сторонник», «последователь» (believer, defender); [-] «сторонник» (disapprover, rejector): She was a believer in that sort of thing? (J. Orton). He hated their guts... The rejectors! The embodiments of disapproval (G. Greene).

Детермінуючі пропозиції представляють собою одноаргументні побудови. Предицируемый признак «замкнут» на суб'єкті. Компоненти цих пропозицій знаходяться в відносинах детерміната (суб'єкт) і детермінанта (продикат) [4].

В корпусі детермінуючих пропозицій виділяються:

- власне детермінуючі;
- процесуально-детермінуючі;
- статально-детермінуючі.

В власне детермінуючих пропозиціях дається якісна характеристика суб'єкта по різним знакам: зовнішній вигляд (looker, stunner, etc.); фізичне стан (dwindler, stayer, etc.); моральні якості (darer, scrapper, etc.); випадкові або звичайні дії (murderer, repeater, etc.).

Сема позитивної або негативної якісної оцінки може присутувати в семантичній структурі вихідного дієслова: corrupt, betray, etc.; виникати за рахунок метафорических переносів: crawl (пресмыкаться); charm (очаровывать); реалізуватися в силу спеціалізації значення вихідного дієслова: inform – інформувати, informer – доносчик.

Пропозиція моделі $N_1 - V_{cop} - N_v$ може отримувати характер якісної оцінки:

- при закріпленні семі повторюваності дії або процесу як признака суб'єкта: John was quite a dresser too (E. Hemingway);

- при модификации именного компонента модели: He was a natural leader (J. Stuckley).

К собственно детерминирующим относятся также предложения, характеризующие субъект по признаку «профессиональная принадлежность», «общественное (служебное) положение»: administrator, leader, manager, director, commander, guardian, supervisor, etc.

При образовании существительных с этими значениями наблюдаются следующие семантические процессы:

- специализация значения исходного глагола: buy – покупать, buyer – агент по снабжению; preside – председательствовать, president – глава государства (фирмы, вуза) и т. д.;

- метафоризация значения исходного глагола: cadge – выпрашивать, попрошайничать, cadger – уличный торговец, разносчик; kick – пинать, top-kicker – старший сержант;

- метонимический перенос: reside – проживать, resident – 1) постоянный житель, 2) резидент, дипломатический представитель.

В предикатах, выражающих принадлежность субъекта к той или иной категории лиц, выделяются несколько вариантов значений. N_v детерминирует субъект по признаку:

- «результат действий субъекта». Сюда относятся существительные с общим значением «начинающий»: beginner, fledgling, etc.; «отстающий»: lingerer, straggler, etc.; с общей семой «перемещение, присутствие или отсутствие где-либо»: absentee, newcommer, etc.;

- «результат тех или иных обстоятельств»: порядка следования, преемственности: descendant, forerunner, etc.; тех или иных связей: dependant, representative, etc.; положения, в котором оказывается лицо в силу определенных обстоятельств: survivor, winner, etc.;

- «результат действия другого лица». Все существительные этого разряда объединяются общим значением «аффицированность субъекта» – лицо, призванное выполнять определенные обязанности: appointee, nominee, etc.; освобожденное от выполнения каких-либо обязанностей: divorcee, rejectee, etc.; задержанное по тем или иным причинам: internee, prisoner, etc.; лицо, для которого совершается действие: defendant, nurseling, etc.; лицо, положение которого определяется чьими-либо действиями: adoptee, foundling, etc.; лицо

со значением «адресат, получатель»: addressee, bailee, etc.: «I'm a prisoner, I mean internee» (J. Jones).

Процессуально-детерминирующие предложения. В предложениях этого типа субъект характеризуется как пациент какого-либо процесса – жизнедеятельность, восприятие, потребление, приобретение чего-либо: breather, liver, listener, observer, consumer, learner, etc.: She had been an attentive listener (S. Wylie).

Статально-детерминирующие предложения. Эти предложения выражают:

- положение субъекта в пространстве – floater, standee, etc.;
- физическое состояние – sleeper, starveling, etc.;
- психическое состояние, чувства, переживания субъекта – mourner, sufferer, etc.

e.g. Despite appearances to the contrary, criminals are poor sleepers (J. Orton).

В предложениях со значением процессуальности и статальности модификация именного компонента носит облигаторный характер. Предикативное употребление данных существительных без модификаторов находим лишь в предложениях со значением противопоставления: I dragged myself from the keyhole: I was a doer, not a watcher (W. Collins) или идентификации: She and that fellow ought to be the sufferers (J. Galsworthy).

Бытийные предложения. Компоненты исследуемых бытийных предложений находятся в отношениях детермината (субъект) и детерминанта (предикат). Среди них выделяются бытийные локально детерминированные предложения, в которых субъект характеризуется по признаку «обитатель», и бытийные посессивные предложения, где субъект охарактеризован по признаку «владелец», «обладатель»: ... a city dweller, whose destiny it was to never place his feet upon the earth (J. Jones). ... the diploma... Horace Mann, the bearer, had the privilege to enter Columbia University without examination (R. Kent).

Существительные, выступающие в функции предикатива, включают дифференциальные семы, например, «постоянное/временное проживание»: resident/occupant; «предъявитель»: bearer; «хранитель»: keeper и др.: I'm not the keeper of your phone numbers (H. Miller).

В речевой реализации модели тип отношений между подлежащим и сказуемым определяется связочными глаголами, способными передавать широкий регистр значений и их оттенков: существование признака (be, feel, act, etc.); его сохранение (remain, keep, continue, stay, etc.); значения авторизации (be rated, be considered, be classed, etc.); обнаружения (prove oneself, be found, turn out, etc.); каузации (be employed, be elected, be made, etc.); мнимого существования признака (act, play, pretend, etc.); аппроксимации (be like, look like, act like, etc.):

A. Dane acted as my interpreter (R. Kent). He appeared but a silly boaster (J. Jones). You'll stay an executive assistant until you rot (A. Hailey).

В семантическом варьировании исследуемой номинальной модели особое значение принадлежит модификаторам именного компонента. Они несут значительный информативный заряд. Это касается:

- субъекта (внешний вид, черты характера, психическое или физическое состояние и т. д.): Robertse was the big detective with a temper that got out of hand (H. Paton);

- его действий, состояний или процесса, пациенсом которого он является (качественная, количественная или временная характеристика, степень интенсивности, способ выполнения и т. д.): He became a skillful administrator (S. Maugham); Jack Malloy... was a three time loser (J. Jones); He's a two-handed fighter (J. London).

Модификаторы именного компонента могут реализовать значение уточнения, интенсификации, аппроксимации:

He was a liar who squeezed money out of the poor (S. Wylie); He is a real collector (J. Galsworthy); She was something of a drifter and procrastinator (M. Steward).

Модификаторы именного компонента могут служить средством выражения категориально-грамматических значений.

В отглагольном существительном глагольные характеристики, хотя и эксплицитно не выражены, «дремлют» в нем в латентном состоянии [3].

Скрытые семы при необходимости актуализируются в процессе коммуникации именно за счет модификаций именного компонента:

The latter, a retired cotton broker... was a notorious fundamentalist

(S. Fitzgerald) (темпоральное значение). Me father would say I was an eternal striker (S. Wylie). Naviland came to the lab twice during the early period of July, and he seemed more the casual visitor each time (H. Wilson) (аспектуальныя значэння паўтараемасці (1) і адзіначнасці (2) дзейства).

Полифункциональность различных моделей предложения создает предпосылки для их синонимического сближения. Так, предикаты модели $N_1 - V_{\text{cop}} - N_v$ весьма ощутимо включаются, занимая периферийные позиции, в поля акциональности, процессуальности, бытийности, статальности, где ядром являются глагольные предложения, и в поля качества (положительная или отрицательная характеристика субъекта), ядро которого составляют адъективно-именные предикаты.

В передаче таких значений, как профессиональная принадлежность, общественное (служебное) положение, принадлежность субъекта к определенной категории лиц, качественная характеристика без положительной или отрицательной оценки, номинальные конструкции являются ведущим, а во многих случаях единственным средством передачи данного содержания.

Ограничение соотносительной трансформации номинальной и глагольной модели может быть обусловлено:

- неполным совпадением семантической структуры глагола и производного существительного (специализация значения, появление у существительного сем, отсутствующих в глаголе, как например, сема качественной оценки у существительных looker (+), tracker (-); метафорические и метонимические переносы, десемантизация);
- характером модификаторов именного компонента (метафоричность, ограниченная сочетаемость);
- семантическим характером связки.

Кроме того, образование отглагольных имен лица в определенной мере ограничивается речевым узусом, в результате чего окказионализмы всегда являются эффективным экспрессивно-стилистическим средством: She certainly seems a very successful disappearer (A. Christie), «I'm not much of a hoper, or a blessor either» (H. Miller).

Синонимическое сближение номинальной и глагольной моделей,

естественно, не предусматривает их полного тождества, что со всей очевидностью проявляется при их параллельном употреблении в одном синтаксическом целом, когда они вступают друг с другом в различные смысловые отношения, например:

- действие и его причина: «I do not counsel you one way or the other, I'm not a counsellor» (J. Tolkien);
- постоянный признак – единичное действие: They were robbers and they'd just robbed a bank (A. Sillitoe);
- суждение и его уточнение (раскрытие его смысла): She was a saver – saved money, saved electricity, saved string, bags, sugar, saved-him (J. Brown).

Параллельное употребление глагольного и номинального предикатов может быть использовано как средство передачи контрастных значений: Red could play a bugle well, but Red was not a bugler (J. Jones).

Выбор номинальной конструкции обусловливается, прежде всего, коммуникативной интенцией говорящего, куда включаются соображения стилистического порядка – необходимость концентрации признака, его интенсификации или эмфатического выделения. Этим целям служат:

- модификации именного компонента;
- коммуникативно-стилистическое варьирование модели: эллипс, парцелляция, обособление, инверсия, нексус отклонения, преобразование модели в безглагольные предикативы в условиях обособления.

Номинальной конструкции может быть отдано предпочтение как эффективному средству экономии речевых усилий, особенно в случаях косвенной номинации и семантических транспозиций.

Номинальная конструкция может быть использована:

- для реализации стилистического приема синтаксического параллелизма: M-Ile Nina Gifford, my wife's companion. A loyal Frenchwoman and a charming singer (S. Wylie);
- или, напротив, разноструктурного оформления высказывания в целях избежания монотонности: He never ate much, but he knew young pretty girls were usually big eaters on a date (M. Puzo).

В грамматической организации текста именные и глагольные предикаты связаны между собой линией взаимных переходов,

обусловленных заданием акта коммуникации. Они соотносятся как варианты с тождеством типового значения, но противопоставляемые по определенным содержательным оттенкам и во многих случаях по стилистической коннотации.

Обращение к различным средствам языковой номинации дает возможность дифференцированно передавать тонкие нюансы языковой интерпретации, весьма существенной для восприятия содержания высказывания.

Изучение вариативности языка на уровне его грамматической структуры перспективно в плане совершенствования принципов семантического моделирования, семантической корреляции разноуровневых единиц и выявления тенденций их актуализации в речевой практике.

Список литературы

1. Гак В. Г. Номинализация сказуемого и устранение субъекта / В. Г. Гак // Синтаксис и стилистика. – М. : Наука, 1976. – С. 85–102.
2. Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка / Г. А. Золотова. – М. : Наука, 1973. – 348 с.
3. Кубрякова Е. С. Части речи в ономаσιологическом освещении / Е. С. Кубрякова. – М. : Наука, 1978. – 115 с.
4. Москальская О. И. Проблемы системного описания синтаксиса / О. И. Москальская. – М. : Высш. шк., 1974. – 155 с.
5. Падучева Е. В. О семантике синтаксиса. Материалы к трансформационной грамматике / Е. В. Падучева. – М. : Либроком, 2009. – 298 с.
6. Падучева Е. В. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива / Е. В. Падучева. – М. : Языки славянской культуры, 2010. – 480 с.
7. Пазельская А. Г. Наследование глагольных категорий именами ситуаций: на материале русского языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / А. Г. Пазельская. – М. : МГУ, 2006. – 216 с.
8. Старикова Е. Н. К вопросу о номинализации в современном английском языке / Е. Н. Старикова // Номинализация в современном английском языке. – К. : Вища шк., 1982. – С. 11–21.

УДК 811. 111' 42

Л. В. Михайлова

**КЛАСИФІКАЦІЯ МОВЛЕННЄВИХ АКТІВ:
РІЗНОМАНІТНІСТЬ ПІДХОДІВ
CLASSIFICATION OF SPEECH ACTS:
VARIETY OF APPROACHES**

Аннотация

Объектом данного исследования является речевой акт. В статье исследуются различные способы выражения речевого акта в англоязычном дискурсе XVI–XX веков. Рассматриваются различные подходы к классификации речевых актов.

Целью данного исследования является комплексный анализ существующих классификаций, рассматриваются принципы, на основе которых возникают классификации речевых актов.

В основу существующих классификаций положены такие факторы, как иллокутивная цель, психологическое состояние говорящего, отношения между адресатом и адресантом, имплицитность и др. Первым классификацию речевых актов, которая основывалась на анализе перформативных глаголов, предложил Дж. Остин.

Классификация Дж. Серля построена на основе двенадцати параметров, среди которых иллокутивная цель, психологическое состояние, статусы говорящих и др.

Г. Г. Почепцов предлагает свою классификацию в рамках лингвистической теории предложения.

В зависимости от способа выражения речевые акты подразделяются на прямые и косвенные.

В зависимости от позиции речевого акта в дискурсе различают инициативные и реактивные речевые акты.

По количеству иллокуций выделяют простые и сложные речевые акты.

Рассмотренные классификации речевых актов основываются на разных аспектах.

В основе рассмотренных классификаций речевых актов лежат различные факторы и принципы, что не позволяет сформулировать единую, универсальную классификацию.

Ключевые слова: речевой акт, дискурс, иллокутивная цель, перформатив-

ный глагол, теория предложения, семантический анализ, прямые и косвенные речевые акты, интенция, простые и сложные речевые акты.

Анотація

Об'єктом даного дослідження є мовленнєвий акт. У статті досліджуються різноманітні засоби вираження мовленнєвого акту в англomовному дискурсі XVI–XX ст. Розглядаються різні підходи до класифікації мовленнєвих актів.

Метою даного дослідження є комплексний аналіз існуючих класифікацій мовленнєвих актів.

В основу існуючих класифікацій покладено такі ознаки, як іллокутивна мета, психологічний стан мовця, відношення до інтересів адресанта та адресата, імпліцитність та ін. Першим класифікацію мовленнєвих актів, що ґрунтувалася на аналізі перформативних дієслів, запропонував Дж. Остін.

Класифікація Дж. Серля побудована на основі дванадцяти параметрів, серед яких іллокутивна мета, психологічний стан та ін.

Г. Г. Почепцов запропонував свою класифікацію у межах лінгвістичної теорії речення.

Залежно від засобів вираження мовленнєві акти поділяються на прямі та непрямі.

За позицією мовленнєвого акту в дискурсі розрізняються ініціативні та реактивні мовленнєві акти.

За кількістю іллокуцій можна виділити прості та складні мовленнєві акти.

Розглянуті класифікації мовленнєвих актів ґрунтуються на різних аспектах, що не дозволяє сформувати єдину універсальну класифікацію.

Ключові слова: мовленнєвий акт, дискурс, іллокутивна мета, перформативне дієслово, теорія речення, семантичний аналіз, прямі та непрямі мовленнєві акти, интенція, прості та складні мовленнєві акти.

Annotation

The object of this research is a speech act. Different ways of expressing the speech act in the English-speaking discourse of the XVI–XX th c. are analyzed in this article.

Different approaches to the classification of speech acts are considered.

The object of this research is a complex analysis of the classifications that exist. The principles for classifications are considered.

On the basis of the existing classifications the following principles are put: illocutionary goal, psychological state of the speaker, relations between the people who communicate and others.

The first classification of speech acts was offered by J. Austen. This classification was based on the analysis of performative verbs.

The classification of J. Searle is based on 12 criterion, including: illocutionary aim, psychological state, statuses of the people who communicate.

G. G. Pochepov made his classification based on the linguistic theory of the sentence.

According to the way of realization speech acts are divided into direct and indirect speech acts.

According to the number of illocutions simple and complex speech acts are distinguished.

Various classifications of speech acts are based on different aspects and grounds. That's why it is impossible to present one universal classification of speech acts.

Key words: speech act, discourse, illocutionary aim, performative verb, theory of sentence, semantic analysis, direct and indirect speech acts, intention, simple and complex speech acts.

Об'єктом дослідження в даній роботі є директивний мовленнєвий акт у англomовному дискурсі XVI–XX ст.

Предметом дослідження є засоби вираження мовленнєвого акту в англomовному дискурсі XVI–XX ст.

Велика кількість дослідників зверталася до класифікації мовленнєвих актів, серед них можна відзначити Дж. Остіна, Дж. Серля, Дж. Ліча, Г. Г. Почепцова, Д. Вундерліха, А. Вежбицьку та ін.

На сьогоднішній день немає згоди думок щодо класифікації мовленнєвих актів, оскільки в основу існуючих класифікацій покладено різні ознаки мовленнєвого акту, серед яких можна виділити іллокутивну мету, психологічний стан мовця, спрямованість відносин між пропозиційним змістом мовленнєвого акту та станом справ у світі, відношення до інтересів адресанта та адресата, імпліцитність та ін. [2; 4; 7; 8].

Першим класифікацію мовленнєвих актів, що ґрунтувалася на аналізі перформативних дієслів, запропонував Дж. Остін [13].

Дж. Остін, звертаючи увагу на іллокутивні дієслова, виділяє такі акти:

– вердиктиви, за допомогою яких мовець висловлює свою оцінку чого- або кого-небудь:

“You got on because you were selfish and unscrupulous” /B. Shaw, “Major Barbabara”/;

– екзерсітиви, за допомогою яких здійснюються власні функції, реалізуються права та авторитет мовця (наказ, попередження, порада, заборона тощо):

“Go and stand by the door, out of the way of the mirror and the windows.” /Ch. Bronte “Jane Eyre”/;

– комісиви – вираз обіцянок і зобов’язань:

“And yet I’ll promise thee she shall be rich” /W. Shakespeare, “The Taming of the Shrew”/;

– бехабітиви регулюють суспільну поведінку, взаємини комунікантів та ін.:

“Good day to both of you.” /W. Shakespeare “Much Ado about Nothing”/;

– експозітиви визначають місце висловлювання в ході бесіди (я визнаю, заперечую та ін.):

Yes, I agree, and thank you for your motion. /W. Shakespeare, “The Third Part of Henry the Sixth”/.

Класифікація Дж. Серля побудована на основі дванадцяти параметрів, серед яких найбільш важливі іллокутивна мета, психологічний стан і напрямок пристосування (мовленневий акт, що пристосовує слова до світу, та мовленневий акт, що пристосовує світ до слів) [18]. Дослідник виділяє такі мовленневі акти:

– репрезентативи (або асертиви), які представляють реальний стан справ адресату:

“Before he died Boromir told me that the Orcs had bound them; he did not think that they were dead. I sent him to follow Merry and Pippin; but I did not ask him if Frodo or Sam were with him: not until it was too late. All that I have done today has gone amiss. What is to be done now?” /J.R.R. Tolkien, Lord of the Rings/;

– директиви, які каузують (або певним чином впливають на діяльність адресата):

“Tell us about one of your trips, Lieutenant,” says one of the normals.” /O. Henry “The Gentle Grafter”/;

– комісиви – акти, що покладають якісь зобов'язання:

“I will discharge my bond, and thank you too.” /W. Shakespeare, “The Comedy of Errors”/

– декларації, які вносять певні зміни до реального стану речей:

“I do arrest you, sir: you hear the suit.” /W. Shakespeare, “The Comedy of Errors”/

Дж. Ліч порівнює іллокутивну та соціальну цілі мовленнєвих актів, на основі яких виділяє чотири типи іллокутивної мети: конкуруючий (іллокутивна мета конкурує з соціальною), компанійський (іллокутивна мета збігається з соціальною метою), колабораторний (іллокутивна мета пасивна відносно до соціальної мети), конфліктний (іллокутивна мета конфліктує з соціальною метою) [24]. До класифікації Дж. Ліча входять п'ять класів, чотири з яких збігаються з класами, що виділяв Серль, а саме;

– асертив:

“Here lie many that are not folk of Mordor. Some are from the North, from the Misty Mountains, if I know anything of Orcs and their kinds. And here are others strange to me. Their gear is not after the manner of Orcs at all!” /J. R. R. Tolkien, Lord of the Rings/;

– директив:

“Speak up just a trifle louder.” /M. Twain, “The Adventures of Tom Sawyer”/;

– комісив:

“Com' on then, I will swear to study so” /W. Shakespeare, “Love's Labor's Lost”/

– експресив:

“O heaven!” /W. Shakespeare, “The Two Gentlemen of Verona”/

– рогатив (запитання, запит):

“Have you heard anything about buying the farm?” /H. G. Wells, “The Food of the Gods”/

Г. Г. Почепцов буде свою класифікацію в межах лінгвістичної теорії речення. Речення співвідносяться з інтенцією мовця та забезпечують формування мовленнєвого акту [16]. Способи реалізації відрізняються один від одного іллокутивною силою. Локутивна сила зводиться до когнітивного змісту речення. Мета досягається у вигляді

перлокутивного ефекту висловлювання. За характером прагматичного компонента (комунікативна мета) виділяються:

– констатив:

“Well, you know the Whomping Willow,” said Ron. “It—it doesn’t like being hit.” /J. K. Rowling, “Harry Potter and the Prisoner of Azkaban”/;

– промісив:

“Not so, my lord, it is not so, I swear” /W. Shakespeare, “Love’s Labor’s Lost”/;

– менасив:

“Back, slave, or I will break thy pate across.” /W. Shakespeare “The Comedy of Errors”/;

– перформатив:

“First, I ask thee what they have done; thirdly, I ask thee what’s their offense.” /W. Shakespeare, “Much Ado about Nothing”/;

– директив:

– ін’юнктив:

“Go to bed yourself.” /C. S. Lewis, “The Lion The Witch And The Wardrobe”/;

– реквестив:

“Dear sir, give us only time to send to Astolat; or give us only time to send to the Valley of Holiness...” /M. Twain, “A Connecticut Yankee in King Arthur’s Court”/;

– квеситив:

“What about Dumbledore, Hagrid?” said Harry.” /J. K. Rowling, “Harry Potter and the Prisoner of Azkaban”/;

Класифікація К. Баха і Р. Харніша включає в себе [23]:

– констативи:

“The Hogwarts Express will leave from King’s Cross station, platform nine and three-quarters, at eleven o’clock.” /J. K. Rowling, “Harry Potter and the Prisoner of Azkaban”/;

– директиви:

“Silence! To your seats!” / Ch. Bronte, “Jane Eyre”/;

– комісиви:

“DUKE. Jailer, take him to thy custody.

JAIL. I will, my lord.” /W. Shakespeare, “*The Comedy of Errors*”/;
– признання (вибачення, привітання, поздоровлення, співчуття та ін.):

“Merry Christmas!” said Dumbledore as Harry, Ron, and Hermione approached the table.” /J. K. Rowling, “*Harry Potter and the Prisoner of Azkaban*”/;

– конвенціональні акти. Конвенціональні іллокутивні акти поділяються на ефективи (пропозиція ціни, засудження, посвята в лицарі, звинувачення, вибачення, оголошення вироку та ін.) і вердиктиви (виправдання, оцінювання, розподіл за видами, акти управління та ін.) [1; 11].

“Three hundred, and a present at that...” /J. London, “*The Call of the Wild*”/

“Hermione is chaste, Polixenes blameless, Camillo a true subject, Leontes a jealous tyrant, his innocent babe truly begotten, and the King shall live without an heir, if that which is lost be not found.” / W. Shakespeare, “*The Winter’s Tale*”/

В. Вундерліх на основі функцій мовленнєвих актів виділяє вісім класів:

– директиви (прохання, накази, розпорядження, нормативні акти) [1]:

“Bring the led-horses and mount these people.” /M. Twain, “*A Connecticut Yankee in King Arthur’s Court*”/;

– комісиви (обіцянки, оголошення, загрози):

“Quick, quick! Come at once!” /G. Orwell “*Animal Farm*”/;

– репрезентативи (затвердження, констатації, звіти, описи, пояснення):
“This measure has been put in place for the safety of Hogsmeade residents and will be lifted upon the recapture of Sirius Black.” / J. K. Rowling, “*Harry Potter and the Prisoner of Azkaban*”/;

– сатисфактиви (вибачення, подяка, виправдання):

“Pardon me, madam, for I meant not so.” /W. Shakespeare, “*Love’s Labor’s Lost*”/;

– ретрактиви (неможливість виконати обіцяне):

“Nay, I dare not swear it.” /W. Shakespeare “*The Taming of the Shrew*”/;

– декларації (називання, визначення, вироки):

“I do, and charge you in the Duke’s name to obey me.” / W. Shakespeare, “The Comedy of Errors”/;

– вокативи (звертання, заклики):

“Farewell, my lord.” /W. Shakespeare, “The First Part of Henry the Fourth”/

Як видно з вищенаведеної класифікації, класи в основному збігаються з тими, що виділяв Дж. Серль.

А. О. Романов пропонує детальну класифікацію мовленнєвих актів, до якої входять 14 типів [17]:

– комісиви (обіцянки, парі):

“I swear I’ll plead for you myself, but you shall have him.” / W. Shakespeare, “The Taming of the Shrew”/;

– експозитиви (пояснення, погрози):

“Therefore make present satisfaction, or I’ll attach you by this officer.” /W. Shakespeare “The Comedy of Errors”/;

– пермісиви (згода):

“ULYSS. May I, sweet lady, beg a kiss of you?

CRES. You may.” /W. Shakespeare, “The History of Troilus and Cressida”/;

– сатисфактиви (дорікання, акти похвали):

“Well done, Harry!” said Hagrid, ecstatic. /J. K. Rowling, “Harry Potter and the Prisoner of Azkaban”/;

– регламентативи (формули соціального етикету):

“Good day, my lord.” /W. Shakespeare, “Much Ado about Nothing”/;

– ін’юктиви (накази, вимоги):

“Take him away. Detained on suspicion.” /A. Christie, “The A.B.C. Murders”/;

– реквестиви (прохання, благання):

“Run, master, run, for God’s sake take a house!” /W. Shakespeare “The Comedy of Errors”/;

– інструктиви (заборони):

“We would also ask you to remember that any magical activity that risks notice by members of the non-magical community (Muggles) is a serious offense under section 13 of the International Confederation

of Warlocks' Statute of Secrecy." /J. K. Rowling, "Harry Potter and The Chamber Of Secrets"/;

– суггестиви (поради, попередження):

"Don't pinch!" said his eagle. "You need not be frightened like a rabbit, even if you look rather like one." /J. R. R. Tolkien, "The Hobbit"/;

– інвїтиви (запрошення):

"Come along in, and have some tea!" he managed to say after taking a deep breath." /J.R.R. Tolkien, "The Hobbit"/;

– дескриптиви (описи):

"There was a big black thing," said Harry, pointing uncertainly into the gap. "Like a dog... but massive..." /J. K. Rowling, "Harry Potter and the Prisoner of Azkaban"/;

– аргументативи (докази):

"Because thou hast not so much charity in thee as to go to the ale with a Christian." /W. Shakespeare "The Two Gentlemen of Verona"/;

– констативи (твердження):

"Marry, sir, they have committed false report; moreover they have spoken untruths; secondarily, they are slanders; sixth and lastly, they have belied a lady; thirdly, they have verified unjust things; and to conclude, they are lying knaves." /W. Shakespeare "Much Ado about Nothing"/;

– нарративи (оповідання) [9; 10; 12; 17]:

"Harry... I as good as killed them," he croaked. "I persuaded Lily and James to change to Peter at the last moment, persuaded them to use him as Secret-Keeper instead of me... I'm to blame, I know it... The night they died, I'd arranged to check on Peter, make sure he was still safe, but when I arrived at his hiding place, he'd gone. Yet there was no sign of a struggle. It didn't feel right. I was scared. I set out for your parents' house straight away. And when I saw their house, destroyed, and their bodies... I realized what Peter must've done..." / J. K. Rowling, "Harry Potter and the Prisoner of Azkaban"/

Т. Балмер і В. Бренненштуль будують свою класифікацію на основі англійських дієслів, що називають відповідні мовленнєві акти [1]. Так, у своїй роботі вони виділяють 4800 дієслів мовленнєвих актів, які

групуються відповідно до чотирьох видів мовленнєвої діяльності – експресія, звертання, інтеракція, дискурс. А. Вежбицька опублікувала словник англійських дієслів мовленнєвих актів, у якому всі дієслова було розділено на 37 груп [3].

Й. Майбауер вважає, що семантичний аналіз дієслів мовленнєвих актів і класифікація самих мовленнєвих актів зовсім не залежать один від одного.

Таким чином, утворюється велика кількість типів мовленнєвих актів, що, на нашу думку, призводить до певних незручностей. Також набір дієслів мовленнєвих актів буде відрізнятися в залежності від мови, що унеможливує універсальність таких класифікацій.

В. І. Карасик пропонує свою класифікацію мовленнєвих актів, у основу якої покладено три критерії, що характеризують статусні відносини комунікантів: 1) маркованість статусу, 2) фіксованість статусу, 3) вектор статусу [6].

Таким чином, мовленнєві акти можуть бути розділені на два класи: статусно-марковані й статусно-нейтральні. До статусно-нейтральних мовленнєвих актів відносяться констативи, наративи, дескриптиви, до статусно-маркованих – прескриптиви, реквестиви та ін. Статусно-марковані мовленнєві акти, у свою чергу, можуть бути розділені на статусно-фіксовані й статусно-лабільні мовленнєві акти. До перших учений відносить мовленнєві акти із заданою позицією адресата (директиви, реквестиви, пермісиви), до других – мовленнєві акти з перемінним статусним вектором, тобто такі акти, в яких статусний вектор залежить від ситуації спілкування (вокативи, комісиви, експресиви). Статусно-фіксовані мовленнєві акти в залежності від статусного вектора підрозділяються на мовленнєві акти з низхідним і висхідним статусним вектором адресанта (наприклад, реквестиви і прескриптиви).

Відповідно до засобів вираження мовленнєві акти поділяються на прямі й непрямі. Прямі мовленнєві акти виражаються за допомогою мовних засобів, семантика яких відповідає їх іллокутивній силі. Непрямі мовленнєві акти – це висловлювання, в яких спостерігається хоча б найменше розходження між формою та прагматичним змістом [15; 22].

Психологічною основою непрямих мовленневих актів може бути небажання адресанта розкрити свої наміри. Це небажання пояснюється різними причинами: інтенції можуть бути неприємними для адресата (що є характерним для маніпулятивного впливу); інтенції можуть сприйматися адресантом як такі, що принижують його самоповагу (порівняйте використання натяків замість наказу, вибачення, прохання); інтенції можуть суперечити етикетним нормам поведінки і прийнятим правилам мовленнєвої взаємодії комунікантів. Багато чого залежить і від ситуації спілкування.

Спілкування на імпліцитному рівні – це більш престижний вид вербальної комунікації, тому він широко застосовується серед освіченої частини населення та досить часто в офіційному мовленні [2; 4].

Щодо позиції мовленнєвого акту в дискурсі розрізняють ініціативні та реактивні мовленнєві акти [19].

Щодо кількості іллокуцій можна виділити прості та складні мовленнєві акти [14; 21; 22].

Складний мовленнєвий акт являє собою «сукупність простих мовленневих актів як мінімальних мовленневих одиниць, що поєднуються одним із трьох типів дискурсивних відношень і характеризуються певною дискурсивною функцією». Існує три типи складних мовленневих актів: комплексні, композитні та складені [5].

Усі розглянуті класифікації мовленневих актів ґрунтуються на різних аспектах, що не дозволяє сформувати єдину універсальну класифікацію. У деяких класифікаціях, які побудовані з урахуванням одного й того ж аспекту, інколи повторюються типи мовленневих актів попередніх, до яких додаються ще декілька нових типів. Розглянуті різні особливості мовленневих актів можуть слугувати для комплексного дослідження директивного мовленнєвого акту в англомовному дискурсі.

Список літератури

1. Бацевич Ф. С. Нариси з лінгвістичної прагматики : [монографія] / Ф. С. Бацевич. – Львів : ПАІС, 2010. – 336 с.
2. Бондарева Н.О. Структурно-семантичні й комунікативно-прагматичні особливості висловлювань із концептом «порада» : автореф. дис. ... канд.

філол. наук : спец. 10.02.01 «Українська мова» / Н. О. Бондарєва. – К. : Київ. нац. ун-т ім. Т. Шевченка, Ін-т філології, 2005. – 19 с.

3. Вежбицка А. Речевые акты / А. Вежбицка // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 16. Лингвистическая прагматика. – М. : Прогресс, 1985. – С. 255–276.

4. Дмитренко О. Л. Директивні мовленнєві акти в публіцистичному дискурсі : автореф. дис. ... канд. філол. наук : спец. 10.02.01 «Українська мова» / О. Л. Дмитренко. – К. : Київ. нац. ун-т ім. Т. Г. Шевченка, Ін-т філології, 2009. – 20 с.

5. Карабан В. И. Сложные речевые единицы: прагматика английских асиндетических полипредикативных образований / В. И. Карабан. – К. : Вища шк., 1989. – 132 с.

6. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.

7. Михайлова Л. В. Еволюція директивних мовленнєвих актів у англійській мові : автореф. дис. ... канд. філол. наук : 10.02.04 «Германські мови» / Л. В. Михайлова. – Х. : Харк. нац. ун-т ім. В. Н. Каразіна, 2001. – 20 с.

8. Михайлова Н. А. Семантико-прагматические особенности функционирования имплицитных высказываний в диалогической речи: на материале современного немецкого языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.04 «Германские языки» / Н. А. Михайлова. – Тамбов : Тамбов. гос. ун-т им. Г. Р. Державина, 2002. – 23 с.

9. Мясоєдова С. В. Категорія спонування і її вираження в непрямих висловленнях сучасної української мови : автореф. дис. ... канд. філол. наук : спец. 10.02.01 «Українська мова» / С. В. Мясоєдова. – Х. : Харківський держ. пед. ун-т ім. Г. С. Сковороди, 2001. – 16 с.

10. Наумук О. В. Мовні засоби вербалізації поради: когнітивний та прагматичний аспекти : монографія / О. В. Наумук. – Луцьк : ВНУ ім. Л. Українки, 2012. – 211 с.

11. Неустроев К. С. Способы выражения побуждения и воздействия (на материале современного английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.19 «Теория языка», 10.02.04 «Германские языки» / К. С. Неустроев. – Ростов н/Д : Пед. ин-т ФГОУ ВПО «Южный федеральный университет», 2008. – 22 с.

12. Никифорова Р. В. Коммуникативно-семантическая группа высказываний, реализующих интенцию «предлагания» (в современном английском языке) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 «Германские языки» / Р. В. Никифорова. – К. : Киев. гос. пед. ин-т иностр. яз., 1988. – 24 с.

13. Остин Дж. Слово как действие / Дж. Остин // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1986. – Вып. 17: Теория речевых актов. – С. 22–129.
14. Петрова Е. Б. Каталогизация побудительных речевых актов в лингвистической прагматике / Е. Б. Петрова // Вестник ВГУ. Сер. «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – Воронеж, 2008. – № 3. – С. 124–133.
15. Постовалова В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека / В. И. Постовалова // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира / отв. ред. Б. А. Серебренников. – М. : Наука, 1988. – С. 8–69.
16. Почепцов Г. Г. Предложение // Теоретическая грамматика современного английского языка : учебник / И. П. Иванова, В. В. Бурлакова, Г. Г. Почепцов. – М. : Высш. шк., 1981. – С. 161–281.
17. Романов А. А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения : пособие по теоретическим курсам / А. А. Романов. – М. : Ин-т языкознания АН СССР, Калининский СХИ, 1988. – 183 с.
18. Серль Дж. Что такое речевой акт? / Дж. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1986. – Вып. 17: Теория речевых актов. – С. 151–169.
19. Формановская Н. И. Прагматика побуждения и логика языка / Н. И. Формановская // Русский язык за рубежом. – 1994. – № 5–6. – С. 34–40.
20. Хэллидей М. Теория речевых актов / М. Хэллидей. – М. : Исток, 1997. – 467 с.
21. Шевченко И. С. Историческая динамика прагматики предложения: английское вопросительное предложение 16–20 вв. : монография / И. С. Шевченко. – Харьков : Константа, 1998. – 186 с.
22. Шевченко И. С. Речевой акт как единица дискурса: когнитивно-прагматический подход // Тверской лингвистический меридиан : сб. науч. статей. – Вып. 7: В мире языка / под ред. Л. П. Рыжовой. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 2007. – С. 69–80.
23. Bach K. Speech Acts and Pragmatics [Electronic resource] / K. Bach // The Blackwell Guide to the Philosophy of Language / M. Devitt, R. Hanley, 2003. – Access mode : <http://online.sfsu.edu/kbach/Spch.Prag.htm>. – Title from the screen.
24. Leech G. N. Principles of Pragmatics / G. N. Leech. – London : Longman, 1983. – 250 p.

УДК 378.147.016:81'255

*В. В. Ильченко, Е. В. Карпенко***ВИЗУАЛИЗАЦИЯ УЧЕБНОГО КОНТЕНТА
КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ НАВЫКОВ
И УМЕНИЙ ПИСЬМЕННОГО ПЕРЕВОДА****VISUALIZATION OF EDUCATIONAL CONTENT AS
A MEANS OF TRANSLATION SKILLS FORMATION****Аннотация**

Статья посвящена проблеме включения визуализации учебного контента как вида учебной деятельности в систему упражнений, направленных на формирование навыков и умений письменного перевода. Авторы рассматривают две возможные модели включения визуализации в систему упражнений, а именно: модель «визуализация – упражнение» с акцентом на информативную функцию визуализации для расширения профессионально-ориентированных фоновых знаний обучаемых и модель «упражнение – визуализация – упражнение» с акцентом на ее обобщающую функцию для обобщения профессионально-ориентированной фоновой информации. Для каждой из предложенных моделей авторы предлагают примерную систему упражнений, которая может быть изменена и дополнена в зависимости от уровня сложности текстов (транскриптов) и целей каждого конкретного занятия.

Ключевые слова: учебный контент, визуализация, визуализация учебного контента, навыки и умения письменного перевода, профессионально-ориентированные фоновые знания, система упражнений.

Анотація

Стаття присвячена проблемі включення візуалізації навчального контенту як виду навчальної діяльності до системи вправ, спрямованих на формування навичок та умінь письмового перекладу. Автори розглядають дві можливі моделі включення візуалізації до системи вправ, а саме: модель «візуалізація – вправа» з акцентом на інформативну функцію візуалізації для розширення професійно-орієнтованих фонових знань учнів і модель «вправа – візуалізація – вправа» з акцентом на її узагальнюючу функцію для узагальнення професійно-орієнтованої фонові інформації. Для кожної із запропонованих моделей автори пропонують приблизну систему вправ, яка може бути змінена й доповнена залежно від рівня складності текстів (транскриптів) і цілей кожного конкретного заняття.

Ключові слова: навчальний контент, візуалізація, візуалізація навчального контенту, навички та вміння письмового перекладу, професійно-орієнтовані фонові знання, система вправ.

Annotation

The article deals with the problem of inclusion of visualization of educational content as a means of professional training in the framework of tasks aimed at translation skills formation. The authors consider two possible models of inclusion of visualization in the task framework, viz. the «visualization – practice» model highlighting the informative function of visualization and the expansion of professionally-oriented background knowledge of students, and the «practice – visualization – practice» model highlighting the generalizing function and generalization of professionally-oriented background information. An exemplary task framework has been suggested for each of the above models. The frameworks are subject to variation and supplementation depending on the text (transcript) complexity level and lesson objectives.

Key words: educational content, visualization, educational content visualization, translation skills, professionally-oriented background knowledge, task framework.

В последнее время в научной литературе все чаще и чаще поднимаются вопросы визуализации учебного контента и ее эффективности в процессе профессиональной подготовки специалистов. К наиболее часто обсуждаемым аспектам данной проблемы относятся существующие стратегии и средства визуализации учебного контента, психологические аспекты процесса визуализации, теоретическое обоснование процесса визуализации как когнитивного навыка, эффективность визуализации в познавательном и учебном процессе и т. д. Однако обсуждение данной проблемы в основном ограничено контекстом преподавания естественных наук (химии, молекулярной биологии), где активно пропагандируется использование учебной визуализации как средства создания «ярких мыслительных образов внешних объектов и процессов, эффективность которых значительно выше, чем у соответствующих вербальных образов» [4].

Именно визуализация учебного контента как средство формирования навыков и умений письменного перевода и является *объектом* анализа в данной статье.

По мнению авторов, *актуальность* статьи обуславливается именно тем фактом, что вопрос визуализации учебного контента не менее важен и в сфере преподавания гуманитарных дисциплин, в частности в системе подготовки будущих переводчиков. Данную точку зрения можно аргументировать следующим образом.

Все существующие модели перевода в той или иной формулировке отмечают наличие в процессе перевода этапа понимания текста оригинала. По мнению В. Н. Комиссарова, «переводчик вынужден понимать переводимый текст более глубоко, чем это обычно делает «нормальный» читатель, для которого язык оригинала является родным» [2]. Неотъемлемым условием такого «более глубокого понимания» является наличие у переводчика достаточных фоновых знаний разной степени общности, часть из которых известна лишь людям определенной профессии, обладающим специальной подготовкой [2]; таких знаний, которые не могут быть сформированы не только в процессе изучения дисциплин циклов общеязыковой и собственно переводческой подготовки, но, как справедливо отмечает Л. Н. Черноватый, и в процессе изучения дисциплин, относящихся к другим циклам, например к циклу гуманитарной подготовки [1]. Невозможность заранее предопределить сферу деятельности будущих переводчиков приводит к необходимости формирования у студентов в процессе профессиональной подготовки не только системы базовых отраслевых понятий, но и базовых отраслевых фоновых знаний.

Одним из возможных способов решения данной проблемы может стать активное использование визуализации учебного контента в процессе преподавания отраслевого перевода, в частности, в ее информативной и обобщающей функциях.

Как ранее отмечалось авторами, именно визуализацию можно рассматривать, с одной стороны, как способ получения «специфической информации, которая, находясь вне сферы профессиональной компетенции переводчика, тем не менее позволяет расширить профессионально-ориентированные фоновые знания обучаемых» [3], и, с другой стороны, как средство формирования так называемых *soft skills* («мягких» или «гибких» навыков), к числу которых в психологии традиционно относят личностное развитие и эрудированность.

Обобщающая функция визуализации, а именно «обобщение профессионально-ориентированной фоновой информации в некотором отрезке учебного материала» [3], позволяет включить данный вид учебной деятельности в систему упражнений, направленных на формирование навыков и умений перевода. В зависимости от специализации акцент может делаться как на формирование навыков и умений письменного перевода, так и перевода с листа или последовательного перевода.

В данной статье авторы рассматривают возможные способы включения визуализации в систему упражнений для формирования навыков письменного перевода на материале текстов медицинской направленности. Включение визуализации в систему упражнений может происходить двумя путями: (1) «визуализация – упражнение», если акцент делается на информативную функцию визуализации, или (2) «упражнение – визуализация – упражнение», если акцент делается на ее обобщающую функцию.

В первом случае визуализация предваряет тематический блок и становится его основой. После ознакомления с видеофрагментом студентам предлагается следующий примерный комплекс упражнений (в качестве примеров приводятся фрагменты упражнений), направленных на введение и отработку иноязычной терминологии по теме блока на уровне текста (в качестве текста используется транскрипт видеофрагмента).

1) упражнение 1 (ПВ-3Г) (здесь и далее используется классификация упражнений, предложенная Л. Н. Черноватым [1]) – ознакомление с новыми терминами на основе параллельных текстов:

Текст 1

<p>The human heart (1) is made up of four chambers (2): the right atrium (3), right ventricle (4), left atrium (5) and left ventricle (6).</p>	<p>Серце людини (1) складається з чотирьох камер (2): правого передсердя (3), правого шлуночка (4), лівого передсердя (5) та лівого шлуночка (6).</p>
--	--

2) упражнение 2 (ПВ-3Д) – распределение терминов по категориям на основе текста 1 (с указанием количества терминов для каждой категории):

- клапанний апарат серця (6): valve, tricuspid valve, pulmonic valve, mitral valve, aortic valve, leaflet;
- будова серця (7): chamber, ventricle, atrium, valve, ... ;
- робота серця (5): to pump blood, to channel blood, to receive blood; to contract, to beat;

3) упражнения 3 и 4 (Н-ЗБ) – перевод терминов на основании параллельных текстов (текст 1);

4) упражнение 5 (ПВ-ЗЕ) – поиск в тексте оригинала (ТО) англоязычных соответствий украинских слов и выражений:

М'язовий орган; судинна мережа; приєднує вуглекислий газ; тік крові в одному напрямку; зовнішні умови; фізичне навантаження; гормональні чинники; ...

В том случае, если визуализация завершает тематический блок, обобщая уже полученную информацию, возможно использование следующего примерного комплекса упражнений, направленных на формирование навыков (на материале транскрипта видеофрагмента).

1) упражнение 1 (Н-1Б) – формирование навыков установления значений неизвестных лексических единиц и их передачи в тексте перевода (ТП) с использованием электронных ресурсов:

Текст 2

These impulses begin in the **Sinoatrial Node** (1) and cause your heart to contract. Sometimes the Sinoatrial Node is also referred to as your hearts natural **pacemaker** (2) since it keeps the **heart rate** (3) constant and consistent.

2) упражнения 2 и 3 (Н-ЗБ) – перевод терминов на основании параллельных текстов (текст 2):

These impulses begin in the **Sinoatrial Node** (1) and cause your heart to contract. Sometimes the Sinoatrial Node is also referred to as your heart s natural **pacemaker** (2) since it keeps the **heart rate** (3) constant and consistent.

Збудження, яке виникає в **синоатріальному вузлі** (1), змушує серце скорочуватися. Іноді синоатріальний вузол називають природним **водієм серцевого ритму (пейсмейкером)** (2), оскільки саме він забезпечує постійну **частоту серцевих скорочень** (3) та їх погодженість.

3) упражнения 4, 5 и 6 (Н-4А, Н-4Б и Н-4В) – формирование навыков передачи словосочетаний ТО в ТП с учетом сочетаемости лексических единиц в языке оригинала (ЯО):

- изучение схемы сочетаемости лексической единицы в ЯО с последующим переводом словосочетания на родной язык:

- re-oxygenated / oxygen-rich / deoxygenated blood

Return the deoxygenated blood; blood becomes re-oxygenated; receive oxygen-rich blood from the lungs.

- receive / pump / channel blood

Pump the blood through the aorta; pump and channel blood; receive blood that is low in oxygen.

перевод отрывка текста (транскрипта) с учетом сочетаемости лексических единиц из предыдущих упражнений:

Текст 2

The right side of the heart receives blood that is low in oxygen from veins all over the body and then pumps the blood through the pulmonary arteries into the lungs where it all becomes re-oxygenated. The left side of the heart receives this oxygen-rich blood from the lungs.

В обоих случаях система упражнений может быть изменена и дополнена в зависимости от уровня сложности текстов (транскриптов) и целей каждого конкретного занятия.

Таким образом, в рамках профессионально-ориентированного обучения переводу визуализация учебного контента может выступать как средство (1) получения и расширения профессионально-ориентированных фоновых знаний обучаемых, (2) формирования soft skills (эрудированность обучаемых) и (3) формирования навыков и умений письменного перевода. Необходимым условием является включение данного вида учебной деятельности в систему упражнений для обучения конкретному виду перевода.

Список литературы

1. Черноватий Л. М. Методика викладання перекладу як спеціальності : підручник для студ. вищих заклад. освіти за спеціальністю «Переклад» / Л. М. Черноватий. – Вінниця : Нова Книга, 2013. – 376 с. – (Серія «UTTA Series»).
2. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) : учебник для ин-тов и фак. иностр. яз. / В. Н. Комиссаров. – М. : Высш. шк., 1990. – 253 с.
3. Ильченко В. В. Роль визуализации учебного контента в профессиональной подготовке переводчика / В. В. Ильченко, Е. В. Карпенко // Вчені зап. Харк. гуманіт. ун-ту «Нар. укр. акад». – Х., 2013. – Т. 19. – С. 181–187.
4. Gilbert J. K. Visualization in Science Education. Models and Modeling in Science Education. Volume 1 [Electronic resource] / J. K. Gilbert. – 2005. – Mode of access: <http://ru.scribd.com/doc/6909196/Visualization-in-Science-Education>

УДК 811.133.1'36:784=133.1

С. В. Смолянкина

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПЕСЕННОГО АУТЕНТИЧНОГО
МАТЕРИАЛА В ФОРМИРОВАНИИ
КОММУНИКАТИВНОЙ ГРАММАТИЧЕСКОЙ
КОМПЕТЕНЦИИ**

**USING AUTHENTIC SONGS AS A MEANS
OF FORMATION OF COMMUNICATIVE GRAMMATICAL
COMPETENCE**

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению эффективности использования аутентичного песенного материала для формирования коммуникативной грамматической компетенции во французском языке. Как показывает опыт, использование аутентичного материала способствует созданию условий, максимально приближенных к реальному иноязычному общению. Также рассмотрены возможные виды заданий с текстами песен для достижения поставленных целей в ходе формирования грамматической компетенции. Сделан вывод, что формирование коммуникативной грамматической компетенции с использованием аутентичных материалов требует многократного повторения основных конструкций для выработки автоматизма, чему эффективно способствует планомерная систематическая работа с песнями, которая, кроме этого, повышает мотивацию студентов, благоприятствует развитию эмоциональной восприимчивости при изучении французского языка и, являясь отражением жизни носителей языка, помогает постигать культуру страны.

Ключевые слова: коммуникативная грамматическая компетенция, аутентичные материалы, песенные материалы, грамматические конструкции.

Анотація

Стаття присвячена розгляду ефективності використання автентичного пісенного матеріалу для формування комунікативної граматичної компетенції у французькій мові. Як свідчить досвід, використання автентичного матеріалу сприяє створенню умов, максимально наближених до реального іноземного спілкування. В статті розглянуті можливі види завдань з текстами пісень для досягнення поставлених цілей у ході формування граматичної компетенції. Зроблено висновок, що формування комунікативної граматичної компетенції

з використанням автентичних матеріалів вимагає багатократного правильного повторення основних конструкцій для вироблення автоматизму, чому ефективно сприяє планомірна систематична робота з піснями, яка, окрім цього, підвищує мотивацію студентів, сприяє розвитку емоційної сприйнятливості при вивченні французької мови і, будучи віддзеркаленням життя носіїв мови, допомагає осягати культуру країни.

Ключові слова: комунікативна граматична компетенція, автентичні матеріали, пісенні матеріали, граматичні конструкції.

Annotation

The article describes efficient use of authentic song material for the formation of communicative grammatical competence in French. As the author's experience shows, using authentic material contributes much to creating the atmosphere close to that of an actual foreign language communication. The article discusses types of exercises with the usage of songs for reaching the goal of formation of communicative grammatical competence. The author arrives at the conclusion that forming communicative grammatical competence with the use of authentic materials requires multiple correct repetitions of basic patterns for developing automatic performance. Systemic work with authentic songs is of great help here. Besides, it raises students' motivation, contributes to development of emotional susceptibility in learning French and helps students to acquire background knowledge of the foreign country culture.

Key words: communicative grammatical competence, authentic materials, song materials, grammatical constructions.

Овладение иностранным языком на сегодняшний день представляет собой неотъемлемую часть повседневной жизни. Существует большое количество исследований, связанных с методиками преподавания языков, где выделяются те или иные приоритетные направления. Совершенно очевидно, что современный педагог находится в постоянном поиске обогащения способов формирования коммуникативной компетенции студентов, расширения методических приемов и средств, помогающих сделать занятие по овладению иностранным языком интересным.

В ходе исследования установлено, что многие отечественные и зарубежные методисты (Н. Н. Болдырев, Ю. В. Еремин, О. Ю. Искандарова, Р. П. Мильруд, Е. И. Пассов, W. Littlewood, K. Morrow & K. Johnson, W. M. Rivers, F. Rosensweig, S. J. Savignon, J. Sheils,

Н. G. Widdowson) в рамках коммуникативного подхода в обучении иностранному языку разрабатывали предпосылки для формирования методических основ обучения коммуникативной грамматике. В отечественной методической литературе коммуникативный подход рассматривается в большей степени для развития коммуникативной компетенции устной речи, чем грамматической компетенции.

Между тем, развитие коммуникативной грамматической компетенции, необходимой для реализации будущей профессиональной деятельности, не менее важно. Формирование у студентов коммуникативной компетенции невозможно без использования аутентичных материалов. Преимущества применения таких материалов в учебном процессе очевидны и получили широкое освещение в методической литературе как отечественных, так и зарубежных авторов (Мильруд Р. П. [4]; Носонович Е. В. [4]; Жоглина Г. Г. [3] и др.).

На сегодняшний день наличие большого выбора аутентичного материала способствует созданию условий, максимально приближенных к реальному общению на иностранном языке, в частности, французском. Представляется важным уделить внимание рассмотрению эффективности использования аутентичного песенного материала для формирования коммуникативной грамматической компетенции, что и является объектом данного исследования. Целью исследования является определение критериев отбора песен для последующей работы и основных принципов работы с песенным материалом при формировании коммуникативной грамматической компетенции. Актуальность обусловлена недостаточной изученностью проблемы формирования грамматической компетенции с применением аутентичного песенного материала.

Существует мнение, что грамотное использование песни при изучении иностранного языка помогает расширить кругозор, может повысить мотивацию и способствовать лучшему усвоению и закреплению грамматических навыков [5].

Учебная деятельность, осуществляемая с использованием музыки, песен в качестве дополнительного вида работы более результативна, так как параллельно с усвоением материала происходит снятие усталости, накопленной в процессе обучения [2, с. 285].

Текст песни должен иметь практическую ценность, должен соответствовать тематике занятия, поэтому выбор песенного материала является основополагающим для эффективности его дальнейшего использования. Критерии выбора песни должны быть следующими: песня должна быть приятной, ритмичной, не слишком длинной, иметь припев; она должна мотивировать, заинтересовывать слушателей; отражать страноведческую специфику; произношение исполнителя должно быть понятным [1, с. 28].

Песня обладает рядом преимуществ: доступность, разнообразие и обилие языкового материала, а также его постоянное обновление.

Рассмотрим некоторые виды работ с песнями в целях развития и закрепления коммуникативной грамматической компетенции:

1) заполнить пропуски в предлагаемом тексте песни, опираясь на ранее изученный грамматический материал после первого фрагментарного прослушивания песни, затем прослушать песню еще раз, предоставляя возможность проверить заполненную информацию; после проверки пропеть песню за исполнителем;

2) разделившись по парам студенты должны заполнить пропуски нужной формой спряжения глагола, соблюдая рифму, а затем, слушая оригинал песни, повторно проверить выполненное задание (перечень глаголов прилагается вместе с текстом в раздаточном материале);

3) используя раздаточный материал студентам, разделившись на группы, необходимо воссоздать текст песни, предложенный в виде отдельных строк; каждая группа составляет свой вариант, при прослушивании оригинала песни вносятся необходимые коррективы;

4) подобрать синонимы/антонимы глаголов (прилагательных), которых нет в оригинале текста, не забывая о рифме; данный вид работы может осуществляться как в парах, так и в группах по четыре человека;

5) прослушать песню три раза (зависит от количества заданий) и заполнить таблицу, после завершения задания проверить правильность его выполнения, например:

Глагол в 3 л. ед. ч.	Прилагательное в форме ж. р.	Наречие
Il dit	belle	jamais

6) прослушать фрагментарно песню три раза и выписать глаголы в определенных временах: *présent*, *passé composé*, *imparfait*, *passé immédiat*, *futur immédiat*, в зависимости от темы изучения;

7) записать песню (куплет или припев), прослушивая строчку за строчкой, затем проверить и внести исправления (ряд грамматических трудностей связан с явлением омонимии) и др.;

8) в качестве домашнего задания можно предложить подготовить диапору по одной из проработанных песен.

В дальнейшем каждая из предложенных песен может быть выучена полностью или частично и использована как эффективное средство закрепления, повторения грамматического материала и развития навыков коммуникации. Исходя из опыта работы, следует заметить, что стоит напомнить мотив песни или дать её название, как большинство студентов реагируют мгновенно, отвечая на вопрос, какую тему изучали на материале данной песни, и цитируют ее строки. Следовательно, песня как аутентичный материал является многогранной базой для реализации творческого поиска преподавателя и способствует развитию у студентов как коммуникативной грамматической компетенции, так и формированию навыков аудирования, гармонично сочетаясь с основным учебным материалом.

Таким образом, можно сделать вывод, что формирование коммуникативной грамматической компетенции с использованием аутентичных материалов требует многократного повторения основных конструкций для выработки автоматизма, чему эффективно способствует планомерная регулярная работа с песнями, что не так часто встречается на занятиях иностранного языка в вузе.

Также необходимо отметить, что работа с песенными материалами на занятиях благоприятствует развитию эмоциональной восприимчивости студентов при изучении французского языка и, являясь отражением жизни носителей языка, помогает постигать культуру страны, формируя фоновые знания.

Список литературы

1. Гебель С. Ф. Использование песни на уроке иностранного языка / С. Ф. Гебель // Иностранные языки в школе. – 2009. – № 5. – С. 28–30.

2. Возрастная и педагогическая психология : учеб. пособие для студентов всех специальностей пед. вузов / под ред. М. В. Гамезо, Е. А. Петровой, Л. М. Орловой. – М. : Педагогическое общество России, 2003. – 512 с.

3. Жоглина Г. Г. Развитие умений коммуникативной компетенции на основе использования аутентичных видеодокументов (фр. язык, языковой вуз) : дис. ... канд. пед. наук / Г. Г. Жоглина. – Пятигорск, 1998. – 309 с.

4. Носонович Е. В. Критерии аутентичного учебного текста / Е. В. Носонович, Р. П. Мильруд // Иностранные языки в школе. – 1999. – № 2. – С. 16–18.

5. Перфильева Е. Музыка на уроках иностранного языка [Электронный ресурс] / Е. Перфильева // Преподавание иностранных языков. – 2009. – Режим доступа: <http://festival.1september.ru/articles/313897/>

УДК 821.112.2.09:37.032

Ж. Е. Потапова

**УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ
В КАЙЗЕРОВСКОЙ ГЕРМАНИИ
(на материале повести Германа Гессе «Под колесом»)
CONDITIONS OF PERSONALITY FORMATION IN
KAISER GERMANY
(on the material of the story «Unterm Rad» by Hermann Hesse)**

Аннотация

Тема воспитания молодежи является одной из самых актуальных тем прогрессивно мыслящих писателей любого временного периода. В этом отношении обращает на себя внимание повесть одного из самых значительных немецко-швейцарских писателей XX столетия Германа Гессе «Unterm Rad». В статье сделана попытка показать, как главного героя повести Ганса Гибенрата жестокая система прусского воспитания лишает радостей общения с природой и родными, лишает детства. Хрупкое и тонкое существо, мальчик Ганс Гибенрат, сначала ученик прогимназии, затем ученик семинарии, а затем подмастерье, не выдержав столкновения с реальностью, погибает. Повесть дает возможность составить представление о состоянии учебно-воспитательной системы учебного заведения в кайзеровской Германии на рубеже XIX–XX столетий.

Ключевые слова: условия формирования личности в кайзеровской Германии, Герман Гессе, «Под колесом», «Unterm Rad», школа.

Анотація

Тема виховання молоді є однією з найактуальніших тем прогресивно мислячих письменників будь-якого часового періоду. В цьому відношенні звертає на себе увагу повість одного з найзначніших німецько-швейцарських письменників XX століття Германа Гессе «Unterm Rad». У статті зроблено спробу показати, як головного героя повісті Ганса Гібенрата жорстка пруська система виховання позбавляє радощів спілкування з природою та близькими, позбавляє дитинства. Чутливий і тонкий хлопчик Ганс Гібенрат, спочатку учень прогімназії, потім учень семінарії, пізніше підмайстер, не витримує зіткнення з дійсністю і гине. Повесть дає можливість отримати уявлення про стан навчально-виховної системи навчального закладу в кайзерівській Німеччині на рубежі XIX–XX століть.

Ключові слова: умови формування особистості в кайзерівській Німеччині, Герман Гессе, «Під колесом», «Unterm Rad», школа.

Annotation

The problem of youth upbringing is one of the most urgent issues for progressively minded writers of any time period. In this respect, of great interest is the story «Unterm Rad» by Hermann Hesse, one of the most outstanding German-Swiss writers of the twentieth century. The article describes the lot of the main character of the story, deprived by the severe Prussian educational system of joys of communicating with nature and his own family, deprived of childhood. The sensitive and delicate boy cannot face this reality and dies. The story gives the reader a multisided and colorful information about the system of teaching and upbringing in Kaiser Germany at the end of the 19, the beginning of the 20 c.

Key words: Conditions of personality formation in Kaiser Germany, Hermann Hesse, «Unterm Rad», system of school education.

Изучение условий становления личности как объекта исследования является актуальным для любого временного периода. Данная статья является продолжением разработки темы «Условия формирования духовно-моральных ценностей немецкой молодежи на рубеже XIX–XX веков» и имеет целью показать условия, в которых проходило становление личности в кайзеровской Германии, на материале повести Германа Гессе «Unterm Rad».

Герман Гессе – один из крупнейших немецких писателей двадцатого века, лауреат Нобелевской премии 1946 года. Как честный гражданин и истинный художник, Гессе не мог не откликаться в своей жизни и своих произведениях на вопиющие противоречия окружавшей его действительности. Его ранняя повесть «Unterm Rad» была написана в 1903–1904 гг., издана в 1906 г. и сразу же стала его большим успехом. Как и у многих писателей того времени, прямо или косвенно посвящавших свои произведения школьной тематике, в повести отобразились автобиографические моменты. Автор использовал полученный в юности тяжелый опыт пребывания в гимназии в Кальве и монастыре в Маульбронне. Пятнадцатилетним подростком, не выдержав условий муштры, Гессе сбежал из духовной семинарии в Маульбронне, чтобы больше туда никогда не возвращаться.

Несовершенство существовавшей системы воспитания и образования и явилось основной темой повести «Unterm Rad».

Повесть описывает судьбу одаренного мальчика из буржуазной семьи, которому амбициями отца и местным патриотизмом родного города навязывается несвойственная ему роль, что, в конце концов, приводит его к гибели.

Отец ребенка был самой заурядной личностью, так что даже поменяйся он именем и жильем с любым соседом, никто бы этого не заметил. Но у него был сын, которого автор представляет как уникальное явление для крошечного городка, где среди обывателей не встречалось людей, способных видеть дальше своего носа, а тут вдруг в этот старинный уголок, подаривший миру так много достойных бюргеров, но никогда ни единого таланта или гения, впервые за восемь-девять столетий, наконец-то, сверху упала таинственная искра [1, с. 376–377, здесь и далее в переводе автора статьи].

Обычно молодые граждане, отсидев по два года в нескольких классах, с трудом одолевали прогимназию, но в одаренности Ганса Гибенрата никто не сомневался. Учителя, директор, пастор, соседи, соученики – все соглашалось, что у мальчика светлая голова. Поэтому, когда подошло время очередного общеземельного экзамена, где выдержавшие вступительные испытания за счет казны проходят в семинарии курс гуманитарных наук, Ганс Гибенрат оказался единственным кандидатом, которого городок мог направить для дальнейшей учебы. Если Ганс поступит, это будет большая честь, поэтому надо приложить все усилия, чтобы городок не упустил такой возможности. Внешне о мальчике проявлялась большая забота, но на самом деле о нем самом никто не думал, его успехи должны были стать лишь средством тешить самолюбие тех, кто так хотел прославиться. После занятий в школе, которые длились до четырех часов, ребенок должен был дополнительно заниматься у самого ректора греческим языком, в шесть часов – у пастора латынью и законом Божьим, два раза в неделю после ужина в течение часа состоялись занятия у учителя математики [1, с. 378]. Домашние задания по письму и заучиванию наизусть, возраставшие с каждым днем, приходилось делать поздним вечером, как автор едко замечает, при

«ласковом» (traulichem) свете лампы. И такой спокойный, окутанный домашним миром труд, который, по мнению классного наставника, оказывал особенно глубокое и благотворное действие, по вторникам и субботам длился обычно до десяти часов, в остальные дни – до одиннадцати-двенадцати, а то и дольше. В часы досуга, если такие выпадали, и в воскресные дни настоятельно рекомендовалось чтение некоторых авторов, которых не изучали в школе, и повторение грамматики [1, с. 379].

За несколько дней до экзамена ребенка уже нельзя было узнать. На хорошеньком, нежном личике тусклым огнем горели глубоко запавшие, беспокойные глаза, на красивом лбу подергивались тонкие, выдающие работу мысли морщинки, а руки, и без того худые, устало свисали. Теперь Ганс мог только вспоминать, как он прежде проводил на речке послеобеденные часы, а порой и целые дни, плавал, нырял, катался на лодке, сидел с удочкой. А еще он разводил кроликов в построенном им самим крольчатнике, вместе со школьным товарищем мастерил мельничное колесо. Всего этого его уже давно лишили, так как нельзя отвлекаться, надо готовиться к экзаменам, все ведь так надеются!

Экзамен сдан успешно, второе место, до начала занятий можно отдыхать, настали летние каникулы. Мальчик опять увидел, как все вокруг прекрасно, глубоко вдыхал появившуюся свободу, как будто бы хотел вдвойне наверстать потерянное прекрасное время и вновь превратиться в беззаботного ребенка [1, с. 403]. Греческий, латынь, грамматика и стилистика, математика – весь мучительный круговорот бесконечного, беспокойного, загнанного года тихо исчезал. Немного болела голова, но ведь теперь можно отдыхать. Однако этим надеждам не суждено было сбыться. Сначала пастор предложил заниматься греческим языком Нового Завета и древнееврейским языком, чтобы в семинарии осталось больше времени и сил для других предметов, затем директор самолично явился в дом Гибенратов и, объяснив, что во время учебы Ганс столкнется с одаренными и прилежными учениками, которые не дадут себя обогнать, предложил уделить внимание языку Гомера и математике. Директор объяснил, что для него является делом чести сделать из Ганса порядочного человека [1, с. 421].

Не успел Ганс оглянуться, как занятия уже были в полном разгаре, и домашних уроков снова было вдоволь. Отец гордился таким усердием, а у Ганса все чаще болела голова, и теперь он был рад, что каникулы кончались, что он скоро уедет в семинарию, где будет другая жизнь и другие учителя.

Однако, по сути, на новом месте ничего не изменилось. Протестантская духовная семинария находилась в далеком, затерянном среди холмов и лесов монастыре. Здесь молодые люди не подвержены влиянию города и семьи и избавлены от развращающих ситуаций быта. А это давало возможность на полном серьезе годами подавать изучение древнееврейского и греческого языков наряду с другими предметами как единственную цель жизни [1, с. 426]. За благодеяния, которые государство оказывало своим воспитанникам, оно требовало от них суровой, беспрекословной дисциплины. Подавлялась индивидуальность, воспитывалась безусловная верно-подданность. Хрупкое и тонкое существо, мальчик Ганс Гибенрат, сначала ученик прогимназии, затем ученик семинарии, а затем подмастерье, не выдержав столкновения с реальностью, погибает. При поверхностном чтении, как отмечает Л. Черная, может показаться, что вся трагедия Ганса Гибенрата, – трагедия учебной перегрузки: маленький Ганс оказался слабым ребенком, а его наставники не в меру переусердствовали. Однако дело обстоит далеко не так просто. Ганс Гибенрат попадает «под колеса» безжалостной и бездушной машины [2].

В некоторых местах повести создается впечатление, что это уже не художественное произведение, а обличительная речь на суде образовательно-воспитательной системы кайзеровской Германии: «Из года в год идет борьба между законом и вольным духом, и из года в год мы наблюдаем, что стоит только появиться кому-то с более глубоким и вольнолюбивым умом, как государство и школа, не жалея сил, стараются согнуть его у самого корня. А это ведь именно те, кого так ненавидят учителя, кого они чаще всех наказывают, кого изгоняют, кто убегает – как раз они затем обогащают сокровищницу нашего народа. А некоторые – кто знает, сколько их – замыкается в тихой гордости и гибнет!» [1, с. 466]. Ничто так не страшит школь-

ного учителя, как странные явления, сопровождающие первые признаки брожения юности. Для учителей гении – это та скверна, которая не трепещет перед ними, читает запретные книги, пишет дерзкие сочинения, порой с издевкой смотрит на учителя и по ком плачет карцер. Школьному учителю приятней иметь в классе десяток тупиц, чем одного гения, и, если взглянуть на дело непредвзято, он прав со своей точки зрения, так как в его задачу не входит воспитание экстравагантных характеров, он готовит хороших латинистов, людей, умеющих считать, верноподданных граждан [1, с. 465]. Его долг и возложенные на него государством обязанности заключаются в том, чтобы обуздать грубые силы, искоренить инстинкты природы и на их месте посеять смиренные, весьма умеренные и одобренные властями идеалы [1, с. 418].

Много лет спустя мы узнаем, что повесть Г. Гессе «Unterm Rad» была попыткой автора подойти к проблеме педагогики с позиций «адвоката личности». Гессе критикует узкоакадемическую направленность образования и порочную антигуманистическую систему воспитания в кайзеровской Германии.

Список литературы

1. Hesse H. Unterm Rad // Hermann Hesse. Gesammelte Schriften. Erster Band / Hermann Hesse. – Frankfurt am Main : Suhrkamp Verlag, 1987. – S. 373–546.
2. Черная Л. [Электронный ресурс] / Л. Черная. – Режим доступа: <http://bookre.org/reader?file=59455>

УДК 811.112.2'367.633/.634

А. В. Филатова

**К ВОПРОСУ О «МНИМЫХ» ПРИДАТОЧНЫХ
ПРЕДЛОЖЕНИЯХ ВРЕМЕНИ В СОВРЕМЕННОМ
НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ**

**ON THE ISSUE OF «VIRTUAL» SUBORDINATE CLAUSES
OF TIME IN MODERN GERMAN**

Аннотация

Целью нашего исследования является изучение средств выражения временной соотнесенности действий, выраженных в главном и подчиненном предложениях, и место «мнимых» подчиненных предложений среди них. В статье рассмотрены средства выражения временной соотнесенности действий в немецком языке. Приведены перечень предлогов и союзов времени, а также их классификация согласно с временным значением. В статье приведены разные классификации союзов времени, которые выделяют отечественные и зарубежные лингвисты. Определено понятие «мнимых» подчиненных предложений времени. Приведены примеры «мнимых» подчиненных предложений времени, выбранных путем сплошной выборки, а также показаны средства свертывания таких предложений к уровню простого предложения, и наоборот, развертывание простых предложений к уровню сложных. Подобные трансформации рассматриваются как средство экономии языковых усилий. Результаты исследований могут быть использованы во время преподавания грамматики немецкого языка.

Ключевые слова: придаточное предложение, предлоги, сложно-подчиненное предложение, временные союзы, языковая экономия, прагматика.

Анотація

Метою нашого дослідження є вивчення засобів вираження часової співвіднесеності дій, виражених у головному та підрядному реченнях, і місце «уявних» підрядних речень серед них. У статті розглянуто засоби вираження часової співвіднесеності дій у німецькій мові. Наведено перелік прийменників і сполучників часу, а також їх класифікацію згідно з часовим значенням. У статті наведені різні класифікації сполучників часу, які виділяють вітчизняні та зарубіжні лінгвісти. Визначено поняття «уявних» підрядних речень часу.

Наведені приклади «уявних» підрядних речень часу, вибраних шляхом суцільної вибірки, а також показані засоби згортання таких речень до рівня простого речення, і навпаки, розгортання простих речень до рівня складних. Подібні трансформації розглядаються як засіб економії мовних зусиль. Результати досліджень можуть бути використані під час викладання граматики німецької мови.

Ключові слова: підрядне речення, прийменники, складнопідрядне речення, сполучники часу, економія мовних зусиль, прагматика.

Annotation

Our goal is to study means of expressing temporal relation between the two actions expressed in main and subordinate clauses and the place of «virtual» subordinate clauses among them. Such transformations are viewed as means of linguistic economy. The article gives a review of means of temporal relations expression in German. Different classifications of temporal conjunctions, which have been sorted out by domestic and foreign linguists, are given. List of temporal prepositions and conjunctions, as well as their classification according to their temporal meaning is given. The notion of «virtual» subordinate clauses is defined. Examples of «virtual» subordinate clauses, gathered by means of continuous sampling are given, as well as ways of folding such sentences to the level of simple sentences, and unfolding simple sentences to the level of complex sentences are shown. The results of the research can be of use in classes of German grammar.

Key words: subordinate clause, prepositions, complex sentence, temporal conjunctions, linguistic economy, pragmatics.

Объектом исследования в нашей статье являются сложноподчиненные предложения в современном немецком языке. *Предметом* исследования являются «мнимые» придаточные предложения времени и их структура. *Цель* исследования – изучить средства выражения временной соотнесенности действий в немецком языке и определить место среди них «мнимых» придаточных предложений времени. Все чаще в современном немецком языке можно наблюдать свертывание сложноподчиненных предложений до уровня простых, что прежде всего связано с явлением экономии языковых усилий. Изучение особенностей трансформации ППВ, а также выявление закономерностей в результате такой трансформации, на наш взгляд, определяет актуальность данного исследования.

К проблеме категории времени в немецком языке исследователи обращаются достаточно часто. В частности, было проведено множество исследований средств выражения времени в немецком языке. Преимущественными способами для выражения времени являются временные формы глагола, наречия времени, субстантивные конструкции и придаточные времени [3, с. 4].

Однако в отношении союзов, используемых в придаточных предложениях времени, существуют некоторые разногласия. К таким союзам О. И. Москальская относит: *während, wobei, solange, sooft, nachdem, seit(dem), bevor, ehe, bis*. Она приводит следующую классификацию этих союзов, которая, на наш взгляд, наиболее полно отражает оттенки значений таких союзов:

- Временное отношение одновременности или предшествования: *als, wenn*.
- Временное отношение одновременности: *während, wobei*.
- Временное отношение пропорциональной длительности: *solange*.
- Временное отношение пропорционального повторения действий: *sooft*.
- Временное отношение предшествования: *nachdem*.
- Временное отношение со значением длительности: *seit, seitdem*.
- Временное отношение со значением следования: *bevor, ehe*.
- Временное отношение с ограничивающим значением: *bis* [9, с. 319].

Е. И. Шендельс дополняет этот перечень союзами *indem, indes, indessen, derweilen, wie, da*, оговаривая, что союз *indem* во временном значении устарел и в современном языке используется в предложениях образа действия [4, с. 327]. Й. Буша к этому перечню добавил еще союзы *indes, kaum dass, sowie* [5, с. 19]. Г. А. Харитоновна также причисляет к таким союзам *nun, wo, da, indem*, однако в ходе исследования приходит к выводу, что союз *indem* в роли временного союза фактически не используется [3, с. 15], а союзы *wo* и *da* могут служить для выражения времени только при наличии наречий времени [3, с. 17]. В современной литературе по грамматике в качестве временных союзов выделяют следующие: *als, wenn, bis, nachdem, bevor, ehe, solange, während* [8, с. 332].

Дополнительными средствами выражения временных отношений можно считать предлоги и наречия. Так, значение отрезка времени, в пределах которого осуществляется действие, выражается в основном существительным с предлогом [1, с. 7]. В качестве таких предлогов Демченко И. Г. выделяет: *an, auf, bei, in, innerhalb, binnen, durch, für, über, während, im Laufe von, von...bis*. При этом предлоги подразделяют на группы:

- *an, bei, in*, служащие для выражения прикрепленности действия к определенному отрезку времени [1, с. 17];
- *über, durch, innerhalb, während, im Laufe von*, выражающие протяженность действия;
- *auf, für*, выражающие срок актуальности действия в указанном отрезке действия;
- *vor, von... an/ab, von...bis*, выражающие ограниченный отрезок времени [1, с. 18].

Е. И. Шендельс также утверждает, что синонимичными временным предложениям являются обороты с Partizip II, которые выражают предшествующее действие и являются синонимичными предложениям с союзами *als, nachdem*.

Auf der Straße angelangt, blieb er einen Augenblick stehen, um Atem zu schöpfen [4, с. 330].

Под «мнимыми» придаточными предложениями времени мы подразумеваем искусственно созданные и не всегда логически обоснованные (с точки зрения языковой экономии) придаточные предложения времени, делающие данные конструкции чересчур громоздкими и, как следствие, переизбыточными. Возможность легкой трансформации сложноподчиненных предложений времени до уровня простых распространенных предложений без искажения содержания исходной модели подтверждает изложенный выше тезис. Проиллюстрируем это на следующих примерах:

1. Группа 1:

a) „*Ich habe unterschätzt, welche Probleme man bekommt, wenn man politische Projekte macht*“ [6, с. 36];

b) „*Aber wir haben noch Zeit, bis die Lastwagen kommen*“ [10, с. 65];

- c) „**Bevor er verschwand**, kränkelte er zwar noch“ [10, с. 31];
 d) „**Als ich den weißen Kittel sehe**, halte ich ihn fest“ [10, с. 37].

2. Группа 2:

- a) „**Im Weggehen** sagte er...“ [10, с. 10];
 b) „**Seit der Kosovo-Entscheidung** aber war klar, dass auch künftige Regierungen Auslandseinsätze der Bundeswehr nicht mehr prinzipiell ablehnen, sondern als letztes Mittel in Erwägung ziehen würden“ [6, с. 23];
 c) „**Sie führen inzwischen sogar mehr Waren aus, als vor Ausbruch der Krise**“ [6, с. 30];
 d) „**Beim Dunkelwerden** rollen die Lastwagen an“ [10, с. 57].

В обеих вышеуказанных группах предложений содержится выражение временных соотношений между действиями, выраженными в главном и придаточном предложениях, однако выражение это происходит по-разному. В первой группе временное соотношение выражается при помощи существительного и предлога, а во втором – при помощи сложноподчиненных предложений с придаточными предложениями времени. Таким образом, предложения первой группы могут быть свернуты до уровня простых предложений, в которых бывшее придаточное предложение будет выступать в роли второстепенного члена:

„**Ich habe unterschätzt, welche Probleme man bei der politischen Projektierung bekommt.**“

„**Aber wir haben noch Zeit bis zur Ankunft der Lastwagen.**“

„**Vor seinem Verschwinden** kränkelte er zwar noch.“

„**Beim Anblick des weißen Kittels** halte ich ihn fest.“

Предложения же второй группы, наоборот, можно из простых развернуть до уровня сложных:

„**Als er wegging**, sagte er...“

„**Seit die Kosovo-Entscheidung getroffen wurde**, war aber klar, dass auch künftige Regierungen Auslandseinsätze der Bundeswehr nicht mehr prinzipiell ablehnen, sondern als letztes Mittel in Erwägung ziehen würden“.

„**Sie führen inzwischen sogar mehr Waren aus, als bevor die Krise ausbrach**“.

„*Wenn es dunkel wird, rollen die Lastwagen an*“.

Возможность использования предложений, свернутых до уровня простых, мы связываем, прежде всего, с явлением языковой экономии, в соответствии с которой языковое общество, исходя из соображений экономии, постоянно стремится везде, где это возможно, использовать именную форму глагола. При этом возникает так называемый Nominalstill [7, с. 508]. Г. Пауль утверждает, что для языковой деятельности характерно стремление к бережливости, исходя из чего, в языке для всех случаев вырабатываются способы выражения, содержащие ровно столько языковых средств, сколько необходимо для понимания [2, с. 372].

Таким образом, мы приходим к выводу, что для выражения времени в немецком языке существует большое количество средств, особое место среди которых, в частности, занимают сложноподчиненные предложения с придаточными предложениями времени и имена существительные с предлогами для выражения временного соотношения. Свертывание и развертывание таких предложений, а также целесообразность или нецелесообразность подобных действий перспективны для изучения как с точки зрения языковой экономии, так и с точки зрения прагматики.

Список литературы

1. Демченко И. Г. Лексические уточнители временных отношений в современном немецком языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.04 / И. Г. Демченко. – М. : Московский обл. пед. ин-т им. Н. К. Крупской, 1973. – 30 с.
2. Пауль Г. Принципы истории языка / Г. Пауль. – М. : Изд-во иностранной литературы, 1960. – 500 с.
3. Харитоновна Т. А. Структурно-семантические типы предложений, выражающие отношения одновременности в немецком языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.04 / Т. А. Харитоновна. – Ленинград : Гос. ун-т им. А. А. Жданова, 1972. – 20 с.
4. Шендельс Е. И. Грамматика немецкого языка / Е. И. Шендельс. – 3-е изд. – М. : Изд-во литературы на иностранных языках, 1958. – 366 с.
5. Buscha J. Lexikon deutscher Konjunktionen / Joachim Buscha. – Leipzig : VEB Verlag Enzyklopädie, 1989. – 159 S.

6. Der Spiegel. – 2013. – Nr. 13. – 158 S.
7. Der Große Duden. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache / [отв. ред. В. И. Айба, Б. И. Светличный]. – Ленинград : Гос. учеб.-пед. изд-во Министерства просвещения РСФСР. Ленинградское отделение, 1962. – 699 с.
8. Eisenberg P. Der Satz. Grundriß der deutschen Grammatik / Peter Eisenberg. – Weimar : Verlag J. B. Metzler Stuttgart, 2004. – 564 S.
9. Moskalskaja O. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache / O. Moskalskaja – 3., verbesserte und erweiterte Auflage. – М. : VYSSAJA ŠKOLA, 1983. – 344 S.
10. Remarque E. M. Im Westen nichts Neues / E. M. Remarque. – СПб. : КАРО, 2010. – 304 с.

*І. О. Помазан***ПАРОДІЙНІ РАКУРСИ УКРАЇНСЬКОЇ ГЕРАЛЬДИЧНОЇ
ПОЕЗІЇ ПІЗНЬОГО БАРОКО****PARODY TRENDS IN LATE BAROQUE UKRAINIAN
HERALDIC POETRY****Аннотация**

В статье рассмотрены основные ракурсы пародирования гербовых стихотворений в украинских поэзиях эпохи позднего Барокко. Это литературное явление анализируется в контексте тех исторических, политических и мировоззренческих изменений, которые существенно повлияли на художественное мировоззрение украинских писателей XVIII ст. Образцы пародийных гербовых стихотворений и стихотворений сатирической направленности исследуются в сопоставлении с традиционной геральдической поэзией украинского Барокко. Внимание при этом уделяется как пародированию на сугубо геральдическом уровне, в частности на уровне геральдических фигур, гербовых элементов и полей, так и на уровне художественной интерпретации человека в геральдической поэзии как разновидности поэзии панегирической. В статье сделан вывод о том, что художественный потенциал, накопленный геральдической поэзией, используется в травестийно-пародийных произведениях, которые могут считаться своеобразным травестийным завершением развития гербового стихотворения как поэтического жанра.

Ключевые слова: украинская поэзия эпохи Барокко, гербовое стихотворение, пародия.

Анотація

У статті розглянуто основні ракурси пародіювання гербових віршів в українських поезіях доби пізнього Бароко. Це літературне явище аналізується в контексті тих історичних, політичних та світоглядних змін, що істотно вплинули на художній світогляд українських митців XVIII ст. Зразки пародійних гербових віршів та віршів сатиричної спрямованості досліджуються у співставленні із традиційною геральдичною поезією українського Бароко. Увага при цьому приділяється як пародіюванню на суто геральдичному рівні, зокрема на рівні геральдичних фігур, гербових елементів і полів, так і на рівні художньої інтерпретації людини в геральдичній поезії як різновиді поезії панегіричної. У статті робиться висновок про те, що накопичений геральдичною поезією

художній потенціал використовується у травестійно-пародійних творах, котрі можуть вважатися своєрідним травестійним завершенням розвитку гербового вірша як поетичного жанру.

Ключові слова: українська поезія доби Бароко, гербовий вірш, пародія.

Annotation

The article deals with the main trends in parodying heraldic poems existing in late baroque Ukrainian poetry. The above literary phenomenon is analyzed in the context of the historical, political and world-view changes that considerably influenced the world-view of Ukrainian authors of the XVIII th century. Sample parody heraldic poems and satiric poems are analyzed and compared to traditional heraldic poems of Ukrainian baroque. Attention is paid both to parodying at purely heraldic level in terms of armorial bearings, elements and fields as well as at the level of artistic interpretation of man in heraldic poetry as a form of panegyric poetry. The conclusion is drawn as to the fact that the artistic potential accumulated by heraldic poetry is drawn on by travesty and parody poetry that can be considered an original terminal point in development of heraldic poetry as poetic genre.

Key words: Ukrainian baroque poetry, heraldic poem, parody.

Як жанр, орієнтований передовсім на шляхетсько-аристократичну аудиторію й тісно пов'язаний із специфікою видавничої практики, зокрема з потенціальною можливістю підтримки певних видань представниками магнатерії, геральдична поезія великою мірою залежить від того, наскільки сильні позиції в суспільстві займає аристократія.

Відповідно розквіт гербових віршів припадає на першу половину й частково середину XVII ст., тобто майже співпадає зі спалахом магнатської могутності в останній третині XVI – першій половині XVII ст. У цей час саме аристократія визначає політичну й культурну ситуацію в Україні, а відтак посідає місце дієвої національної еліти і може реально вплинути й на видавничу справу. Тому українські книжники активно запобігають ласки того чи іншого магната. З іншого боку, аристократи мають незаперечне, освячене часом право на герби, котрі належать найвизначнішим родам понад два з половиною століття. Цьому соціальному станові властивий дух замкненої військової корпоративності із помітним замилюванням в архаїці,

матеріальним виразником якого (духу) є герб, котрий виступає органічним складником лицарсько-аристократичної субкультури.

З часом, коли магнатерія, як провідна сила українського суспільства й національна еліта, поступається місцем більш молодому станові – козацтву, – геральдична поезія починає поволі, майже непомітно втрачати свої позиції в системі поетичних жанрів української літератури. Магнати, які поступово сходять з історичної сцени, відсторонюються від суспільного життя, втрачають здатність активно впливати на події, вже не можуть дієво підтримати національну культуру.

Процес цей дуже повільний, однак невідворотний. Перші його прояви помітні в 1648 році, коли козацтво рішуче заявило про себе як про головну силу в українському суспільстві. Приєднання України до Росії зумовило початок процесів нівелювання аристократичного індивідуалізму, узгодження його з чіткою ієрархічною структурою російського феодального суспільства, в котрому не було місця магнатській автономії, не кажучи вже про «злоту вольність». Відбувається повільне руйнування звичного укладу життя української аристократії із властивою йому незалежністю від королівського двору, значним місцевим суверенітетом. Статус «государевых слуг» поширюється навіть на магнатів.

Щось подібне відбувається й з козацькою старшиною, самобутність котрої також не відповідає принципам побудови російської ієрархічної системи.

Означені процеси надзвичайно активізувалися у XVIII ст., коли внаслідок петровського терору 1709 року в Україні були перемішані всі стани, порушений принцип замкненості й дуже сильно розмиті межі цих станів. Це зумовило появу великої кількості *homines novi*, котрі всіляко намагалися довести своє шляхетське походження.

Подібна невизначеність положення аристократії в суспільстві, втрата нею провідної ролі і зміни в практиці книгодрукування (зокрема централізований контроль за друкованою продукцією) зумовили певне зменшення кількості гербових віршів у XVIII ст., на якому наголошує В. Колосова [2, с. 300–301].

Залишаючись все ще поважним і шанованим віршовим жанром, із добре опрацьованою художньо-стильовою системою, геральдична

поезія хилиться до занепаду, віддавши частину свого художнього потенціалу генетично пов'язаним із нею молодшим жанрам.

Саме на цьому етапі спостерігаємо травестіювання гербових віршів. Подібне явище повністю узгоджується із головними канонами барокової естетики і свідчить про поважність і поширеність цього жанру. Завважимо, що у переважній більшості випадків травестіюванню підлягали найбільш шановані й відомі сюжети Святого Письма.

Маючи у своєму розпорядженні лише один зразок травестії гербового вірша й не маючи інформації про наявність інших зразків, не беремось визначити популярність таких травестій. Імовірно, однак, буде припущення, що такі твори навряд чи були поширеними, вони швидше з'явилися евентуально, принагідно (якщо взагалі правомірним буде вживання в даному випадку множини).

Травестія, що її маємо на меті розглянути, не є самоцінним твором. Вона входить до складу великого сатиричного твору «Доказательства Хама Данилея Кукси потомственні». Ця поезія висміює спроби зазначуваних нами вище *homines novi* закріпитися у дворянському стані, довести своє шляхетне походження. Згадуване порушення станової замкненості призвело до великої кількості подібних спроб, котрі відображені у численних сатиричних віршах, серед яких найоригінальнішими є «Доказательства...», «Плач дворянина» та «Сатира на слобожан».

«Доказательства...» являють собою твір, що складається з трьох частин. Перша частина представлена травестією гербового вірша, друга містить сатиричну розповідь про те, яким чином Данилей Кукса «з казенного мужика зробився... паном» і «доказав дворянство», а третя є віршованим травестійним варіантом магнатської генеалогії (потенційний прототип можна легко знайти в тому ж таки гербовнику Бартоша Папроцького [5]).

Сатирична спрямованість «Доказательств...» визначає забарвлення обох травестійних частин. На відміну від травестій Святого Письма, покликаних обіграти той чи інший сюжет у карнавальному дусі *risus paschalis*, ці травестії мають на меті передовсім висміяти особу, що має такий «герб» і «генеалогічне дерево».

«Геральдична» частина твору написана за всіма художньо-стильовими канонами гербового вірша й містить художні тлумачення

«гербових елементів». Травестія полягає у діаметральній протилежності «цнот», про які свідчать ці «гербові елементи», і цнот, традиційно властивих лицарському етосу:

Да вже ж наші дворяни герби посилають,
 А що я був дворянин, то те і не знають!
 Я надумався й собі пісеньку співати
 І дворянство по своєму гербу доказати.
 Он у мене герб який – в дерев'янім цвіті,
 Що ні в кого не було в остерським повіті:
 Лопата, написана держлном угору
 (Побачивши, скаже всяк, що воно без спору),
 У середині граблі, вила і сокира,
 Якими було роблю, хоть яка сквира;
 Так же ціпом молотив, скажу правду-матку,
 Що аж скинеш було шапку;
 Взявши косу на плечі, ходив в косовицю,
 А щоб не голодний був, брав і молодицю;
 Як же вітер – то біжу до млина із поля,
 Бо й худоба там моя, – от мені неволя! [1, с. 211]

Отже, замість притаманних геральдичній поезії мотивів мужності й звитяги, тут провідними є мотиви фізичної праці, символи котрої – це вміщені у «гербовому полі» фігури – знаряддя сільськогосподарської праці.

З огляду на властиву аристократичній ментальності антитезу «благородного ратного труду» й низької фізичної праці, котра в середньовічній символіці знайшла протистояння у протиставленні Авеля й Каїна [3, с. 307], пародійно-сатиричне забарвлення твору стає ще яскравішим. Подібне зневажливе ставлення до фізичної праці, котра ні в якій мірі не може бути достатнім приводом для отримання якихось привілеїв, що їх надають лише за військові подвиги, помітне і в «Сатирі на слобожан», котрим делікатно радять не братися до військових справ:

Кортить їм в козаки! Чи з розумом ся річ?
 Не рівня вам козак, не рівня вам і Січ!
 Паскудство, пастухи, бездомні волоцюги!
 Якої з вас нам ждять против поган услуги?
 Вас зараз нападе перерва й переляк,

Як тільки де спітка вас відьма, вовкулак,
А як де на коні побачите ви ляха,
То прудше всіх зайців розбіжітесь од страху!
Нащо ж вам на себе ждять турків і татар?
Жидівський наймит вас потре всіх на сухар!
Вас баба помелом звоює, кочергою!
Батіг здається вам громовою стрілою!
От, бачите самі, вам не пристав сей гам,
Не горло треба драть, а вгамуваться вам.
Пасіть собі овець, оріте, чумакуйте,
А лізти в козаки і думать не турбуйтеся!
Селіте слободи, але платіть нам чинш! [4]

У цьому випадку, як і в попередньому, спостерігаємо спробу протидіяти намаганням порушити станову межу, пробитися в коло військової еліти (те, що в одному творі це – дворянство, а в іншому – козацтво, у цьому випадку несуттєве).

Травестійна генеалогія Куксів, котра завершує «Доказательства...», також наголошує на походженні, абсолютно протилежному аристократичним уявленням про «старожитність». Родовід починається від Хама, прадіда нинішнього Кукси. Наявність подібного предка яскраво свідчить про низьке походження «висоцеуродзоних» Куксів, якщо згадати значення біблейського імені Хам як загального для всіх представників нешляхетських верств. Нащадки Хама відповідно засвідчують свою «ділність»:

Як старі віки бували,
Як мій прадід був,
Його всі Хамом звали,
Да й сам того я не забув;
А дід у мене був Данило –
Ніщо було йому неміло,
Як тільки у млині сидіть;
А батько мій Максим звався
І Данилеєм прозивався,
Чого і я хочу просить –
Щоб я Хамовим був внуком
І Данилеєм прозивавсь,
Щоб так горілку пив кубком,

Як батько мій впивавсь,
Щоб мені добре пани зробили,
І так щоб герб мій утвердили,
Як єсть в гаї столітній дуб,
Щоб гербовим Хамом звався,
Щоб більш біди не сподівався
І щоб ніхто не брав за чуб [1, с. 212].

Таке наголошення на діаметрально низових «цнотах», використане у травестії, свідчить про певні намагання підтримати консерватизм аристократичної ментальності, відтінити його за допомогою сукупності властивих «хамам» рис. Наслідком цього є чітка опозиція вміщених у «гербовому щиті» панів Куксів геральдичних елементів із тими, котрі, як ми показали вище, найчастіше тлумачаться в геральдичній поезії.

Вже перший рядок опису «щита» супречить головним законам геральдики: «Он у мене герб який – в дерев'янім цвіті,...». А, як відомо, «цвіт», тобто гербове поле, мав бути або золотим чи срібним, або фініфтяним (синім, червоним, зеленим, іноді оранжевим). Отже, дерев'яний цвіт – це пародія.

Далі йде перелік вміщених у гербовому полі «геральдичних фігур» (лопата, вила, сокира, ціп, коса), котрий вже самою кількістю складових є, суворо кажучи, геральдично неправильним (в одному щитовому полі не може бути так багато фігур; подібну кількість гербових елементів ми зустрічаємо в складних гербах з багатьма полями, як от герби Острозьких, Ходкевичів, Могил або Сапіг). Самі «геральдичні» елементи, що є знаряддями сільськогосподарської праці, символізуючи різні види робіт, виступають пародійними аналогами видів зброї (меча, списа, стріли, шаблі), котрі надзвичайно часто зустрічаються в гербах українських аристократів і користуються великою популярністю в інтерпретаторів, символізуючи військову доблесть і звитяжність представників магнатського дому.

Подібна чітко простежувана аналогія свідчить про те, що автор добре розумівся не лише на законах геральдики, але й був знайомий із традиційними художніми прийомами, використовуваними у гербових віршах, котрі (прийоми) він вжив у побудові першої й почасті третьої

частини «Доказательств...». Використовуючи ці прийоми у травестії, поет, природно, сподівався, що вони будуть зрозумілі й оцінені читачами, а відтак правомірним буде твердження, що попри зазначувану вище тенденцію до занепаду, геральдична поезія лишалася ще досить шанованим і поширеним жанром, травестіювання якого дозволяло авторові розраховувати на певну увагу читачів.

Отже, протягом XVIII ст. внаслідок петровського терору і пов'язаної з ним активізації уніфікаційних процесів одержавлення як української магнатерії, так і козацької старшини, відбувається їх інкорпорація до загальної ієрархічної структури Російської імперії. Внаслідок цього українські можновладці значною мірою втрачають свою автономію і здатність впливати на політичну ситуацію в Україні. Поза тим з'являється велика кількість *homines novi*, котрі намагаються закріпитися на більш високому соціальному щаблі, що веде до руйнування сталості аристократичної спільноти.

Реорганізація видавничої діяльності з орієнтацією на централізоване підпорядкування певною мірою зменшує значення підтримки того чи іншого видання з боку якоїсь вельможної особи.

Унаслідок таких змін геральдична поезія цього періоду хилиться до занепаду й на кінець XVIII ст. припиняє своє існування. Накопичений нею художній потенціал використовується у травестійно-пародійних творах, прикладом чого є розглянуті нами «Доказательства Хама Данилея Кукси потомственні», котрі можуть вважатися своєрідним травестійним завершенням розвитку гербового вірша як поетичного жанру.

Список літератури

1. Доказательства Хама Данилея Кукси потомственні // Українська література XVIII ст. – К. : Наук. думка, 1983. – С. 211–212.
2. Історія української літератури : у 8 т. – К. : Наук. думка, 1967. – Т. 1. – 539 с.
3. Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства / Ф. Кардини ; пер. с итал. – М. : Прогресс, 1987. – 360 с.
4. Сатира на слобожан // Українська література XVIII ст. – К. : Наук. думка, 1983. – С. 216.
5. Paprocki B. Herby rycerstwa polskiego: Napięcioro xiąg rozdzielone / B. Paprocki. – Kraków, 1584. – 724 s.

О. В. Слюніна

ЛІНГВОФІЛОСОФСЬКЕ ОСМИСЛЕННЯ АРХЕТИПНОЇ СЕМАНТИКИ КОНЦЕПТУ ЧАС

LINGUAL AND PHILOSOPHICAL UNDERSTANDING OF ARCHETYPAL SEMANTICS OF CONCEPT *TIME*

Аннотация

Статья посвящена лингвофилософским размышлениям над архетипной семантикой концепта *ВРЕМЯ*. Концепты такого рода представляют универсальные знания, отражают культурно-исторические смыслы, а также субъективный опыт личности. Учитывая ценность для человеческой культуры, такие концепты можно называть архетипными, поскольку их основой являются архетипы коллективного бессознательного. Сквозь призму фактологических знаний лингвистики, философии, культурологии, когнитологии анализируется культурная составляющая концепта *ВРЕМЯ*, в частности, акцент сделан на семантических сферах *время – онтологический процесс* и *время – существо*. Последовательно доказывается, что эти сферы относятся к приядерной зоне концепта. В статье отслеживается неразрывная связь архетипных концептов *ВРЕМЯ* и *ПРОСТРАНСТВО* в сознании человека, также перечислены те черты, которые характеризуют время в представлении носителей языка.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, лингвокультурология, лингвофилософия, архетипный концепт, художественно-семантическая сфера, художественно-семантическое наполнение, метафора.

Аногация

Стаття присвячена лінгвософським роздумам над архетипною семантикою концепту *ЧАС*. Концепти такого роду репрезентують універсальне знання, відображають культурно-історичні смисли, а також суб'єктивний досвід особистості. Зважаючи на цінність для людської культури, такі концепти можна називати архетипними, оскільки підґрунтям вони мають архетипи колективного несвідомого. Крізь призму фактологічних знань лінгвістики, філософії, культурології, когнітології аналізується культурний складник концепту *ЧАС*, зокрема, акцент зроблено на семантичних сферах *час – онтологічний процес* та *час – істота*. Послідовно доводиться, що ці сфери належать до приядерної зони концепту. У статті простежується нерозривний

зв'язок архетипних концептів *ЧАС* і *ПРОСТІР* у свідомості людини, також перераховані ті риси, що характеризують час в уявленнях носіїв мови.

Ключові слова: когнітивна лінгвістика, лінгвокультурологія, лінгвофілософія, архетипний концепт, художньо-семантична сфера, художньо-семантичне наповнення, метафора.

Annotation

The article addresses the problem of lingual and philosophical comprehension of the archetypal concept TIME. Concepts of this type represent universal knowledge, reflects its cultural and historical content as well as the author's subjective approach. Given their value for human culture, such concepts may be called archetypal. In the light of factual knowledge of linguistics, philosophy, cultural studies, cognitive science the cultural component of the concept TIME is analyzed. The main focus is on its semantic aspects: **time as an ontological process** and **time as a creature**. These are proved to belong to a close to the nucleus zone of the concept. The time-space connection and their interdependence are underlined as well. The article also focuses on the characteristic features of time as viewed by speakers.

Key words: cognitive linguistics, linguoculturology, linguophilosophy, archetypal concept, semantic sphere, cultural and semantic content, metaphor.

Від сивої давнини постійними предметами роздумів людини були три головні аспекти Всесвіту: матерія, простір та час. Людство досягло значних успіхів у подоланні відстані та в пізнанні будови матерії, хоча сказати, що ці категорії наразі є остаточно освоєними, не можна. Щодо категорії часу, то вона й досі, незважаючи на багатоміліардну історію свого осмислення, залишається малозрозумілою й малопізнаною. Час є одним із найважливіших компонентів життя, але разом із тим і найскладнішим науковим феноменом. Це питання має багато недосліджених векторів – як фізичних, біологічних, психологічних, так і філософських, мистецьких, лінгвістичних тощо.

У сучасних наукових студіях значно посилюється інтерес до проблематики, що пов'язана з формуванням мовної особистості. Так, роботи Л. І. Белехової, С. Я. Єрмоленко, В. С. Калашника, В. Л. Іващенко, В. І. Кононенка, Т. А. Космеди, Л. А. Лисиченко, А. А. Лучик укажуть на доцільність поєднання вихідних положень лінгвопоетики, лінгвокультурології, лінгвофілософії, психолінгвістики, когнітивної

лінгвістики при аналізі мовлення. Саме в річищі досліджень, присвячених проблемі співвідношення мови, свідомості й культури, виконана ця робота. *Актуальність* статті зумовлена зв'язком порушеної проблематики з антропоцентричною парадигмою лінгвістики, недостатньою розробкою теорії вивчення архетипних концептів, необхідністю виявлення аспектів реалізації концептів такого роду в мові.

Об'єктом дослідження є архетипний концепт ЧАС та його мовна репрезентація. Такий вибір обумовлений низкою чинників: цей концепт є одним з основних у будь-якій мові та культурі; разом із концептом ПРОСТІР аналізований концепт є невичерпним джерелом для дослідження; концепт ЧАС має значну кількість мовних одиниць для вираження, які досі не були піддані детальному аналізу.

Предметом розгляду стали семантичні сфери *час – онтологічний процес* та *час – істота*.

Отже, у пропонованій розвідці плануємо зупинитися на деяких аспектах концепту ЧАС, *метою* є аналіз етимологічного шару семантичних сфер *час – онтологічний процес* та *час – істота* в проекції на досягнення філософії, психології та літературознавства.

З усіх підходів, що поширилися в лінгвістиці наприкінці ХХ століття, найближчим для нашої роботи є інтегративний, який поєднує в собі здобутки лінгвокогнітології, лінгвофілософії та лінгвокультурології. У межах цього підходу усталеною є думка про багатомірність концепту. А. А. Лучик, підсумовуючи досягнення в царині лінгвоконцептології, підкреслює, що «концепт, окрім власне мовного, хоча й не обов'язково останній може бути його репрезентантом, містить й інші компоненти: етнокультурний, ціннісний, енциклопедичну інформацію і под.» [20, с. 48]. У пропонованій розвідці будемо говорити про семантичне наповнення архетипного концепту ЧАС. Зважаючи на існуючі визначення концепту та архетипу, припускаємо, що архетипні концепти є складними семантичними, смисловими утвореннями, які постають важливими в загальнолюдській культурі, мають значну кількість мовних одиниць для репрезентації, широко представлені в міфологічній, релігійній, художній картинах світу, наявні в золотому фонді фразеології і передбачають численні асоціації та потужний образний шар. До основних структурних елементів архетипного

концепту відносимо поняттєвий (ядро, найбільш узагальнена інформація про об'єкт) та культурний (містить етимологічний та історичний шар) складники.

Надзвичайно цікавими є мовні факти, які свідчать про те, що в колективному несвідомому дійсно зберігається інтуїтивне знання. Наприклад, у мові фіксуються сталі звороти на кшталт: *спалахнути від гніву, запальна людина, вибухнути від люті* тощо, які яскраво репрезентують приховане художньо-семантичне наповнення **вогонь – гнів**. Праця Дж. Лакоффа «Жінки, вогонь та небезпечні речі: що говорять нам категорії мови про мислення» доводить, що такий смисл наявний не лише в групі слов'янських мов, але також і в англійській мові. Учений стверджує, що художньо-семантичне наповнення **вогонь – гнів** є результатом фізіологічного ефекту емоції – людина на підсвідомому рівні відчуває підвищення температури, кров'яного тиску, що супроводжують почуття гніву, і це фіксується в мові [18, с. 494, с. 504]. У цьому ракурсі імпонує думка Г. Гійома, який стверджує, що «наука заснована на інтуїтивному розумінні того, що видимий світ говорить про приховані речі, які він відображає, але на які не схожий. Інтуїція підказує: у тому уявному хаосі мовних фактів прихований таємничий та дивовижний порядок» [9, с. 7].

Дослідженню феномену часу присвячено велику кількість фундаментальних робіт із філософії, зокрема це твори Аристотеля, Дж. Берклі, Д. Юма, І. Ньютона, І. Канта, Г. Лейбніца, А. Ейнштейна, М. Гайдеггера та багатьох інших. У свою чергу М. Д. Ахундов, П. П. Гайденко, А. Л. Доброхотов, М. М. Трубніков намагалися систематизувати та поглибити вчення зазначених вище мислителів у своїх роботах. Щодо філологічної царини, то й тут слід звернути увагу на роботи С. А. Баруздіної, О. М. Задорожної, К. В. Першиної, Л. Поліщак.

Наразі виокремлюють чотири основні концепції щодо розуміння природи часу: **субстанційну** (час розглядається як категорія незалежна від інших чинників (наприклад, у доктринах І. Ньютона)), **статичну** (вважається, що час – лише ілюзія, а всі моменти минулого, теперішнього й майбутнього існують одночасно), **динамічну** (згідно з якою існує лише модус теперішнього часу, адже

«минулого вже немає, а майбутнього ще немає» та *реляційну* (час – це система відносин між фізичними явищами) [6, с. 16–17]. Важливо відзначити, що не тільки філософи, фізики, психологи та природознавці цікавилися проблемою взаємодії простору та часу, але й літературні твори ХХ століття стали лабораторією для експериментального дослідження властивостей часу та здатності людини сприймати його колізії. Варто лишень згадати загальновідомих класиків А. Азімова, Ф. Кафку, Т. Мана, Г. Маркеса, О. Уайльда, які торкалися проблем вічності й тимчасовості, швидкоплинності людського буття. Цікаво, що всі чотири концепції відображаються в художній літературі (як наприклад, субстанційна концепція у творі А. Азімова «Кінець Вічності»), де час показаний як незалежна категорія, яку можна змінювати, поза якої можна існувати).

Віддавна час вважається найбільш незрозумілим явищем, оскільки його можна сприймати здебільшого опосередковано – через систему біо- та геоциклів. Порівняно з такими поняттями, як простір, першоелементи буття, матерія, категорія часу – це результат більш пізнього історичного осмислення. Зокрема, у давніх вавилонян було відсутнє слово *час*, а відповідно – й уявлення про безкінечну протяжність. При цьому зазначимо, що вживалися лексеми на позначення конкретного періоду: *день, ніч, місяць, рік* тощо. Із цього приводу Г. Гійом зазначає, що подібні прецеденти можна пояснити тим, що «час не може сам себе репрезентувати, а тому запозичує засоби вираження в просторі й таким чином повністю покривається просторовими уявленнями» [9, с. 10]. Відповідно, у мовах часто відбувається перехід *простір – час*, що підтверджує теорію ймовірності А. Ейнштейна, згідно з якою простір та час є взаємопов'язаними. Як стверджує Г. Гак, значна кількість «часових сполучників та прийменників походять від просторових слів, нерідко просторові прийменники та прислівники виражають часове значення» [8, с. 125]. Учений наводить такі приклади: французьке *a, de, dans*, але російське *от, до, в, через, около, за* (порівняймо: *за версту от* та *за день до*). Поняття простору та часу настільки зрослися, що наразі філологи використовують термін *хронотон* на позначення взаємопов'язаних категорій простору та часу. Тісно пов'язаною з проблемою часопростору є дискретність часу.

Сучасні дослідження в царині фізики дозволяють науковцям робити сміливі прогнози щодо можливості виокремлення частинок, що є носіями інформації про час. Таким чином, можна говорити про матеріальність субстанції. Зрештою, щось наповнює Всесвіт, змушує його розширювати свої межі, абсолютної порожнечі не існує, тож, чому б не відвести роль тасмничого «ефіру» часові? Адже часоплин повністю залежить від маси об'єкта – чим об'єкт важчий, тим повільніше плине час; також час залежить від швидкості, від гравітації, отже, цілком можливо, що час є матеріальним і може бути дискретним. Принаймні, на рівні мови дискретність часу фіксується. Наприклад, із литовським *metas* – «час» спорідненими є англосаксонське *meth* – «час, розмір» та готське *mel* – «час». Основою цих лексем є індоєвропейський корінь **met-*, **meh-* – «вимірювати». Щодо латинського *tempus*, то Е. Бенвеніст пропонує вважати вихідною формою семантику дієслова *temperare* – «обмежувати» й стверджує, що значення межі, граничності для *tempus* було первинним. Думку вченого підтверджує й наявність індоєвропейського **tem-* із значенням «різати», що здобуло подальший розвиток у грецькій мові, наприклад, *τέμενος* – «наділ». Цікавим також є факт, що в усіх мовах поняття часу поділяється на дві великі групи: на довготривалі періоди (*епоха, століття, вік, тисячоліття*) та короткотривалі (*секунда, хвилина, година, день*). Зазначимо, що взагалі концепт ЧАС може вербалізуватися за допомогою майже всіх частин мови: дієсловами (за допомогою граматичних форм), прикметниками (*старий, молодий, юний, новий*), прислівниками (*рано, пізно, уночі*).

Розмірковуючи про семантичне наповнення *простір – час*, неможливо не звернути увагу на таку властивість матерії, як рух. Щодо цього питання також тривалий час точилися суперечки. Першими, хто торкнувся цієї проблеми, були досократики – представники мілетської та елеатської школи: Фалес (один із семи мудреців), його учень Анаксімен, Анаксимандр, Парменід. Наприклад, Парменід, який є автором знаменитої поеми «Про природу», говорив, що світ є вічним, нерухомим, у його вченні наявний лише модус теперішнього, тобто проголошується ідея статичного часу. Протилежної точки зору дотримувався Геракліт Ефеський, якого через

складність учення назвали «Темним». Основним принципом цього мислителя була мінливість Усесвіту. Він вважав, що першоосновою всього суцього є вогонь. Увесь космос Геракліт трактував як єдиний світовий процес спалахування й згасання вогню, а всі зміни підпорядковував єдиному вічному закону – Логосу. Великого значення у філософії Геракліта набув образ-символ ріки як уособлення вічного руху, постійної течії буття. У цьому плані показовими є традиційні генитивні метафори *ріка часу*, *море часу*; а також дієслівні перенесення: *час тече*, *спливають хвилини*. Найяскравіше семантичне наповнення **час – водний простір** репрезентують фразеологічні звороти, які фіксує В. В. Жайворонок: «багато (чимало) води утекло – минуло багато часу; піти (збігти) за водою, тобто «минути без вороття (про час) або зникнути, пропасти»; як вода змила, тобто «хтось зник швидко й безслідно» <...> «Час, як вода, сам наперед іде» [13, с. 107]. У роботі М. М. Маковського запропонований порівняльний аспект. Так, кельтське *amb* означає «час», але давньоіндійське *ambu* – «вода» [22, с. 36]. «Невипадково, – пише В. В. Жайворонок, – плин часу в наших предків асоціювався саме з водою, що тече безперервно, безперестанку, як людські роки, як саме людське життя. Тому й кажуть: «Час, як вода, все йде вперед»; «Було, та водою сплигло»; «Багато води уплине, заки людина до того доживе»» [14, с. 169]. Отже, у межах наповнення **час – водний простір** акцент найчастіше зроблено на семантиці плинності, семантиці руху. Якщо ж звернутися до етимології, то й тут можна простежити певну закономірність. Слово *время*, яке потрапило до російської мови з церковнослов'янської, походить від індоєвропейського кореня **uert-* – «рухати, повертати». У словнику П. Я. Черниха пропонується ще більш деталізована етимологія. Дослідник вважає, що слово *время* споріднене з індоєвропейським *vartman-* – «колія, дорога, орбіта», а сам корінь *vart-* має значення «крутитися». П. Я. Черних припускає, що значення індоєвропейського **uertmen* було «колесо» або «орбіта» «як рух по колу» [27, с. 171]. «Старше значення, слід вважати, було чимось близьким до «колообігу», «кружеляння», «повторного повернення», «вічного обороту»» [27, с. 171]. Таким чином, на етимологічному рівні фіксується циклічність, а не лінійність часу. Циклічність часу виявляється

також у регулярному дотриманні календарних чи ритуальних свят, заснованих на явищах, що мали місце в далекому минулому. В українській мові слово *время* не функціонує. Замість нього використовують лексему *час*. В «Етимологічному словнику української мови» походження цього слова виводиться з праслов'янського *casъ* – «нарізка» (що знову ж таки стосується дискретності часу), а також зближується із сербохорватським *касати* – «бігти клусом» [12, с. 282].

Розвиток ідей А. Ейнштейна спричинив перехід до матеріалізму, який підкреслював об'єктивний характер часу та його зв'язок із категоріями руху й матерії. Ця думка знайшла підтвердження в точних науках. **Фізичний** час є реальним і притаманним усім матеріальним системам, тобто існує не тільки в модусі пізнання людини, а й у реальному бутті. Він вимірюється секундами, хвилинами, годинами, днями, роками, століттями тощо. Основними характеристиками фізичного часу є темп (показник, що характеризує частоту зміни подій) та інтервал (часова відстань між двома моментами). Фізичний час має усталену швидкість процесів, тобто одна година завжди дорівнює 3600 секунд. У мові фізичний час вербалізується предикативними конструкціями (так, речення *людина прийшла* відображає ідею минулого часу; *людина прийде* – майбутнього), а також словами на позначення міри часу: *хвилина, година, доба, тиждень, десятиліття, декада, тисячоліття, пора, весна, літо, осінь, зима, ранок, день, полудень, вечір, ніч* тощо).

У межах фізичного часу можна виокремити **час історичний**, який вербальне втілення здобуває через пряме називання періоду, року, у який відбувалася дія: *988 – хрещення Русі, 1996 – прийняття Конституції України*; також історичний час може вербалізуватися за допомогою вживання онімів, наприклад: *за правління Петра I; перед Японською війною; у дні Батия; після Різдва* тощо.

Протилежним до фізичного часу є час індивідуальний із його різновидами: час біологічний, психологічний, соціальний.

Від часоплину люди відчували постійну залежність, оскільки з цим поняттям пов'язується розуміння смерті як результату зупинки індивідуального часу. Живучи в умовах часоплину, людина підсвідомо боялася його. Такі інтенції знаходять вираження в давньогрецькому

міфі про Кроноса (у римській традиції – Сатурна). Символічним є й саме ім'я, що означає «батько-час із його невмолимим серпом». Пізніше цей серп (коса) стане незмінним атрибутом Смерті, котра скошує життя (досить часто, коли говорять про смерть, уживають евфемізм *прийшов його час*). Отже, час у західній традиції персоніфікується, постає у вигляді надприродної істоти – титана, який повстає проти батька й стає володарем світу. Страх утратити владу змушує Кроноса пожирати власних дітей. У цьому простежується ще одна асоціативна паралель – час нещадний до всього суцього, змушує зникати всі речі, «убиває» все живе. Цілком стає зрозумілим смисл *час – смерть*. Можна порівняти вербальне вираження часу в різних народів: латинське *mora* – «час», але також і *mori* – «смерть», авестійське *marek* – «знищувати». Семантичне наповнення *час – смерть* відносимо до семантичної сфери ЧАС – ОНТОЛОГІЧНИЙ ПРОЦЕС.

Антитетичним до цього наповнення є смисловий вектор *час – життя*. Порівняймо індоєвропейське **aiu-* – «життя», давньоіндійське *ayus* – «життя» з латинським *aevum* – «вік», готським *aiws* – «час». У слов'янській мові подібна інтенція також зберігається. Наприклад, для слова в=ѣкъ І. І. Срезневський подає значення «життя» як первинне [24, с. 484].

На думку К. М. Магомедова, традиційне розуміння буття лише як об'єктивної реальності звужує його об'єм [21, с. 44–45]. Адже існує ще й суб'єктивне сприйняття, яке залежить від внутрішнього стану. Наприклад, якщо людина кудись дуже поспішає, то й час для неї біжить, витікає, мов пісок крізь пальці; якщо ж, навпаки, вільного часу забагато, то стрілка на годиннику ледве рухається, і час для людини тягнеться дуже повільно. Окрім цього, сприйняття часу різниться й залежно від віку особистості – для молодих час плине повільно, пізніше – прискорюється, а літні люди прагнуть зберегти кожну мить, адже для них час – «летить». Незадоволена існуючим станом речей, людина може жити майбутнім часом – передбачати всі ті позитивні зміни, які, можливо, настануть для неї у майбутньому; протилежний модус психологічного часу виявляється, якщо життя людини не складається, вона вважає його невдалим і намагається втекти від

реальності й живе в минулому (своїми спогадами, ретроспективними кадрами). Отже, на психологічний час впливає низка чинників: вік, стать, особливості темпераменту. Психологічний час не є односпрямованим – він має модуси як теперішнього, так і минулого чи майбутнього. Психологічний час є суб'єктивним, для кожної людини окремий, індивідуальний. У мові виражається здебільшого в художньому та розмовному стилі, коли мовець подає своє власне сприйняття часоплину. Тут можливі нетрадиційні метафори, епітети й порівняння. Зазвичай індивідуальний час є суб'єктивним, людина, яка перебуває в певному емоційному стані в певний проміжок часу, наділяє цей період асоціаціями, тому й маємо метафори *весна життя, осінній настрій, сива давнина*.

У стертих метафорах, які персоніфікують аналізований концепт (*час іде, час біжить, час наближається, випередити час, іти в ногу з часом*), реалізується давнє уявлення про **час** як про **живу істоту**. Найчастіше в таких узуальних метафорах акцентується увага на проминанні часу, що в мові виражається за допомогою дієслів на позначення руху.

Цікавим видається той факт, що в багатьох мовах наявне уявлення про час як про істоту. Здебільшого час зіставляється із соматизмами. Порівняймо: латинське *tempus* – «скроня», але й «час», індоевропейське **ghes-* – «рука», але українське та російське «час», давньоанглійське *lic* – «тіло», але латиське *laiks* – «час», німецьке *Bart* та англійське *beard* – «борода», але давньоанглійське *byre* – «часовий проміжок» [22, с. 22, 53]. Отже, можна виокремити таке семантичне наповнення в межах семантичної сфери ЧАС – ЖИВА ІСТОТА, як **час – людина**.

Таким чином, наші спостереження та результати дослідження дозволяють науково поглибити розгляд проблеми взаємодії мови, культури, свідомості за допомогою аналізу когнітивних інтенцій мовної особистості, що спричиняє виникнення семантичних сфер та семантичних наповнень, у яких міститься концептуальна інформація про архетипні наповнення. Дослідження приядерних семантичних сфер концепту ЧАС розширило уявлення про спектр та обсяг цієї мовної універсалії, її роль і місце в картині світу.

До перспектив дослідження відносимо можливість більш детального вивчення лінгвальної репрезентації архетипного концепту ЧАС у художній творчості.

Список літератури

1. Аристотель. Физика / Аристотель. – М. : Гос. соц.-экон. изд-во, 1937. – 230 с.
2. Аристотель. Метафизика / Аристотель ; [пер. с греч. А. В. Кубицкий]. – Ростов н/Д. : Феникс, 1999. – 608 с.
3. Ахундов М. Д. Проблема прерывности и непрерывности пространства и времени / М. Д. Ахундов. – М. : Наука, 1974. – 254 с.
4. Ахундов М. Д. Концепции пространства и времени: истоки, эволюция, перспективы / М. Д. Ахундов. – М. : Наука, 1982. – 224 с.
5. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М. : Прогресс, 1974. – 448 с.
6. Бич А. М. Основы теории времени: Закономерная эволюция реляционной концепции времени / А. М. Бич. – К. : Знання України, 2005. – 116 с.
7. Гайденко П. П. От онтологизма к психологизму: понятие времени и длительности в XVII–XVIII вв. / П. П. Гайденко // Вопросы философии. – 2001. – № 7. – С. 77–99.
8. Гак Г. В. Пространство времени / Г. В. Гак // Логический анализ языка. Язык и время. – М. : Изд-во «Индрик», 1997. – С. 122–130.
9. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики / Г. Гийом. – М. : Прогресс, 1992. – 224 с. – (Языковеды мира).
10. Доброхотов А. Л. Учение досократиков о бытии / А. Л. Доброхотов. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1980. – 54 с.
11. Досократики: доэлеатовский и элеатовский периоды / [пер. с древнегреч. А. О. Маковельского]. – Минск : Харвест, 1999. – 784 с. – (Классическая философская мысль).
12. Етимологічний словник української мови : в 7 т. / АН УРСР, Ін-т мовознав. ім. О. О. Потебні ; [голов. ред. О. С. Мельничук]. – К. : Наук. думка, 1982–2006. – Т. 6 : У–Я. – 2012. – 568 с.
13. Жайворонок В. В. Знаки української етнокультури : [словник-довідник] / В. В. Жайворонок. – К. : Довіра, 2006. – 705 с.
14. Жайворонок В. В. Українська етнолінгвістика : нариси : [навч. посіб. для студ. вищ. навч. закл.] / В. В. Жайворонок. – К. : Довіра, 2007. – 262 с.
15. Задорожна О. М. Концепт «час» в українській поетичній мові : автореф.

дис. ... канд. філол. наук : спец. 10.02.01 «Українська мова» / О. М. Задорожна. – К., 2008. – 23 с.

16. Іващенко В. Л. Концептуальна репрезентація / В. Л. Іващенко // Мовознавство. – К., 2004. – № 1. – С. 54–61.

17. Кант І. Критика чистого розуму / І. Кант. – Ростов н/Д. : Фенікс, 1999. – 627 с.

18. Лакофф Дж. Жінщини, огонь і небезпечні речі : що категорії мови говорять нам про мислення / Дж. Лакофф ; [пер. з англ. І. Б. Шатунський]. – М. : Язика славян. культури, 2004. – 792 с. – (Язык. Семиотика. Культура).

19. Лой А. Н. Время и пространство как формы социального бытия и категории сознания : автореф. дис. ... канд. филос. наук / А. Н. Лой. – К., 1976. – 21 с.

20. Лучик А. А. Про плінність лінгвістичної традиції / А. А. Лучик // Магістеріум. – К., 2011. – № 43. – С. 45–49. – (Мовознавчі студії).

21. Магомедов К. М. Метафора времени в темпоральных аспектах бытия / К. М. Магомедов // Гуманітарний часопис. – 2005. – № 1. – С. 43–47.

22. Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках : образ мира и миры образов / М. М. Маковский. – М. : ВЛАДОС, 1996. – 416 с.

23. Поліщак Л. Коцепт «час» у чеській фраземіці / Л. Поліщак // Проблеми слов'язознавства. – 2009. – № 59. – С. 259–264.

24. Срезневский И. И. Матеріалы для словаря древне-русского языка : в 3 т. / И. И. Срезневский. – СПб. : Тип. Императ. Акад. наук, 1893–1903. – Т. 1 : А–К. – 1893. – 1420 стб.

25. Трубников Н. Н. Время человеческого бытия / Н. Н. Трубников. – М. : Наука, 1987. – 255 с.

26. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер ; [пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева]. – [2-е изд., стер.]. – М. : Прогресс, 1986. – Т. 1 : А–Д. – 1986. – 576 с.

27. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. / П. Я. Черных. – [3-е изд., стер.]. – М. : Рус. яз., 1999. – Т. 1 : А–Пантомима. – 1999. – 624 с.

К. В. Котелевець

**ПРОБЛЕМИ ЕТИМОЛОГІЇ МОЛОДІЖНОГО СЛЕНГУ
(на матеріалі повісті Г. Белих, Л. Пантелєєва
«Республіка ШКІД»)**

**ETYMOLOGICAL ISSUES OF SCHOOL SLANG
(on the Material of «Respublika SHKID» by L. Panteleyev
and G. Belykh)**

Аннотация

Статья посвящена молодежному субъязыку. Раскрыта актуальность темы. Описаны работы лингвистов, которые занимались изучением сленга. Раскрыто понятие «школьный сленг». В исследовании рассмотрены три волны пополнения молодежного сленга. Рассматриваются источники формирования школьного сленга, такие как: криминальный жаргон, который в свою очередь происходит от иностранных слов, заимствований от иноязычного аргю, просторечия и военной терминологии, и описана этимология нелитературных единиц в тексте повести Л. Пантелеева, Г. Белих «Республика ШКИД». Найдены причины использования молодежного сленга, которые были связаны с большим количеством бездомных в связи с революцией и гражданской войной.

Ключевые слова: молодежный субъязык, ненормативная лексика, школьный сленг, аргю, жаргон, просторечие.

Анотація

У статті досліджено молодіжну субмову. Розкрито актуальність теми. Описано праці мовознавців, які займалися вивченням сленгу. Розкрито поняття «шкільний сленг». У розвідці розглянуто три хвилі поповнення молодіжного сленгу. Розглянуто джерела формування шкільного сленгу, такі як: кримінальний жаргон, який в свою чергу походить від іншомовних слів, запозичень від іншомовного аргю, просторіччя та військової термінології, та описано етимологію нелітературних одиниць у тексті повісті Л. Пантелєєва і Г. Белих «Республіка ШКІД». Виявлено причини використання молодіжного сленгу, які були пов'язані з великою кількістю безпритульних у зв'язку з революцією й громадянською війною.

Ключові слова: молодіжна субмова, ненормативна лексика, шкільний сленг, аргю, жаргон, просторіччя.

Annotation

The article deals with youth sublanguage. The actual value of the topic has been determined. The author analyses theoretical works on slang. The notion «school slang» has been explained. The article examines three waves of youth slang expansion. Such sources of school slang have been discussed: criminal jargon, derived from foreign words, borrowing from foreign argo, popular speech and military terminology and the research etymologic of not literary units in the text by L. Panteleyev, G. Belykh «Respublika SHKID». The author has determined the reasons of using youth slang, namely, the number of the homeless due to the revolution and civil war.

Key words: youth sublanguage, unnormative lexis, school slang, jargon, popular speech.

Актуальність дослідження полягає в тому, що оскільки молодіжний сленг активно поповнює словниковий склад молоді, зокрема школярів, він потребує постійного відслідковування динаміки сленгової лексики та джерел її формування.

Різні аспекти молодіжного сленгу школярів вивчали як вітчизняні мовознавці Й. Дзензелівський, О. Горбач, Л. Ставицька, І. Приходько, Н. Шовгун, так і зарубіжні – М. Грачов, С. Копорський, Є. Поливанов, Л. Скворцов.

Мета – знайти витоки молодіжного сленгу, вживаного в тексті україномовного перекладу повісті Г. Белих і Л. Пантелеєва «Республіка ШКІД», здійсненого В. Бевзою.

Поставлена мета обумовлює такі завдання:

1) з'ясувати шляхи поповнення окремих ненормативних лексем з тексту Л. Пантелеєва і Г. Белих «Республіка ШКІД» в україномовному перекладі;

2) виявити причини використання молодіжного сленгу.

Предмет дослідження – шкільний сленг.

Об'єкт – сленгові одиниці, які функціонують у повісті Г. Белих, Л. Пантелеєва «Республіка ШКІД».

Відомо, що шкільний сленг – важлива лексична підсистема субмови. Він є органічним елементом у структурі молодіжного сленгу, оскільки носіями шкільного сленгу є виключно представники молодого покоління – відповідно, школярі. Але водночас тут виділена власна

предметна галузь, як у професійному жаргоні, своєрідне «виробниче ядро» – навчання.

Шкільний соціум володіє загальним молодіжним сленгом, але обов'язково витворює власний мовний світ, у якому домінують номінації на позначення навчальних предметів, учителів, об'єктів висміювання тощо.

Сленг активізується зазвичай в епоху соціальних потрясінь, докорінних змін, драматичних подій, соціальної нестабільності [5, с. 19]. У російському мовознавстві виділяють три хвили поповнення молодіжного сленгу.

Перша хвиля припадає на 20-ті роки, коли наявне інтенсивне поповнення сучасного молодіжного сленгу в мовленні учнів-підлітків «блатними» одиницями. Друга хвиля припадає на 50-ті роки, шкільний сленг старшокласників помітно збагатився й обновився, коли на вулиці міст вийшли «стиляги» (люди, які орієнтувалися на західну культуру). Стиляги принесли і свою мову. Поява третьої хвилі в 70–80-ті роки стала часом масового вивчення іноземних мов. У ці ж роки до нас прийшов молодіжний рух хіпі. В мову молоді проникло багато іншомовних (особливо англійських) слів.

Уперше зафіксований сленг 20-х років у повісті Г. Белих і Л. Пантелеєва «Республіка ШКІД», написаній авторами в 1926 році, коли старшому з них – Г. Белих – ішов двадцятий рік, а молодшому – Л. Пантелеєву – не було ще й вісімнадцяти.

Цю повість написали в минулому безпритульні, яких відправили до «Школи соціально-індивідуального виховання імені Достоєвського», пізніше побутувала скорочена її назва, створена вихованцями цієї школи – «ШКІД».

Основним джерелом поповнення шкільного сленгу є кримінальний жаргон як соціальний діалект (соціолект), який розвинувся в оточенні декласованих елементів суспільства, як правило, злочинців, і являє собою систему термінів і висловлювань, що вживають для конспірації [2, с. 78].

Автори використовують у своєму творі лексеми, що за походженням належать до кримінального жаргону, який, у свою чергу, має такі джерела поповнення:

1. Іншомовні слова, наприклад: «*Ще маленьким, шмаркатим шкетом, Гришко любив волю й самостійність*» [1, с. 39]. Словник жаргону злочинців дає таке визначення: *шкет* – підліток, хлопчик [4, с. 129]. Виникнувши з чеського слова *šketa, čketa* «болван, простий» [4, с. 572], слово міцно закріпилося в злочинному середовищі, а пізніше увійшло до активного вжитку в розмовному мовленні. «...*Нічого собі! Вистава? Це лафа!*» [1, с. 87] (*лафа* – везіння [6, с. 55], походить від татарського «вигода» [4, с. 271]).

У кримінальному жаргоні часто трапляються запозичені слова з івриту, наприклад: «*Хлопці! – крикнув Японець. – Ша!*» [1, с. 85] (*ша* – досить, замовкни [6, с. 129]). Це слово походить з івриту (*sha* – закликання до тиші); «*А ми раз два, тільки ви біля дверей на стрьоме постійте*» [1, с. 133]. Слово *стрьом* – варта, стояти на варті [6, с. 72]. Саме слово *стрьом* походить з івриту (штра маєр) – той, хто попереджає, дзвонить на сполох [3, с. 596].

Вихованці ШКІДу відтворили певну номінацію на позначення вчителів: «*Халдей треклятий!*» [1, с. 89]. Слово походить з грецьк. *χαλδαος* – жителі Халдея, які славилися вмінням пророкувати. Пізніше воно увійшло в розмовну мову як лайливе слово в значенні *нахаба* [4, с. 397].

2. Трапляються випадки, коли джерелом поповнення кримінального жаргону є іншомовне арго (це таємна мова, якою користуються члени закритої групи, низи суспільства [7, с. 55]): «*Як тільки трамвайні платформи зупинилися біля будинку і хлопці почали розвантаження, вулична шпана оточила їх*» [1, с. 151]. *Шпана* походить з німецького арго *Spander* – бродяги [4, с. 422].

3. Велика кількість слів походить від просторіччя: «*Тискати у товаришів!*» [1, 55]. *Тискати* – пхати, засовувати кудись, в щось [3, с. 607];

«*Хто накатив? – щиро обурювався циганок*» [1, с. 57]; *накатити* – несподівано приїхати, [3, с. 400];

«*За бузу? – серйозно спитав Горобець*» [1, с. 67]; *буза* – безлад, який супроводжується шумом. Походить від старослов'янського *буза* – хмільний напій [4, с. 195];

«*Валить, співайте!*» [1, с. 77]; *валити* вживається як спонукання

до дії [3, с. 158]. Словник кримінального жаргону подає такі визначення: *тискати* – красти [4, с. 86]; *накатити* – донести комусь [6, с. 67]; *бузити* – скандалити, бунтувати, шуміти [6, с. 5]; *валить* – давайте [6, с. 6].

4. Перша світова війна спричинила появу «фронтвої мови», яка згодом підживлювала кримінальний жаргон: «*Налім проводили організовано*» [1, с. 133]. *Налім* – напад кавалерії або авіації [3, с. 402].

Причини використання сленгу у ХХ столітті були пов'язані з великою кількістю безпритульних у зв'язку з революцією й громадянською війною.

По-перше, революція й війна призвели до спільного падіння культури, що не могло не відбитися і на мові суспільства в цілому. По-друге, до школи прийшли нові учні – діти робітників, селян, безпритульні, підлітки, які пройшли через тогочасні труднощі. Саме тоді шкільний сленг значно поповнився кримінальною лексикою.

Отже, важливим складником молодіжної субмови вважаємо спеціальні сленгізми певних соціально-корпоративних відгалужень у молодіжному середовищі – шкільний сленг. Джерелом поповнення шкільного сленгу є кримінальний жаргон, який активно використовували діти у 20-х роках ХХ століття.

Витоки кримінального жаргону передусім походять від іншомовних слів, запозичень від іншомовного аргю, просторіччя та військової термінології.

Причини використання молодіжного сленгу в 20-х роках ХХ століття – війна і революція, які призвели до падіння культурних звичаїв, що не могло не відобразитися на мові суспільства в цілому.

У наших подальших розвідках передбачається дослідження специфіки сучасного сленгу школярів.

Список літератури

1. Белих Г. Республіка ШКИД / Г. Белих, Л. Пантелеєв. – К. : Наука, 1997. – 538 с.
2. Грачев М. А. Арготизмы в молодежном жаргоне / М. А. Грачев // Русский язык в школе. – 1996. – № 1. – С. 78–85.

3. Етимологічний словник української мови / [уклад. О. С. Мельничук]. – К. : Наук. думка, 2006. – 704 с.
4. Историко-этимологический словарь современного русского языка / [сост. П. Я. Черных]. – М. : Рус. яз., 1999. – 620 с.
5. Мосенкіс Ю. Феномен українського молодіжного сленгу (сутність, розвиток, контакти) / Ю. Мосенкіс, П. Грабовий, О. Фурса. – К.–Умань : ПП Жовтий, 2009. – 219 с.
6. Словарь жаргона преступников: блатная музыка / [сост. С. М. Потапов]. – М. : НКВД, 1927. – 134 с.
7. Ставицька Л. О. Арго, жаргон, сленг / Л. О. Ставицька. – К. : Критика, 2005. – 462 с.

А. А. Ивахненко

ОБРАЗ БОГА В ТВОРЧЕСТВЕ Э. ДИКИНСОН

THE IMAGE OF GOD IN E. DICKINSON'S POETRY

Аннотация

Цель статьи – осветить некоторые аспекты восприятия Бога американской поэтессой-новатором. В качестве методов исследования выбраны онтологический и лингвострановедческий анализ. Рассмотрев оригиналы ряда произведений Э. Дикинсон и научных работ по данной тематике, автор приходит к выводу, что Бог в произведениях американской поэтессы предстает в целом ряде образов: милостивого и справедливого Творца, сурового судии, безжалостного грабителя. Тексты произведений Э. Дикинсон отражают ее духовные метания, очерчивая диапазон отношений с Богом от полного принятия и смирения Его воле до неприкрытого бунта. Причины этого лежат как в глубоко религиозном воспитании, полученном поэтессой, так и в общей политической и духовной жизни страны в тяжелый период войны между Севером и Югом.

Ключевые слова: апокалипсические пророчества, Бог в лирике, восприятие Бога, Гражданская война в США, Эмили Дикинсон.

Анотація

Мета статті – освітити деякі аспекти сприйняття Бога американською поеткою-новаторкою. В якості методів дослідження обрані онтологічний і лінгвокраїнознавчий аналіз. Проаналізувавши низку оригіналів творів Е. Дікінсон і наукових робіт за даною тематикою, авторка статті доходить висновку, що Бог у віршах американської поетеси з'являється у розмаїтті образів: милосердного й справедливого Творця, сурового судді, безжального грабіжника. Тексти Е. Дікінсон віддзеркалюють її духовні борсання, окреслюючи діапазон відносин із Богом від повного прийняття та покірності Його волі до відкритого бунту. Причини цього знаходяться як у глибоко релігійному вихованні, що його отримала поетеса, так і в загальному політичному і духовному житті країни у важкий період війни між Північчю та Півднем.

Ключові слова: апокаліпсичні пророцтва, Бог у ліриці, сприйняття Бога, Громадянська війна у США, Емілі Дікінсон.

Annotation

The article sets out to describe some aspects of the way Emily Dickinson perceived God. The ontological and linguistic and cultural studies analyses have

been used as the methods of the research. Having analyzed a number of the originals of E. Dickinson's poems, the author of the article comes to conclusion that God in the American poet's verse appears in a whole range of images, namely the merciful and just Creator, a severe judge, a ruthless burglar. E. Dickinson's texts reflect her spiritual bows, circumscribing the range of relations with God from a complete acceptance and submission to His will to an open rebellion. The reasons of this lie both in the poet's strict and religious upbringing and in the general political and spiritual life of the country during the hard period of the Civil war.

Key words: apocalyptic prophecies, contemplation, Emily Dickinson, God in poetry, the Civil war in the US.

Эмили Дикинсон – американская поэтесса XIX века, внесшая колоссальный вклад в современную литературу. Ее творчество многогранно и полно философских размышлений о природе, красоте, любви, но больше всего – о Боге, вере, религии.

В целом, поэзия Эмили Дикинсон носит глубоко религиозный характер. По своей сути, а также терминологической насыщенности она содержит достаточно широкий спектр библейских и религиозных обозначений, включающих высший смысл, персонажей, географические названия, имена. В целом, по самым грубым оценкам, в 1775 стихотворениях Дикинсон содержатся не менее 764 терминов данного направления.

В стихотворениях поэтессы, посвященных Богу, наиболее четко просматривается широкая гамма чувств, которые Дикинсон питала к религии. Так, в стихотворении 185 поэтесса предстает в образе ученого, не скрывающего своей ироничности, противопоставляющего науку слепой вере.

В стихотворении 301 Дикинсон выражает свое неприятие изначальных религиозных основ, сомневаясь в обещаниях райской жизни после смерти для всех страдающих на Земле, а в стихотворении 1551 поэтесса и вовсе отрекается от Бога. Есть в творчестве Дикинсон место и нескрываемому и оскорбительному для религии презрению (стихотворение 1623).

Одна из возможных причин возникновения такой ситуации озвучена самой Э. Дикинсон: «Tis a dangerous moment for any one when the

meaning goes out of things and Life stands straight – and punctual – and yet no signal (from God) comes» [6, p. 443]. В одной этой фразе слышны отчаяние и боль из-за равнодушия Творца, присутствующие и в некоторых ее стихотворениях (например, в № 61). Свои чувства, религиозные метания, попытки понять непостижимое, примириться с Создателем поэтесса изливала в стихах. Иногда она говорит с Ним, как с близким другом, иногда бросает Ему обвинения в равнодушии или жестокости; и сам Господь предстает в ее стихах то милостивым, хоть и строгим, Отцом, то – суровым судьей, или вообще – безжалостным грабителем. Очень показательны в этом плане ее стихотворения «He fumbles at your spirit» и «Heaven is what I cannot reach!»

Но все-таки вера Дикинсон искренна и неподдельна, хотя автор и сомневается во всем. Ярким тому примером может послужить стихотворение 1601. Дикинсон признает жизненную необходимость религии, признает трагичность потери веры в Бога (стихотворение 1062).

Пожалуй, можно сказать, что именно отношения с Богом, попытка понять Его, беседы с Ним занимают центральное место в ее лирике. Это отмечают как отечественные (Б. А. Гиленсон, В. В. Захарова, С. Джимбинов и др.), так и зарубежные (В. Морган, Л. Фридман, Б. Дориани и др.) исследователи. Приведем мнения некоторых из них.

Переводчик С. К. Рабинович так описывает открывшееся ему творчество Амхерстской затворницы: «Поэзия Эмили Дикинсон – это открытие Бога на небе и на земле – в цветке и в облаке, в пчеле и в человеке – и никакой иерархии» [4, с. 4]. О глубокой религиозности поэтессы говорит и В. В. Захарова: «Творчество Эмили Дикинсон проникнуто религиозно-созерцательными настроениями и полностью обращено в микромир камерных, глубоких переживаний лирического “я” поэтессы» [3, с. 66]. Однако с верой Э. Дикинсон все не так просто: как показывают исследования на эту тему (и подтверждение мы видим в самих произведениях), диапазон отношений Э. Дикинсон к Богу простирается от абсолютной покорности Всевышнему (например, в стихотворении 106) до негодования и даже бунта (например, в стихотворении 153). В качестве доказательства приведем слова Б. А. Гиленсона: «вся поэзия Дикинсон проникнута глубокой рели-

гиозностью. Она легко летит к вселенским вершинам, чувствует природу, откликается на трепет цветка на ветру, чувствуя полет пчелы и понимая песню сверчка. Одновременно с этим ее мир дисгармоничен, противоречит сам себе. Ее душа в постоянном конфликте с окружающим миром, она постоянно ощущает свою греховность» [2, с. 176].

Двойственность взаимоотношений Э. Дикинсон с Богом отмечает и современный российский исследователь Т. Ю. Боровкова. Автор не только констатирует метания поэтессы, но и пытается дать им обоснование: «Духовные поиски Э. Дикинсон происходили на фоне господствовавшей кальвинистской традиции, и хотя последняя, бесспорно, оказала значительное влияние на мировоззрение Э. Дикинсон, бунт поэтессы против устоявшихся догм привел к крайне неоднозначному толкованию ею вопросов религии и веры. В этой сфере для Э. Дикинсон нет непререкаемых авторитетов: она одновременно тянется к Богу и критикует его, жаждет утешения в молитве и сетует на ее тщетность, заимствует сюжеты из Библии и сомневается в правдивости Писания» [1, с. 7].

Одним из источников религиозности Э. Дикинсон Б. Дориани называет пророчества, чрезвычайно распространенные в Америке XIX века и получившие особую значимость в связи с началом войны между Севером и Югом. Они оказали значительное влияние не только на мировоззрение поэтессы, но и на стиль ее произведений. Вот что по этому поводу отмечает Б. Дориани: «...сама Дикинсон вступала в непосредственный контакт с пророчествами <...> через книги и проповеди священников, с которыми она соприкасалась куда чаще, нежели с пророками-мирянами. Христианские пророческие тексты девятнадцатого столетия (как устные, так и письменные) распространили традицию древнееврейских пророчеств и на время жизни поэтессы» [5, с. 7–8]. Разумеется, признает автор, Э. Дикинсон не могла полностью избежать знакомства с мирскими пророческими текстами, особенно когда пришла война: с приближением войны в литературу вошли апокалипсические предчувствия, звучали заявления о том, что «война – Божья кара за грех рабовладения» [там же]. Неслучайно именно на военный период приходится большинство

произведений Э. Дикинсон. Полагаем, такой напряженной атмосфере, насыщенной идеями божественного возмездия и апокалипсических предчувствий, «романтизации смерти» принадлежит весьма и весьма весомый вклад в отчаяние и безысходность, так часто охватывавшие поэтессу и сквозящие во многих ее стихах.

Проведенный анализ стихотворений Э. Дикинсон и научных работ как отечественных, так и зарубежных авторов позволяет сделать некоторые предварительные выводы. Бог в произведениях американской поэтессы предстает в целом ряде образов: милостивого и справедливого Творца, сурового судии, безжалостного грабителя. Тексты произведений Э. Дикинсон отражают ее духовные метания, очерчивая диапазон отношений с Богом от полного принятия и смирения Его воле до неприкрытого бунта. Причины этого лежат как в глубоко религиозном воспитании, полученном поэтессой, так и в общей политической и духовной жизни страны в тяжелый период войны между Севером и Югом. *Перспективой* дальнейшего исследования, на наш взгляд, может стать более глубокий и всесторонний анализ как произведений Э. Дикинсон на религиозную тематику, так и результатов научных исследований, проведенных в Украине и за рубежом.

Список литературы

1. Боровкова Т. Ю. Философско-религиозные искания в поэзии Э. Дикинсон : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. Ю. Боровкова. – Воронеж : ВГУ, 2012.
2. Гиленсон Б. А. История литературы США : [учеб. пособие для студентов филол. фак. ун-тов и высш. пед. учеб. заведений] / Б. А. Гиленсон. – М. : Академия, 2003.
3. Захарова В. В. Послесловие / В. В. Захарова // *An Anthology of English and American verse*. – Moscow : Progress publishers, 1972. – С. 66–68.
4. Рабинович С. К. Эмили Дикинсон. «Придумать жизнь немудрено» / С. К. Рабинович // *Урал*. – 2001. – № 6. – С. 4–16.
5. Doriani В. М. *Emily Dickinson: Daughter of Prophecy* / В. М. Doriani. – Amherst : The University of Massachussets Press, 1996.
6. Sewall R. В. *The life of Emily Dickinson* / R. В. Sewall. – Cambridge, Mass. : Harvard University Press, 1994.

УДК 821.161.1.09

Е. Н. Бабак

**ФИЛОСОФСКО-ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ АКИМА
ВОЛЫНСКОГО**

**AKUM VOLYNSKIY PHILOSOPHICAL AND AESTHETIC
VIEWS**

Аннотация

В статье рассматриваются философско-эстетические взгляды Акима Волинского, одного из ведущих профессиональных литературных критиков Серебряного века. Характеризуется становление мировоззрения автора. Анализируются критические статьи и книги, в которых автор обнаруживает эстетическую и философскую немощь русских критиков, отстающих от его представлений об истине. Рассматриваются следующие характеристики материалистической эстетики, раскрытые автором: пренебрежение вечным философским, морально-религиозным содержанием, сведение его к злободневным социально-политическим вопросам, отсутствие внимания к эстетической специфике искусства. Обобщаются критические отзывы автора, касающиеся эстетических взглядов выдающихся русских и немецких писателей и философов, их роли в литературе.

Ключевые слова: философские взгляды, эстетические взгляды, Серебряный век, духовная культура, критика, социологическая публицистика.

Анотація

У статті розглядаються філософсько-естетичні погляди Акима Волинського, одного з провідних професійних літературних критиків Срібного віку. Характеризується становлення світосприйняття автора. Аналізуються критичні статті та книги, в яких автор викриває естетичну та філософську немощ російських критиків, які відступають від його уявлень про істину. Розглядаються такі риси матеріалістичної естетики, розкриті автором: зневага до вічного філософського, морально-релігійного змісту, зведення його до злободенних соціально-політичних питань, відсутність уваги до естетичної специфіки мистецтва. Узагальнюються критичні відгуки автора щодо естетичних поглядів видатних російських та німецьких письменників та філософів, їх ролі в літературі.

Ключові слова: філософські погляди, естетичні погляди, Срібний вік, духовна культура, критика, соціологічна публіцистика.

Annotation

The article discusses philosophical and aesthetic views of Akym Volynskiy, one of the prominent professional critics of the Silver Age. Formation of the author's ideology is considered. Critical articles and books in which the author exposes the aesthetic and philosophic helplessness of Russian critics, who do not share his ideas about the truth, are analyzed. The following features of materialistic aesthetics are criticized: disrespect for eternal philosophical, moral and religious values, reducing them to the crucial social and political issues of the day, lack of attention to the aesthetic specificity of art. A. Volynskiy's critical approaches to the aesthetic views of outstanding Russian and German writers and philosophers, their role in literature are summed up.

Key words: Philosophical views, aesthetic views, the Silver Age, spiritual culture, criticism, sociological public thought.

История русской критики Серебряного века является на сегодняшний день малоисследованной областью. Даже наследие ведущих критиков той поры, не говоря о творчестве всех её действующих лиц, ещё не изучено с должным вниманием. Данная статья ставит своей целью восполнить этот пробел, что и определяет ее *актуальность*. *Объектом исследования* является деятельность одного из ведущих профессиональных литературных критиков Серебряного века – Акимы Львовича Волинского (Хаима Лейбовича Флексера, 1861/1863–1926), который сыграл существенную роль в развитии русской религиозно-философской мысли и русского символизма. Он был главным критиком «Северного вестника» (с 1889 года вплоть до закрытия данного издания в 1899 году, а с 1892 и его идеологом) – единственного журнала, целенаправленно печатавшего в 90-е годы XIX века произведения зарубежных и русских символистов. На страницах журнала А. Л. Волинский пропагандировал философский идеализм, религиозность, новое идеалистическое искусство, предвосхитив идеи, позже ставшие знаменем Серебряного века.

П. В. Куприяновский вполне справедливо отмечал [6], что основной задачей своей деятельности в «Северном вестнике» А. Л. Волинский считал пропаганду «духовной культуры» – философии, эстетики, искусства, поэзии. Главным же для критика была философия, так как он считал серьёзное философское образование каждой личности

непременным условием, основой социально-духовного прогресса. «Доколе образование России будет находиться в руках людей, не получивших серьёзного философского воспитания, (...) доколе в сознание русского общества не проникнет оживляющий свет строго логической мысли, доколе и в обществе и в литературе будет держаться (...) духовная тьма» [3, с. 92]. Ученый считал, что философские истины нуждаются в распространении: «Для великих мыслителей нужны комментаторы, смелые популярные глашатаи новооткрытых истин, нужны люди со звонкими голосами и с непреклонною готовностью стоять твёрдо, неотлучно под определёнными знаменами» [1, с. 111]. Наверное, поэтому у А. Л. Волынского, осознававшего себя одним из распространителей философских истин, так много статей и рецензий на чисто философские темы. Он был настоящим популяризатором философии, писал о Г. Ф. Гегеле, А. Шопенгауэре, Ф. Ницше, П. Д. Юркевиче, В. С. Соловьёве, Л. Н. Толстом как философе, А. И. Герцене, И. В. Киреевском и др. Поэтому исследователи зачастую сводят миропонимание А. Л. Волынского к эклектичному набору чужих идей. С этим трудно согласиться. Его статьи являются не просто пересказом чужих мыслей, а их обстоятельным анализом с собственной, вполне определённой позиции. Свои философские взгляды А. Л. Волынский излагал не однажды. Они не были абсолютно оригинальны. Однако мнение Е. К. Созиной [7], опиравшейся на П. В. Куприяновского и отражавшее устойчивое представление большинства литературоведов о том, что мировоззрение А. Л. Волынского было лишь «эклектическим смешением отдельных моментов учений Канта, Гегеля, Спинозы и Шопенгауэра», следует считать излишне категоричным.

С тем, что мировоззрение А. Л. Волынского состояло только лишь из несвязанных друг с другом осколков чужих идей, нельзя согласиться. Действительно, он опирался на философию предшествующих эпох: Канта, Гегеля, Шопенгауэра, христианство, иудаизм, и в этом смысле был отчасти эклектичен, однако при более глубоком изучении оказывается, что все заимствованные им идеи переплавлялись в его сознании, сливаясь в единую, вполне целостную систему. Он черпал из мировой философии только то, что соответствовало его собствен-

ним взглядам. А. Л. Волынський смотрел на мир сквозь призму чужих идей, но своими глазами. В отличие от своих современников-идеалистов В. С. Соловьёва, Б. Н. Чичерина, Л. М. Лопатина, А. И. Введенского, С. Н. Трубецкого, у него не было цели создать собственную оригинальную философскую систему, описывающую бытие в целом в более или менее твёрдой системе терминов. Многие высказывания А. Л. Волынського порой противоречат друг другу, понятия часто употребляются в разных значениях, они контекстуальны, т. е. имеют определённую лишь в данном контексте. Поэтому его идеи производят впечатление расплывчатости, их приходится выводить из большого числа философских суждений через сопоставление не двух, возможно, противоречивых высказываний, а всей их совокупности.

А. Л. Волынський не был философом в привычном смысле этого слова, а скорее пропагандистом, публицистом от философии. Об этом свидетельствует сам характер его философского мышления: он никогда не выражает сомнения, философской осторожности. В каждой своей статье А. Л. Волынський уверенно и непоколебимо возвещает уже открытую, найденную им истину, не задумываясь над собственными противоречиями. Впрочем, указанный недостаток часто оказывался оборотной стороной достоинства – менее искушенного читателя неизбежно подкупала уверенность, страстная убеждённость автора, эмоциональность его статей.

Философские суждения А. Л. Волынського (так же, как и критические) нуждаются в адекватной интерпретации и систематизации. Противоречия, присущие его идеям, не так уж непримиримы и могут быть объяснены. Мы считаем мировоззрение А. Л. Волынського оригинальным и полагаем, что его необходимо рассматривать в целостности, но не с точки зрения внешних влияний и заимствований.

Анализируя эстетические взгляды А. Л. Волынського, следует отметить, что в целом он подверг критике следующие стороны материалистической эстетики: пренебрежение вечным философским нравственно-религиозным содержанием, сведение его к злободневным социально-политическим вопросам, невнимание к эстетической специфике искусства, отношение к нему как к особой форме

пропаганды, выполняющей служебную роль орудия «для борьбы с обстоятельствами данного исторического момента» [1, с. 251]. Указанные черты присущи всем критикам-материалистам от В. Г. Белинского до Н. К. Михайловского и нашли наиболее яркое проявление в суждениях Д. И. Писарева.

А. Л. Волынский полагал, что Н. А. Добролюбов, основываясь на «ошибках последнего периода деятельности В. Г. Белинского» и эстетике Н. Г. Чернышевского, создал в литературной критике «целую публицистическую систему, совсем не пригодную для оценки художественных произведений» [5, с. 120], то же А. Л. Волынский говорил и о Д. И. Писареве. Оба в литературно-критических статьях в основном обсуждают жизнь с социологической точки зрения, отодвигая в сторону литературу как особую эстетическую реальность. При этом, однако, А. Л. Волынский отмечает яркую увлекающую публицистичность литературных статей, а также «силу настоящего критического дарования» [5, с. 131], присущие злободневной социологической публицистике как Н. А. Добролюбова, так и Д. И. Писарева. Ранние статьи Д. И. Писарева демонстрируют его «природную чуткость к поэтическим и художественным красотам», писал А. Л. Волынский [5, с. 137]. Одна из самых лучших зрелых статей Д. И. Писарева – «Базаров», где автор верно, по мнению А. Л. Волынского, определил художественные достоинства романа, хотя и дал им однобокую интерпретацию. Отдает должное А. Л. Волынский и Н. А. Добролюбову, отмечая, что в его превосходных рецензиях, а также в статьях о И. А. Гончарове, А. Н. Островском, И. С. Тургеневе содержатся тонкие эстетические суждения и эти публикации ценны не только художественным анализом, но и гуманными публицистическими устремлениями авторов. «По своему значению в истории русской литературы статьи эти должны быть признаны самым выдающимся вкладом либеральной журналистики того времени в общую сумму духовного труда и усилий, шевеливших критическую мысль в интеллигентных русских людях», считал А. Л. Волынский [5, с. 122].

Итак, хотя о Волынском достаточно много написано, литературно-критическая его деятельность ещё ждёт своего систематического,

объективного и всестороннего исследования. В связи с общей актуальностью литературного и критического наследия Серебряного века, о котором в последнее время появилось немало публикаций, перспективность изучения творчества А. Л. Волынского не вызывает сомнения.

Список литературы

1. Волынский А. Л. (рец. на кн.) Вопросы философии и психологии / А. Л. Волынский // Северный вестник. – 1889. – № 12. – С. 124–128.
2. Волынский А. Л. ЛЗ / А. Л. Волынский // Северный вестник. – 1891. – № 6. – С. 197–216.
3. Волынский А. Л. (рец. на кн.) Юлия Безродная. Офорты, повести, этюды, сказки / А. Л. Волынский // Северный вестник. – 1892. – № 9. – С. 89–94.
4. Волынский А. Л. Чернышевский и Гоголь / А. Л. Волынский // РК. – С. 687–719. ПП–СВ. – 1893. – № 1. – С. 127–170.
5. Волынский А. Л. О причинах упадка русской критики / А. Л. Волынский // РК. – С. 751–772. ПП–СВ. – 1893. – № 3. – С. 108–141.
6. Куприяновский П. В. «Оглядываюсь на прошлое...»: журнал «Северный вестник» 1890-х годов и его литературная позиция / П. В. Куприяновский. – Воронеж, 2009. – С. 192–194, 198.
7. Созина Е. К. А. Волынский в русском литературном процессе 1890-х годов / Е. К. Созина // Русская литература 1870–1890 гг. Проблемы характера. – Свердловск, 1983.

УДК 81'42:61

Ю. Ю. Ушакова

О ПОНЯТИИ МЕДИЦИНСКОГО ДИСКУРСА ON THE CONCEPT OF MEDICAL DISCOURSE

Аннотация

В статье очерчиваются контуры медицинского дискурса (далее МД) как самостоятельного предмета лингвистического изучения, дается его общая характеристика. Рассматриваются особенности МД как особого вида институционального дискурса, характеризующегося рядом социолингвистических признаков, из которых важнейшими являются цель общения, статусно-ролевые отношения участников и типовые обстоятельства общения. Рассмотрены эмоциональная, этическая и лексическая наполняемость коммуникативной сферы «врач-пациент», дискурсивные практики, сформировавшиеся в данной сфере.

В исследовательской части статьи МД представлен как коммуникативная деятельность в сфере общения «врач-пациент», имеющая как признаки, отличающие ее от других типов дискурса, так и общие с ними признаки.

Анализ МД позволяет раскрыть внутренние механизмы его порождения, функционирования и воздействия на пациента.

Ключевые слова: дискурс, медицинский дискурс, институциональный дискурс, язык медицины, коммуникация, коммуникативная сфера «врач-пациент», дискретный медицинский дискурс.

Анотація

У статті окреслено контури медичного дискурсу як самостійного предмету лінгвістичного вивчення, надано загальну характеристику медичного дискурсу. Розглянуто особливості медичного дискурсу як особливого виду інституціонального дискурсу, який характеризується низкою лінгвістично релевантних ознак, з яких найважливішими є мета спілкування, статусно-рольові відносини його учасників і фіксовані типові обставини спілкування. Розглянуті емоційна, етична, лексична наповнюваність комунікативної сфери «лікар-пацієнт». У дослідницькій частині статті визначені дискурсивні практики, що сформувалися у сфері медичної комунікації на рівні «лікар-пацієнт». Медичний дискурс, під котрим звичайно розуміють комунікаційну діяльність у сфері спілкування «лікар-пацієнт», є складовим елементом системи інституційних дискурсів і має як ознаки, що відрізняють його від

інших типів дискурсу, так і загальні ознаки, притаманні іншим видам дискурсу. Аналіз медичного дискурсу не тільки виявляє зовнішні особливості мовлення, але й дозволяє розкрити внутрішні механізми його функціонування, породження і розповсюдження, а також вплив на пацієнта.

Ключові слова: дискурс, медичний дискурс, інституційний дискурс, мова медицини, комунікація, комунікативна сфера «лікар-пацієнт», дискретний медичний дискурс.

Annotation

The article outlines the contours of medical discourse (MD) as subject of linguistic study, provides an overview of MD as a special kind type of institutional discourse characterized by a number of sociolinguistically relevant features, the most important of which are the goal of communication, status relationship and roles of the participants and the circumstances of communication. A special attention is given to the «doctor-patient» relationship patterns which are considered from the emotional, ethical and linguistic points of view with a focus on the discursive practices that have emerged at the level of «doctor-patient» communication. Studying MD does not only help to identify external its formal features, but also gives valuable insights into the internal psychological and social mechanisms of its functioning, its impact on the patient in the first place.

Key words: discourse, medicine discourse, institutional discourse, the language of medicine, communication, communicative sphere «doctor-patient», a digital medical discourse.

В современной лингвистической науке понятие «дискурс» – одно из самых дискуссионных, хотя и входит в операционные системы гуманитарных, социополитических и других областей знаний. Термином «дискурс» обозначают множество различных явлений. Дискурс относится к когнитивным понятиям, связанным с передачей и оперированием знаниями особого рода, созданием новых знаний. Дискурс как текст в ситуации общения рассматривается с точки зрения коммуникативного, формального, функционального, ситуативного, синергетического и других подходов. Дискурс понимается как целостное речевое произведение в многообразии его когнитивно-коммуникативных функций, как взаимодействие участников общения, как совокупность вербальных и невербальных действий. Это явление находится между речью, общением, языковым поведением, с одной стороны, и фиксируемым текстом, с другой.

Как лингвистическая категория дискурс представляет собой сложный и многоаспектный объект исследования. Изучением дискурса занимаются различные науки: лингвистика, прагмалингвистика, психология, философия, социология, антропология, этнология, юриспруденция, педагогика, политология. Каждая из этих наук подходит к изучению дискурса по-своему.

Для лингвистики текста существенным является вопрос о тексте как процессе, и здесь структурная модель описания текста как самодостаточного герметичного образования становится ограниченной, возникает необходимость учета обстоятельств общения и характеристик коммуникантов, т. е. требуется переход к коммуникативной модели представления текста. Такой переход осуществляется в следующих направлениях: 1) осваиваются результаты исследований, так или иначе связанных с целостным текстом, в прагма-, психо- и социолингвистике, риторике, литературоведении, когнитологии, 2) концептуально и терминологически противопоставляются текст, погруженный в ситуацию реального общения, т. е. дискурс, и текст вне такой ситуации, 3) на первый план выходят вопросы, связанные с порождением и пониманием текста, с диалогической природой общения, 4) исследуются не идеальные, правильно построенные тексты, а текстовые стратегии в их разнообразных реализациях [3, с. 270].

«Дискурс» как самостоятельный научный термин появился в 70-е годы XX века в западноевропейской лингвистике (М. Фуко, Т. А. Ван Дейк, др.), таким образом, это понятие не является совершенно новым для лингвистической науки.

Однако, несмотря на то, что термин «дискурс» приобрел в последние десятилетия широкую популярность, однозначного и общепризнанного определения данного понятия не существует. Как отмечают многие исследователи (Н. Д. Арутюнова, Т. А. Ван Дейк, В. И. Карасик, О. В. Коротеева, В. В. Красных, Е. С. Кубрякова, М. Л. Макаров и др.), дискурс является объектом междисциплинарного изучения.

С точки зрения лингвистики речи дискурс выступает как процесс живого вербализуемого общения, характеризующийся целым рядом отклонений от канонической речи, отсюда внимание к степени его спонтанности, завершенности, тематической связности и понятности.

С точки зрения социолингвистики дискурс выступает как общение людей, рассматриваемое с позиций их принадлежности к той или иной социальной группе, или применительно к той или иной типичной речеповеденческой ситуации, например, ситуации институционального общения. Так, применительно к современному социуму выделяют политический, административный, юридический, военный, педагогический, религиозный, мистический, медицинский, деловой, рекламный, спортивный, научный, сценический и массово-информационный виды институционального дискурса.

Медицинский дискурс (далее МД) – достаточно новый объект изучения. В последние годы в зарубежной лингвистике появился ряд исследований, посвященных медицинскому дискурсу (M. Balint, T. Shelton, M. Brunton, B. Radeski, H. Herbest, H. Stewart, D. Rosental). Известен ряд работ по терапевтическому дискурсу (S. Fisher, S. V. Groce, N. Hein, R. Wodak).

Однако устный медицинский дискурс стал объектом изучения лишь в последние годы, причем в центре внимания исследователей оказывались в основном лингвопрагматический и когнитивный аспекты, а также проблемы медицинского терминообразования (Э. В. Акаева, Л. С. Бейлинсон, Н. К. Болокова, Н. В. Гончаренко, Н. А. Емельянова, В. В. Жура, К. М. Лопата, С. Л. Мишланова, Н. Ю. Сидорова, М. И. Барсукова и др.).

Большинством языковедов МД понимается как институционно обусловленное коммуникативно-речевое взаимодействие, включающее личностный, содержательный, деятельностный, ценностный, коммуникативный компоненты, обеспечивающие подготовленность и способность медиков к успешному выполнению профессиональных задач и эффективное коммуникативное взаимодействие между собой и с пациентами во всем многообразии имеющих отношение к медицине ситуаций.

Изучение МД представляется актуальным уже в силу того обстоятельства, что здоровье является одной из высших ценностей человека. Поэтому важно понять, как посредством медицинского дискурса решаются профессиональные задачи, требующие рефлексивного клинического мышления, дискурсивной компетенции

профессионально-ориентированной направленности. В своей деятельности врач вступает в коммуникативный процесс, и одним из профессионально востребованных качеств специалиста-медика является умение эффективно общаться с пациентом.

Подобно другим видам дискурса, медицинский дискурс включает в себя участников общения, условия общения, организацию общения, способы и материалы общения. Медики выступают в определенных статусно-ролевых и ситуационно-коммуникативных ролях, поэтому медицинский дискурс охватывает также коммуникативную среду, мотивы, цели, стратегии, канал, режим, тональность, стиль и жанр общения.

«Медицинский дискурс, – отмечает Л. С. Бейлинсон, – является одним из древнейших, врач как носитель особого знания выступает в качестве модифицированного жреца, которому дано было право обращаться к небесным силам для исцеления больных. Именно близость медицинского и религиозного типов дискурса ведет к значительной степени суггестивности медицинского общения врача с пациентом. Лечение может быть успешным только в том случае, если пациент доверяет врачу. Соответственно, на протяжении веков врачи выработали особые формульные модели поведения, органически составляющие специфику медицинского дискурса» [2, с. 107].

Исследования (Л. С. Бейлинсон, В. В. Жура, М. И. Барсукова и др.), проведенные с целью изучения особенностей медицинской коммуникации, показали, что для МД характерным является метод воздействия, поскольку общение врача с пациентом основано на психологическом влиянии на личность больного: информация, передаваемая врачом, воздействует на чувства и разум пациента, изменяет внутренний мир, регулирует его поведение. Пациент воспринимает её как данность, не требующую доказательств, т. к. информация исходит от авторитетного лица (врача). С помощью передаваемой информации врач не только решает профессиональные задачи, но и апеллирует к чувствам, эмоциям и разуму пациента, приводит последнего в нужное ему психологическое состояние. Коммуникативная компетенция, коммуникативная толерантность, эмпатия, личное обаяние, юмор, волевые, интеллектуальные, характерологические качества врача усиливают суггестивное воздействие.

Основной целью коммуникации в рамках МД является оказание помощи заболевшему человеку. Соответственно, центральной парой участников выступают врач и пациент. Специфика текстов, в которых воплощается МД, прямо или косвенно выражает ценности данного вида общения и соответствует его жанрам (осмотр больного, консилиум, история болезни, медицинская справка, заключение о состоянии здоровья больного и др.). Приведем пример коммуникативной ситуации «осмотр больного».

D. Where do you have pain?

P. In my heart.

D. Do you have pain under the shoulder blade?

P. Yes, I do.

D. Are you suffering from any chronic diseases?

P. Yes, I am.

Дифференциация медицинских наук и областей знания находит отражение в развитии прежде всего узкоспециальной терминологии, что, с одной стороны, облегчает понимание и обмен информацией между врачами в рамках одной специальности, с другой – затрудняет взаимопонимание между представителями разных отраслей медицины. Кроме того, могут возникать проблемы в коммуникации между врачом и больным, в случаях необходимости поставить правильный диагноз на основе описания симптомов заболевания пациентом, не владеющим специальной терминологией.

Характер МД, его протекание зависят от конкретных ситуаций, связанных с оказанием медицинской помощи больному. Обычно он обусловлен специализированным учреждением, прототипом которого является кабинет врача, где выделяются следующие позиции: место врача и место пациента (обычно стол и стул врача и стул пациента, возможна кушетка и т. д.), при этом врач и пациент не могут меняться местами. Временные рамки соответствующей разновидности МД ограничены необходимостью осмотра, специальной беседы, оказания необходимой помощи и заполнения врачом лечебной документации. Специальная беседа и составляет основную часть медицинского дискурса.

С точки зрения сферы общения «врач-пациент», МД выступает

как дискурс, предполагающий дискретность, обусловленную спецификой обстоятельств своего протекания. Такими обстоятельствами в профессиональной деятельности врача являются сеансы общения с пациентом, регламентированные традиционными схемами процесса диагностики. Поэтому дискурс диалогов «врач-пациент» не может не быть дискретным в силу асимметрии коммуникативного взаимодействия. Это обусловлено коммуникативной приоритетностью врача, его более высоким статусом, профессиональной компетентностью, чертами личности, практическими навыками и умениями.

«Дискретный медицинский дискурс – это дискурс неравноправных партнеров, поскольку врач выступает коммуникативным лидером, выстраивая стратегию общения. Врач и пациент периодически могут меняться ролями говорящего и слушающего. И хотя в целом их общение мы характеризуем как диалог, в самой структуре этого диалога возможны довольно весомые по объему фрагменты монологической речи. Это бывает, в частности, тогда, когда врач составляет анамнез и выслушивает рассказ пациента о всех его прошлых и настоящих проблемах со здоровьем. Дискретный дискурс предусматривает также наличие пауз, и к тому же регулирует их по обыкновению врач: например, при выслушивании ритмов сердца, при измерении артериального давления и т. п.» [5, с. 68–69].

Do you use tobacco products? Врач делает паузу, выслушивая ответ пациента. *Do you drink alcohol?* (Пауза). *Do you get enough sleep at night?* (Пауза). *Do you exercise regularly?*

Следует отметить, что в современном цивилизованном обществе сложились высокие моральные требования к поведению врача, который не имеет права злоупотреблять доверием пациента, унижать пациента, обязан хранить медицинскую тайну, поддерживать в пациенте веру в выздоровление. Демонстрация уважительного отношения к больному – важнейшая составляющая МД.

Речь врача должна максимально соответствовать этическим нормам – должна быть построена в дружелюбной тональности, носить деликатный характер, активно использовать арсенал эвфемистических средств языка, помогающих «сглаживать острые углы». При этом в некоторых случаях врач, напротив, должен уметь проявить

определенную жесткость и требовательность в общении: «К своему здоровью надо относиться серьезно», «Мы сделаем для Вас все возможное, но прежде всего Вы должны помочь себе сами», «Успех лечения зависит от строгого соблюдения всех рекомендаций».

Конфликты в медицинском дискурсе неизбежны (летальный исход, получение инвалидности, неудачно проведенная операция). Однако врач в подобных случаях должен уметь стратегически верно выстраивать линию поведения, по возможности избегая кризисных ситуаций.

Как отмечает М. И. Барсукова: «Выбор того или иного приема и его речевое наполнение зависит от профессиональных целей и ситуаций общения, от типа личностей адресанта и адресата, от уровня их общей культуры и речевой культуры врача и пациента. Результативному общению могут помешать психологический настрой врача и пациента. Врач должен применять ряд тактических шагов, цель которых – предотвратить или устранить негатив (только что наметившийся, недавно возникший, существующий давно, нарастающий, неизбежный). С этой целью врач может прервать речь больного, перевести разговор на другую тему, отвлечь внимание пациента шуткой» [1, с. 636].

В эмоциональном плане в сфере общения с пациентом врач должен уметь быть отстраненным. Это позволит ему объективно оценивать ситуацию и выбирать адекватные дискурсивные способы решения проблем. С другой стороны, отвечая за создание определенной терапевтической атмосферы общения, а также психоэмоциональное здоровье пациента, врач организует общение в соответствии с эмоциональными потребностями больных, нуждающихся в утешении, ободрении, поддержке. Ниже приведен пример того, как врач пытается вразумить пессимистически настроенного пациента.

These thoughts can paralyze you and stop you from doing the very things that will get you out of a lousy situation.

Врач должен уметь так выстраивать свое речевое поведение, чтобы пациент самостоятельно приходил к нужному решению и не чувствовал неприятия и сопротивления мнению врача.

Логично предположить, что языковое воплощение МД строится на базе лексико-семантического аппарата медицины, основу которого

составляют медицинские термины как носители специальной информации. Вместе с тем МД в сфере общения «врач-пациент» включает и иные пласты лексики, не входящие в специфический круг медицинской терминологии, а также невербальные средства коммуникации (жесты, мимика, проксемика и т. д.), эмоциональная и этическая составляющие.

МД обычно рассматривается как разновидность институционального дискурса. Он функционирует в заданных рамках статусно-ролевых отношений, имеющих регулятивную направленность, регламентированных как по содержанию, так и по форме (Л. С. Бейлинсон, Г. В. Димова, М. С. Каган, В. И. Карасик, О. А. Каратанова, И. А. Колесникова, Н. А. Комина, О. В. Коротева, Е. С. Кубрякова, А. К. Михальская). Как отмечает В. И. Карасик: «Признаки институциональности фиксируют ролевые характеристики агентов и клиентов институтов, типичные хронотопы, символические действия, трафаретные жанры и речевые клише. Институциональное общение – это коммуникация в своеобразных масках. Именно трафаретность общения принципиально отличает институциональный дискурс от персонального» [4, с. 11].

Как вид институционального дискурса МД представляет собой специализированную клишированную разновидность общения между людьми, которые могут не знать друг друга, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума.

Специфика МД как институционального раскрывается в типе общественного института «медицина», к которому он относится, и который в коллективном языковом сознании социума назван особым именем и представляется в ключевом концепте данного института – «здоровье». МД в языковом сознании связан с определенными функциями людей, составляющих категорию медицинских работников, сооружениями, построенными для выполнения данных функций (больницами, поликлиниками, медпунктами и др.), общественными ритуалами и поведенческими стереотипами, мифологемами, а также текстами, производимыми в этом социальном образовании.

Однако, если формально МД действительно проявляет все признаки институционального дискурса, то в плане содержания он

обнаруживает также ряд характеристик, более типичных для лично-стно ориентированных типов дискурса. Это объясняет его своеобразие, раскрытие которого на материале английского языка составляет перспективу дальнейшего исследования.

Список литературы

1. Барсукова М. И. Тактика соблюдения корпоративной этики в профессиональной деятельности врача / М. И. Барсукова // Бюллетень медицинских Интернет-конференций. – 2013. – Т. 3. – № 3. – С. 636–637.
2. Бейлинсон Л. С. Медицинский дискурс / Л. С. Бейлинсон // Языковая личность : институциональный и персональный дискурс : сб. науч. тр. – Волгоград, 2000. – С. 103–116.
3. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград, 2002. – 477 с.
4. Карасик В. И. О типах дискурса / В. И. Карасик // Языковая личность : институциональный и персональный дискурс : сб. науч. тр. / под ред. В. И. Карасика, Г. Г. Слышкина. – Волгоград, 2000. – С. 5–19.
5. Литвиненко Н. П. Медичний дискурс як предмет вивчення у процесі мовної підготовки майбутнього лікаря [Електронний ресурс] / Н. П. Литвиненко // Научные исследования. Теория и практика. Badania naukowe. Teoria i praktyka. – 29.08.2012. – 32.08.2012. – С. 68–70. – Вроцлав / Wrocław. – Режим доступа : http://конференция.com.ua/files/image/konf%208/sb8_2_14.pdf

УДК 378.147.016:81'243]:004.738.5

Т. К. Меркулова

**ПСИХОЛОГО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПРОФИЛЬ
УЧАСТНИКОВ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРОЕКТА
«LINGUAEXCHANGE»**

**PSYCHOLOGICAL AND LINGUISTIC PROFILE OF
INTERCULTURAL COLLABORATIVE ONLINE
EXCHANGE PARTICIPANTS**

Аннотация

В статье анализируются результаты проведения международного языкового онлайн-проекта с использованием социальных интернет-сетей «VKontakte» и «Skype», целью которого является формирование у студентов межкультурной коммуникативной компетенции и повышения их внутренней позитивной мотивации. Описываются все этапы проведения проекта, в котором принимают участие студенты факультета «Референт-переводчик» ХГУ «НУА» и их ровесники – студенты двух университетов США, изучающие русский язык как второй иностранный. Анализируются положительные наработки и неудачи проекта. Делается попытка составить психолого-лингвистический профиль его участников на основании их ответов на вопросы двух анкет, предложенных до начала и по окончании проекта. Делается вывод об исходном и финальном уровне учебной мотивации и степени владения письменными навыками и умениями украинских студентов-участников проекта.

Ключевые слова: межкультурная коммуникативная компетенция; международные языковые онлайн-проекты; искусственный аутентичный языковой контекст; анкетирование; психолого-лингвистический профиль; познавательная и социальная учебная мотивация.

Анотація

У статті проаналізовано результати проведення міжнародного мовного онлайн-проекту з використанням соціальних інтернет-мереж «VKontakte» і «Skype», метою якого є формування у студентів міжкультурної комунікативної компетенції та підвищення їх внутрішньої позитивної мотивації. Описано всі етапи проведення проекту, в якому брали участь студенти факультету «Референт-перекладач» ХГУ «НУА» і їх ровесники – студенти двох університетів США, які вивчають російську мову як другу іноземну.

Проаналізовано позитивні напрацювання й невдачі проекту. Зроблено спробу скласти психолого-лінгвістичний профіль учасників на підставі їхніх відповідей на питання двох анкет, запропонованих до початку та після закінчення проекту. Зроблено висновок про вихідний і фінальний рівні навчальної мотивації і ступінь володіння письмовими навичками й уміннями українських учасників проекту.

Ключові слова: міжкультурна комунікативна компетенція; міжнародні мовні онлайн-проекти; штучний автентичний мовний контекст; анкетування; психолого-лінгвістичний профіль; пізнавальна й соціальна навчальна мотивація.

Annotation

The article analyses the results of an intercultural collaborative online exchange, using social network services ‘VKontakte’ and ‘Skype’, with the objective of developing students’ intercultural communicative competence and increasing their intrinsic motivation. The article describes all stages of the project, whose participants were students of the Department of translators and interpreters of People’s Ukrainian academy (Kharkiv) and their peers from two USA universities who study Russian as their second foreign language. Positive and negative results of the project are analysed. An attempt is made to draw its participants’ psychological and linguistic profile based on their answers to two questionnaires which were proposed before the beginning and after the end of the project. A conclusion about the Ukrainian participants’ initial and final level of academic motivation and their writing skills is made.

Key words: intercultural communicative competence; intercultural collaborative online exchanges; artificial authentic language context; survey; psychological and linguistic profile; cognitive and social academic motivation.

На современном этапе развития общества приоритетной целью обучения в специализированном языковом вузе является формирование у студентов отношения к изучаемому иностранному языку не только как средству межличностного и профессионального общения, но и как инструменту познания другой культуры. В связи с этим необходимой составляющей в профессиональной подготовке студентов становится формирование межкультурной коммуникативной компетенции, которая позволит им впоследствии более успешно адаптироваться на международном рынке труда (В. С. Библер (1993), С. Ю. Курганов (1990–1993), Е. И. Пассов (2003), Вуган М. &

Fleming M. (1998), и др.). Под лингводидактическим термином *межкультурная коммуникативная компетенция* (МКК) понимаются функциональные умения понимать взгляды и мнения представителей другой культуры, корректировать свое поведение, преодолевать конфликты в процессе коммуникации, признавать право на существование различных ценностей и норм поведения [5]. Ученые, занимающиеся проблемой МКК (И. А. Зимняя (2006), С. В. Муреева (2001), И. Л. Плужник (2003), Вугам М. & Fleming M. (1998) и др.), выделяют следующие компоненты:

1) *общекультурный*, т. е. осведомленность в области общекультурологических знаний и систем ценностей, существующих в различных странах;

2) *социокультурный*, т. е. владение умениями межличностного вербального общения с представителями другой страны, соблюдение соответствующих этических и этикетных речевых норм;

3) *лингвосоциокультурный*, предполагающий знание лексических и грамматических единиц, присущих языку различных стран, и их правильное использование в коммуникативном процессе.

Изучение всех этих компонентов включено в рабочие программы обучения будущих специалистов языковых вузов. Данные вопросы обсуждаются на лекциях и практических занятиях. Однако далеко не все студенты имеют возможность применить полученные знания и умения на практике и проверить уровень сформированности своей МКК в реальных условиях общения с носителями изучаемого языка, так как только небольшая часть студентов выезжает за рубеж или активно общается с носителями языка в университетской аудитории или вне ее.

Помочь в этом могут международные языковые онлайн-проекты с использованием интернет-технологий, которые позволяют создать искусственный аутентичный языковой контекст, который крайне важен для изучения иностранных языков [4]. В практике обучения иностранным языкам такие проекты используются в большинстве зарубежных стран уже более 10 лет и считаются эффективным приемом обучения и повышения мотивации студентов; в последнее время их все чаще стали применять и в отечественной методике (Brammert H. (1996);

Kelm O. (1996); Morris F. (2005); Swain M. (2000); Vinagre M. (2005); Горошко И. Е. (2009) и др.).

Объектом исследования, представленного в данной статье, является процесс межкультурного общения студентов украинского и американского вуза с целью повышения их учебной мотивации и развития умений письма и говорения. Цель исследования состоит в создании психолого-лингвистического профиля участников языкового онлайн-проекта и определении уровня их исходной и финальной мотивации относительно участия в проекте. Исследование представляется нам достаточно актуальным, так как его результаты могут оказаться полезными в организации учебного процесса на факультетах иностранных языков.

Описываемый проект «*LinguaExchange – Telecollaborative Partnerships*» был начат в 2011 году по инициативе профессора русского языка одного из частных университетов Чикаго, США, и продолжается уже третий год. В 2012/13 учебном году с украинской стороны в нем принимали участие 29 человек: 25 студентов II, III, IV курсов факультета «Референт-переводчик» и факультета последипломного образования ХГУ «НУА» и четыре студента других вузов Харькова. С американской стороны участвовали столько же студентов одного из частных университетов Чикаго и университета штата Айова. Целью украинской стороны проекта было предоставить украинским студентам, изучающим английский язык в качестве основной специальности, возможность использовать его в режиме онлайн для общения с партнером – носителем изучаемого языка и культуры. Таким образом повысить их мотивацию к использованию изучаемого языка во внеучебное время, а также совершенствовать их навыки и умения неподготовленной, неконтролируемой устной и письменной речи. Целью американских преподавателей было использовать онлайн-общение как контролируруемую внеаудиторную работу. Поэтому все письменные сообщения американских студентов были доступны для их преподавателей, они проверялись и оценивались.

Проект длился семь недель и состоял из двух блоков, разделенных по языку общения. В течение первого блока переписка и устное общение осуществлялись только на русском языке; в последующие

четыре недели – только на английском. Все задания были направлены на поиск информации о культуре, языке, особенностях образования и жизни молодежи страны изучаемого языка.

На заключительном этапе проекта, в качестве эксперимента, студентам группы РП-33, большая часть которой принимала участие в проекте, было предложено сделать совместный видеопроjekt с их американскими партнерами. Задачей американского партнера было снять 3-минутный видеоролик о жизни студентов своего вуза и переслать его украинскому партнеру со своими комментариями либо в Skype, либо в VKontakte. Украинские студенты должны были на аудиторном занятии представить и прокомментировать этот видеоклип. Последняя, экспериментальная, фаза проекта оказалась менее успешной, чем две предыдущие. Этот неудачный опыт подтолкнул организаторов проекта к мысли о том, что было бы интересно определить исходный и финальный уровень мотивации участников проекта. Для этого был составлен психолого-лингвистический профиль его участников. Основой для его создания послужили ответы потенциальных участников проекта на вопросы специально составленного опросника, который всем украинским студентам предлагалось заполнить на подготовительной стадии проекта. Для исследования был использован метод *индивидуального анкетирования*. Опросники включали ряд закрытых и открытых вопросов. В прикладной социологии *закрытыми вопросами* считаются такие, которые предполагают несколько вариантов ответа. На наш взгляд, они менее ценны, чем *открытые вопросы*, которые дают респонденту возможность выразить собственное мнение своими словами и поэтому дают более богатую по содержанию информацию [1]. Опросник состоял из 24 вопросов, каждый с несколькими вариантами ответов, один из которых был открытым. Мы уделяли особое внимание собственным ответам наших респондентов и считали, что уровень мотивации выше у тех, кто потрудился написать свой ответ на вопросы нашей анкеты.

На вопросы анкеты ответили 47 респондентов, но только 29 из них впоследствии стали реальными участниками проекта. Приведем в качестве примера несколько выборочных вопросов и ответов на

них. В вопросе № 2 студентам предлагалось ответить на вопрос: «Что для вас важнее в изучении иностранного языка: знания или хорошие оценки?» Варианты ответов были такими: (а) Знания, даже если оценки не очень высокие. (б) Знания, но желательно, чтобы оценки тоже были высокими. (в) Оценки, так как они влияют на диплом, стипендию, реакцию родителей и т. д. (г) Ваш ответ. Большинство студентов – 70%, выбрали вариант (б); вариант (а) выбрали только 30%. Вариант (в) не выбрал никто, что, по опыту автора статьи, показывает либо очень высокую мотивацию анкетированных, либо недостаточную честность некоторых из них.

Вопрос № 8 предлагал студентам ответить, как часто они говорят на английском языке в свое свободное время вне классной аудитории. Предлагались следующие варианты ответов: (а) Довольно часто, так как у меня есть друзья за границей – 26%. (б) Достаточно часто, так как я разговариваю на английском с моими однокурсниками – 11%. (в) Довольно редко, так как мне не с кем говорить по-английски – 60%. (г) Ваш ответ. Только два человека дали свой ответ на вариант (г). Один студент написал, что изредка разговаривает на английском с однокурсниками, а второй респондент ответил, что использует английский на работе каждый день, но только по специальности и с крайне ограниченным словарем.

На вопрос № 10, принимают ли они участие в каких-либо внеклассных мероприятиях, например, в разговорных клубах, чтобы улучшить свой уровень владения английским языком, ответ (а) «Да, я делаю это постоянно» – не выбрал ни один человек; 32% респондентов выбрали ответ (б) – «Да, я делаю это иногда, когда у меня есть время»; 56% выбрали вариант (в) «Нет, и я не знаю, существует ли нечто подобное в нашем городе». Свой ответ написали 13% студентов. Типичные ответы были такими: «Нет, но я знаю, что такие клубы существуют в нашем городе»; «У меня нет на это времени»; «Такие клубы есть в центре, а я живу в пригороде».

Последний вопрос № 24 был открытым: «Что вы ожидаете от участия в проекте *«LinguaExchange – Telecollaborative Partnerships»*, и, в основном, именно он явился показателем уровня владения письменными навыками и умениями. Потенциальные участники

проекта продемонстрували свої граматическіе, лексическіе і орфографіческіе навички, а також умение правильно оформлять свої высказывания. В основном ответы были такими: «Я хочу улучшить свои знания и умения»; «Я надеюсь узнать много нового об американской культуре и образе жизни»; «Я надеюсь приобрести нового друга».

Анализ ответов студентов на вопросы анкеты позволил нарисовать следующий профиль потенциального участника международного онлайн-проекта – это молодой человек/девушка в возрасте от 18 до 30 лет, который:

- сознательно относился к изучению английского языка в школе;
- считает, что знания иностранного языка важнее, но оценки при этом лучше иметь хорошие;
- недоволен количеством часов иностранного языка в вузе, где он/она учится;
- рассматривает изучение английского языка и как рабочую необходимость, и как удовольствие;
- уверен, что знание иностранного языка оказывает решающее влияние при приеме на работу;
- получает удовольствие от возможности использовать изучаемый иностранный язык на занятиях;
- испытывает лексические трудности при использовании изучаемого языка на занятиях;
- довольно редко использует изучаемый иностранный язык в свое свободное время вне аудитории;
- практически никогда не принимает участия во внеаудиторных мероприятиях на английском языке и даже не знает, где это можно сделать;
- на аудиторных занятиях предпочитает дискуссии на интересные темы, языковые игры, конкурсы и просмотры фильмов;
- предпочитает творческие задания всем другим видам работы;
- для совершенствования своего уровня владения английским языком самостоятельно читает книги и смотрит фильмы, иногда общается с носителями языка и однокурсниками на изучаемом языке;
- хочет принять участие в международном языковом онлайн-

проекте, чтобы повысить уровень владения изучаемым языком и больше узнать о культуре и образе жизни американского народа;

- имеет довольно средний уровень владения грамматическими, лексическими и орфографическими навыками и умениями правильно оформлять свои высказывания.

В педагогической психологии выделяют два вида учебной мотивации: (1) *познавательную*, которая порождается «преимущественно самой учебной деятельностью и непосредственно связана с содержанием и процессом учения» и (2) *социальную*, порождаемую всей системой отношений, существующих между учащимся и окружающей его действительностью, и лежащей как бы за пределами учебного процесса [2]. Анализ ответов студентов на вопросы анкеты также позволил сделать вывод, что хотя все респонденты продемонстрировали оба вида учебной мотивации, большинству студентов скорее свойственна социальная мотивация.

По окончании проекта, в мае 2013 года, студенты заполнили еще одну анкету, которая послужила средством обратной связи для организаторов и частично подтвердила выводы, сделанные на основании первого анкетирования. Она также дала повод считать уровень финальной мотивации достаточно низким, так как только половина участников проекта, по ряду субъективных и объективных причин, нашла время и возможность ответить на вопросы финальной анкеты.

В целом опыт проведения данного международного проекта показал большую заинтересованность студентов в реальном общении со своими сверстниками – носителями иноязычной культуры и дал им возможность глубже познакомиться с реалиями современной жизни молодежи страны изучаемого языка. Руководители и организаторы проекта, в свою очередь, получили «пищу для размышления», как сделать проект следующего года более успешным и продуктивным.

Список литературы

1. Акимова М. К. Психологическая диагностика / под ред. М. К. Акимовой. – СПб. : Питер, 2005. – 303 с.

2. Божович Л. И. Проблемы формирования личности : под ред. Д. И. Фельдштейна ; вступительная статья Д. И. Фельдштейна. – 2-е изд. – М. : Изд-во «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1997. – 352 с.

3. Герасимова А. С. Теория учебной мотивации в отечественной психологии [Электронный ресурс] / А. С. Герасимова. – Режим доступа: http://www.ipras.ru/cntnt/rus/dop_dokume/mezhdunaro/nauchnye_m/razdel_2_p/gerasimova.html

4. Горошко Е. И. Виртуальное групповое обучение (с использованием Skype-технологий) как средство реформирования магистерских программ университетов [Электронный ресурс] / Е. И. Горошко. – Режим доступа: <http://www.textology.ru/article.aspx?aId=216>

5. Плужник И. Л. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/formirovanie-mezhkulturnoi-kommunikativnoi-kompetentsii-studentov-gumanitarnogo-profilya-v-p>

6. Byram M. & Fleming, M. (Eds.). Language learning in intercultural perspective / M. Byram, M. Fleming. – Cambridge : Cambridge University Press, 1998.

Студентська трибуна

УДК 378.035(477)

*В. О. Ильина***МЕТОДЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ВОСПИТАНИЯ В ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ КАК ЗАЛОГ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В УКРАИНЕ****METHODS OF IMPROVEMENT OF THE CIVIL EDUCATION IN HIGHER EDUCATIONAL ESTABLISHMENTS, AS A GUARANTEE OF A CIVIL SOCIETY FORMATION IN UKRAINE****Аннотация**

Статья посвящена проблеме формирования гражданственности в высшей школе. Тема гражданского общества приобретает все большую актуальность для украинских реалий, в связи с чем актуализируются и вопросы о путях его укрепления в Украине. В рамках данной статьи автор в качестве возможного пути трансляции гражданских ценностей в общество предлагает особенную деятельность высших учебных заведений, направленную прежде всего на гражданско-патриотическое воспитание студентов.

Автор ставит цель определить действенные методики гражданского и патриотического воспитания, которые могли бы быть реализованы образовательными учреждениями Украины для того, чтобы укрепить и ускорить становление гражданского общества в Украине. Среди таких выделяется внедрение практики моделирования работы важнейших органов государственной власти (например, Верховной Рады Украины).

В рамках данной статьи автор также выделяет набор качеств, которыми должен обладать современный гражданин Украины для эффективной жизни в обществе и оказания влияния на него.

Ключевые слова: гражданское воспитание, гражданственность, высшие учебные заведения, гражданское самосознание.

Анотація

Стаття присвячена проблемі формування громадянськості у вищій школі. Тема громадянського суспільства набуває все більшої актуальності для українських реалій, у зв'язку з чим актуалізуються і питання про шляхи його зміцнення в Україні. У межах цієї статті автор пропонує особливу діяльність вищих навчальних закладів, спрямовану насамперед на громадянсько-

патріотичне виховання студентів, як можливий шлях трансляції громадянських цінностей у суспільство.

Автор ставить мету визначити дієві методики громадянського та патріотичного виховання, які могли б бути реалізовані вищими навчальними закладами України для того, щоб зміцнити і прискорити становлення громадянського суспільства в Україні. Серед таких виділяється впровадження практики моделювання роботи найважливіших органів державної влади (наприклад, Верховної Ради України).

У межах цієї статті автор також виділяє набір якостей, якими повинен володіти сучасний громадянин України для ефективного життя в суспільстві і здійснення впливу на нього.

Ключові слова: громадянське виховання, громадянськість, вищі навчальні заклади, громадянська самосвідомість.

Annotation

The article deals with the problem of forming civil consciousness of students in higher educational institutions. The civil society theme is becoming increasingly important within the framework of the current Ukrainian realities, while brings about the questions of how to strengthen it in Ukraine. The author suggests special activities to be practiced in higher education institutions, which are aimed primarily at civil and patriotic education of students and viewed as a possible way of transmission of the civic values to society.

The author outlines effective methods of civil and patriotic education, that could be implemented in the educational establishments of Ukraine, among them are modeling the activities of the major government bodies (e.g., Verkhovna Rada of Ukraine).

The author also lists a set of qualities modern citizen of Ukraine should possess in order to lead out effective life in the society and influence it.

Key words: citizenship, civic consciousness, civic education, higher education.

Сегодняшнее украинское общество, находящееся в состоянии постоянных изменений, переживает не только глубинные трансформации, но в некоторых аспектах и зарождение новых процессов, а также форм и механизмов социального взаимодействия. Такое состояние перманентной изменчивости, хаотичности является вполне естественным, ведь в качестве суверенного, независимого государства Украина существует сравнительно недавно. Очень многое сделано для развития и укрепления социальных, культурных,

экономических, правовых основ такого независимого существования, но в то же время еще очень многое предстоит сделать для того, чтобы наше украинское общество перешло в состояние относительной стабильности.

В этой связи актуализируется проблема становления гражданского общества, которое, на наш взгляд, выполняет важнейшую стабилизирующую функцию. Благодаря своим институтам и организациям гражданское общество создает прочные структуры, на которых держится вся общественная жизнь. Важной характеристикой гражданского общества является достижение высокого уровня самоорганизации. Именно поэтому вопросы, связанные с формированием гражданского общества в Украине, являются вопросами первостепенной значимости и представляют большой интерес, прежде всего для социологов как представителей науки, изучающей общество, особенности его функционирования и развития.

Проблема гражданственности разрабатывалась многими учеными в различные периоды времени. Так, советские ученые вопрос формирования гражданственности рассматривали преимущественно сквозь призму политического и классового воспитания, что во многом объясняется историческим контекстом советской эпохи. В те времена данную проблему изучали И. Ильинский, В. Чупров и др. На сегодняшний день ракурс рассмотрения вопросов гражданского воспитания существенно расширился. В трудах современных ученых формирование гражданственности представляется проблемой не столько политической, сколько общесоциальной, внимание сместилось в сторону изучения социальных условий протекания этого процесса. В области данной проблематики работают Ю. Вишневский, З. Сикевич, В. Томалинцев и др. Изучением важнейших гражданских качеств занимались И. Беха, А. Князева, Е. Павлютенкова и др. Особенности воспитания этих качеств у молодежи в стенах образовательных учреждений посвящены работы В. Бойченко, А. Козлова, Т. Пелевина, М. Шимановского и др. Это далеко не полный перечень ученых, занимающихся проблемой становления гражданского общества в Украине.

И все же очевидным является тот факт, что «по-настоящему

гражданским» украинское общество до сих пор так и не стало, несмотря на все предпринимаемые меры в отношении его развития.

Гражданственность – это комплексное качество, которое формируется в процессе социализации. Именно поэтому мы поставили перед собой цель определить действенные методики гражданско-патриотического воспитания, которые могли бы быть реализованы образовательными учреждениями Украины. Достижение поставленной цели предполагается осуществить посредством разрешения следующих задач:

- определить понятие гражданственности, гражданского самосознания, выявить состояние гражданского самосознания современной украинской молодежи;
- определить набор тех качеств, которыми должен обладать гражданин Украины;
- описать методы развития гражданственности и формирования гражданского самосознания молодежи, выделить те из них, которые с наибольшим эффектом могут быть реализованы в условиях украинских социальных реалий отечественными учебными заведениями.

Начнем с того, что развитие гражданского общества – процесс неразрывно связанный с формированием гражданственности членов этого общества, с их осознанием себя в качестве важнейших единиц демократического общества, пониманием собственной значимости в обществе, своей социальной субъектности. По сути, речь идет о гражданском самосознании как важнейшей составляющей гражданственности.

К сожалению, на основании результатов множества социологических исследований, затрагивающих проблему национальной самоидентификации и гражданственности современной украинской молодежи, нельзя утверждать, что данная социальная группа обладает достаточным набором гражданских качеств. Так, например, можно говорить о тотальном отсутствии патриотизма у молодых людей, а также об отсутствии стремления влиять на ход событий общегосударственного масштаба, на развитие украинского общества. Имеет место нежелание работать для Родины, укреплять ее будущее [1, с. 13]. Важно отметить проявление негативной тенденции

выезда за границу наиболее активных и перспективных молодых людей: изначально – в поисках заработка, а впоследствии – с навязчивой целью стать гражданином другой страны.

На сегодняшний день, к сожалению, гражданские ценности занимают последние позиции в структуре ценностных ориентаций украинских студентов, о чем свидетельствуют результаты многих социологических исследований [2]. Формирование системы ценностей – это процесс очень сложный и длительный. Начинается он буквально с первых лет жизни, в семье. Однако агентам первичной социализации (родителям и другим близким) не всегда удается направить этот процесс в нужное русло, сформировать те ценностные основы, которые могли бы послужить предпосылкой развития национального, а затем гражданского (само)сознания. Здесь необходима четкая, тщательно продуманная концепция систематического гражданского воспитания, практическая реализация которой возлагается «на плечи» института образования. Именно этот институт обладает всем необходимым для реализации этой важнейшей миссии: методами, средствами, приемами, а главное – человеческим ресурсом в лице высококвалифицированных специалистов – педагогов [3, с. 120].

Гражданственность подразумевает способность использовать и отстаивать свои права и готовность выполнять обязанности перед обществом; уважать законы своего государства, проявлять свои патриотические чувства, в то же время не забывая о толерантном отношении к гражданам других государств, представителям других национальностей. По мнению многих исследователей, наиболее важной составляющей гражданственности, ее ядром является гражданское (само)сознание как осознание индивидом (и/или группой) своей причастности к Родине, ее народу [1; 2; 4].

Исходя из сказанного, образовательно-воспитательные меры по формированию гражданственности должны быть тесно связаны с идентификационными процессами, процессами осознания молодым человеком себя в качестве гражданина своей страны.

В условиях социальной и политической нестабильности, которые преобладают на сегодняшний день в Украине, у индивида может сложиться несколько искаженное представление об украинском

обществе и, как следствие, укрепиться нежелание принимать какое-либо участие в его развитии. Ввиду этого обстоятельства, перед образовательными учреждениями (особенно высшими) ставится целый ряд задач, связанных с правильной организацией гражданско-патриотического воспитания, направлением данного процесса с использованием всех возможных форм работы с обучающимися, как в стенах учебного заведения, так и за его пределами [3, с. 116]. В качестве таких воспитательных задач следует выделить следующие: утверждение в сознании и чувствах украинцев патриотических ценностей, формирование уважительного отношения к культурному и историческому прошлому Украины, к Конституции Украины, ее государственным законам, символике; повышение престижа воинской службы как вида государственной службы; формирование этнического, национального самосознания, любви к родной земле, государству, семье, народу; формирование толерантного отношения к другим народам, культурам и традициям, а также формирование языковой культуры [4].

Необходимым представляется применение деятельностного подхода в гражданском воспитании молодежи в высших учебных заведениях Украины. Речь идет о поощрении социальной активности студентов, направленной на участие в общественной деятельности. В рамках такого подхода хотелось бы выделить следующие методы: организация социологических, политических, правовых дебатных студенческих клубов, действующих на добровольной основе; организация и проведение «круглых столов», конференций различного уровня для обсуждения актуальных для украинского общества проблем; проведение встреч студентов с политиками, политологами, а также должностными лицами государственной власти, представителями различных организаций, деятелями культуры и искусства. Важным является, чтобы все эти мероприятия инициировались не «сверху», а самими студентами, чтобы в студенческой среде культивировалась идея престижности участия в таких мероприятиях. На наш взгляд, особенно эффективным может оказаться внедрение практики моделирования работы важнейших органов государственной власти, например, Верховной Рады Украины, а также международных

организаций, таких как Организация Объединенных Наций и т. п. [5, с. 38].

В заключение отметим, что только комплексная и системная организация процесса формирования гражданственности может дать желаемый результат. В этой связи представляется необходимым развитие гражданского и патриотического воспитания (с применением вышеуказанных методов) не только в высших учебных заведениях, но и в школах Украины.

Список литературы

1. Нечитайло И. С. Социологическая диагностика процесса формирования гражданственности в системе общего среднего образования Украины: методологические предпосылки и методы / И. С. Нечитайло // Наукові праці : наук.-метод. журн. – Вип. 184. – Т. 196. Соціологія. – Миколаїв : Вид-во ЧДУ ім. Петра Могили, 2012. – С. 13–17.
2. Остроухова А. С. Гражданственность как ценность студенческой молодежи [Электронный ресурс] / А. С. Остроухова. – Режим доступа: <http://www.sociology.kharkov.ua/docs/chten01/ostrouhova.doc>.
3. Нечитайло И. С. Механизм формирования гражданственности посредством высшей школы / И. С. Нечитайло // Вища освіта України. – Дод. 4, том VI (24). – 2010. – С. 115–121.
4. Приходько В. Гражданско-патриотическое воспитание личности как составляющая образовательного пространства [Электронный ресурс] / В. Приходько. – Режим доступа: <http://www.ukrdeti.com/firstforum/b49.html>.
5. Бех І. Д. Програма патріотичного виховання дітей та учнівської молоді / І. Д. Бех, К. І. Чорна. – К., 2006. – 39 с.

УДК 336.748.12

*В. П. Иванова***ВЛИЯНИЕ ИНФЛЯЦИИ НА СТАВКУ ДИСКОНТА И ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРОЕКТА****IMPACT OF INFLATION ON THE DISCOUNT RATE AND ECONOMIC EFFICIENCY OF THE PROJECT****Аннотация**

Ставка дисконтирования предопределяет значение дисконтированной стоимости денежного потока будущих периодов, а ее выбор – экономический эффект инвестиций. Ставка дисконтирования может задаваться в зависимости от целей инвестиционного проекта. В статье обобщены известные методы расчета и обоснования ставки дисконтирования и выделены основные из них. Предложена модель формирования ставки дисконта с учетом среднегодового уровня инфляции. Обосновано применение переменного коэффициента дисконтирования денежных потоков при обосновании экономической эффективности инвестиционных проектов. С целью получения более точных значений показателей экономической эффективности инвестиционного проекта исследовано влияние учета среднегодового уровня инфляции в составе слагаемых ставки дисконта.

Ключевые слова: инвестиции, эффективность, обоснование, метод, ставка дисконтирования, инфляция, модели.

Анотація

Ставка дисконтування зумовлює значення дисконтованої вартості грошового потоку майбутніх періодів, а її вибір – економічний ефект інвестицій. Значення ставки дисконту може вибиратися залежно від цілей інвестиційного проекту. У статті узагальнені відомі методи розрахунку й обґрунтування ставки дисконтування та виділені основні з них. Запропоновано модель формування ставки дисконтування з урахуванням середньорічного рівня інфляції. Обґрунтовано застосування змінного коефіцієнта дисконтування грошових потоків при обґрунтуванні економічної ефективності інвестиційних проектів. З метою отримання більш точних результатів розрахунків показників інвестиційного проекту досліджено вплив урахування середньорічного рівня інфляції в складі складових ставки дисконту.

Ключові слова: інвестиції, ефективність, обґрунтування, метод, ставка дисконтування, інфляція, моделі.

Annotation

A discount rate determines the value of the discount for the future cash flows, and its choice determines the economic effect of the investments. The discount rate can be set depending on the purpose of the investment project. The established methods of calculation and justification of the discount rate are summarized, with the main ones specifically highlighted. A model of forming a discount rate, considering an average annual inflation rate is suggested. Application of a variable coefficient for discount rating of cash flows in the justification of investment projects' cost-effectiveness of is justified. In order to obtain more accurate investment project economic efficiency indicators, the impact of the average annual inflation rate as a component of the discount rate is analyzed.

Key words: investment, efficiency, justification, method, discount rate, inflation, model.

В процессе выполнения работ по обоснованию и оценке инвестиционных проектов одной из самых важных и сложных задач, которую необходимо решать, является определение ставки дисконтирования (норматива эффективности инвестиций). Этот показатель определяется как «ежегодная ставка доходности, которая могла бы быть получена в настоящий момент от аналогичных инвестиций» [4, с. 19], а его приближительная величина равна тому относительному размеру дохода, который инвестор хочет или может получить на инвестированный им капитал. Ставка дисконтирования представляет собой ключевое понятие метода дисконтирования стоимости и является экономическим нормативом, которым, учитывая внешние и внутренние факторы, задается инвестор.

Теория инвестиционного анализа накопила значительный объем системных знаний по обоснованию методов расчета ставки дисконта и их экономического смысла [1; 3; 8]. При этом в большинстве расчетов эффективности инвестиционных проектов редко уделяется должное внимание обоснованию выбранной ставки дисконтирования. Принято ее определять как доходность одного из наиболее популярных рыночных инструментов (например, доходности по банковским депозитам или ставки по банковским кредитам). Столь «приближенное» значение выбранного коэффициента приводит к неточностям в расчетах финансово-экономических показателей и, как следствие,

не обоснованной в должной мере оценке эффективности инвестиций.

Существует несколько взглядов на выбор оптимальной ставки дисконта в оценке экономической эффективности проекта. В большинстве случаев ученые приходят к выводу, что методики обоснования ставки дисконта зависят от величины предприятия, вида отрасли, источников финансирования проекта, а также стабильности экономики страны. Наиболее распространенными методами расчета ставки дисконтирования являются: метод оценки капитальных активов (САРМ), модель средневзвешенной стоимости капитала (WACC) и метод кумулятивного построения (ССМ) [5, с. 93]. В то же время известны и другие методы обоснования той или иной величины ставки дисконтирования, в частности минимальная доходность альтернативного способа использования капитала (например, ставка доходности надежных рыночных ценных бумаг или ставка депозита в надежном банке); существующий уровень доходности капитала (например, средневзвешенная стоимость капитала компании); стоимость заемного капитала, который может быть использован для осуществления определенного инвестиционного проекта (например, ставка по инвестиционным кредитам); ожидаемый уровень доходности инвестированного капитала с учетом всех видов риска проекта [2, с. 249; 7, с. 201]. В числе слагаемых ставки дисконта содержится такое слагаемое как премия за риск, значение которой, как правило, не обосновывается, а принимается априори исходя из мнений экспертов. Таким образом, метод обоснования ставки дисконта не рассматривается, что влияет на объективность экономической оценки эффективности.

Исследования по расчету и обоснованию ставки дисконта проводятся, в основном, с целью нахождения ее оптимального показателя. Например, С. П. Коноплев рекомендует выбирать уровень нормы дисконта как среднее значение в диапазоне между нижней границей нормы дисконта (определяется уровнем банковских процентов по депозитным вкладам и процентов по долгосрочным кредитам) и верхней ее пределом (равен внутренней норме доходности) [8, с. 68].

Одним из важнейших показателей, влияющих на экономическую эффективность проектов, является инфляция. При проведении

исследований с целью установления оптимальной ставки дисконтирования среди ученых существует убеждение, что если при расчете ставки дисконта учитывать уровень инфляции, то целесообразна постоянная корректировка нормы дисконта в течение жизненного цикла проекта, так как в реальной экономике темпы инфляции не остаются одинаковыми в течение длительного периода времени [8, с. 203].

Очевидно то, что даже прогнозируемая (ожидаемая) инфляция влечет существенный рост издержек практически всех экономических агентов. К тому же, неустойчивость темпов инфляции связана с дополнительным инфляционным риском, и поэтому затрагивает в немалой степени интересы всех не склонных к риску субъектов [7, с. 242]. Если инфляция непрогнозируемая, ее темпы существенно изменяются год от года. Таким образом, инфляционные процессы сказываются на фактической эффективности инвестиций, в связи с чем фактор инфляции обязательно следует учитывать при анализе и выборе проектов капиталовложений.

Существует два аспекта, в которых авторы рекомендуют рассматривать влияние инфляции на показатели финансовой эффективности, в частности, влияние на показатели проекта в натуральном и денежном выражении [1; 3; 4]. В первом аспекте следует учитывать тот факт, что инфляция ведет не только к необходимости переоценки финансовых результатов проекта, как во втором, но и к учету изменений в условиях плана реализации проекта [2, с. 315].

Известны три основных способа учета инфляции при оценке эффективности инвестиционного проекта, среди которых выделяют методы: 1) инфляционной коррекции денежных потоков; 2) учета инфляционной премии в ставке дисконта; 3) анализа чувствительности проекта [6, с. 81].

Рассмотрим метод учета инфляции при расчете ставки дисконта. Априори полагаем, что она изменяется по годам расчетного периода. Характер ее изменения может быть таким: растущая, убывающая, растущая с последующей стабилизацией, растущая с последующим убыванием.

Определим на условном примере влияние инфляции на значение

ставки дисконта на эффективность проекта, требующего разовых инвестиций $I_0 = 500$ тыс. грн и ежегодно генерирующего следующие денежные потоки: $ДП_t = 200$ тыс. грн в течение периода $T = 5$ лет; безинфляционная ставка дисконта $E = 15\%$, а прогнозируемый уровень инфляции по годам расчетного периода составляет 2%, 3%, 6%, 4%, 3% соответственно. В связи с тем, что инфляция по годам – величина переменная, коэффициент дисконтирования по финансовым таблицам определить невозможно. Он для каждого расчетного периода равен k_{dt} : $k_{dt} = 1 / (1 + E')^t$, где E' – инфляционная ставка дисконта (рассчитывается как сумма безинфляционной ставки дисконта и среднегодового уровня инфляции).

В табл. 1 приведены расчеты чистого денежного потока по рассматриваемому инвестиционному проекту. При этом ставка дисконта – постоянная, то есть не учитывает среднегодовой уровень инфляции. В табл. 2 по тому же алгоритму определено значение экономического эффекта с учетом переменной инфляции по годам расчетного периода.

Таблица 1

**Дисконтированный денежный поток t-го года
накопленным итогом, без учета инфляции**

Показатели и единицы измерения	Годы					
	0	1	2	3	4	5
Инвестиции (I_0), тыс. грн	-500,00					
Чистые денежные поступления ($ДП_t$), тыс. грн		200,00	200,00	200,00	200,00	200,00
Ставка дисконта, E		0,15	0,15	0,15	0,15	0,15
Коэффициент дисконтирования, k_{dt}	1,00	0,87	0,76	0,66	0,57	0,50
Дисконтированный денежный поток ($ДДП$), тыс. грн	-500,00	173,91	151,23	131,50	114,35	99,44
ДДП накопленным итогом, тыс. грн	-500,00	-326,09	-174,86	-43,35	71,00	170,43

Таблиця 2

**Дисконтированный денежный поток t-го года
накопленным итогом, с учетом инфляции**

Показатели и единицы измерения	Годы					
	0	1	2	3	4	5
Инвестиции (I_0), тыс. грн	-500					
Чистые денежные поступления (ДП), тыс. грн		200	200	200	200	200
Уровень инфляции		0,02	0,03	0,06	0,04	0,03
Ставка дисконта инфляционная, E'		0,17	0,18	0,21	0,19	0,18
Коэффициент дисконтирования, k_{dt}	1,00	0,86	0,72	0,56	0,50	0,44
Дисконтированный денежный поток (ДДП), тыс. грн	-500,00	170,94	143,64	112,89	99,73	87,42
ДДП накопленным итогом, тыс. грн	-500,00	-329,06	-185,42	-72,53	27,21	114,63

Экономическая эффективность проекта, определенная без учета инфляции, составляет 170,43 тыс. грн (табл. 1), а с учетом ее значения, переменного по годам – 114,63 тыс. грн (табл. 2). Таким образом, дисконтированные денежные потоки существенно отличаются, а чистый денежный поток при расчете с учетом инфляции в ставке дисконта на 55,8 тыс. грн больше, чем без ее учета.

В процессе экономического обоснования инвестиций могут быть приняты по желанию инвестора любые из известных методов обоснования ставки дисконта, но необходимо учитывать тенденцию изменения среднегодовой инфляции по годам расчетного периода. Это приводит к необходимости расчета переменного коэффициента дисконтирования при обосновании экономической эффективности инвестиционных проектов, что повышает сложность расчетов, но достоверность их возрастает.

Список литературы

1. Жигло А. Н. Расчет ставок дисконта и оценки риска / А. Н. Жигло // Бухгалтерский учет. – 1996. – № 6. – С. 41–44.
2. Иванов А. П. Финансовые инвестиции на рынке ценных бумаг / А. П. Иванов. – М. : Дашков и К, 2004. – 444 с.
3. Козырев А. Н. Оценка стоимости нематериальных активов и интеллектуальной собственности / А. Н. Козырев, В. Л. Макаров. – М. : РИЦ ГШ ВС РФ, 2003. – 398 с.
4. Коноплев С. П. Инновационный менеджмент / С. П. Коноплев. – М. : Проспект, 2007. – 128 с.
5. Котова М. В. Обоснование методики расчетов ставки дисконтирования в отечественной практике / М. В. Котова, С. С. Шаповал // Економічний простір. – К., 2009. – № 22/1. – С. 92–98.
6. Терещенко О. О. Ставка дисконтування у прийнятті фінансово-інвестиційних рішень / О. О. Терещенко // Фінанси України. – 2010. – № 9. – С. 77–90.
7. Фролов А. Л. Влияние инфляции на эффективность инновационных проектов / А. Л. Фролов // Молодой ученый. – 2012. – № 5. – С. 241–245.
8. Царев В. В. Оценка экономической эффективности инвестиций / В. В. Царев. – СПб. : Питер, 2004. – 464 с.

УДК 811.111'255.2:61

*В. В. Григорьев***НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА
МЕДИЦИНСКИХ ТЕКСТОВ****SOME FEATURES OF MEDICAL TEXTS TRANSLATION****Аннотация**

Цель статьи – выявление влияния целевой аудитории на процесс перевода медицинского текста. В качестве методов исследования выбраны общенаучные методы, такие как описание, индукция и дедукция, систематизация и типологизация. Перевод рассматривается как лингвистический феномен. Определяются его разновидности. Процесс перевода разбит на определенные этапы. Определены требования к рассматриваемому виду переводческой деятельности. Отмечается важность такого критерия как точность передачи терминологии определенной тематики для достижения наиболее четкой передачи смысла документа-источника. Данный критерий выделен как один из наиболее важных так как его несоблюдение влечет за собой негативные последствия, вызванные неточной интерпретацией смысла текста оригинала. В результате проведенного исследования, мы определили особенности перевода медицинских терминов и их влияние на целевую аудиторию.

Ключевые слова: медицинский перевод, целевая аудитория, перевод терминов, виды перевода.

Анотація

Мета статті – виявлення впливу цільової аудиторії на процес перекладу медичного тексту. Методами дослідження було обрано загальнонаукові методи, такі як опис, індукція і дедукція, систематизація та типологізація. Переклад було розглянуто як лінгвістичний феномен. Процес перекладу розбито на певні етапи. Виявлено вимоги до виду перекладацької діяльності, що розглядається. Підкреслюється важливість такого критерію, як точність передачі термінології певної тематики для досягнення найбільш чіткої передачі суті документа-джерела. Цей критерій виділено як один із найбільш важливих, адже недотримання його призводить до негативних наслідків, викликаних неточною інтерпретацією суті тексту оригіналу. У результаті проведеного дослідження ми визначили особливості перекладу медичних текстів та їх вплив на цільову аудиторію.

Ключові слова: медичний переклад, цільова аудиторія, переклад термінів, види перекладу.

Annotation

The article sets out to determine the target audience influence on a medical text translation process. Description, induction and deduction, systematization and typologization are chosen as the main methods of the research. Translation is regarded as a linguistic phenomenon. Translation process is divided into several stages. Requirements as to the given type of translation activity are distinguished. The importance of exact translation of terms for conveying adequately the content of the source document is emphasized. The above criterion is signed out as one of the most important ones, since ignoring it will result in negative consequences. As a result of the research, we have determined the specific features of medical texts translation features and their impact on the target audience.

Key words: medical translation, target audience, terms translation, types of translation.

Объект исследования в нашей статье – особенности медицинского перевода, *цель* – определить, влияет ли на процесс перевода специфика целевой аудитории. *Актуальность* работы подтверждается значительным количеством наших соотечественников, предпочитающих лечиться за рубежом, и колоссальным прогрессом медицины как науки. *Новизна* исследования нам видится в рассмотрении специфики медицинского перевода в рамках функционального подхода в переводоведении.

В данной статье мы рассмотрим, что такое перевод, виды перевода, медицинский перевод и его связь с другими науками, а также его особенности, требования, и что он в себя включает. Всем известно, что перевод – это деятельность по передаче смысла текста с одного языка на другой с сохранением его особенностей. Данная деятельность может быть нескольких видов: устная, письменная, при этом «устный вид» подразделяется на синхронный и последовательный устный перевод.

Само понятие «перевод» очень обширно. Переводчики и лингвисты разделяют перевод по сферам деятельности: технический, юридический, художественный, медицинский и другие [1, с. 12].

Рассмотрим более подробно особенности медицинского перевода – целого спектра направлений переводческой деятельности. Данная сфера взаимодействует с другими науками, такими как:

биология, биотехнологии, биохимия, кардиология, психиатрия, психология, стоматология, фармакология, химия, хирургия, ветеринария и многие другие. Переводчики медицинских текстов работают с такими документами, как протоколы клинических исследований, отчеты об исследованиях, описания тех или иных препаратов, различные отчеты медэкспертов, справочники лекарственных средств, листки-вкладыши к лекарственным препаратам, содержащие информацию для пациентов: дозировку, побочные эффекты и прочее, также это могут быть истории болезни, карточки, выписки, заключения врачей [3, с. 57].

Данный вид перевода является очень сложным и ответственным, чаще всего он бывает письменным. Существуют определенные требования, которые чаще всего относятся именно к этому виду перевода:

- перевод должен полностью соответствовать оригиналу;
- должны быть расшифрованы аббревиатуры и сокращения, им должны быть подобраны аналоги языка перевода;
- текст перевода должен быть в правильной стилистической форме, с использованием установленной, общепринятой лексики;
- желательно, чтобы переводчик имел высшее медицинское образование;
- так как перевод зачастую письменный, также желательно, чтобы переводчик использовал программы класса Translation Memory, для сохранения однообразия терминологии [2, с. 56].

Процесс перевода медицинского текста включает в себя определенные этапы:

- собственно перевод – преобразование исходного текста медицинской тематики в целевой;
- редактирование: вычитка специалистом узкой направленности, у которого деятельность связана с тематикой текста, для соблюдения терминологии и стиля;
- внесение корректировок с учетом замечаний специалиста [2, с. 74].

От любого перевода требуется «соответствовать стилю ориги-

нала»; по отношению к медицинскому переводу данное требование включает в себя:

- формализм, строгость, категоричность изложения;
- отсутствие эмоциональной окраски;
- точность;
- отсутствие двусмысленных терминов, неточного употребления

терминов [4, с. 37].

Продолжая тему терминологии, следует указать, что термины не всегда могут относиться к этой особой категории лексики, очень часто случается так, что общеупотребительные слова становятся терминами – данный процесс называется *терминологизацией* [3, с. 53]. Он обусловлен развитием научной стороны повседневной жизни и необходимостью обеспечения более простого процесса общения и номинативной функции языка при использовании его в целях называния тех или иных процессов, явлений, деятелей отдельных актов. Что же касается непосредственного превращения общеупотребительных слов в термины, то зачастую это происходит благодаря конверсии – перехода одной части речи в другую, к примеру, существительного в глагол: *a line – to line*. Как видим, при использовании данного приема чаще всего применяется метафорический или метонимический перенос [6, с. 73]. Из вышеуказанного примера можно сделать вывод, что метафорический и метонимический перенос производится по привычным моделям общеупотребительного языка, будь то перенос по сходству, форме, функциям и т. д.

Как известно, медицина является одной из сфер с динамично растущими показателями развития, а ее связь с другими науками способствует нахождению новых путей решения проблем и лечения заболеваний. Благодаря расширению границ международного сотрудничества стран и общим стараниям, направленным на борьбу с эпидемиологическими заболеваниями, необходимость в переводе медицинской документации увеличивается с каждым днем. Также бытует мнение, что лечение того или иного заболевания лучше всего осуществляется в определенной стране, поэтому зачастую люди, которым позволяют средства, отправляются за границу, где заключают договора на лечение и, естественно, пользуются услугами

переводчиков [5, с. 66]. Следовательно, неправильный перевод договора на лечение может повлечь за собой очень тяжелые последствия, как финансовые, так и вред здоровью пациента.

Таким образом, хотя в переводе медицинских текстов действуют общие для любого специального перевода правила, есть ряд случаев, в которых от исполнителя требуется упростить текст, вплоть до расшифровки специальных терминов. Следовательно, необходимо учитывать не только, *что* именно переводится, но и *для кого*, и *в каких целях*. В качестве перспективы нашего исследования мы видим анализ особенностей передачи медицинской терминологии в художественных текстах, ориентированных на широкую аудиторию.

Список литературы

1. Абрамов В. П. Языковой потенциал интернационализмов в медицинской терминосистеме / В. П. Абрамов. – Краснодар : КГУ, 2002. – 154 с.
2. Аксютенкова Л. Г. Деривация как фактор эволюции терминосистемы на материале терминологии : дис. ... канд. филол. наук / Л. Г. Аксютенкова. – Краснодар : КГУ, 2002.
3. Акуленко В. В. Научно-техническая революция и проблема интернациональной терминологии / В. В. Акуленко. – М. : Заря, 1977. – 240 с.
4. Алексеева Л. М. Формирование термина в языках для специальных целей / Л. М. Алексеева. – Пенза : Прогрес, 1997. – 160 с.
5. Апресян Ю. Д. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю. Д. Апресян. – М. : Луч, 1995. – 220 с.
6. Дрезен Э. К. Стандартизация научно-технических понятий, обозначений и терминов / Э. К. Дрезен. – М. : Союзпечать, 1934. – 245 с.

УДК 378.124:657(477.54)(091)

А. А. Захарова

**ОБЩЕСТВЕННО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАНДИДАТА ЭКОНОМИЧЕСКИХ
НАУК, ДОЦЕНТА КОНДРАТЬЕВОЙ АСИИ
ФАТХИЕВНЫ**

Аннотация

Публикация продолжает серию материалов об общественной и научно-педагогической деятельности ведущих преподавателей ХГУ «НУА», ушедших из жизни.

Предпринята попытка описать основные этапы жизни и работы в академии одного из ее основателей, создателя кафедры бухгалтерского учета и аудита, канд. экон. наук, доц. А. Ф. Кондратьевой (1952–2001).

Ключевые слова: учитель, образование, учебная деятельность, экономика.

Анотація

Публікація продовжує серію матеріалів про суспільну і науково-педагогічну діяльність провідних викладачів ХГУ «НУА», які пішли з життя.

Зроблено спробу описати основні етапи життя і роботи в академії однієї з її фундаторів, засновниці кафедри бухгалтерського обліку і аудиту, канд. экон. наук, доц. А. Ф. Кондратьєвої (1952–2001).

Ключові слова: учитель, освіта, навчальна діяльність, економіка.

Annotation

The publication continues a series of materials about public and scientific and pedagogical work of leading teachers of HGU «NUA» which have died.

Attempt to describe the main stages of life and work in academy of one of its founder, the founder of chair of accounting and audit, Cand. Econ. Sci., A. F. Kondratyeva's associate professor (1952–2001).

Key words: teacher, edukation, learning activities, economics.

Великий русский писатель и мыслитель Лев Николаевич Толстой говорил: «Не тот учитель, кто получает воспитание и образование учителя, а тот, у кого есть внутренняя уверенность в том, что он есть, должен быть и не может быть иным. Эта уверенность встречается редко и может быть доказана только жертвами, которые человек приносит своему призванию». К числу таких преподавателей можно смело

отнести кандидата экономических наук, профессора, заведующую кафедрой учета и аудита ХГИ «НУА» Кондратьеву Асию Фатхиевну.

Асия Фатхиевна родилась 27 апреля 1952 г. В 1974 г. закончила учетно-экономический факультет Ленинградского финансово-экономического института по специальности «Бухгалтерский учет» (специализация «Преподаватель учетно-экономических дисциплин»). В 1988 г. получила диплом доцента кафедры статистики и учета ХГУ, в 1994 г. сдала квалификационный экзамен на сертификат аудитора. С того момента Асия Фатхиевна – член Харьковского регионального отделения Аудиторской Палаты Украины и Харьковского регионального отделения Союза аудиторов Украины.

На протяжении всех лет преподавания в НУА Асия Фатхиевна обеспечивала высокую результативность и качество обучения студентов, активно выступала в роли педагога-наставника молодых преподавателей. При ее непосредственном участии организовывались общеакадемические, межкафедральные методологические, методические семинары. Она – один из основателей НУА, ею была создана кафедра бухучета и аудита.

Работая преподавателем, Асия Фатхиевна показала высокий уровень профессиональной подготовки. Она в совершенстве владела эффективными формами и методами организации учебно-воспитательного процесса, используя при этом передовой педагогический опыт. Ее студенты никогда не забудут пар, лекций и семинаров, которые провела преподаватель. Она имела удивительную способность находить общий язык с людьми, заинтересовывать учащихся, помогать в любых начинаниях. Была удивительно отзывчивой и доброжелательной, всегда готовой прийти на помощь, поделиться опытом, дать совет. Коллеги и друзья всегда удивлялись её умению совмещать несоместимое, качественно выполнять любое дело, за которое она бралась.

С именем Асии Фатхиевны в НУА связаны многие интересные начинания. При ее непосредственном участии началась реализация проекта «Выездной мастер-класс», когда после окончания летней сессии самые сильные и заинтересованные студенты выезжали за пределы города и в течение нескольких дней, находясь на базе отдыха, совмещали интенсивную учебную деятельность (углубление знаний по тем или иным дисциплинам) с отдыхом. Руководили такими мастер-классами самые опытные и авторитетные преподаватели.

В числе первых преподавателей, заложивших основу мастер-классов, была Асия Фатхиевна Кондратьева.

Благодаря Асией Фатхиевне в НУА была создана новая кафедра, и работе на ней удалось привлечь высококлассных специалистов, которые на самом высоком уровне преподавали дисциплины соответствующего направления. Появились такие традиции, как КВН по «бухгалтерской» тематике, участие в самых разных профессиональных конкурсах и турнирах.

Именно при Асией Фатхиевне было положено начало серии блестящих побед студентов НУА на Всеукраинских конкурсах «Аудитор», которые проводит известная в Украине корпорация «Фактор». В это же время к участию в учебном процессе начали привлекать известных специалистов-практиков, были защищены на кафедре первые кандидатские диссертации.

Увлеченность экономикой, бухгалтером и аудитом Асия Фатхиевна смогла передать не только своим ученикам, но и детям: Дмитрий и Мария успешно окончили факультет «Бизнес-управление» и работают по специальности в Харькове и Киеве соответственно.

1 ноября 2001 года Кондратьева Асия Фатхиевна ушла из жизни, но преподаватели и студенты Народной украинской академии ценят ее профессиональные качества, помнят как мудрого и доброго Человека, Гражданина и Учителя. Она оставила нам богатейшие плоды своего труда и добрую память о себе.

Список литературы

1. Захарова А. А. Общественно-педагогическая деятельность кандидата экономических наук, профессора ХГУ «НУА» Кондратьевой Асии Фатхиевны (1952–2001) / А. А. Захарова // Студенческая наука в контексте современного образования: достижения и перспективы : программа и материалы XX Междунар. студенч. науч. конф., 13 апр. 2013 г. / Нар. укр. акад. – Харьков, 2013. – С. 45–46.

2. Захарова А. А. Общественно-педагогическая деятельность кандидата экономических наук, доцента Кондратьевой Асии Фатхиевны : [науч. работа] / Захарова Анастасия ; науч. рук. Астахова Е. В. ; Харьк. гуманит. ун-т «Нар. укр. акад.». – Харьков, 2013. – 33 л. – Рукопись.

3. Кондратьева Асія Фатхіївна // Хто є хто в українських суспільних науках / Київ. наук. т-во ім. П. Могили. – К., 1998. – С. 167.

Наука в НУА

Е. В. Астахова

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ УКРАИНЫ В ЗЕРКАЛЕ АНАЛИТИКИ

**(Рецензия на мониторинговое исследование
Международного благотворительного фонда «Міжнародний
Фонд досліджень освітньої політики». – «Входження
національної системи вищої освіти в європейський простір
вищої освіти та наукового дослідження». – К., 2012)**

Образовательные процессы в самых разных своих аспектах вызывают все возрастающий интерес у специалистов. И в этом нет ничего удивительного, ибо начало XXI века демонстрирует ожидаемое, но от этого не менее впечатляющее усиление влияния образования (особенно высшего) на развитие цивилизационных процессов. Не исключение в этом плане и Украина, переживающая глубокое масштабное реформирование образовательных институтов.

Особо актуальными, представляется, являются исследования аналитического характера, т. к. при всем разнообразии и специфике существующих образовательных систем и моделей крайне важны возможности отслеживания тенденций и динамики в развитии тех или иных образовательных процессов. Безусловно, существует достаточно широкая сеть рейтингов. Они дают, в какой-то степени, представление о состоянии дел. Но это не снижает роли и значения мониторингов одной отдельно взятой образовательной системы. Например, для Украины, евроустремления которой в области высшего образования давно и широко декларируются, но реальное положение и – главное – результаты евроинтеграционных реформ оставляют желать лучшего.

В контексте сказанного безусловный интерес как по формату подачи информации, так и по содержанию представляет мониторинговое исследование «Входження національної системи вищої освіти в європейський освітній простір вищої освіти та наукового дослідження», проведенное Международным благотворительным Фондом «Міжнародний Фонд досліджень освітньої політики» при участии «Української асоціації студентського самоврядування» и Фонда «Демократичні ініціативи». Руководитель авторского коллектива – Т. В. Фиников.

Исследование необычно по многим параметрам. Во-первых, оно проведено негосударственными структурами и не по традиционным лекалам, характерным для отечественных соисследований. Во-вторых, предпринята попытка анализа состояния высшей школы по «западным образцам», т. е. в мониторинговых традициях Европы. В-третьих, к анализу привлечена студенческая организация, что не является типичным для украинских исследований. К четвертому «отличию» можно отнести и руководителя мониторинга – бывшего зам. министра образования Украины, кандидата наук, доцента, одного из руководителей известного частного вуза (университет экономики и права «Крок»), много и серьезно нарабатывающего на евроинтеграцию украинского высшего образования – Тараса Владимировича Финикова. Его участие в исследовании – весомый аргумент, усиливающий валидность работы.

Такое сочетание отличий в комплексе с кропотливой исследовательской работой, построенной на принципах междисциплинарности и компаративности, позволило получить интересные результаты, дающие возможность оценить состояние высшей школы Украины (в разрезе ее евроинтеграционных устремлений) и тенденции развития определенных образовательных процессов.

Главным же аргументом, стимулирующим интерес к публикации материалов мониторинга, представляется, является незаангажированность авторов. Конечно, аналитический отчет несет на себе определенный налет субъективности, что проявляется в выборе соавторов, методологии исследования, выводах. И это не удивительно, ибо руководитель авторского коллектива имеет ярко выраженные позиции, связанные с европейскими перспективами высшей школы Украины, парадигмами ее развития. Но в этом, представляется, тоже заложены определенные плюсы, ибо украинский «европуть» анализируют его сторонники, но не противники. Незаангажированность же, в определенной степени, проявляется в том, что работа никем не заказывалась и конкретно ни под кого не делалась.

Круг проблем, затронутых в мониторинге, достаточно широк. При этом большая часть вопросов относится к категории остроактуальных. Это «Стратегія законодавчої та нормативної підтримки реформ вищої освіти» (стр. 9–14), «Структура вищої освіти та інструменти

европейського порівняння» (стр. 14–20). И, конечно же, анализ создания и внедрения Национальной рамки квалификаций (стр. 24–26), реализация концепции непрерывного образования (стр. 26–29). Отдельной строкой – об экономике высшего образования, проблеме, которую... признают, казалось бы, на всех уровнях, но ни анализа, ни движения в этом направлении пока нет.

В качестве небольшого отступления-подтверждения – сюжет с защитой докторской диссертации авторитетного специалиста в сфере экономики высшего образования к. э. н., доц. Тимошенко И. В., многие годы преподающего в ХГУ «НУА» и занимающегося указанной проблематикой. Все признают, что подготовленная к защите докторская своевременна и актуальна. Но все спецсоветы, в которые она подавалась, рекомендуют «подправить» ее под их специфические подходы и требования. Автор неоднократно «подправлял» под Киев, Донецк, Днепропетровск, Львов, Харьков. Проходил один «круг почета» и тут же попадал на новый, ибо нет в Украине авторитетной научной школы по экономике образования, нет общепринятой методологии. Поэтому научные исследования, защиты диссертаций по экономике образования продвигаются в стране с большим скрипом. И, судя по материалам мониторинга Т. В. Финикова, такая ситуация будет сохраняться еще долго, т. к. экономика образования – барометр достаточно точный и его показания не очень вписываются в официальные оценки состояния высшего образования.

Авторы исследования, под руководством Т. В. Финикова, отмечают, что переход Украины к массовому высшему образованию (численность студентов с 1993/94 по 2007/08 учебный год увеличилась в 2,85 раза) фактически был профинансирован за счет средств граждан в форме оплаты студентов за учебу (доля средств физических и юридических лиц в финансировании высшего образования сначала поднялась от 0% до 65% и только в последние годы снизилась до 50%) (стр. 29). Едва ли такие тенденции, даже при учете сложной экономической ситуации в стране, свидетельствуют о реальном понимании государством роли и задач высшей школы.

Более того, государство выделяет на развитие высшего образования 2–2,3% ВВП или 6–6,8% от общих расходов бюджета. Но из-за низкого ВВП среднегодовые расходы на одного студента, обучаю-

щегося на бюджете, составляют около 2270 евро, что составляет только 51% от уровня расходов Эстонии (наименьший показатель в Евросоюзе) или 28% от среднего по ЕС показателя. Понятно, что такой уровень финансирования высшей школы делает маловероятным достижение лучших стандартов качества европейского образования (стр. 30).

Опираясь на приведенные и на ряд других статистических выкладок из этого же ряда, авторы делают справедливый вывод о том, что в Украине сложилась деформированная система взаимоотношений государства, корпоративного сектора и граждан в экономике высшего образования. «Значительные в масштабах отечественной экономики госсредства используются достаточно нерационально... Значительная часть средств, полученных университетами как оплата за обучение, используется для поддержания затратной инфраструктуры, а не в интересах развития научных достижений» (стр. 32).

Не меньший интерес вызывает VIII раздел аналитического отчета, в котором речь идет о студенческом факторе развития высшей школы в целом и ее евроинтеграции в частности. Трудно не согласиться с общей оценкой ситуации: в стране признается – на официальном уровне – необходимость учета интересов студенчества и максимального их вовлечения в процессы преобразования высшей школы. Есть законодательно закрепленные нормы и положения. Однако абсолютно отсутствует механизм реализации этих норм. Вербальное и реальное положение дел ощутимо разнятся.

Можно было бы посвятить отдельную рецензию (или целую статью) вопросам, анализируемым в IX разделе, где речь идет о коррупции в образовательной сфере. Но, учитывая жанр и контекст публикации, представляется обоснованным лишь упоминание о том, что препарирование этой архисложной проблемы крайне редко встречается в научной литературе. Этим и интересны материалы и аналитические выкладки, приведенные в обзоре (стр. 48–49).

В целом материалы мониторинга оставляют впечатление нестандартной, полезной и информативной работы, которая обеспечивает ощутимое приращение знаний о результативности евроинтеграционных устремлений высшего образования Украины.

В. И. Астахова

СТУДЕНЧЕСКИЕ СТРОИТЕЛЬНЫЕ ОТРЯДЫ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА (ПРЕЗЕНТАЦИЯ ССО)

Студенческие строительные отряды: вчера, сегодня, завтра : монография / [В. И. Астахова, Е. В. Астахова, А. А. Гайков и др.]; Департамент образования и науки Харьковской обл. гос. администрации, Совет ректоров Харьк. вузов. центра, Нар. укр. акад. – Харьков : Изд-во НУА, 2013. – 476 с.

В 2013 году страна отметила значительную дату в истории молодежного движения – 50-летие создания студенческих трудовых отрядов. Попытки переписать историю на новый лад, в крайнем случае предать забвению ее отдельные яркие страницы, требуют сегодня от ученых-историков, от участников и современников тех событий дать предельно объективную оценку этому мощнейшему движению, оставившему яркий след в отечественной истории.

Движение студенческих строительных отрядов, начиная с конца 50-х – начала 60-х годов прошло длительный путь от первых добровольческих отрядов до массового участия в этом благородном деле практически всех высших учебных заведений Советского Союза.

Актуальность темы исследования и необходимость подготовки монографии «Студенческие строительные отряды: вчера, сегодня, завтра» объясняется рядом причин.

Во-первых, студенческое движение – это часть нашей истории, без которой невозможно в полной мере оценить вклад советской молодежи в решение задач, стоящих перед обществом и государством. Необходимо воздать должное тем поколениям советской молодежи, руками которых были созданы материальные и духовные ценности, которые вывели страну в число передовых стран мира.

Во-вторых, необходимость подготовки и издания монографии обусловлена откровенно негативным отношением отдельных украинских исследователей к советской истории, в том числе к историческому опыту комсомола. Авторы хотели бы напомнить, что

комсомольская работа была школой жизни, лабораторией духовного становления и единения, школой гармонического развития индивидуального и коллективного начал в человеке. И всякий разрыв связи времен, поколений неизбежно влечет за собой катастрофические последствия для жизни общества и индивидуальных судеб миллионов людей.

В-третьих, опыт ССО во многом необходим и для осуществления современной молодежной политики в Украине, для воспитания лучших нравственных и патриотических качеств у современной молодежи.

Авторы монографии предприняли попытку решить следующие задачи:

- проанализировать историю создания, развития, функционирования движения студенческих строительных отрядов, обобщить опыт работы ССО г. Харькова, выделить в ней все ценное и поучительное для возможного использования применительно к особенностям деятельности студенческих трудовых отрядов в современных условиях;
- проанализировать роль студенческих строительных отрядов в деле духовно-нравственного и патриотического воспитания современной молодежи на отечественных традициях, менталитете украинского народа;
- исследовать противоречивый характер функционирования и развития студенческих строительных отрядов на завершающем этапе их деятельности;
- рассмотреть вопросы, которые не нашли должного отражения в исторической литературе, ввести в научный оборот новые, ранее не исследованные проблемы, связанные с мотивацией студенчества Харьковщины к участию в ССО в исторической ретроспективе и в современных условиях; вопросы, связанные с академической мобильностью современных студентов в условиях реализации Болонской системы; новые тенденции этого движения и специфические формы их проявления.

В монографии представлены история создания, функционирования и результаты деятельности студенческих строительных отрядов большинства вузов г. Харькова.

Исходя из исторического анализа деятельности ССО, авторский коллектив пришел к выводу о том, что в вопросах современной молодежной политики должны учитываться такие направления, как адаптация молодежи на рынке труда, улучшение социально-бытовых условий, содействие социальному, духовно-нравственному, культурному и физическому развитию молодых людей. В этой связи было бы полезным составителям проектов законов и постановлений по молодежной политике ознакомиться с документами и исследованиями по проблемам студенческого строительного движения с учетом нынешнего состояния молодежной среды, которое характеризуется широким распространением равнодушия, эгоизма, индивидуализма, цинизма, неуважительного отношения к государству и социальным институтам.

В последнее время в Украине наметилась ярко выраженная тенденция к возрождению студенческих строительных отрядов. Так, 28 января 2009 года Кабинет Министров Украины принял Государственную целевую социальную программу «Молодежь Украины» на 2009–2015 гг., а Харьковская областная государственная администрация издала распоряжение № 505 «Об организации рабочих молодежных трудовых отрядов в Харьковской области в 2009–2013 годах». Учебные заведения Харьковщины активно включились в реализацию этих программ.

Материалы, представленные в монографии, фактические данные и теоретические положения могут быть учтены при дальнейшей разработке программ и основных направлений создания и деятельности студенческих трудовых отрядов в новых исторических условиях, и тем самым смогут способствовать нравственному и патриотическому воспитанию студенчества, приобщению молодежи к общественно значимым делам.

В этом плане особое значение имеет третий раздел монографии, включающий в себя очерки об истории стройотрядовского движения в различных вузах Харькова и воспоминания его непосредственных участников. Уровень изложения и качество представленных к опубликованию материалов крайне различны и по форме, и по содержанию: от сухой хроники событий до восторженно-эмоциональных оценок

всего, что происходило в те годы. Но все, что читатель найдет на страницах этого раздела, построено на достоверном материале – архивные источники, пресса, воспоминания участников, интервью – все это история ССО и в то же время история харьковских вузов, история родного города и страны в целом, история, которая поможет современной молодежи понять правду жизни их отцов и дедов, сформировать собственную оценку тех непростых, героических лет, из которых складывалась наша истинная история.

Из всего, что читатель найдет на этих страницах, складывалась судьба того поколения студентов. Есть справедливое утверждение о том, что каждое поколение имеет свои ярчайшие события и факты, из которых складывается его характеристика. Ни для кого не станет открытием характеристика молодого поколения 40-х годов. Война!.. И все сразу становится ясным. А 50-е годы – это восстановление разрушенного войной народного хозяйства, это студенты – бывшие фронтовики в солдатских шинелях и гимнастерках, это работа до седьмого пота ради будущего родной страны. 60–80-е – это снова битва за урожай, за освоение целинных и залежных земель, за создание нормальных условий для учебы... Это ССО – общеизвестная и гордая аббревиатура, давшая стране не только миллионы пудов хлеба и новые города, дороги, мосты, школы, больницы, но и огромный отряд управленцев – руководителей, прошедших жизненную закалку в студенческих строительных отрядах.

Именно об этом пишут наши авторы в данном разделе книги. Мы публикуем эти очерки в авторской редакции, потому что формальная редакционная обработка значительно снизила бы накал эмоций, тот крик души, который пронизывает каждую строчку этих материалов, пусть иногда не очень стилистически выверенную и даже просто «корявую». Ведь писали это не профессионалы-филологи, а бывшие бойцы ССО – будущие инженеры, врачи, строители, физики, математики, ветеринары, геологи. Писали для того, чтобы каждым этим словом своим заявить: это с нами было, и мы этим гордимся. Не трогайте нашу Память, нашу гордость и славу того, чему мы посвящали свою жизнь. Мы хотим, чтобы наши дети и внуки знали о нашей

жизни от нас, а не от извращенцев. И эта книга нацелена на то, чтобы помочь им узнать истину.

Многие фамилии бойцов и командиров ССО звучат на этих страницах впервые, поскольку на многие годы затерялись в государственных и вузовских архивах. Авторы очерков подняли архивы и до многих фактов докопались впервые. Многие имена, звучащие в книге, составляют сегодня гордость отечественной науки, промышленности, культуры, бизнеса. Достаточно сказать, что абсолютное большинство ректоров харьковских вузов прошли через горнило ССО. А фотографии, представленные в фотолетописи, никак не приукрашивают трудностей бытовых условий стройотрядовцев и тяжестей работы на протяжении 12–14 часов в сутки. Но были и лучшие в мире песни, и потрясающие стихи, и дружба на всю жизнь, и любовь навеки. И об этом тоже пишут наши авторы, за что им огромная благодарность от инициаторов этого издания.

Порядок публикации очерков определен по времени предоставления статей в редакционную коллегию книги. Язык публикации соответствует языку оригинала. Работа над сбором материалов о судьбах бойцов студенческих строительных отрядов будет продолжена музеем истории Народной украинской академии.

Е. А. Подольская

**НАУЧНЫЙ ДИАГНОЗ ПОСТАВЛЕН:
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ХАРЬКОВЩИНЫ
ДОСТАТОЧНО ВЫСОК
(презентация монографии)**

Образовательный потенциал Харьковщины : монография / Нар. укр. акад. ; под общ. ред. Е. В. Астаховой, Е. А. Подольской ; [авт. кол.: В. И. Астахова и др.]. – Харьков : Изд-во НУА, 2013. – 548 с.

Важным фактором модернизации общества и обеспечения конкурентной способности экономики в современной Украине является образование. Именно поэтому в Национальной стратегии развития образования в Украине на период до 2021 года обоснована необходимость кардинальных изменений, направленных на повышение качества и конкурентоспособности образования в новых экономических и социокультурных условиях, ускорение интеграции Украины в международное образовательное пространство. Развитие национальной системы образования в современных условиях с учетом кардинальных изменений во всех сферах общественной жизни, исторических вызовов XXI века требует критического осмысления достигнутого и сосредоточения усилий и ресурсов на решении наиболее острых проблем, сдерживающих развитие, не дающих возможности обеспечить новое качество образования, адекватное нынешней исторической эпохе.

Активизация научных разведок этой проблемы подкрепляется социальным заказом со стороны харьковской общественности. Ощущается острая потребность в превращении теории в методологию, в обобщении опыта реализации перспективных идей. С такой задачей довольно успешно справились ученые Народной украинской академии В. И. Астахова, Е. В. Астахова, Е. А. Подольская, П. В. Нестеренко, Е. Г. Михайлева, Н. Г. Чибисова, Е. В. Астахова (мл.), И. С. Нечитайло, В. Н. Корниенко, Д. В. Подлесный, Т. В. Подольская, Т. А. Удовицкая и др.

В коллективной монографии ими раскрывается образовательный

потенциал Харьковщины в контексте повышения конкурентоспособности региона, исследуются этапы и особенности становления и развития системы образования на Харьковщине, анализируются экономические и социокультурные предпосылки развития образовательного пространства области в новых исторических условиях. На основе выделения основных тенденций в сфере образования в коллективной монографии описывается современная образовательная парадигма и направления модернизации образования в Харьковском регионе, который является ведущим научным и промышленным центром Украины. Исследователи образовательного потенциала Харьковщины обосновали вывод, что именно наш регион занимает выигрышное положение при реализации национального инновационного сценария: научно-технический и индустриальный потенциал территории может и должен стать главным ресурсом ее устойчивого развития, определяя перспективное социально-экономическое и культурное состояние региона.

Авторы этой коллективной монографии убедительно доказали, что для становления новых образовательных систем требуется существенная концептуальная переориентация, что предполагает, по их мнению, следующие акценты в развитии системы образования на региональном уровне:

- во-первых, развитие общественного и личного осознания образования как ценности, т. е. мотивированного и стимулированного отношения территориального сообщества и отдельного человека к уровню собственного образования и его качеству;
- во-вторых, формирование, устойчивое функционирование и развитие образования как системы, т. е. установление взаимосвязи между множеством образовательных (государственных и негосударственных) учреждений, различающихся по уровню и профилю подготовки, но обладающих в своей совокупности такими инвариантными качествами, как гибкость, динамичность, вариативность, преемственность, целостность;
- в-третьих, прогрессивное развитие образования как процесса, т. е. технологизированного продвижения от целей к результату посредством личностно-социального взаимодействия педагогов

и учащихся, что предполагает персонифицированное, эмоционально-мотивационное совершенствование личности и деятельности педагога;

– в-четвертых, выведение на качественно новый уровень образования как результата, включающего в себя повышение уровня функциональной грамотности (грамотности, доведенной до общественно и личностно необходимого максимума), профессиональной компетентности специалистов разного профиля и общекультурного уровня разных категорий населения.

Авторы показали, что для осуществления многих инновационных проектов в Харьковском регионе имеются образованные кадры, научный потенциал и предпринимательская инициатива.

В контексте важнейших задач модернизации украинского общества доминирующее значение имеет реализация базовых принципов функционирования непрерывного образования. В монографии дается определение сущности и основных принципов функционирования непрерывного образования, выступающего определяющим фактором обновления всех образовательных систем в современную эпоху. Довольно удачно представлен практический опыт Харьковского гуманитарного университета «Народная украинская академия», где уже почти четверть столетия проводится эксперимент по становлению уникальной модели непрерывного образования.

Опыт внедрения концепции непрерывного образования в Харьковском гуманитарном университете «Народная украинская академия» позволил авторам сделать обоснованный вывод о том, что определяющим фактором обновления всех образовательных систем в современную эпоху является именно непрерывное образование, т. е. создание соответствующих условий для самосовершенствования и самоутверждения каждого человека на протяжении всей жизни. Успешно реализуемая в Народной украинской академии концепция индивидуализации образовательного процесса и гражданско-патриотического воспитания позволяет в противоречивых социально-политических условиях формировать активную жизненную позицию школьников и студентов и высокий уровень их гражданственности. Требуется распространение практического опыта ХГУ «НУА», где уже более

двадцати лет ведется эксперимент по разработке и внедрению в образовательную практику Харьковского региона и Украины в целом оригинальной модели непрерывного образования. Общеизвестно, что именно в НУА создана и полноценно функционирует новая институциональная модель, которую удалось вписать в образовательную среду города и страны.

Коллективная авторская позиция вселяет уверенность в том, что концептуальное переосмысление целей современного образования, становление новой парадигмы образовательного процесса, разработка инновационных технологий использования образовательного потенциала Харьковщины, несомненно, будет способствовать тому, чтобы Харьковская область успешно играла роль ведущего промышленного, научно-технологического и образовательного центра.

Е. И. Решетняк

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КАЧЕСТВА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ (презентация монографии)

В условиях постоянно растущей конкуренции основой успешной жизнедеятельности предприятий в долгосрочном периоде является качество их функционирования. Особенно актуальным представляется исследование этой проблемы относительно отечественных предприятий, что позволит сформировать адекватные соответствующим рынкам конкурентные преимущества и активизировать интеграционные процессы. В связи с этим возникает потребность в совершенствовании существующего методологического и методического обеспечения качества, которое требует уточнения и постоянного обновления с учетом происходящих изменений.

В настоящее время развитие отдельных научных направлений уже является нецелесообразным, поэтому необходимо осуществлять исследования в направлении различных научных школ, что позволит достичь определенного синергетического эффекта.

Важное значение в условиях неопределенности приобретает проблема обеспечения качества на перспективу, поэтому возникает вопрос совершенствования стратегического управления предприятием, которое должно решаться с учетом современных тенденций функционирования предприятий. Вместе с тем, принятие качественных стратегических решений должно основываться на определении внешних и внутренних возможностей современных предприятий. Также в условиях конкурентной экономики и постоянной трансформации концепции маркетинга, которая приспосабливается к изменениям конъюнктуры на соответствующих рынках, очень важным является решение проблемы сегментации рынка. Кроме того, функционирование отечественных предприятий происходит в условиях засилья импортных товаров, реализации демпинговой политики рядом зарубежных корпораций и неспособностью отечественных субъектов хозяйствования конкурировать. Все это действительно требует иссле-

дования качества функционирования предприятий как главного фактора роста конкурентоспособности отечественной экономики. В условиях, когда в экономически развитых государствах постепенно возрастает роль знаний, взнос нематериальных активов в стоимость предприятия существенно увеличивается, отечественные предприятия вынуждены активизировать процесс генерации знаний, который будет способствовать увеличению объемов их финансирования, росту стоимости бизнеса и – как результат – качества функционирования как непосредственно хозяйственного субъекта, так и окружающей среды.

Исследуя существующие теоретические положения и методические подходы, следует обратить внимание на недостаточную разработанность и обоснованность некоторых вопросов условиям современности. Необходимость анализа указанных вопросов, их влияние на функционирование предприятий в стратегическом периоде обусловили актуальность монографии. Целью исследования является обобщение и развитие существующих научно-теоретических положений, обоснование и разработка методологического подхода и методического обеспечения качества функционирования предприятия. В качестве объекта исследования выбраны процессы обеспечения качества функционирования предприятий Украины. Предметом исследования являются теоретические, методологические и методические основы стратегического управления качеством функционирования отечественных предприятий.

Монография состоит из четырех разделов, изложенных в соответствующей логической последовательности. В первом разделе исследованы теоретические основы управления качеством, а именно рассмотрена экономическая сущность категории «качество» и ее главные аспекты; определены принципы, особенности, характеристики функционирования предприятия; охарактеризовано организационное обеспечение формирования института качества.

Во втором разделе исследованы предпосылки возникновения и перспективы стратегического управления качеством функционирования предприятий. Разработан методологический подход к стратегическому управлению качеством.

Третий раздел содержит методическое обеспечение составляющих стратегического управления качеством функционирования предприятия, которое основано на определении качества функционирования предприятий, сегментации рынков поставщиков и потребителей, методическом подходе относительно определения качества внешнего потенциального ресурсного обеспечения предприятия.

Четвертый раздел посвящен стратегическому управлению обеспечению качества функционирования предприятия. В качестве главных подсистем, обеспечивающих рост качества функционирования предприятия, определены интеллектуальная, финансовая и организационная.

Предложенный теоретико-методологический подход к стратегическому управлению качеством функционирования предприятия является результатом синтеза нескольких научных направлений. Использование предложенных рекомендаций позволит улучшить качество функционирования отечественных предприятий за счет осуществления соответствующих мероприятий.

А. В. Строкович

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗРАБОТКИ
ПРИОРИТЕТОВ СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ:
ГАРМОНИЗАЦИЯ СТРУКТУРЫ
(презентация монографии)**

В монографии Решетняк Е. И. «Теоретические аспекты разработки приоритетов стратегического развития экономических систем: гармонизация структуры» затрагиваются актуальные проблемы устойчивого развития экономических систем. В основу проведенного исследования легли труды многих ученых и практиков, занимающихся выделением общих принципов и факторов, определяющих тенденции развития экономических систем в современных условиях. Объединение многих направлений исследований в единый подход обоснования теоретико-методологического обеспечения разработки приоритетов стратегического развития экономических систем дает возможность более объективно осуществлять управление на всех его уровнях. Решению этих и многих других важных вопросов посвящена представленная монография.

В монографии сформулирована стратегическая цель устойчивого развития Украины как необходимости обеспечения динамичного повышения уровня благосостояния, обогащения культуры, нравственности народа на основе интеллектуально-инновационного развития экономической, социальной и духовной сфер, сохранения окружающей среды для нынешних и будущих поколений. Основными факторами устойчивого развития должны стать: человеческий, научно-производственный и инновационный потенциалы, природные ресурсы и выгодное географическое положение страны, а главными приоритетами – высокий интеллект – инновации – благосостояние.

Автор доказывает, что сущность проблемы состоит в том, что понимание фундаментальных принципов развития экономической архитектоники, а также выявление причин, характера и следствий структурных изменений дают ключ к обоснованию структурной политики на разных этапах трансформации на всех уровнях управления

и в любой экономической системе. Реализация такой политики содействует усилению адаптивности экономики в целом к внешним негативным воздействиям, обеспечению эффективного и стабильного развития с постоянным зарождением инновационного ядра и его положительным влиянием на экономические процессы в целом.

В работе доказывается, что стремление к гармонии в природе и обществе дает возможность говорить и о гармонии в экономике. В соответствии с этим в исследовании достигнута цель, заключающаяся в разработке и обосновании теоретико-методологического подхода гармонизации структуры экономических систем и определения приоритетов их стратегического развития. Кроме того, в работе сформулированы и решены следующие задачи:

- проанализированы теоретические аспекты стратегического анализа развития экономических систем, осуществлена их классификация, дана сравнительная характеристика;

- проанализированы существующие инструменты математики гармонии и рассмотрена возможность их использования с целью разработки методологии гармонизации структуры экономических систем и определения приоритетов их стратегического развития;

- проведен анализ структур экономических систем, относящихся к различным кластерам экономики с целью подтверждения гипотезы возможности применения инструментов математики гармонии в ходе разработки приоритетов стратегического развития, направленных на оптимизацию экономической системы;

- осуществлена разработка методологии гармонизации структуры экономических систем и определения приоритетов их стратегического развития;

- выявлены закономерности в структурировании отечественных экономических систем на различных уровнях управления, выявлены негативные факторы их функционирования и определены причины их возникновения;

- обоснованы гармонизированные параметры распределения в экономических системах и необходимость подчинения гармоническим законам структурирования для сбалансированного роста;

- получили дальнейшее развитие методологические подходы определения направлений стратегического развития экономических систем.

Е. В. Астахова (мл.)

**ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ РАЗВИТИЯ
СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ
(презентация монографии)**

В монографии Тимошенкова И. В. «Институциональные основы развития системы образования» затрагиваются актуальные проблемы развития института образования. В основу проведенного исследования легли труды многих отечественных и зарубежных авторов, занимающихся поиском эффективной институциональной модели развития образования.

В условиях глобализации и обострения международной конкуренции стало очевидным, что отправной основой разработки конкурентоспособной национальной стратегии развития образовательной системы для любого государства должно стать определение общих принципов распределения и использования ограниченных интеллектуальных, трудовых, материальных и финансовых ресурсов общества. Автор подчеркивает возрастающую роль интеллектуальных ресурсов в современных условиях, характеризующихся усложнением социально-экономических систем, обосновывает необходимость поиска объективных и достоверных знаний о закономерностях их функционирования.

В монографии анализируются и систематизируются представления о выборе между двумя взаимообусловленными и внутренне противоречивыми задачами образования – удовлетворением растущего внутреннего спроса на образование и адаптацией национальной образовательной системы к требованиям международного рынка образовательных услуг. Автором проведен сравнительный анализ институциональных основ международных образовательных систем и отечественной системы образования, где отсутствует представление о стратегических целях и ориентирах развития образования, институциональная модель развития образования формируется стихийно и образовательные ресурсы общества используются крайне неэффективно.

Практический смысл монографии поднимает вопрос о необходи-

мости построения общетеоретической модели развития образования с целью получения реальных инструментов для работы в современных экономических условиях Украины. Автор экономически обосновал фундамент для решения целого ряда насущных практических задач, таких как выбор направлений оптимизации структуры образовательной подготовки и совершенствования форм финансирования образования, обоснование перспективных направлений продвижения образовательных услуг на внешних рынках и определения факторов повышения их конкурентоспособности.

В монографии представлены механизмы интеграции национальной образовательной системы в международное образовательное пространство не только в качестве механического заимствования зарубежного опыта институционального проектирования и импортирования извне, а путем превращения их из деструктивных факторов регулирования социальных отношений в факторы развития образования. Исходя из этого, предпринятая в данной работе попытка обоснования общей институциональной модели развития образовательной системы и определение закономерностей ее реализации в условиях Украины представляются вполне обоснованными, важными и актуальными.

О. А. Иванова

**ПРИОРИТЕТЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО
ОБРАЗОВАНИЯ: ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ, ПРАКТИКА
(по материалам Международной научно-практической
конференции)**

Проблемы образования всегда занимали и продолжают занимать одно из ведущих мест в деятельности государства, всех его структур. Именно образование является основополагающим фактором воспроизводства и развития культуры, духовного, интеллектуального и профессионального потенциалов социума, постоянного продуцирования ментальности всех уровней. Успешная и конструктивная трансформация современного общества невозможна без модернизации образования. Изменившиеся условия развития современного мира заставляют смотреть на образование как на нечто, способное помочь в решении глобальных мировых проблем. В связи с этим исследование ценностно-целевых приоритетов современного образования приобретает особую важность. Все это обусловило актуальность и целесообразность темы XII Международной научно-практической конференции «Приоритеты развития современного образования: теория, методология, практика», которая состоялась 18 и 19 февраля в Харьковском гуманитарном университете «Народная украинская академия».

Цель конференции была сконцентрирована на анализе состояния образования и науки в современном мире; выявлении факторов, способствующих их интеграции; определении тенденций и перспектив интеграционных процессов, а также механизмов обеспечения их эффективности.

В работе конференции приняли участие более 100 специалистов, разрабатывающих различные аспекты модернизации образования в современном мире. Среди участников конференции присутствовали известные ученые, ректоры вузов и директора школ, преподаватели высшей школы, учителя, аспиранты, магистры. Достаточно широко была представлена и география участников: Российская Федерация

(Москва и Санкт-Петербург, Белгород, Нижний Новгород, Саратов), Казахстан, Беларусь, Латвия, Швеция. От Украины присутствовали представители практически всех вузовских центров страны.

Удачно выбранный формат конференции включал доклад мэтра, которым в этом году выступил доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой макроэкономического анализа, заместитель научного руководителя национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва) Л. Л. Любимов, который задал основной тон и настроение конференции, его блестящее выступление не оставило равнодушным никого. И после его доклада «Образование XXI века: от дошкольного детства до пенсии» присутствующие в течение еще целого часа активно обсуждали поставленные мэтром проблемы, такие как акценты нового школьного стандарта в России; задачи учителя и его возможности; массовизация и непрерывность образования, как главные вызовы эпохи; цели и возможности реформирования современного образования и ряд других.

Развивая мысли, сформулированные мэтром, слушателям представили свои постановочные доклады эксперты. Каждый из этих докладов, изложенных известными учеными по крайне острому, дискуссионным вопросам, будил мысль, позволял корректировать свои позиции, вдохновлял на активизацию и теоретической, и практической работы.

Одним из первых экспертов выступал В. С. Бакиров, доктор социологических наук, профессор, академик НАН Украины, ректор Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина, председатель Совета ректоров Харьковского вузовского центра и председатель оргкомитета конференции. В его докладе «Социокультурные барьеры модернизации украинской высшей школы» был дан глубокий анализ причин, тормозящих процесс модернизации высшей школы, усложняющих функционирование высших учебных заведений в новых исторических условиях. Один из главных выводов, сделанных в докладе В. С. Бакирова, заключается в том, что модернизация украинской высшей школы должна носить не «догоняющий характер», а «проектный», учитывающий и мировые тенденции общественного развития, и специфику украинской национальной системы образования.

Особенно важно учитывать именно социокультурные барьеры на пути модернизации, и прежде всего традиционные формы сознания, поведенческие стереотипы и человеческие взаимоотношения, которые практически несовместимы с функционированием модернизированной высшей школы.

С большим интересом восприняли участники конференции статистические данные и постановку проблем в докладах проф. Оксамитной С. Н. (Образовательное неравенство и экспансия высшего образования в Украине), проф. Сокурянской Л. Г. (Взаимодействие в системе «школа – вуз» как приоритетное направление модернизации образования), ректора Днепропетровского университета бизнеса и права им. А. Нобеля, проф. Холода Б. И., который обосновал вывод о том, что важнейшим приоритетом высшей школы сегодня является ее инновационная деятельность. С неожиданной и глубоко проработанной темой выступил проф. Линнеус-университета (Швеция), Свен-Олоф Ирье Колин «Плагиат профессионалов». Он раскрыл особенности плагиата среди преподавателей Швеции, показал возможные формы борьбы с ним и его предотвращения.

Важнейшие положения по работе с кадровым корпусом в условиях украинской высшей школы сформулировала в своем докладе модератор заседания, сопредседатель оргкомитета конференции, ректор Народной украинской академии, проф. Астахова Е. В. Ее вывод о том, что проблема подготовки кадров новой генерации является исходным, стержневым приоритетом развития современного образования, нашел полное понимание и поддержку слушателей. Участники конференции единодушно согласились с тем, что исходными приоритетами для развития современного образования стали: во-первых, непрерывное образование, во-вторых, подготовка кадров новой генерации, понимающих и принимающих новые требования обучения и воспитания, и, в-третьих, интенсивное внедрение рыночных отношений в образовательный процесс, коммерциализация образования и связанное с ним острейшее противоречие между двумя ценностными системами – «классическим академизмом» и «академическим капитализмом».

Хотелось бы отметить традиционно высокий уровень проведения

конференции и интересные выступления докладчиков, диалоговую форму работы, обмен мнениями и возможность вступить в дискуссию на любом из этапов обсуждения. Это был профессиональный важный и полезный разговор о состоянии и перспективах развития современного образования.

Конференция проведена под патронатом фонда «Русский мир», при информационной поддержке газеты «Время», телеканала «Первая столица», научно-информационного журнала «Новый коллегиум» (г. Харьков), журналов «Украинский социум» (г. Киев) и «Гуманитарные науки» (г. Москва).

І. О. Помазан, О. В. Слюніна

**МІЖНАРОДНА СТУДЕНТСЬКА НАУКОВА
КОНФЕРЕНЦІЯ «ОБРІЙ ТАЛАНТУ»
(до 200-річчя від дня народження Т. Г. Шевченка)**

По-різному може складатися погода в певні дні року, тож надзвичайно радує, що весняне потепління спостерігається не лише в природі, але й у душах і думках учасників Міжнародної студентської конференції «Обрії таланту», яка відбувається в межах Тижня української культури. Уже не вперше в Харківському гуманітарному університеті «Народна українська академія» відбуваються заходи, присвячені дослідженню творчості Т. Г. Шевченка. Так, традиційними стали круглі столи, де обговорюють різні аспекти робіт українського Кобзаря. Ідея міжнародної конференції виникла давно. Вона була запланована як захід, що покликаний підвищити проінформованість української та закордонної молоді щодо того значення, яке має творчість Т. Г. Шевченка. Таким чином, мета конференції полягала в залученні молодих поколінь до вивчення літературного надбання українського генія, національного пророка Тараса Григоровича Шевченка в контексті світової художньої культури, надання імпульсу до поглибленого осмислення його творчої спадщини.

Життя Кобзаря сповнене містики. Чим пильніше ми розглядаємо життєвий і творчий шлях Т. Г. Шевченка, чим більше замислюємося над сенсом написаного, тим сильніше відчуваємо жар його творчої пристрасті, тим очевиднішим стає драматизм його людської та письменницької долі.

У роботі конференції взяли участь як провідні науковці: філологи, історики, мистецтвознавці, так і студенти значної кількості українських ВНЗ. Усього заслухано понад 60 доповідей.

Відкриваючи конференцію, із вітальним словом до учасників звернулася ректор ХГУ «НУА», доктор історичних наук, професор К. В. Астахова. Вона побажала учасникам творчого натхнення, гарної наукової атмосфери, нових знайомств.

Директор Департаменту освіти Харківської міської ради О. І. Деменко підкреслила актуальність конференції, зазначивши, що такі заходи сприятимуть не лише поглибленню знань про життєвий шлях генія українського народу – поета, художника, мислителя, борця за свободу – Т. Г. Шевченка, але й допоможуть формувати історичну пам'ять, виховувати національну свідомість.

Також із вітанням до учасників звернувся ректор Харківського державного університету харчування та торгівлі, доктор технічних наук, професор, академік УАН О. І. Черевко. Він відзначив, що наразі про Т. Г. Шевченка хоча й говорять багато, оскільки він відіграв значну роль для національного відродження України, однак мало хто знає, що саме ця людина стала першим українським академіком, укладачем букваря, творцем сучасної літературної мови.

Поетика творів Т. Г. Шевченка постає незвичайним орнаментом барв, ліній, предметів і явищ, де кожна наступна ланка впливає з усвідомлення попередньої, творячи повноцінний і багатогранний образ, нову візію, нове відчуття. Саме про це розмірковує у своїй доповіді кандидат філологічних наук, доцент кафедри української та світової літератури Харківського національного педагогічного університету імені Г. С. Сковороди Р. В. Мельників.

По-своєму розкриває значення Санкт-Петербурга в житті Т. Г. Шевченка студентка РГПУ імені А. І. Герцена. Саме в культурній столиці Росії майстер слова познайомився з прогресивними діячами того часу, тут отримав довгоочікувану свободу, тут видає свою першу збірку.

Я. О. Пшикун, студентка факультету ХГУ «НУА», оригінально підходить до розгляду релігійних мотивів у творчості Кобзаря, зазначаючи про полярні, діаметрально протилежні модуси осмислення цієї проблеми, які подекуди трапляються в текстах митця.

Безперечно, розмаїття тем, які розкриває Кобзар, не може залишити байдужим нікого. Його творчість – наче соняшник, який є прообразом унікального писанкового «безконечника». Саме через це запланована робота кількох секцій. Тут учасники розмірковували, дискутували, ділилися думками щодо різних аспектів, які стосуються поетичної спадщини Т. Г. Шевченка, його прозового доробку, малярських

пошуків, а також сприйняття особистості митця його сучасниками та представниками пізніших поколінь. Розглядаючи найрізноманітніші вектори творчості Т. Г. Шевченка, учасники конференції змогли поглибити знання щодо створення текстів, отримали змогу обговорити окремі образи, відшукати мотиви поведінки героїв, розглянути проблематику картин митця. Оригінально й творчо підійшли доповідачі до аналізу художньої спадщини майстра слова, окреслюючи найбільш важливі нюанси, розставляючи акценти, переконливо доводячи, що творчість Т. Г. Шевченка є понадчасовою.

Після завершення дискусій учасники конференції отримали змогу підбити підсумки під час заключного засідання, де керівники секцій відзначили найкращі виступи.

Усі, кого цікавлять різноманітні аспекти творчості Т. Г. Шевченка, зможуть ознайомитися з матеріалами конференції у збірнику наукових праць.

В. И. Астахова

**НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ НУА: СОСТОЯНИЕ И ПУТИ
ОПТИМИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
(Общеакадемический методологический семинар)**

По такой теме в первых числах февраля прошел ежегодный общеакадемический методологический семинар. Особая актуальность, сложность и глубина вынесенных на семинар вопросов вызвала повышенный интерес всего педагогического коллектива.

Что такое научная школа? Чем отличается классическая научная школа от современной? Есть ли у нас основания говорить о наличии научных школ в НУА, и, если да, то каковы их достижения и перспективы? Что необходимо для превращения обычного научного коллектива в научную школу и как проходит этот процесс? Именно эти вопросы стали стержневыми на семинаре.

Свою позицию по этим вопросам сформулировали в докладах как ведущие профессора академии Тимошенко Т. М., Головнева И. В., Строкович А. В., Тимошенко И. В., так и молодые преподаватели Ивахненко А. А., Астахова Е. В. (мл.), Шилкунова З. И. и др. Естественно, что мнения совпадали далеко не всегда, но все же при подведении итогов ректор – проф. Е. В. Астахова отметила как главное то, что за годы существования нашего учебно-научного комплекса нам удалось не только достичь консенсуса в трактовке основных понятий, но и получить общественное признание наших школ, результатов их научно-исследовательской деятельности. Подтверждением этому может служить включение академии в государственный реестр вузов, имеющих право на государственную поддержку по итогам их научных исследований.

В 1991 г. мы начинали научно-исследовательскую работу на базе одной научной школы, разрабатывающей проблемы образования (Формирование интеллектуального потенциала общества на рубеже веков ГР № 019921004470). И сегодня спустя почти 25 лет научное лицо академии, ее главная научная ниша – это проблемы образования, прежде всего становления и развития непрерывного образования, как

исходного принципа функционирования любой образовательной системы.

Но за прошедшие два десятилетия в академии сложились и прочно вошли в жизнь научного сообщества Украины дочерние научные школы по истории образования (науч. рук. Е. В. Астахова), философии образования (науч. рук. проф. Е. А. Подольская), экономики образования (науч. рук. проф. Тимошенко И. В.), по развивающему обучению (науч. рук. канд. пед. наук Шилкунова З. И.).

Продолжается процесс становления научных школ по образовательному праву (науч. рук. проф. Астахов В. В.), а также по проблемам экономического равновесия хозяйственных субъектов (науч. рук. проф. Строкович А. В.) и проблемам языка как семантической системы и социально-культурного явления (науч. рук. проф. Тимошенко Т. М.).

Важно то, что все сложившиеся в НУА школы и направления в полной мере соответствуют критериям научной школы: есть коллектив единомышленников, успешно разрабатывающий на протяжении многих лет жизненно важные для общества научные проблемы под руководством известного в этой области исследователя и имеющий существенные результаты своей деятельности, признанные в научных кругах и в сфере производства.

К этому важному выводу пришли участники семинара в ходе глубокой и содержательной дискуссии, отметив при этом необходимость сохранять и приумножать научный потенциал академии за счет более последовательной и целенаправленной работы с молодежью.

Е. В. Бирченко

**ИННОВАЦИОННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ:
СУЩНОСТЬ, РЕАЛИИ, ПЕРСПЕКТИВЫ
(XXI Международная студенческая научная конференция)**

XXI Международная научная студенческая конференция «Инновационное образование: сущность, реалии, перспективы», состоявшаяся в Народной украинской академии 12 апреля 2014 года, стала значимым событием в системе научно-исследовательской работы студентов вуза. Ее целью было сориентировать исследовательские интересы учащейся молодежи на изучение потенциала студентов в научных исследованиях актуальных проблем образования.

Организатором выступил, кроме ХГУ «НУА», Департамент науки и образования Харьковской областной государственной администрации.

Международный уровень ей придало участие студентов из Российской Федерации, США.

На пленарном и секционных заседаниях был обсужден широкий круг проблем, связанных с осмыслением сущности инновационного образования, проблем его реализации, перспектив воздействия на формирование конкурентоспособного современного украинского общества.

В постановочных докладах на пленарном заседании был сделан акцент на системном, комплексном характере процесса реализации инновационного образования, включающем преобразования содержания и технологий обучения, организацию и управление учебно-воспитательным процессом. Вместе с тем рассматривались возможности совмещения традиций и инноваций в системе современного образования Украины (доклады студентов С. Малик, И. Процун, В. Процевского, А. Харченко). В докладах аспирантов П. С. Лашина, Н. А. Дружелюбовой поднимались проблемы повышения качества подготовки современных специалистов с использованием потенциала сотрудничества вузов и бизнеса.

В 14-ти секциях конференции выступили с сообщениями свыше ста студентов. В них нашел отражение поиск путей инновационного преобразования процесса обучения по направлениям профессиональной подготовки в вузе. Особое внимание уделялось вопросам обновления образовательных программ. Так, на секциях экономического профиля поднимались вопросы формирования креативных и социальных компетенций выпускников на основе усиления междисциплинарного характера образовательных программ, углубления их научной составляющей, прежде всего в магистратуре, внедрения качественно новых интерактивных методов обучения, обеспечения практикоориентированности учебного процесса.

Активно обсуждались на многих секциях и, главным образом, на секции информационных технологий и математики инновации в информатизации научной и учебной деятельности. В учебной деятельности информатизация должна обеспечить виртуальную среду обучения, обладающую гибкостью и интегрированностью. В научной – доступ к научным сервисам и базам данных, мировым электронным библиотекам. В самостоятельной и дистанционной работе студентов необходимо создание и широкое применение мультимедийных учебных ресурсов. Проектная деятельность должна осуществляться в русле реализации научно-практических и научно-методических IT-проектов.

Насыщенными были дискуссии на секциях гуманитарного цикла, посвященные проектированию современной модели специалиста с высшим образованием, в которой отражаются профессиональные и социальные качества личности, позволяющие ей быстро адаптироваться к новым условиям общества, при этом оставаясь социально активной.

Как отмечалось, роль инновационного образования в данном аспекте должна состоять в обеспечении органичного единства учебной и внеаудиторной работы, воплощенного в целостном педагогическом процессе. Рассмотрение воспитательной системы как развивающего феномена открывает широкие возможности для педагогического сопровождения и поддержки студентов, формируя

субъект-субъектные отношения всех участников этой системы. Особое внимание в дискуссиях было уделено выработке критериев развитости воспитательной системы.

Обсуждение проблем взаимоотношений высшей школы и рынка труда в целом ряде секций было связано с анализом практической составляющей модернизации высшего образования, поиском возможностей заполнения знаниевых пробелов практической направленности.

Следует отметить, что аналитическую рамку осмысления образовательной инноватики значительно расширили состоявшиеся также в НУА:

- научно-теоретическая конференция молодых ученых «Инновационный подход к исследованию института образования»;
- XXI региональная научно-практическая конференция учителей «Инновационная образовательная деятельность в современной школе: проблемы и перспективы».

В целом, спектр поднятых на конференции вопросов и уровень их обсуждения выявил острую актуальность анализа процессов преобразования современного образования и продуктивность предложенных идей.

И. В. Дубинская

О ПРОВЕДЕНИИ XXI РЕГИОНАЛЬНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ УЧИТЕЛЕЙ

В рамках традиционных апрельских Дней науки в ХГУ «НУА» 12 апреля 2014 года состоялась XXI Региональная научно-практическая конференция учителей «Инновационная образовательная деятельность в современной школе: проблемы и перспективы». Тематика конференции приобрела особое значение в контексте развития современных информационных технологий и обуславливает необходимость дальнейшего поиска современных и инновационных подходов в образовании и преподавании школьных предметов.

В конференции приняли участие 40 учителей Специализированной экономико-правовой школы. Гостями конференции также стали преподаватель Харьковского национального педагогического университета им. Г. С. Сковороды канд. пед. наук, доц. Емец А. А. и студенты-магистры, канд. пед. наук, проф. кафедры педагогики и психологии Харьковской гуманитарно-педагогической академии Толмачёва И. Н.

На конференции были представлены доклады и сообщения по всем общеобразовательным предметам, что дало возможность обсудить тенденции развития межпредметных связей на современном этапе преподавания школьных дисциплин.

На пленарном заседании прозвучали приветствие ректора ХГУ «НУА» д-ра ист. наук, проф. Е. В. Астаховой, доклады канд. соц. наук, доц. кафедры социологии ХГУ «НУА» Нечитайло И. С., аспирантки кафедры экономики предприятия, выпускницы факультета «Бизнес управление» Народной украинской академии Дружелюбовой Н. А., студента 5 курса факультета «Бизнес управление ХГУ «НУА» Малик С. С. После пленарного заседания участники конференции продолжили работу на секциях.

Работа первой секции («Образовательный процесс и технология обучения в условиях педагогических инноваций») была посвящена

обсуждению педагогических инноваций в системе образования. Оживленную дискуссию вызвали доклады учителей Народной украинской академии Радченко И. В. и Галаки В. И., в которых были предложены идеи инновационного подхода к преподаванию украинского языка и математики, пути возможности интегрирования школьных предметов (информационные технологии и математика) и развитие речевой культуры школьников.

В рамках второй секции («Инновационная деятельность учителя как условие реализации современных целей общего начального образования») были сделаны доклады по проблемам развития дошкольного образования, приоритетным направлениям сотрудничества семьи и школы, изучения зарубежной литературы на уроках начальной школы и др. Особое внимание привлекли доклад Калмыковой А. Л, сообщения Литовченко А. В. и Назаренко А. А. по вопросам индивидуального развития учащихся и интеграции предметов в начальной школе (украинского и английского языков).

В работе третьей секции («Иностранный язык как основа развития межкультурной коммуникации») были рассмотрены вопросы возможности использования интернет ресурсов, дистанционного обучения и подкастов на уроках иностранного языка в школе. В работе секции приняли участие учителя СЭПШ, выступил с докладом учитель английского языка, учитель-методист, региональный представитель издательства «Pearson Longman» Чеботарёв А. В. Учителя Загревская В. В. и Тарасова О. В. презентовали свои проекты по работе с учениками в средней школе с использованием интернет технологий.

В целом, стоит отметить, что конференция прошла в рабочей и доброжелательной обстановке. Участники обсудили целый ряд актуальных проблем и теоретико-методологических аспектов преподавания в средней школе, что позволило расширить представления об основных тенденциях развития науки и образования на современном этапе.

Е. В. Астахова (мл.)

СОЦИАЛЬНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЕКТ «ШКОЛА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА»

Преподавание в современных условиях требует модернизации образования, подготовки конкурентоспособных профессионалов-практиков, компетентных в условиях рыночной нестабильности, мобильных, мотивированных к постоянному саморазвитию и совершенствованию.

Вопросы поиска новых образовательных форм, интегрирующих теорию и практику обучения и мотивирующих учащихся к обучению, относятся к числу наиболее актуальных проблем современной педагогической науки и практики. В настоящее время большое значение приобретает поиск наиболее эффективных путей обучения, повышения качества усвоения не только базовых теоретических знаний учащимися, но и выявление внутренних резервов познавательной активности, поиск методов обучения практическим навыкам.

Одним из решений является организация «Школы предпринимательства» – социально-образовательного проекта, направленного на популяризацию предпринимательства в ученической среде, повышение мотивации к обучению экономическим и правовым дисциплинам, развитие интереса к современному бизнесу, а также формирование у молодого поколения базовых знаний по ведению бизнеса. Данный проект реализуется в течение последних четырех лет на базе ХГУ «НУА» и осуществляется в рамках ознакомительной экономико-правовой практики учащихся.

Главная цель проекта – формирование профессиональной ориентации и мотивации к обучению школьников, ознакомление их с основами бизнеса. Задачами проекта для учащихся специализированной экономико-правовой школы являются:

- формирование предпринимательского подхода к работе;
- освоение правовых основ ведения бизнеса на практике;
- развитие лидерских качеств;
- приобретение навыков работы в проекте, команде;
- получение навыков построения эффективных презентаций.

Учасники проекту – старшокласники СЭПШ, кураторы проекта – студенти факультета «Бизнес-управление» ХГУ «НУА», руководители – учителя экономики и права СЭПШ, преподаватели-консультанты ХГУ, приглашенные предприниматели-выпускники ХГУ «НУА».

Проект направлен и на реализацию концепции непрерывного образования НУА путем выбора формата: «школа – вуз – выпускники-представители бизнеса». Важным воплощением принципов преемственности и непрерывности образования являются встречи, дискуссии и лекции успешных выпускников – представителей украинского современного бизнеса. Кроме того, совместная работа школьников и студентов разных курсов факультетов «Бизнес-управление» и «Социальный менеджмент» в малых группах по разработке бизнес-идей, организация и курирование проекта студентами-магистрами, а также консультативная деятельность преподавателей школы и университета.

Содержательная идея проекта – разработка бизнес-идеи и бизнес-плана реализации данной идеи. Для этого участники проекта анализируют конкурентную среду рынка, выбирают потребительскую группу, анализируют спрос и предложение на рынке определенного товара или услуг, планируют издержки и доходы и, в конечном итоге, представляют к защите свой бизнес-проект.

Формат работы в рамках проекта предусматривает: встречи-дискуссии, мини-тренинги, лекции, консультации предпринимателей, руководителей и кураторов проекта.

Результаты проекта, а также положительные отзывы его участников позволяют подтвердить его значимость, реализацию поставленных целей по повышению мотивации к обучению, развитию практических предпринимательских навыков, формированию экономического сознания учащихся, развитию способностей к анализу социально-экономических и правовых параметров развития государства.

Академія очима випускників

А. Е. Журавель

ОТПУСТИТЕ МЕНЯ В НУА...

Бывают места, в которые хочется возвращаться снова и снова, где чувствуешь себя востребованным и нужным, где заряжаешься энергией творчества и созидания, после которых хочется идти по жизни и побеждать, побеждать во всём, за что бы ни брался...

В моей жизни было всего два таких места. Это Народная украинская академия, которая заложила основу для всех моих последующих достижений, и компания «Бейкер Тилли Украина», где я работал более четырёх лет в области аудита по международным стандартам финансовой отчётности и прошел путь от ассистента аудитора до старшего аудитора.

Академия – это тот вуз, где я получил знания, благодаря которым сейчас востребован на рынке труда и занимаюсь тем, что мне интересно.

Уникальность НУА состоит в том, что все её студенты, бывшие и нынешние, могут найти себе достойное занятие и реализовать свой потенциал. Хочешь заниматься наукой? Пожалуйста, участвуй в конференциях, студенческих олимпиадах, пиши магистерскую, а впоследствии кандидатскую и докторскую работы. Видишь себя великим оратором или просто любишь работать с людьми, быть организатором? На твой выбор конкурсы ораторского искусства, возможность работать вожатым в Крыму и возможность стажироваться за границей. Ты творческий человек? Можно участвовать в КВНах и многочисленных творческих коллективах...

Вершиной своих достижений за время учёбы в НУА я считаю I место в конкурсе «Аудитор-2003», проводимом корпорацией «Фактор», и I место на Всеукраинской студенческой олимпиаде по бухгалтерскому учёту в 2004 году в Киеве.

Шагами на пути к этим достижениям были, казалось бы, не связанные с ними напрямую участия в многочисленных конференциях, от истории и философии до права и экономической теории, благодаря которым я объездил всю Украину и где оттачивал свои навыки аналитической и исследовательской работы. Были статьи в журналах

по теории налогообложения и реструктуризации предприятий. Была работа в студенческом научном обществе...

Профессиональные увлечения, заложенные в НУА, впоследствии стали основой для моего профессионального развития и карьеры. Так, в своё время я не один год «ломал голову» над процессом построения системы бюджетирования на предприятии. Пытался выработать алгоритм для себя: шаг за шагом. Поднимал эти темы в своих научных работах – бакалаврской и магистерской. Так сложилось, что впоследствии мне предложили создать «с нуля» и возглавить планово-экономический отдел на одном из харьковских пищевых производств, и главной и важнейшей задачей на первом этапе работы как раз и явилось выстраивание системы бюджетирования и управленческого учёта. Тут-то и пригодились все мои наработки студенческих лет.

Далее процесс построения системы бюджетирования перестал казаться какой-то сложной, неразрешимой задачей, и в круг моих интересов попали международные стандарты финансовой отчётности. Со временем из увлечений они тоже стали работой. Я переехал в Киев, вырос в профессиональном и карьерном плане за время четырёх-летней работы в компании «Бейкер Тилли Украина», входящей в ТОП-10 мировых аудиторских сетей Baker Tilly International, которую также всегда вспоминаю с благодарностью и считаю образцом для подражания и эталоном для других компаний.

На данный момент, параллельно с работой в области международных стандартов финансовой отчётности, появился интерес к торговле на мировых финансовых рынках, в частности, к опционным стратегиям на Московской бирже. Предыдущим этапом увлечения финансовыми рынками стало вхождение в ТОП-10 победителей конкурса «Лучший частный инвестор-2010», проводимого Украинской биржей. И кто знает, к какому развитию карьеры на этот раз приведут мои профессиональные интересы?

Академия учит думать. Учит ставить цели, прежде всего, самому себе. Позволяет понять дальнейшее направление в жизни. Учит учиться...

Единственный невозполнимый ресурс в жизни – это время. И Академия позволяет использовать его так, чтобы впоследствии «не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы». Именно

благодаря этому студенты Народной украинской академии выгодно отличаются от своих коллег из других вузов.

После 11 лет работы в области бухгалтерии, аудита, экономики и финансов я могу сказать, что НУА расставляет нужные акценты в обучении. Выступая перед студентами факультета «Бизнес-управление», я рассказывал им о рынке труда, о возможностях, которые существуют в избранной ими профессии, а также упомянул, что считаю бухгалтерский учёт и английский язык главными предметами за все пять лет обучения. Если с английским всё понятно, то по поводу важности бухгалтерского учёта остались вопросы. Владение знаниями и навыками в области бухгалтерского учёта позволяет стать не только бухгалтером, но и быть востребованным как финансовый аналитик, аудитор, специалист по бюджетированию и во многих других направлениях, которые могут быть интересны выпускникам факультета «Бизнес-управление»... И, собственно, финансовый директор немислим без знаний в области бухгалтерского учёта, это основа основ. Без знаний бухгалтерского учёта вы можете быть замечательным специалистом в других областях экономики и финансов, но не сможете решить ни одной практической задачи. Это не значит, что нужно учить только бухгалтерский учёт, и ничего более. Но, тем не менее, его – в первую очередь.

НУА учит трудолюбию. Учит, как решать задачи разных уровней сложности, и решать их даже тогда когда очень не хочется, но надо. Это очень ценный навык для жизни. Ведь мне не раз приходилось уходить с работы не только в полночь, но и в 2 часа ночи, а иногда и в 7 утра следующего дня...

Главное, что всё, чему нас учили на протяжении этих пяти лет, работает в жизни. Да, не всё получилось. Не получилось выучить второй иностранный, как настоятельно рекомендовала Екатерина Викторовна. А надо бы. Да, не дошли руки до диссертации. Но даже того, что уже удалось, с лихвой хватило бы на всю оставшуюся жизнь. Но останавливаться и почивать на лаврах не в наших правилах. Не так учили в НУА. А у нас были хорошие учителя...

И если бы появилась возможность вернуться назад и заново прожить свою студенческую жизнь, то я бы первый занял очередь за тем, чтобы повторить свой путь в Народной украинской академии...

О. А. Гонца

АКАДЕМИЯ – ЭТО ВОЗМОЖНОСТИ

Известно множество рейтингов высших учебных заведений. Их оценивают и по уровню остепененности преподавателей, и по материальному обеспечению, и по отзывам выпускников. У каждого вуза – свое лицо, а у каждого человека – свои мерки качества. Для абитуриентов важно имя учебного заведения и внеучебная жизнь. Для родителей важен уровень преподавания. В зависимости от социального статуса восприятие ценности вуза меняется. Сейчас, смотря на вузы глазами выпускника, интересуется ответ на вполне конкретный вопрос: какова вероятность успешного трудоустройства по полученной специальности после получения диплома? А остальные критерии оценки, указанные выше, скорее являются инструментарием для положительного ответа на данный вопрос.

Однако есть еще и внешние факторы, которые оказывают влияние на успешное трудоустройство после окончания вуза:

- востребованность специальности на рынке труда;
- обладание профессиональными знаниями, необходимыми для решения задач работодателя.

На сегодня достаточно распространено мнение о том, что в Украине существует перепроизводство экономистов, специальность социолога не применима в существующей практике ведения бизнеса, а переводчики требуются только в компаниях с иностранными инвестициями. Конечно, если оценивать исключительно статистические данные, то экономистов действительно страна «производит» много. Однако экономическая специальность – это залог широкой профессиональной применимости, это и бухгалтера, и экономисты, и финансисты, и маркетологи, и позиции, связанные с управлением людьми. И в штатном расписании любой компании заложены данные должности. Учитывая рыночное направление развития украинской экономики, можно сказать, что потребность в сотрудниках с высшим экономическим образованием будет только расти. Что касается социологов – то их применимость в отделах по управлению персоналом,

где решаются задачи отбора, адаптации, планирования карьеры сотрудников, не поддается сомнению. А референты-переводчики вполне успешны и как преподаватели иностранных языков, и как дипломаты, и в качестве различных специалистов, где необходим высокий уровень иностранного языка. Вопрос применимости можно измерить и статистикой, достаточно посмотреть на процент трудоустройства по специальности выпускников Академии. Однако есть некоторые тенденции на рынке труда, которые вносят свои коррективы как в образование, так и в дальнейшее развитие специалистов.

Комплексный анализ ситуации на рынке труда требует отдельной статьи. Однако можно уверенно говорить о следующих тенденциях касательно специальностей – факультетов НУА:

1. Автоматизация рутинного труда. А следовательно, вероятность выполнять одни и те же задачи в течение долгого времени уменьшается. С одной стороны, это ведет к разнообразию задач. С другой – см. п. 2.

2. Потребность в постоянном саморазвитии. Чем больше сотрудник склонен к повышению квалификации, тем выше его ценность для компании.

3. Высокий уровень знания IT и иностранного языка (как минимум английского) становится нормой. Отсутствие данных навыков закрывает двери во многие компании.

4. Слепой набор. Потребность времени – набирать со скоростью речи, поскольку часто это замещает или дополняет устное общение.

5. Многозадачность. Умение параллельно работать над несколькими проектами, вести несколько диалогов, управлять сотрудниками разного уровня квалификации.

6. Готовность к переменам. Высокий уровень конкуренции на рынке вынуждает постоянно улучшать продукцию, услуги, оптимизировать процессы и т. д.

Дилемма высшего образования заключается в том, что преподавание сугубо практических подходов к бизнесу неэффективно, потому что подходы динамично меняются, и у студента не остается комплексного представления о предмете, поскольку он владеет исключительно инструментарием. С другой стороны, преподавание

сугубо теоретических навыков дает представление о предмете без понимания путей решения задач. Поиск баланса – одна из сложнейших задач вуза. И есть уверенность, что в Академии получается найти баланс за счет деятельности преподавателей-практиков, проведения встреч с профессионалами разных сфер бизнеса, в том числе и выпускниками НУА.

Значительную роль в становлении профессионала играет умение работать с людьми. Динамичное развитие аутсорсинговых услуг вносит изменение в привычную схему построения команды. Теперь необходимо умение управлять людьми на расстоянии, строить эффективные коммуникации. В этой сфере Академия предоставляет серьезные возможности для тех студентов, которые хотят получить опыт работы с людьми. Это и опыт работы в детских оздоровительных лагерях, гостиничном бизнесе зарубежных стран, и участие в многочисленных воспитательных мероприятиях Академии. Многочисленные сезонные практики дают возможность как усилить свое резюме, так и эффективней, рациональней строить отношения с коллегами по работе, избегая типичных ошибок при работе с людьми.

Высокая скорость ведения бизнеса, множество источников получения информации, потребность в умении абстрагироваться и в каждой задаче увидеть главное – все это требует системного мышления, навыка к систематизации данных, их обработке, представлении в визуально понятном виде. Опыт научной деятельности, который дает Академия, формирует умение структурировать, анализировать информацию, пользуясь типичными научными методами, структурно подходить к решению рабочих задач. Сложно представить крупного специалиста без данных навыков.

Подводя итоги, можно сказать, что Академия предлагает широкий спектр возможностей для профессионального развития. И если воспринимать пять лет учебы как единственный в жизни шанс получить не только образование, но и различного рода практический опыт, то сомнений в устойчивости на рынке труда не будет. Тому есть множество успешных примеров среди выпускников Академии.

Відомості про авторів

АСТАХОВА Катерина Вікторівна
доктор історичних наук, професор, ректор Харківського
гуманітарного університету «Народна українська академія»
(ХГУ «НУА»)

АСТАХОВА Валентина Іларіонівна
доктор історичних наук, професор, радник ректора ХГУ «НУА»

АБРАМОВ Олександр Петрович
кандидат соціологічних наук, доцент кафедри філософії і соціології
Південно-Західного державного університету (Курськ)

АНДРУШКІВ Богдан Миколайович
доктор економічних наук, професор, завідувач кафедри
менеджменту підприємницької діяльності Тернопільського
національного технічного університету імені Івана Пулюя

АНУФРІСВА Ірина Леонідівна
старший викладач кафедри германської та романської філології,
декан факультету «Референт-перекладач» ХГУ «НУА»

АСТАХОВ Віктор Вікторович
кандидат юридичних наук, доцент, професор кафедри економічної
теорії та права, декан факультету «Бізнес-управління» ХГУ «НУА»

АСТАХОВА Катерина Вікторівна (мол.)
кандидат економічних наук, доцент кафедри економічної теорії
та права ХГУ «НУА»

БАБАК Катерина Миколаївна
викладач загальноакадемічної кафедри англійської мови
ХГУ «НУА»

БАБАНІНА Вікторія Юріївна
студентка IV курсу факультету «Бізнес-управління» ХГУ «НУА»

БАСМАНОВА Оксана Євгенівна
кандидат економічних наук, доцент кафедри економіки
підприємства ХГУ «НУА»

БІРЧЕНКО Олена Володимирівна
кандидат соціологічних наук, доцент,
завідуюча кафедрою соціології ХГУ «НУА»

БУЛАТБАСВА Айгуль Абдимажитівна
доктор педагогічних наук, директор Інституту стратегій розвитку
освіти Академії педагогічних наук Казахстану

ВИШНЕВСЬКИЙ Михайло Іванович
доктор філософських наук, професор,
перший проректор закладу освіти «Могильовський державний
університет імені А. О. Кулешова»

ГЛІСБОВА Людмила Іванівна
доцент кафедри суспільних наук Харківського національного
медичного університету

ГОНЦА Ольга Олександрівна
випускниця ХГУ «НУА» 2007 року

ГРИГОР'ЄВ Владислав Володимирович
студент V курсу факультету «Референт-перекладач» ХГУ «НУА»

ГРИГОРЕЦЬ Ольга Миколаївна
директор Центру дитячої та юнацької творчості №1 Харківської
міської ради Дзержинського району м. Харкова

ГУПАЛОВА Яна Олександрівна
бакалавр з економіки підприємства ХГУ «НУА»

ДЕМЧУК Наталія Іванівна
кандидат економічних наук, доцент кафедри фінансів
Дніпропетровського державного аграрного університету

ДУБИНСЬКА Ірина Вікторівна
вчитель англійської мови Спеціалізованої економіко-правової школи
Народної української академії

ДУБРОВА Наталія Петрівна
кандидат економічних наук, доцент Дніпропетровського
державного аграрного університету

ДУРАНДІНА Оксана В'ячеславівна
викладач кафедри економіки підприємства,
завідуюча лабораторією планування кар'єри ХГУ «НУА»

ЖУКОВСЬКА Олена Володимирівна
викладач кафедри економіки підприємства ХГУ «НУА»

ЖУРАВЕЛЬ Олексій Євгенович
випускник ХГУ «НУА» 2004 року

ЗАДОЯ Анатолій Олександрович
доктор економічних наук, професор, перший проректор
Дніпропетровського університету імені Альфреда Нобеля

ЗАХАРОВА Анастасія Олександрівна
студентка II курсу факультету «Бізнес-управління» ХГУ «НУА»

ІВАНОВА Вероніка Павлівна
студентка VI курсу факультету «Бізнес-управління» ХГУ «НУА»

ІВАНОВА Вікторія Анатоліївна
кандидат соціологічних наук, науковий співробітник
Науково-дослідного центру Новгородського державного
університету імені Ярослава Мудрого (НовДУ),
доцент кафедри соціології НовДУ

ІВАНОВА Ольга Анатоліївна
кандидат економічних наук, доцент, проректор з науково-дослідної
роботи ХГУ «НУА»

ІВАХНЕНКО Антоніна Олександрівна
кандидат філологічних наук, доцент кафедри теорії і практики
перекладу ХГУ «НУА»

ІЛЬІНА Валерія Олегівна
студентка IV курсу факультету «Соціальний менеджмент»
ХГУ «НУА»

ІЛЬЧЕНКО Валерія Віталіївна
завідуюча кафедрою теорії і практики перекладу,
проректор з навчально-методичної роботи ХГУ «НУА»

КАРПЕНКО Олена Валентинівна
старший викладач кафедри германської та романської філології
ХГУ «НУА»

КИЛИМОВА Людмила Вікторівна
кандидат соціологічних наук, доцент Південно-Західного
державного університету (Курськ)

КОМІР Людмила Іванівна
кандидат економічних наук, доцент, завідувача кафедрою
економічної теорії та права ХГУ «НУА»

КОРНІЄНКО Віра Миколаївна

кандидат історичних наук, доцент, декан факультету
заочно-дистанційного навчання ХГУ «НУА»

КОТЕЛЕВЕЦЬ Катерина Вікторівна

викладач кафедри української, російської мов і прикладної
лінгвістики Національного технічного університету «Харківський
політехнічний інститут»

КРАВЧУК Павліна Феодосіївна

доктор філософських наук, професор, директор міжвузівського
науково-освітнього центру соціальної теорії та інноваційних
технологій (Курськ)

КУРКІНА Анна Вікторівна

аспірантка кафедри філософії і соціології Південно-Західного
державного університету (Курськ)

МАТВЄЄВА Наталія Олександрівна

доктор соціологічних наук, професор, проректор Алтайської
державної педагогічної академії (Барнаул)

МАХАНОВА Перизат Шукірманівна

кандидат педагогічних наук, провідний науковий співробітник
Інституту стратегій розвитку освіти Академії педагогічних наук
Казахстану

МЕЛЬНИК Лілія Миколаївна

кандидат економічних наук, асистент кафедри менеджменту
підприємницької діяльності Тернопільського національного
технічного університету імені Івана Пулюя

МЕРКУЛОВА Тетяна Костянтинівна

доцент кафедри германської та романської філології ХГУ «НУА»

МИХАЙЛОВА Людмила Вільівна
кандидат філологічних наук, доцент кафедри германської
та романської філології ХГУ «НУА»

НАЩЕКІНА Ольга Миколаївна
кандидат фізико-математичних наук, доцент Національного
технічного університету «Харківський політехнічний інститут»

НЕЧІТАЙЛО Ірина Сергіївна
кандидат соціологічних наук, доцент,
докторант кафедри соціології ХГУ «НУА»

ОСИПОВ Олександр Михайлович
доктор соціологічних наук, професор, професор кафедри соціології
Новгородського державного університету імені Ярослава Мудрого

ПАВЛЕНКО Оксана Павлівна
кандидат економічних наук, доцент Дніпропетровського
державного аграрного університету

ПІДЛІСНИЙ Дмитро Вадимович
кандидат історичних наук, доцент, докторант кафедри філософії
та гуманітарних дисциплін ХГУ «НУА»

ПОДОЛЬСЬКА Єлизавета Ананіївна
доктор соціологічних наук, професор, завідувача кафедрою філософії
та гуманітарних дисциплін ХГУ «НУА»

ПОМАЗАН Ігор Олександрович
кандидат філологічних наук, доцент, завідувач кафедри
українознавства ХГУ «НУА»

ПОПОВ Олександр Олександрович
кандидат соціологічних наук, доцент кафедри філософії і соціології
Курської державної сільськогосподарської академії

ПОТАПОВА Жанна Євгенівна

кандидат філологічних наук, доцент, професор кафедри германської та романської філології ХГУ «НУА»

РЕШЕТНЯК Олена Іванівна

кандидат економічних наук, доцент кафедри економіки підприємства ХГУ «НУА»

РИСАКОВА Поліна Ігорівна

кандидат соціологічних наук, доцент, викладач Східного факультету Санкт-Петербурзького державного університету

РОБАК Ігор Юрійович

професор, завідувач кафедри суспільних наук Харківського національного медичного університету

СВЕН-ОЛОФ ІР'Є КОЛЛІН

професор факультету Бізнесу та економіки Ліннеус-університету (Швеція)

СЛЮНІНА Олена Вікторівна

кандидат філологічних наук, старший викладач кафедри українознавства ХГУ «НУА»

СМОЛЯНКІНА Світлана Володимирівна

викладач кафедри германської та романської філології ХГУ «НУА»

СТОЙКО Ігор Іванович

кандидат технічних наук, доцент, заступник завідувача кафедри менеджменту підприємницької діяльності Тернопільського національного технічного університету імені Івана Пулюя

СТРОКОВИЧ Ганна Віталіївна

кандидат економічних наук, доцент, завідувача кафедрою економіки підприємства ХГУ «НУА»

ТАБУРОВА Євгенія Миколаївна
завідуюча філіалом туристично-краєзнавчого відділу Центру
дитячої та юнацької творчості №1 Харківської міської ради
Дзержинського району м. Харкова

ТАРАСОВА Олена Владиславівна
кандидат філологічних наук, доцент, завідувач загальноакадемічної
кафедри англійської мови ХГУ «НУА»

ТИМОШЕНКОВ Ігор Владиславович
кандидат економічних наук, професор кафедри економічної теорії
та права ХГУ «НУА»

ТИМОШЕНКОВА Тамара Михайлівна
кандидат філологічних наук, професор, завідуюча кафедри
германської та романської філології ХГУ «НУА»

УШАКОВА Юлія Юріївна
аспірантка загальноакадемічної кафедри англійської мови
ХГУ «НУА»

ФІЛАТОВА Анастасія Вікторівна
аспірантка кафедри германської та романської філології
ХГУ «НУА»

ХІЛЬКОВСЬКА Ася Олександрівна
старший викладач загальноакадемічної кафедри англійської мови
ХГУ «НУА»

ХОЛОД Борис Іванович
доктор економічних наук, професор, президент Дніпропетровського
університету імені Альфреда Нобеля

ЧИБІСОВА Наталія Григорівна
кандидат філософських наук, професор кафедри філософії
і гуманітарних дисциплін, проректор з гуманітарної освіти
і виховання ХГУ «НУА»

ШЕВЧЕНКО Наталя Володимирівна
кандидат соціологічних наук, доцент кафедри філософії та соціології
Національного фармацевтичного університету (Харків)

ШКАРІНА Юлія Юріївна
кандидат соціологічних наук, доцент кафедри філософії і соціології
Південно-Західного державного університету (Курськ)

ЩУДЛО Світлана Андріївна
доктор соціологічних наук, доцент, завідувача кафедрою
правознавства, соціології та політології Дрогобицького державного
педагогічного університету імені Івана Франка

ЯРІЗ Євген Михайлович
доцент кафедри германської та романської філології ХГУ «НУА»

ЗМІСТ

Предисловие	3
Актуальні проблеми розвитку освіти: історичні, філософські, економічні, правові й соціальні аспекти	7
<i>Астахова Е. В.</i> О сохранении конкурентных преимуществ вуза в условиях углубляющегося кризиса высшей школы	9
<i>Подольская Е. А.</i> Образовательные технологии: смысл и основные принципы	18
<i>Астахова В. И.</i> Успешность выпускников как главный критерий качества работы учебного заведения	26
<i>Астахова Е. В. (мл.)</i> Конкурентные позиции вузов: анализ возможностей	38
<i>Холод Б. І., Задоя А. О.</i> Концептуальні основи розвитку приватної освіти в Україні	44
<i>Подлесный Д. В.</i> Приватное высшее образование в Украине: трансформации периода Революции и Гражданской войны	56
<i>Чибисова Н. Г.</i> О молодежной субкультуре в студенческой среде	68
<i>Щудло С. А.</i> Ризики молоді у системі вищої освіти	77
<i>Яриз Е. М.</i> Роль мотивационной среды в решении проблемы оптимизации учебно-познавательной деятельности студентов	85
<i>Булатбаева А. А., Маханова П. Ш.</i> Обобщение опыта использования элементов моделирования и схематизации для эффективного обучения и развития школьников	91
<i>Вишиневский М. И.</i> Социокультурная значимость философского образования	101
<i>Иванова В. А., Матвеева Н. А., Осипов А. М., Рысакова П. И.</i> Социология образования в России	112
<i>Шевченко Н. В.</i> Партнерські відносини в освітньому процесі	131
<i>Хильковская А. А.</i> Учебная автономия и стратегии обучения	144
<i>Нечитайло И. С., Григорец О. Н., Табурова Е. Н.</i> Эвристический потенциал когнитивного подхода к анализу взаимосвязи образования с процессами воспроизводства социального неравенства	153
<i>Шкарина Ю. Ю., Попов А. А.</i> Роль образования в реализации духовного потенциала пожилых людей	164

<i>Корниенко В. Н.</i> История становления первых европейских университетов (XI–XVII вв.)	171
<i>Глебова Л. И., Робак И. Ю.</i> 75 лет упорного труда (к юбилею кафедры общественных наук Харьковского национального медицинского университета)	184
<i>Collin S.-O., Gupalova Ia.</i> Female drain: a comparative study of Ukrainian and Swedish students' preferences for mobility	197
<i>Ануфриева И. Л.</i> Влияние курса «Литература Франции» на формирование образовательной составляющей студента-филолога	209
Економічні та правові проблеми розвитку українського соціуму	215
<i>Строкович Г. В.</i> Управління знаннями як основа підвищення якості функціонування підприємства	217
<i>Тимошенко І. В., Нащекіна О. Н.</i> Институциональные аспекты исследования этики бизнеса	224
<i>Астахов В. В., Бабанина В. Ю.</i> Победим ли правовой нигилизм в постсоветской Украине?	229
<i>Решетняк О. І.</i> Аналіз концепцій управління витратами	238
<i>Дуброва Н. П., Павленко О. П.</i> Проблеми і перспективи розвитку міжнародної фінансової політики та її реалізація в умовах глобалізації	249
<i>Жуковская Е. В.</i> Структура и динамика экономического доверия	261
<i>Иванова О. А.</i> Экономическое обоснование частных логистических решений	272
<i>Комір Л. І.</i> Проблеми статистичного оцінювання людського капіталу	278
<i>Андрушків Б. М., Стойко І. І., Мельник Л. М.</i> Шляхи досягнення інноваційної конкурентоспроможності України у контексті стратегії «Європа 2020»	284
<i>Демчук Н. И.</i> Холистическая парадигма системного риска	296
<i>Басманова О. Е.</i> Оценка конкурентоспособности товаров (услуг) с применением методов социологических исследований	310
<i>Дурандіна О. В.</i> Взаємозалежність темпів приросту ВВП та інвестицій в Україні	318
<i>Тарасова Е. В.</i> Современный экономический дискурс в понятиях и терминах синергетики	325

Сучасне суспільство в контексті гуманітарного знання (соціологія, філологія, історія)	335
<i>Кравчук П. Ф.</i> Творческий потенциал как фундаментальная основа креативной личности	337
<i>Куркина А. В.</i> Социальный портрет и особенности поведения конкурентоспособной личности в инновационно ориентированном обществе	349
<i>Килимова Л. В.</i> Традиционность и инновационность в сетевых практиках молодежи	360
<i>Абрамов А. П.</i> Социологическая рефлексия профессиональной социализации будущих офицеров в условиях трансформации социальных отношений армии и общества	370
<i>Тимошенкова Т. М.</i> Коммуникативно-стилистическая ориентированность грамматической организации высказывания и варьирование его форм	382
<i>Михайлова Л. В.</i> Класифікація мовленнєвих актів: різноманітність підходів	394
<i>Ильченко В. В., Карпенко Е. В.</i> Визуализация учебного контента как средство формирования навыков и умений письменного перевода	407
<i>Смолянкина С. В.</i> Использование песенного аутентичного материала в формировании коммуникативной грамматической компетенции ...	414
<i>Потапова Ж. Е.</i> Условия формирования личности в кайзеровской Германии (на материале повести Германа Гессе «Под колесом»)	420
<i>Филатова А. В.</i> К вопросу о «мнимых» придаточных предложениях времени в современном немецком языке	426
<i>Помазан І. О.</i> Пародійні ракурси української геральдичної поезії пізнього Бароко	433
<i>Слюніна О. В.</i> Лінгвофілософське осмислення архетипної семантики концепту ЧАС	441
<i>Котелевець К. В.</i> Проблеми етимології молодіжного сленгу (на матеріалі повісті Г. Бєлих, Л. Пантелєєва «Республіка ШКІД»)	453
<i>Ивахненко А. А.</i> Образ Бога в творчестве Э. Дикинсон	459
<i>Бабак Е. Н.</i> Философско-эстетические взгляды Акима Волынского	464
<i>Ушакова Ю. Ю.</i> О понятии медицинского дискурса	470
<i>Меркулова Т. К.</i> Психолого-лингвистический профиль участников международного проекта «LinguaExchange»	480

Студентська трибуна	489
<i>Ільїна В. О.</i> Методы совершенствования гражданского воспитания в высших учебных заведениях как залог формирования гражданского общества в Украине	491
<i>Іванова В. П.</i> Влияние инфляции на ставку дисконта и экономическую эффективность проекта	498
<i>Григорьев В. В.</i> Некоторые особенности перевода медицинских текстов .	505
<i>Захарова А. А.</i> Общественно-педагогическая деятельность кандидата экономических наук, доцента Кондратьевой Асии Фатхиевны	510
Наука в НУА	513
<i>Астахова Е. В.</i> Высшее образование Украины в зеркале аналитики	515
<i>Астахова В. И.</i> Студенческие строительные отряды: вчера, сегодня, завтра (презентация ССО)	519
<i>Подольская Е. А.</i> Научный диагноз поставлен: образовательный потенциал Харьковщины достаточно высок (презентация монографии)	524
<i>Решетняк Е. И.</i> Методологические и методические основы качества функционирования предприятий (презентация монографии)	528
<i>Строкович А. В.</i> Теоретические аспекты разработки приоритетов стратегического развития экономических систем: гармонизация структуры (презентация монографии)	531
<i>Астахова Е. В. (мл.)</i> Институциональные основы развития системы образования (презентация монографии)	533
<i>Іванова О. А.</i> Приоритеты развития современного образования: теория, методология, практика (по материалам Международной научно-практической конференции)	535
<i>Помазан І. О., Слюніна О. В.</i> Міжнародна студентська наукова конференція «Обрії таланту» (до 200-річчя від дня народження Т. Г. Шевченка)	539
<i>Астахова В. И.</i> Научные школы НУА: состояние и пути оптимизации деятельности (Общеакадемический методологический семинар)	542
<i>Бирченко Е. В.</i> Инновационное образование: сущность, реалии, перспективы (XXI Международная студенческая научная конференция)	544
<i>Дубинская И. В.</i> О проведении XXI региональной научно-практической конференции учителей	547
<i>Астахова Е. В. (мл.)</i> Социально-образовательный проект «Школа предпринимательства»	549

Академія очима випускників	551
<i>Журавель А. Е.</i> Отпустите меня в НУА... ..	553
<i>Гонца О. А.</i> Академия – это возможности	556
Відомості про авторів	559

В 90

Вчені записки Харківського гуманітарного університету «Народна українська академія» / [редкол.: В. І. Астахова (голов. ред.) та ін.]. – Х. : Вид-во НУА, 2014. – Т. 20. – 576 с.

ISSN 1993-5560

У даному щорічному виданні публікуються підсумки науково-дослідної роботи викладачів і співробітників Народної української академії за 2013 рік. Як завжди, в ньому представлені три розділи, пов'язані з основними напрямками наукового пошуку, який веде академія. Найбільший за обсягом розділ присвячений проблемам освіти, насамперед становлення безперервної освіти в сучасному світі. Ще два розділи відображають наукові інтереси економістів, соціологів, філологів та інших гуманітаріїв, не пов'язані безпосередньо з освітою.

Інтерес представляють також роботи за даними напрямками наших закордонних партнерів з Росії, Казахстану, Швеції та інших регіонів.

Збірник призначений для викладачів вищої і середньої школи, студентів і аспірантів, для всіх, хто цікавиться проблемами освіти і науки.

УДК 08

ББК 95.4(4УКР-4ХАР)3

Наукове видання

**ВЧЕНІ ЗАПИСКИ
ХАРКІВСЬКОГО ГУМАНІТАРНОГО УНІВЕРСИТЕТУ
«НАРОДНА УКРАЇНСЬКА АКАДЕМІЯ»**

Том XX

Відповідальна за випуск *О. А. Іванова*
Редактори: *Н. В. Ковшарь, З. М. Москаленко*
Комп'ютерна верстка *І. С. Кордюк*

Підписано до друку 20.03.2014. Формат 84×108/32.
Папір офсетний. Гарнітура «Таймс». Друк офсетний.
Ум. друк. арк. 33,48. Обл.-вид. арк. 31,22.
Наклад 500 пр. Зам. № 162/14.

Видавництво Народної української академії
Свідоцтво № 1153 від 16.12.2002.

Надруковано у видавництві
Народної української академії

Україна, 61000, Харків, МСП, вул. Лермонтовська, 27.